W 310/18

W 310/78

ОБЪ

ИНОРОДЦАХЪ АМУРСКАГО КРАЯ.

Сочиненіе **Л. Шренка**,

Д. ЧЛ. ИМП. АКАД. НАУКЪ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ и АНТРОПО-ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ.

(СЪ КАРТОЮ, 3-МЯ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ И 5-Ю ФОТОТИПИЧЕСКИМИ ТАБЛИЦАМИ.)

9303

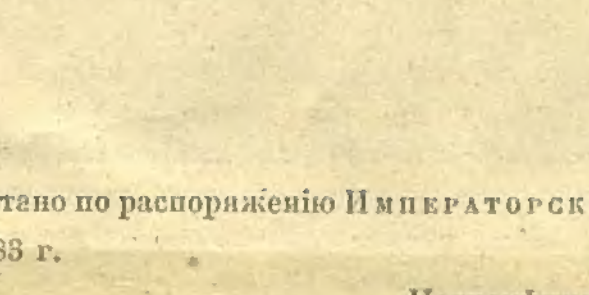
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1883.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б. **И. Киммеля**, въ Ригѣ.

Цѣна 4 руб. 75 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.


2007051188

Типографія Императорской Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., № 12).

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

Введеніе . . . . . 1—10

Время, къ которому относятся предлагаемыя ниже изслѣдованія. Быстрое измѣненіе этнографической картины Амурскаго края со времени занятія его Русскими. Физическій и нравственный упадокъ дикарей вслѣдствіе столкновенія ихъ съ культурнымъ народомъ, стр. 1. — Примѣры исчезновенія народностей въ Сибири, или потери ими самобытности, стр. 2. — Начавшійся процессъ разложенія инородцевъ Амурскаго края, стр. 3. — Отправленная Академіею Наукъ экспедиція пользовалась лучшею порою для этнографическаго изслѣдованія Амурскаго края. Ограниченіе изслѣдуемой области, стр. 4. — Предметъ изслѣдованія: коренные инородцы Амурскаго края, особенно по нижнему теченію Амура, преимущественно же Гиляки, стр. 5. — Затрудненія, встрѣчаемыя при этнографическихъ изслѣдованіяхъ, и мѣры, противъ нихъ принимавшіяся, стр. 6, 7. — Способъ изложенія предмета. Сравнительный методъ, стр. 8. — Изготовленіе рисунковъ, фотографическихъ изображеній и карты къ настоящему труду, стр. 8—10.

I. ГЕОГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Глава 1.

Общее обозрѣніе туземныхъ народовъ Амурскаго края. Нынѣшнія границы занимаемыхъ ими областей. Предѣлы распространенія въ Амурскомъ краѣ культурныхъ народовъ восточной Азіи — Китайцевъ и Японцевъ. Распространеніе въ немъ Русскихъ. Этнографическая карта Амурскаго края . . . . . 11—93

Большее разнообразіе этнографическихъ данныхъ въ Амурскомъ краѣ сравнительно съ Сибирью. Три коренныя, совершенно различныя другъ отъ друга народности Амурскаго края: Гиляки, Аины и Тунгусы. Неравномѣрность занимаемыхъ ими пространствъ, стр. 11. — Развѣтвленіе тунгусскаго племени въ Амурскомъ краѣ. Мѣста жительства Тунгусскихъ народовъ Амурскаго края. Трудность точнаго разграниченія пространствъ, занимаемыхъ полукочевыми или бродячими народами, стр. 12.

Гиляки: Географическое распространеніе ихъ на материкѣ Азіи, стр. 13. — Распространеніе на островѣ Сахалинѣ, стр. 14. — Общій характеръ занимаемой ими области. Разграниченіе ихъ на сѣверной окраинѣ съ Тунгусами, стр. 15. — Разграниченіе съ Негидаль-

Стр.

цами, Ольчами, Орочами, Аннами, стр. 16. — Положеніе народораздѣльныхъ линій на восточномъ берегу Сахалина, стр. 17.

Аины: Распространеніе ихъ по Сахалину, Ессо, Курильскимъ островамъ и, въ прежнія времена, по Нипону, стр. 18, 19.

Ороки: Географическое распространеніе, стр. 19. — Зимнія кочевки по Сахалину и перекочевки на материкъ и обратно, стр. 20. — Общій этнографическій характеръ Сахалина, стр. 21.

Орочи: Географическое распространеніе. Разграниченіе, на сѣверѣ, съ Гиляками и Ольчами, стр. 22.—Распространеніе вдоль морского берега. Южная граница. Та-цзы или Тазы. Совмѣстное жительство ихъ съ Китайцами или Мань-цзами, стр. 23. — Западная граница Орочей. Разграниченіе съ Ольчами и Гольдами по правымъ притокамъ нижняго Амура и Уссури, стр. 24, 25. — Общій характеръ всего занимаемаго ими пространства, стр. 26.

Ольчи или Мангуны: Географическое распространеніе. Ошибочныя показанія путешественниковъ относительно ихъ сѣверной и южной границъ, стр. 26. — Единственный пунктъ ихъ на морѣ. Встрѣчающіеся среди нихъ переселенцы изъ сосѣднихъ народностей, стр. 27.

Гольды: Географическое распространеніе. Обширность занимаемаго ими пространства, стр. 28. — Распространеніе по притокамъ Амура и Уссури, стр. 29. — Распространеніе по рѣкѣ Сунгари, стр. 30.

Негидальцы: Географическое распространеніе, стр. 30, 31. — Положеніе занимаемой ими области относительно Амура, стр. 32.

Самагирцы: Географическое распространеніе, стр. 32. — Аналогія съ распространеніемъ Негидальцевъ. Сосредоточеніе ихъ въ бассейнѣ Горина, стр. 33.—Разграниченіе на нижнемъ Горинѣ съ Гольдами, стр. 34.

Кили на р. Курѣ: Географическое распространеніе. Скудность свѣдѣній о нихъ, стр. 34. — Область ихъ опредѣляется бассейномъ р. Кура, стр. 35.

Значеніе р. Сунгари въ этнографическомъ отношеніи, стр. 35.—Устьемъ этой рѣки разграничиваются двѣ различныя этнографическія провинціи Амурскаго края, стр. 36.

Бирары: Географическое распространеніе. Осѣдлые Бирары на Амурѣ, стр. 36. — Кочующіе или бродячіе по рр. Ару, Буреѣ и верхней Силимджѣ, стр. 37. — Невозможность точнаго опредѣленія взаимныхъ границъ Бираровъ, Манегирцевъ и русскихъ оленныхъ Тунгусовъ. Взаимныя встрѣчи и столкновенія этихъ инородцевъ, стр. 38. — Такія же встрѣчи распространяющихся вслѣдъ за ними Якутовъ и Дауровъ. Физическія данныя, разграничивающія конныхъ и оленныхъ кочевниковъ, стр. 39. — Линія китайскихъ пограничныхъ знаковъ, стр. 40. — Относительная величина пространствъ, занимаемыхъ Бирарами по Амуру и по Буреѣ, стр. 41.

Манегирцы: Географическое распространеніе ихъ по Амуру. Разграниченіе съ Орочонами, стр. 42.—Распространеніе въ бассейнѣ Зеи, стр. 43.—Распространеніе по Комарѣ. Разграниченіе съ Даурами, стр. 44. — Сосредоточеніе ихъ преимущественно въ бассейнѣ Зеи, стр. 45.

Орочоны: Географическое распространеніе, стр. 45. — Распространеніе ихъ по долинамъ Хинганскаго хребта, по притокамъ рр. Аргуни и Нонни, стр. 46. — Аналогія между пространствами, занимаемыми Орочонами и Манегирцами, стр. 47.

Инородцы Сунгарійскіе въ противоположность Амурскимъ, стр. 47.

Солоны: Географическое распространеніе, стр. 48. — Неопредѣленность извѣстій о нихъ, стр. 49.—Распространеніе ихъ, независимо отъ рѣки Нонни, и въ другихъ частяхъ Амурскаго и Сунгарійскаго краевъ, стр. 50.

Дауры: Разбросанность даурскаго населенія, стр. 50.—Распространеніе ихъ по р. Нонни. Разграниченіе съ Монголами, стр. 51. — Распространеніе въ Хинганскомъ хребтѣ, по Комарѣ, по Амуру, стр. 52. — Одиночное распространеніе Дауровъ-купцовъ, стр. 53.

Маньчжуры: Народъ, распространенный и за предѣлами Амурскаго края, стр. 53.—Родина Маньчжуровъ — Сунгарійскій край. Исчезновеніе ихъ національности и даже языка вслѣдствіе китайской колонизаціи, стр. 54—57. — Распространеніе ихъ по р. Нонни (Ичэ-Маньчжу), стр. 57. — Участокъ, занимаемый ими на среднемъ Амурѣ. Маньчжурскіе сторожевые посты, стр. 58, 59. — Крайній предѣлъ ихъ на нижнемъ Амурѣ, стр. 60.

Стр.

Китайцы: Большее вліяніе ихъ на инородцевъ Амурскаго края сравнительно съ Маньчжурами, стр. 60. — Распространеніе Китайцевъ въ Сунгарійскомъ краѣ, стр. 61.—Усиленіе китайской колонизаціи со времени занятія части Амурскаго края Русскими. Китайскія провинціи, доставляющія наибольшій контингентъ переселенцевъ. Характеръ колонистовъ изъ Шань-дуня, стр. 62. — Характеръ переселенцевъ изъ провинцій Чжи-ли и Шань-си. Притокъ изъ Китая всевозможнаго сброда, стр. 63. — Китайскіе ссыльные. Главныя мѣста ссылки. Юнь-нанцы на р. Нонни, стр. 64. — Значеніе ссылокъ для Маньчжуріи. Распространеніе Китайцевъ по Амуру и въ приморской части Маньчжуріи, стр. 65. — Подвижной характеръ китайскаго населенія въ приморскомъ краѣ, стр. 66. — Распространеніе Китайцевъ по Уссури и ея притокамъ, стр. 67, 68. — Происхожденіе и характеръ Уссурійскихъ Манзъ, стр. 69.—Смѣшенія ихъ съ Орочами и Гольдами. Одиночное распространеніе Китайцевъ, стр. 70. — Китайскія торговыя станціи на верхнемъ Амурѣ. Конкуренція съ Даурами, стр. 71. — Мѣстопребыванія китайскихъ купцовъ на нижнемъ Амурѣ, стр. 72. — Недоступность для нихъ гиляцкой области. Происхожденіе китайскихъ купцовъ, стр. 73.

Японцы: Роль, какую играютъ они на Сахалинѣ относительно тамошнихъ инородцевъ. Историческій обзоръ постепеннаго развитія японской власти на Сахалинѣ, стр. 74.—Первыя ихъ поселенія на этомъ островѣ, стр. 75.—Зависимость Айновъ отъ Японцевъ, стр. 76.—Главнѣйшіе интересы, побуждавшіе Японцевъ селиться на Сахалинѣ. Усиленіе японской колонизаціи по снятіи Муравьевскаго поста. Преувеличенные слухи о распространеніи Японцевъ, возникшіе зимою 1854 г., стр. 77. — Быстрое распространеніе Японцевъ по Сахалину въ слѣдующіе затѣмъ годы, стр. 78. — Конецъ, положенный ему трактатомъ 1875 г., стр. 79.

Русскіе: Положеніе ихъ въ Амурскомъ краѣ предъ его занятіемъ, стр. 79.—Конецъ, положенный Нерчинскимъ трактатомъ предпріятіямъ Русскихъ въ Амурскомъ краѣ въ XVII столѣтіи. Продолжавшіяся и послѣ трактата сношенія ихъ съ инородцами Амурскаго края, стр. 80.— Сношенія Русскихъ съ инородцами верхняго Амура по этой рѣкѣ и ея притокамъ, стр. 81. — Поѣздки бѣглаго Гурья Васильева, стр. 82. — Сношенія Русскихъ съ приамурскими инородцами чрезъ Становой хребетъ, стр. 83. — Православныя часовни въ Амурскомъ краѣ. Сношенія Русскихъ съ инородцами нижняго Амура, стр. 84.—Сношенія ихъ съ материковыми и Сахалинскими Гиляками, вслѣдствіе поѣздокъ Русскихъ на Шантарскіе острова, стр. 85. — Японскія извѣстія о пребываніи Русскихъ на Сахалинѣ, стр. 86.—Незначительное вліяніе этихъ сношеній на инородцевъ Амурскаго края. Начало занятія и колонизаціи края Русскими, стр. 87. — Основаніе въ нижне-амурскомъ краѣ русскихъ постовъ, стр. 88, 89. — Основаніе тамъ же первыхъ крестьянскихъ селеній и временныхъ военныхъ пикетовъ по всему Амуру, стр. 90.

Поясненія къ прилагаемой здѣсь первой спеціальной этнографической картѣ Амурскаго края. Неточности и невѣрности относительно Амурскаго края въ общихъ этнографическихъ картахъ Азіятской Россіи, стр. 91, 92. — Нѣкоторые общіе выводы изъ карты, стр. 93.

Глава 2.

Передвиженія и перемѣщенія народовъ Амурскаго края въ историческія времена, по свѣдѣніямъ, сохранившимся въ русскихъ, китайскихъ и японскихъ источникахъ, и при помощи критическаго разбора и поясненія разныхъ названій этихъ народовъ. . . . . 94—202

Передвиженія народовъ въ Восточной Сибири и въ Амурскомъ краѣ. Движенія Маньчжуровъ въ Китай, стр. 94. — Движенія Монголовъ, Бурятовъ, Якутовъ, Тунгусовъ. Походы Русскихъ въ Сибирь и въ Амурскій край, стр. 95. — Недавность китайскихъ, русскихъ и японскихъ историческихъ извѣстій объ Амурскомъ краѣ. Невозможность ожи-

Стр.

дать въ короткій періодъ времени очень большихъ измѣненій въ распредѣленіи Амурскихъ инородцевъ. Трудность замѣтить мелкія измѣненія, стр. 96. — Неопредѣленность и неясность большинства извѣстій. Необходимость поясненія разныхъ, нынѣ неизвѣстныхъ или неупотребительныхъ, названій инородцевъ Амурскаго края, стр. 97.

Гиляки: Первое появленіе въ печати названія «Гиляки», стр. 97. — Показанія Витсена о названіи и мѣстѣ жительства этого народа, стр. 98. — Русскіе источники свѣдѣній Витсена. Первый «Сибирскій чертежъ» и атласъ Ремезова, стр. 99. — Откуда заимствованы ими свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ? Показанія Исбрантса Идеса, Штраленберга и Гмелина о Гилякахъ, стр. 100. — Открытіе Миллеромъ богатыхъ матеріаловъ въ сибирскихъ архивахъ. Первыя свѣдѣнія Русскихъ о Гилякахъ. Происхожденіе названія «Гиляки», стр. 101. — Маньчжурско-китайскія названія инородцевъ Амурскаго края, стр. 102—106. — Употребленіе Русскими названія «Гиляки» въ коллективномъ смыслѣ, стр. 106. — Происхожденіе употребляемаго Китайцами названія «Киле» или «Киленгъ», стр. 107. — Первыя встрѣчи и столкновенія Русскихъ съ Гиляками. Походы на Амуръ Пояркова и Хабарова, стр. 108. — Походъ Нагибы, стр. 109. — Походъ Степанова. Выводы о тогдашнемъ положеніи сѣверо-западной границы Гиляковъ, стр. 110, 111. — Прежнія посѣщенія Шантарскихъ острововъ Гиляками, стр. 112—115. — Измѣненія въ положеніи сѣверо-западной границы Гиляковъ, стр. 115. — Южная граница ихъ на Амурѣ. Кто такіе были ихъ южные сосѣди, «Натки» и «Ачаны»? стр. 115—118. — Неопредѣленность свѣдѣній о прежней южной границѣ Гиляковъ на Амурѣ, стр. 119. — Японскія извѣстія о Гилякахъ. Поѣздки Мамія Ринсо по Сахалину и нижне-амурскому краю. Народъ, извѣстный Аинамъ и Японцамъ подъ именемъ «Смеренкуръ», стр. 120. — Народъ и страна, извѣстные имъ подъ именемъ «Сантанъ» или «С'янта», стр. 121. — Положеніе южной границы Гиляковъ на Амурѣ и на морскомъ берегу, на основаніи показаній Мамія Ринсо, стр. 122. — Недостаточность древнихъ русскихъ извѣстій о Сахалинѣ и населяющихъ его народахъ, стр. 123. — Недостаточность древнихъ китайскихъ извѣстій о томъ же предметѣ. Японскія извѣстія о Сахалинѣ, стр. 124. — Первое знакомство съ тремя туземными, коренными племенами этого острова, стр. 125.

Аины: Разновременность историческихъ извѣстій объ Аинахъ въ разныхъ частяхъ занимаемаго ими пространства. Древнѣйшія и послѣдующія извѣстія Японцевъ объ Аинахъ Нипона, Ессо, Сахалина и Курильскихъ острововъ, стр. 126. — Первыя свѣдѣнія, доставленныя Европейцами объ Аинахъ, стр. 127. — Первое появленіе въ европейской печати имени «Айно». Его происхожденіе, стр. 128. — Употребленіе Аинами и Японцами названія «Крафто» или «Карафто» для Сахалина, стр. 129. — Неизмѣнное положеніе сѣверной границы Аиновъ на Сахалинѣ со временъ Фриса (1643 г.). Разселеніе Аиновъ по Курильскимъ островамъ, стр. 130. — Происхожденіе названія «Курильцы» для Аиновъ, стр. 131. — Названія, употребляемыя для Аиновъ Гиляками, Маньчжурами и Китайцами, стр. 132. — Происхожденіе гиляцкаго названія «Лер-мифъ» для Сахалина, стр. 133. — Общее заключеніе относительно хода распространенія Аиновъ, стр. 134.

Ороки: Первое, доставленное Китайцами, извѣстіе объ этомъ народѣ. Свѣдѣнія, сообщенныя о немъ японскими путешественниками, стр. 134. — Несуществованіе какихъ-либо другихъ историческихъ извѣстій объ Орокахъ. Названія, употребляемыя для нихъ Маньчжурами и Китайцами, стр. 135. — Сходство съ ними названій, употребляемыхъ для Ороковъ Японцами, Аинами, Гиляками. Существованіе похожихъ также названій для нѣкоторыхъ другихъ народовъ Амурскаго края, стр. 136. — Значеніе и происхожденіе этихъ названій. Общіе выводы изъ нихъ. Ороки — не болѣе, какъ вѣтвь Ольчей, переселившаяся съ материка на Сахалинъ стр. 136—139.

Орочи: Становятся раньше извѣстными въ южной, чѣмъ въ сѣверной части занимаемаго ими пространства. Называются на югѣ Та-цзами или Тазами, стр. 139. — Названія Орочей у іезуитовъ-миссіонеровъ, въ Китайской государственной географіи, у Маньчжуровъ, Гольдовъ, Гиляковъ, стр. 140. — Доказательства тому, что Орочи распространились въ Амурскомъ краѣ съ юга и никогда не были оленнымъ народомъ, стр. 141.—

Стр.

Какимъ образомъ перешло на нихъ названіе «Орочи»? стр. 142. — Кто такіе Лаперузовы «Бичи»? стр. 143.

Ольчи: Невозможность имѣть понятіе объ ихъ прежнихъ границахъ. Неопредѣленное, коллективное маньчжурско-китайское названіе ихъ, стр. 144. — Происхожденіе этого названія, стр. 145. — Прежнія, также коллективныя, названія ихъ у Русскихъ, стр. 146. — Первое появленіе у Русскихъ особыхъ названій для Ольчей и для Гольдовъ — названій, заимствованныхъ отъ Гиляковъ, стр. 147. — Происхожденіе русскаго названія «Мангуны» для Ольчей, стр. 148. — Выводы о доисторическихъ судьбахъ этого народа изъ его названія. Происхожденіе названія «Амуръ», стр. 149, 150.

Гольды: Прежнія русскія, маньчжурскія и китайскія коллективныя названія Гольдовъ. Одноплеменность и нераздѣльность Амурскихъ и Уссурійскихъ Гольдовъ, стр. 151. — Недавнее появленіе въ печати названія «Гольды». Его происхожденіе, стр. 152—154. — Измѣненія, которымъ въ историческое время подвергались границы Гольдовъ. Дючеры на Амурѣ, стр. 155.—Выселеніе ихъ съ Амура на р. Хурху, вслѣдствіе походовъ Русскихъ. Разселеніе, вмѣсто нихъ, Гольдовъ, стр. 156. — Гдѣ, по всей вѣроятности, находилась первоначальная родина Гольдовъ, и какимъ путемъ достигли они Амура? стр. 157.

Предполагаемое движеніе Негидальцевъ, Самагирцевъ и Килей изъ Станового хребта въ долины Амгуни, Горина и Кура, стр. 157.

Негидальцы: Первое появленіе ихъ русскаго названія въ печати. Его видоизмѣненія, стр. 157. — Его первобытная форма. Гиляцкое названіе этого народа, стр. 158.

Самагирцы: Наше позднее знакомство съ ними. Происхожденіе ихъ названія. Предполагаемое переселеніе ихъ изъ Станового хребта, стр. 159.

Кили на Курѣ: Первое извѣстіе о нихъ. Предполагаемая перемѣна ихъ мѣста жительства и образа жизни, стр. 160.

Измѣненія въ распредѣленіи инородцевъ на верхнемъ Амурѣ. Кто такіе были **Гогули?** Опроверженіе мнѣнія, что они—то же, что Гольды, стр. 161.—Гогули—племя, родственное Дючерамъ. Выселеніе Гогулей съ Амура, стр. 162.—Замѣщеніе Бирарами, стр. 163.

Дауры: Первое появленіе этого названія въ печати. Его видоизмѣненія, стр. 163.—Первое извѣстіе о Даурахъ, дошедшее до Русскихъ, и первыя встрѣчи съ ними послѣднихъ, стр. 164.—Обширность распространенія, многочисленность и зажиточность Дауровъ въ XVII столѣтіи, стр. 165.—Страна, называемая понынѣ Дауріею. Слѣды древняго земледѣлія и горнаго производства въ Дауріи и Забайкальи, стр. 166. — Ошибочное отождествленіе Дауровъ съ забайкальскими Баргутами. Дауры не переходили за бассейнъ Амура. Общепринятое мнѣніе, приписывающее имъ слѣды горнаго производства въ Дауріи, стр. 167. — Опроверженіе этого мнѣнія, стр. 168—171. — Нюй-чжи — древніе рудокопы Дауріи. Приблизительное опредѣленіе времени, къ которому относятся слѣды горной промышленности въ Дауріи, стр. 172. — Время появленія Дауровъ на истокахъ Амура. Сгущеніе и благосостояніе даурскаго населенія въ XVII столѣтіи на р. Нонни, стр. 173. — Народъ, упоминаемый въ исторіи Амурскаго края подъ именемъ «Таргацины»,—не болѣе, какъ вѣтвь Дауровъ, стр. 174. — Нынѣшнее значеніе у Русскихъ названія «Торгачины», стр. 175. 176. — Послѣдствія вторженія Русскихъ для даурскаго населенія. Выселеніе Дауровъ съ береговъ Шилки и Аргуни на р. Нонни, стр. 177. — Кровавыя войны ихъ съ Русскими на Амурѣ. Выселеніе Дауровъ съ Амура на р. Нонни, стр. 178. — Опустѣніе верхне-амурскаго края. Позднѣйшее ограниченное возвращеніе Дауровъ на Амуръ, стр. 179. — Нынѣшнее значеніе ихъ въ верхне-амурскомъ краѣ. Гиляцкое названіе для нихъ, стр. 180. — Названія ихъ у Тунгусовъ и Бираровъ, стр. 181.

Послѣдствія выселенія Гогулей и Дауровъ съ Амура: передвиженія Бираровъ, Манегирцевъ и Орочоновъ и происшедшая вслѣдствіе того перемѣна въ ихъ образѣ жизни, стр. 181.

Бирары: Первыя извѣстія о нихъ. Превращеніе ихъ изъ оленныхъ кочевниковъ въ конныхъ. Объясненіе названія «Бирары», стр. 182. — Переходъ Бираровъ на Амурѣ къ осѣдлому образу жизни, стр. 183.

Манегирцы: Первое извѣстіе о нихъ. Ихъ прежняя родина, стр. 183. — Движеніе ихъ къ берегамъ Амура, послѣ распространенія Бираровъ, стр. 184.— Путь и время ихъ раз-

Стр.

селенія по Амуру, Комарѣ и Зеѣ. Превращеніе въ конныхъ кочевниковъ. Маньчжурско-китайское названіе для нихъ. Первое извѣстіе о Манегирцахъ, какъ о жителяхъ прибрежій Амура, стр. 185. — Тунгусское происхожденіе названія «Манегиръ», стр. 186.

Орочоны: Бо́льшая опредѣленность свѣдѣній о нихъ, стр. 186. — Маньчжурское происхожденіе названія «Орочоны». Недавнее употребленіе его у Русскихъ, стр. 187. — Появленіе Орочоновъ на Амурѣ послѣ Бираровъ и Манегирцевъ, отчасти даже въ самое недавнее время. Принадлежность Орочоновъ праваго и лѣваго береговъ Амура къ двумъ различнымъ родамъ, стр. 188. — Физическія данныя, способствовавшія разселенію Орочоновъ по верхнему Амуру, стр. 189.

Солоны: Несуществованіе пригодныхъ свѣдѣній о нихъ, стр. 189. — Первыя извѣстія о нихъ, сообщенныя Европейцами. Различныя мнѣнія о происхожденіи Солоновъ и ихъ названія, стр. 190—194.

Названія, употребляемыя инородцами Амурскаго края для культурныхъ народовъ восточной Азіи, Маньчжуровъ, Китайцевъ и Японцевъ, стр. 194.

Маньчжуры: Недавнее возникновеніе имени «Маньчжу», стр. 194. — Незнакомство съ нимъ инородцевъ во время первыхъ походовъ Русскихъ на Амуръ. Прежнее русское названіе для Маньчжуровъ, стр. 195.

Китайцы: Маньчжурское названіе для нихъ («Никанъ»), по старинным русскимъ извѣстіямъ. Предполагаемое происхожденіе этого названія, стр. 195. — Распространеніе его среди всѣхъ прочихъ инородцевъ Амурскаго края, стр. 196. — Названіе Китайцевъ въ Сунгарійскомъ и Уссурійскомъ краяхъ («Манъ-цзы»). Предполагаемое монгольское происхожденіе его, стр. 197. — Знакомство съ нимъ итальянскихъ путешественниковъ XIII вѣка, стр. 198.

Японцы: Названіе Японцевъ у Камчадаловъ. Его ошибочная этимологія, стр. 198.— Подобныя же названія для нихъ у инородцевъ Амурскаго края. Аинское происхожденіе этого названія, стр. 199. — Поправки относящихся къ этому предмету мнѣній Лаперуза, Миле-Мюро, Стеллера и Крашенинникова, стр. 200.

Русскіе: Названія, употребляемыя для нихъ инородцами Амурскаго края, стр. 200. — Названія, употребляемыя для нихъ Китайцами и сибирскими инородцами, стр. 201.

Заключеніе географическо-историческаго обозрѣнія инородцевъ Амурскаго края, стр. 202.

II. АНТРОПО-ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Глава 3.

Происхожденіе и дальнѣйшее развѣтвленіе инородцевъ Амурскаго края по ихъ языку и физическимъ свойствамъ, преимущественно же по строенію черепа и лица. Группа палэазіятовъ или краевыхъ народовъ сѣверо-восточной Азіи. Группировка приамурскихъ народовъ Тунгусскаго племени. . . . . 203—323

Племенное различіе инородцевъ Амурскаго края. Главнѣйшіе элементы для опредѣленія племенного родства или различія народовъ, стр. 203. — Значеніе физическихъ свойствъ, преимущественно же строенія черепа, для классификаціи народовъ, стр. 204, 205. — Невозможность построить естественную этнологическую систему на основаніи однихъ только физическихъ свойствъ. Существенное значеніе въ этомъ отношеніи языка, стр. 206, 207.— Неосновательность возраженій противъ пригодности языка для классификаціи народовъ, стр. 208. — Случаи перемѣны народомъ роднаго языка на чужой. Процессъ разложенія и вымиранія народности, стр. 209. — Языкъ — ultimum moriens народа. Условія, при которыхъ не бываетъ перемѣны языка, стр. 210. — Бо́льшая устойчивость языка, чѣмъ фи-

Стр.

зическихъ свойствъ. Случаи перемѣны народомъ физическаго типа съ сохраненіемъ родного языка, стр. 211. — Перемѣна языка безъ перемѣны типа немыслима. Примѣры перемѣны сибирскими народами своего языка и упорнаго отстаиванія его, стр. 212. — Какъ поступать въ случаяхъ противорѣчія физическаго типа съ языкомъ народа? стр. 213.

Гиляки: Ошибочныя мнѣнія о происхожденіи Гиляковъ: предполагаемая принадлежность ихъ къ одному племени съ Аинами или Курильцами, стр. 214. — Ихъ принимали за Татаръ, стр. 215.—Причисляли къ Тунгусамъ. По языку, Гиляки стоятъ совершенно особнякомъ. Матеріалы относительно гиляцкаго языка, собранные мною и Гленомъ, стр. 216. — Главныя нарѣчія гиляцкаго языка. Гиляки материка: Амурскіе и приморскіе. Гиляки восточнаго берега и внутренней части Сахалина: «Тро» и Тыминскіе, стр. 217. — Разность нарѣчій континентальныхъ и Сахалинскихъ Гиляковъ, стр. 218. — Языкъ Гиляковъ западнаго берега Сахалина, стр. 219. — Гиляцкія названія животныхъ, стр. 220. — Основанныя на нихъ предположенія о первоначальной родинѣ и передвиженіяхъ Гиляковъ, стр. 221. — Несуществованіе общихъ отличительныхъ физическихъ признаковъ для Гиляковъ. Препятствія, встрѣченныя мною при попыткахъ произвести измѣренія надъ Гиляками и другими инородцами Амурскаго края. Ростъ и тѣлосложеніе Гиляковъ, стр. 222. — Описаніе полнаго гиляцкаго скелета, стр. 223—225. — Цифры измѣреній гиляцкаго скелета и его отдѣльныхъ частей, стр. 226—228. — Относительныя величины головы, конечностей и отдѣльныхъ частей послѣднихъ, стр. 228. — Цвѣтъ кожи и ростъ волосъ у Гиляковъ, стр. 229.—Строеніе лица. Существованіе среди нихъ трехъ физіономическихъ типовъ, стр. 230. — Типъ аинско-гиляцкій. Типъ тунгусско-гиляцкій, стр. 231.—Типъ средній или собственно-гиляцкій. Строеніе лица гиляцкихъ женщинъ, стр. 232. — Типъ лица у дѣтей. Общее выраженіе гиляцкихъ лицъ, стр. 233.—Развитіе въ нихъ индивидуальныхъ особенностей, стр. 234. — Черепа Гиляковъ. Наши гиляцкіе черепа суть первые и единственные, привезенные до сихъ поръ въ Европу, стр. 235, 236. — Ихъ происхожденіе. Принятый здѣсь способъ измѣренія череповъ, стр. 237—241. — Измѣренія череповъ Гиляковъ и другихъ инородцевъ Амурскаго края. Таблица I: абсолютныя цифры измѣреній, стр. 240/241—244/245. — Таблица II: относительныя величины или показатели (indices), стр. 244/245—246/247. — Фотографіи череповъ Гиляковъ и другихъ инородцевъ Амурскаго края, стр. 246. — Описаніе гиляцкихъ череповъ, стр. 246—252. Разности и колебанія въ формѣ черепа у Гиляковъ, стр. 252. — Преобладаніе среди нихъ монгольскаго типа, стр. 253.—Несогласная съ нимъ своеобразность ихъ языка. Состоявшаяся, вѣроятно, перемѣна ихъ физическаго типа. Народы сѣверо-восточной Азіи, представляющіе то же явленіе, стр. 254. — Ошибочная группировка этихъ народовъ и неудачно придуманныя названія группъ, стр. 255. — Названія, представляющіяся съ лингвистической, географической и исторической точекъ зрѣнія: народы-особняки, народы краевые, стр. 256.—Народы палеазіятскіе—какъ-бы выходы пластовъ болѣе древней этнологической формаціи Азіи. Большее или меньшее уцѣленіе ихъ по краямъ материковъ. Вытѣсненіе ихъ другими народами, стр 257. — Примѣры подобныхъ (палеевропейскихъ или западныхъ палеазіятскихъ) народовъ въ Европѣ, стр. 258. — Подобныя явленія въ Новомъ свѣтѣ, стр. 259. — Азіятское происхожденіе Эскимосовъ. Ихъ переселенія, стр. 260. — Подобное же происхожденіе Алеутовъ и путь ихъ переселенія, стр. 261. — Тѣ и другіе, подобно Гилякамъ и Аинамъ, суть народы палеазіятскіе, стр. 262.

Аины: Болѣе значительное знакомство съ ихъ языкомъ и физическими свойствами, стр. 262. — Ошибочныя мнѣнія объ ихъ происхожденіи: сопоставленіе ихъ съ арійскими и европейскими народами, стр. 263. — Предположенія объ ихъ семитическомъ происхожденіи и о родствѣ съ индѣйскими племенами Америки. Причисленіе ихъ къ бѣлой, океанской расѣ, стр. 264. — Предполагаемое родство ихъ съ племенами черной, папуасской расы. Сопоставленіе съ монгольскими и тунгусскими народами, стр. 265. — Знакомство съ аинскимъ языкомъ, стр. 266. — Своеобразность аинскаго языка, стр. 267. — Аины, по языку, — народъ палеазіятскій. Критическій разборъ физическихъ свойствъ Аиновъ. Ихъ ростъ, стр. 268. — Тѣлосложеніе, стр. 269. — Относительная величина отдѣльныхъ частей тѣла. Форма отдѣльныхъ костей, стр. 270. — Цвѣтъ кожи, стр. 271. — Сильное развитіе волосъ, стр. 272, 273. — Свойства волосъ. Строеніе лица. Два физіономическіе типа, стр. 274. — Типъ при-

Стр.

близительно европейскій или кавказскій, стр. 275. — Типъ приблизительно монгольскій, стр. 276. — Строеніе лица аинскихъ женщинъ, стр. 277. — Строеніе лица аинскихъ дѣтей. Который изъ типовъ первоначальный или болѣе древній? стр. 278. — Постигшая до нѣкоторой степени Аиновъ перемѣна физическаго типа. Выраженіе аинскихъ лицъ, стр. 279. — Форма черепа, стр. 280. — Разности и колебанія въ формѣ ихъ черепа, стр. 281, 282. — Которая изъ этихъ формъ преобладающая и, по всей вѣроятности, первоначальная? Связь между формами черепа у Аиновъ и ихъ физіономическими типами, стр. 283. — Особенности въ строеніи черепа и лица у Аиновъ, стр. 283—285. — Общее заключеніе, на основаніи языка и физическихъ свойствъ Аиновъ, о происхожденіи и переселеніи этого народа, равно какъ и о пути, по которому шло его переселеніе, стр. 286.

Тунгусскіе народы Амурскаго края: Принадлежность всѣхъ прочихъ инородцевъ Амурскаго края къ одному племени. Опредѣленіе представляющейся при ихъ изслѣдованіи задачи. Ошибочное мнѣніе о происхожденіи Ольчей (Мангуновъ), стр. 287 — Ошибочное мнѣніе о происхожденіи Дауровъ, стр. 288, 289. — Принадлежность Сахалинскихъ Ороковъ по языку къ Ольчамъ. Нарѣчіе Ольчей, стр. 290. — Нарѣчія Негидальцевъ и Самагирцевъ, стр. 291. — Нарѣчіе Гольдовъ. Подраздѣленіе этого народа по языку, стр. 292. — Близкое родство гольдскаго языка съ маньчжурскимъ. Нарѣчіе Орочей, стр. 293. — Нарѣчія Килей на Курѣ, Бираровъ и Манегирцевъ, стр. 294. — Нарѣчія Орочоновъ, Дауровъ, Солоновъ, стр. 295. — Группировка Тунгусскихъ народовъ Амурскаго края по языку. Большое сходство ихъ между собою въ физическомъ отношеніи, стр. 296. — Физическій типъ сибирскихъ Тунгусовъ, стр. 297. — Строеніе лица и тѣлосложеніе Ороковъ и Ольчей. Примѣсь къ ихъ типу, первоначально тунгусскому, посторонняхъ, палеазіятскихъ элементовъ. Физическій типъ Негидальцевъ, стр. 298. — Физическій типъ Самагирцевъ и Гольдовъ, стр. 299.—Сходство послѣднихъ, съ одной стороны, съ сѣверными Тунгусами, съ другой — съ Маньчжурами. Разнообразіе въ строеніи лица и въ тѣлосложеніи Орочей, стр. 300. — Физическій типъ Орочей залива де-Кастри, стр. 301. — Физическій типъ Орочей Императорской гавани. Уклоненія отъ него во внѣшности Та-цзовъ, вслѣдствіе примѣси китайскихъ и другихъ посторонняхъ элементовъ. Тѣлосложеніе Бираровъ, стр. 302. — Строеніе лица и тѣлосложеніе Манегирцевъ, Орочоновъ, Дауровъ, Солоновъ, стр. 303. — Группировка Тунгусскихъ народовъ Амурскаго края по ихъ физическимъ свойствамъ. Краніологическій матеріалъ, имѣющійся относительно этихъ народовъ, стр. 304. — Происхожденіе и описаніе нашихъ череповъ Ольчей, стр. 305—307. — Колебанія въ формѣ черепа у этого народа. Сравненіе ольчскихъ череповъ съ черепомъ Орочи, описаннымъ Прунеръ-Беемъ и Дэвисомъ, стр. 308. — Имѣющіеся до сихъ поръ черепа Гольдовъ. Описаніе гольдскаго черепа, стр. 309. — Сравненіе гольдскихъ череповъ между собою и съ черепами другихъ инородцевъ Амурскаго края, стр. 310, 311. — Описаніе бирарскаго черепа, стр. 312. — Описаніе манегирскаго черепа, стр. 313. — Описаніе орочонскаго черепа, стр. 314. — Сравненіе орочонскихъ череповъ между собою и съ манегирскимъ, стр. 315. — Даурскій черепъ, изслѣдованный Блюменбахомъ и Бэромъ, стр. 316. — Разногласія относительно типической формы черепа сибирскихъ Тунгусовъ, стр. 317.—Трудность опредѣленія этой формы, стр. 318. — Описаніе череповъ сибирскихъ Тунгусовъ, стр. 318—320. — Главныя измѣренія и показатели нѣкоторыхъ другихъ тунгусскихъ череповъ. Выводы относительно преобладающей, типической формы черепа у сибирскихъ Тунгусовъ, стр. 321. — Сравненіе съ нею формы череповъ Тунгусскихъ народовъ Амурскаго края, стр. 322. — Общее заключеніе антропо-этнологическаго обозрѣнія инородцевъ Амурскаго края, стр. 323.

ОБЪЯСНЕНІЕ ТАБЛИЦЪ.

Таблица I.

Этнографическая карта Амурскаго края. (Подробности относительно составленія этой карты, положенныхъ въ ея основу матеріаловъ, ея главной цѣли, времени, къ которому она относится, и т. п. см. на стр. 9, 12 и 91—93.)

Таблица II.

Физіономическіе типы Гиляковъ (мужчинъ), по фотографіямъ (какъ и всѣ прочія изображенія подобнаго рода, помѣщенныя въ этомъ сочиненіи):

Фиг. 1. Гилякъ, по имени Нгимай, изъ деревни Тахтъ, на Амурѣ,— представитель анпско-гиляцкаго типа (см. стр. 231).

Фиг. 2. Гилякъ, по имени Куприпъ, 20-ти лѣтъ, изъ деревни Тебахъ, на Амурѣ,— представитель тунгусско-гиляцкаго типа (см. стр. 231).

Фиг. 3. Гилякъ, по имени Тыбайнъ, изъ деревни Тахтъ, и

Фиг. 4. Гилякъ, по имени Папгунъ, изъ деревни Маго, на Амурѣ, — представители средняго или собственно-гиляцкаго типа (см. стр. 232).

Таблица III.

Физіономическіе типы разныхъ шородцевъ Амурскаго края:

Фиг. 1 и 2. Гиляцкія женщины (см. стр. 233).

Фиг. 3 и 4. Гиляцкая дѣвушка, изъ деревни Сабахъ, на Амурѣ (см. тамъ же).

Фиг. 5. Гольдъ, по имени Куракта (см. стр. 299).

Фиг. 6. Гольдъ, по имени Адунгу (см. стр. 299).

Фиг. 7. Гольдъ, по имени Хапемъ (см. стр. 299).

Таблица IV.

Физіономическіе типы Аиновъ:

Фиг. 1 и 2. Сахалинскіе Аины — представители типа, болѣе или менѣе подходящаго къ европейскому или кавказскому (см. стр. 275).

Фиг. 3. Сахалинскій Аинъ приблизительно монгольскаго или монголовиднаго типа (см. стр. 276).

Фиг. 4 и 5. Аинскія женщины съ Сахалина: первая — приблизительно европейскаго, вторая — приблизительно монгольскаго типа (см. стр. 277).

Фиг. 6. Аинскій мальчикъ съ Сахалина (см. стр. 278).

Таблица V.

Черепа разныхъ инородцевъ Амурскаго края, снятые спереди, въ norma facialis:

Фиг. 1. Черепъ Гиляка, съ прибрежья Охотскаго моря, близъ Петровскаго зимовья (см. стр. 237 и 246—248).

Фиг. 2. Черепъ Гиляка, изъ деревни Маго, на Амурѣ (см. стр. 237 и 249).

Фиг. 3. Черепъ Гиляка, изъ деревни Алофъ, на Амурѣ (см. стр. 223, 237 и 250).

Фиг. 4. Черепъ Гилячки, изъ окрестностей селенія Михайловскаго, на Амурѣ (см. стр. 237 и 251).

Фиг. 5. Черепъ ольчской женщины, съ залива де-Кастри (см. стр. 305).

Фиг. 6. Черепъ Ольчи, изъ деревни Хото, на озерѣ Кидзи (см. стр. 305, 306).

Фиг. 7. Черепъ Гольда, съ рѣки Уссури (см. стр. 309).

Фиг. 8. Черепъ Бирара, съ Амура, неподалеку отъ Буреинскихъ горъ (см. стр. 312).

Фиг. 9. Черепъ Манегирца, съ верхняго Амура, близъ Котомашги (см. стр. 313).

Фиг. 10. Черепъ Орочона, вѣроятно изъ окрестностей Нерчинска (см. стр. 314).

Фиг. 11. Черепъ Тунгуса, по имени Бёкчёрисъ, съ Алкита, притока Вилюя (см. стр. 318).

Фиг. 12. Черепъ Тунгуса, по имени Дёсинсъ, изъ деревни Анкулы, на Нижней Тунгускѣ (см. стр. 319).

Таблица VI.

Тѣ же черепа, снятые въ профиль, въ norma lateralis (см. тамъ же).

Таблица VII.

Тѣ же черепа, снятые сверху, въ norma verticalis (см. тамъ же).

Таблица VIII.

Тѣ же черепа, снятые сзади, въ norma occipitalis (см. тамъ же).

Таблица IX.

Тѣ же черепа, снятые снизу, въ norma basilaris (см. тамъ же).

ВВЕДЕНІЕ.

Раскрываемая нами картина жизни инородцевъ Амурскаго края рисуетъ отчасти уже прошедшее. Со времени присоединенія этого края къ Россіи, этнографическія черты его быстро измѣнились. За исключеніемъ сравнительно небольшой полосы по теченію Амура, между устьями рѣкъ Зеи и Буреи, съ китайскимъ городомъ и маньчжуро-китайскими селеніями, да двухъ-трехъ только-что заложенныхъ русскихъ военныхъ постовъ, весь Амурскій край въ 50-хъ годахъ, когда я съ нимъ познакомился, имѣлъ видъ еще вовсе непроѣзжей страны, гдѣ туземцы-рыболовы и охотники безмятежно занимались своими промыслами. Теперь же по всему Амуру и Усури, чрезъ каждые 20—30 верстъ, можно встрѣтить то почтовыя станціи, то поселенія казаковъ или вольныхъ колонистовъ; на главной рѣкѣ заложены или построены города, на морскомъ берегу — гавани; пароходы снуютъ по Амуру, и даже телеграфная проволока пересѣкаетъ прежнюю пустыню.

Понятно, что все это не могло обойтись безъ существеннаго вліянія на бытъ туземцевъ. Если дикая, чуть-ли не дѣвственная еще страна подвергается колонизаціи, то вліяніе ея отражается прежде всего не на флорѣ и фаунѣ страны, а на ея человѣкѣ. Еще до вырубки лѣсовъ, до разработки и обсѣменія земли, до убавленія спугнутыхъ звѣрей, туземецъ-дикарь сталкивается съ новыми пришельцами, и въ своихъ правахъ и обычаяхъ, въ языкѣ, понятіяхъ, воззрѣніяхъ, — словомъ во всей своей физической и нравственной жизни, выноситъ на себѣ слѣды чужеземнаго. Изъ исторіи извѣстно, каковы обыкновенно для дикаря послѣдствія такого столкновенія съ культурнымъ народомъ, если оно болѣе чѣмъ мимоходно. Начать съ того, что съ появленіемъ новыхъ поселенцевъ на первыхъ же порахъ осуждаютъ стародавніе привычные промыслы дикарей, охота и рыбная ловля. Въ замѣнъ же ихъ создать себѣ новыя средства къ жизни, перенявъ ихъ у пришельцевъ

и конкурируя съ ними, они, конечно, не способны. Шагъ за шагомъ, они отрываются отъ своего обычнаго образа жизни и поддаются вліянію чужеземцевъ, которые, къ тому же, обыкновенно пользуясь ихъ пристрастіемъ къ вину, немилосердо эксплуатируютъ ихъ. Далѣе, слѣдуютъ психическія вліянія: страхъ подавляющаго ихъ суевѣрія, сильно возбужденнаго невниманіемъ и даже презрѣніемъ пришельцевъ ко всему, что было имъ дорого и свято; затѣмъ, иногда, кровавыя стычки и войны; наконецъ, повальныя болѣзни, немилуемо развивающіяся при первомъ столкновеніи какого-либо дикаго народа съ европейцами. Послѣдствіемъ всего этого является быстрое уменьшеніе туземнаго населенія, прогрессивное его обѣдненіе, упадокъ физическихъ и нравственныхъ силъ, полная зависимость отъ пришельцевъ, и, наконецъ, потеря всякой своеобразности, даже вымираніе языка [1]). Если же дикарь, чтобы уклониться отъ иноземнаго давленія, даже откочуетъ куда-нибудь въ сторону и, по возможности, скроется въ дебряхъ горъ и лѣсовъ, то и это не на долго, потому что съ потерею родной почвы, знакомыхъ ему промысловыхъ мѣстностей и кровнаго его имущества, онъ, съ горя и бѣдности, наконецъ, все-таки подвергается той же участи.

За примѣрами подобнымъ образомъ исчезнувшихъ, или вымершихъ народностей нѣтъ надобности ходить далеко. Въ Сибири ихъ вдоволь. Куда дѣлся, напримѣръ, многочисленный и богатый нѣкогда народъ Омоковъ, жившій между Яною и Колымою и о которомъ говаривали нѣкогда [2]), что: «на берегахъ Колымы болѣе Омокскихъ огнищъ, нежели въ ясную ночъ звѣздъ на небѣ»? Что сталось съ одновременно исчезнувшими Шелагами, о которыхъ гласитъ преданіе, что они когда-то, осенью, сошлись съ Омоками на большомъ озерѣ, въ такомъ числѣ, что подъ ними треснулъ ледъ полуаршинной толщины и многіе изъ нихъ погибли [3])? Геденштромъ [4]), правда, полагалъ, что Юкагиры, въ его время изрѣдка попадавшіеся между Яною и Колымою, остатки Омоковъ, а Аргентовъ [5]) дѣйствительно слышалъ отъ Юкагировъ, что Омоки ихъ предки; но каково же нынѣ положеніе и самихъ Юкагировъ? Экспедиція барона Гергарда Майделя (1868—1870 г.) встрѣтила между ними лишь нѣсколько лицъ, еще знавшихъ языкъ своихъ предковъ [6]). Объ Анаулахъ, коренномъ племени на Анадырѣ, съ которыми въ 1649 г. вое-

---

1) Весьма обстоятельно этотъ вопросъ разсматривается Г. Герландомъ въ его сочиненіи: Ueber das Aussterben der Naturvölker, Leipzig 1868. Онъ считаетъ давленіе на психическую жизнь дикарей почти вреднѣе посягательства на ихъ физическое существованіе (стр. 118).

2) Ф. Ф. Врангель, Путеш. по сѣв. берег. Сибири и по Ледов. морю, Ч. II, СПБ. 1841, стр. 81. Киберъ, Замѣч. о нѣкот. предм. Естеств. Истор., учиненн. въ Нижне-Колымскѣ и окрестн. онаго, въ 1821 г. (Сибирск. Вѣстн. изд. Григ. Спасскимъ, 1823 г. Ч. II, Статист., стр. 127).

3) Аргентовъ, Сѣв. земля (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1861. Кн. II, Изслѣд. и Матер., стр. 18). Въ этой весьма интересной статьѣ помѣщены всѣ свѣдѣнія, какія можно было почерпнуть изъ преданій и разсказовъ объ этихъ народахъ и ихъ мнимомъ переселеніи въ лежащую къ сѣверу, въ Ледовитомъ морѣ, страну.

4) Геденштромъ, Отрывки о Сибири, СПБ. 1830, стр. 97.

5) Аргентовъ, Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода (Зап. Сибирск. Отдѣл. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. III, 1857, стр. 89, 104).

6) По Нейману (Нѣск. словъ о торг. и пром. сѣв. округ. Якутск. обл. — Извѣст. Сиб. Отд. Русск. Геогр.

валъ казакъ Семенъ Дежневъ[1]) (открывшій Анадырь), говорится, что оно, вслѣдствіе своей малочисленности и упорнаго сопротивленія, въ короткое время было совершенно истреблено. Всѣ соплеменные Енисейскимъ Остякамъ народы, какъ-то: Арины или Аринцы, Ассаны, Котты, уже исчезли, или же близки къ тому, чтобы исчезнуть. Объ исчезновеніи Ариновъ еще Фишеръ[2]) — первый, открывшій взаимное родство этихъ племенъ, — отзывался, какъ о совершившемся фактѣ. Изъ всего племени Коттовъ[3]) Кастренъ засталъ въ живыхъ только 5 человѣкъ, которые и доставили ему возможность изучить ихъ языкъ. Впрочемъ, положеніе нынѣшнихъ Енисейскихъ Остяковъ не лучше судьбы вышеупомянутыхъ Юкагировъ, Ительменовъ или Камчадаловъ и нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ народовъ. Правда, они сохранились до нашего времени, но, вслѣдствіе постоянныхъ и близкихъ сношеній съ Русскими, свойственный имъ національный отпечатокъ изгладился, и самое тщательное изслѣдованіе врядъ ли могло бы доставить точное понятіе о первобытномъ ихъ состояніи. Въ какое короткое время и съ какою силою совершился, напримѣръ, процессъ разложенія Камчадаловъ, не смотря на отдаленность и изолированность ихъ полуострова! Если бы Крашенинниковъ и Стеллеръ не набросали картину ихъ жизни и быта, мы теперь не могли бы сказать о нихъ ни полъ-слова. Что здѣсь разъ упущено, того уже невозможно восполнить впослѣдствіи.

Инородцы Амурскаго края въ настоящее время находятся въ подобномъ же процессѣ разложенія, и оно, надо полагать, пойдетъ у нихъ еще быстрѣе, вслѣдствіе того, что за колонизацію въ Амурскомъ краѣ, какъ уже сказано выше, взялись энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Сибири. И въ самомъ дѣлѣ, о быстромъ исчезновеніи самобытности этихъ народовъ несомнѣнно уже свидѣтельствуютъ показанія бывшихъ послѣ меня въ Амурскомъ краѣ путешественниковъ. Уже и теперь своеобразные ихъ нравы, обычаи, воззрѣнія трудно отыскиваются подъ напливомъ чужеземнаго. Во время моего ознакомленія съ ними, этихъ трудностей еще не было. Единственными культурными націями для нихъ, до насъ, Русскихъ, — были Китайцы и Японцы; но сношенія эти были, по крайней мѣрѣ для отдаленнѣйшихъ изъ нихъ, не значительны и ограничивались почти одною торговлею. Къ тому же, эти восточно-азіятскіе народы, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не отличались особеннымъ стремленіемъ къ распространенію своей культуры, а по тому и вліяніе ихъ на туземцевъ было

Общ. Т. III, Иркутскъ 1872, стр. 36; Т. IV, стр. 156) еще 10 человѣкъ; по Трифонову (Зам. о Нижне-Колымскѣ.—Изв. Спб. Отд. Геогр. Общ. Т. III, стр. 167) только одного старика. Да и спрошенный Майделемъ Юкагиръ, знавшій свой языкъ, не всегда находилъ выраженія для отвѣтовъ и иногда долженъ былъ обращаться за ними къ своей старухѣ-матери. См. Schiefner, Ueber Bar. G. v. Maydell's Jukagirische Sprachproben (Bullet. de l'Acad. Imp. des sc. T. XVII, p. 86; Mél. asiat. tirés du Bullet. T. VI, p. 600).

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. III, St. Petersb. 1758, p. 11.

2) Fischer, Sibirische Gesch. Bd. I, St. Petersb. 1768, p. 138, 387, Anm. 51.

3) Al. Castrén, Ethnolog. Vorles. über die Altaisch. Völker, herausgeg. von A. Schiefner, St. Petersb. 1857, p. 87. Его же: Versuch einer Jenissei-Ostjak. u. Kottischen Sprachlehre, herausgegeben von A. Schiefner, St. Petersb. 1858, p. V, VI.

менѣе сильно. Насколько оно, впрочемъ, въ теченіе времени все-таки произошло, объ этомъ будетъ рѣчь впослѣдствіи.

Расширяя научное изслѣдованіе Сибири и вообще сѣверной Азіи по мѣрѣ возможности и согласно съ расширеніемъ политическихъ границъ Россіи, Академія наукъ снарядила ввѣренную мнѣ первую свою экспедицію въ Амурскій край какъ разъ въ то время, когда Русскіе, послѣ смѣлыхъ, но несчастныхъ попытокъ казацкой вольницы въ XVII столѣтіи, вторично вступили въ этотъ край, однако уже съ тѣмъ, чтобы окончательно завладѣть имъ. Для этнографическихъ изслѣдованій это была лучшая пора, какой уже больше не настанетъ въ будущемъ. Сознавая это, я удѣлялъ имъ столько труда и времени, сколько вообще было возможно путешественнику, въ главную задачу которому было поставлено — изслѣдовать край въ естественно-историческомъ отношеніи. По распоряженію Академіи, со мною былъ и художникъ, а потому многое изъ жизни и быта туземцевъ можно было изобразить также въ рисункахъ. Такимъ образомъ, мы старались собрать необходимыя наблюденія и матеріалы для составленія по возможности обстоятельнаго описанія быта Амурскихъ инородцевъ за то время, когда они, не имѣя прикосновенія съ какимъ-либо культурнымъ европейскимъ народомъ, не успѣли еще утратить свою самобытность. Всѣ помѣщаемыя ниже этнографическія свѣдѣнія, слѣдовательно, относятся къ тому, нынѣ уже прошедшему времени, хотя нашъ разсказъ и ведется иногда какъ бы о настоящемъ времени.

Не весь бассейнъ Амура будетъ разсмотрѣнъ нами въ этнографическомъ отношеніи. Часть его, такъ называемая Даурія, т. е. страна, лежащая на истокахъ Амура, останется здѣсь почти незатронутою. Впрочемъ, эта страна, со времени Нерчинскаго трактата (1689 г.) постоянно оставшаяся за Россіею, уже часто была посѣщаема и изслѣдуема путешественниками, и въ прежнее, и въ новѣйшее время. Они, между прочимъ, доставили и этнографическія свѣдѣнія, какъ о господствующемъ русскомъ, такъ и о монголо-тунгусскомъ ея населеніи. Только отъ сліянія Шилки съ Аргунью, къ востоку отъ дауро-монгольскаго плоскогорья, начинается собственно такъ называемый Амурскій край, лишь недавно пріобрѣтенный Россіею, въ этнографическомъ отношеніи мало или даже почти вовсе еще неизвѣстный. Имъ мы здѣсь исключительно и займемся. Но, на основаніи физико-географическихъ и этнографическихъ данныхъ, къ Амурскому краю мы должны причислить не только пространства, лежащія по самому Амуру и его притокамъ, но и смежныя съ ними побережья Охотскаго и Японскаго морей, отъ Тугурскаго залива до границъ Кореи, а равно и расположенный противъ устья Амура островъ Сахалинъ, простирающійся параллельно съ берегомъ материка и неподалеку отъ него, и служащій какъ бы соединительнымъ звеномъ между Амуромъ, съ одной стороны, и Японіею и Курильскими островами, съ другой.

Затѣмъ, не всѣ народы, заселяющіе Амурскій край въ означенныхъ выше предѣлахъ, подлежатъ здѣсь разсмотрѣнію. Само собою разумѣется, что мы должны исключить изъ него культурные народы восточной Азіи, Китайцевъ и Японцевъ, не принадлежащихъ къ коренному населенію страны, а только болѣе или менѣе далеко распро-

страшившихся въ ней съ юга. Далѣе, мы исключимъ также Маньчжуровъ, которые, хотя и коренные жители Амурскаго бассейна, но, по своей исторіи, своему господствующему положенію въ Китаѣ, своему языку и т. п., равнымъ образомъ должны быть причислены къ восточно-азіятскимъ культурнымъ націямъ. Предоставляя изслѣдованіе этихъ народовъ въ историческомъ, лингвистическомъ, общекультурномъ и другихъ отношеніяхъ спеціалистамъ по этимъ предметамъ, мы коснемся ихъ лишь настолько, насколько они находились и находятся въ прикосновеніи съ туземными Амурскими племенами и въ теченіе времени подчинили ихъ своему вліянію. И такъ, на мою долю остаются только коренные шородцы Амурскаго края, которые, въ бытность мою на Амурѣ, хотя и не могли больше считаться полными дикарями, однако, едва лишь затронутые культурою своихъ вышепоименованныхъ сосѣдей, пребывали еще въ состояніи простыхъ, первобытныхъ рыболововъ и охотниковъ.

Но и относительно этихъ, все-таки довольно многочисленныхъ туземныхъ народовъ Амурскаго края вышепоставленная задача не могла быть рѣшена сколько-нибудь полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Громадное протяженіе Амурскаго края, въ то время большею частью принадлежавшаго еще Китаю, а равно и недоступность нѣкоторыхъ его частей, не дозволили мнѣ, въ сравнительно короткій періодъ $2^1/_2$-лѣтняго моего въ немъ пребыванія, даже повстрѣчаться со всѣми заселяющими его народами, не говоря уже о ближайшемъ ознакомленіи съ ними. Такъ какъ занятіе Амурскаго края Русскими на этотъ разъ началось съ низовьевъ Амура, то и мнѣ, прибывшему туда моремъ, пришлось избрать исходною точкою для изслѣдованія края недавно основанный на устьѣ Амура Николаевскій постъ. Оттуда я предпринималъ экскурсіи и поѣздки вовнутрь страны, на морской берегъ и на островъ Сахалинъ. Подробнѣе объ этихъ поѣздкахъ сказано въ напечатанныхъ въ бюлетенѣ Академіи отчетахъ о моемъ путешествіи[1]), а также въ началѣ 1-го тома моего сочиненія объ Амурскомъ краѣ[2]). Два раза я ѣздилъ на островъ Сахалинъ, на южной оконечности котораго мнѣ, кромѣ того, пришлось побывать еще лѣтомъ 1854 г.; затѣмъ я посѣщалъ разныя мѣстности побережья морей Охотскаго и Сѣверо-Японскаго, заходилъ въ долину Горина, подымался по Усури, и наконецъ — на возвратномъ пути — по всему Амуру и по части рѣки Аргуни. Зимою особенно, я, можно сказать, жилъ среди тамошнихъ шородцевъ. Вотъ причина, почему главнымъ образомъ я могъ ближе ознакомиться съ народами нижняго Амура, какъ-то: Гиляками, Ольчами (они же — Мангуны) и Гольдами, а съ прочими лишь болѣе или менѣе поверхностно. Относительно Гиляковъ я обязанъ также нѣкоторыми свѣдѣніями Миддендорфу, который познакомился съ ними еще въ 1844 году на крайнихъ, сѣверозападныхъ предѣлахъ ихъ распространенія. Онъ передалъ мнѣ въ рукописи свои замѣтки о Гиляхъ этой мѣстности, и такъ какъ я самъ не

---

1) Bulletin de la classe phys-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XIV, p. 40—46, 184—192, 217—222; T. XV, p. 169—176, 241—254; Mélanges phys. et chim. tirés du Bull. T. II, p. 346—355, 446—456, 492—497; T. III, p. 8—17; Mél. russes, T. III, p. 49—65, 297—306, 344—363.

2) Reisen und Forschungen im Amur-Lande. Bd. I, p. IX—XXII.

былъ тамъ, то свѣдѣнія эти были для меня весьма интересны. Эти-то замѣтки Миддендорфа я въ послѣдующемъ и имѣю въ виду, когда ссылаюсь на него, не цитируя его сочиненій. Весьма много способствовало обогащенію нашихъ свѣдѣній объ инородцахъ нижняго Амура и то обстоятельство, что одновременно со мною и подобно тому, какъ я жилъ среди Гиляковъ, мой нынѣшній товарищъ по Академіи, К. И. Максимовичъ, поселился среди Ольчей, въ незадолго предъ тѣмъ основанномъ тамъ Маріинскомъ посту. Свѣдѣнія, собранныя имъ тогда и во время другого его путешествія по тому же краю, въ 1859 и 1860 гг., и также переданныя мнѣ, составляютъ не малую долю того, что будетъ ниже сказано объ Ольчахъ и Гольдахъ. Въ этнографическомъ отношеніи, это было счастливое стеченіе обстоятельствъ, потому что именно инородцы нижняго Амура, сохранившіе, вслѣдствіе своей большей отдаленности отъ Маньчжуровъ, Китайцевъ и Японцевъ, а равно и отъ Русскихъ, болѣе своеобразный характеръ, представляли этнографу наибольшій интересъ. Въ числѣ ихъ, конечно, изолированные по языку Гиляки заслуживали особеннаго вниманія[1]).

Однако, и при частыхъ сношеніяхъ съ туземцами, для изученія ихъ правовъ, обычаевъ, религіозныхъ воззрѣній и проч., встрѣчается не мало препятствій. Самое важное между ними, особенно для путешественника-натуралиста, не-лингвиста, есть незнаніе языка инородцевъ и трудность изучить его въ короткое время до такой степени, чтобы имѣть возможность изъясняться на немъ. Правда, это неудобство обыкновенно устраняютъ помощію переводчика; но гдѣ впервые встрѣчаешься съ почти неизвѣстнымъ народомъ, тамъ нѣтъ еще и переводчиковъ. Въ мою первую поѣздку вверхъ по Амуру, къ Ольчамъ, Гольдамъ и Самагирцамъ, сопровождавшіе меня казаки такъ мало понимали ихъ языкъ, что принуждены были прибѣгать къ моей помощи, такъ какъ я, постоянно распрашивая и записывая значеніе словъ, скорѣе ихъ знакомился съ туземными нарѣчіями. Какъ ни мало зналъ я гиляцкій языкъ, однако все-таки лучше чѣмъ всѣ одновременно со мною бывшіе на Амурѣ Русскіе, потому что ознакомленіе съ нимъ было для меня крайне важно. По подслушанному мною сужденію самихъ Гиляковъ, я объяснялся на ихъ языкѣ не какъ другіе Русскіе, а какъ они сами[2]). Это сужденіе ихъ основывалось на томъ, что я, говоря по-гиляцки, употреблялъ кой-какія глагольныя формы и суффиксы ихъ языка, о которыхъ современники мои на Амурѣ не имѣли еще никакого понятія. Но и это, въ виду вообще малаго тогда знакомства съ гиляцкимъ языкомъ, не много значитъ. Въ такомъ же положеніи находился г. Максимовичъ относительно нарѣчій Ольчей и Гольдовъ. Итакъ, всѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія объ Амурскихъ инородцахъ добыты непосредственно отъ нихъ самихъ, безъ вся-

---

1) Кстати замѣтимъ, что еще при снаряженіи второй Беринговой экспедиціи, Академія, въ инструкціи, составленной для этнографическаго изслѣдованія Сибири, настаивала на необходимости посѣщенія Гиляковъ. (Baer, Kurzer Bericht über wissensch. Arbeiten u. Reisen etc. — Beitr. z. Kenntn. d. Russ. Reichs, Bd. X, 2. Abthl. St. Petersb. 1855, p. 408, Anmerk.). Такимъ образомъ, требованіе ея могло быть выполнено лишь столѣтіе спустя, путешествіями Миддендорфа и моимъ.

2) «Онъ говоритъ mer ngarlatsch», т. е. подобно намъ, приходилось мнѣ часто отъ нихъ слышать о себѣ.

кой помощи переводчиковъ. Это обстоятельство, конечно, служило въ ущербъ пóлноты этихъ свѣдѣній, такъ какъ мы въ первое время, еще не зная туземныхъ нарѣчій, должны были довольствоваться тѣмъ, что видѣли, и не пользовались гораздо болѣе важными устными поясненіями. Но за то свѣдѣнія, особенно касающіяся отвлеченныхъ предметовъ, какъ напр. религіозныхъ воззрѣній и т. д., могутъ считаться гораздо болѣе достовѣрными, когда они почерпнуты прямо и непосредственно отъ самихъ инородцевъ, чѣмъ когда переданы въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ихъ необразованный толмачъ.

Другое, не менѣе важное затрудненіе для этнографическихъ изслѣдованій заключается въ легко объяснимомъ недовѣріи, съ какимъ дикари встрѣчаютъ чуждаго имъ путешественника, и въ слѣдствіе котораго дѣлаются необщительными, молчаливыми, боятся сказать правду и нерѣдко даже умышленно искажаютъ факты. Этому недовѣрію я старался противодѣйствовать посредствомъ ласки, мелкихъ подарковъ, угощеній и услугъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я, конечно, принималъ всѣ сообщенія ихъ съ осторожностію, и гдѣ только было возможно, провѣрялъ ихъ новыми распросами, при чемъ опять-таки знакомство съ туземнымъ языкомъ играло первостепенную роль. Относительно Амурскихъ Гиляковъ, чаще всѣхъ другихъ посѣщавшихъ Николаевскій постъ, я думаю, что такая, съ моей стороны, тактика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, потому что я пользовался у нихъ такимъ довѣріемъ и такою популярностью, какихъ послѣ меня врядъ ли кто-либо удостоивался. Являлись зимою въ Николаевскій постъ, Гиляки подъѣзжали прямо къ моему дому, отпрягали своихъ собакъ, втаскивали свою нарту въ сѣни и преспокойно располагались у меня, зная напередъ, что я накормлю ихъ собакъ и ихъ самихъ, дамъ имъ вдоволь покурить моего табаку и, пожалуй, одарю ихъ еще кой-какими бездѣлушками — пуговицами, иголками или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Въ замѣнъ того, я могъ ожидать, что и въ мои поѣздки къ нимъ я у каждаго изъ нихъ найду радушный пріемъ. Ко мнѣ они обращались, когда въ торговыхъ сдѣлкахъ своихъ съ нашими казаками и матросами считали себя обиженными; мнѣ они жаловались въ своихъ бѣдахъ, — будь у нихъ украдена собака, разграблена кладовая съ юколою, или расхищена могила; отъ меня они не скрывали и своихъ опасеній на счетъ того, что будетъ съ ними впредь, въ виду прибывающаго числа Русскихъ и ихъ поселеній. Зимою 1855—1856 года я нѣсколько недѣль прохворалъ желудочнымъ тифомъ, и извѣстіе объ этомъ быстро распространилось между Гиляками; когда же, весною 1856 г., я сталъ собираться къ окончательному отъѣзду, то долженъ былъ неоднократно выслушивать ихъ сожалѣнія о томъ, что имъ не придется болѣе видѣть меня въ Николаевскомъ посту. Но вдали отъ Амура, внутри и по восточному берегу Сахалина, со мною были случаи, что Гиляки, послѣ долгой и откровенной бесѣды, внезапно прерывали свои сообщенія и начинали спрашивать другъ друга: къ чему могли бы мнѣ служить собираемыя отъ нихъ свѣдѣнія? Затѣмъ, согласившись между собою, что, вѣроятно, отъ моего отзыва объ условіяхъ ихъ края будетъ зависѣть дальнѣйшее переселеніе къ нимъ Русскихъ, они или совершенно прекращали свои сообщенія, или придавали имъ совершенно иной, возможно мрачный оттѣнокъ. При своей наивности, конечно, они и не подозрѣвали, что я могу понять ихъ разговоръ.

Отъ вышеупомянутаго обстоятельства, а именно отъ невозможности пріобрѣсти одинаково близкое знакомство со всѣми инородцами Амурскаго края, непремѣнно долженъ былъ зависѣть и избранный способъ послѣдующаго изложенія предмета. Если бы имѣлись подробныя, болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о всѣхъ Амурскихъ инородцахъ, то всего лучше было бы, кажется, держаться монографическаго изложенія, потому что картина физической и вмѣстѣ нравственной жизни каждаго изъ этихъ народовъ рельефнѣе выказала бы его индивидуальность. Но такого богатаго матеріала пока не имѣется. Кромѣ того, при подобномъ способѣ изложенія, были бы неизбѣжны частыя повторенія, потому что у дикихъ или полудикихъ народовъ, живущихъ въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, при одинаковыхъ условіяхъ климата и естественныхъ произведеній страны и подъ однимъ и тѣмъ же, хотя бы ничтожнымъ культурнымъ вліяніемъ — какъ бы ни были эти народы разнородны по происхожденію и языку — непремѣнно будетъ много общаго въ нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, воззрѣніяхъ и пр. Вотъ почему я предпочелъ придерживаться здѣсь не монографическаго, а сравнительнаго метода, и разсматривать относящіяся сюда разнообразныя народности не по одиночкѣ, а параллельно другъ другу, при чемъ постоянною исходною точкою служили мнѣ Гиляки, вообще до сихъ поръ извѣстные почти только по имени, для меня же, напротивъ того, наиболѣе знакомые. Правда, такое изложеніе не дастъ полной, округленной и законченной картины ни одной изъ разсматриваемыхъ народностей, а скорѣе сообщаетъ только отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ читателю самому предоставляется составить общую картину; но за то подобное изложеніе имѣетъ то преимущество предъ монографическимъ, что, кромѣ меньшаго числа повтореній, даетъ болѣе случаевъ къ общимъ сравненіямъ, выводамъ и заключеніямъ по разнымъ вопросамъ относительно жизни и быта дикарей и, такимъ образомъ, иногда дозволяетъ глубже заглянуть въ естественную и культурную исторію человѣка. Наконецъ, никогда не теряя изъ виду всего края, оно приводитъ къ болѣе полному понятію объ этнографическихъ условіяхъ всей страны.

Согласно съ такимъ ходомъ изложенія, размѣщены и прилагаемыя къ моему труду таблицы изображеній. Имъ я долженъ еще предпослать нѣсколько словъ. Будучи сопровождаемъ прикомандированнымъ ко мнѣ отъ Академіи художникомъ, я могъ удовлетворить свое желаніе — наглядно изобразить жизнь инородцевъ, по возможности, во всѣхъ ея проявленіяхъ, относительно ихъ жилищъ, одежды, домашнихъ, охотничьихъ и рыболовныхъ принадлежностей, гробницъ, идоловъ и т. п. О нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ напр. объ искусствѣ дикарей выдѣлывать свою утварь, объ ихъ вкусѣ, высказывающемся въ украшеніяхъ посуды и платья, о вліяніи на нихъ при этомъ чужестранныхъ, китайскихъ и японскихъ образцовъ и пр., нельзя было бы и судить безъ изображеній. Вообще, живое, наглядное понятіе о жизни и бытѣ народа можетъ быть пріобрѣтено только при извѣстной полнотѣ рисунковъ. Вотъ почему я считалъ неумѣстнымъ слишкомъ скупиться на нихъ и не исключалъ ихъ даже тогда, когда въ прежнихъ сочиненіяхъ, особенно о сибирскихъ народахъ, уже имѣлись подобныя, хотя и очень грубо исполненныя изображенія. По той же причинѣ я, за рѣдкими исключеніями, не стѣснялся и изящными рисунками, помѣщенными въ атласѣ

къ путешествію на Амуръ г. Маака, тѣмъ болѣе, что въ этомъ, довольно трудно доступномъ сочиненіи[1]) нѣтъ этнографическаго текста, а дано лишь краткое объясненіе изображеній, по большей части даже безъ указанія, къ какому изъ Амурскихъ инородцевъ они относятся. Къ Гиляякамъ, впрочемъ, они никакъ не относятся, потому что до нихъ г. Маакъ въ своемъ путешествіи не достигалъ. Помѣщеніе нами нѣкоторыхъ рисунковъ могло бы быть избѣгнуто ссылками на соотвѣтственные политипажи послѣдняго выпуска путешествія Миддендорфа (изображающіе домашнюю утварь Нигидальцевъ), если бы они не были исполнены еще до появленія въ свѣтъ этого выпуска.

Если здѣсь, какъ уже было сказано выше, болѣе подробному описанію подлежатъ преимущественно народы нижняго Амура, то къ нимъ, особенно же къ Гиляякамъ, относится и большинство нашихъ иллюстрацій. Когда мнѣ попадались у различныхъ инородцевъ одинаковые, или похожіе другъ на друга предметы, то для воспроизведенія въ рисункахъ я всегда отдавалъ предпочтеніе гилящкимъ, чтобы такимъ образомъ представить по возможности полную картину хотя бы одного изъ этихъ народовъ, и при томъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе своеобразнаго и интереснаго.

Наибольшая часть прилагаемыхъ здѣсь рисунковъ составлена или, по крайней мѣрѣ, набросана художникомъ экспедиціи, В. П. Поливановымъ, какъ въ бытность нашу въ Николаевскомъ посту, такъ и во время нашихъ поѣздокъ. Многими изъ рисунковъ, въ томъ числѣ имѣющо эскизами разныхъ сценъ изъ жизни Гиляковъ, обязанъ я г. Максимовичу, съ которымъ мы совершили нѣкоторыя поѣздки по Амурскому краю сообща. Часть изображеній сдѣлана уже по окончаніи путешествія, по привезеннымъ этнографическимъ предметамъ; такъ напр. большая часть идоловъ рисована г. А. Баумеромъ, гиляцкіе узоры — г. Нецвѣтаевымъ. Кромѣ того, мнѣ были доставлены сдѣланные въ 60-хъ годахъ В. Лапинымъ и другими фотографами снимки съ Гиляковъ, Гольдовъ и Аиновъ. Весь этотъ матеріалъ былъ переданъ въ руки извѣстнаго художника Н. Дмитріева-Оренбургскаго, для того, чтобы переработать, закончить и приспособить его къ моему сочиненію. Такъ какъ г. Дмитріевъ самъ не былъ въ Амурскомъ краѣ, то я, разумѣется, внимательно провѣрялъ всѣ его рисунки въ отношеніи ихъ точности, и долженъ отдать ему справедливость, что все передано имъ, какъ вообще, такъ и въ деталяхъ, совершенно вѣрно. Затѣмъ, для краніологическаго отдѣла предлагаемаго здѣсь труда, фотографомъ Академіи наукъ, В. Класеномъ, съ обычнымъ его искуствомъ, сдѣланы фототипическія изображенія череповъ Амурскихъ инородцевъ, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Всѣмъ иллюстраціямъ, наконецъ, предпосылается этнографическая карта Амурскаго края, исполненная въ находящемся подъ вѣдѣніемъ генералъ-маіора О. Э. Штубендорфа Военно-топографическомъ отдѣленіи Генеральнаго штаба.

---

1) Путешествіе на Амуръ, соверш. по распоряж. Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. въ 1855 г. Р. Маакомъ. С. Петерб. 1859.

Считаю пріятною для себя обязанностью выразить глубокую признательность всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ художественной части этого труда, особенно же моему бывшему спутнику В. П. Поливанову, непрестанно трудившемуся для достиженія общей для насъ цѣли. Если мнѣ удастся въ этомъ сочиненіи представить вѣрную и наглядную картину жизни и быта Амурскихъ инородцевъ, то, конечно, не малую часть успѣха должно будетъ приписать его иллюстраціямъ.

I. ГЕОГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Глава 1.

Общее обозрѣніе туземныхъ народовъ Амурскаго края. Нынѣшнія границы занимаемыхъ ими областей. Предѣлы распространенія въ Амурскомъ краѣ культурныхъ народовъ восточной Азіи — Китайцевъ и Японцевъ. Распространеніе въ немъ Русскихъ. Этнографическая карта Амурскаго края.

Хотя нѣкоторое однообразіе, на громадномъ пространствѣ, физическихъ и этнографическихъ данныхъ составляетъ отличительную черту сѣверной Азіи вообще, однако на Амурѣ оно выступаетъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ въ Сибири. Болѣе разнообразныя физическія данныя, перемежающіяся горы и равнины, обширные лѣса, богатыя луговыя пространства, величественныя, обильныя рыбою рѣки, далеко протянувшійся морской берегъ, болѣе мягкій, сравнительно съ Сибирью, хотя все-таки еще сурово-континентальный климатъ, — все это обусловливаетъ въ Амурскомъ краѣ и бо́льшее разнообразіе и богатство какъ во флорѣ и фаунѣ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Если не принимать въ соображеніе пришлаго элемента, вторгнувшагося въ Амурскій край сначала изъ сосѣднихъ государствъ, Китая и Японіи, а затѣмъ изъ Россіи, то въ немъ приходится имѣть дѣло съ тремя туземными, по языку совершенно различными другъ отъ друга, народностями — **Гиляками, Аинами,** и **Тунгусами.** Правда, съ юго-запада, въ бассейнъ рѣки Сунгари, выдвинулось было одно монгольское племя; но оно болѣе и болѣе вытѣсняется Китайцами, а также однимъ изъ тунгусскихъ племенъ, такъ что его тамъ вскорѣ вовсе не будетъ. Изъ трехъ названныхъ народностей Амурскаго края (со включеніемъ въ него постоянно и острова Сахалина), Тунгусы, въ свою очередь, распадаются на множество разныхъ племенъ, въ теченіе времени успѣвшихъ по языку, нравамъ, обычаямъ и т. д. болѣе или менѣе далеко разойтися другъ съ другомъ. Эти тунгусскія племена занимаютъ далеко наибольшую часть Амурскаго края, тогда какъ на долю Гиляковъ и Аиновъ приходятся лишь сравнительно

небольшія пространства на его сѣверо- и юго-восточной окраинахъ. Хотя Тунгусы и встрѣчаются далеко за предѣлами Амурскаго края, до Енисея, до береговъ Ледовитаго моря и до Камчатки, однако надо полагать, что на Амурѣ и его притокахъ находится ихъ настоящая родина. Тамъ они достигли высшей степени до сихъ поръ доступнаго имъ культурнаго развитія, и оттуда они уже разселились во всѣ стороны. Тамъ, по Сунгари и его притокамъ, обитаютъ **Маньчжуры** — единственное тунгусское племя, имѣющее свою письменность и литературу и которое, вслѣдствіе своихъ частыхъ и успѣшныхъ войнъ съ Китаемъ, доставившихъ ему господство надъ этимъ величайшимъ государствомъ Азіи, пріобрѣло даже историческое значеніе. На равнинахъ по рѣкѣ Нонни или Нонни, главному притоку рѣки Сунгари, живутъ **Дауры** — племя, прежде гораздо болѣе распространенное и которому ранѣе всѣхъ другихъ пришлось вынести на себѣ натискъ отважныхъ русскихъ казаковъ. Выше, по той же рѣкѣ можно найти остатки нѣкогда воинственныхъ **Солоновъ.** Слѣдуя главному пути края, отъ сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни внизъ по теченію Амура, встрѣчаешься, недоходя Буреинскихъ горъ и маньчжуро-китайскихъ населеній, съ бродячими племенами **Орочоновъ** и **Манегирцевъ**, а миновавъ названный хребетъ, — съ далеко разселившимися **Гольдами,** занимающими также и низовья большихъ правыхъ притоковъ Амура; наконецъ, пониже ихъ — съ **Ольчами** или **Мангунами**, непосредственными сосѣдями Гиляковъ на Амурѣ. Другія тунгусскія племена обитаютъ по главнымъ лѣвымъ притокамъ этой рѣки, а именно: **Бирары**—по Буреѣ, **Кили**—по Куру, **Самагирцы**—по Горину, **Негидальцы**—по Амгуни. Къ востоку отъ нижняго Амура и отъ Уссури, на верховьяхъ ихъ правыхъ притоковъ, по береговому горному хребту и вдоль морского берега тянется скудно населенная страна **Орочей,** и наконецъ, уже за Японскимъ моремъ и лиманомъ Амура, въ средней части Сахалина, встрѣчаемъ мы еще одно полукочевое тунгусское племя —**Ороковъ.** Дѣлая это перечисленіе, мы обошли молчаніемъ еще кой-какія мелкія тунгусскія племена, ежегодно переходящія, съ своими оленями, отъ Охотскаго моря къ притокамъ нижняго Амура, или изъ бассейновъ Уди и Лены на южный склонъ Станового хребта, къ притокамъ Буреи и Зеи, и изъ которыхъ иныя остаются тамъ и на всегда. И такъ, число разноплеменныхъ инородцевъ въ Амурскомъ краѣ весьма значительно, и въ особенности племя Тунгусовъ раскинуло въ немъ множество вѣтвей и отростковъ.

При непостоянномъ, полукочевомъ или бродячемъ образѣ жизни многихъ изъ перечисленныхъ народовъ, при частыхъ захватахъ ими другъ у друга охотничьихъ и рыболовныхъ участковъ, съ точностью разграничить занимаемыя ими пространства — дѣло почти невозможное. Положимъ, что оно еще удобоисполнимо по отношенію къ болѣе осѣдлымъ инородцамъ нижняго Амура; но чѣмъ дальше вверхъ по Амуру и его верхнимъ притокамъ, тѣмъ оно становится все труднѣе и невыполнимѣе. На прилагаемой здѣсь этнографической картѣ Амурскаго края я сдѣлалъ опытъ подобнаго, хотя отчасти лишь приблизительнаго разграниченія, на основаніи того, что или самъ видѣлъ, или слышалъ отъ тамошнихъ инородцевъ, или же что разузнали тамъ другіе путешественники. Помимо частностей, цѣль карты — представить общую картину этнографическихъ данныхъ края. Разсмотримъ теперь

подробнѣе каждую изъ намѣченныхъ на ней областей распространенія Амурскихъ инородцевъ.

Гиляки занимаютъ крайній сѣверо-востокъ Амурскаго края, — низовья Амура, берега лимана, смежное съ нимъ побережье Охотскаго моря и сѣверную половину острова Сахалина. На Амурѣ, если идти по теченію рѣки, Гиляки начинаются съ деревень: Хьяре — на правомъ, и Тлялысъ — на лѣвомъ берегу, на разстояніи около 175 верстъ отъ устья. Отъ этихъ мѣстъ тянутся ихъ селенія, сначала только по правому берегу, а далѣе, съ послѣдняго поворота рѣки на востокъ, по обоимъ берегамъ, вплоть до лимана. Берега лимана кругомъ заселены Гиляками; это — бассейнъ, всецѣло гилящкій. Къ югу отъ устья, на берегу материка, стоитъ при рѣкѣ того же имени — Чоми, послѣдняя гилящкая деревня, за которой, по проливу Маміа-Рпнсо, простирается безлюдное пространство, посѣщаемое Гиляками только ради охоты и рыбной ловли. Къ сѣверу отъ устья, селенія Гиляковъ тянутся, за лиманомъ, вдоль берега Охотскаго моря. Крайнимъ, постоянно заселеннымъ Гиляками мѣстомъ на немъ считается деревня Куль или Коль, но, на самомъ дѣлѣ, и дальше за нею живутъ еще Гиляки, но крайней мѣрѣ временно, занимаясь охотою, рыбною ловлею и боемъ тюленей. Такъ напр., по свидѣтельству Поплонскаго, посѣщаютъ они иногда для промысловъ Константиновскую бухту въ Ульбанской губѣ[1]). Тамъ же, и еще немного западнѣе, въ Тугурскомъ заливѣ, познакомился съ ними и Миддендорфъ. Крайняя къ востоку точка его путешествія, мысъ въ Ульбанской губѣ, носитъ у него названіе «мысъ Гилякъ»[2]) — очевидно по имени, хотя можетъ быть и времешныхъ только, обитателей той страны. На рѣкѣ Ульбани, въ трехъ верстахъ выше впаденія ея въ губу того же имени, онъ встрѣтилъ гилящкое селеніе, состоявшее изъ двухъ зимниковъ и одного лѣтника, а оттуда на $1\frac{1}{4}$ версты къ востоку — опять ихъ же лѣтникъ[3]). Но послѣднія, крайнія къ сѣверо-западу жилища Гиляковъ на Охотскомъ морѣ лежатъ на Тугурскомъ заливѣ. Чрезъ узкій, низменный перешеекъ, соединяющій полуостровъ Сегпека съ материкомъ, пролегаетъ выстланный помостомъ волокъ, который, по словамъ Миддендорфа, уже показанъ на одной изъ картъ прошлаго столѣтія, подъ именемъ «Гилятской переволоки». Гиляки и Тунгусы пользуются имъ для перетаскиванія, обыкновенно при помощи собакъ, своихъ лодокъ изъ Константиновской бухты къ Тугурскому заливу, избѣгая такимъ образомъ затруднительнаго и опаснаго объѣзда вокругъ длиннаго и скалистаго полуострова Сегпека. Вдоль этого волока Миддендорфъ встрѣчалъ сушила, употребляемыя Гиляками для вяленія рыбы, а на концѣ ея, у бухты Волокъ въ Тугурскомъ заливѣ, онъ видѣлъ гилящкій лѣтникъ[4]). Немного южнѣе, въ той же бухтѣ, находились и два гилящкихъ зимника[5]). Еще немного южнѣе и вмѣстѣ западнѣе, на устьѣ рѣки Тугура и не далеко отъ впаденія въ нее рѣки Кутнпъ, онъ нашелъ

---

1) Поплонскій, Зап. Гидрограф. Департ. Т. VI, С. Петерб. 1848, стр. 98.

2) Karten-Atlas zu Middendorff's Reise in den äussersten Norden u. Osten Sibiriens, 1859, Taf. XVII.

3) Миддендорфъ, Путеш. на сѣверъ и востокъ Сибири, Ч. I, стр. 123, прим. 1.

4) Тамъ же, стр. 114, 115.

5) Тамъ же, стр. 122, прим. 2.

семь гиляцкихъ юртъ и три тунгусскихъ берестовыхъ шалаша. Это были первыя населенныя мѣста, на которыя набрелъ Миддендорфъ послѣ того, какъ покинулъ устье Уди[1]). Въ 1849 г., проѣздомъ по морскому берегу къ Аяну, Орловъ также встрѣтилъ первыхъ Гиляковъ на устьѣ Тугура[2]). Тутъ, слѣдовательно, находится крайній сѣверо-западный предѣлъ распространенія Гиляковъ; далѣе же, вплоть до Уди, простирается незаселенная мѣстность, по которой, вѣроятно, бродятъ одни только Тунгусы.

По острову Сахалину, и особенно по его западному берегу, Гиляки живутъ гораздо дальше на югъ, чѣмъ на материкѣ. Занимаемая ими область простирается тамъ отъ крайней сѣверной оконечности острова, вдоль всего Амурскаго лимана и значительной части Сѣверо-Японскаго моря. Крайній къ югу предѣлъ ихъ на этомъ берегу — деревня Пиля-во, лежащая около 50° с. ш. и, слѣдовательно, приблизительно на половинѣ длины этого, далеко растянувшагося по меридіану, острова. На восточномъ берегу острова граница гиляцкаго населенія находится не много сѣвернѣе. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною у Гиляковъ Тымской долины и деревни Ный, на восточномъ берегу, къ югу отъ этой деревни и отъ устья рѣки Тымы, есть еще четыре гиляцкія селенія[3]). Изъ нихъ, лежащее въ трехъ-дневномъ разстояніи отъ Ный, селеніе Чамр-во — самое южное и послѣднее, а за нимъ уже начинается незаселенный берегъ. Свѣдѣнія эти въ послѣдствіи подтвердилъ горный инженеръ Лопатинъ, въ 1868 г. пѣшкомъ прошедшій по этому пустынному берегу: идя съ юга, онъ нашелъ первую гиляцкую деревню (Чамр-во)[4]) — по словамъ Кропоткина о его (Лопатина) путешествіи[5]) — въ полутородневномъ разстояніи къ сѣверу отъ мыса Делиль-де-ля-Кройера, или же — по свѣдѣніямъ, которыя онъ передалъ самъ, пересматривая свой путевой журналъ, Фр. Б. Шмидту[6]), — «за» означеннымъ высокимъ и скалистымъ мысомъ, носящимъ у Гиляковъ названіе «Гарпахъ»[7]). Во всякомъ случаѣ, южный предѣлъ распро-

---

1) Тамъ же, стр. 121. Также и въ предварительномъ отчетѣ о своемъ путешествіи (Bull. de la cl. phys-math. de l'Acad. des sc. T. IV, p. 233, и Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, herausgeg. von Baer u. Helmersen, Bd IX, 2. Abthl. p. 615, 616) Миддендорфъ упоминаетъ о Гилякахъ, встрѣченныхъ имъ по р. Ульбани, на полуостровѣ Сегнека и на устьѣ Тугура.

2) См. П. Тихменьева, Истор. обозр. образов. Росс.-Американск. Компаніи, С. Петерб. 1863, Ч. II, стр. 64.

3) См. карту при I-мъ томѣ моего труда: «Reisen u. Forschungen im Amur-Lande.» На картѣ Шебунина, составленной по матеріаламъ Сибирской экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ., между ними значится еще нѣсколько названій. Можетъ быть по этому, что число гиляцкихъ деревень на этомъ берегу въ самомъ дѣлѣ больше того, которое было мнѣ названо; но столь же возможно также, что лишнія на этой картѣ названія относятся къ лѣтникамъ тѣхъ же самыхъ гиляцкихъ (зимнихъ) деревень, или же къ ночлежнымъ и другимъ подобнымъ мѣстамъ.

4) Слово «Чам-во», какъ называетъ деревню Лопатинъ, или «Чамр-во», какъ я слышалъ и считаю за болѣе вѣрное, значитъ по-гиляцки: орлиная деревня. Съ названіемъ-же «Чамг-во», стоящимъ на картѣ Шебунина, я не могу согласиться.

5) Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ., Т. V, 1869, Отд. II, стр. 308, 311.

6) Petermann's Geogr. Mittheil. 1870, p. 387.

7) Шмидтъ, слѣдуя Лопатину, называетъ мысъ Делиль-де-ля-Кройера по-гиляцки «Гарпа». Что окончаніе этого имени должно быть не «па», а «пахъ», это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ упомянутое слово въ гиляцкихъ названіяхъ мѣстностей часто повторяется и имѣетъ значеніе: скала или камень. Я предполагаю, однако, что и первый слогъ не переданъ совсѣмъ точно, и что мысъ называется не «Гарпа», а «Чхаръ-пахъ», т. е. деревянная или лѣсная скала — названіе, встрѣчающееся и при устьѣ Амура.

страненія Гиляковъ по восточному берегу Сахалина находится близъ мыса Делиль-деля-Кройера, т. е. около 51° с. ш., или на градусъ сѣвернѣе его положенія на западномъ берегу[1]). Наконецъ, кромѣ морскихъ береговъ, Гиляками заселена и внутренность острова. Тамъ, сравнительно густое населеніе простирается именно вдоль значительной и обильной рыбою рѣки Тымы, вплоть до ея верховья. Но здѣсь и предѣлъ ихъ жилья, потому что южнѣе, по еще болѣе значительной, пожалуй, рѣкѣ Ты, какъ ее называютъ Гиляки, или Поронай[2]), какъ она значится у Анивъ, постоянное населеніе имѣется лишь въ нижнемъ теченіи и на устьѣ, и это населеніе, за малыми, единичными исключеніями, уже не гиляцкое.

Окинувъ общимъ взглядомъ всю занимаемую Гиляками область, не трудно замѣтить, что она главнымъ образомъ расположена около морей — Охотскаго, Сѣверо-Японскаго и лимана Амура, а затѣмъ по двумъ большимъ рѣкамъ — по Амуру на материкѣ и по рѣкѣ Тымы на Сахалинѣ. Это обстоятельство сразу показываетъ, какую роль моря и рѣки играютъ въ жизни и домашнемъ быту этого народа. Кромѣ того, при такомъ положеніи и разграниченіи ихъ территоріи, у Гиляковъ ни къ сѣверу, ни къ востоку, т. е. на паибольшемъ протяженіи ихъ окраинъ, вовсе нѣтъ сосѣдей, а имѣются они только къ западу и къ югу. Но за то тамъ они непосредственно сталкиваются со многими другими Амурскими инородцами, а именно: съ бродячими оленными Тунгусами Охотскаго прибрежья и Станового хребта, съ Негидальцами, Ольчами и Орочами — на материкѣ, и съ Ороками и Аинами — на Сахалинѣ. Этимъ, съ одной стороны, обусловливается болѣе изолированное положеніе Гиляковъ среди Амурскихъ инородцевъ и бо́льшая ихъ самостоятельность, съ другой — объясняется, почему они должны были стать какъ бы естественнымъ звеномъ между народами материка и острова Сахалина, не исключая даже соотвѣтственныхъ съ той и другой стороны, культурныхъ націй — Китайцевъ и Японцевъ.

Впрочемъ, не смотря на рѣзкое отличіе Гиляковъ, по своеобразію языка, отъ всѣхъ прочихъ инородцевъ Амурскаго края, разграниченіе ихъ по окраинамъ съ сосѣдями далеко не всегда просто: здѣсь, напротивъ, нерѣдко замѣчается какъ бы вторженіе одного народа въ предѣлы другого. Выше уже было сказано, что на Тугурскомъ и Ульбанскомъ заливахъ совмѣстно съ Гиляками занимаются своими промыслами и Тунгусы, и нерѣдко легкіе берестовые шалаши ихъ стоятъ рядомъ съ гиляцкими юртами[3]). Вдоль берега Охотскаго моря они направляются дальше къ востоку и не рѣдко заходятъ также въ мѣстности, постоянно обитаемыя Гиляками. Такъ, зимою 1856 года мнѣ самому случалось встрѣчать коническіе остовы ихъ шалашей еще къ востоку отъ гиляцкой деревни Куль. Туда же, къ

---

1) По этому, вышеупомянутыя деревни, и особенно послѣдняя изъ нихъ, Чамр-во, должны быть подвинуты немного южнѣе, чѣмъ показано на моей первой картѣ.

2) Т. е. большая рѣка. Это — «Нева» Крузенштерна (Путеш. вокругъ свѣта, С. Петербургъ 1811, Ч. II, стр. 101). На вышеупомянутой картѣ Шебунина, точно также какъ и въ путевомъ отчетѣ Глена (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, herausgegeben v. Baer u. Helmersen, Bd. XXV, p. 205, 235. ff.), эта рѣка называется тоже Плый—имя, по Глену, также гиляцкое.

3) Поплонскій напр. нашелъ въ Константиновской бухтѣ, въ Ульбанской губѣ, также и Тунгусовъ (см. выше).

Тугурскому и Ульбанскому заливамъ, ежегодно приходятъ для промысла нерпъ и Негидальцы съ Амгуши[1]). По озерамъ Орель и Чля и по соединяющему ихъ протоку Негидальцы живутъ даже постоянно, не смотря на то, что на послѣднемъ изъ названныхъ озеръ стоитъ и гиляцкая деревня Чля. Эти свѣдѣнія, полученныя мною отъ надежнаго и преданнаго мнѣ Гиляка (Юдина, въ деревнѣ Тебахъ)[2]) впослѣдствіи были подтверждены другими путешественниками—Шенуринымъ[3]), Шмидтомъ[4]). Впрочемъ, на гидрографической картѣ Станового хребта, составленной еще Миддендорфомъ, большею частію на основаніи китайскихъ данныхъ, и оставшейся не изданной[5]), озеро Орель означено подъ именемъ «Негда», т. е. Негидальскаго. Еще дальше, чѣмъ Негидальцы, зашли въ область Гиляковъ Амурскіе сосѣди ихъ — Ольчи или Мангуны. Не смотря на то, что Гиляки, какъ уже сказано, если идти вишъ по Амуру, начинаются съ деревни Хьяре,—гораздо сѣвернѣе послѣдней, на правомъ берегу, среди чисто гиляцкихъ селеній, стоятъ двѣ деревни Ольчей: Чыльви, состоящая изъ шести, и Тыръ — изъ двухъ юртъ. Еще сѣвернѣе ихъ, на томъ же берегу, лежитъ мѣстечко Каберацбахъ, состоящее всего изъ одной юрты, въ которой, во время моего путешествія, жилъ собственникомъ Ольча, женатый на гилячкѣ. Но за то и на оборотъ, въ области Ольчей мѣстами встрѣчаются постоянныя гиляцкія жилища. Такъ, въ мою бытность на Амурѣ, въ деревнѣ Луре, лежащей не много сѣвернѣе Кидзи, изъ шести зимниковъ, три въ теченіе уже многихъ лѣтъ были заняты Гиляками. Впрочемъ, какъ тѣ такъ и другіе, не смотря на свою малочисленность, и на чужбинѣ на сколько возможно придерживались родного языка и стародавнихъ обычаевъ.

Нѣсколько иное, чѣмъ на Амурѣ, разграниченіе Гиляковъ съ ихъ сосѣдями встрѣчаемъ мы на материковомъ берегу лимана и Сѣверо-Японскаго моря. Здѣсь, между Гиляками и Орочами простирается значительная полоса земли, оставшаяся — по причинамъ, которыхъ мы коснемся ниже, — незаселенною и такимъ образомъ рѣзко разграничивающая этихъ инородцевъ. На Сахалинѣ, напротивъ, относительно Аиновъ и Ороковъ, повторяется, отчасти даже въ еще высшей степени, то же явленіе, что и на Амурѣ и Охотскомъ морѣ. По западному берегу острова, среди Гиляковъ, еще далеко не доходя ихъ южной границы, постоянно живутъ и семьи Аиновъ. Такъ, въ селеніи Аркай сами Гиляки и на западномъ берегу озера Орель, юрты Негидальцевъ. См. его дневникъ, напечатанный въ статьѣ: «О новомъ пути изъ Николаевскаго поста, что на рѣкѣ Амурѣ, въ Удскій Острогъ», въ Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Географ. Общ. Кн. III, 1857, Смѣсь, стр. 11.

---

1) Бошнякъ, Экспед. въ Прп-Амурск. краѣ (Морской Сборн., 1859, № 2, Ч. неоф., стр. 332). Fr. Schmidt Histor. Bericht über den Verlauf der physik. Abtheilder Sibir. Exped. der Kais. Russ. Geogr. Gesellsch. in den J. 1859—1862. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, herausg. von Baer u. Helmersen, Bd. XXV, p. 148).

2) По сообщенію Юдина, озеро Орель у Гиляковъ называется «Кенд-ту» («ту» значитъ: озеро), а озеро Чля—«Анд-ту». На первомъ стоятъ деревни Пфырпи-во и Кульджъ, на второмъ — Чомокръ и Чля, а на протокѣ, соединяющемъ оба озера, деревня Кезфъ, — все негидальскія селенія, за исключеніемъ дер. Чля.

3) Шенуринъ нашелъ какъ на восточномъ, такъ

4) Histor. Ber. и пр., стр. 148. Шмидтъ называетъ только негидальскую деревню Неморхонъ на протокѣ, соединяющемъ озера Орель и Чля. (Тамъ же, стр. 142). Это имя, вѣроятно, негидальское; во всякомъ случаѣ оно не гиляцкое.

5) Erster Versuch einer hydrographischen Karte des Stanowoi-Gebirges und seiner Ausläufer, zwischen dem 45. u. 62° n. Br.

ляки разсказывали мнѣ, что изъ числа лежащихъ къ югу отъ Дуи деревень, — Адиги исключительно населена Гиляками, Ктеусъ состоитъ изъ двухъ гиляцкихъ юртъ и одной аинской, Хогранъ — опять чисто гиляцкая деревня, а Пиля-во, наконецъ, населена на половину Гиляками, на половину Аинами [1]). Эта деревня, Пиля-во, что по-гиляцки значитъ «большая деревня», носитъ и у Аиновъ однозначущее названіе «Поро-котанъ» [2]). За то къ югу идетъ длинная, незаселенная береговая полоса, посѣщаемая Гиляками лишь время отъ времени, ради промысловъ. Такъ, напримѣръ, на этомъ берегу, на рѣкѣ Ароко-пай, между мысами Трибисъ и Тупай, Шмидтъ встрѣтилъ однажды Гиляка, занимавшагося у Отта-енду ловлею тюленей [3]). Кстати замѣчу, впрочемъ, что иногда Гиляки, во время своихъ торговыхъ поѣздокъ въ Сиранусн, на южной оконечности Сахалина, бываютъ принуждены зимовать въ какомъ-нибудь мѣстѣ, и въ такомъ случаѣ ихъ легко можно принять за постоянныхъ жителей той мѣстности.

Гораздо сложнѣе, чѣмъ на западномъ берегу Сахалина, положеніе народораздѣльныхъ линій на восточномъ его прибрежьѣ, потому что тамъ соприкасаются три народа: Гиляки, Аины и Ороки [4]). Хотя гиляцкое населеніе Сахалина собственно и оканчивается деревнею Чамр-во, на морскомъ берегу, и верховьями рѣки Тымы, внутри острова, тѣмъ не менѣе и на заливѣ Терпѣнія, вблизи отъ истока берегового озера, стоитъ еще гиляцкая юрта — Сиска. Въ своемъ путешествіи, Шмидтъ познакомился съ ея населеніемъ [5]). На томъ же озерѣ лежитъ и селеніе Ороковъ — Чогбо; за нимъ, сѣвернѣе, — другое, Таранъ-котанъ, а еще сѣвернѣе, на озерѣ Тарайка, среди нѣсколькихъ орокскихъ селеній, стоитъ большая аинская деревня того же имени [6]). Вотъ до чего перемѣшаны здѣсь эти три народа. Раз-

---

1) Надо замѣтить, что и Шмидтъ, двигаясь съ сѣвера, встрѣтилъ въ деревнѣ Ктеусъ, состоявшей, впрочемъ, въ то время только изъ двухъ бѣдныхъ юртъ, первыхъ Аиновъ. Хогранъ онъ называетъ аинскимъ селеніемъ (Histor. Ber. etc. l. c. p. 65, 66). Съ названіями же для вышеупомянутыхъ мѣстъ: «Ктаузи», «Хоккоранъ» и «Пиль-во», на картѣ Шебунина, я опять-таки не могу согласиться.

2) Согласно съ этимъ, и Рудановскій (Восточное Поморье, 1866, стр. 96) называетъ Поро-котанъ, или (по-гиляцки) «Пиле-во», первою гиляцкою деревнею съ юга. Онъ насчитываетъ въ ней 10 юртъ. Мнѣ же Гиляки говорили только о трехъ юртахъ, такъ что названіе этого мѣстечка могло бы показатся не мотивированнымъ. Но, по Шмидту (тамъ же, стр. 67), то была прежде въ самомъ дѣлѣ большая деревня; въ его время, однакожъ, она сократилась уже только до трехъ, да и то еще бѣдныхъ юртъ. Изъ сказаннаго видно, что показаніе Мицуля (Очеркъ остр. Сахалина въ сельскохозяйств. отнош. С. Петерб. 1873, стр. 129), будто къ сѣверу отъ Пиля-во (Поро-котанъ) нѣтъ болѣе Аиновъ, не совсѣмъ вѣрно.

3) Schmidt, Hist. Ber. etc. l. c. p. 71.

4) См. отчетъ о моемъ путешествіи, въ Bull. de la cl. phys-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XV, p. 171; Mél. phys. et chim. tirés du Bull. T. III, p. 11.

5) Histor. Ber. etc. l. c. p. 113.

6) Тамъ же, стр. 89, 113, 116. Бикморъ (The Ainos or hairy men of Jesso, Saghalien and the Kurile Islands. — Amer. Journ. of Science, May 1868, p. 13) придерживается того мнѣнія, что на сѣверной оконечности Сахалина, между мысами Елизаветы и Маріи, живутъ также Аины, и даже видитъ въ этомъ доказательство тому, что Аины — первоначальные жители этого острова, а Гиляки и Ороки (у него «Орочи»), напротивъ, — позднѣйшіе переселенцы. Но это единственное показаніе такого рода, очевидно основанное лишь на невѣрномъ толкованіи русскихъ извѣстій о числѣ аинскихъ деревень на Сахалинѣ: онъ полагалъ именно, что къ сѣверной оконечности острова надо отнести деревни, показываемыя Русскими на «Охотскомъ берегу», тогда какъ искать ихъ надо на восточномъ побережьѣ Сахалина. Непонятно только, какъ онъ могъ согласовать съ своимъ толкованіемъ значительность числа этихъ деревень (22), тѣмъ болѣе, что въ томъ же русскомъ источникѣ (отчетѣ Рудановскаго)

граничепіе ихъ усложняется, наконецъ, еще болѣе тѣмъ, что Ороки не только вторглись здѣсь между Гиляками и Аинами, но еще и въ сѣверной части острова далеко зашли въ гиляцкую территорію и по ней постоянно совершаютъ свои періодическія перекочевки. Въ своемъ мѣстѣ, мы поговоримъ объ этихъ перекочевкахъ подробнѣе.

Какъ Гилякамъ принадлежитъ крайній сѣверо-востокъ, такъ **Аинамъ** — юго-востокъ Амурскаго края, въ вышеозначенныхъ его предѣлахъ, и какъ первые занимаютъ сѣверную, такъ вторые — южную половину Сахалина. Кромѣ того, Аины составляютъ туземное населеніе острова Ессо, или Матсмая, и Курильскихъ, потому что жители послѣднихъ, Курилы или Курильцы — ни что иное, какъ тѣ же Аины, лишь говорящіе на нѣсколько иномъ нарѣчіи. Съ крайними къ сѣверу селеніями Аиновъ по западному берегу Сахалина, съ распространеніемъ ихъ тамъ даже за южный предѣлъ Гиляковъ мы уже познакомились выше. Мы говорили и о безлюдной береговой полосѣ, простирающейся къ югу отъ Поро-котана. Она оканчивается около 49° с. ш., и затѣмъ уже начинается часть острова, исключительно заселенная Аинами. Эта пустынная полоса собственно и составляетъ границу между Гиляками и Аинами на западномъ берегу Сахалина, и очевидно были особенныя, впрочемъ, легко понятныя причины (о которыхъ мы поговоримъ въ послѣдствіи), заставившія Аиновъ перешагнуть за эту границу на сѣверъ и вдаться въ чуждую имъ среду Гиляковъ. Если идти съ сѣвера, то первое чисто аинское селеніе на западномъ берегу Сахалина — деревня Орокесъ [1]), лежащая на небольшомъ заливѣ того же имени, близъ бухты д'Эстень. На восточномъ берегу, сѣверная граница Аиновъ проходитъ лишь немного сѣвернѣе, приблизительно около Найоро, если не считать отдѣленную орокскими селеніями деревню Тарайку. И такъ Аины, собственно говоря, занимаютъ не половину, а лишь немного больше одной трети острова. Но на этомъ пространствѣ они обитаютъ не только по морскимъ берегамъ, но и — въ небольшомъ, правда, числѣ — внутри острова, по многимъ изъ его болѣе значительныхъ рѣкъ [2]). Самый же родной островъ Аиновъ, съ наиболѣе плотнымъ населеніемъ этого племени, это — Ессо, откуда они распространились не только къ сѣверу, на Сахалинъ, но и къ сѣверо-востоку, на Курильскіе острова. Нынѣ они занимаютъ почти всю гряду этихъ острововъ, до Поромушира, или такъ называемаго «Втораго острова», включительно, гдѣ они поселились

общее число аинскихъ деревень на болѣе населенномъ, западномъ берегу Сахалина показано доходящимъ до 35.

1) По Рудановскому (Восточное Поморье, 1866, стр. 95). Брылкинъ (Письма съ Сахал.—Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., Т. VII, Иркутскъ 1864, стр. 14) указываетъ на «Усури», какъ на самый сѣверный пунктъ, населенный исключительно Аинами; но я подозрѣваю въ этомъ имени опечатку, вмѣсто: «Уруси». На картѣ Шебунина, къ югу отъ дер. Орокесъ означено селеніе «Уроци». Вотъ о немъ, вѣроятно, и идетъ рѣчь.

2) Рудановскій, тамъ же. Августиновичъ, Жизнь Русскихъ и инородцевъ на остр. Сахалинѣ, С. Петерб. 1874, стр. 39.

еще до прибытія Русскихъ на Камчатку. Ближайшій же и послѣдній къ сѣверу Курильскій островъ, Шумшу, напротивъ того, получилъ свое населеніе главнымъ образомъ изъ Камчатки: оно образовалось именно изъ Камчадаловъ или Ительменовъ, бѣжавшихъ туда отъ Русскихъ и смѣшавшихся тамъ съ перешедшими позднѣе туда же Айнами (Курильцами[1]). Наконецъ, Айны прежде жили и на островѣ Нипонѣ, о чемъ въ послѣдствіи будетъ сказано подробнѣе. И такъ, занимаемая ими область вся состоитъ исключительно изъ острововъ, лежащихъ у восточнаго берега Азіи; континентальныхъ же Айновъ, т. е. живущихъ на материкѣ, о которыхъ, по почину Клапрота, такъ часто упоминается въ литературѣ, вовсе нѣтъ. Впрочемъ, къ этому вопросу намъ придется еще возвратиться.

Между двумя упомянутыми народами, Гиляками и Айнами, вдвинулся на Сахалинѣ третій — **Ороки**. Въ противуположность къ первымъ двумъ, осѣдлымъ рыболовамъ, Ороки — народъ полукочевой, періодически переходящій, при помощи своихъ оленей, въ извѣстныя времена года, съ мѣста на мѣсто. Это обстоятельство сильно затрудняетъ точное опредѣленіе границъ распространенія Ороковъ. Кое-какія постоянныя, хотя все-таки лишь временныя, жилища у нихъ есть на одномъ только восточномъ берегу острова; на западный же они заходятъ только во время своихъ перекочевокъ. Насколько я могъ разузнать, самое сѣверное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое главное селеніе Ороковъ — Кэкр-во, какъ его называютъ Гиляки. Однако сообщенія послѣднихъ объ этой мѣстности были такъ сбивчивы, что я остался въ недоумѣніи относительно ея географическаго положенія: одни говорили, что она находится на разстояніи одного дня пути къ сѣверу отъ гиляцкой деревни Ный; другіе показывали ее въ такомъ же разстояніи отъ другой, тоже гиляцкой деревни — Чай-во, лежащей, однакоже, гораздо сѣвернѣе первой. Гленъ, ѣздившій по сѣверной части Сахалина, опредѣляетъ положеніе деревни Кэкр-во на 52° 58′ с. ш.[2]), и въ этой широтѣ она означена также на картѣ Шебунина, основанной, относительно сѣверной части Сахалина, на указаніяхъ Глена. Впрочемъ,

---

1) Крашенинниковъ, Опис. земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, Т. I, С. Петерб. 1818, стр. 143, 145). Steller, Beschr. von dem Lande Kamtschatka, herausg. von J. B. S. Frankf. u. Leipzig 1774, p. 7. Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. III, St. Petersb. 1758, p. 79, 81. Schlözer, Allgem. Nord. Gesch. Halle 1771, p. 433, 434. Neue Beschr. d. Kurilischen Inseln (Pallas, Neue Nord. Beytr. Bd. IV, 1783, p. 117; по свѣдѣніямъ, собраннымъ Черныхъ, Антипинымъ и Очереднымъ). Siebold, Aardrijks- en volkenk. toelicht. tot de ondekk. van Maert. Gerritsz. Vries, Amsterdam 1858, p. 117. А. Полонскій, Курилы (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. По отдѣл. Этногр. Т. IV, С. Петерб. 1871, стр. 374, 375, 421, 423).

2) P. Glehn, Reisebericht von der Insel Sachalin (Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reichs, herausg. v. Baer u. Helmersen, Bd. XXV, p. 231). И такъ, второе изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Гиляковъ, а именно, что дер. Кэкр-во находится на одинъ день разстоянія къ сѣверу отъ Чай-во, оказалось вѣрнымъ; на картѣ же, приложенной къ первому тому моего соч. «Reisen u. Forschungen im Amur-Lande», положеніе этого пункта показано почти на ¾ градуса южнѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Впрочемъ, Гленъ и Шмидтъ пишутъ это имя постоянно «Keäkr-wo», при чемъ первый всюду въ своемъ сочиненіи называетъ Ороковъ Ольчами, — на какомъ основаніи, увидимъ дальше.

и по свидѣтельству этого путешественника, — другого орокскаго селенія, болѣе сѣвернаго чѣмъ Кэкр-во, цѣлъ. И такъ, крайній къ сѣверу пунктъ Ороковъ находится какъ-разъ у мыса Вюрста, т. е. далеко внутри занимаемой Гиляками области, даже почти въ срединѣ всего гиляцкаго участка на восточномъ берегу Сахалина. Не такъ сильно вдаются самыя южныя селенія Ороковъ въ сосѣднюю имъ область Анновъ. Мы съ ними уже познакомились выше: они находятся въ заливѣ Терпѣнія, около береговыхъ озеръ, которыя прилегаютъ къ устьямъ рѣки Тый или Поро-най. Самое, кажется, южное изъ нихъ — Чогбо, лежащее на рѣкѣ Виска и одноименномъ съ нею озерѣ [1]). Замѣчательно, что означенные пограничные пункты въ то же время—и единственныя, сколько-нибудь постоянныя и притомъ наиболѣе населенныя селенія Ороковъ, тогда какъ на всемъ остальномъ, промежуточномъ пространствѣ, эти инородцы только кочуютъ. Такъ, и къ сѣверу отъ мыса Терпѣнія, на восточномъ берегу Сахалина, цѣлъ орокскихъ деревень. Шмидту, правда, указывали здѣсь на три мѣстечка, нанесенныя и на карту Шебунина [2]); но Лопатинъ, какъ уже было сказано, нашелъ этотъ берегъ, вплоть до гиляцкой деревни Чамр-во, совершенно безлюднымъ, что согласуется съ извѣстіями, полученными мною отъ Сахалинскихъ Гиляковъ [3]). Очень можетъ быть, что иногда посѣщаютъ этотъ берегъ бродячіе охотники, да и Лопатинъ вышелъ на него, слѣдуя охотничьимъ тропамъ Ороковъ [4]); тѣмъ не менѣе въ правильныхъ кочевкахъ своихъ по пространству между Кэкр-во и селеніями залива Терпѣнія, Ороки также не держатся морского берега, а проходятъ внутри острова, вдоль рѣкъ Тымы и Ты или Поро-най. По этимъ направленіямъ Ороки переходятъ каждую зиму отъ восточнаго берега Сахалина къ западному, а также на материкъ, и обратно. По теченію рѣки Ты имъ приходится, при этомъ, переѣзжать чрезъ обширную, незаселенную равнину, гдѣ находится,

---

1) См. выше, стр. 17; также и на картѣ Сахалина Шебунина. Хотя адмиралъ Невельской, бывшій (еще въ чинѣ капитана) начальникомъ такъ называемой Амурской Экспедиціи, которая впервые обслѣдовала нѣкоторыя части Сахалина и заняла его для Россіи, въ своихъ запискахъ, изданныхъ послѣ его смерти, утверждаетъ, даже по нѣскольку разъ, что Ороки (у него «Орочоны») распространены по всей южной части Сахалина до залива Анива, гдѣ живутъ въ перемѣшку съ Аинами и даже совершенно смѣшались съ ними (см. Подвиги русск. морск. офицер. на крайн. вост. Россіи, 1849 — 1855 г. При-амурскій и При-уссурійскій край. Посмертн. зап. Адмирала Невельскаго. Издан. супругою покойнаго Е. И. Н. подъ редакц. В. Вахтина. С. Петерб. 1878, стр. 275, 293, 295, 301, 305 и пр.), однако на эти свѣдѣнія положиться нельзя, потому что названная Экспедиція, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ послѣ, на всемъ южномъ Сахалинѣ видѣла и желала видѣть Ороковъ. Позднѣйшіе же путешественники этихъ указаній не подтвердили.

2) Эти три мѣстечка были названы ему однимъ Аиномъ: Таоко-най, Тсса-моки и Уну, на рѣкѣ Урай или Нури-най. Относительно послѣдняго было даже прибавлено, что это — одно изъ главныхъ сборныхъ мѣстъ Ороковъ (Schmidt, Histor. Ber. l. c. p. 116). На Шебунинской картѣ первые два названы не совсѣмъ такъ, а именно: Саоко-най и Чоа-моки. Что эти имена въ самомъ дѣлѣ аинскаго происхожденія — не трудно замѣтить. На орокскомъ языкѣ они, по свидѣтельству Шмидта, звучили бы иначе. «Уну» напр. по-орокски вышло бы: «Уны». Вѣроятно, это—не деревни, а какія-либо иныя мѣстности: рѣки, мыса, или мѣста, обыкновенно избираемыя туземцами для ночлега или привала, и которымъ они часто даютъ особыя названія.

3) См. выше, стр. 14. Изъ всего сказаннаго видно, что показаніе Брылкина (Письма съ Сахалина. — Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Общ., Т. VII, стр. 21), будто бы по всему берегу, отъ Тарайки до Ныя, живутъ — и даже въ большомъ числѣ — Ороки, лишено всякаго основанія.

4) Шмидтъ, въ Petermann's Geogr. Mitthl. 1870, p. 387.

можетъ быть, всего двѣ, три, да и то, вѣроятно, лишь временно занятыя Орокамн же юрты[1]). Совсѣмъ не то на рѣкѣ Тымы, этой главной артеріи гиляцкой части Сахалина. Здѣсь Ороки, идя изъ Кэкр-во и другихъ мѣстъ восточнаго берега, слѣдуютъ горному хребту, окаймляющему съ запада долину Тымы, почти вплоть до верховьевъ этой рѣки; оттуда они переваливаютъ къ западному берегу острова, около деревень Аркай или Мгачъ; затѣмъ подымаются вдоль морского берега къ сѣверу до Амурскаго лимана, переѣзжаютъ лиманъ по направленію къ Чоми и, нѣсколько сѣвернѣе, достигаютъ рѣчки Тымы[2]); наконецъ, поднявшись по ея долинѣ, переваливаютъ чрезъ низкій лѣсистый хребетъ Лангыскъ или Адара[3]), и вдоль рѣчки Хазелахъ спускаются въ долину Амура. Здѣсь они располагаются близъ ольчской деревни Пуль, и затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, возвращаются тѣмъ же путемъ. О цѣляхъ этихъ, ежегодно повторяющихся зимнихъ перекочевокъ мы въ послѣдствіи поговоримъ подробнѣе; теперь же достаточно сказать, что Ороки, пройдя чрезъ область чуждыхъ имъ Гиляковъ, встрѣчаютъ на Амурѣ наиболѣе родственныхъ имъ Ольчей. Эти перекочевки, быть можетъ, и теперь указываютъ намъ путь, по которому въ прежнее, ближайшимъ образомъ неопредѣлимое, время Ороки впервые переселились на Сахалинъ.

Въ Орокахъ островъ получилъ вѣтвь обширнаго тунгусскаго племени, далеко распространеннаго по всему материку сѣверной Азіи и, такъ сказать, чисто континентальнаго. Это придаетъ Сахалину, въ этнографическомъ отношеніи, какъ бы характеръ полуострова. Замѣчательно также, что этотъ единственный тунгусскій народъ на Сахалинѣ живетъ и кочуетъ какъ-разъ въ той части острова, которая, по своей наибольшей ширинѣ, по наибольшему развитію рѣкъ и, безъ сомнѣнія, также по своему климату, носитъ наиболѣе континентальный характеръ. Впрочемъ, Сахалинъ не составилъ для Ороковъ собственной, имъ однимъ принадлежащей родины: они могли только по-своему примкнуться здѣсь къ окраинамъ областей Гиляковъ и Аиновъ. Ниже мы возвратимся къ этому предмету и постараемся пояснить его, а равно и укажемъ на нѣкоторыя подобныя ему явленія въ Восточной Сибири.

И такъ, въ итогѣ оказывается, что островъ Сахалинъ, если не считать Японцевъ и Русскихъ, занятъ тремя совершенно разноплеменными народами: Гиляками, Аинами и Орокамн, которые весьма неравномѣрно распредѣлились на немъ. При значительной, правда, длинѣ, но весьма небольшой ширинѣ острова, это, безъ сомнѣнія, — богатыя этнографическія данныя. Гиляки какъ бы связываютъ островъ съ берегами Охотскаго моря и низовьями Амура, Ороки — съ остальнымъ Амурскимъ краемъ и его тунгусскимъ населеніемъ, а Аины — съ островами Ессо, Курильскими и съ Японіею[4]).

---

1) Гленъ (Reiseber. etc. l. c. p. 238), ѣздившій по этой мѣстности и подробно описавшій ее, говоритъ, что на рѣкѣ Плый (или Ты) лежатъ только двѣ юрты, называемыя Хые и принадлежащія Орокамъ (у него «Ольчамъ»), да немного выше — юрта Муйка. У Шмидта (Histor. Bericht etc. l. c. p. 118) послѣдняя упоминается — какъ предполагаетъ Гленъ — подъ ея гиляцкимъ названіемъ: «Мыге».

2) Не слѣдуетъ смѣшивать эту рѣчку съ одноименною съ нею, но гораздо большею рѣкою на Сахалинѣ.

3) Первое названіе этотъ горный хребетъ носитъ у Гиляковъ, второе — у Ольчей.

4) Смотри мои путевые отчеты, въ Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie Impériale

Возвращаясь съ Сахалина на материкъ, мы, на морскомъ берегу, къ югу отъ уже извѣстной намъ границы Гиляковъ, встрѣчаемъ **Орочей.** Они, хотя и весьма не густо раскинулись по обширному пространству, а именно: по всему материковому берегу Сѣверо-Японскаго моря, по береговому хребту Сихота-алинь, по верхнему теченію рѣкъ, берущихъ въ немъ свое начало и впадающихъ въ нижній Амуръ и въ Уссури, и по верховьямъ послѣдняго. Замѣчу однако, что приморскія области Орочей и Гиляковъ не соприкасаются непосредственно: между обѣими остается незаселенное пространство, отдѣляющее самый южный пунктъ Гиляковъ, Чоми, отъ самаго сѣвернаго пункта Орочей, Нашмаръ или залива де-Кастри. Между ними, немного сѣвернѣе только-что поименованнаго залива, пролегаетъ старинный торговый путь Ольчей, Гольдовъ, а отчасти и Гиляковъ къ морю. Онъ ведетъ отъ озера Кидзи къ заливу Таба и, будучи въ извѣстномъ смыслѣ международнымъ, быть можетъ, служилъ границею взаимнаго распредѣленія здѣсь народностей. Впрочемъ, приморское населеніе Орочей такъ скудно, что имъ нѣтъ побужденія выдвигаться сѣвернѣе залива де-Кастри. Что же касается до лиманскихъ Гиляковъ, то, распространяясь къ югу, вдоль морского берега, они все болѣе и болѣе удалялись бы отъ острова Сахалина, съ населеніемъ котораго они отчасти одного происхожденія и, кромѣ того, связаны торговыми интересами. Вотъ почему здѣсь разграниченіе Орочей съ Гиляками не представляетъ никакихъ осложненій [1]). Другое дѣло — съ Ольчами. Имъ озеро Кидзи открываетъ естественный путь къ морю, на которомъ, сейчасъ же къ югу отъ Табы, первой глубокой и болѣе защищенной бухтой является заливъ де-Кастри. Понятно поэтому, что рядомъ съ Орочами разселились на немъ и Ольчи.

Если я назвалъ населеніе Орочей на морскомъ берегу скуднымъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, что въ заливѣ де-Кастри, гдѣ мы знакомы съ Орочами — и даже подъ этимъ же самымъ названіемъ — еще со временъ Лаперуза [2]), находится не болѣе какъ совершенно единичное, выдвинувшееся къ сѣверу селеніе Орочей, а дальше къ югу до Императорской гавани, или залива Хаджи, весь берегъ вовсе не заселенъ [3]). Отъ свѣдущихъ Ольчей

---

des sciences; T. XIV, стр. 186; Mélanges phys. et chim. T. II, p. 449.

1) Показаніе Д. Романова (Присоединеніе Амура. — Русское слово, 1859 г., Авг., Отд. I, стр. 131, 135), Бикмора (The Ainos or hairy men of Jesso, Saghalien and the Kurile Isl. — Amer. Journ. of Science, May, 1868, p. 14) и др., что заливъ де-Кастри заселенъ Гиляками, совершенно ложно и объясняется лишь часто повторяющимся смѣшиваніемъ разныхъ Амурскихъ инородцевъ, на которое мы въ послѣдствіи еще не разъ укажемъ. Бикморъ прибавляетъ, правда, что Гиляки — тотъ же народъ, о которомъ уже говорилъ Ролленъ (въ путешествіи Лаперуза); но это опять-таки не вѣрно.

2) La Pérouse, Voyage autour du monde, réd. par Millet-Mureau, Paris, an V (1797), T. III, p. 62 et suiv.

3) Такого рода мнѣніе было высказано еще въ послѣднее время подполковникомъ Большевымъ, начальникомъ экспедиціи, занимавшейся въ 1879 г. на этомъ берегу, между зал. Ольги и де-Кастри, топографическими и астрономическими работами. (См. рефератъ о читанномъ имъ въ Имп. Русск. Геогр. Общ. сообщеніи, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ, 1876 г., № 104). Въ самой Императорской гавани и южнѣе, по мнѣнію Большева, живутъ Орочи и Гиляки. Точно также смѣшиваетъ этихъ разноплеменныхъ инородцевъ и Тронсонъ: онъ постоянно называетъ Гиляками туземцевъ зал. Барракута (Хаджи) и утверждаетъ, что они простираются отъ этого залива до Аяна и сѣверозападной оконечности Сахалина; мало-того, онъ даже сообщаетъ списокъ «гиляцкихъ» словъ, которыя, однако, на самомъ дѣлѣ, вовсе не гиляцкія, а принад-

мнѣ не разъ приходилось слышать о цѣломъ рядѣ селеній, расположенныхъ на означенномъ берегу, въ незначительномъ, двухъ-трехъ-дневномъ разстояніи другъ отъ друга; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. въ Хои, они даже насчитывали большое число орочскихъ шалашей. Бо̀льшая часть этихъ селеній означена на картѣ, приложенной къ первому тому моего сочиненія объ Амурскомъ краѣ[1]), хотя очень можетъ быть, что иныя изъ нихъ—только любимыя у туземцевъ мѣста привала или почлега. Относительно нѣкоторыхъ, Ольчи прямо говорили, что деревни эти бываютъ заселены Орочами только лѣтомъ, въ пору рыбной ловли; такъ, напримѣръ, ближайшая къ югу отъ залива де-Кастри деревня Ду состоитъ изъ трехъ юртъ, жители которыхъ переселяются на зиму на впадающую въ озеро Кидзи рѣку Ян.

Такова сѣверная граница Орочей на морскомъ берегу. Южная же, по свидѣтельству Пржевальскаго[2]), находится на рѣкѣ Суйфунѣ, впадающей въ заливъ Герена, по-русски такъ неудачно названный Амурскимъ. Впрочемъ, здѣсь, на югѣ, Орочи живутъ не одни въ занимаемой ими области: на морскомъ берегу и на всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ море или въ Уссури, живутъ вмѣстѣ съ ними и Китайцы, извѣстные здѣсь подъ именемъ Манзъ или Маньцзъ. Подробнѣе о нихъ мы поговоримъ послѣ; здѣсь же замѣтимъ, что они, среди Орочей, если идти съ юга, встрѣчаются только до заливовъ Ольги и Владиміра, или много-много до 46° с. ш., сѣвернѣе же этого больше не попадаются[3]). Если принять во вниманіе большое число Манзъ и то обстоятельство, что только мужчины переселяются изъ своей китайской родины въ эту дикую мѣстность и здѣсь вступаютъ въ бракъ, или живутъ въ конкубинатѣ съ орочскими женщинами, то легко представить себѣ, какое важное вліяніе на физическія свойства, равно какъ и на образъ жизни, нравы, характеръ и даже языкъ Орочей, должно было имѣть въ теченіи времени сожительство съ ними Манзъ. Ихъ обыкновенно означаютъ и особымъ названіемъ, даннымъ имъ Китайцами,—Тац-дзе, а съ русскимъ окончаніемъ: Тацзы или Тазы, причемъ даже не всегда признается тождественность ихъ съ Орочами[4]).

лежатъ языку Орочей. (Tronson, Person. narrat. of a voyage to Japan, Kamtschatka, Siberia, Tartary and var. parts of coast of China, in H. M. S. Barracouta, London 1859, p. 268, 325 etc.).

1) Reisen u. Forsch. im Amur-Lande, Bd. I, St. Petersb. 1858. Карта эта вышла и отдѣльно, въ русскомъ и нѣмецкомъ изданіи; въ первомъ, подъ заглавіемъ: «Карта Амурскаго края. По новѣйшимъ источникамъ и по свѣд. Л. Шренка и Максимовича составилъ поручикъ С. П. Самохваловъ, 1859». На основаніи своего дневника, я могу къ названнымъ на картѣ селеніямъ прибавить еще два, а именно: Джуанко, между Дата и Хаджи, и Кѣпи, между Хаджи и Иди. Послѣднее, впрочемъ, съ 1864 г. опустѣло, вслѣдствіе того, что всѣ жители его перемерли отъ оспенной эпидеміи (по свидѣтельству Петровича; см. Будищева, Опис. лѣсовъ части Приморск. области, въ Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., Кн. IX и X, Иркутскъ 1867, стр. 345). Согласно съ вышесказаннымъ, и Бошнякъ, весною 1853 г. впервые изслѣдовавшій берегъ отъ зал. де-Кастри до Императорской гавани, нашелъ на немъ слѣдующія, частью постоянныя, частью только лѣтомъ заселенныя Орочами деревни: Дугу, Хои, Суркумъ или Хойсмо, Ауканъ, Хойоль, Быки, Дата, Джуанко и Уй. Жители нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковы именно Суркумъ, Хойоль и Быки, зимою перекочевываютъ на р. Тумджи. (Бошнякъ, Экспед. въ При-Амурск. краѣ. —Морск. Сборн. 1859, № 37, Ч. неофиц., стр. 201 — 205).

2) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, 1867—1869 г. С. Петерб. 1870, стр. 103.

3) Венюковъ, Обозр. р. Уссури и земель къ востоку отъ нея до моря (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. 25, 1859. II [Изслѣд. и Матер.], стр. 226, 233). Его же, Путешеств. по окраинамъ Русск. Азіи и зап. о нихъ, С. Петерб. 1868, стр. 86.

4) Для примѣра укажу на Березина (Очеркъ русск.

И такъ, занимаемая Орочами или Тазами область простирается съ сѣвера къ югу почти на девять градусовъ широты. Она имѣетъ видъ длинной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и относительно узкой полосы, потому что вовнутрь материка очень не много переходитъ за береговой хребетъ. Естественную ея границу на востокѣ составляетъ море, западную же не такъ легко опредѣлить. Такъ какъ Орочи — большею частью бродячіе охотники и лишь отчасти, какъ бы при случаѣ, занимаются рыболовствомъ, тогда какъ западные сосѣди ихъ, Ольчи, и въ особенности болѣе многочисленные Гольды, — почти исключительно рыболовы, то взаимныя границы ихъ, повидимому, установились на основаніи бо̀льшей или меньшей пригодности мѣстностей по правымъ притокамъ нижняго Амура и Уссури къ охотѣ или къ рыболовству. Насколько эти рѣки удобны для рыбной ловли, онѣ были заняты Гольдами; тамъ же, гдѣ уловъ рыбы незначителенъ, или ловля слишкомъ затруднительна, но гдѣ за то много разнаго звѣря, тамъ земля досталась Орочамъ. Послѣднимъ принадлежатъ поэтому вообще верховья всѣхъ упомянутыхъ рѣкъ; по рѣчкамъ съ гористыми берегами и быстрымъ теченіемъ, каковы многіе изъ притоковъ Амура, берущихъ начало въ береговомъ хребтѣ, и почти всѣ притоки Уссури, Гольды заняли только устья, а на большихъ правыхъ притокахъ Амура — и нѣкоторую часть по нижнему ихъ теченію. Такимъ образомъ, Орочи, спускаясь съ берегового горнаго хребта, болѣе или менѣе приближаются къ Амуру и къ Уссури, но нигдѣ не достигаютъ ихъ, за единственнымъ исключеніемъ лежащихъ въ горахъ истоковъ Уссури. Разсмотримъ теперь главнѣйшіе изъ упомянутыхъ правыхъ притоковъ Амура и Уссури подробнѣе, по отношенію разграниченія на нихъ Орочей и Гольдовъ.

На маленькихъ, но быстрыхъ рѣчкахъ Пэ и Ян, впадающихъ, по своемъ соединеніи, съ юга въ озеро Кидзи, живутъ — какъ я самъ, при посѣщеніи этой мѣстности, въ іюнѣ 1856 г., въ томъ убѣдился — Орочи, на лѣто переселяющіеся на морской берегъ. До озера Кидзи, составляющаго какъ бы огромную боковую бухту Амура, а слѣдовательно и до самаго Амура, они, однако, не достигаютъ, потому что почти на самомъ устьѣ рѣки Пэ, на озерѣ, лежитъ деревня Ольчей Пэдане. Слѣдующія къ югу рѣки: Міэта, впадающая въ Амуръ между деревнями Пульса и Самахагду, и Хелясо (или Селясо) незаселены и служатъ только зимнимъ путемъ, которымъ Ольчи для торговыхъ цѣлей переходятъ съ Амура къ Орочамъ на Ян и Тумджи. По долинѣ болѣе значительной и быстрой рѣки Хонгаръ, Орочи распространились сравнительно далеко. Гольды деревни того же имени, лежащей при устьѣ этой рѣки, передавали мнѣ, что на ней есть еще всего только три гольдскихъ селенія, изъ которыхъ послѣднее, Хаджаль, отстоитъ отъ Амура на разстояніи трехдневнаго и не свыше четырехдневнаго лѣтняго, или однодневнаго зимняго пути [1]). Дальше вверхъ по теченію, гдѣ рѣка Хонгаръ становится еще быстрѣе, начиная съ деревни Ультуръ, уже являются Орочи,

---

портовъ въ Татарск. прол. и Японск. морѣ. — Морск. Сборн. 1861, № 1, Ч. неоф., стр. 162), Плаксина (Приморск. обл. Вост. Сиб. — Воен. Сборн. 1869, № 12, стр. 195, 196), Большева (тамъ же) и друг.

1) Другія двѣ деревни — Хероле, съ одной, и Гоармо, съ двумя юртами, какъ и Хаджаль; всѣ три лежатъ на правомъ берегу р. Хонгаръ.

у которыхъ по этой рѣкѣ, до впаденія въ нее рѣчки Ульджи, еще пять деревень[1]). Рѣка Пайхе или Да[2]) и притокъ ея Мупаму, вытекающій невдалекѣ отъ верховьевъ Хонгара, по указаніямъ тѣхъ же Гольдовъ, населены въ своемъ верхнемъ теченіи, лежащемъ среди горъ, Орочами, а въ нижнемъ — Гольдами[3]). Впадающая въ Уссури рѣка Кій, какъ кажется, посѣщается Орочами только по временамъ. Проходя 5/17 августа 1855 года мимо ея устья, я видѣлъ множество спускавшихся по ней орочскихъ лодокъ. Владѣльцы ихъ были родомъ съ рѣки Поръ, и на возвратномъ пути туда, временно разбили свои шалаши на берегу Уссури. Говорятъ, что на рѣкѣ Поръ[4]) можно встрѣтить Орочей не ближе, какъ въ 60-ти верстахъ разстоянія отъ устья впадающей въ него рѣчки Кхетенъ-дабанъ[5]). По начиная отсюда, они живутъ какъ по главной рѣкѣ, такъ и по ея притокамъ, напр. по Корсонѣ и др., то кочуя, то въ постоянныхъ селеніяхъ[6]). Тамъ, по верхнимъ притокамъ Пора, между ними уже встрѣчаются осѣдлые Китайцы, число которыхъ къ югу, по Уссури и его притокамъ, вообще все болѣе и болѣе возрастаетъ. Рѣки Бики и Има или Эма, со впадающею въ нее слѣва большою рѣкою Ваку, за исключеніемъ ихъ нижняго теченія, вполнѣ принадлежатъ Орочамъ; на рѣкѣ Ваку, напримѣръ, первое (если идти вверхъ по теченію) жилище Орочей, юрта Пейле, стоитъ на разстояніи всего 65 верстъ отъ мѣста впаденія рѣки въ Иму, а слѣдовательно и неподалеку отъ Уссури. Впрочемъ, въ верхнихъ частяхъ названныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, Орочи живутъ или кочуютъ вмѣстѣ съ многочисленными Китайцами[7]). Наконецъ, на самой Уссури, граница между Орочами и Гольдами лежитъ при впаденіи рѣки Даубихэ[8]): до него (отъ устья) живутъ на Уссури Гольды, далѣе же вверхъ — Орочи, при чемъ и тѣ и другіе, особенно же Орочи, перемѣшаны съ многочи-

---

1) По словамъ Гольдовъ, деревня Ультуръ, лежащая на правомъ берегу р. Хонгаръ и состоящая изъ 3—4-хъ юртъ, населена Орочами только лѣтомъ; на зиму же жители ея переходятъ въ двѣ ближайшія деревни, лежащія вверхъ по той же рѣкѣ. Порядокъ, въ которомъ расположены эти пять селеній Орочей, слѣдующій: Одоме, въ одну, и Уй-одоме, въ двѣ юрты, — оба на лѣвомъ берегу; Пиръ — на правомъ берегу (одна юрта); Джигдана, жители которой на лѣто также переселяются въ Ультуръ, и Ульдьи (одна юрта), — оба на лѣвомъ берегу. Еще дальше вверхъ, рѣка Хонгаръ не заселена.

2) На картахъ она всегда значится подъ именемъ «Дондонъ». У Гольдовъ я слышалъ для нея, кромѣ вышеприведеннаго, еще названіе: «Сера».

3) Здѣсь мнѣ были названы двѣ деревни Гольдовъ: Яука и Дуляля, тогда какъ выше лежатъ деревни Орочей: Серахсэ и Бера.

4) Туземцы называютъ эту рѣку также «Форъ», «Хоръ» или «Хоро», какъ она значится и у Маака, Венюкова и Пржевальскаго. (Маакъ, Путеш. по долинѣ р. Уссури, С. Петерб. 1861, стр. 44, 53. Венюковъ, Обозр. р. Уссури и земель къ вост. отъ нея до моря. — Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. 25, 1859, Отд. II, стр. 194. Пржевальскій, Путеш. въ Уссурійск. краѣ., стр. 43).

5) По Корзуну; см. Будищева, Опис. лѣс. части Прим. обл. (Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. IX и X, Иркутскъ 1867, стр. 366).

6) Корзунъ, тамъ же. Венюковъ, Обозр. рѣки Уссури (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. 25, 1859, Отд. II, стр. 194, 195).

7) Корзунъ, тамъ же, стр. 376. Венюковъ (тамъ же, стр. 198) полагалъ, что по рѣкѣ Бики живутъ только Орочи, Китайцевъ же вовсе нѣтъ. Но позднѣйшіе путешественники встрѣтили ихъ тамъ. Корзунъ (тамъ же, стр. 364) именно говоритъ, что часть этой рѣки, наиболѣе населенная Орочами, — та, въ которой лежитъ китайская деревня Чамудындзя.

8) Рѣка Усури носитъ это названіе только до впаденія въ нее р. Даубихэ; выше она называется Уляхэ, а отъ мѣста впаденія въ нее р. Фудзи или Лифудина — Сандогу.

сленными Китайцами. По Венюкову, населеніе Гольдовъ простирается еще и нѣсколько вверхъ по рѣкѣ Даубихэ, по верховье послѣдней принадлежитъ Орочамъ [1]); по Васильеву же, Гольдамъ принадлежитъ только деревня Сянг-сау, на устьѣ Даубихэ, тогда какъ выше живутъ исключительно Китайцы [2]). Такимъ образомъ, западная граница Орочей отнюдь не совпадаетъ съ водораздѣломъ притоковъ Амура и Уссури, съ одной стороны, и Сѣверо-Японскаго моря [3]), съ другой, но всецѣло проходитъ къ западу отъ него. Этимъ ясно опредѣляется горный или альпійскій характеръ всего занимаемаго Орочами пространства. По поросшему дремучимъ лѣсомъ, береговому хребту Сихота-алинъ, они, существуя охотою, бродятъ на всемъ протяженіи съ сѣвера на югъ, но богатымъ же разнаго рода звѣремъ склонамъ этого хребта спускаются лишь настолько, насколько встрѣчаютъ пригодныя для себя, или никѣмъ не оспариваемыя у нихъ мѣстности. Къ востоку они, такимъ образомъ, распространяются до самаго моря, а къ западу близко подходятъ къ Амуру и Уссури, не достигая впрочемъ этихъ рѣкъ, вслѣдствіе встрѣчаемой тамъ преграды со стороны болѣе сильныхъ сосѣдей своихъ, Ольчей и Гольдовъ.

Какъ на морскомъ берегу съ Гиляками граничатъ къ югу Орочи, такъ на Амурѣ — граничатъ съ ними **Ольчи** или, по названію, даннаму имъ Русскими, **Мангуны** [4]). Это — народъ чисто Амурскій, потому что занимаемыя имъ мѣста, за исключеніемъ залива де-Кастри, единственнаго приморскаго пункта для этого народа, расположены только по Амуру, между Гиляками на сѣверѣ и Гольдами на югѣ. Хотя они рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей: отъ Гиляковъ — своимъ тунгусскимъ языкомъ, отъ Гольдовъ — особенностями нарѣчія и многими чертами во внѣшности и въ образѣ жизни, однако вѣрнаго и точнаго опредѣленія ихъ границъ не далъ еще никто изъ многочисленныхъ путешественниковъ, ѣздившихъ вверхъ и внизъ по Амуру, а слѣдовательно проходившихъ и по всему пространству, занимаемому Ольчами. Одни болѣе или менѣе урѣзываютъ ихъ область [5]), другіе принимаютъ ихъ за тѣхъ же Гиля-

---

1) Венюковъ, Обозр. р. Уссури, стр. 233. Будищевъ, Опис. лѣс. части Приморск. обл., стр. 428, 429. Пржевальскій, Путеш. въ Уссур. краѣ, стр. 93.

2) Маакъ, Путеш. по долинѣ Уссури, стр. 56.

3) Максимовичъ полагалъ, что можно береговой хребетъ или водораздѣлъ между Уссури и моремъ считать границею между Гольдами и Орочами (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1861, Кн. III, Смѣсь, стр. 5).

4) Объясненіе какъ этого имени, такъ и названій разныхъ другихъ Амурскихъ народовъ, будетъ дано ниже.

5) Такъ напр. Свербѣевъ (Опис. плав. по р. Амуру эксп. генер.-губерн. Восточн. Сибири, въ 1854 г.—Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. III, С. Петерб. 1857, стр. 72, 74) говоритъ, что внизъ по Амуру Гольды живутъ до Джаи, а съ Кидзи уже начинаются Гиляки. На долю Ольчей, въ такомъ случаѣ, пришлась бы только деревня Гауне на Амурѣ. Ошибочное мнѣніе, что инородцы деревни Кидзи и ея окрестностей — Гиляки, повторяется почти у всѣхъ нашихъ путешественниковъ, какъ напр. у Д. Романова (Очеркъ мѣстности между зал. де-Кастри и р. Амуромъ. — Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. 25, 1859, Отд. II [Изслѣд. и Матер.], стр. 134 — 138), у Мевеса (Три года въ Сиб. и Амурск. странѣ. — Отеч. Зап. Т. CXLVIII, стр. 284), называющаго Кидзи даже главнымъ селеніемъ Гиляковъ, у д-ра Плаксина (Приморская область Вост. Сиб. — Воен. Сборн. 1869, № 12, стр. 194), по которому Гиляки жи-

ковъ, такъ что Ольчей у нихъ вовсе не оказывается. Послѣдняго рода показанія даже встрѣчаются чаще первыхъ[1]). Если не считать двухъ-трехъ деревень Ольчей, лежащихъ среди Гиляковъ и уже упомянутыхъ выше[2]), то крайнія къ сѣверу селенія ихъ: Теича на правомъ и Ухтръ на лѣвомъ берегу рѣки, — оба неподалеку отъ послѣднихъ гиляцкихъ селеній на Амурѣ, Хьяре и Тлялысъ[3]). Южную же границу ихъ, со стороны Гольдовъ, составляютъ: большая деревня Ади на правомъ и маленькая деревушка Кульгу на лѣвомъ берегу Амура[4]). Отсюда слѣдуетъ, что, уже извѣстная намъ изъ путешествія Японца Мамія-Ринсо, деревня Кидзи лежитъ почти по самой срединѣ занимаемой Ольчами части Амура. Изъ этой, центральной для нихъ мѣстности, большая, близко подходящая къ морю губа Амура, такъ называемое озеро Кидзи, открываетъ Ольчамъ естественный путь къ морскому берегу, а именно къ заливу де-Кастри. Но это, какъ уже замѣчено выше, — и единственный пунктъ ихъ на морѣ.

На Амурѣ, слѣдовательно, весь участокъ Ольчей простирается не болѣе, какъ на какіе-нибудь полтора градуса широты. По притокамъ же Амура, Ольчи, за исключеніемъ случаевъ торговыхъ поѣздокъ, не заходятъ далѣе устьевъ; да Амуръ въ границахъ этого племени и не принимаетъ въ себя сколько-нибудь значительныхъ притоковъ. Область Ольчей, такимъ образомъ, одна изъ наименѣе пространныхъ въ Амурскомъ краѣ. Къ тому же, въ ней встрѣчаются сверхъ того переселенцы изъ сосѣднихъ народностей. Гиляковъ, правда, не много[5]); но тѣмъ

вутъ не только по Амуру, начиная отъ Софійска (Джан), и по берегамъ Охотскаго моря, но также и по Амгуни и части Татарскаго пролива, и. т. д. У послѣдняго, впрочемъ, Амурскіе инородцы до того перепутаны, что названія «Мангуны» и «Манегирцы» означаютъ одно и то же. Точно также и Американецъ Бушъ (Reindeer, dogs and sno-shoes, London 1872, p. 77, 86—89) принимаетъ прибрежныхъ жителей озера Кидзи за Гиляковъ. Но всего удивительнѣе, что и Бошнякъ впадаетъ въ ту же ошибку, и послѣ совершенно вѣрнаго замѣчанія, что у деревни Ухтръ находится рѣзкая граница между Мангунами и Гиляками, потому что первые живутъ до этой деревни, включительно, а послѣдніе внизъ отъ нея (Экспед въ При-Амур. краѣ. — Морск. Сборн. 1859, № 1, Ч. неоф., стр. 125), въ другомъ мѣстѣ своей статьи (М. Сб. 1859, № 3, Ч. неоф., стр. 209) самъ же говоритъ о «Кизинскихъ Гиляках.»

1) Паргачевскій (Поѣздка зимнимъ путемъ вверхъ по р. Амуру, отъ Николаевск. поста до Усть-Стрѣлочнаго караула, совершенн. въ 1856 — 57 гг. — Вѣстн. Имп. Русск. Географ. Общ. Ч. 21, 1857, Отд. II [Изслѣд. и Матер.], стр. 161, 165) Ольчей вовсе не знаетъ; по его мнѣнію, отъ устья Амура до Ади живутъ Гиляки, а дальше — Гольды. Д-ръ Шперкъ (Географо-патологическіе очерки Вост. Сиб. — Медико-топограф. Сборн. С. Петерб. 1870, стр. 68) причисляетъ къ области Гиляковъ даже весь нижній Амуръ, начиная отъ устья Уссури. У Ѳ. Буссе (Очеркъ условій земледѣлія въ Амурск. краѣ. — Зап. для чтенія, издав. К. Трубниковымъ, Авг. — Дек. 1869) объ Ольчахъ вовсе не упоминается.

2) Чыльви, Тыръ и Каберацбахъ; см. выше, стр. 16.

3) Пермякинъ (Путев. журн. плав. по р. Амуру, отъ Усть-Стрѣлочн. караула до впад. ея въ Татарск. проливъ. — Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. II, С. Петерб. 1857, стр. 64) ошибочно показываетъ, что Гиляки начинаются съ деревни Пуль, и что, слѣдовательно, имъ же принадлежатъ деревни Теньча и Ухтръ (Охто). Не менѣе ошибочно и другое показаніе его, что жители деревни Тыръ — Гиляки (тамъ же, стр. 67), тогда какъ они — Ольчи.

4) Подобно сѣверной границѣ Ольчей съ Гиляками, южная ихъ граница съ Гольдами всюду опредѣлена невѣрно. Такъ напр. у Чихачева, одного изъ первыхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Ольчей, встрѣчается показаніе, что они (если идти внизъ) начинаются съ деревни Хыввунда (см. посмерт. соч. Невельского: «Подвиги русск. морск. офиц. на крайнемъ востокѣ Россіи, 1849—55 г.», стр. 163). О другихъ, еще болѣе ошибочныхъ мнѣніяхъ уже сказано выше (стр. 26, прим. 5).

5) О Гилякахъ, живущихъ среди Ольчей, въ деревнѣ Ауре, было уже сказано выше (см. стр. 16).

больше Гольдовъ, одноплеменныхъ съ Ольчами. Такъ напримѣръ, въ бытность мою на Амурѣ, одна изъ юртъ деревни Дыра или Дере принадлежала Гольдамъ, такъ же какъ и лежащая при устьѣ Хеляссо юрта Хыввунда; въ селеніи Самахагду, расположенномъ немного сѣвернѣе, жило также нѣсколько Гольдовъ; наконецъ, въ февралѣ 1855 г., мнѣ самому пришлось побывать въ селеніи, которое только-что закладывали Гольды на озерѣ Кидзи, неподалеку отъ Маріинскаго поста. Къ этимъ выселеніямъ изъ своей родины вынуждаетъ впрочемъ Гольдовъ не какъ не недостатокъ простора въ собственныхъ ихъ границахъ, а гнетъ, претерпѣваемый ими отъ Маньчжуровъ. А такъ какъ господство послѣднихъ въ Амурскомъ краѣ простирается до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ распространенія Гольдовъ, то понятно, что обратнаго переселенія, Ольчей къ Гольдамъ, не бываетъ. И въ самомъ дѣлѣ, среди послѣднихъ нигдѣ не встрѣчаешь ни отдѣльныхъ семействъ, ни цѣлыхъ селеній Ольчей, какъ это бываетъ среди Гиляковъ.

Насколько область Ольчей мала, настолько, напротивъ, обширна территорія ихъ южныхъ сосѣдей — **Гольдовъ**. Она не только занимаетъ прибрежья Амура отъ южной границы Ольчей до Сунгари, но и простирается болѣе или менѣе далеко вверхъ по правымъ притокамъ Амура, въ особенности по Уссури и Сунгари и, наконецъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ переходитъ даже за лѣвый берегъ Амура. Крайнія къ сѣверу мѣста, отъ которыхъ идетъ уже вверхъ по Амуру чисто гольдское населеніе, это — деревни Чіуча на правомъ и Кэурми на лѣвомъ берегу Амура, лежащія неподалеку отъ крайнихъ къ югу селеній Ольчей. Южною же границею Гольдовъ на Амурѣ служитъ устье Сунгари. Выше, Амуръ, или — какъ его въ этой части называютъ Маньчжуры — Сахали, посѣщается только лѣтомъ, на время охоты и рыбной ловли, Сунгарійскими Гольдами [1]); Амурскимъ же Гольдамъ, какъ и всѣмъ осталынымъ инородцамъ нижней части этой рѣки, доступъ къ верхней ея части воспрещенъ Маньчжурами, причемъ расположенному въ Джанг-джу, на устьѣ Сунгари, военному караулу поставлено въ обязанность строго смотрѣть за соблюденіемъ этого запрещенія. По одному Амуру, слѣдовательно, Гольды занимаютъ пространство, длиною болѣе чѣмъ вдвое превосходящее весь участокъ на немъ Ольчей [2]). Но они, какъ

---

1) Мнѣ самому напр. случилось на Амурѣ, немного выше устья Сунгари, въ мѣстности, названной мнѣ Кудьюрко, встрѣтить Сунгарійскихъ Гольдовъ изъ деревни Ляхцо, которые жили тамъ въ лѣтнихъ шалашахъ. Изображеніе подобнаго шалаша будетъ помѣщено ниже.

2) Большинство русскихъ путешественниковъ приписываетъ только часть этого пространства Гольдамъ, и притомъ не всегда одну и ту же часть, такъ что между показаніями ихъ иногда нѣтъ ничего общаго. Такъ напр., по д-ру Шперку (тамъ же, стр. 68), область Гольдовъ простирается только отъ устья Сунгари до устья Уссури; а по д-ру Плаксину (тамъ же, стр. 193),— отъ устья Уссури до устья Горина. Послѣ этого не удивительно, что населеніе Гольдовъ показалось имъ «крайне ничтожнымъ» (Шперкъ, тамъ же). Другіе, напротивъ, склонны приписывать Гольдамъ и порядочную часть занимаемаго Ольчами пространства; такого мнѣнія напр. Свербѣевъ (см. выше, стр. 26, прим. 5).

сказано, не ограничиваются этою рѣкою. Правда, два наибольшіе лѣвые притока Амура въ области Гольдовъ, Горинъ и Куръ, заселены ими только на самыхъ устьяхъ, въ среднемъ же и нижнемъ теченіяхъ заняты другими тунгусскими племенами, — Самагирцами и Кялями. Но почти на полудорогѣ между этими рѣками есть озеро Болангъ («Нор-хывво» по-гольдски)[1], принимающее въ себя множество мелкихъ притоковъ, и тутъ, на главнѣйшемъ изъ нихъ, на рѣкѣ Седземи, живетъ довольно плотное населеніе Гольдовъ[2]. Относительно Амура, слѣдовательно, это—самый западный пунктъ, до какого только достигаютъ Гольды. Съ восточною границею ихъ, со стороны Орочей, по рѣкамъ Хонгаръ, Найхэ и Уссури, мы уже познакомились. На послѣдней изъ нихъ, Гольды, какъ мы видѣли, живутъ до устья Даубихэ и, можетъ быть, еще нѣсколько вверхъ по этому притоку, но никакъ не до верховьевъ его, которыя, напротивъ, заселены Орочами. Отъ рѣки Даубихэ, юго-восточная граница Гольдовъ идетъ на рѣку Лефу, впадающую въ озеро Ханка или Кенка, и затѣмъ къ самому озеру[3], гдѣ они, однако, такъ же, какъ и на всемъ верхнемъ Уссури, перемѣшаны съ многочисленными Китайцами (Манзами). Положеніе западной границы гольдскаго населенія въ Уссурійскомъ краѣ съ точностью опредѣлить пока невозможно, такъ какъ пространства по лѣвымъ притокамъ Уссури еще мало изслѣдованы. Во всякомъ случаѣ, Гольды по этимъ рѣкамъ далеко за устья не распространяются, а уступаютъ выше мѣсто разбросаннымъ селеніямъ Китайцевъ. На Сунгачѣ, единственномъ истокѣ озера Ханка въ Уссури, стоитъ только одна гольдская юрта, Хыйхыль, почти на половинѣ пространства ея теченія[4]. О рѣкѣ Муреи мы, въ этомъ отношеніи, еще ничего не знаемъ. По Пору, граница Гольдовъ, повидимому, простирается всего дальше къ западу, вслѣдствіе того, что тутъ пролегаетъ дорога къ городу Сан-синь на Сунгари[5]. Но, какъ-бы то ни было, долина рѣки Уссури есть одна изъ главнѣйшихъ мѣстностей гольдскаго населенія и, можетъ быть, болѣе всѣхъ прочихъ частей Амурскаго края заслуживаетъ названія родной страны Гольдовъ. Въ послѣдствіи мы познакомимся съ нѣкоторыми историческими фактами, под-

---

1) «Хывво» значитъ: озеро. Мимоходомъ замѣчу, что озеро Болангъ, можетъ быть, такая же обширная боковая бухта Амура, какъ и озера Кидзи, Саргу и др.

2) Гольдъ деревни Маи, жившій прежде на рѣкѣ Седземи, назвалъ мнѣ не менѣе девяти, правда, маленькихъ деревень по этой рѣкѣ. Въ моемъ дневникѣ онѣ занесены, отъ устья къ верховью, въ слѣдующемъ порядкѣ: Джуангъ, Сэфареуне, Хыральцу, Пудьимода, Богдаму, Хуту, Сомому, Эбаре и Джафья.

3) Венюковъ, Обозр. р. Уссури и пр. (Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. 25, Отд. II, стр. 205). Его-же, Путеш. по окр. Русск. Азіи, 1868, стр. 37. Аносовъ, Озеро Ханкай и его климат. особ. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1864, Кн. II, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 116). Ѳ. Буссе, Очеркъ услов. земледѣ. въ Амурск. краѣ (Зап. для чтенія, издав. Трубниковымъ, Авг. — Дек. 1869, стр. 116, 117). По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною у Гольдовъ нижней Уссури, малочисленное населеніе ихъ на озерѣ Ханка распредѣлено по 5 деревнямъ. По Венюкову же, число Гольдовъ на этомъ озерѣ не превышаетъ пяти семей. Аносовъ упоминаетъ о гольдской деревнѣ, лежащей при впаденіи рѣки Лефу въ означенное озеро. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что озеро Ханка служитъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Гольдовъ. Усольцевъ (Заханкайск. край. — Морск. Сборн. 1864, № 6, Ч. неоф., стр. 188), напротивъ, былъ еще того мнѣнія, что они только временно посѣщаютъ это мѣсто и, въ такомъ случаѣ, живутъ у Китайцевъ.

4) Маакъ, Путеш. по долинѣ р. Уссури, С. Петерб. 1861, Т. I, стр. 63.

5) Маакъ, тамъ же, стр. 66.

утверждающими сказанное и свидѣтельствующими, что Уссурійскій край надо, на самомъ дѣлѣ, считать настоящею родиною Гольдовъ.

Несравненно меньше, чѣмъ по Уссури, Гольды распространены вверхъ по рѣкѣ Сунгари. Тамъ они занимаютъ лишь относительно малую часть нижняго теченія[1]) и притомъ только правый берегъ рѣки. На немъ, скрываясь въ талинкахъ, расположены всѣ гольдскія деревни[2]), — всего 13 или 14[3]), въ томъ числѣ и нѣкоторыя весьма значительныя — до послѣдней изъ нихъ, Индамо[4]), образующей южную границу Гольдовъ на Сунгари. Отсюда уже идутъ исключительно маньчжурскія и китайскія деревни, а при впаденіи рѣки Хурхи въ Сунгари стоитъ и первый маньчжуро-китайскій городъ, Сан-синь или Илан-хала (по-маньчжурски) или Ичэ-хотонъ (на языкѣ Гольдовъ, а за ними и всѣхъ инородцевъ нижняго Амура). Такимъ образомъ, Гольды непосредственно граничатъ здѣсь съ наиболѣе близко родственными имъ и нынѣ господствующими надъ ними Маньчжурами[5]), а также съ болѣе многочисленными и, въ культурно-историческомъ отношеніи, болѣе важными Китайцами. Это обстоятельство, равно какъ и обширное распространеніе Гольдовъ по тремъ главнымъ рѣкамъ Амурскаго края: Амуру, Сунгари и Уссури, придаетъ Гольдамъ въ этнографической картинѣ всего края такое первостепенное и выдающееся значеніе, какого не имѣетъ ни одинъ изъ остальныхъ его народовъ.

Если мы покинемъ нижній Амуръ и двинемся къ западу, то встрѣтимъ еще три тунгусскіе народа, обитающіе по тремъ главнымъ лѣвымъ притокамъ его: Амгунь, Горинъ и Куру. Изъ нихъ самый сѣверный, пограничный съ Гиляками народъ — **Негидальцы** или Нейдальцы, какъ его также называютъ Русскіе[6]). Занимаемая имъ область едва ли не

---

1) По Максимовичу (Nachr. vom Sungari-Fluss.— Bull. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. IV, p. 234; Mél. biolog. tirés du Bull. T. IV, p. 59), Гольды живутъ на протяженіи около 240 в. вверхъ по Сунгари.

2) Такъ утверждали мнѣ Амурскіе Гольды, и то же подтвердили въ послѣдствіи Максимовичъ и Барабашъ, изъ которыхъ послѣдній подымался далеко вверхъ по рѣкѣ (см. его Сунгарійск. Экспед. 1872 г. — Воен. Сборн. 1874, № 2, стр. 328). По Максимовичу (тамъ же), Гольдамъ даже запрещено жить на лѣвомъ берегу.

3) Максимовичъ (тамъ же) говоритъ, что на Сунгари, сверхъ деревни Джанг-джу, расположенной на устьѣ рѣки, лежитъ 13 гольдскихъ деревень, самъ же поименно насчитываетъ ихъ 14.

4) Максимовичъ, Bull. l. c. p. 235, 241; Mélanges biolog. T. IV, p. 59, 67. Барабашъ (тамъ же) говоритъ, что Гольды живутъ до деревни Цзянь-му-со; но изъ другого его же показанія (стр. 326) видно, что это названіе относится не къ послѣдней гольдской, а скорѣе къ первой китайской деревнѣ. Да и имя это вовсе не гольдское; вѣроятнѣе, что это — лишь передѣланное на китайскій ладъ названіе маньчжурской деревни «Длямса», по Максимовичу, лежащей на разстояніи 1 — 2 верстъ отъ Индамо.

5) Въ настоящее время, послѣ занятія Амурскаго края Русскими, это лишь отчасти справедливо.

6) Миддендорфъ (Путеш. на сѣв. и востокъ Сибири, Ч. II, стр. 744 и сл.) пишетъ: «Нигидаль». Въ отчетахъ же Невельского о дѣйствіяхъ Амурской экспедиціи (Подв. русск. морск. офиц. на крайн. вост. Россіи. Посмертн. зап. Адм. Невельского, С. Петерб. 1878) разсматриваемый народъ постоянно называется «Нейдальцами». Въ слѣдующей главѣ мы еще возвратимся къ этому имени и нѣкоторымъ его видоизмѣненіямъ.

вполнѣ опредѣляется бассейномъ рѣки Амгуни, потому что они выдвинулись за него лишь въ очень немногихъ мѣстахъ. Объ одномъ изъ этихъ мѣстъ мы уже говорили выше: это—озера Орель и Чля и связывающій ихъ протокъ[1]). Впрочемъ, такъ какъ это все-таки постоянныя мѣста жительства Негидальцевъ, неотрѣзанныя отъ Амгунскихъ селеній какимъ-либо инымъ, вдавшимся между ними народомъ, то мы должны считать означенныя мѣста крайнимъ сѣверо-восточнымъ предѣломъ занимаемаго Негидальцами пространства. Другое дѣло—относительно крайней сѣверо-западной точки, гдѣ еще замѣчены были Негидальцы. Въ урочищѣ Бурукашѣ на Тугурѣ Миддендорфъ, а за нимъ и Бошнякъ, встрѣтили нѣсколько постоянно жившихъ тамъ негидальскихъ семействъ[2]). Такъ какъ это—мѣсто стеченія разныхъ народностей, и Русскихъ, и оленныхъ Тунгусовъ, и якутскихъ купцовъ, и—случайно, можетъ быть—Гиляковъ, то и на Негидальцевъ слѣдуетъ здѣсь смотрѣть лишь какъ на пришельцевъ. Вѣдь уходятъ же, какъ мы видѣли выше[3]), иные изъ нихъ и еще дальше, иногда напр., и на заливы Тугурскій и Ульбанскій въ Охотскомъ морѣ и т. д. для тюленьяго промысла. Коль скоро же мы перейдемъ чрезъ узкій водораздѣлъ Укакытъ, между Тугуромъ и однимъ изъ притоковъ Амгуни, Немиленомъ, то несомнѣнно уже вступимъ въ область Негидальцевъ. Вслѣдствіе своей незначительной ширины, этотъ водораздѣлъ служитъ туземцамъ той и другой стороны волокомъ, по которому они перетаскиваютъ свои лодки, а Миддендорфъ самъ переходилъ чрезъ него, чтобы познакомиться съ Негидальцами живущими въ бассейнѣ Амгуни. Онъ встрѣтилъ ихъ тамъ на верхнемъ Немилепѣ, въ постоянныхъ жилищахъ. Но за ними, ниже, Немиленъ до самаго устья своего, а за тѣмъ и Амгунь до впаденія въ нее рѣки Амаль, незаселены, такъ что между Немиленскими Негидальцами и ближайшими къ нимъ земляками ихъ на Амгуни лежитъ пространство въ 6 дней лодочнаго пути[4]). Безъ сомнѣнія, вышеупомянутыя торговыя сношенія съ оленными Тунгусами и Якутами на Тугурѣ и были причиною, заставившею Негидальцевъ выдвинуться къ верховьямъ Немилена, не смотря на большое еще незанятое ими пространство по главной ихъ рѣкѣ, Амгуни. Впрочемъ, на этомъ пространствѣ между Немиленскими и Амгунскими Негидальцами нѣтъ никакихъ другихъ инородцевъ, такъ что тѣ и другіе живутъ въ одной сплошной области, сѣверо-западная граница которой совпадаетъ съ водораздѣломъ Амгуни и Тугура. Подобное же положеніе имѣетъ и южная граница этой области: ее составляетъ водораздѣлъ Амгуни и Горина. Не смотря на пустынныя пространства по нижнему Немилену и по Амгуни ниже Немилена, негидальскія селенія тянутся по верхней Амгуни, выше устья Немилена, и по Ольджекану, истоку Чукчагирскаго озера въ Амгунь[5]). Къ югу же отъ водораздѣла, на озерѣ Эворонъ и на Гориѣ, начинается уже область Самагирцевъ[6]). Впрочемъ, одинъ

---

1) См. выше, стр. 16.

2) Миддендорфъ, Путеш. и пр., Ч. I, стр. 176. Бошнякъ, Эксп. въ При-Амурск. краѣ. (Морск. Сборн. 1859, № 2, Ч. неоф., стр. 333).

3) Стр. 15.

4) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 744.

5) Шмидтъ (Hist. Ber. etc. l. c. p. 151) на верхней Амгуни показываетъ двѣ деревни Негидальцевъ: Хыйджанъ и Ниленъ, изъ которыхъ послѣдняя лежитъ при впаденіи въ Амгунь одноименной рѣки, а на Ольдежеканѣ — ихъ же деревню Банику.

6) Шмидтъ, тамъ же. Озеро Эворонъ—то же са-

изъ девяти родовъ, на которые, по распросамъ Миддендорфа, дѣлится негидальское племя, а именно Муктегры, живетъ отчасти среди Самагирцевъ[1]). Наконецъ, къ востоку, область Негидальцевъ простирается вдоль Амгуни до впаденія ея въ Амуръ. Проѣздомъ мимо низменныхъ, поросшихъ талышкомъ острововъ, закрывающихъ устье Амгуни, я видѣлъ на нихъ многочисленныя юрты Негидальцевъ. Слѣдовательно, они граничатъ здѣсь, какъ и на озерахъ Орель и Чля, съ Гиляками, ближайшія деревни которыхъ на лѣвомъ берегу Амура находятся, однако, въ большомъ разстояніи отъ устья Амгуни[2]). За то почти прямо противъ послѣдняго лежатъ вдавшіяся въ гиляцкую область деревни Ольчей, о которыхъ мы говорили выше. Поэтому есть основаніе предполагать, что Ольчи, при выборѣ мѣста для своихъ поселеній въ чужой странѣ, руководствовались именно близостью родственнаго имъ племени Негидальцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надеждою на легкую и выгодную съ ними торговлю. Вообще, слѣдовательно, область Негидальцевъ, хотя и близко подходитъ къ Становому хребту и къ бассейну Охотскаго моря, но все-таки своею главною, жизненною артеріею и какъ бы лицевою стороною обращена къ Амуру, а потому она и въ этнографическомъ отношеніи, не смотря на частыя сношенія своего населенія съ такъ называемыми русскими или оленными Тунгусами, якутскими купцами и т. п., составляетъ не болѣе какъ часть Амурскаго края.

Послѣднее обстоятельство еще сильнѣе обнаруживается въ отношеніи другого народа, также живущаго на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Амура, — **Самагирцевъ.** Подобно тому, какъ область Негидальцевъ опредѣляется рѣкою Амгунью, такъ область Самагирцевъ — бассейномъ Горина. Правда, они встрѣчаются также и внѣ этого бассейна; но тамъ они все-таки не у себя дома, а какъ бы только на чужбинѣ. Такъ напр., въ мою бытность на Амурѣ, хозяинъ одной изъ юртъ ольчской деревни Пуль былъ Самагиръ.. Не совсѣмъ то же самое повторяется на озерѣ Удыль. Такъ какъ это озеро изливается въ Амуръ на пространствѣ, занимаемомъ Ольчами, то естественнѣе всего было бы полагать, что живущій на немъ народъ принадлежитъ къ этому племени. Оно, пожалуй, отчасти, такъ и есть. Но все-

---

мое, что и нанесенное на карту къ I т. моего сочиненія объ Амурскомъ краѣ (Reisen u. Forsch. etc.) подъ названіемъ оз. Самагирцевъ (Samager-See), — на основаніи показаній Бошняка и Чихачева, путешествовавшихъ въ этой странѣ.

1) Остальные восемь родовъ, по Миддендорфу, слѣдующіе: Аюмканы, Алчакулы, Торомконы, Чукчагеры, Ньнсекагры, Удданы, Чемакогры и Тапкалы. Послѣдніе живутъ уже на Амурѣ, Торомконы же, напротивъ, выше всѣхъ другихъ на Амгуни. (См. его путеш. Ч. II, стр. 744).

2) Если Невельской, въ своемъ вышеупомянутомъ трудѣ (Подвиги русск. морск. офиц. и т. д., стр. 130, 132, 140, 163, 170 и др.), основываясь на показаніяхъ частью своихъ сотрудниковъ, частью — тузем-цевъ, и говоритъ о Негидальцахъ, живущихъ вмѣстѣ съ Ольчами (Мангунами) на Горинѣ, Амурѣ пониже Хыввунды, въ Кидзи, въ зал. де-Кастри и т. д., то подобныя ошибочныя показанія объясняются тѣмъ, что Русскіе того времени познакомились съ Негидальцами прежде, чѣмъ со всѣми другими тунгусскими племенами Амурскаго края, и еще не умѣли различать ихъ отъ сосѣднихъ съ ними и лишь по нарѣчію нѣсколько различныхъ инородцевъ.

таки мнѣ положительно утверждали, что и Самагирцы живутъ на этомъ озерѣ, въ пользу чего говоритъ и вышеупомянутое жительство Самагирца въ деревнѣ Пуль, лежащей какъ-разъ противъ впаденія озера Удыль въ Амуръ. Съ другой стороны, Гиляки деревни Патъ разсказывали мнѣ, что они ѣздятъ на озеро Удыль, къ тамошнимъ жителямъ, называемымъ ими «Рды», вымѣнивать у нихъ на товаръ разную пушнину, которой тамъ много[1]). Подъ именемъ же «Рды» или «Рдынгу», какъ я узналъ изъ другихъ распросовъ, Гиляки разумѣютъ Негидальцевъ. Можетъ быть, они не различаютъ этихъ двухъ близко родственныхъ между собою племенъ; но столь же возможно и вѣроятно, что тѣ и другіе обитаютъ на озерѣ Удыль[2]). Впрочемъ, если Самагирцы живутъ на этомъ озерѣ, то тамъ — ихъ сѣверо-восточная граница. Въ такомъ случаѣ, нельзя не замѣтить нѣкоторой аналогіи въ очертаніи пространствъ, занимаемыхъ Самагирцами и Негидальцами: какъ тѣ, такъ и другіе изъ своего рѣчного бассейна выдвинулись еще и на озера, лежащія къ востоку или сѣверо-востоку отъ нихъ и сливающіяся съ Амуромъ. Для Самагирцевъ подобное положеніе надо считать выгоднымъ потому, что оно открываетъ имъ путь, по которому они, обходя обирающихъ ихъ Машьякуровъ и Китайцевъ, могутъ сбывать свой пушной товаръ независимымъ отъ тѣхъ и другихъ Ольчамъ и Гилякамъ. По этому очень возможно, что та же причина, которая побуждаетъ Гольдовъ выселяться къ Ольчамъ, выдвинула и Самагирцевъ на озеро Удыль[3]).

Впрочемъ, какъ бы то ни было, настоящая и нынѣ наиболѣе родная область Самагирцевъ все-таки — бассейнъ Горина. Выше мы уже познакомились съ ея сѣверною границею, отдѣляющею ее отъ области Негидальцевъ и совпадающею съ водораздѣломъ Горина и Амгуни. Такія же естественныя границы, по водораздѣльнымъ линіямъ, у Самагирцевъ, повидимому, и съ запада, со стороны Буреинскаго хребта, и съ юга, по отношенію къ системѣ рѣки Кура. Положительныхъ свѣдѣній объ этомъ, однако, еще нѣтъ. Въ своей поѣздкѣ къ Самагирцамъ зимою 1855 г., я изъ распросовъ могъ лишь узнать, что наиболѣе плотное населеніе ихъ находится не по верхнему Горину, а по впадающей въ него справа, въ западномъ или юго-западномъ направленіи, рѣкѣ Хый. Тутъ они называли мнѣ не менѣе десяти самагирскихъ деревень, состоящихъ изъ 1 — 6 юртъ[4]). Наконецъ,

---

1) Гиляки называли мнѣ и рдынскія деревни, лежащія на озерѣ Удыль, а именно: Кольчомъ, Кильчирнъ и Теньча;— всѣ три значительныхъ размѣровъ, послѣдняя о четырехъ юртахъ. Названіе «Теньча» повторяется, впрочемъ, и на Амурѣ: тамъ, на правомъ берегу, наискось отъ устья оз. Удыль, лежитъ деревня Ольчей того же имени.

2) Лейтенантъ Бошнякъ, лѣтомъ 1852 г., ѣздилъ на оз. Удыль и въ отчетѣ о своей поѣздкѣ упоминаетъ о живущихъ на немъ инородцахъ, но не опредѣляетъ ихъ національности. Онъ нашелъ тамъ три деревни и перечисляетъ ихъ подъ названіями, близко сходными съ тѣми, которыя я слышалъ отъ Гиляковъ. Вотъ онѣ: Солянгса, Сильчуру и Теньча. (Бошнякъ, Экспед. въ При-Амурск. краѣ. — Морск. Сборн. 1859, № 1, Ч. неоф., стр. 124).

3) По Бошняку (Экспед. въ При-Амурск. краѣ. — Морск. Сборн. 1859, № 2, Ч. неоф., стр. 331), Самагирцы живутъ также и по нижнему теченію Амгуни, до деревни Кевритинъ, а за ними, уже выше — Негидальцы. Это, по моему мнѣнію, ошибочное показаніе могло произойти или вслѣдствіе смѣшенія Бошнякомъ названныхъ племенъ, или же вслѣдствіе временнаго пребыванія Самаргирцевъ на Амгуни.

4) Названія ихъ слѣдующія: Кукулеки, Хыында, Ямектанка, Цонгинка (всѣ три о двухъ юртахъ), Кон-

весьма замѣчательна обращенная къ Амуру, восточная граница Самагирцевъ. Я познакомился съ нею въ упомянутой зимней поѣздкѣ [1]). Самое устье Горина занято Гольдами; на немъ стоитъ ихъ деревня Бичу. Вверхъ же по Горину гольдскихъ деревень больше пѣтъ. Тѣмъ не менѣе, первое самагирское селеніе, Нгага, на Горинѣ, отстоитъ не менѣе какъ на 120 или 130 верстъ отъ Бичу [2]). Между Гольдами и Самагирцами остается, слѣдовательно, большое незаселенное пространство — лѣсное, богатое дичью и потому служащее для тѣхъ и другихъ охотничьимъ райономъ. Не разъ мнѣ попадались тамъ зимніе охотничьи шалаши (такъ называемые «алько») сначала Гольдовъ, которые приходятъ туда съ Амура и даже издали [3]), потомъ, приблизительно на полъ-пути, совершенно подобные же шалаши Самагирцевъ; затѣмъ уже показались разбросанные лѣтники деревни Нгага, и наконецъ, часа черезъ два, и самые зимники того же имени. Какая можетъ быть причина столь рѣзкаго разграниченія двухъ близко родственныхъ племенъ? Вѣдь выдвинули же живущіе по Амгуни Негидальцы свои селенія до самаго Амура, на которомъ они непосредственно граничатъ съ чуждыми имъ по языку и происхожденію Гиляками, занимающими противолежащій берегъ рѣки? Разница, однакоже, между тѣмъ и другимъ случаями та, что тамъ, противъ Амгуни, живутъ инородцы свободные, тогда какъ надъ Гольдами, на устьѣ Горина, господствуютъ Маньчжуры, пробившіе себѣ, правда, путь и вверхъ по Горину. Поэтому очень можетъ быть, что страхъ слишкомъ приблизиться къ своимъ угнетателямъ удерживаетъ Самагирцевъ отъ приближенія къ Амуру.

Третій и послѣдній изъ народовъ, обитающихъ по лѣвымъ притокамъ нижняго Амура, — **Кили,** на рѣкѣ Курѣ. Ни объ одномъ изъ инородческихъ амурскихъ племенъ не имѣется до такой степени скудныхъ свѣдѣній, какъ о Киляхъ. Даже самое названіе «Кили» неудовлетворительно, такъ какъ это — лишь искаженное Китайцами, обще-тунгусское названіе, объ этимологіи котораго мы еще поговоримъ въ послѣдствіи. До сихъ поръ еще никто изъ путешественниковъ не посѣщалъ Килей на рѣкѣ Курѣ; наконецъ, даже мѣсто, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Амуръ, не всегда было вѣрно означаемо. По Мааку, напримѣръ, Куръ изливается въ Амуръ при деревнѣ Поддале, слѣдовательно ниже рѣки Хонгаръ [4]), тогда какъ на самомъ дѣлѣ — устье его почти на $1\frac{1}{2}°$ ш. южнѣе и лишь немного сѣвернѣе устья

донка (6 юртъ), Серохянка и Цоргунка (по 5-ти), Хурадяка (2 юрты), Хероке (1 юрта) и Кадакадо (2 юрты).

1) См. отчетъ о моемъ путешествіи, въ Bull. de la classe physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XIV, p. 189; Mél. phys. et chim. tirés du Bull., T. II, p. 452, 453.

2) Считаю по времени, употребленному мною для проѣзда на собакахъ отъ Бичу до Нгаги: туда ѣхалъ я $2\frac{1}{4}$ дня, а обратно, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, 2 дня.

3) Такъ напр. изъ деревень: Онмой, Хонгаръ, даже изъ Цолляци, лежащей почти на 150 в. выше Бичу, на Амурѣ.

4) Маакъ, Путеш. на Амуръ, соверш. по распоряж. Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. въ 1855 г. С. Петерб. 1859, стр. 197.

Уссури. Оно находится на низменномъ лѣвомъ берегу Амура, на одномъ изъ многочисленныхъ рукавовъ этой громадной рѣки, ушедшемъ далеко въ сторону, и къ тому же закрыто множествомъ поросшихъ тальникомъ острововъ, такъ что остается совершенно незамѣтнымъ для путешественниковъ, обыкновенно держащихся высокаго праваго берега Амура. Оно ускользнуло и отъ меня, не смотря на то, что я, лѣтомъ 1855 г., на обратномъ пути съ Уссури въ Николаевскъ, болѣе придерживался еще незнакомаго мнѣ лѣваго берега. Только заслоняющій тамъ горизонтъ съ запада и сѣверо-запада хребетъ Ванда, въ которомъ рѣка Куръ беретъ свое начало, невольно бросается въ глаза каждому путешественнику. Тѣмъ, что мнѣ удалось тогда же собрать все-таки кое-какія, хотя и весьма скудныя, свѣдѣнія о Киляхъ, обязанъ я лишь Гольдамъ изъ деревень, лежащихъ на Амурѣ, вблизи отъ устья рѣки Кура. По ихъ словамъ, Кили, отличающіеся отъ нихъ нѣсколько инымъ нарѣчіемъ [1]), живутъ на рѣкѣ Курѣ и его притокахъ. Область ихъ простирается до самаго устья этой рѣки; тутъ лежитъ, между гольдскими деревнями: Иммиида, на югѣ, и Коцья, на сѣверѣ, кильское селеніе Сэванъ-гауне или Сиванъ-гауне. Какъ далеко Кили простираются вверхъ по Куру, я не могъ узнать; слышалъ только, что выше впадающей въ него рѣки Урми есть еще ихъ деревня, по имени Сэфанду [2]). Изъ того обстоятельства, наконецъ, что Кили, какъ говорили мнѣ Гольды,— превосходные охотники и богаты пушнымъ товаромъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить, что они не ограничиваются луговыми пространствами по нижнему теченію Кура, а занимаютъ или, по крайней мѣрѣ, посѣщаютъ временно, для охоты, и верхнюю часть этой рѣки, равно какъ и ея притоки, до самаго хребта Ванда. И такъ, область распространенія этого народа, вѣроятно, опредѣляется весьма естественно бассейномъ рѣки Кура.

При изложеніи географическаго распредѣленія инородцевъ въ нижне-амурскомъ краѣ, мы приняли за границу нижняго Амура устье Сунгари. Дѣйствительно, въ этнографическомъ отношеніи, рѣка Сунгари во всей нижней части Амурскаго края играетъ весьма видную роль. Съ береговъ Сунгари исходило маньчжуро-китайское вліяніе, проникшее въ самыя отдаленныя части нижне-амурскаго края; переходить за устье Сунгари, на верхній Амуръ, инородцамъ нижняго его теченія строго воспрещается маньчжуро-китайскими властями; поэтому торговля, плата ясака и пр. — все связываетъ ихъ не съ среднимъ или верхнимъ Амуромъ, а съ Сунгари [3]). За устьемъ Сунгари, мы, слѣдовательно, вступаемъ въ другую

---

1) Образцомъ различія языка Килей отъ гольдскаго могутъ отчасти служить названія животныхъ, собранныя мною и сообщенныя въ I-мъ томѣ моего труда: «Reisen und Forschungen im Amur-Lande».

2) Между двумя поименованными деревнями Килей на р. Курѣ, есть еще слѣдующія: Хыя-манга (т. е. быстрое теченіе), Иву, Ади, Кузинахо.

3) См. отчетъ о моемъ путешествіи, въ Bullet. de la cl. physico-mathém. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XV, p. 245; Mél. russes tirés du Bull., T. III, p. 349, 350.

этнографическую область или провинцію Амурскаго края, населеніе которой, хотя по происхожденію своему большею частью и родственно съ инородцами нижней части Амура, однако на самомъ дѣлѣ имъ чуждо и незнакомо. Къ тому же, между этими двумя этнографическими провинціями, по теченію Амура простирается большое, вовсе незасе́ленное пространство, — я разумѣю, во-первыхъ, луговыя низмешности по среднему Амуру, непосредственно кверху отъ устья Сунгари, на которыхъ лишь изрѣдка видиѣются коническіе шалаши Сунгарійскихъ Гольдовъ, прикочевывающихъ сюда для рыбной ловли, и, во-вторыхъ, мѣстами крутые, скалистые обрывы Буреинскихъ горъ, прорѣзываемыхъ быстрымъ теченіемъ Амура. Не прежде, какъ у подножія западнаго склона этихъ горъ, берега Амура снова оживляются. Разсмотримъ теперь, придерживаясь этихъ береговъ, какъ исходной точки, распредѣленіе инородческихъ племенъ также по среднему и верхнему теченіямъ Амура.

Первый народъ, встрѣчающійся намъ на Амурѣ выше Буреинскихъ горъ, — **Бирары.** Уже приближаясь, вверхъ по Амуру, къ западному склону этихъ горъ, видишь кое-гдѣ ихъ одинокіе шалаши. Когда я проходилъ по этой мѣстности, ихъ тамъ не было; но, по свидѣтельству Радде, зимовавшаго въ Буреинскихъ горахъ, Бирары по лѣвую сторону Амура, слѣдуя своимъ охотничьимъ промысламъ, обыкновенно доходятъ вплоть до Нижняго Дичуна, лѣваго притока Амура, а иногда, хотя и рѣдко, спускаются и дальше, немного ниже ручья Голина [1]). Такъ какъ это — народъ, по большей части живущій охотой и потому бродячій, то здѣсь и будетъ восточная граница занимаемой имъ области. Лишь немного западнѣе, на рѣкѣ У, восточная граница бирарской области пересѣкаетъ и правый берегъ Амура. Тамъ, именно, постоянно живутъ нѣкоторыя бирарскія семьи, торговать съ которыми приходятъ, изъ-за горъ съ рѣки Сунгари, Дауры [2]). На луговой низменности, выше Буреинскихъ горъ, населеніе Бираровъ многочисленнѣе, хотя также не густо. Здѣсь оно, подъ вліяніемъ своихъ западныхъ сосѣдей, Дауровъ, Маньчжуровъ и Китайцевъ, принимаетъ болѣе осѣдлый характеръ. Лежащія среди огородовъ и полей, большія и малыя деревни Бираровъ разбросаны по обоимъ берегамъ Амура, до устья Буреи и дальше. Послѣдняя кверху изъ этихъ деревень, по моимъ путевымъ замѣткамъ,—деревня Кадаганъ, расположенная на правомъ берегу Амура. За нею кверху слѣдуютъ уже отдѣльно стоящіе домики промышленныхъ Китайцевъ, а еще дальше — даурская деревня Хормольдинъ. Слѣдовательно, у деревни Кадаганъ уже находится западная граница участка Бираровъ на Амурѣ. Такимъ образомъ, онъ обнимаетъ собою оба берега рѣки, но на сравнительно небольшомъ пространствѣ, начинаясь немного выше устья Буреи и оканчиваясь среди Буреинскихъ горъ. Впрочемъ, это — лишь небольшая часть всей области Бираровъ, простирающейся главнымъ

---

1) G. Radde, Bericht über Reisen im Süden von Ost-Sibir., im Auftrage der Kais. Russ. Geogr. Gesellsch. ausgeführt in den Jahren 1855 bis 1859 (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, herausg. von Baer u. Helmersen, Bd. XXIII, St. Petersb. 1861, p. 526; тамъ же карточка къ стр. 512).

2) Радде, тамъ же, стр. 519.

образомъ по большимъ лѣвымъ притокамъ Амура въ этой части его теченія, по Ару и особенно по Буреѣ, называемой туземцами Нюманъ-бира[1]), и ея притокамъ.

Въ бассейнѣ Буреи Бирары распространяются далеко на сѣверъ, а къ западу они даже переходятъ или, по крайней мѣрѣ, прежде переходили за предѣлы этого бассейна, на верхнюю Силимджу и ея притоки. Такъ уже Поярковъ, по своемъ возвращеніи, въ 1646 г., съ перваго похода Русскихъ на Амуръ, доносилъ, что по верхней Силимджѣ («Силимбѣ») живутъ многочисленные Тунгусы-Бирары[2]). Послѣ того (въ 1681 г.), боярскій сынъ Игнатій Миловановъ видѣлъ ихъ и ниже по теченію Силимджи; по доставленнымъ имъ свѣдѣніямъ, при впаденіи послѣдней въ Зею, Дауры собирали съ нихъ ясакъ въ пользу китайской казны[3]). Во время путешествія Миддендорфа, Тунгусы-Быралы или Буралы, какъ онъ называетъ Бираровъ, жили осѣдло на Бысѣ, одномъ изъ притоковъ Силимджи, на Элыгѣ, впадающей въ Бысу, и т. д. Кромѣ того, онъ говоритъ, что Тунгусы-Быралы поднимались лѣтомъ въ лодкахъ далеко вверхъ по Уру, правому притоку Зеи, и такимъ образомъ приближались къ Становому хребту[4]). Было бы, однако, неправильно, считать вышеозначенныя мѣстности за сѣверную границу Бираровъ. Очевидно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ показаній Бирары смѣшиваются съ другими тунгусскими племенами, а именно съ ихъ ближайшими сосѣдями, Манегирцами. Самъ Миддендорфъ говоритъ, что одинъ изъ упомянутыхъ имъ «Бураловъ», если онъ не ошибается, причислялъ себя къ «Манигирьскому» роду, а другой, на Буреѣ, называлъ себя «Гурагромъ»[5]). Точно также, къ показанію Милованова о «Бирярскихъ Тунгусахъ» верхней Силимджи, онъ прибавляетъ: «можетъ быть, правильнѣе—Гурагры; принадлежатъ къ племени Манегирь»[6]). Я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ уже потому, что въ немъ еще смѣшиваются и такъ называемые Гурагры съ Манегирцами. Мнѣ, напротивъ, кажется весьма вѣроятнымъ, что на верхней Силимджѣ, столь близко подходящей къ правымъ притокамъ Буреи, также живутъ Бирары. Равнымъ образомъ, они могутъ быть и на Элыгѣ и Бысѣ, лежащихъ, съ одной стороны, недалеко отъ притоковъ Буреи, а съ другой — какъ бы по дорогѣ отъ Буреи и ея главныхъ притоковъ къ урочищу Ишкань[7]) (въ системѣ Зеи), посѣщаемому время отъ времени для торговли всѣми тамошними горными инородцами. Что же касается до жителей

---

1) «Бира» или «бера» на языкѣ Бираровъ, Гольдовъ и др. тунгусскихъ племенъ значитъ: рѣка.

2) Дополн. къ актамъ историч., собр. и издан. археогр. коммис. Т. III, С. Петерб. 1848, стр. 53.

3) Отписка стольнику Воеводѣ Ѳ. Д. Воейкову отъ посланн. въ 1681 г. для обозрѣнія Амура сынъ Боярскаго Иг. Милованова; сообщ. Спасскимъ въ статьѣ: «Свѣд. Русск. о рѣкѣ Амурѣ въ XVII стол.» (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. VII, 1853, Отд. Изслѣд. и Мат., стр. 40, 41).

4) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 162; Ч. II, стр. 726.

5) Тамъ же, Ч. II, стр. 727. Что названіе «Гурагръ», по всей вѣроятности, относится къ Килямъ на р. Курѣ, будетъ доказано въ послѣдствіи.

6) Тамъ же, Ч. I, стр. 162. Усольцевъ называетъ Бираровъ (со всей Буреи) «Манеграми». (Шварцъ, Подробн. отч. о результ. изслѣд. Матем. Отд. Сибирск. Эксп. Имп. Русск. Геогр. Общ. С. Петерб. 1864, гл. I, стр. 51).

7) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 182.

береговъ Ура, то они навѣрно — не Бирары, а Манегирцы, т. е. тунгусское племя, имъ близко родственное и о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, точное опредѣленіе взаимныхъ границъ Бираровъ, Манегирцевъ и ихъ сѣверныхъ сосѣдей, русскихъ оленныхъ Тунгусовъ Станового хребта, все-таки врядъ ли возможно. Будучи охотниками, они всѣ ведутъ бродячую жизнь: гдѣ они ожидаютъ для себя богатой добычи, туда и направляются, не заботясь о какихъ бы то ни было политическихъ границахъ; и если ихъ ожиданія сбываются, то они остаются тамъ и на болѣе долгій срокъ, хотя бы это и удаляло ихъ отъ сплеменниковъ и заводило въ мѣстность, которую другіе инородцы, по праву первенства, считаютъ своею. Отсюда проистекаютъ между ними разныя столкновенія и ссоры, которыя, какъ разсказываетъ Миддендорфъ[1]), не всегда ограничиваются одними угрозами и частенько доходятъ до отнятія огнестрѣльнаго оружія, умерщвленія верховыхъ и вьючныхъ животныхъ и т. п. Установленная Нерчинскимъ трактатомъ граница между Россіею и Китаемъ, Становой хребетъ, нисколько не разграничиваетъ китайскихъ Бираровъ и Манегирцевъ, съ одной стороны, и русскихъ оленныхъ Тунгусовъ, съ другой. Первые, правда, никогда не переходятъ чрезъ южный склонъ этого хребта; за то послѣдніе нисколько не ограничиваются сѣвернымъ его склономъ, а напротивъ, переходя чрезъ хребетъ, какъ по Буреѣ, такъ и по Зеѣ, глубоко проникаютъ въ внимо-китайскія владѣнія. Миддендорфъ сообщаетъ много подобныхъ случаевъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій. Такъ напримѣръ на рѣкѣ Кебели, притокѣ впадающаго въ Бурею Нимана, жили въ то время четыре семьи русскихъ Тунгусовъ[2]), на устьѣ первой рѣки стоялъ также балаганъ русскаго Тунгуса[3]); другіе Тунгусы спустились по рѣкѣ Тырмы почти до Буреи[4]). Шмидтъ встрѣтилъ русское (христіанское) семейство Тунгусовъ даже на 40 в. ниже впаденія рѣки Тырмы въ Бурею: оно было приписано къ Удскому острогу, но для охоты съ давнихъ поръ приходило на рѣку Малмалты[5]). По свѣдѣніямъ, собраннымъ Усольцевымъ у Бираровъ (у него «Манегровъ»), русскіе Тунгусы (которыхъ онъ, впрочемъ, называетъ просто «Орочонами») бродятъ со своими оленями вдоль Буреи, до мѣста Шеваки, откуда всего 14 дней пути до устья этой рѣки. Дальше на югъ, они кочевать не могутъ по причинѣ недостатка корма для оленей, но нѣкоторые изъ нихъ доходятъ въ берестовыхъ челнокахъ (оморочкахъ) и до устья Буреи[6]). Вслѣдъ за Тунгусами, и частью замашивая ихъ за собою, переходятъ чрезъ Становой хребетъ и предпріимчивые торговцы изъ Якутовъ, которые иногда даже надолго поселяются въ китайскихъ границахъ, по Буреѣ, Зеѣ и ихъ притокамъ. Миддендорфъ сосчиталъ, что въ его время около 25 торговцевъ изъ Якутска разъѣзжали то по сю, то по ту сторону Зейскаго и Буреин-

---

1) Путеш. и пр. Ч. II, стр. 727.
2) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 161, прим. 1.
3) Тамъ же, Ч. I, стр. 182.
4) Тамъ же, стр. 161, прим. 1.
5) Schmidt, Histor. Ber. etc. p. 167.
6) Шварцъ, Подробн. отч. о результ. изслѣд. Мат. Отд. Сибирск. Эксп. Геогр. Общ. гл. I, стр. 51.

скаго хребтовъ[1]). Одинъ Якутъ постоянно жилъ въ вышеупомянутомъ сборномъ мѣстѣ Бираровъ, Манегирцевъ и русскихъ Тунгусовъ на Ипканѣ; другіе приходили туда по временамъ изъ Якутска и Удского острога съ разными товарами и съѣстными припасами. Равнымъ образомъ, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми Тунгусами жили Якуты на Кебели и Нимани, и въ томъ числѣ одинъ, на первой изъ названныхъ рѣкъ, уже цѣлыхъ 6 лѣтъ. Проводникъ Миддендорфа, Якутъ Ванча, 18 лѣтъ предъ тѣмъ былъ на Іорахѣ, притокѣ Буреи. Другой Якутъ, Трофимъ, нѣкоторое время сопутствовавшій Миддендорфу, 26 лѣтъ до той поры спускался по Буреѣ и останавливался верстъ за 60 отъ ея устья, гдѣ находился китайскій сторожевой постъ[2]). Какъ за русскими Тунгусами тянутся Якуты, такъ, съ другой стороны, за китайскими Бирарами и Манегирцами — Дауры. Движимые также торговыми интересами, они съ Амура поднимаются вверхъ по Буреѣ, Зеѣ и ихъ притокамъ, а въ прежнія времена поднимались по верхней Сплимджѣ и даже часто пріѣзжали въ урочище Ипканъ[3]). Такимъ образомъ, здѣсь, вслѣдствіе вторженія оленныхъ Тунгусовъ въ область Бираровъ и Манегирцевъ, происходитъ встрѣча и другихъ, далеко другъ отъ друга живущихъ народностей, Якутовъ и Дауровъ. Въ своемъ мѣстѣ, мы еще вернемся къ этимъ торговымъ поѣздкамъ и взаимнымъ сношеніямъ названныхъ инородцевъ; здѣсь же было необходимо мимоходомъ упомянуть о нихъ, чтобы дать полное понятіе о крайне неопредѣленномъ характерѣ инородческихъ границъ въ этой части Амурскаго края. Становой хребетъ, водораздѣлъ обширныхъ системъ Амура и Лены, не есть въ то же время и народораздѣльная линія, вслѣдствіе чего, не смотря ни на какіе трактаты, не могъ служить и прочною политическою границею.

Болѣе важное значеніе, относительно взаимнаго разграниченія подлежащихъ нашему разсмотрѣнію инородцевъ, имѣетъ другой моментъ, на который справедливо указываетъ Миддендорфъ[4]). Хотя для русскихъ Тунгусовъ Станового хребта, равно какъ и для китайскихъ Бираровъ и Манегирцевъ по Буреѣ и Зеѣ, охота — одинаково необходимое условіе существованія, доставляющее имъ пищу и средства къ удовлетворенію другихъ жизненныхъ потребностей, хотя и тѣхъ и другихъ одинаково заставляетъ она бродить по горамъ, однако между ними та разность, что русскіе Тунгусы Станового хребта для ѣзды и перевозки поклажи употребляютъ оленей, а китайскіе Бирары и Манегирцы—

1) Тамъ же, Ч. I, стр. 163.

2) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 161, прим. 1. Что касается до извѣстія объ удаленіи 6000 Якутовъ за русскую границу въ Амурскій край, впервые сообщеннаго Биллингсомъ (Sauer, Cap. Jos. Billing's Geogr.-astronom. Reise nach den nördl. Gegenden Russlands zur Untersuchung der Mündung des Kowima-Flusses etc. Aus d. Englischen, Berlin 1802, p. 367, 368) и въ послѣдствіи часто повторявшагося, то Миддендорфъ, приписываетъ его лишь недоразумѣнію. (Зауеръ получилъ это свѣдѣніе въ домѣ исправника Горновскаго, отъ Эверса и Кушкина). Подобнаго перехода громаднаго числа Якутовъ въ китайскія владѣнія, по его мнѣнію, никогда не бывало (см. его Путеш. и пр. Ч. I, стр. 164). Я совершенно раздѣляю это мнѣніе, потому что такое большое число пришельцевъ, и къ тому же Якутовъ, народа стойкаго и полнаго жизни и предпріимчивости, никакъ не могло бы остаться незамѣченнымъ въ Амурскомъ краѣ. На самомъ дѣлѣ, кромѣ упомянутыхъ единичныхъ торговцевъ, не было тамъ и слѣда Якутовъ.

3) Миддендорфъ, тамъ же, Ч. I, стр. 161, прим. 1 Ч. II, стр. 757.

4) Путеш. и пр. Ч. II, стр. 726.

лошадей; первые — оленные, вторые — конные Тунгусы. Первымъ, слѣдовательно, для кочевокъ или временнаго пребыванія, болѣе удобны высоко-лежащіе и богатые мхами нагорные лѣса, а вторымъ, напротивъ, поросшіе высокою травою луга, открытыя солнцу предгорья и широкія долины. Поэтому, та или другая мѣстность, смотря по преобладающей въ ней природѣ, какъ бы сама достается тому народу, потребностямъ котораго она соотвѣтствуетъ. Только тамъ, гдѣ, по склонамъ горъ, преобладающей формы нѣтъ, а характеръ природы смѣшанный, могутъ происходить частыя столкновенія вышеупомянутыхъ инородцевъ, или даже завязаться между ними продолжительная борьба изъ-за обладанія спорною мѣстностью. Если при этомъ случится напримѣръ, что по неосторожности оленныхъ Тунгусовъ выгоритъ на большомъ пространствѣ хвойный лѣсъ, или, что устроенный конными Тунгусами, нарочно для улучшенія растительности, травяной палъ распространится на лежащіе выше и поросшіе мхами сосновые лѣса, то оленные Тунгусы принуждены бываютъ подниматься выше на горы, или даже совсѣмъ откочевать изъ такой мѣстности, тогда какъ конным Тунгусамъ, напротивъ, открывается чрезъ то болѣе широкій просторъ. Такимъ образомъ, здѣсь вообще граница между горнымъ и луговымъ характерами страны — вмѣстѣ съ тѣмъ и естественная граница между оленными и конными Тунгусами.

Съ этою границею, какъ доказалъ Миддендорфъ[1]), довольно близко совпадаетъ линія, намѣченная китайскими пограничными знаками. Не смотря на то, что по Нерчинскому трактату Становой хребетъ установленъ границею между русскими и китайскими владѣніями, поставленные китайскимъ правительствомъ пограничные знаки, ревизуемые ежегодно его же чиновниками, стоятъ не по гребню этихъ горъ, а гораздо южнѣе, почти у подножія ихъ южнаго склона и многочисленныхъ отроговъ. Самый западный изъ знаковъ, найденныхъ Миддендорфомъ, стоялъ при впаденіи рѣки Гилюя въ Зею. У слѣдующаго за нимъ къ востоку знака онъ самъ не былъ, но неоднократно видѣвшій его Тунгусъ говорилъ, что этотъ знакъ стоитъ при впаденіи ручья Мевана въ Нару, правый притокъ Силимджи. На этой послѣдней рѣкѣ также долженъ быть пограничный знакъ, а именно при впаденіи въ нее рѣки Киллера; но объ этой мѣстности Миддендорфъ не могъ ничего разузнать. Болѣе же обстоятельныя свѣдѣнія собралъ онъ о ближайшемъ оттуда къ востоку знакѣ, уже стоявшемъ въ бассейнѣ Буреи, при впаденіи рѣки Нимакана въ Нимань. О слѣдующихъ затѣмъ еще дальше къ востоку китайскихъ пограничныхъ знакахъ у насъ свѣдѣній не имѣется, но по словамъ Тунгусовъ, самый послѣдній и крайній къ востоку стоялъ въ старину на водораздѣлѣ между Тугуромъ и Немилепомъ, — тамъ, гдѣ находится вышеупомянутый волокъ при урочищѣ Укакытъ, и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ на границѣ между русскими Тунгусами и Негидальцами. Въ какомъ мѣстѣ эта линія пограничныхъ знаковъ пересѣкаетъ Буре-

---

1) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 166, 167.

нскій хребетъ, мы не знаемъ. Если соединить прямою линіею пограничный знакъ на Нимань съ такимъ-же знакомъ на Укакытѣ, то все верхнее теченіе Буреи и почти весь ея бассейнъ придутся къ югу отъ означенной черты. Во всякомъ случаѣ, линія пограничныхъ знаковъ въ этой своей части имѣетъ направленіе къ сѣверо-востоку, а въ западной части, отъ правыхъ притоковъ Зеи къ системѣ Буреи, — къ юго-востоку. Вслѣдствіе этого, всѣ инородцы лѣвыхъ притоковъ нижняго Амура, Кили на Курѣ, Самагирцы и Негидальцы, оказываются къ югу отъ нея, на китайской сторонѣ. Не слѣдуетъ однако забывать, что хотя эта линія пограничныхъ знаковъ въ первоначальной части своей приблизительно и совпадаетъ съ границей луговыхъ и горныхъ пространствъ, обусловливающей распредѣленіе разныхъ инородческихъ племенъ, тѣмъ не менѣе она — граница не этнографическая, а только политическая. Она обозначаетъ только крайнія точки фактическаго господства Китайцевъ въ Амурскомъ краѣ, или, другими словами, предѣлы, до которыхъ китайскіе чиновники на самомъ дѣлѣ достигали, собирая съ туземцевъ ясакъ. Правда, и за этою линіею къ сѣверу, вплоть до Становаго хребта, простирались, по трактату, китайскія владѣнія; но этотъ отдаленный и малопаселенный горный край китайское правительство, вѣроятно, не могло, да и не желало включить въ число податныхъ земель, періодически объѣзжаемыхъ его чиновниками. Однако это нисколько не доказываетъ, чтобы инородцы, живущіе къ югу отъ означенной политической пограничной линіи, по Буреѣ и Зеѣ, т. е. Бирары и Манегирцы, не распространялись и къ сѣверу отъ нея. Даже, если положить, что этого прежде не было, и что китайское правительство поставило свои знаки прямо на сѣверной границѣ упомянутыхъ инородцевъ, то и тогда эта граница навѣрное была бы нарушена этими племенами. Причина тому понятна: надежда на богатую охоту въ болѣе сѣверныхъ, горныхъ долинахъ и возможность, съ переходомъ чрезъ пограничную линію, избавиться отъ ненавистнаго ясака, всегда манили бы инородцевъ на сѣверъ.

Изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что бассейны Буреи и Зеи, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ нихъ преобладаетъ луговой характеръ — а по Буреѣ, это приблизительно простирается до линіи китайскихъ пограничныхъ знаковъ — запяты исключительно Бирарами и Манегирцами; далѣе же къ сѣверу, эти инородцы уже живутъ не одни, а вмѣстѣ съ русскими оленными Тунгусами, которые, въ свою очередь, какъ бродячіе охотники, преимущественно занимаютъ верхнюю часть горъ и богатые мхомъ нагорные лѣса. И такъ, та часть области Бираровъ, которая раскинулась по системѣ Буреи, своею величиною настолько превосходитъ незначительный участокъ ихъ по Амуру, что на нее можно смотрѣть, какъ на ихъ главную и настоящую родину. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что они дѣйствительно отсюда и вышли на Амуръ. Относительно верхняго или, лучше сказать, средняго Амура, ихъ можно, слѣдовательно, поставить параллельно съ Килями, Самагирцами и Негидальцами, занимающими большіе лѣвые притоки нижняго Амура.

Говоря о Бирарахъ, мы уже неодпократно упомпнали и о сосѣдяхъ ихъ — **Манегирцахъ.** Разсмотримъ теперь подробпѣе распространеніе послѣднихъ въ Амурскомъ краѣ. Манегирцы или, какъ ихъ также называютъ, Манегры или Монягры[1]), только на сѣверѣ, по Зеѣ и ея лѣвымъ притокамъ, непосредственно граничатъ съ Бирарами. На Амурѣ же, напротивъ, за Бирарами кверху сперва слѣдуютъ въ перемѣшку даурскія, маньчжурскія и китайскія деревни и даже городъ, Айгунъ, — однимъ словомъ, тутъ сперва идетъ та часть Амура, которую я уже выше назвалъ маньчжуро-китайскою культурною полосою. Я пропущу ее теперь, съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ ней позже. На правомъ берегу Амура, почти противъ устья рѣки Зеи, лежитъ послѣдняя маньчжурская деревня, въ которой помѣщается и маньчжуро-китайскій караулъ. Тутъ же прерывается и открытая луговая равнина; далѣе горы непрерывно окаймляютъ Амуръ, образуя широкую долину, или кое-гдѣ непосредственно приступая къ нему. Съ устья Зеи начинается область Манегирцевъ: здѣсь опять — никакого признака культуры; опять кругомъ — дикая, нетронутая, повидимому, природа, и только изрѣдка легкій шалашъ Манегирца, или одинокая хижина китайскаго или даурскаго сплавщика наноснаго лѣса, напоминаетъ о присутствіи человѣка[2]). Въ противоположность Бирарамъ, Манегирцы и на Амурѣ, не смотря на благопріятныя почвенныя условія, не обратились къ земледѣлію или скотоводству, а остались вѣрными своему бродячему образу жизни. На Амуръ ихъ привлекаетъ рыбная ловля, и потому ихъ обыкновенно можно тамъ встрѣтить только весною и лѣтомъ, тогда какъ осенью и зимою они охотятся въ горныхъ хребтахъ къ сѣверу и къ югу отъ Амура. Когда я, съ конца августа до начала октября (нов. ст.) 1856 г., шелъ вверхъ по этой части Амура, мнѣ часто попадались покинутыя жилища и становища Манегирцевъ, жердяные остовы ихъ шалашей съ объѣденною кругомъ ихъ лошадьми травою и т. п., но самихъ жителей весьма рѣдко случалось встрѣчать. Такъ какъ и непосредственные сосѣди Манегирцевъ по Амуру, Орочоны, ведутъ подобную же бродячую жизнь, то опредѣлить съ точностью взаимныя границы тѣхъ и другихъ весьма трудно. Показаніе Іакинѳа, что, начиная съ Усть-Стрѣлочнаго караула, Манегирцы занимаютъ правый, а Орочоны — лѣвый берегъ Амура, вовсе невѣрно[3]). И тѣ и

---

1) См. I томъ моего сочиненія «Reisen u. Forschungen im Amur-Lande».

2) Герстфелдъ (О прибрежныхъ жит. Амура. — Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XX, 1857, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 293) говоритъ, что Манегирцы, внизъ по теченію Амура, простираются только до устья Комары; это однако несогласно съ другимъ, позднѣйшимъ показаніемъ въ той же статьѣ (стр. 313), по которому между Комарою и Зеею также живутъ Манегирцы. Маакъ (Путеш. на Амуръ, стр. 69, 97) полагаетъ, что ниже устья Комары ихъ или совсѣмъ нѣтъ, или же они попадаются рѣдко. Я самъ встрѣтилъ шалаши Манегирцевъ лишь немного выше устья Зеи, въ тотъ же самый день, какъ выѣхалъ изъ Усть-Зейскаго пикета (нынѣшняго Благовѣщенска). Таково же и показаніе Пржевальскаго (см. его Путеш. въ Уссур. краѣ, стр. 11). Другіе, совсѣмъ наоборотъ, отводятъ Манегирцамъ слишкомъ большую полосу внизъ по Амуру. Такъ напр., по мнѣнію Ѳ. Буссе (Очеркъ условій земледѣл. въ Амурск. краѣ. — Зап. для чтенія издав. К. Трубниковымъ, Авг. — Дек. 1869, стр. 116), они распространяются отъ Албазина до Малаго Хингана (Буреинскихъ горъ).

3) Іакинѳъ, Стат. Опис. Кит. Имп. С. Петерб. 1842, Т. II, стр. 1, примѣч. Въ указанномъ мѣстѣ собственно говорится, что въ Забайкальскомъ краѣ Тунгусамъ праваго берега Амура отъ стрѣлки внизъ дали названіе «Мангиры», а Тунгусамъ лѣваго берега —

другіе живутъ, напротивъ, по обоимъ берегамъ Амура, но Манегирцы — ниже Орочоновъ, при чемъ первые простираются къ западу неодинаково далеко по обоимъ берегамъ, а, прямо вопреки показанію Іакинфа, — на лѣвомъ берегу дальше, чѣмъ на правомъ. Отсюда слѣдуетъ, что и часто повторяемое мнѣніе, будто граница между Орочонами и Манегирцами по Амуру находится около прежняго Албазина (у Маньчжуро-Китайцевъ: «Якса»)[1], лишь отчасти справедливо. По правому берегу Амура чисто-манегирская область въ самомъ дѣлѣ оканчивается, не доходя рѣки Албазихи (по-тунгусски «Эмури»), а съ устья этой рѣки начинается область Орочоновъ. Но, тогда какъ послѣдніе дальше этого мѣста къ востоку никогда не встрѣчаются, Манегирцы, весною и въ началѣ лѣта, переходятъ для рыбной ловли за эту границу, и, оставивъ своихъ лошадей на Ниверѣ или за Албазихой, достигаютъ до рѣкъ Монастырской, Игнашиной и даже до Малой и Большой Сестры[2]). Если на это еще можно смотрѣть, какъ на временную лишь перекочевку въ чужую область, то на лѣвомъ берегу — дѣло иное: тамъ Манегирцы постоянно встрѣчаются далеко къ западу отъ Албазина. Я видѣлъ послѣдніе шалаши ихъ близъ устья Олдоя, нѣсколько выше рѣки Котомашги и поставленнаго на ней въ то время русскаго пикета. Съ этимъ согласны и показанія Маака и Орлова относительно ихъ западной границы. По первому, Манегирцы обитаютъ вверхъ по Амуру до Невира, но по временамъ встрѣчаются и выше, напр. по рѣкѣ Котомашгѣ[3]); второй проводитъ границу между Манегирцами и Орочонами различно: разъ — вверхъ по Ниверу[4]) и отъ верховьевъ его по хребту къ лѣвому источнику Олдоя, другой разъ — по самому Олдою[5]). Впрочемъ, изъ бродячей, охотничей жизни этихъ инородцевъ вполнѣ понятно, что между занимаемыми ими областями, какъ и въ другихъ, подобныхъ случаяхъ, нѣтъ строгаго разграниченія, и только то обстоятельство, что Манегирцы употребляютъ для ѣзды и перевозки кладей исключительно лошадей, а Орочоны — оленей, спасаетъ ихъ отъ болѣе частыхъ взаимныхъ столкновеній. Вообще, слѣдовательно, участокъ Манегирцевъ по Амуру — отъ Зеи до Олдоя — слѣдуетъ назвать весьма значительнымъ. Тѣмъ не менѣе можно нѣсколько дней идти по Амуру, не встрѣчая ни одного ихъ шалаша; до того населеніе ихъ тамъ малочисленно.

Совсѣмъ не то — по двумъ главнѣйшимъ рѣкамъ, слѣва и справа впадающимъ въ Амуръ въ этой части его теченія, по Зеѣ и по Комарѣ. На нихъ сосредоточивается манегирское населеніе. Въ общихъ чертахъ, мы выше уже обозначили распространеніе Манегирцевъ по Зеѣ и ея притокамъ, равно какъ и границу ихъ съ Бирарами и оленными

«Орочоны». Въ томъ же трудѣ, немного дальше (стр. 217), сказано: «по обоимъ берегамъ (Амура) отъ аргунской стрѣлки до Яксы (Албазина) нѣтъ жительства; въ хребтахъ же обитаютъ Тунгусы подъ родовыми названіями: «Минегри» и «Орочоны», данными имъ отъ Русскихъ».

1) Герстфельдъ, О прибр. жит. Амура (Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. XX, стр. 293). Пржевальскій, Путеш. въ Усур. краѣ, стр. 11. Ѳ. Буссе, Очеркъ услов. земледѣл. въ Амурск. кр. (Зап. для чтен. изд. К. Трубниковымъ, Авг. — Дек. 1869, стр. 115).

2) Орловъ, Амурскіе Орончены (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXI, 1857, Отд. II, стр. 193, 194, 196).

3) Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 69, 315.

4) На картѣ Шварца (Карта рѣчн. обл. Амура, южной части Лены и Енисея и остр. Сахалина, С. Петерб. 1861) эта рѣка означена подъ именемъ: «Ливеръ».

5) Тамъ же, стр. 193, 194, 197.

Тунгусами. Все пространство по Зеѣ, Силимджѣ, Нарѣ, Уру и др., съ преобладающимъ луговымъ характеромъ, исключительно занято этими конными кочевниками. Вышеуказанная линія китайскихъ пограничныхъ знаковъ на этихъ рѣкахъ приблизительно обозначаетъ и сѣверную границу этого пространства. Усольцевъ, изъѣздившій большую часть его, говоритъ, что сравнительно самое плотное манегирское населеніе находится на среднемъ и нижнемъ теченіяхъ Силимджи, равно какъ и между этою рѣкою, Зеею, Депиомъ и большимъ правымъ притокомъ Силимджи, отстоящимъ отъ ея устья на $2^1/_2$ дня верховой ѣзды и въ которомъ, хотя Усольцевъ его не называетъ, не трудно узнать рѣку Нару[1]). Этимъ пространствомъ они, однако, не ограничиваются; ведя бродячую, охотничью жизнь, они, хотя и въ меньшемъ числѣ и лишь болѣе или менѣе временно, встрѣчаются еще и дальше вверхъ по названнымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, приближаясь такимъ образомъ къ Становому хребту. Такъ напр., преслѣдуя соболя или бѣлку, они заходятъ и на верхнюю Силимджу и ея притоки[2]). Здѣсь встрѣчаются они съ русскими оленными Тунгусами, также впрочемъ, какъ и на верховьяхъ Зеи и ея правыхъ притокахъ[3]). Замѣчательно однако, что Усольцевъ ни разу не встрѣчалъ Манегирцевъ на Гилюѣ; они попадались ему по Зеѣ только ниже устья Гилюя, начиная отъ впаденія въ нее рѣки Мокчи[4]). Чрезъ Миддендорфа, наконецъ, мы знаемъ, что Манегирцы поднимаются въ лодкахъ далеко вверхъ по Уру[5]). На этой рѣкѣ, во всемъ своемъ теченіи почти параллельной верхнему Амуру, они впрочемъ уже находятся вблизи лѣвыхъ притоковъ послѣдняго, до самаго Олдоя, составляющаго, какъ мы уже говорили, границу ихъ съ Орочонами.

Если Манегирцы по Зеѣ и ея притокамъ занимаютъ наибольшее пространство, то наибольшую плотность манегирскаго населенія, по показаніямъ ихъ же соплеменниковъ на Амурѣ, надо искать не на Зеѣ, а на Комарѣ или Кумарѣ, правомъ притокѣ Амура[6]). Здѣсь находятся и постоянныя зимнія жилища многихъ Манегирцевъ, прикочевывающихъ по временамъ, весною и лѣтомъ, на Амуръ, для рыбной ловли. Но и здѣсь они не занимаютъ всего теченія рѣки; имъ принадлежитъ только нижнее теченіе и, можетъ быть, часть средняго, а другая часть послѣдняго и все верхнее теченіе заселены Даурами[7]). Это непосредственное сосѣдство ихъ съ такимъ промышленнымъ и торговымъ народомъ, какъ Дауры, доставляющимъ имъ и Бирарамъ, до самыхъ крайнихъ предѣловъ ихъ распространенія, разныя потребности жизни, а равно и предметы роскоши, вѣроятно, и есть причина наибольшей сгущенности манегирскаго населенія на Комарѣ. Понятно притомъ, что чѣмъ выше по рѣкѣ и чѣмъ ближе къ Даурамъ, тѣмъ больше Манегирцы, по языку

---

1) Усольцевъ, Путеш. къ верш. р. Гилюя и на р. Зею, лѣтомъ 1856 г. (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXII, 1858, Отд. II, стр. 156).

2) Усольцевъ, Тамъ же, стр. 155, 156.

3) Маакъ (Путеш. на Амуръ, стр. 104, 105) упоминаетъ о Манегирцахъ и Орочонахъ въ среднемъ и верхнемъ теченіяхъ Зеи. Подъ Орочонами, въ этомъ случаѣ, надо, конечно, разумѣть оленныхъ Тунгусовъ. Но объ этомъ — послѣ.

4) Тамъ же, стр. 153.

5) См. выше, стр. 37.

6) Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 69.

7) Маакъ, тамъ же, стр. 98.

и нравамъ, подвержены вліянію своихъ сосѣдей[1]). Но было ли это вліяніе уже достаточно для того, чтобы заставить Манегирцевъ отказаться здѣсь отъ своей кочевой жизни и, подобно Даурамъ, а также Бирарамъ на Амурѣ, заняться земледѣліемъ и скотоводствомъ — объ этомъ пока еще не имѣется свѣдѣній.

Если окинуть теперь общимъ взглядомъ все пространство, занимаемое Манегирцами, то нельзя не согласиться, что приамурская часть его, какъ она сама по себѣ ни велика, по своему пространству и относительно плотности населенія занимаетъ лишь второстепенное мѣсто, далеко уступая, то въ одномъ изъ этихъ отношеній, то въ обоихъ, участкамъ ихъ по Комарѣ и по Зеѣ. Главную роль, по своему обширному протяженію, играетъ именно послѣдній. Поэтому, если мы назвали Бираровъ, не смотря на то, что они живутъ также и на Амурѣ, главнымъ образомъ жителями бассейна Буреи, причемъ указали и на аналогію ихъ съ нѣкоторыми инородцами нижняго Амура, то на Манегирцевъ, по нынѣшнему ихъ распространенію, можемъ смотрѣть, какъ на народъ преимущественно, хотя далеко не исключительно, сосредоточивающійся на другомъ лѣвомъ притокѣ Амура, на Зеѣ. Я говорю — по ихъ нынѣшнему распространенію, а не на основаніи его историческаго хода, потому что онъ, напротивъ, доказываетъ, что они вышли на Зею уже въ послѣдствіи.

Самый верхній и крайній къ сѣверо-западу народъ Амурскаго края — **Орочоны**. Они обитаютъ по верхнему Амуру и по его лѣвымъ и правымъ притокамъ, но къ западу простираются и за предѣлы собственно такъ называемаго Амурскаго края, въ Даурію и за Становой хребетъ, въ систему рѣки Лены. Съ восточною границею ихъ, со стороны Манегирцевъ, мы уже познакомились; ее составляютъ: на сѣверъ отъ Амура — Олдой, на югъ — Албазиха. Сѣверную границу Орочоновъ, насколько они принадлежатъ Амурскому краю, образуетъ Становой хребетъ, отъ верховьевъ Олдоя до верховьевъ Амазара, а западная граница находится на Усть-Стрѣлкѣ, т. е. при соединеніи Шилки съ Аргунью, откуда и начинается собственно Амуръ. Но настоящихъ этнографическихъ границъ названныя мѣстности не составляютъ, такъ какъ къ западу и къ сѣверу отъ нихъ тянется то же населеніе. По Орлову, туземное тунгусское племя къ востоку отъ Баргузина, по верхней Ангарѣ, Кичерѣ и до Витима (включительно), называютъ просто Тунгусами; къ востоку же отъ Витима, по Олекмѣ, Тунгиру, Нюкжѣ, Шилкѣ и по верхнему Амуру до Олдоя, — Орочонами[2]). Притомъ, о какомъ-либо существенномъ различіи по языку и нравамъ между Орочонами, кочующими по упомянутымъ притокамъ Лены къ сѣверу отъ Станового хребта, и Амурскими Орочонами нѣтъ рѣчи; да это различіе кажется мнѣ и совершенно неправдоподобнымъ. Существуя исключительно охотою и пользуясь, сверхъ собаки,

---

1) Маакъ, тамъ же, стр. 98.

2) Орловъ, Амурск. Орончены, тамъ же, стр. 193.

ещe только однимъ домашнимъ животнымъ, а именно олeнемъ, служащимъ имъ и для верховой ѣзды, и для перевозки кладей, эти дикари принуждены постоянно скитаться въ суровой, горной мѣстности. По этой причинѣ Становой хребетъ не только не могъ остановить ихъ, но и открылъ имъ, напротивъ, самый удобный путь къ дальнѣйшему распространенію. Дѣло именно въ томъ, что Орочоны — такіе же оленные Тунгусы, какъ и не разъ упомянутые нами восточные сoплеменники ихъ на Становомъ хребтѣ и по берегамъ Охотскаго моря. Подобно тому, какъ послѣдніе проникли на Бурею, Силимджу и Зею, первые, подвигаясь къ югу, не вдали отъ Станового хребта, достигли до верхняго Амура и, найдя тамъ суровую, горную природу, разселились по немъ [1]). Впрочемъ, въ историческомъ отдѣлѣ объ инородцахъ Амурскаго края мы еще разъ вернемся къ этому распространенію Орочоновъ, отчасти состоявшемуся въ самое недавнее время.

Когда Орочоны достигли Амура, то имъ открылся новый путь къ югу, а именно въ подступающемъ съ южной стороны къ верхнему Амуру Хингапскомъ хребтѣ. По лѣсистымъ склонамъ его и по верхнимъ долинамъ рѣкъ, текущихъ съ него на западъ къ Аргуни и на востокъ къ рѣкѣ Нонни, они живутъ бродячею жизнью охотниковъ, разъѣзжая на маленькихъ, живыхъ лошадяхъ, часто въ сообществѣ съ обирающими ихъ Даурами. При такой обстановкѣ видѣлъ ихъ Кропоткинъ на Гани, притокѣ Аргуни, на Номинѣ, впадающемъ въ Нонни, и т. д. [2]). Наконецъ, если Ланге разсказываетъ, что въ темныхъ, непроходимыхъ лѣсахъ Хингапскаго хребта, между Хайларомъ и др. притоками Аргуни и рѣкою Яло и др. притоками Нонни, живутъ «Тунгусы», не имѣющіе другихъ вьючныхъ животныхъ, кромѣ оленей [3]), то и въ нихъ нельзя не признать тѣхъ же Орочоновъ. Такъ далеко на югъ спускается здѣсь ихъ граница. На восточномъ склонѣ Хингана они граничатъ съ Даурами, занимающимися, сверхъ торговли, еще и земледѣліемъ и скотоводствомъ. И вотъ здѣсь-то и Орочоны, подобно Бирарамъ на Амурѣ, приняли отчасти осѣдлый, основанный на хлѣбопашествѣ, образъ жизни. Такъ, въ долинѣ нижняго Гуюля, впадающаго въ Гань (притокъ Нонни), Кропоткинъ, миновавъ первую даурскую деревню, прошелъ чрезъ нѣсколько селеній осѣдлыхъ Орочоновъ [4]). Но тутъ, гдѣ они стали на собственно чуждую для нихъ почву, имъ и предѣлъ: это — ихъ крайняя юго-восточная граница; дальше, по рѣкѣ Гани, Кропоткинъ встрѣчалъ только Китайцевъ-хлѣбопашцевъ, а еще ближе къ Мергепо — Маньчжуровъ [5]).

---

1) Вышеупомянутымъ сходствомъ Орочоновъ съ восточными оленными Тунгусами объясняются неоднократныя показанія, что на Зеѣ (Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 104, 105), или даже въ Буреинскихъ горахъ (Гамовъ, Изъ путев. замѣтокъ астронома, опредѣлявш. мѣстн. рр. Амура и Уссури. — Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1862, Кн. I, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 121), также кочуютъ «Орочоны».

2) П. Кропоткинъ, Поѣздка изъ Забайкалья на Амуръ чрезъ Маньчжурію (Русскій Вѣстн. Т. LVII, 1865, Іюнь, стр. 665, 669).

3) Tagebuch einer im J. 1736 unter Anführung des Kanzleir. Lange von Zuruchaitu durch die Mongolei nach Peking verricht. Karawanenreise (Pallas, Neue Nord. Beytr. Bd. II, 1781, p. 170).

4) Тамъ же, стр. 670.

5) Тамъ же, стр. 671.

При общемъ взглядѣ на всю область, занимаемую Орочонами, нельзя не замѣтить въ ней нѣкоторой аналогіи съ областью Манегирцевъ. Подобно послѣдней, она простирается по обѣ стороны Амура, причемъ собственно приамурская часть ея, по своему протяженію и значенію, далеко уступаетъ той части, которая растпляется по притокамъ названной рѣки, и особенно по лѣвымъ. Другими словами, для Орочоновъ и Манегирцевъ, равно какъ и для Бираровъ, Амуръ хотя и прорѣзываетъ ихъ области, однако далеко не имѣетъ того значенія, какъ для народовъ, живущихъ по его нижнему теченію. Причина тому понятна: инородцы нижняго Амура живутъ преимущественно рыбною ловлею, инородцы же верхняго — охотою, которая влечетъ ихъ въ лѣса и горы. Однако, чѣмъ меньше участокъ Орочоновъ на Амурѣ, тѣмъ шире раскинулась область ихъ къ сѣверу и къ югу отъ него. Мы встрѣчаемъ ихъ, съ одной стороны, на притокахъ Нонни, а слѣдовательно и Сунгари, съ другой — за Амуромъ къ сѣверу, по южнымъ правымъ притокамъ Лены. Вслѣдствіе такого распространенія, они, въ этнографическомъ отношеніи, служатъ какъ бы звеномъ между Амурскимъ краемъ и смежною частью Восточной Сибири. И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на Нерчинскій трактатъ, по которому всѣ земли къ востоку отъ Аргуни и Шилки, начиная со впаденія въ послѣднюю рѣки Горбицы, утверждены были за Китаемъ, Орочоны по Амуру и его лѣвымъ притокамъ фактически остались въ русскомъ подданствѣ и, такимъ образомъ, способствовали распространенію русскаго вліянія въ Амурскомъ краѣ.

Этимъ и заканчивается рядъ собственно Амурскихъ инородцевъ, если разумѣть подъ этимъ названіемъ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ по самому Амуру, начиная отъ его устья до мѣста сліянія его источниковъ, Шилки и Аргуни, а также по многочисленнымъ его притокамъ, — за исключеніемъ, однако, одного, и притомъ самаго значительнаго, Сунгари, который Маньчжуры и Китайцы даже считаютъ главною рѣкою. Только о низовьяхъ Сунгари, по которымъ лежитъ часть занимаемаго Гольдами пространства, было уже говорено выше. Тамъ я указалъ и на огромное, въ этнографическомъ отношеніи, значеніе этой рѣки для всего нижняго Амура: все, хотя и скудное, культурное вліяніе, до сихъ поръ проникшее къ инородцамъ нижняго Амура, шло къ нимъ не съ верхняго Амура или Сахали, а съ Сунгари. Прибавляю теперь, что и на верхній Амуръ весь итогъ культурныхъ элементовъ, какъ онъ ни ограниченъ, проникъ также съ рѣки Сунгари, хотя и не тѣмъ же путемъ, по всему теченію рѣки внизъ, а преимущественно по ея главному лѣвому притоку, по Нонни, а оттуда уже къ той части Амура, которую я выше назвалъ маньчжуро-китайскою культурною полосою. И такъ, сравнительно съ Амурскими инородцами, Сунгарійскіе стоятъ выше, даже болѣе или менѣе, занимаютъ относительно первыхъ, мѣсто культурныхъ народовъ. Преимущественно это относится къ Китайцамъ, которые, хотя, собственно говоря, и не Сунгарійскій народъ, но въ настоящее время почти больше всѣхъ

прочихъ оказываются въ Маньчжуріи какъ бы у себя; въ меньшей степени это примѣнимо къ Маньчжурамъ и Даурамъ, и наконецъ, всего меньше — къ Солонамъ. Въ чемъ заключаются культурные элементы, внесенные ими въ Амурскій край, мы увидимъ въ послѣдствіи. Пока достаточно того факта, что они вообще находятся въ такомъ отношеніи къ Амурскимъ инородцамъ и утвердились не только на Сунгари, но и въ разныхъ мѣстахъ по Амуру, чтобы понять, какъ необходимо познакомиться также и съ ихъ распространеніемъ въ Амурскомъ краѣ. Пусть только не ожидаютъ здѣсь подробнаго, всесторонняго разграниченія ихъ. Такъ какъ эта часть Маньчжуріи нынѣ подвластна Китаю и потому мало доступна, то для точнаго опредѣленія границъ заселяющихъ ее народовъ свѣдѣній еще далеко недостаточно. Притомъ же, этотъ недостатокъ тѣмъ чувствительнѣе, что означенные народы, вслѣдствіе историческихъ событій и политическихъ мѣропріятій китайскаго правительства, а равно и по причинѣ возрастающаго переселенія изъ Китая, нынѣ сильно перетасованы.

Всего неопредѣленнѣе и неудовлетворительнѣе — свѣдѣнія наши о **Солонахъ.** Я не имѣю въ виду тѣхъ многочисленныхъ представителей этого племени, которые, будучи чиновниками или солдатами «восьми знаменъ», состоятъ на службѣ китайскаго правительства: они конечно, попадаются всюду, гдѣ только находятся китайскія войска или правительственныя учрежденія — такъ же въ городахъ по Сунгари или по Амуру, какъ и на Или, въ Монголіи или въ Пекинѣ. Здѣсь идетъ рѣчь только о пенаходящихся на службѣ Солонахъ, занимающихся свободными промыслами, земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотою или торговлею, и платящихъ правительству лишь ежегодную подать, короче — принадлежащихъ, по словамъ Палладія[1]), къ «Солонамъ-Бутха», или къ категоріи «Бутханей», т. е. податныхъ. Въ томъ отношеніи всѣ показанія согласны, что Солоны живутъ по рѣкѣ Нонни; но гдѣ именно живутъ, и какъ далеко простираются по ней, едва ли возможно опредѣлить по этимъ показаніямъ, тѣмъ болѣе, что они нерѣдко противорѣчатъ другъ другу. Показанія древнихъ французскихъ миссіонеровъ слишкомъ неопредѣленны[2]). На картахъ д'Анвиля[3]), а по нимъ и у Грозье[4]), Солоны означены на правомъ, Дауры же — на лѣвомъ берегу Нонни. Фишеръ выражается неопредѣленнѣе: рѣка Науинъ или Нонни, говоритъ онъ, образуетъ

---

1) Архимандр. Палладій, Дорожн. замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска, чрезъ Маньчжурію, въ 1870 г. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 428, 433, 434).

2) Такъ напр., въ одномъ мѣстѣ (Du Halde, Descr. géogr., histor., chron., polit. et phys. de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, Paris 1735, T. IV, p. 15) сказано, что третья провинція или губернія «Китайской Тартаріи», съ главнымъ городомъ Цицикаромъ, орошается рѣкою Нонни и населена Маньчжурами, Солонами и Даурами («Тагури»). Далѣе (тамъ же, стр. 17) говорится, что многіе изъ Солоновъ (Solontatse) живутъ именно въ Ніергуѣ, большой деревнѣ на рѣкѣ Нонни, недалеко отъ Мергеня и Цицикара. Въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, стр. 36) Дю-Хальдъ, основываясь на извлеченіяхъ изъ Жербильона, выражается еще неопредѣленнѣе, говоря, что «провинція Солонъ» простирается по Амуру отъ впаденія въ него Аргуни и почти до Нингуты (на Хурхѣ, притокѣ Сунгари).

3) D'Anville, Nouv. Atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Thibet, La Haye 1737, № 1, 18, 23.

4) Grosier, Descript. génér. de la Chine, Paris 1787, T. I.

границу между этими племенами [1]). Въ статистическомъ описаніи Китая, Іакинфа, въ одномъ мѣстѣ сказано, что изъ двухъ горныхъ цѣпей, параллельныхъ рѣкѣ Нонни, восточная проходитъ чрезъ земли Солоновъ, а западная — чрезъ земли Дауровъ [2]); въ двухъ же другихъ мѣстахъ того же труда, совсѣмъ на оборотъ, говорится, что Солоны — жители праваго, а Дауры — лѣваго берега Нонни [3]). По новѣйшимъ извѣстіямъ, и то, и другое невѣрно; Солоны, напротивъ, живутъ по обоимъ берегамъ Нонни, начиная съ ближайшихъ мѣстъ отъ города Цицикара (прежняго «Науи-хотона») вверхъ [4]), а Дауры — къ югу отъ нихъ.

Такимъ образомъ, южную границу солонской области до извѣстной степени еще можно опредѣлить. Относительно же сѣверной, мы пока остаемся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Архимандритъ Палладій, которому мы обязаны вышеприведеннымъ извѣстіемъ о мѣстѣ жительства Солоновъ, въ своемъ путешествіи свернулъ съ рѣки Нонни около Мергеня и направился чрезъ хребетъ Ильхури-алинъ къ Амуру, въ Айгунъ и Благовѣщенскъ. Въ посѣщенной имъ части рѣки Нонни Солоны живутъ осѣдлыми земледѣльцами; кромѣ того, есть немало Солоновъ-звѣропромышленниковъ. Ихъ, вѣроятно, можно встрѣтить въ горахъ на верхней Нонни и ея притокахъ. Но какъ разграничиваются они тамъ съ Манегирцами по притокамъ Комары, съ Даурами на верхней Комарѣ и съ Орочонами Хинганскаго хребта? Чѣмъ и на сколько эти племена вообще отличаются другъ отъ друга? Пока мы этого не знаемъ, — можно ожидать, въ виду одинаковаго образа жизни всѣхъ этихъ инородцевъ, въ показаніяхъ мимоходомъ бывшихъ тамъ путешественниковъ много ошибокъ и недоразумѣній. Весьма легко могло, напримѣръ, случиться, съ одной стороны, что Солоны-земледѣльцы иногда были принимаемы за Дауровъ, и наоборотъ, или съ другой стороны, что Солоны-звѣропромышленники принимались за Манегирцевъ или, въ томъ случаѣ, когда Орочоны, какъ на Хинганѣ, употребляютъ лошадей, вмѣсто оленей, — за Орочоновъ, равно какъ и наоборотъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что нѣкоторыя извѣстія основаны только на показаніяхъ туземцевъ. Пусть судятъ, напримѣръ, о такой возможности по слѣдующимъ случаямъ. Когда я проѣздомъ былъ въ гольдской деревнѣ Сельгако на Амурѣ и увидѣлъ тамъ первыхъ лошадей, то на вопросъ мой, откуда онѣ, Гольды отвѣчали, что лошади и къ нимъ, и на Уссури поставляются Солонами, которыхъ я встрѣчу на верхнемъ Амурѣ. Послѣдняго, правда, не случилось, но вмѣсто того я познакомился тамъ съ Манегирцами и узналъ, что они торгуютъ лошадьми и иногда сбываютъ ихъ далеко внизъ по Амуру. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, Гольды или принимали Манегирцевъ за Солоновъ, или же не знали мѣста жительства послѣднихъ. Можетъ также статься, что принимаемые за Орочоновъ охотники Хинганскаго хребта, бродящіе на лошадяхъ далеко къ югу, на самомъ дѣлѣ окажутся Солонами. Какъ легко, съ другой стороны, смѣшать послѣднихъ съ Даурами, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Ланге разсказываетъ, что на рѣчкѣ Тышыкепъ или

---

1) Fischer, Sibirische Geschichte, St. Petersb. 1768, Bd. I, p. 465, Anm. 16.

2) Іакинфъ, Статист. Опис. Кит. Импер. С. Петерб. Т. II, стр. 3.

3) Тамъ же, стр. 6 и 29, прим. *

4) Палладій, тамъ же, стр. 434.

Тышыскенъ, притокѣ Хайлара, онъ встрѣтилъ, вмѣстѣ съ Монголами, Солоновъ, пришедшихъ съ рѣки Нонни (Науна), и въ видѣ объясненія, кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Солоновъ, прибавляетъ: «даурскихъ-Тунгусовъ»[1]), что, однако, не болѣе какъ перифраза названія: «Дауры», такъ какъ и они—народъ тунгусскаго племени. Впрочемъ, какъ по этимъ, такъ и по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ, Солоны встрѣчаются, кромѣ рѣки Нонни, гдѣ населеніе ихъ всего гуще, и въ другихъ частяхъ Амурскаго и Сунгарійскаго краевъ. Я опять-таки разумѣю не чиновниковъ или солдатъ китайской службы, а промышленныхъ и особенно торговыхъ людей этого племени. Такъ уже было упомянуто выше о торговлѣ лошадьми, которую они ведутъ по Амуру и Уссури. Къ Бирарамъ Буреинскаго хребта ежегодно зимою, кромѣ Дауровъ, приходятъ и Солоны, хотя по большей части въ качествѣ чиновниковъ, тогда какъ Дауры преимущественно — купцы[2]). Русскіе Тунгусы разсказывали Миддендорфу, что когда имъ изъ Якутскаго правленія долгое время не отпускается пороху, то они достаютъ его по дешевымъ цѣнамъ отъ «Солорновъ». Онъ полагаетъ, правда, что подъ этимъ названіемъ надо разумѣть или торговое мѣсто на рѣчкѣ, впадающей въ Амуръ выше Албазина, или самихъ казаковъ, отправлявшихся туда изъ Забайкалья, и вслѣдствіе того думаетъ, что это — порохъ забайкальскій[3]). Но изъ всего разсказа Тунгусовъ, какъ его передаетъ Миддендорфъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что «Солорпъ» — не мѣстечко, а народъ, и мы, конечно, не ошибемся, если признаемъ въ немъ торговцевъ-Солоновъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что при общемъ у всѣхъ Сунгарійскихъ инородцевъ употребленіи китайскихъ фитильныхъ ружій, у Солоновъ легко могутъ быть порядочные запасы пороху[4]), между тѣмъ какъ приходящіе на Амуръ изъ Сибири промышленники или казаки всегда скудно снабжены имъ и, конечно, не станутъ продавать свой небольшой запасъ, столь необходимый для нихъ самихъ, да еще по дешевой цѣнѣ. Впрочемъ, если, кромѣ означенныхъ мѣстъ, найдутся еще и другія мѣста по Амуру и Сунгари, гдѣ временно или постоянно встрѣчаются Солоны (опять-таки за исключеніемъ служащихъ), то и тогда занимаемая ими область все-таки окажется небольшою, особенно въ сравненіи съ пространствомъ, заселеннымъ непосредственными сосѣдями ихъ, Даурами.

Во всемъ Амурскомъ краѣ, за исключеніемъ развѣ только Китайцевъ, нѣтъ народа, въ такой степени разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ, какъ **Дауры.** Поэтому, намъ уже прихо-

---

1) Tagebuch einer im J. 1736 von Zuruchaitu durch die Mongolei nach Peking verricht. Reise (Pallas' Neue Nord. Beytr. Bd. II, 1781, p. 164).

2) Радде, въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXIII, 1858, Отд. I, стр. 31, примѣч.

3) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 724, 725.

4) Въ другомъ мѣстѣ Миддендорфъ и самъ говоритъ о Солорнскихъ ружьяхъ большого калибра, которыя были дороже маленькихъ винтовокъ и, если только пользовались извѣстностью, то цѣнились до 200 руб. (Пут. и пр. Ч. II, стр. 733). Это, очевидно, — китайскія фитильныя ружья.

дилось не разъ упоминать о нихъ, какъ о сосѣдяхъ, смотря по мѣстности, то Бираровъ, то Манегирцевъ, то Орочоновъ, то Солоновъ. Какъ относительно послѣднихъ, точно такъ же и въ отношеніи Дауровъ, надо — чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о распространеніи ихъ въ Амурскомъ краѣ — исключить всѣхъ состоящихъ непосредственно на службѣ китайскаго правительства и имѣть въ виду только податныхъ (бутханей). Наиболѣе, можетъ быть, густое даурское населеніе обитаетъ по рѣкѣ Нонни и нѣкоторымъ изъ ея притоковъ. Тамъ, именно около Цицикара (Наун-хотона), съ ними познакомились и наши первые путешественники: Исбрантсъ-Идесъ, Ланге и др.[1]). Одинъ изъ новѣйшихъ посѣтителей этого края, Барабашъ, говоритъ, что они живутъ по рѣкѣ Нонни («Нонь-ула»), а именно между Цицикаромъ и деревнею Мохоло[2]). Хотя это и небольшая полоса, длиною всего около 35 в., однако она усѣяна большими даурскими селами. Къ сѣверу Дауры граничатъ, слѣдовательно, съ Солонами. Къ югу, внизъ отъ Мохоло, начинается область Монголовъ — по арх. Палладію[3]) Корлосскаго аймака, — которая тянется по всему нижнему теченію Нонни и по Сунгари, отъ Да-хутуня до города Бодунэ (или Петунэ). Вмѣстѣ съ Монголами, какъ на Нонни[4]), такъ и на Сунгари, живутъ Дауры и Китайцы[5]), которые, и въ особенности послѣдніе, все болѣе и болѣе утверждаются тамъ въ ущербъ Монголамъ. Причина такого успѣха ихъ та, что хотя китайское правительство и поселило сюда Монголовъ для хлѣбопашества[6]), однако это занятіе и сопряженная съ нимъ осѣдлая жизнь не соотвѣтствуютъ прирожденнымъ нравамъ и наклонностямъ этихъ кочевниковъ. Поэтому у нихъ имѣются лишь мелкія полевыя хозяйства, которыя къ тому же большею частью ведутся съ помощью опять-таки Китайцевъ-работниковъ; бо́льшую же часть земель Китайцы уже съумѣли прибрать къ своимъ рукамъ посредствомъ аренды, или купли. Подъ ихъ вліяніемъ, Монголы, въ отношеніи и языка и нравовъ, шагъ за шагомъ превращаются въ Китайцевъ[7]). Самобытность свою они сохраняютъ только дальше къ западу, за предѣлами рѣкъ Нонни и Сунгари, гдѣ открытая степь позволяетъ имъ вести ихъ обычный кочевой образъ жизни[8]). Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ среднеазіятская степь подступаетъ къ Амурскому краю, вмѣстѣ съ нею проникаетъ туда и свойственное ей кочевое монгольское племя, не будучи однако въ состояніи окончательно утвердиться въ немъ. Монголы — все-таки народъ, чуждый Амурскому краю, а потому мы, въ настоящемъ очеркѣ его впородческаго населенія, ограничимся относительно этого парода лишь этими немногими, случайными замѣчаніями.

Кромѣ самой рѣки Нонни, Дауры живутъ и по ея правымъ притокамъ, стекаю-

---

1) Ysbrants Ides, Driejaar. Reise naar China, Amsterdam 1704, p. 70. Lange, l. c. p. 175 — 178. См. также: Ritter, Asien, Bd. II, p. 252.

2) Я. Барабашъ, Сунгар. экспед. 1872 г. (Воен. Сборн. 1874, № 1, стр. 328).

3) Тамъ же, стр. 414.

4) Pallas, Samml. histor. Nachricht. über die Mongol. Völkersch. St. Petersb. Bd. I, p. 175.

5) Барабашъ, тамъ же, стр. 327.

6) Pallas, l. c.

7) Палладій, тамъ же, стр. 414, 423.

8) Барабашъ, тамъ же.

щимъ съ Хинганскихъ горъ, по Ялу[1]), Гуюлю[2]) и др. Здѣсь они сильно перемѣшаны съ Китайцами-хлѣбопашцами. Въ этихъ мѣстахъ, у восточной подошвы Хингана, мы уже познакомились съ ними выше, какъ съ сосѣдями Орочоновъ, которыхъ они успѣли подчинить своему вліянію. Но какъ далеко они простираются тамъ къ сѣверу, и гдѣ и какъ граничатъ съ Солонами — это до сихъ поръ неизвѣстно. Тянутся ли они, хотя и въ маломъ числѣ, вдоль восточнаго склона Хингана, непрерывно до верховьевъ Комары, или прерываются на верховьяхъ Нонни и ея притоковъ Солонами, или же, наконецъ, есть полоса, гдѣ оба племени перемѣшаны? Во всякомъ случаѣ, кромѣ средняго теченія Нонни, есть еще другая мѣстность съ болѣе сгущеннымъ даурскимъ населеніемъ. Это именно — верхнее и среднее теченія Комары, тогда какъ нижнее занято Манегирцами[3]).

Наконецъ, третья мѣстность съ болѣе сгущеннымъ даурскимъ населеніемъ находится на среднемъ Амурѣ, между участками на немъ Бираровъ и Манегирцевъ, или начиная немного выше устья Буреи и до устья Зеи. Между тѣмъ, однако, какъ на Комарѣ Дауры на всемъ протяженіи своихъ границъ живутъ одни, на Амурѣ вмѣстѣ съ ними сидятъ и Маньчжуры и Китайцы. Притомъ, селенія всѣхъ трехъ народностей, повидимому, сильно перемѣшаны; случается, что иная деревня занята одною народностью, а въ другихъ двѣ или даже всѣ три народности имѣютъ свои участки. Окруженныя обширными пашнями, эти деревни въ большомъ числѣ тянутся по обоимъ берегамъ рѣки. Многія изъ нихъ я видѣлъ лишь издали, и далеко не всегда мнѣ было возможно опредѣлить, какой національности онѣ принадлежатъ. Крайняя къ востоку даурская деревня — лежащее на Амурѣ, на границѣ съ Бирарами[4]), уже извѣстное намъ селеніе Хормольдинъ. Крайняго западнаго селенія ихъ я не знаю, но оно, должно быть, лежитъ ниже города Айгуна, потому что выше него, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу, слѣдуютъ только маньчжурскія деревни. Большія деревни Даурovъ, Дунгчеба и Бератохсо, на лѣвомъ берегу Амура, лежатъ также еще ниже Айгуна; можетъ быть, послѣдняя изъ нихъ есть именно крайняя къ западу. Вообще, въ этой трехплеменной части Амура, Дауры сосредоточены, повидимому, больше въ восточной, а Маньчжуры — въ западной половинѣ. Но притомъ всѣ три народа, какъ кажется, распредѣлены въ ней почти въ одинаковой пропорціи. Поэтому, если мы выше назвали эту часть Амура маньчжуро-китайскою культурною полосою, то сдѣлали это лишь для краткости, а также потому, что Маньчжуры и Китайцы какъ въ политическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, играютъ болѣе важную роль, чѣмъ Дауры; собственно же слѣдовало бы назвать эту полосу «дауро-маньчжуро-китайской». Это было бы тѣмъ справедливѣе, что Дауры, для ино-

---

1) По Исбрантсу Идесу и Ланге; см. Ritter, Asien, Bd. I, p. 116.

2) По Кропоткину (см. выше, стр. 46).

3) См. выше, стр. 44.

4) Герстфельдъ (О прибр. жит. Амура. — Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XX, 1857, Отд. II, стр. 313) совершенно ошибочно даетъ названіе «Дауры» всему населенію между Комарою, и особенно Зеею, и Уссури, полагая, что Дауры составляютъ главную его массу. Притомъ, онъ съ этимъ названіемъ не соединяетъ даже понятія объ особомъ народѣ. Названія «Бирары» и «Гольды» у него вовсе не встрѣчаются.

родцевъ средняго и верхняго Амура, вслѣдствіе своихъ разнообразныхъ торговыхъ сношеній съ ними, все-таки имѣютъ немаловажное культурно-историческое значеніе.

Кромѣ этихъ трехъ мѣстностей, на Ноши, Комарѣ и среднемъ Амурѣ, съ болѣе сгущеннымъ населеніемъ, Дауры небольшими партіями, или по одиночкѣ встрѣчаются во всей верхней и средней частяхъ Амурскаго края. Разумѣю тутъ именно Дауровъ-купцовъ, которые отвозятъ и китайскіе, и маньчжурскіе, и даурскіе товары къ Бирарамъ, Манегирцамъ и Орочонамъ, для обмѣна ихъ на мѣха и прочую добычу звѣропромышленниковъ. Говоря о распространеніи этихъ инородцевъ, я уже неоднократно упоминалъ объ этихъ даурскихъ торговцахъ, живущихъ среди нихъ въ разныхъ мѣстахъ, то постоянно, то лишь временно. Съ средней Ноши и ея притоковъ тянутся они за бродящими въ Хинганѣ Орочонами, изъ своихъ Сунгарійскихъ селеній спускаются внизъ по этой рѣкѣ, поднимаются затѣмъ вверхъ по ея лѣвымъ притокамъ и, переваливъ чрезъ горы, выходятъ къ Бирарамъ на рѣку У и на другіе правые притоки Амура; даурскія деревни на среднемъ Амурѣ разсылаютъ многочисленныхъ купцовъ къ Бирарамъ по всему бассейну Буреи до Станового хребта; наконецъ, съ Комары приходятъ торговые даурскіе люди къ Манегирцамъ на верхній Амуръ и особенно на Зею и ея притоки. Какъ было уже говорено выше, въ прежнія времена они, вверхъ по Силимджѣ, достигали даже до Инкани[1]), и въ бассейнахъ Буреи и Зеи, распространяясь на сѣверъ, во многихъ мѣстахъ сталкиваются съ Якутами, приходящими туда для той же цѣли съ сѣвера. Только одинъ предѣлъ въ Амурскомъ краѣ поставленъ имъ, кажется, самимъ китайскимъ правительствомъ: внизъ за устье Сунгари они не переходятъ, и на нижнемъ Амурѣ ихъ нѣтъ, хотя тамъ торговымъ наклонностямъ ихъ представлялось бы обширное поле. Въ этомъ отношеніи, они уступаютъ первенство Китайцамъ, которые, при одинаковыхъ наклонностяхъ, пользуются бо́льшимъ покровительствомъ своего правительства.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами народовъ, Дауры — единственный народъ, не имѣющій одной сплошной области, но встрѣчающійся, напротивъ, въ разныхъ мѣстахъ, или въ скученномъ видѣ, или въ разбросанныхъ по чужимъ областямъ единичныхъ селеніяхъ. Это явленіе невольно наводитъ на мысль, что Амурскій край для нихъ — не первобытное, постоянно имъ принадлежавшее отечество, а страна, лишь позже и недавно ими занятая. И дѣйствительно, такой выводъ, какъ мы увидимъ, подтверждается исторіею.

Если Дауры, не смотря на разбросанность своихъ селеній, все-таки цѣликомъ принадлежатъ Амурскому краю, то относительно **Маньчжуровъ** — послѣдняго изъ собственно Сунгарійскихъ народовъ и въ историческомъ отношеніи наиболѣе важнаго, — этого нельзя

---

1) По Миддендорфу; см. выше, стр. 39.

сказать. Достигнувъ владычества надъ Китаемъ, они распространились далеко за предѣлы своего прежняго отечества. Я не стану разсматривать историческій ходъ и размѣры ихъ постепеннаго распространенія; моя задача — лишь прослѣдить мѣстности, занимаемыя ими въ Амурскомъ краѣ.

Какъ извѣстно, страна, лежащая между Амуромъ и Бѣлыми горами (Шан-алинъ), по рѣкѣ Сунгари и ея притокамъ, есть собственно такъ называемая Маньчжурія, родина нѣсколькихъ, близко родственныхъ между собою племенъ, отъ соединенія которыхъ образовался народъ Маньчжурскій [1]). Послѣ побѣдоноснаго движенія Маньчжуровъ, доставившаго имъ господство надъ всѣмъ Китаемъ, страна эта всегда была для новыхъ властителей Китая особенно излюбленнымъ краемъ, вмѣстѣ съ провинціею Ляо-дунь, завоеванной ими раньше и вскорѣ сдѣлавшейся какъ бы ихъ второю родиною. Тѣмъ не менѣе, указанныя историческія событія положили начало тому, что въ настоящее время эта страна почти не въ правѣ болѣе называться Маньчжуріею. И это потому, что нынѣ въ ней уже почти нѣтъ Маньчжуровъ. Привиллегированное положеніе, предоставленное имъ во вновь завоеванной странѣ, побудило многихъ Маньчжуровъ, еще при императорѣ Кхан-си, равно какъ и позже, покинуть отечество и переселиться въ Пекинъ и другія мѣста Китая [2]). Съ другой стороны, Китайцамъ также представилась возможность выселенія изъ своего, черезъчуръ переполненнаго народомъ отечества въ Маньчжурію, сдѣлавшуюся теперь не болѣе какъ провинціею Китая [3]). Началась колонизація Маньчжуріи Китайцами, которая, продолжаясь постоянно и неослабно, скоро возросла до громадныхъ размѣровъ и стала роковою для Маньчжуровъ. Благодаря своему практическому, дѣятельно-промышленному нраву, своему превосходству предъ Маньчжурами во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ, своей энергіи и выносливости, Китайцы одержали верхъ надъ нерадивыми, невѣжественными, но тѣмъ не менѣе, въ сознаніи своей власти, все-таки надменными Маньчжурами. Вскорѣ земледѣліе,

---

1) Klaproth, Asia polyglotta, Paris 1823, p. 291. J. H. Plath, Die Völker der Mandschurey, Göttingen, Bd. I, 1830, p. 233 ff.; и др.

2) Gerbillon (Du Halde, Descr. de l'Empire de la Chine, T. IV, p. 36).

3) Платъ (Plath, Die Völker der Mandschurey, Bd. II, 1831, p. 942) полагаетъ, что какъ неблагосклонно китайскіе императоры Маньчжурской династіи ни смотрѣли вообще на эмиграцію изъ Китая, переселеніе на сѣверъ, въ Маньчжурію, никогда не было запрещаемо ими, скорѣе они даже благопріятствовали ему. Въ томъ же смыслѣ высказывается и архимандритъ Палладій (Дорожныя замѣтки и т. д. стр. 373). По Хюку, напротивъ, до императора Даогуана, Китайцамъ запрещено было переселяться въ Сунгарійскій край и особенно воздѣлывать тамъ землю; только въ началѣ царствованія этого императора, вступившаго на престолъ въ 1820 г., это запрещеніе было снято, и для поддержанія государственной казны продажа земель была разрѣшена и въ руки Китайцевъ, которые съ тѣхъ поръ, какъ хищныя птицы, набросились на Сунгарійскій край (Huc, Souvenirs d'un Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine, pend. les années 1844—1846, Paris 1850, T. I, p. 150). Но такъ какъ Маньчжуріи сталъ угрожать переходъ всѣхъ ея земель въ руки Китайцевъ, то правительство въ послѣдствіи снова запретило дальнѣйшее переселеніе Китайцевъ-хлѣбопашцевъ въ Маньчжурію. Однако этотъ законъ нарушался втайнѣ, а потому въ 1844 году былъ снова подтвержденъ (И. Захаровъ, Поземельная собств. въ Китаѣ. — Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, Т. II, С. Петерб. 1853, стр. 65). Существуетъ-ли онъ до сихъ поръ, я не знаю; но если и существуетъ, то во всякомъ случаѣ его обходятъ.

скотоводство, торговля, всевозможные сельскіе и городскіе промыслы очутились въ рукахъ Китайцевъ; Маньчжуры же по мѣрѣ этого приходили въ бѣдность и зависимость отъ Китайцевъ, обращаясь въ простыхъ рабочихъ и даже въ пролетаріевъ. Вѣрные правамъ и преданіямъ своей родины, Китайцы въ каждой сколько-нибудь значительной деревнѣ основывали на свои средства школы, въ которыхъ маньчжурскому языку, разумѣется, не было мѣста; маньчжурскія же школы учреждались только правительствомъ, да и то лишь въ немногихъ городахъ[1]). Обучаясь въ китайскихъ школахъ, Маньчжуры съ дѣтства усвоивали себѣ языкъ, нравы, воззрѣнія Китайцевъ. Кромѣ того, не мало способствовали преобразованію Маньчжуровъ въ Китайцевъ нѣкоторыя правительственныя распоряженія. Пока оно запрещало пріобрѣтеніе земель въ Маньчжуріи, Китайцы забирали ихъ такъ, что номинальное владѣніе ими, а слѣдовательно и обязательный платежъ съ нихъ податей, оставались за Маньчжурами[2]). Послѣднимъ, въ видѣ преимущества, предоставляется правительствомъ право, и даже полагается въ обязанность, нести службу въ восьмизнаменномъ войскѣ, тогда какъ Китайцы въ него не принимаются[3]). Притомъ существуетъ законъ, въ силу котораго въ каждомъ изъ восьми знаменъ черезъ три года производится перепись Маньчжурамъ, и тѣ изъ нихъ, которые не явились для внесенія своихъ именъ въ списки, считаются исключенными изъ числа Маньчжуровъ. Слѣдствіемъ этихъ постановленій было то, что Маньчжуры, по бѣдности или нерадѣнію стремившіеся избавиться отъ платежа податей и отъ военной службы, намѣренно уклонялись отъ переписи и такимъ образомъ переходили въ ряды Китайцевъ, послѣ чего они уже окончательно усвоивали себѣ ихъ языкъ, нравы и обычаи[4]). Наконецъ, само собою разумѣется, при частыхъ смѣшеніяхъ Китайцевъ съ Маньчжурами, и физическія различія между ними все болѣе и болѣе сглаживаются[5]). Такимъ образомъ, Маньчжуры, завоеватели и властители Китая, шагъ за шагомъ теряютъ свою національность, ассимилируются и поглощаются покоренымъ ими народомъ, Китайцами. Всѣ путешественники, посѣщавшіе разныя части Маньчжуріи, одинаково рисуютъ этотъ быстро совершающійся процессъ перехода маньчжурской національности въ китайскую и исчезновеніе ихъ языка изъ числа живыхъ нарѣчій. Въ настоящее время, говоритъ Хюкъ, можно проѣхать по всей Маньчжуріи до самаго Амура, и повсюду находишься словно въ какой-либо провинціи Китая, — до такой степени стушевался всякій мѣстный отпечатокъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ кочевниковъ, продолжаетъ онъ[6]), по-маньчжурски уже никто болѣе не говоритъ, и, быть можетъ, до насъ

---

1) Барабашъ, Сунгарійск. экспед. 1872 г. (Военный Сборн. 1874, № 2, Отд. I, стр. 325).

2) Huc, Souv. etc. T. I, p. 149.

3) За исключеніемъ, какъ значится, тѣхъ изъ нихъ, которые при покореніи Китая тотчасъ же перешли на сторону Маньчжуровъ (Plath, l. c. p. 737), или пришли съ ними же изъ Маньчжуріи (Іакинфъ, Стат. Опис. Китайск. Имп. С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 251), а равно за исключеніемъ и ихъ потомковъ. Этимъ закономъ всѣ Китайцы, въ послѣдствіи переселившіеся въ Маньчжурію, были фактически исключены изъ войска.

4) Huc, l. c. p. 150.

5) Williamson, Journeys in North China, Manchuria and Eastern Mongolia, London 1870, Vol. II, p. 60.

6) Хюкъ причисляетъ Солоновъ также къ Маньчжурамъ и полагаетъ, что у нихъ маньчжурскій типъ еще сохранился неприкосновеннымъ.

не дошли бы и слѣды этого прекраснаго языка, если бы императоры Кхан-си и Цянлунъ не воздвигли ему вѣчныхъ памятниковъ[1]). Дю-Хальдъ, говоря о картѣ Маньчжуріи, составленной іезуитами по приказанію императора Кхан-си, поясняетъ, что китайскія названія мѣстностей въ нее не внесены на томъ основаніи, что они были бы совершенно безполезны для путешественниковъ; къ чему, напримѣръ, было бы имъ знать, что рѣка «Сахалин-ула» у Китайцевъ называется «Хэ-лун-цзяшъ», когда они имѣютъ тамъ дѣло не съ Китайцами, а съ Маньчжурами, которые такого китайскаго названія, можетъ быть, никогда не слыхали? При этомъ Хюкъ, въ свою очередь, замѣчастъ, что если это было такъ во времена Кхан-си, то нынѣ — совсѣмъ наоборотъ[2]). Можно, пожалуй, подумать, что Хюкъ судилъ о Маньчжуріи и Маньчжурахъ лишь издалека, по тому, можетъ быть, что̀ видѣлъ и слышалъ въ Китаѣ, Монголіи и, въ лучшемъ случаѣ, на южной границѣ Маньчжуріи. Однако совершенно такъ же отзываются о Маньчжуріи и путешественники, проникавшіе глубже въ эту страну. По Флемингу[3]), Рихтгофену[4]), Вильямсону[5]), южная Маньчжурія, т. е. провинція Ляо-дунь, даже съ ея столицею Мукденемъ, — чистый Китай: Маньчжуровъ тамъ больше нѣтъ, языка маньчжурскаго тамъ больше не услышишь, и рѣдко кто его понимаетъ тамъ. Вильямсонъ полагаетъ, что бо̀льшая часть Маньчжуровъ переселилась оттуда на сѣверъ, въ Сунгарійскій край или, какъ онъ его называетъ, центральную Маньчжурію, другая же часть, относящаяся къ китайскому населенію въ однихъ мѣстахъ какъ 1 къ 3, въ другихъ — какъ 1 къ 10, осталась въ Ляо-дунѣ и все болѣе и болѣе поглощается Китайцами. Рихтгофенъ, напротивъ, держится того мнѣнія, что вытѣсненія Маньчжуровъ Китайцами собственно не было, а произошло только смѣшеніе обоихъ народовъ, но такъ, что маньчжурскій языкъ уступилъ мѣсто китайскому. Только въ деревняхъ провинціи Кириnъ[6]), говоритъ онъ, еще сохранился, кажется, маньчжурскій языкъ, какъ живой. Но по свѣдѣніямъ, собраннымъ на самой Сунгари, и это едва-ли вѣрно. Вильямсонъ, напримѣръ, называетъ и центральную Маньчжурію непосредственнымъ продолженіемъ Китая; и тамъ Маньчжуры съ дѣтства отрѣшаются отъ всего національнаго, слѣпо подчиняясь Китайцамъ[7]) по языку, одеждѣ, правамъ, обычаямъ, манерамъ. Если считать языкъ признакомъ національности, говоритъ Барабашъ[8]), то обитателей прибрежій Сунгари, Нонни и Хурхи можно раздѣлить по племенамъ на Китайцевъ, Монголовъ, Дауровъ и Гольдовъ; Маньчжуровъ же, т. е. людей, говорящихъ по-маньчжурски, тамъ нѣтъ. Фактъ этотъ, по его свидѣтельству, вѣренъ не только въ отношеніи

---

1) Huc, l. c. p. 151.

2) Huc, l. c. p. 161.

3) Fleming, Travels on horseback in Mantchu Tartary, London 1863, p. 544.

4) Richthofen, Reise durch Liao-tung und Pe-tschili nach Peking, Mai — Juli 1869 (Petermann, Geograph. Mittheil. 1870, p. 371). Его же: Schreiben über seine Reisen zur Grenze von Korea und in der Prov. Hu-nan (Zeitschrift der Gesellsch. für Erdk. zu Berlin, Bd. V, p. 319, 320).

5) Williamson; Journeys in North China, Manchuria and Eastern Mongolia, London 1870, Vol. II, p. 39.

6) Или Гиринъ, въ Сунгарійскомъ краѣ.

7) Williamson, l. c. p. 59, 60.

8) Тамъ же, стр. 322.

деревень, но и городовъ, этихъ гнѣздъ маньчжурскаго чиновничества; причина же этому явленію заключается въ томъ, что Китайцы, начавшіе наводнять Маньчжурію со времени водворенія маньчжурской династіи на китайскомъ престолѣ, успѣли вполнѣ окитаить господствующую народность. Въ томъ же смыслѣ отзывается объ этомъ и другой путешественникъ-очевидецъ, архимандритъ Палладій[1]). Не смотря на то, говоритъ онъ, что Китайцы всюду объясняются съ инородцами на ихъ языкѣ, что они легко и безъ задержки произносятъ, коверкая по-своему, самые непроизносимые для Китайца звуки, — одинъ языкъ, именно маньчжурскій, изгнанъ изъ ихъ лингвистики, какъ языкъ для нихъ безполезный. Поэтому, приведенное выше замѣчаніе Хюка, что въ Маньчжуріи въ настоящее время употребляются китайскія названія мѣстностей, въ большинствѣ случаевъ совершенно вѣрно. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Барабаша, общеупотребительное на нашихъ картахъ маньчжурское названіе «Хурха» для большой рѣки, на которой стоитъ городъ Нингута, въ Маньчжуріи вовсе неизвѣстно; ее знаютъ, напротивъ, только подъ китайскимъ именемъ «Мудан-цзянъ»[2]). И такъ, обширный край по Сунгари и его притокамъ, собственно такъ называемая Маньчжурія, нынѣ страна маньчжурская только по имени.

Нѣсколько лучше положеніе Маньчжуровъ въ другихъ частяхъ Амурскаго края, не смотря на то, что они заняли ихъ уже въ послѣдствіи. На рѣкѣ Нонни Маньчжуры обитаютъ вверхъ отъ Цицикара и отдѣлены Монголами и Даурами отъ выше-разсмотрѣнной маньчжуро-китайской области по Сунгари. Это — большею частью, приблизительно на $^{8}/_{10}$, такъ называемые «Ичэ-Маньчжу», т. е. новые Маньчжуры, потомки родовъ, нѣкогда жившихъ въ восточной части губерніи Гиринъ и выселенныхъ основателемъ нынѣшней династіи (Дай-цзу) изъ Уссурійскаго края на рѣку Нонни[3]). Они между собою говорятъ еще по-маньчжурски, но съ посторонними — по-китайски[4]). Сохраненіемъ своей національности

---

1) Тамъ же, стр. 396.

2) Барабашъ, тамъ же, стр. 134, примѣч. Корейскій миссіонеръ Киман-Кимъ (Lettre à Mgr. Ferréol, évêque de Belline etc. — Nouv. Annales des Voyages, Ve Sér. T. IX, 1847 [T. I], p. 69) называетъ ее китайскимъ именемъ «Мутуанъ». У Французскаго миссіонера Вено (Venault, Excurs. dans les parties intér. de la Mandchourie, 1850. — Nouv. Annales des Voyages, Ve Sér. T. XXX, 1852 [T. II], p. 207) она значится подъ именемъ «Мутанъ» (Moutan). На англійской картѣ Маньчжуріи Вильямсона (см. его, Journeys etc.) она названа «Мутван-хо» (Mootwan-ho). Мнѣ же Гольды изъ деревни Саргу, лежащей на Амурѣ гораздо ниже впаденія въ него Уссури, называли ее маньчжурскимъ именемъ «Хурха.»

3) Архимандр. Палладій, тамъ же, стр. 432. Платъ (тамъ же, стр. 983, прим. 4) принимаетъ, по Клапроту, что «Ичэ-Маньчжу» — потомки тѣхъ Маньчжуровъ, которые, въ противоположность древнимъ Маньчжурамъ или «Фэ-Маньчжу», не вторглись въ Китай, но были покорены послѣдними или примкнули къ нимъ. Китаецъ У-чень, родившійся въ 1664 г. въ Нингутѣ, куда былъ сосланъ его отецъ, и остававшійся тамъ до 1681 г., разсказываетъ въ своемъ описаніи этого города, что лица изъ народа «Хурха» или «Хулха» (т. е. изъ Маньчжуровъ съ рѣки Хурхи), отличившіяся храбростью, получили отъ правительства въ подарокъ кольца и рабовъ (изъ числа ссыльныхъ). Имъ же въ послѣдствіи было приказано переселиться въ Нингуту, оттуда въ Мукденъ а затѣмъ, черезъ два года, — въ Пекинъ. Они-то, говоритъ У-чень, и называются нынѣ «Ичэ-Маньчжу». Сначала они были неуклюжи, но въ послѣдствіи, когда онъ видѣлъ ихъ въ Пекинѣ, уже ничѣмъ почти не отличались отъ настоящихъ Маньчжуровъ. См. переводъ статьи У-ченя у Васильева (Записки о Нингутѣ. — Зап. Русск. Геогр. Общ. Ч. XII, 1857, стр. 93).

4) Палладій, тамъ же.

они, безъ сомнѣнія, обязаны тому обстоятельству, что живутъ дальше и не въ прямомъ сосѣдствѣ съ Сунгарійскими Китайцами. Но все-таки и между ними уже поселились Китайцы, такъ что и ихъ окитаеніе представляется лишь вопросомъ времени.

То же самое явленіе повторяется и въ третьемъ участкѣ Маньчжуровъ въ Амурскомъ краѣ, а именно по среднему Амуру, въ неоднократно упомянутой нами маньчжуро-китайской культурной части его. Хотя они и тамъ живутъ вмѣстѣ съ Даурами и со столь роковыми для ихъ національности Китайцами, однако число послѣднихъ до сихъ поръ было недостаточно для подавленія маньчжурскаго элемента въ такой же степени, какъ на Сунгари и Хурхѣ. Можетъ быть, немаловажную роль при этомъ играетъ и то обстоятельство, что эта часть Амурскаго края, такъ же какъ и прибрежья Нонни, служитъ мѣстомъ ссылки и слѣдовательно получаетъ только худшій китайскій элементъ, который не въ состояніи пріобрѣсть себѣ, относительно національности, такого значенія и вліянія, какое пріобрѣтаютъ свободные поселенцы. Я самъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ на означенной полосѣ, по обоимъ берегамъ Амура, нѣсколько большихъ деревень, которыя, какъ мнѣ говорили, были заняты исключительно Маньчжурами; но рядомъ съ ними стояли, правда, и другія селенія съ смѣшаннымъ, маньчжуро-китайскимъ населеніемъ. Вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, и въ числѣ жителей города Айгуна (или Айхо-хотонъ, по-маньчжурски)— сравнительно меньше Китайцевъ, чѣмъ въ Сунгарійскихъ городахъ, такъ же какъ и въ Мергенѣ и Цицикарѣ, гдѣ рядомъ съ Китайцами живутъ и Маньчжуры, и Дауры, и Солоны[1]), тогда какъ Гиринъ, Нингута, Бодунэ, Сан-синь — города почти чисто китайскіе. Самая восточная изъ маньчжурскихъ деревень на Амурѣ — Торель, лежащая немного выше самаго восточнаго даурскаго селенія, Хормольдина. Преимущественно же, какъ уже было сказано выше, маньчжурскія селенія занимаютъ западную половину этой части Амура, кверху и книзу отъ Айгуна, до впаденія въ него Зеи. Затѣмъ они тянутся и по этой рѣкѣ вверхъ, верстъ на 20 отъ ея устья, но въ настоящее время лишь вдоль лѣваго берега ея, тогда какъ прежде занимали оба берега Зеи[2]).

Кромѣ вышеозначенныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ пространствъ, къ числу маньчжурскихъ поселеній надо отнести и расположенные въ Амурскомъ краѣ сторожевые посты, караулы или мѣстопребыванія чиновниковъ китайскаго правительства, хотя эти чиновники и состоятъ не изъ однихъ Маньчжуровъ, и въ числѣ ихъ бываютъ и Солоны, и Дауры, и даже Китайцы[3]). Я не стану перечислять всѣ подобныя мѣстности, а ограничусь лишь лежащими по Амуру и его притокамъ, среди разсматриваемыхъ здѣсь инородцевъ. Нельзя не признать за ними нѣкотораго этнографическаго значенія

---

1) Lange, Tagebuch einer Karawanenreise (Pallas' Neue Nord. Beytr. Bd. II, p. 177). Палладій, тамъ же, стр. 429.

2) Schmidt, Histor. Bericht etc. p. 33. Срав. также свѣдѣнія, доставленныя Усольцевымъ (Шварцъ, Подробн. отч. о результ. изслѣд. Матем. Отдѣла Сибирск. Экспед. Имп. Русск. Геогр. Общ. С. Петерб. 1864, гл. I, стр. 34).

3) Такъ, напримѣръ, чиновникъ, высланный мнѣ на встрѣчу, когда я поднимался по Амуру, изъ Айгуна и сопровождавшій меня нѣсколько дней до того города, былъ родомъ Китаецъ.

уже потому, что они даютъ понятіе о господствующемъ положеніи Маньчжуро-Китайцевъ относительно другихъ приамурскихъ инородцевъ — затѣмъ и потому, что здѣсь производится взиманіе податей, торговля съ туземцами и въ особенности разнаго рода обираніе и лихоимство со стороны маньчжуро-китайскихъ властей.

Въ губерніи Хэ-лун-цзянъ, обнимающей верхнее и среднее теченія Амура, съ главнымъ городомъ Цицикаромъ, вверхъ отъ города Айгуна и устья Зеи, въ области Манегирцевъ, есть нѣсколько маньчжурскихъ постовъ: спачала, если идти вверхъ,—Улусу-модонъ, лежащій на замѣчательномъ петлеобразномъ изгибѣ Амура, немного ниже впаденія въ него Комары; затѣмъ — два караула на самомъ устьѣ послѣдней, одинъ — непосредственно на немъ, другой — на противолежащемъ, лѣвомъ берегу Амура; и, наконецъ, еще два — у подошвы и напротивъ горы Цагаянъ, издали уже бросающейся въ глаза своими крутыми, желтоватобѣлыми обрывами. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдніе вверхъ по Амуру маньчжурскіе караулы, потому что далѣе, въ области Орочоновъ, ихъ больше нѣтъ, не смотря на то, что по Нерчинскому трактату и эта часть Амура осталась за Китайцами. Въ ней китайскіе чиновники бываютъ лишь проѣздомъ, когда отправляются осматривать свои пограничные знаки. Книзу отъ Айгуна, въ области Бираровъ, находится сторожевой постъ Сунгъ или Сунгъбира, на устьѣ небольшой рѣчки того же имени, впадающей справа въ Амуръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и немного выше устья Буреи. Затѣмъ, верстъ 60 вверхъ по Буреѣ, расположенъ другой маньчжурскій постъ, очевидно предназначенный для наблюденія за Бирарами, для сбора съ нихъ податей и, можетъ быть, также для того, чтобы воспрепятствовать движенію на Амуръ русскихъ Тунгусовъ и Якутовъ[1]).

Въ губерніи Гиринъ, обнимающей весь нижній Амурскій край, маньчжурскіе сторожевые посты или постоянныя мѣстопребыванія китайскихъ чиновниковъ, всѣ расположены въ широко раскинувшейся области Гольдовъ. Одинъ изъ наиболѣе значительныхъ въ числѣ ихъ, это — лежащій на устьѣ Сунгари постъ Джаш-джу, о которомъ уже было говорено выше. Другой находится въ Гайдьѣ, на правомъ берегу Амура. Далѣе, въ бытность мою на Амурѣ, постояннымъ мѣстопребываніемъ одного, повидимому значительнаго, китайскаго чиновника была гольдская деревня Хехциръ, лежащая также на правомъ берегу Амура, близъ устья Уссури. На самой Уссури было въ то время два маньчжурскихъ поста: одинъ, посѣщенный мною, находился въ гольдской деревнѣ Джоада, на нижнемъ теченіи рѣки; другой, Шапь-спъ, — на лѣвомъ берегу, какъ-разъ противъ впаденія рѣки Имы. Въ послѣднемъ изъ нихъ постоянно живетъ нѣсколько маньчжурскихъ чиновниковъ для сбора податей съ туземцевъ верхней Уссури[2]). Впрочемъ, поѣздки свои къ нимъ, съ означенною цѣлью, они совершаютъ лишь изрѣдка, да и то лишь до извѣстнаго мѣста, потому что

---

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 161, примѣч. 1.

2) Маакъ (Путеш. по долинѣ р. Уссури, С. Петерб. 1861, стр. 11, 36) упоминаетъ только объ одномъ этомъ постѣ на Уссури; другаго, въ деревнѣ Джоада, онъ не замѣтилъ, или же этотъ постъ былъ уже снятъ, такъ какъ названная деревня лежитъ на правомъ берегу Уссури, а этотъ берегъ ковремени путешествія Маака (1861 г.) уже перешелъ въ русское владѣніе.

выше устья Сунгачи, и особенно между устьями рѣкъ Кубурхэ и Нинту (или Науту), тянется довольно пустынная мѣстность, составляющая, кажется, фактическую границу маньчжурскаго господства на Уссури. По крайней мѣрѣ, живущихъ далѣе вверхъ по Уссури Китайцевъ они болѣе не тревожатъ [1]). Наконецъ, послѣдній постоянный постъ маньчжурскихъ чиновниковъ на нижнемъ Амурѣ находится въ гольдской деревнѣ Мыльки, на разстояніи нѣсколькихъ дней пути вверхъ отъ устья Горина. Дальше книзу, среди Ольчей и Гиляковъ нижняго Амура, равно какъ и у Орочей по морскому берегу, въ мое время не было ни маньчжурскихъ постовъ, ни постоянно жившихъ тутъ чиновниковъ. Мало того, туда не пріѣзжали маньчжурскіе чиновники даже на время, для сбора податей или обревизованія пограничныхъ знаковъ, такъ что этотъ край, какъ мы впрочемъ увидимъ еще и ниже, пользовался, можно сказать, почти полною независимостью отъ Маньчжуровъ.

Разсказавъ въ предыдущемъ изложеніи о распространеніи Маньчжуровъ въ Амурскомъ краѣ, мы не могли въ то же время не упомянуть и о постепенной утратѣ ими ихъ національности. Дѣйствительное протяженіе ихъ области и мѣсто, занимаемое ими въ этомъ отношеніи среди инородцевъ Амурскаго края, представляются въ надлежащемъ свѣтѣ лишь при совокупномъ обозрѣніи вышеупомянутыхъ обстоятельствъ. Какъ ни обширна была первоначально занимаемая Маньчжурами область, какъ ни велико ея номинальное протяженіе и въ настоящее время, все-таки, вслѣдствіе исчезновенія ихъ національности, она на самомъ дѣлѣ мала и незначительна. Отсюда уже можно заключить, что народъ, не умѣвшій, не смотря на свое привиллегированное положеніе завоевателя, отстоять у себя же самого своей самостоятельности, не способенъ оказывать сколько-нибудь выдающееся культурное вліяніе на другіе народы. Напротивъ, тѣмъ бо̀льшаго вліянія можно ожидать отъ такого народа, который, не смотря на свою политическую подчиненность, съумѣлъ отобрать у своихъ завоевателей принадлежавшія имъ земли и пріобщить ихъ самихъ къ своей національности; я разумѣю здѣсь Китайцевъ. Вотъ почему намъ, въ виду всѣхъ предстоящихъ разысканій объ инородцахъ Амурскаго края, необходимо прежде всего прослѣдить, каково было распространеніе въ немъ этого древнѣйшаго изъ культурныхъ народовъ восточной Азіи въ то время, когда мы познакомились съ его туземнымъ населеніемъ.

Китайцы занимаютъ въ Амурскомъ краѣ, съ одной стороны, сплошныя, болѣе или менѣе обширныя пространства, захваченныя ими вполнѣ или отчасти, съ другой — отдѣльные пункты и посты, далеко вдвинувшіеся въ области почти всѣхъ приамурскихъ

---

1) Венюковъ, Обозр. р. Уссури и пр. (Вѣсти. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXV, 1859 г. Отд. II, стр. 208). | Его же, Путешествіе по окраинамъ Русской Азіи, стр. 42, 43.

инородцевъ. Наибольшая изъ сплошныхъ областей ихъ, та, гдѣ они состоятъ фактическими хозяевами, — обширный, плодородный Сунгарійскій край, мирнымъ путемъ отвоеванный ими у Маньчжуровъ. Я уже говорилъ, что послѣ завоеванія Китая Маньчжурами, потокъ китайскихъ переселенцевъ распространился не только на ближайшую къ Китаю провинцію Ляо-дунь, но и на всю, собственно такъ называемую, центральную Маньчжурію, и притомъ былъ такъ великъ, что нынѣ вся эта страна, по своему господствующему языку, правамъ, обычаямъ, составляетъ какъ-бы непосредственное продолженіе Китая. Плодородныя прибрежья Сунгари, этой главной артеріи всего края, сплошь заселены Китайцами, между которыми, какъ мы видѣли, есть не мало и окитаевшихся Маньчжуровъ. Небольшой перерывъ составляетъ лишь пространство между городами Бодунэ и Да-хутунь, гдѣ они, сравнительно съ Монголами и Даурами, пока еще находятся въ меньшинствѣ; тѣмъ не менѣе, они и тамъ, посредствомъ арендованія монгольскихъ земель, равно какъ и чрезъ торговлю, промышленность, содержаніе постоялыхъ дворовъ, гостинницъ и т. д., шагъ за шагомъ забираютъ все въ свои руки [1]). Книзу же отъ Да-хутуня, въ крайне плодородной низменности по Сунгари, опять разселилось, какъ по самой рѣкѣ, такъ и внутри страны, въ особенности же около городовъ Баян-сусу, Аже-хэ, Суан-чеп-пу и др., многочисленное земледѣльческое, торговое и промышленное китайское населеніе. Между городами Баян-сусу и Сан-синемъ лежатъ новѣйшія поселенія Китайцевъ. Барабашъ, которому мы обязаны этими свѣдѣніями [2]), въ 1872 г. засталъ нѣкоторыя изъ этихъ колоній еще при самомъ ихъ началѣ: новые пришельцы, не успѣвши обстроиться, помѣщались еще въ земляпкахъ и шалашахъ. Тѣмъ не менѣе, китайскія колоніи по Сунгари уже давно простираются и за Сан-синь, къ сѣверу: по правому берегу онѣ тянутся еще верстъ на 115 книзу, до деревни Цзянь-му-со, ниже которой начинаются Гольды; на лѣвомъ же берегу онѣ оканчиваются верстахъ въ 60 за Сан-синемъ, деревнею Вань-юань-во-кенъ, за которой до самаго Амура слѣдуетъ незаселенное луговое пространство.

Второе мѣсто, послѣ Сунгари, въ отношеніи густоты китайскаго населенія, занимаетъ рѣка Хурха или Мудан-цзянъ, самый большой изъ правыхъ притоковъ ея, впадающій въ нее у Сан-синя. Здѣсь Китайцы разселились преимущественно по правому берегу, болѣе пригодному для хлѣбопашества, вплоть до Нингуты и дальше. Затѣмъ, оттуда по направленію къ русской границѣ, т. е. къ верхнему Суйфуну, долина рѣчки Мо-до-ши образуетъ границу болѣе плотнаго китайскаго населенія; за нею же, до деревни Вань-лун-хо и дальше, до самой русской границы, стоятъ лишь отдѣльныя китайскія хижины, жители которыхъ занимаются

---

1) Палладій, Дорожн. зам. въ 1870 г. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. По общей Географіи, Т. IV, 1871, стр. 423). Барабашъ, Сунгарійск. экспед. 1872 г. (Военный Сборн. 1874, I, стр. 327). Китайское правительство покровительствуетъ распространенію осѣдлости во владѣніяхъ кочевыхъ Монголовъ, видя въ этомъ залогъ спокойствія и безопасности своихъ границъ. Пользуясь этимъ, Китайцы забираютъ земли Монголовъ, сперва арендуя ихъ, а затѣмъ, помощію торговли и денежныхъ взносовъ, превращая первоначальныхъ владѣльцевъ въ своихъ должниковъ (Палладій, тамъ же).

2) Тамъ же, стр. 325—327.

обработкою небольшихъ полей и огородовъ, или содержаніемъ постоялыхъ дворовъ для множества прохожаго люда, направляющагося на золотые пріиски и другіе промыслы къ верхнему Суйфуну, къ верховьямъ Уссури и къ морскому берегу. Менѣе густое, но также исключительно китайское населеніе находится и на остальныхъ притокахъ Сунгари, на Хуланѣ, Майхэ и др., за исключеніемъ рѣки Нонни, на нижнемъ теченіи которой Китайцы, какъ мы уже видѣли, перемѣшаны съ Монголами и Даурами, а вверхъ оттуда съ Солонами, при чемъ составляютъ пока лишь меньшинство населенія.

Такъ какъ въ обширномъ Сунгарійскомъ краѣ еще много простора для колонистовъ, то переселеніе туда Китайцевъ далеко еще не прекратилось, хотя оно началось уже два столѣтія тому назадъ. Со времени присоединенія большой части Амурскаго края къ Россіи, оно повидимому, даже еще усилилось, — можетъ быть, вслѣдствіе открывшейся Сунгарійскимъ Китайцамъ перспективы на болѣе оживленную торговлю, на болѣе легкій и выгодный сбытъ своихъ произведеній, или же вслѣдствіе того, что Пекинское правительство, расчитывая, помощію многочисленнаго и однороднаго китайскаго элемента, обезпечить себѣ въ будущемъ обладаніе оставшеюся за нимъ землею, поощряло Китайцевъ къ переселенію. Въ путешествіи своемъ изъ Пекина въ Маньчжурію, въ 1866 г., Вильямсонъ, выѣхавъ изъ Йшь-цзе на устьѣ Сира-муреня и слѣдуя чрезъ Ляо-дунь, каждый день встрѣчалъ толпы переселенцевъ, направлявшихся на сѣверъ [1]). Наибольшій контингентъ этихъ переселенцевъ доставляютъ одинаково многолюдныя провинціи Шань-дунь и Шань-си, а затѣмъ и Чжи-ли, которыя въ географическомъ отношеніи лежатъ ближе другихъ къ Маньчжуріи. Переселеніе изъ Шань-дуня уже началось вскорѣ послѣ завоеванія Китая Маньчжурами, вслѣдствіе неурожаевъ [2]), и положило первое основаніе колонизаціи этого края со стороны Китая. Изъ Шань-дуня Маньчжурія получаетъ своихъ лучшихъ колонистовъ — опытныхъ, трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ, свѣдущихъ во всѣхъ сельскихъ и городскихъ промыслахъ. Они переселяются сюда со своими семействами и, избравъ подходящую себѣ дѣятельность, навсегда становятся осѣдлыми жителями страны [3]). Они-то, главнымъ образомъ, и обратили Маньчжурію въ китайскую провинцію, съумѣвъ захватить въ свои руки всѣ земли туземнаго населенія и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, учрежденіемъ школъ и т. п., подавить маньчжурскую національность. Ихъ языкъ, Шаньдуньское нарѣчіе, есть языкъ, господствующій между Маньчжуро-Китайцами или Манзами (Маньцзами) [4]), какъ ихъ и здѣсь называютъ; его перенимаютъ и прочіе переселенцы, за исключеніемъ Шаньсійцевъ, которые съ трудомъ измѣняютъ свое нарѣчіе [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ Китайцы сохраняютъ однако въ характерѣ и нравахъ особенности своей родины настолько,

---

1) Journeys etc. Vol. II, p. 165.

2) Архимандр. Палладій, тамъ же, стр. 373.

3) Williamson, l. c. Vol. II, p. 165. Захаровъ, Позем. собств. въ Китаѣ (Труды член. Россійск. духовн. миссіи въ Пекинѣ, Т. II, 1853, стр. 65). Архимандр. Палладій, тамъ же, стр. 408. Барабашъ, тамъ же, стр. 323.

4) В. Васильевъ, Записки о Нингутѣ (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XII, 1857, стр. 86). Барабашъ, Сунгарійск. экспед. 1872 г. (Воен. Сборн. 1874, I, стр. 324).

5) Палладій, тамъ же, стр. 373, 374, 409.

что при достаточномъ знакомствѣ съ Китаемъ, можно, не смотря на общее всѣмъ нарѣчіе, сейчасъ же узнать Шаньдунцевъ, Чжилійцевъ и пр. Точно также, какъ Шань-дунь, Чжи-ли доставляетъ Маньчжуріи по большей части трудолюбивыхъ, способныхъ и навсегда въ ней остающихся хлѣбопашцевъ и ремесленниковъ, хотя и въ меньшемъ, противъ первой провинціи, числѣ. Другое дѣло — Шань-си. Бо̀льшая часть выходцевъ изъ этой провинціи принимается въ Маньчжуріи за торговлю: Шаньсійцы — предпріимчивые, практическіе и ловкіе люди, завладѣвшіе, благодаря своей неутомимой дѣятельности, всею мелочною и оптовою торговлею въ городахъ и деревняхъ Маньчжуріи[1]). Это — «Евреи срединной имперіи», какъ весьма удачно назвалъ ихъ архимандритъ Палладій[2]); путешественникъ встрѣтитъ ихъ повсюду, собственно въ Китаѣ и въ подвластныхъ ему странахъ, и повсюду услышитъ ихъ говоръ, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ прочихъ нарѣчій. Вслѣдствіе своего значительнаго числа и распространенія, своего матеріальнаго и нравственнаго перевѣса надъ Маньчжурами и, наконецъ, своего умѣнья дѣлаться для нихъ совершенно необходимыми, они, не менѣе Шаньдунцевъ, способствовали повсемѣстному утвержденію въ Маньчжуріи китайскаго языка и китайской національности. Въ противуположность къ Шаньдунцамъ, Шаньсійцы лишь рѣдко и неохотно поселяются навсегда въ Маньчжуріи; по большей части они пріѣзжаютъ сюда безъ семействъ, стараются какъ можно скорѣе нажить деньги, и затѣмъ снова уѣзжаютъ, уступая мѣсто новымъ пришельцамъ. Такимъ образомъ, уже вслѣдствіе своего промысла, они составляютъ болѣе кочевое и подвижное населеніе, не доставляя странѣ такого постояннаго, осѣдлаго колонизаціоннаго элемента, какъ ихъ соотечественники изъ Шань-дуня. Но за то страсть къ наживѣ и самый родъ ихъ занятій побуждаютъ ихъ идти въ даль, такъ что именно торговцы-Шаньсійцы часто встрѣчаются за предѣлами собственной Маньчжуріи, среди почти всѣхъ инородцевъ Амурскаго края, служа какъ бы передовыми піонерами распространенія китайской культуры. Вотъ почему намъ представится еще случай возвратиться къ нимъ въ послѣдствіи.

Кромѣ упомянутыхъ элементовъ, Маньчжурія получаетъ, изъ переполненнаго населеніемъ Китая, и опять-таки преимущественно изъ провинцій Шань-си и Шань-дуня, множество другого, менѣе пригоднаго народа, изъ низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ. Это — преимущественно всевозможный сбродъ: люди, потерявшіе свое состояніе въ порочной и безпутной жизни, особенно въ столь распространенной между Китайцами и нерѣдко разоряющей ихъ карточной игрѣ, преступники, бѣжавшіе отъ закошной кары, и т. д. Они ищутъ себѣ заработковъ, какъ поденщики, рыбаки, звѣропромышленники, работники на золотыхъ пріискахъ и пр., и многимъ изъ нихъ удается, при нѣкоторой энергіи и прилежаніи, достигнуть лучшаго, болѣе высокаго положенія.

---

1) Вильямсонъ, Палладій, Барабашъ, тамъ же. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что въ Маньчжуріи нѣтъ купцовъ также изъ Шань-дуня и, наоборотъ, — земледѣльцевъ и ремесленниковъ изъ Шань-си. Такъ напр., Вильямсонъ (Journey etc. Vol. II, p. 222) встрѣтилъ въ Сань-синѣ купцовъ, уроженцевъ городовъ Тунь-чу-фу и Ляй-чу-фу, въ восточной части Шань-дуня.

2) Тамъ же, стр. 396.

Наконецъ, болѣе или менѣе весь Китай доставляетъ Маньчжуріи контингентъ такихъ переселенцевъ, которые покидаютъ свое отечество не по собственной волѣ, а по распоряженію правительства, — я разумѣю ссыльныхъ. Нельзя сказать, чтобы Маньчжурія получала такимъ путемъ только негодный элементъ населенія. Правда, не малая часть его состоитъ изъ отъявленныхъ, обыкновенныхъ преступниковъ: разбойниковъ, дѣлателей фальшивыхъ денегъ, казнокрадовъ и т. п.; но на ряду съ ними, преимущественно подлежатъ ссылкѣ политическіе преступники, члены тайныхъ политическихъ или мнимо-опасныхъ для государства религіозныхъ обществъ, къ которымъ неоднократно причислялось также и христіанство [1]), далѣе, впавшіе, вслѣдствіе интригъ, въ немилость государственные или придворные чиновники, уличенные или мнимые враги царствующей маньчжурской династіи и т. д. Такіе ссыльные, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли и должны были имѣть большое значеніе для колонизаціи Маньчжуріи. Впрочемъ, не всѣ части ея въ одинаковой степени служатъ мѣстомъ ссылки. Города Нингута и Гиринъ, лежащіе въ самомъ центрѣ Сунгарійскаго края, а еще болѣе находящійся уже за предѣлами собственно Маньчжуріи, на Амурѣ, городъ Айгунъ, издавна упоминаются, какъ мѣста ссылки [2]). Айгунъ или окрестности его кверху и книзу по Амуру имѣются и въ тѣхъ случаяхъ въ виду, когда рѣчь идетъ лишь просто о ссылкѣ на Амуръ [3]). Палладій называетъ въ числѣ ссылочныхъ мѣстъ Хулань, на рѣкѣ того же имени, Хулунь-буиръ и особенно Цицикаръ, куда высылается наибольшее число преступниковъ, и притомъ самыхъ тяжкихъ [4]). Туда же, на рѣку Нонни, было сослано, еще по приказанію императора Кхан-си, большое число Китайцевъ изъ Юнь-наня, приверженцевъ Усань-гуя, сражавшихся за независимость Китая отъ Маньчжуровъ. Имъ были отведены земли съ обязательствомъ обработки ихъ. Потомки ихъ упорнымъ и энергическимъ трудомъ расширили свои владѣнія, и въ настоящее время Юньнаньцы образуютъ тамъ обширныя земледѣльческія колоніи, причемъ они, однако, во правахъ и характерѣ, сохранили особенности своей провинціи [5]). Такимъ образомъ, даже отдаленный югъ Китая долженъ былъ принять участіе въ колонизаціи Маньчжуріи и въ

---

1) Такъ напр., въ царствованіе императора Цзянцина, приказомъ отъ Іюля 1811 г., было объявлено, что всѣ Китайцы, принявшіе христіанство и не желающіе отъ него отступить, подлежатъ ссылкѣ на Амуръ (Plath, l. c. p. 931).

2) Gerbillon, см. Du Halde, Descrip. de l'Empire de la Chine, T. IV, p. 6, 36, 182, 250. Іакинфъ, Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщ. С. Петерб. 1840, стр. 299. прим.**. Его же, Стат. Описаніе Китайск. Имп. С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 234, прим.**.

3) Вотъ нѣкоторые примѣры подобныхъ случаевъ. Въ царствованіе императора Юн-чжена (1727), Іо-чу, сынъ перваго министра и близкаго родственника императорскаго дома, Лун-ко-то, былъ сосланъ на Амуръ (Plath, l. c. p. 544). При импер. Дао-гуанѣ (около 1844 г.) номунханъ Лассы былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ на берега Амура, за убійство трехъ, еще несовершеннолѣтнихъ далай-ламъ. (Huc, Souvenirs d'un Voyage etc. T. II, p. 288. C. F. Koeppen, Die Religion des Buddha, Berlin, Bd. II, 1859, p. 234).

4) Палладій, тамъ же, стр. 428, 429. Потье (Pauthier, Chine moderne ou descript. histor., géogr. et litter. de ce vaste Empire, II Part. Paris 1843, p. 235) говоритъ, что самая тяжелая ссылка — въ Или. Ссылкѣ всегда предшествуетъ бастонада, съ соотвѣтствующимъ степени преступленія числомъ ударовъ. (См. Du Halde, l. c. T. II, p. 135. Іакинфъ, Стат. Описаніе Китайск. Имп. Ч. I, стр. 234).

5) Палладій, тамъ же, стр. 409, 415.

распространеніи тамъ китайскаго языка и китайскихъ правовъ. Впрочемъ, значеніе подобныхъ ссылокъ для Маньчжуріи и Амурскаго края станетъ еще понятнѣе, если принять въ соображеніе, что китайское правительство при этомъ нерѣдко задавалось также цѣлью увеличить населеніе Маньчжуріи[1]), и что, по этому, ссыльные — по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые виновны въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ — пользуются въ мѣстахъ ссылки нѣкоторою свободою, такъ какъ весь контроль надъ ними ограничивается перекличкою ихъ разъ, или два въ мѣсяцъ[2]). Судьба ихъ тяжелѣе, конечно, при усиленныхъ наказаніяхъ; но и при высшей мѣрѣ наказанія, когда ссыльные отдаются въ рабство находящимся на службѣ Солонамъ и Даурамъ[3]), случается, что ловкій и интеллигентный невольникъ пріобрѣтаетъ вліяніе на своего грубаго господина. Такимъ образомъ, маньчжуро-китайское правительство, сдѣлавъ свою родину мѣстомъ ссылки, само невольно способствовало уничтоженію маньчжурской національности и превращенію Маньчжуріи въ китайскую провинцію.

Въ сравненіи съ обширнымъ Сунгарійскимъ краемъ, пространство, занимаемое сплошнымъ китайскимъ населеніемъ по Амуру, не велико. Здѣсь Китайцы въ значительномъ числѣ встрѣчаются только въ такъ называемой маньчжуро-китайской культурной части средняго Амура, между устьями Буреи и Зеи, гдѣ они обитаютъ по обоимъ берегамъ рѣки, преимущественно въ большихъ деревняхъ, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ, но иногда бываютъ и разбросаны, предаваясь исключительно мелочной торговлѣ. Будучи смѣшаны тутъ съ Маньчжурами и Даурами, они, по вышеупомянутымъ причинамъ, не имѣли на нихъ такого всепоглощающаго вліянія, какъ въ Сунгарійскомъ краѣ, и еще не могутъ считаться господствующею народностью. Къ тому же, Дауры, какъ здѣсь, такъ и по Нонни, имѣя во многихъ отношеніяхъ, а именно по своимъ практическимъ наклонностямъ, по своей расчетливости, предпріимчивости, страсти къ торговлѣ и пр., нѣкоторое сходство съ Китайцами, не такъ легко поддаются ихъ вліянію, какъ Маньчжуры. Кажется даже, что въ тѣ мѣстности, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивается ихъ торговля, — по Буреѣ и Зеѣ, съ Бирарами и Манегирцами, — они пока съумѣли вовсе не допустить Китайцевъ.

Гораздо бо̀льшее пространство, чѣмъ по среднему Амуру, занялъ Китайцы въ приморской части Маньчжуріи, равно какъ и по верхней Уссури и ея притокамъ. Разсматривая распространеніе Орочей и Гольдовъ, я уже упомянулъ объ этихъ Китайцахъ, живущихъ вмѣстѣ съ названными коренными инородцами и извѣстныхъ здѣсь, какъ и на Сунгари, подъ именемъ Манзъ. Взглянемъ теперь ближе на мѣстности, занимаемыя ими въ этомъ краѣ.

Приморская часть Маньчжуріи, т. е. полоса земли между моремъ и береговымъ гор-

---

1) Жербильонъ (см. Du Halde, Description de l'Empire de la Chine, T. IV, p. 6, 36) прямо высказываетъ это.

2) Палладій, тамъ же, стр. 428. Барабашъ, тамъ же, стр. 324.

3) Палладій, тамъ же, стр. 429. Plath, l. c. p. 935.

ным хребтомъ Сихота-алинъ, заселена Китайцами, начиная съ границы Кореи, а слѣдовательно и нынѣшнихъ русскихъ владѣній на Японскомъ морѣ, приблизительно до залива Св. Владиміра и рѣки Тазуши, или Лифуле[1]). Но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ число ихъ становится все меньше и меньше, такъ что за 46° с. ш.; съ котораго сама природа принимаетъ болѣе сѣверный характеръ, они не переходятъ[2]). Въ особенности же населяютъ они долины рѣкъ, берущихъ свое начало въ береговомъ хребтѣ. Непосредственно на берегу моря, Китайцы селятся рѣдко, потому ли, что не хотятъ быть замѣченными со стороны моря, или же, чтобы избѣгнуть непосредственнаго вліянія морского климата, сильныхъ вѣтровъ и т. п. Всего больше ихъ въ плодородной долинѣ Сучана и по его притокамъ. По свидѣтельству Пржевальскаго[3]), тамъ по крайней мѣрѣ 11 деревень и 75 отдѣльно лежащихъ домовъ или фанзъ Китайцевъ. Затѣмъ слѣдуютъ, по густотѣ населенія, долины рѣкъ Тазуши, Цымухэ, Тасудухэ, Пхусунъ, Майхэ и т. д.[4]). Также и около Владивостока и залива Посьета обитаетъ сравнительно многочисленное китайское населеніе. Напротивъ, самая пустынная часть всего разсматриваемаго здѣсь берега — пространство между рѣкою Та-уху и заливомъ Св. Ольги[5]), равно какъ и мѣстность къ сѣверу отъ Тазуши, гдѣ китайское населеніе постепенно прекращается. Впрочемъ, численность населенія этой береговой полосы Маньчжуріи сильно измѣняется, смотря по временамъ года, потому что, кромѣ осѣдлыхъ Китайцевъ, занимающихся хлѣбопашествомъ, огородничествомъ и торговлею съ Орочами, лѣтомъ приходитъ туда множество бродячаго народа, для ловли морской капусты и трепанга, или для промывки золота въ рѣкахъ. Вслѣдствіе этого, весь морской берегъ между заливами Посьета и Ольги, на которомъ производятся поименованные морскіе промыслы, равно какъ и страна между Уссурійскимъ заливомъ и рѣками Цымухэ и Сучаномъ, гдѣ находятся главнѣйшіе золотые пріиски, на время оживляются. Осенью, по окончаніи работъ, бо̀льшая часть пришельцевъ возвращается тѣмъ же путемъ, которымъ пришла, въ Хун-чунъ, Нингуту и т. д. Но многіе изъ нихъ, вѣроятно тѣ, которые работаютъ на собственный страхъ, остаются здѣсь на зиму, въ качествѣ работниковъ у осѣдлыхъ Китайцевъ, или же и совсѣмъ безъ занятія, питаясь лѣтнею выручкою. Вотъ почему въ иныхъ частяхъ приморскаго края, особенно по Цымухэ и Сучану, китайское населеніе бываетъ зимою почти вдвое многочисленнѣе, чѣмъ лѣтомъ[6]). За то, чѣмъ больше здѣсь Китайцевъ, тѣмъ меньше Орочей или Тазъ, которые вообще живутъ преимущественно внутри страны, по близости къ горному хребту, гдѣ мѣст-

---

1) Это названіе, употребительное на картахъ, по Пржевальскому (Путеш. въ Уссурійск. краѣ, стр. 156, примѣч.), на самомъ мѣстѣ не извѣстно, точно такъ же, какъ и названіе «Фудзи» для Лифудина, притока Улахэ (верхней Уссури).

2) Венюковъ, Обозр. рѣки Уссури и зем. къ вост. отъ нея до моря (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., Ч. XXV, 1859, Отд. II, стр. 226, 233). Его же, Путеш. по окрестн. Русск. Азіи, стр. 86.

3) Путеш. въ Уссурійск. краѣ, стр. 143.

4) Пржевальскій, тамъ же, стр. 78, 136, 149, 151, 157. По его показаніямъ, на Тазуши, вмѣстѣ съ юртами менѣе богатыхъ своею численностью Орочей, находится до 35 фанзъ, на Цымухэ — 30, на Тасудухэ и Пхусунѣ — по 20-и, на Майхэ — 10. Относительно Тазуши или Лифуле, см. также Венюкова, Обозрѣн. и пр., стр. 218; Путеш. и пр., стр. 59.

5) Пржевальскій, тамъ же, стр. 151.

6) Пржевальскій, тамъ же, стр. 88.

ность пригоднѣе для охоты. Впрочемъ, и тамъ нѣтъ недостатка въ одиноко живущихъ Китайцахъ, которые посредствомъ торговли забираютъ въ свои руки охотничью добычу Орочей.

Если мы съ береговой полосы перейдемъ въ Уссурійскій край, то и здѣсь встрѣтимъ разселившихся Китайцевъ, и притомъ на обширномъ пространствѣ. Въ общихъ чертахъ, и тутъ повторяется то же самое, что и на морскомъ берегу: чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ болѣе численность ихъ умешьшается, и тѣмъ меньше и одиночнѣе становятся ихъ селенія. Всего больше ихъ по рѣкамъ Сандогу и Даубихэ, изъ которыхъ, можно сказать, составляется Уссури, такъ какъ она только со сліяніе этихъ рѣкъ получаетъ свое названіе [1]). Здѣсь Китайцы, занимаясь хлѣбопашествомъ, огородничествомъ и, въ небольшихъ размѣрахъ, скотоводствомъ, живутъ то порознь, то цѣлыми деревнями, и численностью своею превосходятъ коренныхъ жителей страны, Орочей и Гольдовъ [2]), между тѣмъ какъ дальше внизъ по Уссури и его правымъ притокамъ болѣе и болѣе замѣчается обратное отношеніе этихъ племенъ, и, наконецъ, встрѣчаются лишь одинокіе Китайцы, живущіе въ окруженныхъ небольшими огородами фанзахъ, или сидящіе среди туземцевъ въ качествѣ торговцевъ.

Что касается до правыхъ притоковъ Уссури, то по двумъ наибольшимъ изъ нихъ, по Имѣ, со впадающею въ нее рѣкою Ваку, и по Бики, обитаетъ еще довольно много осѣдлыхъ Китайцевъ, воздѣлывающихъ небольшія поля и огороды и въ то же время торгующихъ съ болѣе ихъ многочисленными, но кочевыми Орочами. На рѣкѣ Ваку селенія ихъ тянутся еще на два дня пути вверхъ отъ впаденія въ нее маленькой, быстрой рѣки Тундзи. На Бики Китайцевъ уже меньше, чѣмъ на Имѣ; самая оживленная часть этой рѣки та, гдѣ лежитъ ихъ деревня Чамудындзя, — по той причинѣ, что окрестности этого мѣста наиболѣе пригодны для охоты [3]). Наконецъ, послѣдній изъ правыхъ притоковъ Уссури, на которомъ живутъ Китайцы среди Орочей, и то лишь въ качествѣ торговцевъ, — рѣка Поръ съ ея притоками [4]). Мѣстность эта—пунктъ для нихъ весьма важный еще и потому, что оттуда, переваломъ на рѣку Пэхсу, а затѣмъ вдоль послѣдней, идетъ дорога на Амуръ,— дорога, по которой, зимою нѣкоторые приамурскіе Гольды пріѣзжаютъ для звѣринаго промысла на Поръ и его притоки, и которою пользуются иногда также китайскіе купцы. На самой Уссури, послѣднія мѣста, гдѣ постоянно живутъ Китайцы, лежатъ немного ниже устья Пора; это, именно, на лѣвомъ берегу — двѣ окруженныя огородиками фанзы ихъ, по имени Хайцо, а на правомъ — гольдская деревня Тумургу, лежащая еще немного дальше книзу и въ которой есть китайская фанза. Владѣльцы ея, три китайскіе торговца, назвали мнѣ это мѣстечко Хай-чинь-ю-ча [5]).

---

1) Обыкновенно, какъ уже сказано выше, одинъ только Сандогу считается источникомъ Уссури. Рѣка Сандогу, по впаденіи въ нее Лифудина (Фудзи), принимаетъ названіе Улахэ.

2) Венюковъ, Обозр. и пр., стр. 217, 233; Путеш. и пр., стр. 57.

3) Корзунъ; см. Будищева, Опис. лѣсовъ части Приморской обл. (Зап. Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. IX, X, стр. 353, 379, 381). Венюковъ, Обозр. и пр., стр. 201; Путеш. и пр., стр. 29.

4) Корзунъ, тамъ же, стр. 353.

5) Маакъ (Путеш. по долинѣ рѣки Уссури, Т. I,

На лѣвыхъ притокахъ Уссури условія сложились нѣсколько иначе, вслѣдствіе близости верховьевъ ихъ къ Сунгарійскому краю и существованія нѣсколькихъ дорогъ, еще болѣе сближающихъ ихъ съ этимъ краемъ. Дороги эти исходятъ отъ городовъ Нингуты и Сан-сиия. Отъ Нингуты ихъ не меньше трехъ: одна идетъ чрезъ верхній Суйфунъ на Лефу и Даубихэ, другая — на озеро Ханка, и наконецъ третья — на рѣку Мурень, одинъ изъ значительнѣйшихъ и, во всякомъ случаѣ, важнѣйшихъ лѣвыхъ притоковъ Уссури. Отъ Сансиия есть дорога на рѣку Норъ, по которой происходитъ сравнительно немалое движеніе[1]). Такимъ образомъ, условія для распространенія Китайцевъ въ западной части Уссурійскаго края многимъ благопріятнѣе; эта часть его, можно сказать, болѣе или менѣе непосредственно примыкаетъ къ Сунгарійскому краю. Разсмотримъ главнѣйшіе изъ лѣвыхъ притоковъ Уссури, относительно ихъ населенія, еще отдѣльно.

Роскошная, но въ низовьяхъ своихъ болотистая, долина Лефу населена лишь немногими Китайцами[2]). На Сіанхэ, другомъ притокѣ озера Ханка, и на самомъ озерѣ они также не многочисленны; но къ западу отъ него и по направленію къ верхнему Суйфуну, гдѣ сходятся дороги въ Нингуту, численность населенія увеличивается[3]). На Сунгачѣ расположено только одно китайское селеніе, близъ истока этой рѣки изъ озера Ханка[4]). На нижнемъ теченіи Муреня есть также двѣ-три маленькія китайскія деревни[5]); о верхнемъ и среднемъ теченіяхъ его свѣдѣній пока не имѣется. Болѣе населены Китайцами рѣки Дума и Кирки, вслѣдствіе того, что горы и лѣса въ ихъ окрестностяхъ изобилуютъ столь высоко цѣнимымъ корнемъ жень-шенемъ. Оттуда есть даже тропа на Сунгари[6]). Наконецъ, ихъ больше всего на рѣкѣ Норѣ, послѣднемъ значительномъ притокѣ Уссури съ лѣвой стороны. Кромѣ хлѣбопашества и огородничества, они занимаются здѣсь особенно торговлею и живутъ въ небольшихъ деревняхъ, часто перемежающихся съ селеніями Гольдовъ[7]). И такъ, въ то время, какъ китайское населеніе правыхъ притоковъ Уссури уменьшается по мѣрѣ приближенія къ

стр. 9 и 45) также называетъ мѣстечко Хайцо крайнимъ китайскимъ селеніемъ на Уссури; но онъ несправедливо показываетъ его на правомъ берегу, при чемъ прибавляетъ, что Китайцы живутъ здѣсь среди Гольдовъ; послѣднее примѣнимо только къ деревнѣ Хайчинь-ю-ча или Тумургу.

1) Источники Нора и Вокена, притока Сунгари, раздѣляются только одною горою (Венюковъ, Обозр. рѣки Уссури. — Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. XXV, II, стр. 197. Маакъ, Путеш. по долинѣ р. Уссури, Т. I, стр. 42, 56, 61, 66 [по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ самимъ и Васильевымъ]. Пржевальскій, Путеш. въ Уссурійск. краѣ, стр. 88, 208. Архим. Палладій, Уссурійскіе Маньцзы. — Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. VII, 1871, Отд. II, стр. 372, 373). На верхнемъ Суйфунѣ дорога развѣтвляется, направляясь съ одной стороны къ Хунчуну, съ другой—къ рѣкамъ: Майхэ, Цымухэ, Сучану и др. Кромѣ того, Манзы пробили множество мелкихъ тропинокъ въ восточно-уссурійскій и приморскій края. (Пржевальскій и Палладій, тамъ же).

2) Маакъ, тамъ же, стр. 58. Пржевальскій, тамъ же, стр. 214.

3) Маакъ, тамъ же, стр. 60, 61. Пржевальскій, тамъ же, стр. 68, 211.

4) Маакъ, тамъ же, стр. 63.

5) Доржидаровъ, бывшій на нижнемъ теченіи Муреня, нашелъ тамъ только одну китайскую деревню, на устьѣ довольно большой рѣки, какъ онъ полагаетъ, той самой, которая на китайскихъ картахъ носитъ названіе «Ергунъ», и затѣмъ — вторую, недалеко отъ мѣста впаденія Муреня въ Уссури (Маакъ, тамъ же, стр. 64).

6) Венюковъ, Обозр. и пр., стр. 199; Путеш. и пр., стр. 25. Маакъ, Путеш. по дол. р. Уссури, Т. I, стр. 65.

7) Маакъ, тамъ же, стр. 42, 66.

сѣверу и удаленія отъ главной артеріи страны, на лѣвыхъ притокахъ, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, замѣчается явленіе совершенно обратное.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о происхожденіи Уссурійскихъ Манзъ. Вообще оно — то же, что и Сунгарійскихъ Манзъ, съ тою только разницею, что Уссурійскій и приморскій края получаютъ свое китайское населеніе часто уже изъ вторыхъ рукъ, съ прибрежій Сунгари и его притоковъ. Наибольшій контингентъ прямыхъ переселенцевъ на Уссури и въ приморскій край опять-таки поставляютъ тѣ же три провинціи Китая, ближе другихъ лежащія къ Маньчжуріи: Шань-дунь, Шань-си и, за ними, Чжи-ли [1]). Тѣмъ не менѣе, переселенцы, направляющіеся въ тотъ или другой край, часто весьма различнаго свойства, что главнымъ образомъ обусловливается различнымъ отношеніемъ къ этимъ странамъ китайскаго правительства. Тогда какъ оно разрѣшило китайскимъ земледѣльцамъ переселяться на Сунгари и устраивать тамъ обширныя хлѣбопашескія колоніи, доступъ въ Уссурійскій край былъ для нихъ воспрещенъ [2]), и вмѣсто того туда было направлено движеніе кочеваго, промышленнаго элемента. Это произошло, какъ говорятъ, по тому, что маньчжурскіе правители Нингуты и Гирина боялись скопленія на Уссури слишкомъ сильнаго китайскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство предоставило Уссурійскимъ Манзамъ широкую свободу, посылая къ нимъ лишь изрѣдка изъ Нингуты или Сан-сиця чиновниковъ, которые брали произвольную дань съ каждаго дома, а въ прочемъ оставляли ихъ въ покоѣ [3]). Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было то, что лучшая часть китайскихъ переселещевъ, а имешо всѣ, поднимавшіеся со своими семьями, съ цѣлью пріобрѣсти себѣ новую родину и остаться въ ней на всегда, шли на Сунгари, въ Уссурійскій же край стекался только худшій элементъ — люди, не знавшіе семейнаго очага, и на родинѣ ведшіе бездомную жизнь бродягъ, бѣдные работники и поденщики, особешо же всякаго рода негодяи, подозрительныя личности, преступники, бѣглые и тому подобный сбродъ. Они, понятнымъ образомъ, въ полной свободѣ и беззаконности, въ отсутствіи тамъ всякаго надзора и контроля, находили особешую для себя выгоду. Подобный элементъ, по тѣмъ же причинамъ, притекалъ туда и изъ Ляо-дуня и Сунгарійскаго края. Многіе даже носили на себѣ слѣды тѣлесныхъ наказаній за совершенныя ими на родинѣ преступленія [4]). Описанія путешественниковъ достаточно обрисовываютъ намъ всю грубость, низость и безнравственность этого населенія. Пржевальскій не могъ найти въ Уссурійскихъ Манзахъ ни одной свѣтлой черты. Весьма рельефно, напротивъ, рисуетъ онъ безпутную жизнь

---

1) Восточное Поморье, 1866, стр. 56, 57.

2) Если, какъ мы видѣли выше, въ Уссурійскомъ краѣ и есть хлѣбопашество, то лишь въ малыхъ размѣрахъ, — только вокругъ самыхъ фанзъ; поля обработываютъ лишь сами ихъ владѣльцы, или же при помощи нѣсколькихъ рабочихъ, причемъ крайне плодородная почва и климатическія условія вознаграждаютъ трудъ съ избыткомъ. Болѣе обширнаго земледѣлія, правильнаго сельскаго хозяйства, со всѣми его принадлежностями, какъ въ Сунгарійскомъ краѣ, здѣсь не существуетъ. Уссурійскіе Манзы сами жалуются, что китайское правительство не дозволило имъ основывать земледѣльческія колоніи (Палладій, Уссурійск. Маньцзы, тамъ-же, стр. 370 — 372).

3) Палладій, тамъ же.

4) Усольцевъ, Заханкайскій край (Морск. Сборн. 1864 г., № 6, Ч. неоф., стр. 190).

зимующихъ преимущественно въ долинахъ Цымухэ и Сучана китайскихъ золотоискателей, ловцовъ морской капусты и всякаго другого сброда, — ихъ пьянство и особенно страсть къ карточной игрѣ, которая нерѣдко влечетъ за собою потерю въ одну ночь всего состоянія и даже убійство [1]). О какихъ-либо общественныхъ учрежденіяхъ, школахъ и т. д., какъ въ Сунгарійскомъ краѣ, здѣсь, даже среди сравнительно лучшей части населенія — я разумѣю мелкихъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ или купцовъ, пришедшихъ сюда изъ Сан-синя и Нингуты, — нѣтъ и помину. При такихъ обстоятельствахъ совершенно понятно, что китайское населеніе въ Уссурійскомъ краѣ не имѣетъ на коренныхъ жителей страны и того нравственнаго, цивилизирующаго вліянія, какое оно оказываетъ въ Сунгарійскомъ краѣ на Маньчжуровъ. Для этого Китайцамъ на Уссури не достаетъ перваго и самаго главнаго условія — семьи. Въ Уссурійскомъ краѣ нѣтъ ни одной китайской женщины. Поэтому таможніе Манзы, если они не желаютъ — какъ это съ ними бо́льшею частью бываетъ — жить одиноко, принуждены вступать въ бракъ или въ конкубинатъ съ орочскими или гольдскими женщинами [2]). Въ томъ и другомъ случаѣ, дѣти, хотя и выучиваются съ малолѣтства китайскому языку, но, выростая подъ вліяніемъ своихъ матерей, становятся ничѣмъ не лучше дѣтей Гольдовъ или Орочей, а потому въ послѣдствіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей характера и внѣшнихъ привычекъ, всецѣло сливаются съ этими національностями. Такимъ образомъ, китайскому правительству въ самомъ дѣлѣ удалось воспрепятствовать образованію въ Уссурійскомъ краѣ сильнаго китайскаго населенія; но, надо сказать, оно въ этомъ случаѣ поступило крайне недальновидно и совершенно въ ущербъ собственнымъ интересамъ, значительно облегчивъ своими мѣропріятіями занятіе края Русскими, а на будущее время и поглощеніе ими его кореннаго населенія [3]).

Таковы области болѣе или менѣе сплошного и многочисленнаго китайскаго населенія въ Амурскомъ краѣ. Онѣ являются какъ-бы центрами, изъ которыхъ по всей системѣ Амура лучеобразно расходятся единичные представители китайскаго элемента. Оттуда направляются ко всѣмъ приамурскимъ инородцамъ многочисленные китайскіе купцы, для обмѣна своихъ маньчжуро-китайскихъ продуктовъ и товаровъ на предметы звѣринаго промысла. Посѣщенія ихъ не всегда мимолетны: мѣстами они поселились среди инородцевъ на продолжительное, или постоянное жительство и, такимъ образомъ, основали небольшіе торговые посты или станціи. О торговлѣ Китайцевъ — осѣдлые ли они, или переѣзжіе

---

1) Путешествіе въ Уссурійск. край, стр. 85, 86, 90.

2) Сколько ни посѣщалъ я китайскихъ фанзъ по нижнему Уссури, равно какъ и отдѣльно лежащихъ домовъ китайскихъ купцовъ по верхнему Амуру, я всегда встрѣчалъ въ нихъ только мужчинъ, изрѣдка — женщинъ-туземокъ и никогда — Китаянокъ. Таковы же, относительно разныхъ частей Уссурійскаго края, и показанія Венюкова (Обозр. рѣки Уссури и пр., стр. 241, 242; Путеш. по окраин. Россіи, стр. 100 и 101), Максимовича (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1861, Кн. III, Смѣсь, стр. 5), Усольцева (Заханкайскій край. — Морск. Сборн. 1864, № 6, Ч. неоф., стр. 190), П. Гельмерсена (Petermann's Geogr. Mittheil. 1866, p. 84), Будищева (Описаніе лѣс. части Приморск. области. — Зап. Сибирск. Отд. Геогр. Общ. Т. IX и X, 1867, стр. 182), Шмидта (Histor. Bericht etc., l. c. p. 130), Пржевальскаго (Путеш. въ Уссурійск. край, стр. 83, 105) и др.

3) См. также Палладія, тамъ же.

кущы — я поговорю въ своемъ мѣстѣ обстоятельнѣе; здѣсь же, основанные ими торговые пункты интересуютъ насъ съ совершенно другой точки зрѣнія. Вслѣдствіе торговыхъ сношеній, въ инородческое населеніе до нѣкоторой степени проникаютъ китайская культура, китайскіе понятія, нравы, обычаи и пр., такъ что каждая подобная торговая станція служитъ Китайцамъ какъ-бы новымъ центромъ для распространенія ихъ вліянія на Амурскихъ инородцевъ. Поэтому, если для точнаго опредѣленія всей силы и степени этого вліянія необходимо вполнѣ ознакомиться съ распространеніемъ Китайцевъ въ Амурскомъ краѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо принять въ соображеніе и эти мелкія, разсѣянныя среди инородцевъ, китайскія торговыя станціи, ихъ приблизительное число, расположеніе и т. д.

Весьма различное отношеніе Маньчжуровъ и Китайцевъ къ приамурскимъ инородцамъ рельефно выражается уже въ томъ обстоятельствѣ, что относительно первыхъ мы имѣли дѣло только со сторожевыми постами или постоянными мѣстопребываніями чиновниковъ, относительно же вторыхъ намъ приходится говорить лишь о торговыхъ станціяхъ и постоянныхъ мѣстопребываніяхъ торговыхъ людей. Не менѣе характеристично для этихъ народностей и то, что китайскія торговыя станціи не только гораздо многочисленнѣе маньчжурскихъ сторожевыхъ постовъ, но и простираются далеко за крайніе предѣлы послѣднихъ. Тамъ, гдѣ прекращается фактическая власть Маньчжуровъ, властвуютъ еще Китайцы, посредствомъ торговли, и, прибавимъ, не смотря на разныя притѣсненія и ограниченія, которымъ они подвергаются со стороны своихъ повелителей, Маньчжуровъ.

Менѣе всего китайскіе торговцы распространились по верхнему Амуру, за устьемъ Зеи, куда они приходятъ изъ Айгуна и окрестныхъ деревень. Я встрѣтилъ ихъ тамъ лишь въ четырехъ мѣстахъ, причемъ крайній изъ этихъ пунктовъ находился приблизительно на разстояніи одного дня пути внизъ отъ сторожевого поста Улусу-модонъ. Здѣсь они ограничиваются, слѣдовательно, областью Манегирцевъ, и между Орочонами уже не бываютъ. Причины, почему ихъ тутъ такъ мало и почему они не заходятъ въ этомъ направленіи дальше, суть, повидимому, слѣдующія. Во-первыхъ и главнымъ образомъ — незначительность и притомъ лишь кочевой характеръ населенія въ этой части Амура. Это обстоятельство не только сильно ограничиваетъ и затрудняетъ торговлю, но и принуждаетъ торговцевъ къ полукочевой жизни. Такъ какъ у Манегирцевъ нѣтъ постоянныхъ селеній на Амурѣ, то китайскіе купцы не могутъ расположиться у нихъ, подобно тому, какъ у инородцевъ нижняго Амура; здѣсь имъ, напротивъ, приходится самимъ заботиться объ устройствѣ себѣ жилья, о разведеніи кое-какихъ овощей для пропитанія и т. д. Когда же, осенью, съ перекочевкой Манегирцевъ, Амуръ совершенно пустѣетъ, то и имъ ничего не остается, какъ только возвратиться въ Айгунъ, или въ какую-либо другую мѣстность, откуда они пришли; весною же, съ возвращеніемъ инородцевъ на Амуръ для рыбной ловли, они снова водворяются въ своихъ торговыхъ пунктахъ. Другое обстоятельство, затрудняющее торговлю Китайцевъ на верхнемъ Амурѣ, это — конкуренція съ Даурами. Съ этой стороны подрывъ для нихъ тѣмъ значительнѣе, что послѣдніе, имѣя свои селенія на средней и верхней Комарѣ и потому находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Манегирцами, поставлены въ гораздо

болѣе благопріятныя условія. Кромѣ того, наконецъ, маньчжурскія власти, повидимому, отдаютъ Даурамъ предпочтеніе предъ Китайцами. Кажется даже, что маньчжурское правительство прямо запретило китайскимъ купцамъ проникать дальше по верхнему Амуру, потому что нѣтъ вопроса, къ которому оно относилось бы съ такою недовѣрчивостью и боязливостью, какъ къ вопросу о русской границѣ на верхнемъ Амурѣ, и что нигдѣ оно не избѣгаетъ такъ старательно всякихъ пограничныхъ сношеній, какъ здѣсь, гдѣ съ обѣихъ сторонъ уже пролито такъ много крови. Вотъ причины, почему здѣсь китайскіе торговые пункты, въ видѣ исключенія, не переходятъ за маньчжурскіе сторожевые посты, а напротивъ, если считать снизу, прекращаются уже гораздо раньше послѣднихъ. Другихъ же мѣстъ, кромѣ верхняго Амура, китайскіе торговцы изъ Айгуна и окрестныхъ деревень не посѣщаютъ, такъ какъ на рѣки Зею и Бурею съ ихъ притоками, повидимому, направляются исключительно даурскіе купцы.

Гораздо бо̀льшій кругъ дѣятельности, чѣмъ на верхнемъ Амурѣ, китайскіе торговцы имѣютъ на нижнемъ теченіи рѣки. Правда, въ пространствѣ между устьями Сунгари и Уссури, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ постоянныхъ китайскихъ купеческихъ мѣстопребываній, отчасти вслѣдствіе весьма рѣдкаго тамъ населенія, а отчасти и вслѣдствіе близости другъ отъ друга этихъ рѣкъ, и слѣдовательно, лежащихъ на нихъ торговыхъ мѣстъ. Но внизъ отъ устья Уссури, въ гуще населенной части Амура, среди Гольдовъ, ихъ имѣется нѣсколько. Таковы, напримѣръ, какъ я самъ убѣдился, деревни: Да, Онмой, Мыльки, Цяпка, Кэурми, все — мѣста, гдѣ и лѣтомъ, и зимою живутъ китайскіе купцы. Въ другихъ деревняхъ, которыя и сами Гольды покидаютъ въ лѣтнюю пору, отыскивая болѣе удобныя для рыбной ловли мѣста, Китайцы проводятъ только зиму, лѣтомъ же уходятъ, чтобы запастись свѣжими товарами и по дорогѣ, мимоходомъ, поторговать съ Гольдами. Выборъ Китайцами означенныхъ деревень для постояннаго жительства объясняется, впрочемъ, удобнымъ мѣстоположеніемъ этихъ деревень. Всѣ онѣ расположены именно въ такихъ пунктахъ, куда добываемыя разными инородцами естественныя произведенія края, въ особенности мягкая рухлядь, стекаются путями, созданными самою природою. Около деревни Да, напримѣръ, впадаетъ въ Амуръ рѣка Да или Найхэ, населенная въ нижнемъ своемъ теченіи Гольдами, а въ верхнемъ — Орочами. Въ Онмоѣ можно обирать нетолько прибрежныхъ жителей Амура, но и Гольдовъ и Орочей, обитающихъ по впадающему въ него здѣсь Хонгару. Цяпка и Кэурми расположены подобнымъ же образомъ по близости устья Горина, такъ что Китайцы каждую зиму ѣздятъ оттуда къ Самагирцамъ. Цяпка, при этомъ, въ маломъ видѣ настоящій торговый постъ Китайцевъ, такъ какъ у нихъ здѣсь свой собственный домъ съ огородомъ. Впрочемъ, оба послѣднія селенія лежатъ уже за крайнимъ маньчжурскимъ постомъ, близъ сѣверной границы Гольдовъ, гдѣ прекращается и фактическая власть Маньчжуровъ. Китайскіе торговцы спускаются однако еще и дальше по Амуру, по всему участку на немъ Ольчей, и даже мѣстами живутъ тамъ постоянно, какъ, напримѣръ, въ деревняхъ Ади, Кидзи и Пуль, гдѣ я самъ, зимою 1855 г., познакомился съ ними. Всѣ три мѣста выбраны ими опять-таки какъ нельзя болѣе удачно. Именно, Ади — самое большое

изъ селеній Ольчей, почти въ одинаково близкомъ разстояніи и отъ Гольдовъ, и отъ Самагирцевъ. Кидзи лежитъ, съ одной стороны, въ самой серединѣ области Ольчей, съ другой — въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Орочами, такъ какъ отъ озера Кидзи ведетъ дорога волокомъ къ морскому берегу, а по рѣкамъ Пэ и Яи — на рѣку Тумджи и въ Императорскую гавань. Наконецъ, Пуль имѣетъ то большое преимущество, что, во-первыхъ, находится въ сосѣдствѣ съ Амурскими Гилякамп, а во-вторыхъ примыкаетъ къ пути, ведущему зимою чрезъ хребетъ Адара къ лиману и служащему для перехода на Амуръ не только лиманскимъ Гилякамъ, но, какъ мы видѣли выше, и Сахалинскимъ Орокамъ. Впрочемъ, это—крайняя, до нѣкоторой степени постоянная станція китайскихъ торговцевъ на нижнемъ Амурѣ, потому что дальше внизъ они только ѣздятъ по временамъ къ Негидальцамъ на Амгунь[1]), да и то лишь вдоль лѣваго берега Амура, по которому, за единственнымъ исключеніемъ деревни Тляльсъ, вплоть до послѣдняго поворота рѣки на востокъ, нѣтъ ни одного гиляцкаго селенія. Сравнительно же густо населенный правый берегъ Амура, а равно и лѣвый, начиная съ означеннаго поворота рѣки, для нихъ недоступны, — по той причинѣ, что Гиляки, хотя сами и чрезвычайно пристрастны къ торговлѣ, но Китайцамъ не дозволяютъ вступать въ ихъ предѣлы, можетъ быть, изъ-за справедливаго опасенія, чтобы торговцы не проложили путь властителямъ. Вѣдь знаютъ же они по собственному опыту, изъ своихъ торговыхъ поѣздокъ на Сунгари, что Маньчжуры и Китайцы, хотя и различны по національности, но по отношенію къ нимъ, равно какъ и къ другимъ инородцамъ Амурскаго края, находятся въ томъ же положеніи повелителей. Вотъ почему они Китайцевъ иногда называютъ просто Маньчжурами,— обстоятельство, не разъ служившее поводомъ къ тому, что путешественники принимали одинъ народъ за другой[2]).

Исходнымъ пунктомъ для всѣхъ китайскихъ купцовъ, встрѣчающихся по нижнему Амуру, какъ странствующихъ, такъ и осѣдлыхъ, служитъ Сунгари и въ особенности послѣдній маньчжуро-китайскій городъ на немъ, Сан-спинь или Ичэ-хотонъ. Случается, правда, что на Амуръ лѣтомъ приходятъ иногда китайскіе торговцы съ Уссури[3]), а зимою — съ Пора, вдоль Пэхсы[4]); но такихъ не много, при томъ же они обыкновенно также — сунга-

---

1) Бошнякъ, Экспед. въ При-амурск. краѣ (Морск. Сборн. 1859, № 2, Ч. неоф., стр. 334 и др.).

2) Такъ, напримѣръ, Орловъ (см. Тихменьева, Истор. Обозр. образ. Россійск.-Американск. Компаніи, С.Петерб. 1863, Ч. II, стр. 84 и др.), Чихачевъ (у Тихменьева, тамъ же, стр. 89 и сл.), Березинъ (тамъ же, стр. 91 и сл.), Бошнякъ (Эксп. въ При-амурск. краѣ. — Морск. Сборн. 1859, № 1, Ч. неоф. стр. 115 — 118, 125, 126; № 2, Ч. неоф., стр. 332—337; № 3, Ч. неоф., стр. 195) и другіе постоянно называютъ китайскихъ купцовъ нижняго Амура и Амгуни Маньчжурами. Паргачевскій (Поѣздка зимн. путемъ вверхъ по Амуру.—Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXI, 1858, Отд. II, стр. 161, 165) упоминаетъ, подъ именемъ Маньчжуровъ, о Китайцахъ, живущихъ въ Пули и Ади. Пещуровъ, также принимая одинъ народъ за другой, говоритъ, что Маньчжуры тянутся почти до устья Амура; при этомъ онъ называетъ ихъ «боязливыми отъ природы торговцами» (Petermann, Mittheil. 1857, p. 305), что можетъ относиться только къ Китайцамъ, но никакъ не къ Маньчжурамъ. Точно также, «Маньчжуровъ», пріѣзжающихъ, по словамъ Пржевальскаго (Пут. въ Уссур. краѣ, стр. 11), съ товарами на устье Комары, надо, на основаніи вышесказаннаго, считать Китайцами; и т. д.

3) Маакъ, Путеш. по дол. р. Уссури, Т. I, стр. 66.

4) См. выше, стр. 67.

рійскіе выходцы, по тому что Китайцы приходятъ въ Уссурійскій край большею частью изъ Сап-сина, съ которымъ они и въ послѣдствіи остаются въ постоянныхъ сношеніяхъ. Слѣдовательно, подобно сунгарійскимъ купцамъ, и амурскіе по своему происхожденію — Шапьсійцы, народъ предпріимчивый, падкій на деньги, не знающій семейныхъ узъ и вдали отъ родины пищущій скорой наживы. Намъ представится еще случай познакомиться съ ними ближе.

Та же роль, какую на материкѣ Амурскаго края играютъ Маньчжуры и Китайцы, на островѣ Сахалинѣ принадлежитъ **Японцамъ.** Они владѣютъ, по крайней мѣрѣ, половиною этого острова, и, къ тому же, въ роли культурной націи, съ которою туземные жители находились и находятся отчасти еще теперь въ долголѣтнихъ близкихъ сношеніяхъ, и которая поэтому несомнѣнно должна была имѣть на нихъ кое-какое культурное вліяніе. Подобно тому, слѣдовательно, какъ мы должны были ознакомиться на материкѣ съ географическимъ распространеніемъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, такъ и здѣсь намъ прежде всего необходимо опредѣлить, какъ далеко простираются, или, по крайней мѣрѣ, еще въ самое недавнее время простирались, владѣнія Японцевъ на Сахалинѣ[1]). Японцы всегда обладали только южною частью Сахалина. Власть ихъ, даже во времена своего наибольшаго развитія, распространялась приблизительно только на всю область Айновъ, но никогда не касалась двухъ другихъ народовъ Сахалина, Ороковъ и Гиляковъ. Впрочемъ, она сравнительно поздняго происхожденія и изъ малаго размѣра возросла до болѣе значительнаго лишь въ послѣдніе годы, вслѣдствіе событій того самаго времени, когда мнѣ пришлось побывать на этомъ островѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, тѣ же самыя событія повели и къ нынѣшнему совершенному прекращенію власти Японцевъ на Сахалинѣ. Я полагаю поэтому, что лучшее понятіе о ней составится изъ краткаго историческаго обзора ея начала и постепеннаго развитія.

Въ 1785 и 1786 годахъ, во время путешествія Японца Могами-Токная[2]) по Сахалину или Крафто (Карафуто), какъ его называли Японцы, на немъ еще вовсе не было постоянныхъ японскихъ поселеній. Только годъ спустя, когда на западномъ берегу Сахалина и въ заливѣ Анива показались суда Лаперуза, японское правительство, изъ опасенія, какъ говоритъ Головнинъ, чтобы Европейцы не завладѣли островомъ, постановило занять своими колоніями южную его часть, посѣщаемую до тѣхъ поръ Японцами лишь въ видахъ торговли, сѣверную же предоставить Китайцамъ[3]). Если это постано-

---

1) Позволю себѣ еще разъ напомнить, что изложеніе мое относится до того состоянія края и его населенія, свидѣтелемъ котораго былъ я самъ въ 50-хъ годахъ, какъ на Амурѣ, такъ и на Сахалинѣ.

2) Послѣ экспедиціи, исполненной въ началѣ XVII столѣтія по приказанію намѣстника Матсмая, князя Кинфиро, путешествіе Могами-Токная было первымъ предпріятіемъ Японцевъ къ изслѣдованію Сахалина (Siebold, Nippon, I, p. 126, 127).

3) Записки фл. кап. Головнина о приключ. его

вленіе не было тотчасъ же выполнено, то, можетъ быть, послѣдовавшее появленіе Лаксмана въ 1792 и 1793 годахъ на Ессо и Южно-Курильскихъ островахъ также способствовало его осуществленію. Во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что причина, побудившая Японцевъ къ первому поселенію на Сахалинѣ, была именно та, на которую указалъ Головнинъ, потому что, какъ мы увидимъ, позднѣйшее распространеніе ихъ тамошнихъ колоній послѣдовало также изъ-за подобныхъ побужденій[1]). Вскорѣ послѣ того мы уже на самомъ дѣлѣ знакомимся съ первыми поселеніями Японцевъ на Сахалинѣ: Крузенштернъ и его спутники, въ 1805 году, посѣтили два изъ нихъ, въ заливѣ Анива, въ бухтахъ, названныхъ Голландцами Лососьей (Salm-Bay) и Томари-Анива[2]). Послѣднее селеніе Аины называютъ Кусун-котаномъ. Въ томъ и другомъ селеніи находились какъ японскіе офицеры, такъ и купцы, и оба селенія, судя по состоянію построекъ и по показаніямъ самихъ Японцевъ, были основаны недавно[3]). Весьма вѣроятно, что поселенія Японцевъ въ то время ограничивались наиболѣе близкимъ къ нимъ заливомъ Анива. Можно было бы, пожалуй, предполагать, что въ то время существовало еще и третье японское торговое поселеніе, а именно въ Сирапуси, на западномъ берегу Сахалина, сейчасъ же къ сѣверу отъ мыса Крильона. Тамъ издавна находился торговый пунктъ, который, безъ сомнѣнія, посѣщали и Японцы, и о которомъ мы поговоримъ еще въ послѣдствіи. На самомъ дѣлѣ, однако, японскаго поселенія тамъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ то время еще не имѣлось. Только противъ одной Аины были направлены нападенія, которыя Хвостовъ и Давыдовъ, въ 1806 и 1807 годахъ, по приказанію отвергнутаго Японцами русскаго посланника Резанова, должны были предпринять на Сахалинскія колоніи ихъ[4]). Произведенныя этими офицерами опустошенія вызвали, со стороны японскаго правительства, бо́льшую бдительность относительно своихъ колоній, и побудили его, между прочимъ, въ слѣдующемъ же году отправить на Сахалинъ (Крафто) геометра Мамія-Ринсо. Этотъ ловкій и надежный человѣкъ долженъ былъ, въ

въ плѣну у Японцевъ, С. Петерб. 1816, Ч. III, стр. 168. Поэтому, если Н. Буссе (Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 и 1854 г. С. Петерб. 1872, стр. 72), повторяя извѣстіе Головнина, говоритъ, что японское правительство основало свои первыя колоніи на Сахалинѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и притомъ изъ опасенія, чтобы Русскіе не завладѣли островомъ, то это не совсѣмъ вѣрно.

1) Точно также занятіе Русскими сѣверныхъ Курильскихъ острововъ побудило Японцевъ къ поселенію на лежащихъ къ нимъ ближе южныхъ островахъ этой группы, Кунаширѣ и Итурупѣ (Головнинъ, тамъ же, стр. 157. Siebold, l. c. p. 127).

2) Крузенштернъ, Путешествіе вокругъ свѣта, С. Петерб. 1810, Т. II, стр. 68 и слѣд. Langsdorff, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, Frankfurt a./M. 1812, Bd. I, p. 289 ff.

3) Относительно поселенія въ бухтѣ Лососей, Крузенштернъ (тамъ же, стр. 71) вывелъ это заключеніе изъ того, что какъ жилища японскихъ офицеровъ, такъ и въ особенности пакгаузы, были еще совершенно новы, нѣкоторые даже еще не достроены. Въ Томари-Анива (Кусун-котанѣ) японскіе офицеры разсказывали Лангсдорфу (тамъ же, стр. 293), что одинъ изъ нихъ жилъ уже шесть, а другой восемь лѣтъ на Сахалинѣ. Можетъ быть, поэтому, что это поселеніе основано прежде перваго; притомъ же оно было уже въ то время бо́льшее изъ нихъ. Полонскій (Курилы. — Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. По отд. Этногр. Т. IV, 1871, стр. 559) говоритъ, что Японцы поселились въ заливѣ Анива за 7 лѣтъ до перваго нападенія на островъ Сахалинъ Хвостова, значитъ въ 1799 г.

4) Подробное описаніе и разъясненіе этихъ событій дано адмираломъ Шишковымъ въ предисловіи къ сочиненію Давыдова: «Двукратное путешествіе въ Америку морск. офицер. Хвостова и Давыдова» (С. Петерб. 1810, Ч. I, Предувѣдомленіе, стр. XIII — XXVI).

интересахъ правительства, изслѣдовать какъ самый островъ, такъ и смежную съ нимъ нижнюю часть Амурскаго края[1]). Въ послѣдствіи я не разъ еще возвращусь къ этому въ высшей степени интересному, и въ этнографическомъ отношеніи, путешествію, съ которымъ насъ познакомилъ Ф. Зибольдъ[2]); теперь же я упоминаю о немъ лишь потому, что оно также свидѣтельствуетъ о несуществованіи въ то время японскихъ колоній на западномъ берегу Сахалина. Въ своемъ отчетѣ, Мамія-Ринсо не говоритъ ни о какой колоніи въ Сирануси, куда онъ прежде всего отправился и гдѣ провелъ три дня въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему путешествію, а упоминаетъ лишь о торговлѣ, которую производили тамъ Японцы[3]).

Но какъ первоначально ни были ничтожны по числу и размѣрамъ японскія колоніи на Сахалинѣ, все-таки ближайшимъ послѣдствіемъ ихъ основанія было то, что часть Айновъ сейчасъ же стала въ зависимость отъ Японцевъ—и вотъ какимъ образомъ: Японцы, для производства въ бо́льшихъ размѣрахъ столь выгодной по берегамъ Сахалина рыбной ловли, принуждены были прибѣгать къ помощи Айновъ. Пріискать себѣ между ними работниковъ безо всякой платы, только за пищу и одежду, было Японцамъ весьма нетрудно, такъ какъ при беззаботности, которою отличаются всѣ первобытные народы, между Айнами всегда было достаточно людей, терпѣвшихъ крайнюю нужду вслѣдствіе истощенія запасовъ, въ недостаточномъ количествѣ заготовленныхъ ими на зиму. Разъ завербованные Японцами, Айны теряли уже всякую возможность когда-либо возвратиться къ самостоятельному труду; вслѣдствіе получаемыхъ отъ Японцевъ небольшихъ ссудъ, они дѣлались ихъ должниками, затѣмъ связывались помощью разнаго рода обѣщаній, застращиваній и, такимъ образомъ, вообще подъ гнетомъ народа, превосходившаго ихъ въ культурномъ отношеніи и хорошо знакомаго съ ихъ слабостями еще по острову Ессо, Айны въ короткое время становились въ полную зависимость отъ Японцевъ,— мало того, даже дѣлались просто ихъ рабами. Поэтому, весьма справедливо замѣчаетъ Шмидтъ[4]), что работа Айновъ на Японцевъ, сначала добровольная, въ послѣдствіи превратилась въ принужденную. Отсюда понятно, что послѣдніе, чтобы заручиться своими рабочими, старались удержать ихъ по близости, и что такимъ образомъ вокругъ японскихъ колоній собралась масса зависимаго отъ нихъ айнскаго населенія, которое образовало здѣсь цѣлыя деревни, тогда какъ прежнія селенія его опустѣли.

---

1) Siebold, Nippon I, p. 129; VII, p. 197. Изъ вышеприведеннаго можно легко видѣть, въ какомъ полнѣйшемъ противорѣчіи со всѣми историческими фактами находится показаніе Невельского, къ которому онъ, однако, нѣсколько разъ возвращается (см. его посмертн. сочиненіе: «Подвиги русск. офиц. на крайнемъ востокѣ Россіи», стр. 152, 256, 275, 302), что переселеніе Японцевъ на Сахалинъ началось лишь послѣ появленія на немъ Русскихъ, а именно съ 1810 г., — слѣдовательно послѣ посѣщенія залива Анивы Хвостовымъ и Давыдовымъ. Это показаніе столь же невѣрно, какъ и другое (тамъ же, стр. 256), что первое описаніе Сахалина составлено Русскими, именно въ 1740 г. (точно, столѣтіемъ раньше, не было Фриса!); наконецъ, не выдерживаетъ критики и третье показаніе — что Ороки ничто иное, какъ русскіе Тунгусы, въ началѣ XVI столѣтія переселившіеся изъ Удского края. О послѣднемъ мнѣніи я поговорю еще обстоятельнѣе, причемъ укажу на его тенденціозность.

2) Tô-tats ki ko, d. i. Reise nach der östlichen Tartarei (Nippon, VII, p. 167 — 196).

3) Тамъ же, стр. 187.

4) Histor. Bericht etc. l. c. p. 106.

Между тѣмъ колонизація Японцевъ на Сахалинѣ принимала все большіе размѣры. До 1854 г. она шла лишь весьма медленно и постепенно. Занявъ заливъ Анива, Японцы подвигались именно вдоль западнаго берега Сахалина, отъ Сирануси къ сѣверу. Осенью 1853 г., когда былъ основанъ нашъ Муравьевскій постъ, близъ Кусун-котана, у Японцевъ было три поселенія на Сахалинѣ: Кусун-котанъ, Сирануси и Эндунгомо (Тунай, Маука)[1], между которыми, въ айнскихъ деревняхъ или въ сторонѣ отъ нихъ, на морскомъ берегу, расположены были амбары и пакгаузы для склада рыбныхъ запасовъ, а мѣстами и отдѣльные дома, только лѣтомъ занимаемые Японцами. Тѣ и другіе тянулись еще и за Эндунгомо къ сѣверу; крайній домъ Японцевъ, во время путешествія Рудановскаго по южному Сахалину, зимою 1853/1854 г., стоялъ въ бухтѣ Токмако, лишь немного сѣвернѣе Эндунгомо, а послѣдніе къ сѣверу японскіе амбары и пакгаузы находились въ Тубу, Нотосамѣ и Пайкасабусси. Впрочемъ, Японцы и въ эту зиму покинули на время Эндунгомо, какъ они обыкновенно дѣлали это и прежде, уже потому, что суда ихъ, при зимовкахъ въ открытыхъ бухтахъ этой части Сахалина, подвергались многимъ опасностямъ. Тѣмъ не менѣе, для лѣтней рыбной ловли Японцевъ, около Эндунгомо сосредоточено было такое множество Айновъ, какое врядъ ли нашлось бы въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ Сахалина. Рудановскій полагаетъ, что въ одной только толпѣ народа, встрѣтившей его при пріѣздѣ туда, было до 300 человѣкъ, а по показаніямъ самихъ Айновъ, общее число ихъ простиралось тамъ до 700[2]). Какъ въ Эндунгомо преобладалъ рыбный промыселъ, такъ въ Сирануси — торговля. Сравнительно съ Кусун-котаномъ, гдѣ постоянно жило нѣсколько японскихъ офицеровъ, поселенія эти носили, слѣдовательно, совершенно другой характеръ, а именно — исключительно рыбопромышленныхъ и торговыхъ станцій. Эти послѣдніе интересы были такъ существенны для Японцевъ на Сахалинѣ, что главное опасеніе ихъ, при основаніи Русскими Муравьевскаго поста, заключалось въ томъ, чтобы послѣдніе не переманили отъ нихъ Айновъ и тѣмъ не уничтожили ихъ тамошняго рыбнаго промысла и торговли. Поэтому, когда въ маѣ 1854 г., съ началомъ Крымской войны, этотъ постъ былъ снятъ, Японцы стали по возможности торопиться распространеніемъ и усиленіемъ своихъ колоній на Сахалинѣ, чтобы, въ случаѣ возвращенія Русскихъ, встрѣтить ихъ уже въ качествѣ фактическихъ обладателей всего айнскаго участка на островѣ. Объ этомъ распространеніи Японцевъ скоро разнеслись самые преувеличенные слухи не только между Айнами, но и между ихъ сѣверными сосѣдями, Гиляками. Когда я, въ Николаевскомъ посту, зимою 1854/1855 г., приготовлялся къ первой поѣздкѣ своей на Сахалинъ, лиманскіе Гиляки передавали мнѣ по этому поводу самые диковинные разсказы. Рядомъ съ вѣрнымъ извѣстіемъ, что Японцы появились въ этомъ году на Сахалинѣ въ бо̀льшемъ числѣ и не ушли оттуда даже на зиму, они

---

1) Schmidt, Historischer Bericht etc. l. c. p. 105. A. D. Brylkin, Statist. und topograph. Nachrichten über das südliche Sachalin (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, Bd. XXV, p. 278).

2) Вышеприведенныя свѣдѣнія заимствованы мною изъ рукописнаго путеваго журнала Рудановскаго, обязательно сообщеннаго мнѣ самимъ авторомъ для пользованія. Отпечатанъ ли онъ гдѣ-нибудь въ полномъ объемѣ, я не знаю.

разсказывали также, будто послѣдніе, еще лѣтомъ, посредствомъ развѣдчиковъ, доходившихъ до мыса Лазарева и до Чомп, разузнавали о дѣятельности Русскихъ въ лиманѣ и на Амурѣ, что суда ихъ проникли до гиляцкой деревни Пиля-во, гдѣ и зимуютъ, что они угрожали смертью каждому Гиляку, который отныпѣ осмѣлится показаться у нихъ, и т. д. Безъ сомнѣнія, посредниками этихъ извѣстій были отчасти Аины, бѣжавшіе отъ Японцевъ и, для сохраненія своей независимости отъ нихъ, искавшіе себѣ убѣжища въ пограничныхъ гиляцкихъ деревняхъ. Такъ какъ подобное явленіе несомнѣнно случалось и прежде, при основаніи первыхъ японскихъ поселеній на Сахалинѣ и въ особенности на его западномъ берегу, то имъ можно объяснить вышеупомянутое смѣшанное населеніе самыхъ южныхъ гиляцкихъ деревень, пограничныхъ съ областью Аиновъ.

Затѣмъ Японцы принялись и за восточный берегъ Сахалина, гдѣ у нихъ до 1854 г. вовсе не было поселеній, и распространеніе ихъ пошло уже тогда почти равномѣрно по обоимъ берегамъ. Въ 1857 г. самое сѣверное поселеніе ихъ на западномъ берегу находилось въ Найоро, немного южнѣе рѣки Кусуная [1]). Въ слѣдующемъ году, Русскими были основаны посты Кусунай на западномъ и Мануэ на восточномъ берегу [2]), положеніе которыхъ особенно важно потому, что тутъ именно — самая узкая часть острова, чрезъ которую пролегаетъ удобопроходимая дорога, издавна служившая для взаимныхъ сношеній жителей обоихъ береговъ [3]). Вскорѣ послѣ того и Японцы поставили тутъ же рядомъ свои селенія, Кусунай и Вари [4]). Шмидтъ, во время своего путешествія по острову (1860), встрѣтилъ Японцевъ на западномъ берегу уже подвинувшимися до самой границы собственно-аинской области. Крайнее къ сѣверу селеніе ихъ лежало въ Устомонайну, въ заливѣ д'Эстенъ; рыбный же промыселъ ихъ простирался еще сѣвернѣе: въ Уроци Шмидтъ видѣлъ обширный устроенный ими складъ соленыхъ лососей, а еще дальше, немного сѣвернѣе аинской деревни Орокесъ, на мысѣ Хацкопеско, встрѣтилъ Японцевъ, занимавшихся собираніемъ и сушеніемъ морской капусты (*Laminaria esculenta*) и построившихъ себѣ для временнаго жилья балаганъ изъ древесной коры [5]). Деревня же Орокесъ, какъ мы уже говорили [6]), есть самый сѣверный пунктъ съ чисто аинскимъ населеніемъ; за нимъ къ сѣверу простирается довольно пустынная береговая полоса, отдѣляющая Аиновъ отъ Гиляковъ, а за нею, начиная съ Пиля-во, идутъ уже деревни со смѣшаннымъ населеніемъ, состоящимъ изъ Гиляковъ и изъ Аиновъ, вѣроятно бѣжавшихъ туда отъ Японцевъ. Такимъ образомъ, Японцы на западномъ берегу Сахалина уже въ 1860 г. достигли крайней цѣли своихъ желаній, если только не имѣли въ виду распространить свою власть и на Гиляковъ.

Не многимъ позже достигли они такого же положенія и на восточномъ берегу острова.

---

1) Schmidt, Histor. Bericht etc. l. c. p. 77.

2) Schmidt, l. c. p. 106.

3) По ней проходилъ и Рудановскій въ Январѣ 1854 года.

4) Schmidt, Histor. Bericht etc. l. c. p. 106. А. Брылкинъ, Письма съ Сахалина (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. VII, Иркутскъ 1864, стр. 4).

5) Schmidt, Histor. Bericht etc. l. c. p. 73 — 77.

6) См. выше стр. 18.

Здѣсь, въ 1860 г., крайнимъ къ сѣверу пунктомъ ихъ былъ Могун-котанъ [1]). Лѣтомъ слѣдующаго года они уже заняли наиболѣе рыбныя мѣста на западномъ рукавѣ дельты рѣки Ты или Поро-пай и основали тутъ свою колонію Сиска, гдѣ оставили даже нѣсколькихъ человѣкъ на зиму [2]). Послѣ того они уже потребовали, чтобы и послѣдніе, крайніе къ сѣверу и востоку Аины селенія Тарайки, которые до тѣхъ поръ были независимы отъ Японцевъ и потому зажиточнѣе всѣхъ прочихъ, также признали надъ собою ихъ верховную власть. Еще въ томъ же году рѣшено было отправить для этой цѣли въ Тарайку японскаго чиновника и основать тамъ японское поселеніе, — а теперь, писалъ Брылкинъ въ 1864 г. [3]), это уже несомнѣнно приведено въ исполненіе. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ и было, подтвердилъ въ послѣдствіи Шмидтъ [4]). Изъ Тарайки Японцы, по свидѣтельству Мицуля [5]), во время рыбной ловли ходятъ даже въ Ный. Кажется однако, что эти поѣздки ихъ не повторялись правильнымъ образомъ, а были предприняты ими лишь съ цѣлью ознакомиться со свойствомъ берега, простирающагося дальше къ сѣверу. Деревня Ный, какъ извѣстно, лежитъ далеко отъ Тарайки, за которою слѣдуетъ сначала длинная полоса пустыннаго берега, и заселена Гиляками, а Японцы врядъ ли когда-либо помышляли о распространеніи своей власти за предѣлы аинскаго населенія. Они, напротивъ, должны были знать, что въ Гилякахъ не найдти имъ такого кроткаго и легко подчиняющагося чужой власти народа, какъ въ Аинахъ, знакомыхъ имъ еще съ острова Ессо. Нѣтъ сомнѣнія, что знаніе языка и образа жизни Аиновъ существенно облегчили Японцамъ занятіе южнаго Сахалина. Естественнымъ образомъ, колонизація ими Сахалина шла съ острова Ессо. Ею двигали именно князья Матсмайскій и Хакодатскій, которымъ были подчинены, въ административномъ отношеніи, всѣ шесть округовъ японскихъ поселеній на Сахалинѣ: три южные, Сирануси, Кусун-котанъ и Тунайча, должны были покориться власти Матсмайскаго князя, а три сѣверные, Тунай (Эндушомо), Кусунай и Мануэ или Вари, изъ коихъ послѣдній простирался вплоть до залива Терпѣнія, подчинится власти князя Хакодатскаго [6]). Такому ходу дѣлъ положилъ конецъ трактатъ 1875 г. между Россіею и Японіею, въ силу котораго всѣ русскіе Курильскіе острова, отъ Урупа до Шумшу, отошли къ Японіи, а послѣднія, въ свою очередь, отказалась въ пользу Россіи отъ южнаго Сахалина.

Кромѣ культурныхъ народовъ восточной Азіи, Китайцевъ и Японцевъ, здѣсь слѣдуетъ еще указать на положеніе въ Амурскомъ краѣ **Русскихъ** въ то время, когда

---

1) Брылкинъ, тамъ же, стр. 20.

2) Брылкинъ, тамъ же, стр. 53. Мицуль, Очеркъ острова Сахалина, стр. 119.

3) Тамъ же, стр. 36, 53.

4) Histor. Berichte etc. l. c. p. 106, 114.

5) Тамъ же, стр. 120.

6) Brylkin, Statist. u. topogr. Nachr. über das südl. Sachalin (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. XXV, p. 278—287). Въ названной статьѣ помѣщенъ и подробный перечень всѣхъ японскихъ поселеній, равно какъ и аинскихъ деревень на Сахалинѣ.

я познакомился съ его инородцами. Во введеніи къ настоящей книгѣ уже было сказано, какъ быстро шли въ послѣднія десятки лѣтъ занятіе и колонизація Амурскаго края Русскими. Тамъ же было замѣчено, что національныя особенности приамурскихъ инородцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ стали быстро сглаживаться и исчезать, и что, если намъ удалось нѣсколько ознакомиться съ ними еще до потери ими своей самобытности, то это должно быть приписано лишь благопріятному стеченію обстоятельствъ. Одни только первые начатки занятія и колонизаціи Амурскаго края Русскими относятся ко времени моего пребыванія тамъ, или же непосредственно предшествовали ему. Только о нихъ мнѣ и слѣдовало бы говорить здѣсь. Но, какъ извѣстно, первыя сношенія Русскихъ съ инородцами Амурскаго края начались еще за два столѣтія и съ тѣхъ поръ никогда не прекращались совершенно. Необходимо, поэтому, коснуться сперва и этихъ сношеній.

Благодаря трудамъ исторіографовъ Сибири, Миллера, Фишера и др., всѣмъ извѣстны походы русскихъ казаковъ и промышленниковъ въ Амурскій край въ XVII столѣтіи. Они распространялись на весь Амуръ, до его устья, и на смежное съ нимъ прибрежье Охотскаго моря и повели къ основанію во многихъ мѣстахъ временныхъ зимовокъ, земляныхъ укрѣпленій, деревень и даже одного города, именно Албазина, на верхнемъ Амурѣ. Въ послѣдствіи, при случаѣ, я коснусь нѣкоторыхъ частностей этихъ событій и разсмотрю подробнѣе нѣкоторыя ихъ послѣдствія, особенно важныя въ этнографическомъ отношеніи. Общее же повтореніе всего, уже извѣстнаго хода этихъ событій было бы здѣсь тѣмъ болѣе неумѣстно, что во время ихъ сношенія Русскихъ съ приамурскими инородцами были лишь непродолжительны и притомъ имѣли исключительно враждебный характеръ, а потому, кромѣ многочисленныхъ опустошеній, не могли имѣть сколько-нибудь выдающагося вліянія на жизнь, нравы, обычаи и воззрѣнія инородцевъ. Какъ извѣстно, конецъ всѣмъ тогдашнимъ предпріятіямъ Русскихъ на Амурѣ положилъ, въ 1689 г., Нерчинскій трактатъ, по которому весь этотъ край былъ предоставленъ Китаю. Не слѣдуетъ однако полагать, что вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно прекратились сношенія Русскихъ съ инородцами въ собственномъ краѣ послѣднихъ. Трактатъ не могъ устранить причинъ, побудившихъ первыхъ казаковъ двинуться на Амуръ. Надежда на обогащеніе въ этой отдаленной и еще неизвѣстной странѣ дорогою пушниною, цѣнными металлами и Богъ-вѣсть какими еще неслыханными сокровищами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прельщающая перспектива вольной, безконтрольной жизни среди подвластныхъ себѣ туземцевъ,—все это дѣйствовало съ прежнею силою, вопреки всякимъ трактатамъ. Не смотря на строгія наказанія, установленныя за переходъ чрезъ русско-китайскую границу какъ Нерчинскимъ, такъ и другимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1728 г. графомъ Рагузинскимъ, переходъ этотъ все-таки по временамъ повторялся на всемъ пространствѣ отъ Аргуни и Шилки до Охотскаго моря. Русскіе звѣропромышленники, купцы, казаки, искатели приключеній, разнаго рода бродяги, бѣглые каторжники и т. п. направлялись въ самую глубь Амурскаго края; иные шли туда лишь на короткое, другіе — на болѣе продолжительное время, а нѣкоторые и совсѣмъ тамъ поселялись. Отчасти способствовало постоянному нарушенію договора о пограничной линіи и неопредѣлен-

ность положенія ея въ горахъ и лѣсныхъ дебряхъ, такъ же какъ и полнѣйшая невозможность соблюденія ея со стороны бродящихъ въ горахъ русскихъ Тунгусовъ. Миддендорфъ обстоятельно говоритъ объ этомъ. Онъ сообщилъ длинный рядъ фактовъ, почерпнутыхъ имъ изъ подлинныхъ рукописей, архивныхъ бумагъ, изъ справокъ и того, что онъ самъ видѣлъ; всѣ они служатъ доказательствомъ тому, что сношенія между Русскими и инородцами Амурскаго края въ разныхъ мѣстахъ непрерывно продолжались, хотя объ нихъ и не было рѣчи [1]). Онъ полагаетъ даже, что имъ надо приписать нѣкоторое вліяніе на типъ инородцевъ нижняго Амура [2]). Въ иныхъ случаяхъ, именно въ пограничныхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проходилъ Миддендорфъ, подобное вліяніе, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ обнаруживалось, но вообще я не раздѣляю этого взгляда: я думаю, напротивъ, что національныя особенности приамурскихъ инородцевъ едва ли могли пострадать отъ этихъ сношеній, потому что Русскіе въ то время посѣщали Амурскій край болѣе или менѣе лишь порознь, временно, какъ чужестранцы, и, къ тому же, при такихъ условіяхъ, которыя не позволяли или, по крайней мѣрѣ, дѣлали имъ неудобнымъ настаивать на своихъ особенностяхъ, а скорѣе заставляли ихъ приспособляться къ нравамъ и образу жизни туземцевъ.

Больше всего сношеній имѣли Русскіе съ инородцами верхняго Амура: съ Орочонами, Манегирцами и Бирарами. Съ первыми они уже потому находились въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, что эти инородцы были по Шилкѣ и Аргуни ихъ непосредственными сосѣдями, а на верхнихъ притокахъ Лены, по Олекмѣ, Тунгиру и др., обитали въ безспорно-русскихъ владѣніяхъ. Къ тому же, Орочоны занимаютъ именно ту часть Амура, гдѣ у Русскихъ до Нерчинскаго трактата были настоящія колоніи,— земледѣльческія поселенія [3]) и даже городъ, Албазинъ, который они не разъ упорно отстаивали противъ Китайцевъ. Не удивительно поэтому, что даже послѣ трактата Русскіе должны были смотрѣть на эту мѣстность, какъ на свою собственность, похищенную у нихъ Китайцами, и за которую Орочоны, какъ на Олекмѣ или Тунгирѣ, должны были платить дань не Китаю, а Россіи. Наконецъ, передъ Русскими соблазнительно открывалась здѣсь широкая дорога по Амуру, ведущая въ самую середину орочонской земли — дорога, по которой они такъ часто съ успѣхомъ ходили; на ней, къ тому же, со стороны Маньчжуро-Китайцевъ не было почти никакого надзора, такъ какъ сторожевые посты ихъ начинались по Амуру гораздо ниже, въ области Манегирцевъ, а чиновники ихъ, проѣзжавшіе по ней разъ въ годъ, въ опредѣленное время, для ревизіи пограничныхъ знаковъ на устьѣ Горбицы, не имѣли, конечно, возможности слѣдить за движеніемъ по рѣкѣ въ остальное время. Такимъ образомъ, никакой пограничный трактатъ не могъ бы воспрепятствовать предпріимчивымъ русскимъ охотникамъ, казакамъ и разнаго рода промышленникамъ переходить,

---

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 98 — 104, 139 — 168.

2) Тамъ же, стр. 152.

3) Müller, Sammlung Russ. Gesch. Bd. II, p. 391, 392. Stuckenberg, Hydrogr. des Russ. Reichs, St. Petersb. 1848, Bd. II, p. 778. См. также Миддендорфа, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 146.

ради наживы, съ Шилки и Аргуни въ сосѣдній Амурскій край. Тамъ былъ самый доходный звѣриный промыселъ; оттуда привозили они самыхъ дорогихъ соболей, а когда соболи стали попадаться рѣже,— многочисленныхъ бѣлокъ. Ежегодно, осенью, запасшись всѣмъ необходимымъ, отправлялись они артелями на этотъ промыселъ, называемый нынѣ, по главному роду добычи, просто «бѣлковьемъ» (отчего и глаголъ «бѣлковать»). По свѣдѣніямъ, собраннымъ Миддендорфомъ, они не только охотились вдоль Станового хребта и по лѣвому берегу Амура до рѣки Ура, не только спускались на плотахъ по Амуру почти до Албазихи, но и заходили, по правому берегу Амура, въ бассейны Албазихи, Панги и даже Комары[1]). Въ бытность мою на нижней Аргуни, въ октябрѣ 1856 г., казаки въ одной деревнях занимались приготовленіемъ къ бѣлковью, а въ другихъ уже собирались въ путь. Цѣлые мѣсяцы проводятъ они въ этихъ лѣсныхъ дебряхъ, не рѣдко сталкиваясь съ тамошними кочевниками, то русскими Тунгусами, то китайскими Орочонами и Манегирцами. Тутъ же встрѣчаются и купцы, отбирающіе у Тунгусовъ добычу за водку и другіе товары, и пограничные казаки, забирающіе ее подъ видомъ ясака для казны. Такъ, напримѣръ, на рѣкѣ Уручи, въ мѣстности, по трактату несомнѣнно принадлежавшей Китаю, Миддендорфъ встрѣтилъ цѣлый отрядъ сибирскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ ихъ непосредственнымъ начальникомъ; они собирали дань съ Орочоновъ и въ то же время вели выгодную мѣховую торговлю[2]). Иные звѣропромышленники и торговцы оставались и на болѣе продолжительное время кое-гдѣ на верхнемъ Амурѣ, или же спускались дальше по теченію рѣки. Такъ, напримѣръ, еще Миллеръ разсказываетъ, что въ 1738 г. нерчинскій казацкій сынъ Данило Солдатовъ со всѣмъ своимъ семействомъ жилъ на устьѣ Альбазихи и разъ дошелъ даже до Айгуна, гдѣ былъ пойманъ Китайцами, но по заявленіи, что онъ заблудился, былъ снова отпущенъ ими[3]). Особенно часто искали убѣжища въ Амурскомъ краѣ бѣглые; иные изъ нихъ уходили туда навсегда, другіе возвращались послѣ долгихъ странствованій; но обыкновенно ни тѣ, ни другіе не оставляли послѣ себя никакихъ слѣдовъ своихъ похожденій. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мы обязаны имъ кое-какими извѣстіями объ Амурскомъ краѣ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ поѣздки бѣглаго Гурья Васильева, проѣхавшаго по всему Амуру, до его устья. По мнѣнію Ладыжинскаго, Гурій Васильевъ былъ на Амурѣ между 1815 и 1826 годами[4]). Но по показаніямъ, отобраннымъ отъ самого Васильева и сообщеннымъ барономъ Шиллингомъ фонъ Канштатомъ[5]), онъ въ 1826 г. только достигъ устья Амура. Оттуда онъ на-

---

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 156, 163, прим. 2.

2) Путеш. и пр., тамъ же, стр. 156.

3) Büsching's Magazin für die neue Histor. u. Geogr. 2 Thl., 2 Aufl., Hamburg 1769, p. 491, 503. См. также Миддендорфа, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 162, прим. 2.

4) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 152, прим. 1.

5) Въ письмѣ изъ Иркутска отъ 16-го Января 1832 г., къ директору азіятскаго департамента въ С. Петерб. (Д. Романовъ, Присоединеніе Амура къ Россіи. — Русское Слово, С. Петербургъ 1859, Іюнь, Отд. I, стр. 364. П. Тихменьевъ, Истор. Обозр. образ. Росс.-Америк. Комп. и дѣйствія ея до настоящаго времени, Ч. II, С. Петербургъ 1863, стр. 43).

правился сначала къ югу и провелъ зиму на границѣ между Гиляками и Кугами (Аинами), слѣдовательно на Сахалинѣ; затѣмъ, не разъ слышавъ отъ Гиляковъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ Русскіе, онъ, весною 1827 г., воротился на устье этой рѣки и вдоль морского берега пошелъ къ сѣверу, но не дойдя Тугура, верстахъ въ 35 отъ него, принужденъ былъ еще разъ зимовать у Гиляковъ. Весною 1828 г. онъ отправился съ ними на собакахъ къ устью Тугура, а оттуда, наконецъ, съ оленными Тунгусами—въ Удской острогъ, гдѣ и явился къ мѣстному начальнику. Свѣдѣнія, извлеченныя изъ показаній Гурья Васильева, представляютъ и въ этнографическомъ отношеніи столько интереснаго, что мы въ послѣдствіи еще не разъ возвратимся къ нимъ [1]).

Сношенія Русскихъ съ приамурскими инородцами были почти столь же часты, какъ съ запада, такъ и съ сѣвера, чрезъ Становой хребетъ. Здѣсь они имѣли дѣло преимущественно съ Манегирцами и Бирарами, и подобно тому, какъ на западѣ посредниками и, нѣкоторымъ образомъ виновниками, этихъ сношеній были русскіе Орочоны, такъ здѣсь—русскіе же Тунгусы. Причина тому понятна: для нихъ-то именно постановленія Нерчинскаго трактата о пограничной линіи, въ которыхъ не принято было въ соображеніе самыхъ необходимыхъ для жизни кочевниковъ условій края, были совершенно не выполнимы. Существуя звѣринымъ промысломъ и отыскивая удобныя для него мѣста, они спускались съ Станового хребта въ бассейны Зеи и Буреи, а иногда доходили даже до Амура, глубоко проникая, такимъ образомъ, въ предѣлы китайскихъ владѣній. За ними часто слѣдовали якутскіе купцы. Какъ было, не пойти туда же, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, и русскимъ звѣропромышленникамъ и казакамъ? И въ самомъ дѣлѣ, еще Миллеръ разсказываетъ, что въ 1737 г. геодезисты Скобельцынъ и Шетиловъ нѣсколько разъ встрѣчали на Гилюѣ и его притокахъ шалаши русскихъ звѣропромышленниковъ изъ Нерчинска [2]); въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ [3]) — вѣроятно, лишь обобщая прежнія извѣстія — «о запрещенной охотѣ на соболей, которую производили нерчинскіе звѣроловы на рѣкѣ Зеѣ». Выше мы сказали, что русскіе Тунгусы увлекали съ собою на Зею и Бурею и торговыхъ Якутовъ; къ многочисленнымъ сообщеніямъ по этому поводу Миддендорфа [4]), можно, по показаніямъ Л. Шварца [5]), прибавить, что какъ русскіе купцы, такъ и казаки Удского острога и другихъ мѣстъ, пользуясь неопредѣленностью границъ, ежегодно совершали дальнія поѣздки по странѣ, принадлежавшей, на основаніи трактата, Китаю. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей этого разсѣяннаго православнаго населенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ распространенія христіанства среди еще языческихъ Тунгусовъ, иногда пріѣзжали туда

---

1) Въ описаніи своего путешествія (Ч. I, стр. 153—155), Миддендорфъ сообщилъ главнѣйшія изъ этихъ свѣдѣній, по рукописнымъ замѣткамъ Ладыжинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что Іакинфъ, при описаніи рѣки Амура (Статист. Опис. Китайск. Имперіи, С. Петерб. 1812, Ч. II, стр. 216 и слѣд.), пользовался показаніями Васильева.

2) Büsching's Magaz. l. c. p. 491. Миддендорфъ, тамъ же, стр. 162, 163.

3) Sammlung Russ. Gesch. Bd. III, 1758, p. 509.

4) Тамъ же, стр. 160 и сл. См. также выше, стр. 39.

5) Подробный отчетъ о результатахъ изслѣд. Математич. Отд. Сибирск. Экспед. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1864, кн. III, стр. 69, 76.

русскіе священники[1]). Въ послѣдствіи, уже послѣ путешествія Миддендорфа, въ разныхъ мѣстахъ, были основаны тамъ православныя часовни: такъ, въ бассейнѣ Зеи, на малой Мыни, близъ ея впаденія въ Силимджу — часовня Инканьская, на верховьяхъ Дольникана, лѣваго притока Буреи — часовня Буреинская, и, наконецъ, на Тугурѣ — часовня Буруканская. Съ теченіемъ времени, эти мѣста сдѣлались постоянными торговыми пунктами, куда стекались русскіе и якутскіе купцы, русскіе и китайскіе Тунгусы (Манегирцы, Бирары и Негидальцы), а въ извѣстные сроки приходили священники и казаки изъ Удского острога, — послѣдніе собственно для сбора податей, что однако не мѣшало имъ и торговать[2]). Шварцъ, въ 1852 году, посѣтилъ всѣ три часовни и опредѣлилъ ихъ географическое положеніе. Впрочемъ, Инканьская часовня за годъ передъ тѣмъ была разрушена Маньчжурами, ѣздившими на этотъ разъ далеко за пограничный знакъ къ сѣверу, до долины Уди. Остальныя же двѣ часовни онъ нашелъ еще въ совершенной сохранности[3]).

Однако Буруканская часовня и одноименный съ нею торговый пунктъ лежатъ уже по ту сторону Буреинскихъ горъ, на верхнемъ Тугурѣ, который лишь узкимъ и низкимъ водораздѣломъ (Укакытъ), издавна служившимъ волокомъ, отдѣляется отъ Немилена, главнаго сѣвернаго притока Амгуни. Слѣдовательно, мы здѣсь уже подошли къ нижнему Амуру. Подобно тому, какъ на западъ отъ Буреинскихъ горъ Русскіе находились въ сношеніяхъ съ Манегирцами и Бирарами, такъ здѣсь — имѣли сношенія съ Негидальцами и ихъ ближайшими сосѣдями съ юга и востока, Самагирцами и Гиляками. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, русскіе Тунгусы, Якуты, русскіе купцы и казаки заходили далеко въ предѣлы чужмо-китайской земли[4]). Больше всего находились они въ сношеніяхъ съ Негидальцами, вслѣдствіе близости Тугура и Буруканскаго торговаго пункта къ Амгуни. Это — самый значительный изъ трехъ упомянутыхъ торговыхъ пунктовъ; его постоянно, чрезъ извѣстные промежутки времени, посѣщаютъ русскіе и якутскіе купцы изъ Удского острога и Якутска, привозя свои товары на многочисленныхъ вьючныхъ животныхъ, лошадяхъ и оленяхъ[5]). Нѣсколько Негидальцевъ, какъ уже было сказано[6]), совсѣмъ поселились тамъ съ своими семьями, другіе приходили туда по временамъ для торговли. Иные изъ нихъ, вмѣстѣ съ русскими товарами, принимали отъ священниковъ или отъ купцовъ и христіанство[7]).

---

1) Такъ напр., въ 1826 г. священникъ Гермогенъ Дьячковскій, въ сопровожденіи Якута (Ванчи), служившаго проводникомъ и Миддендорфу, ѣздилъ на Бурею до Іораха, впадающаго въ нее ниже устья рѣки Нимана.

2) Шварцъ, тамъ же, стр. 76. Выше было уже замѣчено, что по показанію Миддендорфа въ прежнее время и Дауры ходили до Инкани для торговли, чего въ послѣдствіи не было.

3) Позже — Шмидтъ въ описаніи своего путешествія за 1862 г. говоритъ: «за нѣсколько лѣтъ» — была построена часовня на Сулукѣ, одномъ изъ источниковъ, составляющихъ Амгунь. Эта часовня сдѣлалась, вмѣсто Буреинской, торговымъ пунктомъ русскихъ и якутскихъ купцовъ съ окрестными тунгусскими племенами, и туда также по временамъ пріѣзжалъ священникъ изъ Удского острога (Schmidt, Histor. Bericht etc. p. 161).

4) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 160, 161 и др. Бошнякъ, Экспед. въ При-амурск. край (Морск. Сборн. 1859, № 2, Ч. неоф., стр. 331—333). Шварцъ, тамъ же, стр. 69.

5) Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ пріѣзжалъ туда чрезъ каждые два года богатый купецъ Новгородовъ изъ Якутска (Бошнякъ, тамъ же, стр. 332).

6) См. выше, стр. 31.

7) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 169.

Изъ какихъ побужденій, это — другой вопросъ. Лейтенантъ Бошнякъ замѣтилъ, впрочемъ, въ юртахъ пяти крещеныхъ негидальскихъ семействъ, встрѣченныхъ имъ на Амгуни, бо́льшую чистоплотность, чѣмъ у ихъ земляковъ-язычниковъ [1]). Изъ Буркана Русскіе и Якуты безпрепятственно переходили на Амгунь и столь же безпрепятственно занимались тамъ торговлею, а изъ Якутовъ иные даже поселялись тамъ [2]). На Амгуни же передъ ними открывалась дорога къ нижнему Амуру, которою они, безъ сомнѣнія, не рѣдко и пользовались, тѣмъ болѣе, что господство Китайцевъ надъ тамошними инородцами, Гиляками и Ольчами, такъ же, какъ и надъ Негидальцами, едва ли было когда-либо больше чѣмъ номинальное. Такъ, японецъ Мамія-Ринсо, въ описаніи своего путешествія (1808 г.), разсказываетъ, что на рѣкѣ Манкò (Амуръ), между деревнями Хоромо и Харме (которая есть очевидно гиляцкая деревня Кальмъ), онъ видѣлъ четыре лодки, бросившіяся ему въ глаза своею чужеземною наружностью. Когда же онъ освѣдомился, откуда онѣ могли приплыть, ему сказали, что это — лодки Русскихъ, которые уже нѣсколько времени ходятъ по рѣкѣ Хонго (Амгуни), и занимаются на ней рыбною ловлею, а на берегу построили себѣ шалаши изъ древеснаго корья [3]).

Было, наконецъ, еще одно обстоятельство, само собою служившее поводомъ къ соприкосновенію Русскихъ съ приамурскими инородцами, именно съ Гиляками, на крайнемъ сѣверо-востокѣ этой страны. Это — почти безпрерывныя поѣздки Русскихъ изъ Удскаго острога на Шантарскіе острова. Миддендорфъ очень обстоятельно изложилъ исторію этихъ предпріятій, на основаніи свѣдѣній, отысканныхъ имъ въ архивѣ Удскаго острога [4]). Надежда легко обогатиться цѣнными мѣхами, дорогими металлами, и даже, можетъ быть, взять богатый ясакъ съ невѣдомыхъ еще инородцевъ, — все это также и здѣсь было главнымъ поводомъ къ тому, что на Шантарскіе острова отправлялись то отдѣльные предпріимчивые люди, то экспедиціи небольшихъ торговыхъ обществъ. Правительство, съ своей стороны, поощряло эти предпріятія, такъ какъ они, при случаѣ, могли обогащать ясачную казну, или же способствовать распространенію его власти. Нерѣдко случалось, однако, что вольныя русскія суда, вслѣдствіе труднаго плаванія около Шантарскихъ острововъ и плохого своего сооруженія и управленія, а, наконецъ, и вслѣдствіе пестраго,

---

1) Тамъ же, стр. 333. На Сахалинѣ, въ деревнѣ Вяхту, негидальская женщина-старуха, привезенная туда еще въ юности съ Амгуни, показывала ему нѣсколько листковъ церковныхъ молитвъ на славянскомъ языкѣ, подаренныхъ ей Русскими на Амгуни. Одинъ изъ нихъ она даже уступила ему за небольшое количество табаку. У ней же онъ видѣлъ пакетъ, сдѣланный изъ листовъ славянскаго мѣсяцеслова и подаренный ей тѣми же Русскими. Имъ она, однако, такъ дорожила, что не хотѣла продать его ни за какую цѣну (Бошнякъ, Экспед. въ При-амурск. край. — Морск. Сборн. 1858, № 12, Ч. неоф., стр. 192).

2) Такъ напр., деревня Манги, по свидѣтельству Бошняка (Морск. Сборн. 1859, № 2, Ч. неоф., стр. 331), состояла только изъ одного якутскаго семейства (старика Савы, съ двумя якутскими женщинами) и одно́го Тунгуса.

3) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 177). Мамія-Ринсо употребляетъ при этомъ случаѣ слово повидимому не японскаго происхожденія: «karia», которое Зибольдъ переводитъ чрезъ «шалаши изъ древесной коры» (тамъ же, стр. 172, 173). Не заимствовалъ ли онъ его отъ приамурскихъ туземцевъ, которые, въ свою очередь, слышали его отъ Русскихъ («кора, корье»)?

4) Путешествіе и т. д. Ч. I, стр. 95 — 112.

недисциплинированнаго экипажа, жаждавшаго наживы и приключеній, приставали, вмѣсто острововъ, волею-неволею къ противолежащему гиляцкому берегу материка. Разъ же они находились на этомъ берегу, и въ замѣчивой близости отъ нихъ лежали и низовья Амура, и самое устье этой рѣки, и даже островъ Сахалинъ — мѣстности, населенныя тѣмъ же племенемъ, но въ гораздо большемъ числѣ. Понятно поэтому, что многіе изъ отправлявшихся первоначально только на Шантарскіе острова, поддавшись соблазну, оставались здѣсь искать счастія. Укажемъ, для примѣра, на крестьянина Кудряшева[1]), который былъ приписанъ къ Удскому острогу и въ 1817 г. жилъ на Шантарахъ, а потомъ, будто-бы вслѣдствіе голода, перешелъ на устье Амура и оставался тамъ до 1821 г. О другомъ русскомъ поселенцѣ на устьѣ Амура упоминаетъ врачъ Станкевичъ, въ рукописномъ извѣстіи, присланномъ изъ Удскаго острога въ 1841 г.[2]). Гораздо раньше, въ 1789 г., якутскій мѣщанинъ Терентьевъ, по пути изъ Удскаго на Сахалинъ, зимовалъ съ двѣнадцатью товарищами недалеко отъ устья Амура, т. е. среди Гиляковъ[3]). Не разъ говорится здѣсь и о бѣглыхъ, преимущественно Якутахъ, состоявшихъ на службѣ у русскихъ торговыхъ компаній и посланныхъ на Шантарскіе острова, но вмѣсто того укрывавшихся на Амурѣ или Сахалинѣ. Они сообщили въ Удской острогъ извѣстіе, что въ ноябрѣ 1790 г. на Сахалинѣ разбилось судно—можетъ быть, также русское—на которое въ большомъ числѣ приходили смотрѣть Гиляки и мохнатые оленные Тунгусы (Ороки)[4]). Мамія-Ринсо также слышалъ (въ 1808 г.) на Сахалинѣ, что по западную сторону острова часто появлялись русскія суда, и что Русскіе, бывало, доходили до Нотейто (около мыса Ляка) и Узійоро (въ заливѣ д'Эстенъ), пока наконецъ ихъ разбойничества не заставили туземцевъ изгнать одну ихъ часть, а другую перебить. Мамія-Ринсо называетъ даже имена этихъ Русскихъ: Камуцп, Симена, Мому и Васпре[5]). Въ трехъ послѣднихъ не трудно узнать русскія имена: Семенъ, Фома и Василій. Первое имя сначала кажется сомнительнымъ, но въ послѣдствіи и оно разъяснилось. Вслѣдствіе частыхъ побѣговъ на Сахалинъ, между Русскими установилось мнѣніе, что на Сахалинѣ должны находиться русскія поселенія[6]). Поэтому, когда лейтенантъ Бошнякъ, въ 1852 г., посѣтилъ сѣверную часть Сахалина, то распрашивалъ тамошнихъ Гиляковъ, нѣтъ ли гдѣ-либо на островѣ русскихъ поселеній. Въ деревнѣ Ташп, на западномъ берегу, онъ получилъ, наконецъ, слѣдующее разъясненіе. Лѣтъ 35 или 40 назадъ, у восточнаго берега Сахалина, близъ деревни Нгаби (очевидно—Нгабиль), разбилось судно; спасшійся экипажъ его долгое время жилъ въ деревнѣ,

---

1) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 153. Романовъ (Присоед. Амура къ Россіи. — Русское слово, 1859, Іюнь, Отд. I, стр. 362) называетъ его Кудрявцевымъ.

2) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 152.

3) О прежнихъ зимовкахъ Русскихъ среди Гиляковъ будетъ сказано ниже.

4) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 101, 102.

5) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 169, 181).

6) Адмиралъ Шишковъ, при объясненіи причинъ, побудившихъ непризнаннаго Японцами русскаго посланника Резанова отправить на Сахалинъ Хвостова и Давыдова, высказываетъ даже мнѣніе, что Русскіе въ половинѣ прошедшаго столѣтія хотѣли завладѣть островомъ и основали тамъ колонію, которая въ послѣдствіи исчезла (Двукр. путеш. въ Америку морск. офиц. Хвостова и Давыдова, С. Петерб. 1810 г. Предувѣд. стр. XIV).

затѣмъ построилъ себѣ новое судно, и на немъ, обогнувъ южную оконечность острова, достигъ до его западнаго берега. Тамъ, близъ деревни Мгачъ, они снова потерпѣли крушеніе, причемъ всѣ погибли, кромѣ одного, по имени Кемца, спасшагося въ названную деревню. Вскорѣ послѣ этого къ нему присоединились двое Русскихъ, Василій и Никита, прибывшіе съ Амура и сильно боявшіеся русскаго царя, очевидно — бѣглые. Затѣмъ всѣ трое поселились въ деревнѣ Мгачъ, гдѣ подобно Гилякамъ, занимались звѣриною ловлею и торговлею съ Японцами, пока, наконецъ, не окончили на Сахалинѣ свою жизнь[1]). Бошнякъ, сообщая эти свѣдѣнія, кажется, не подозрѣвалъ о существованіи вышеупомянутаго, очень сходнаго повѣствованія Мамія-Ринсо. Не трудно, однако, въ лицѣ, названномъ японцемъ «Камуци», узнать главнаго героя разсказа Бошняка. Такимъ образомъ, преданіе вѣрно сохранило среди Гиляковъ даже имена этихъ пришлыхъ, временныхъ обитателей острова. Наконецъ, что и бѣглый Гурій Васильевъ нѣсколько лѣтъ прожилъ между Гиляками, какъ на Сахалинѣ, такъ и на материкѣ, — объ этомъ уже было сказано выше.

Но какъ часто, вопреки всѣмъ трактатамъ, ни переходили въ Амурскій край русскіе купцы, казаки, бѣглые и тому подобный народъ, большаго вліянія на нравы инородцевъ они имѣть не могли, уже потому, что появлялись здѣсь или поодиночкѣ, или лишь на болѣе или менѣе короткое время. Такое вліяніе могло и должно было установиться лишь тогда, когда Русскіе стали основывать въ Амурскомъ краѣ болѣе значительныя, осѣдлыя и постоянныя поселенія, — словомъ, когда начались занятіе и колонизація края. Начало тому было положено незадолго до моего посѣщенія Амурскаго края, и притомъ, прежде всего на устьѣ и по нижнему теченію Амура. Неблагопріятныя климатическія условія Охотскаго моря, чрезвычайная отдаленность и изолированность его портовъ отъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ центровъ Сибири, заставляли Русскихъ постоянно подвигаться къ югу. Тутъ должно было броситься въ глаза громадное значеніе Амура, какъ единственнаго естественнаго и удобнаго водянаго пути извнутри Сибири къ русскимъ владѣніямъ на Тихомъ океанѣ. Значеніе это, послѣ походовъ на Амуръ въ XVII столѣтіи обнаруживавшееся все болѣе и болѣе и на которое постоянно снова указывали[2]), неминуемо должно было повести къ занятію этой рѣки. 29 іюня (10 іюля) 1850 г., въ одномъ изъ заливовъ

---

1) Бошнякъ, Экспед. въ При-амурск. край (Морск. Сборн. 1858, № 12, Ч. неоф., стр. 192). Одинъ изъ Гиляковъ даже показывалъ лейт. Бошняку зеркало, подаренное упомянутымъ Кемцемъ отцу его, и которымъ онъ такъ дорожилъ, что ни за что не хотѣлъ продать его.

2) Къ длинному перечню подобныхъ указаній у Миддендорфа (Путеш. на сѣв. и вост. и пр. Ч. I., стр. 169, 170), я могу прибавить слѣдующія. Еще въ 1791 г., академикъ Эрикъ Лаксманъ, въ инструкціи своей, по поводу снаряженія новой экспедиціи въ Японію, указывалъ на большое значеніе, которое имѣетъ Амуръ для плаванія Русскихъ въ Тихомъ океанѣ и для колонизаціи Сибири, равно какъ и на необходимость присоединенія его къ Россіи. Съ этою цѣлью, по его мнѣнію, слѣдовало повыше Горбицы построить два судна, и на нихъ, подъ предлогомъ поисковъ за бѣжавшею командою, спуститься по Шилкѣ и Амуру. Какъ извѣстно, экспедиція въ Японію состоялась подъ начальствомъ Адама Лаксмана (сына Эрика Л.); но предложеніе завладѣть Амуромъ было отвергнуто Императрицею Екатериною II-ою, во избѣжаніе столкновеній съ китайскимъ правительствомъ, которыя могли бы повредить японской экспедиціи (Полонскій, Курилы. — Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. По отд. Этногр. Т. IX, 1871, стр. 470, 474). Равнымъ образомъ и Кохрэнъ указывалъ на комерческое значеніе Амура для Сибири. (J. D. Cochrane, Narrat. of a pedestr. journey

Охотскаго моря, получившемъ названіе «Залива Счастія», было основано Петровское зимовье[1]). Основателями его были капитанъ 1-го ранга (въ послѣдствіи адмиралъ) Невельской, изслѣдовавшій годомъ раньше, на бригѣ «Байкалъ», весь берегъ отъ Тугурскаго залива до Амурскаго лимана, и мичманъ Орловъ. Будучи расположено непосредственно у сѣвернаго входа въ Амурскій лиманъ и по прямой линіи отъ Амура не болѣе какъ на 45 верстъ, Петровское зимовье должно было служить лишь переходнымъ пунктомъ на Амуръ. И дѣйствительно, еще въ томъ же году, Невельской занялъ низовья Амура. Отправившись на шлюпкѣ изъ Петровскаго зимовья, онъ вошелъ въ Амуръ и здѣсь, верстахъ въ 35 отъ устья, въ одной изъ бухтъ лѣваго берега, вблизи гиляцкой деревни Кушкъ (по-русски «Куэгда»), въ мѣстности, называемой Гиляками Чорбахъ[2]), 6./18. августа, поднявъ русскій военный флагъ, основалъ Николаевскій постъ[3]). Это основаніе можно, впрочемъ, назвать лишь предварительнымъ, потому что оставленные тамъ 6 человѣкъ получили приказаніе возвратиться въ Петровское, какъ только Амуръ и лиманъ покроются льдомъ, и лишь съ послѣднимъ зимнимъ путемъ снова отправиться въ постъ, чтобы заняться тамъ постройкою домовъ. Однако послѣдняго приказанія этимъ людямъ не удалось исполнить, вслѣдствіе сопротивленія Гиляковъ. Къ нему могло быть приступлено не раньше 9./21. августа 1851 г., когда капитанъ Невельской прибылъ туда уже съ бо̀льшимъ числомъ людей и оставилъ тамъ 25 человѣкъ, подъ командою лейтенанта Бошняка. Вотъ тогда-то, слѣдовательно, и произошло окончательное основаніе Николаевскаго поста, въ послѣдствіи — города Николаевска[4]).

Хотя постъ первоначально состоялъ всего лишь изъ нѣсколькихъ избъ, однако, съ его основаніемъ, Русскіе опять стали твердою ногою на Амурѣ. Уже отсюда они познакомились съ нижнимъ Амуромъ и его притоками, съ прилегающими берегами Сѣверо-Японскаго моря и съ островомъ Сахалиномъ. Затѣмъ, въ 1853 году, съ тѣми же ничтожными средствами были основаны и другіе небольшіе посты: Маріинскій — при входѣ въ озеро Кидзи, на мѣстѣ маленькой деревни Ольчей Хото[5]), Александровскій — въ заливѣ де-Кастри[6]), Константиновскій — въ заливѣ Хаджи, получившемъ названіе Императорской га-

---

through Russia and Siberian Tartary, London 1825, Vol. I, p. 418).

1) Д. Романовъ, Присоед. Амура къ Россіи (Русск. Слово, 1859, Іюль, Отд. I, стр. 117). Тихменьевъ, Историч. Обозр. образов. Росс.-Амер. Комп. Ч. II, стр. 72. Невельской, Подвиги русск. морск. офиц. на крайн. востокѣ Россіи, стр. 107. (б)

2) Т. е. «рыбная скала», изъ *чо* — рыба, и *пахъ* — камень, скала. Начальный согласный звукъ послѣдняго слова есть нѣчто среднее между *п* и *б*, а въ словахъ сложныхъ приближается скорѣе къ *б*.

3) Въ посмертномъ изданіи труда Невельского (Подвиги русск. и пр. стр., 111) днемъ основанія Николаевскаго поста означено 1./13. августа; по Романову же (Присоед. Амура. — Русское Слово, 1859, Іюль, Отд. I, стр. 118) и Тихменьеву (Истор. Обозр. и пр. Ч. II, стр. 72), оно происходило 6./18. августа. Послѣднее число означено и въ моемъ дневникѣ, на основаніи сообщеній самого Невельского.

4) Бошнякъ, Экспед. въ При-амурск. краѣ (Морск. Сборн. 1858, № 12, Ч. неоф., стр. 180). Романовъ, Присоед. Амура (Русск. Слово, 1859, Іюль, Отд. I, стр. 123).

5) 7./19. августа (Романовъ, Присоед. Амура. — Русское Слово, 1859, Іюль, Отд. I, стр. 130). Бушъ ошибочно показываетъ 1851-й годъ, какъ годъ построенія Маріинскаго поста. (Busch, Reindeer, dogs and snow-shoes: a journ. of Siber. trav. and explor. London, 1872, p. 86). Кстати замѣтимъ, что въ томъ же трудѣ (стр. 89) сказано, будто Амуръ былъ впервые открытъ Русскими въ 1843 году (!).

6) По Романову (тамъ же), равно какъ и по замѣткамъ въ моемъ дневникѣ, основаннымъ на данныхъ Невельского, — 5./17. августа.

вани[1]), и Муравьевскій — въ заливѣ Анива, на Сахалинѣ[2]). Однако три послѣдніе пункта, расположенные на морскомъ берегу, не выдерживали нападенія со стороны моря, а потому и были уже въ слѣдующемъ году, при началѣ Крымской войны, на время покинуты. Когда мы, 22-го іюля (3-го августа) 1854 г., на корветѣ «Оливуца», зашли въ заливъ Анива, Муравьевскій постъ уже былъ снятъ[3]), а въ Императорской гавани и въ заливѣ де-Кастри, 25-го и 30-го іюля (6-го и 11-го августа), находились лишь небольшіе караулы изъ 10 и изъ 7 человѣкъ казаковъ, съ унтеръ-офицеромъ.

Впрочемъ, оба приамурскіе поста до того времени также были крайне незначительны: въ Николаевскомъ, при моемъ пріѣздѣ туда, 7./19. августа 1854 г., слѣдовательно, спустя три года послѣ его основанія, насчитывалось лишь около полудюжины небольшихъ домовъ, а Маріинскій былъ еще меньше. Но съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе необходимости покинуть морской берегъ и тѣмъ сильнѣе утвердиться на нижнемъ Амурѣ, оба поста стали быстро возрастать. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ меня переселился изъ Петровскаго зимовья въ Николаевскій постъ капитанъ Невельской со всею командою казаковъ и матросовъ, и тѣмъ сдѣлалъ его правительственнымъ центромъ фактически занятой нижней части Амурскаго края. Почти въ то же время прибылъ туда и экипажъ фрегата «Діана», посланнаго къ вице-адмиралу Путятину въ замѣнъ сдѣлавшагося негоднымъ фрегата «Паллада»[4]). Такимъ образомъ, къ зимѣ 1854/1855 г., въ Николаевскомъ посту уже былъ построенъ цѣлый рядъ большихъ и маленькихъ домовъ, наскоро сколоченныхъ изъ лѣса, срубленнаго тутъ же, на мѣстѣ. Въ томъ числѣ находился и мой скромный домикъ, послѣдній и ближайшій къ лѣсу, примыкавшій къ ряду казачьихъ избъ или такъ называемой слободкѣ. Гораздо бо́льшее расширеніе Николаевскаго, а равно и Маріинскаго поста послѣдовало, однако, въ

---

1) 23-го мая (4-го іюня) 1853 г., лейтенантъ Бошнякъ открылъ заливъ Хаджи и назвалъ его гаванью Императора Николая (Морск. Сборн. 1859, № 3, Ч. неоф., стр. 205, 206). Въ томъ же году, 1./13. августа, Невельской заложилъ тамъ Константиновскій постъ. (Вышеназванное число означено и у Романова [тамъ же, стр. 130], и въ моемъ дневникѣ, тогда какъ въ упомянутомъ посмертномъ сочиненіи Невельского [стр. 237] показано 6./18. августа. Послѣдній, очевидно, смѣшалъ его съ днемъ основанія Николаевска). Не раньше, какъ черезъ три года послѣ того (11-го мая 1856 г.), заливъ Хаджи былъ открытъ капитаномъ Фортескью (Fortescue), на англійскомъ военномъ суднѣ «Барракута», и названъ по имени послѣдняго. (Tronson, Person. Narr. of a Voyage in H. M. S. Barracouta, London, p. 267 — 271).

2) По Бошняку (Занятіе части острова Сахалина и зимовка въ Императорской гавани. — Морск. Сборн. 1859, № 10, Ч. неоф., стр. 397), — 21-го сентября (3-го Окт.), а по Невельскому (Подв. русск. офиц. и пр. стр. 252, 255),—22-го сентября (4-го окт.). Въ томъ же году, а именно, по Романову (тамъ же, стр. 129), 21-го іюля (2-го авг.), а по Невельскому (тамъ же, стр. 269), который въ этомъ случаѣ, кажется, правъ, 30-го августа (11-го сент.), былъ основанъ постъ и около Кусуная, на западномъ берегу Сахалина, мичманомъ Орловымъ, и названъ Ильинскимъ. Этотъ постъ, однако, вскорѣ былъ покинутъ и затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1857 г.) снова и окончательно возобновленъ. Тѣ же числа основанія русскихъ постовъ въ Амурскомъ краѣ, что у Романова, встрѣчаются и у Сгибнева, въ его статьѣ: «Амурская экспедиція 1854 г. Разсказъ очевидца» (Древняя и новая Россія, С. Петерб. Т. III, 1878, стр. 222).

3) Его сняли уже 30-го мая (11-го іюня).

4) Экипажъ фрегата «Паллада» перешелъ на фрег. «Діана». Исключенный же изъ списковъ и разоруженный фрегатъ «Паллада» былъ переведенъ въ Императорскую гавань, съ приказаніемъ уничтожить его, въ случаѣ открытія его непріятелемъ, что и было исполнено весною 1856 года. (См. Tronson, l. c. p. 270).

1855 г., вмѣстѣ съ основаніемъ нѣкоторыхъ новыхъ поселеній. Еще весною этого года прибылъ изъ Петропавловска на Амуръ весь личный составъ постоянно или временно тамъ находившихся моряковъ и чиновниковъ, съ губернаторомъ, контръ-адмираломъ Завойкою, во главѣ. За нимъ вскорѣ послѣдовали почти двѣ трети экипажа фрегата «Діана», разрушеннаго землетрясеніемъ въ заливѣ Симода, на Ниппонѣ, 11./23. декабря 1854 года[1]). Между тѣмъ, со вскрытіемъ рѣки, генералъ-губернаторъ восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ, привелъ на низовья Амура полубатальонъ забайкальскихъ пѣшихъ казаковъ и сотню конныхъ, равно какъ и первыхъ колонистовъ-земледѣльцевъ съ ихъ семьями. Такимъ образомъ, и съ той, и съ другой стороны, какъ съ суши, такъ и съ моря, стекался къ нижнему Амуру многочисленный русскій элементъ. Та часть его, которая прямо или косвенно принадлежала къ морскому вѣдомству, сосредоточилась въ Николаевскѣ, который вслѣдствіе того разросся до значительныхъ размѣровъ. Изъ него тогда же выдѣлились два меньшіе сторожевые поста, одинъ — близъ мыса Лазарева, у южнаго входа въ лиманъ, а другой—на мѣстѣ гиляцкой деревни Паль-во, для надзора за разоруженными и укрытыми въ Амурѣ военными и транспортными судами. Сухопутныя же войска, напротивъ, разселились въ Маріинскомъ постѣ: пѣшіе казаки—въ деревнѣ Кидзи, а конные—на лежащемъ въ виду ея островѣ Сучу. Часть первыхъ была расположена и въ заливѣ де-Кастри, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ морского берега. Поселенцамъ-хлѣбопашцамъ было отведено нѣсколько пунктовъ между обоими постами, частью среди Ольчей, частью же среди Гиляковъ; такъ, около деревни Луре возникло селеніе Иркутское, около Теньчи — Богородское, вблизи отъ Хылька — большая деревня Михайловская; небольшая партія крестьянъ поселилась близъ деревни Аикальмъ, но въ короткое время всѣ люди, за исключеніемъ одного человѣка, пали здѣсь жертвою тифа; наконецъ, пятое селеніе образовалось на рѣкѣ Лячи, немного выше Николаевскаго поста.

Какъ видно, до того времени русскія поселенія ограничивались только нижнимъ теченіемъ Амура; выше же Маріинскаго поста ихъ еще вовсе не было. Даже и лѣтомъ 1856 г., когда я, на обратномъ пути въ Европу, поднимался вверхъ по Амуру, на всемъ протяженіи отъ Маріинска до Усть-Стрѣлки было всего пять небольшихъ, временныхъ сторожевыхъ постовъ или пикетовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились склады провіанта для войскъ, возвращавшихся съ нижняго Амура въ Забайкальскую область. Первый изъ нихъ, если идти снизу, Сунгарійскій пикетъ, былъ расположенъ противъ устья Сунгари; но до него къ тому времени, когда я проходилъ этою мѣстностью, 15./27. іюля, сплавляемые

---

1) Подробное описаніе этого происшествія, составленное очевидцами, можно найти въ оффиціальныхъ донесеніяхъ вице-адмирала Путятина и командовавшаго фрегатомъ капитана Лесовскаго (Морск. Сборн. 1855, № 4, Отд. IV, стр. 293 — 296; № 7, Отд. II, стр. 231—257. Также на разсказахъ очевидцевъ основаны свѣдѣнія, сообщенныя американцемъ Hawks, Narrat. of the Exped. of an Amer. Squadron to the China seas and Japan, perform. in the years 1852 — 1854, under the cómm. of commod. M. C. Perry, New-York 1856, p. 587). Остальная треть экипажа фрегата «Діана», находившаяся на американскомъ бригѣ «Грета», была взята въ плѣнъ англійскимъ военнымъ судномъ «Барракута», 29-го іюня 1855 г. (Tronson, l. c. p. 139 sq.).

сверху запасы не успѣли еще дойти. Второй, Хингапскій пикетъ находился какъ разъ при вступленіи Амура въ Буреинскій хребетъ, на лѣвомъ берегу, какъ и всѣ прочіе. Третій и самый значительный изъ всѣхъ, Усть-Зейскій пикетъ, былъ поставленъ близъ устья Зеи, гдѣ нынѣ городъ Благовѣщенскъ; четвертый, Камарскій пикетъ—противъ устья Комары, и наконецъ пятый, Котомандскій пикетъ—на рѣкѣ Котомандѣ[1]). Такимъ образомъ, въ мою бытность на Амурѣ, съ нашей стороны были сдѣланы лишь первые шаги къ занятію и колонизаціи одной части этого края. Только по окончаніи Крымской войны, когда Амурскій край сталъ опять доступенъ Русскимъ со стороны моря, и особенно по заключеніи Айгунскаго трактата (1858 г.), которымъ установлены нынѣшнія границы между Россіею и Китаемъ, причемъ бо́льшая часть Амурскаго края отошла къ Россіи,— только тогда началась та энергическая, почти лихорадочная колонизація края, о которой я упоминалъ въ началѣ этого сочиненія и которая должна была имѣть громадное вліяніе и на этнографическія условія края. Эти событія, однако, уже выходятъ за предѣлы предлагаемаго здѣсь труда.

Въ заключеніе своего обозрѣнія, позволю себѣ сдѣлать еще нѣсколько, частью историческихъ и критическихъ, частью болѣе общихъ, замѣчаній относительно прилагаемой здѣсь карты, цѣль которой—по возможности наглядно представить географическое распространеніе инородцевъ Амурскаго края. Это — первая спеціальная этнографическая карта названнаго края. Уже на картѣ, изданной при первомъ томѣ моего сочиненія: «Reisen und Forschungen im Amur-Lande», я обозначилъ народы, живущіе въ бассейнѣ Амура и на Сахалинѣ, не разграничивая однако ихъ областей. Послѣ того, въ 1873 г., вышла этнографическая карта Азіятской Россіи Венюкова[2]), на которой помѣщена и отошедшая къ Россіи часть Амурскаго края. Но при относительно маломъ масштабѣ этой карты, въ ней, на долю Амурскаго края, выпало лишь нѣсколько квадратныхъ дюймовъ. Соотвѣтственно этому, и показанія на ней слишкомъ общи; такъ, отдѣльныя тунгусскія племена, занимающія почти весь Амурскій край, на ней или вовсе не поименованы, или же означены не въ надлежащемъ мѣстѣ; о взаимномъ же разграниченіи ихъ областей нѣтъ и рѣчи. Кромѣ того, границы между этими тунгусскими племенами и двумя другими народами Амурскаго края, показанными на картѣ, Гиляками и Айнами, проведены большею частью невѣрно. Такимъ образомъ, эта карта даетъ собственно только приблизительную общую картину сильно преобладающаго въ Амурскомъ краѣ тунгусскаго населенія и русской колонизаціи, уже въ то время распространившейся вдоль Амура, Уссури, по озеру Ханка и внизъ по Суйфуну до

---

1) См. мое сочиненіе: «Reisen und Forschungen im Amur-Lande», Bd. I, p. XIX — XXI.

2) Этнографическая карта Азіятской Россіи. Масшт. въ англ. дюймѣ 250 в. или $\frac{1}{10,500,000}$. Она приложена къ труду того же автора: «Опытъ военнаго обозрѣнія Русскихъ границъ въ Азіи, С. Петерб. 1873», но имѣется въ продажѣ и отдѣльно.

залива Петра Великаго [1]). Этого послѣдняго момента на моей картѣ еще почти не имѣется, по той причинѣ, что она изображаетъ этнографическія условія края, какими они были въ то время, когда Русскіе, послѣ двухсотлѣтняго перерыва, только-что приступили ко вторичному и уже окончательному занятію страны. Колонизація, преимущественно распространяясь вдоль главныхъ рѣкъ, Амура и Уссури, измѣнила этнографическія данныя главнымъ образомъ тамъ, гдѣ находилось болѣе густое туземное населеніе. Тамъ, слѣдовательно, многія изъ инородческихъ селеній могли съ тѣхъ поръ передвинуться, уменьшиться или даже совсѣмъ исчезнуть, не оставивъ по себѣ даже своихъ названій. Разумѣется, будущее время съ неумолимою послѣдовательностью довершитъ эти измѣненія. И вотъ, тогда масштабомъ для нихъ можетъ послужить карта, на которой представлены этнографическія условія края

1) Доказательствомъ справедливости высказаннаго мною выше мнѣнія объ этой картѣ, на сколько она касается Амурскаго края, могутъ служить слѣдующія подробности. Не смотря на то, что Гиляки по языку рѣзко отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, занимаемое ими пространство, на картѣ Венюкова, разграничено вѣрно лишь на Сахалинѣ; на материкѣ же, напротивъ того, всѣ границы кругомъ проведены неправильно. Такъ, граница Гиляковъ на сѣверѣ начинается у него не съ Тугурскаго залива, а немного восточнѣе Ульбанской губы; на югѣ, по Амуру, она переходитъ еще за озеро Кидзи, до Софійска (на мѣстѣ ольчской деревни Джан), слѣдовательно, врѣзывается въ средину области Ольчей. Оттуда Венюковъ проводитъ южную границу Гиляковъ къ заливу де-Кастри, не смотря на совершенно вѣрное показаніе еще Лаперуза, что тамъ обитаютъ Орочи. Съ другой стороны, онъ отодвинулъ Гиляковъ отъ берега лимана, отъ устья Амура и отъ смежной съ нимъ части Охотскаго моря къ западу, а на мѣсто ихъ помѣстилъ тунгусское племя, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Амурскій лиманъ кругомъ заселенъ исключительно Гиляками. — Анамъ Сахалина на картѣ удѣлено къ сѣверу слишкомъ большое пространство: по ней, оно обнимаетъ собою всю рѣку Ты (Поро-най) и достигаетъ источниковъ рѣки Тымы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно оканчивается въ заливѣ Терпѣнія, по теченію же рѣки Ты простирается незаселенное пространство, часто посѣщаемое Гиляками и Ороками. — Ороки, на картѣ страннымъ образомъ названные «Орокапами» (о чемъ будетъ еще рѣчь въ послѣдствіи), показаны только въ той части Сахалина, гдѣ нѣтъ никакого населенія, и, напротивъ, не означены въ мѣстахъ, на самомъ дѣлѣ ими занимаемыхъ.—Названія разныхъ тунгусскихъ племенъ Амурскаго края почти всѣ поставлены не на своихъ мѣстахъ. Орочи, напримѣръ, поименованы только въ самой южной части своей далеко растянувшейся области; Мангуны (Ольчи) почти совсѣмъ вдвинуты въ предѣлы Гольдовъ; Самагирцы пересажены на Амгунь, на мѣсто Негидальцевъ, которые вовсе не поименованы, такъ же какъ и Бирары, Манегирцы, Орочоны.—Дауровъ, живущихъ не только по Нонни и Комарѣ, но также и по Буреѣ и Амуру, и которыхъ уже никакъ нельзя, подобно Орочонамъ или Манегирцамъ, безразлично подразумѣвать подъ общимъ именемъ Тунгусовъ, на картѣ вовсе нѣтъ, тогда какъ Корейцы, весьма немногочисленные и лишь недавно перешедшіе черезъ рѣку Тюмень въ предѣлы Россіи, на ней показаны.

Еще менѣе вниманія обращено на различныя Тунгусскія племена Амурскаго края на этнографической картѣ Азіятской Россіи Ильина (Опытъ статист. Атласа Россійской Имперіи, С. Петерб. 1874, карта 14). Правда, масштабъ этой карты еще меньше. На ней, не говоря о Китайцахъ и Маньчжурахъ, изъ инородцевъ русской части Амурскаго края показаны, кромѣ Гиляковъ и Аиновъ,—которые, впрочемъ, разграничены столь же неправильно, какъ и у Венюкова, — только Тунгусы (вообще) и Гольды, причемъ послѣднимъ отведены берега Амура, начиная нѣсколько выше Буреи и до Маріинска.

Тѣ же самыя ошибки повторяются, наконецъ, и на этнографической картѣ Россіи, недавно изданной Петермановъ (Geogr. Mittheil. 1877, Taf. 1). Въ ней все, касающееся Азіятской Россіи, заимствовано изъ карты Венюкова. Не смотря на гораздо меньшій масштабъ, она въ подробности передаетъ вышеозначенныя, невѣрныя границы области Гиляковъ. Названія отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ на ней совсѣмъ пропущены, такъ что, за исключеніемъ лишь небольшой полосы на нижнемъ Амурѣ, весь Амурскій край, подобно смежной съ нимъ части восточной Сибири, оказывается заселеннымъ лишь вообще «Тунгусами».

въ томъ видѣ, въ какомъ они находились до его колонизаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что это можетъ только возвысить научный интересъ карты. Какъ неоцѣнима, напримѣръ, была бы для насъ теперь точная, подробная этнографическая карта Амурскаго края временъ перваго вторженія Русскихъ въ эту страну? Сколько свѣту могла бы она пролить на вопросы, которыми мы займемся въ слѣдующей главѣ.

Что касается другого, вышеупомянутаго обстоятельства, а именно такъ наглядно выдающагося на общей этнографической картѣ Азіятской Россіи перевѣса въ Амурскомъ краѣ тунгусскаго населенія, то оно на моей картѣ, дѣйствительно, представлено далеко не такъ очевидно. Причина этому, конечно, та, что наша карта — спеціальная, и что на ней тунгусскія племена означены не безразлично, а каждое изъ нихъ иною краскою. Стоитъ, однако, только взглянуть на нихъ въ совокупности и противопоставить ихъ Гилякамъ и Айнамъ, чтобы наглядным образомъ убѣдиться, какъ велико занимаемое ими пространство и какъ, напротивъ, сравнительно ничтожны области послѣднихъ, расположенныя притомъ лишь на окраинѣ материка и на прилегающихъ къ нему островахъ. Вотъ это-то отношеніе другъ къ другу пространствъ, занимаемыхъ означенными народами, невольно наводитъ на мысль, что тунгусскія племена оттѣснили Гиляковъ и Айновъ на край материка. Въ слѣдующихъ главахъ я подробнѣе разовью эту мысль и укажу на подтверждающія ее историческія и этнологическія данныя.

Глава 2.

Передвиженія и перемѣщенія народовъ Амурскаго края въ историческія времена, по свѣдѣніямъ, сохранившимся въ русскихъ, китайскихъ и японскихъ источникахъ, и при помощи критическаго разбора и поясненія разныхъ названій этихъ народовъ.

Какъ ни трудно точнымъ образомъ опредѣлить границы распространенія полубродячихъ народовъ, занимающихся охотою и рыболовствомъ и разсѣянныхъ на обширномъ, малоизслѣдованномъ пространствѣ, — еще больше трудностей для изслѣдователя представляютъ вопросы: подвергались ли эти границы въ теченіи времени разнымъ измѣненіямъ, какія въ данной странѣ происходили передвиженія народовъ, когда и откуда тотъ или другой изъ нихъ вступилъ въ занимаемую имъ нынѣ мѣстность, какой народъ онъ оттуда вытѣснилъ? Замѣчу немедленно, что совершенно опредѣленные и удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, по отношенію къ народамъ Амурскаго края, будутъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ даны на слѣдующихъ страницахъ. Точныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ въ этомъ отношеніи весьма немного; но есть достаточно обстоятельствъ разнаго рода, наводящихъ на предположенія, за которыми нельзя не признать нѣкоторой доли вѣроятности.

Что и въ Амурскомъ краѣ, въ историческій періодъ времени, происходили разныя передвиженія народовъ — въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Волны совершавшагося кругомъ сильнаго движенія народовъ не могли не распространиться и въ Амурскій край. Затѣмъ немыслимо, чтобы неоднократныя войны, происходившія въ этомъ краѣ, и въ которыхъ принимали участіе многіе изъ его народовъ, не имѣли послѣдствіемъ разныхъ измѣненій ихъ взаимныхъ границъ. Стоитъ только вспомнить, что до завоеванія Маньчжурами, въ XVII столѣтіи, Китайской имперіи, предки ихъ уже два раза занимали престолъ этого обширнаго государства: въ первый разъ—подъ именемъ Киданей или Ляо, въ X столѣтіи (907—1125), и вторично — въ XII-мъ (1125—1243), подъ названіемъ Юй-чжей (Нюй-чжей, Чжур-чжей) или, какъ они по воцареніи наименовали свою

династію, Гиней. Движеніе этихъ воинственныхъ ордъ изъ ихъ горныхъ и лѣсныхъ дебрей непремѣнно должно было всполошить весь югъ Амурскаго края. Непосредственно слѣдовавшее затѣмъ движеніе Монголовъ, подъ начальствомъ Чингисъ-хана и его преемниковъ, начавшееся съ верховьевъ Амура и, между прочимъ, сломившее могущество Гиней въ Китаѣ, вызвало снова рядъ движеній, которыя съ запада и сѣвера распространились и на Амуръ. Монголо-Буряты вторглись въ страну на верховьяхъ Амура и, подвигаясь на западъ, къ Байкалу, наткнулись тамъ на первобытныхъ прибрежныхъ жителей этого озера, на татарское племя Якутовъ. Послѣдніе, отступая передъ пришельцами, спустились въ долину Лены и стали распространяться по ней къ сѣверу [1]). Здѣсь они, въ свою очередь, встрѣтились съ многочисленными тунгусскими племенами, которые оказывали имъ упорное сопротивленіе. Еще въ прошедшемъ столѣтіи между послѣдними было свѣжо преданіе о многочисленныхъ кровавыхъ битвахъ, послѣ которыхъ они наконецъ принуждены были уступить свою родину Якутамъ [2]). Одна часть Тунгусовъ удалилась къ западу [3]). до Енисея, другая была оттѣснена на крайній сѣверъ, къ Ледовитому морю, а нѣкоторыя племена потянулись къ востоку, на правые притоки Лены, вдоль Станового хребта, къ Охотскому морю и въ Амурскій край. Такъ какъ Якуты, полные живучей энергіи, не останавливались въ своемъ распространеніи, пока не достигли на сѣверѣ, сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ береговъ Ледовитаго моря [4]), то движеніе, возникшее вслѣдствіе этого между Тунгусами и другими сибирскими народами [5]), еще долго продолжалось въ означенномъ выше направленіи. Однако оно не успѣло еще улечься, какъ съ запада наступило новое и еще болѣе важное по послѣдствіямъ движеніе, а именно походы Русскихъ на

---

1) По свидѣтельству Гмелина (Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743, Göttingen 1751, Bd. II, p. 344, 345), еще въ его время между Якутами ходило древнее преданіе о гнетѣ, который они терпѣли отъ Бурятовъ и вслѣдствіе котораго были принуждены переселиться въ Ленскую долину. См. также Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. VI, 1761, p. 147; Fischer, Sibir. Gesch. St. Petersb. 1768, Bd. I, p. 108, 109; Schlözer, Allgem. Nord. Gesch. Halle 1771, p. 416; Степановъ, Енисейск. губ. С. Петерб. 1835, Ч. II, стр. 45; Ritter, Asien, Bd. II, p. 5; Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 763, 766. Самое имя «Байкалъ» якутскаго происхожденія: оно означаетъ «богатая вода». (См. Laxmann, Sibirische Briefe, herausg. von Schlözer, Göttingen 1769, p. 37, Anmerk.).

2) Gmelin, l. c. p. 345; Müller, l. c. p. 150, 151; Fischer, l. c. p. 110; Schlözer, l. c.

3) Время появленія Тунгусовъ на Енисеѣ Степановъ (Енисейская губ. Ч. II, стр. 43) относитъ къ XII или XIII вѣку; кажется однако, что онъ заходитъ уже слишкомъ далеко назадъ, такъ какъ они были вытѣснены Бурятами съ озера Байкала лишь въ XIV столѣтіи (см. Миддендорфа, Путеш. и пр., тамъ же).

4) О постепенномъ движеніи Якутовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ какъ въ долинѣ Лены, до береговъ Ледовитаго моря, такъ и на сѣверо-западъ, къ Таймырскому полуострову, и на сѣверо-востокъ, къ Янѣ, Индигиркѣ, Колымѣ, и наконецъ, въ нашемъ столѣтіи, къ Охотскому морю, см. Миддендорфа, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 548, 690, 764. О распространеніи ихъ въ Амурскій край было уже нѣсколько разъ упомянуто выше.

5) Такъ, напримѣръ, между Юкагирами, Чуванцами и др. Видятъ же иные въ этомъ обстоятельствѣ причину, побудившую первобытныхъ жителей крайняго сѣвера, напр. Омоковъ, родичей или предковъ Юкагировъ (см. выше, стр. 2), какъ гласитъ преданіе, покинуть материкъ и переселиться въ неизвѣстную еще полярную страну; таково, напримѣръ, мнѣніе Маркама (см. Whymper, Trav. and advent. in the territ. of Aliaska, London 1868, p. 251), Неймана (Изв. Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. III, Иркутскъ 1872, стр. 34; Т. IV, стр. 155) и др.

востокъ. Понятно, что они должны были имѣть самое существенное и продолжительное вліяніе на этнографическія условія всей Сибири. Отряды этихъ немногочисленныхъ, но крайне смѣлыхъ и отважныхъ завоевателей, непрестанно подвигаясь впередъ, подступили въ XVII столѣтіи съ сѣвера и запада къ Амурскому краю и опустошительнымъ потокомъ разлились по немъ съ одного конца до другого. Понятно, наконецъ, что то или другое изъ упомянутыхъ движеній на материкѣ должно было отразиться и на близлежащемъ островѣ Сахалинѣ, гдѣ, впрочемъ, уже помимо того, измѣнялись первоначальныя границы инородческаго населенія вслѣдствіе постепеннаго распространенія съ юга на сѣверъ господства Японцевъ.

Свѣдѣнія о томъ, какъ вслѣдствіе названныхъ событій на самомъ дѣлѣ передвинулись границы Амурскихъ инородцевъ, надо, конечно, искать въ историческихъ извѣстіяхъ у сосѣднихъ съ ними культурныхъ народовъ, у Русскихъ, Китайцевъ и Японцевъ, болѣе или менѣе участвовавшихъ въ упомянутыхъ событіяхъ. Однако эти извѣстія, насколько они намъ здѣсь пригодны, относятся, къ сожалѣнію, лишь къ сравнительно недавнему времени. Древнѣйшихъ извѣстій объ Амурскомъ краѣ во всякомъ случаѣ можно ожидать отъ Китайцевъ, непосредственно пограничныхъ съ нимъ; но эти извѣстія касаются только собственной Маньчжуріи, а въ ней — предковъ и родичей нынѣшнихъ Маньчжуровъ, не разъ игравшихъ, какъ уже было сказано выше, такую выдающуюся роль въ исторіи Китая; объ инородцахъ же охотникахъ и рыболовахъ сѣверной и восточной части Амурскаго края, составляющихъ предметъ нашихъ изслѣдованій, въ этихъ извѣстіяхъ не имѣется данныхъ. Да если бы въ нихъ даже и находились кое-какія свѣдѣнія подобнаго рода, то они могли бы быть извлечены только помощію историко-лингвистическихъ изслѣдованій Китая и пограничныхъ съ нимъ странъ, а это — область, для меня чуждая. Тѣ же немногочисленныя извѣстія въ китайскихъ источникахъ о разсматриваемыхъ нами народахъ, которыя, благодаря синологамъ, переложившимъ ихъ на европейскіе языки, сдѣлались общедоступными, не заходятъ дальше начала царствованія нынѣшней династіи. Приблизительно къ тому же періоду относятся и древнѣйшія русскія свѣдѣнія объ Амурскихъ инородцахъ; они принадлежатъ, именно, къ тому времени, когда Русскіе, при покореніи Сибири, подошли и къ Амурскому краю, что почти совпадало со вступленіемъ на Китайскій престолъ нынѣшней Маньчжурской династіи. Наконецъ, еще болѣе поздняго происхожденія японскія извѣстія о Сахалинѣ и Амурскомъ краѣ; они не простираются далѣе конца прошедшаго столѣтія.

Очень большихъ измѣненій въ распредѣленіи Амурскихъ инородцевъ въ столь непродолжительный періодъ времени — около 200 лѣтъ — вообще ожидать нельзя. Если же, за это время все-таки были нѣкоторыя довольно значительныя передвиженія, то причиною тому служили происходившія тогда въ Амурскомъ краѣ чрезвычайно важныя событія, а именно не разъ уже упомянутые нами набѣги и войны русскихъ казаковъ и другой вольницы и столкновенія ихъ съ маньчжуро-китайскою властью. Разныхъ мелкихъ измѣненій за это время въ границахъ областей, занимаемыхъ инородцами, конечно, не могло не случиться, но эти измѣненія всего труднѣе усматриваются изъ имѣющихся историческихъ извѣстій. Во

первыхъ уже потому, что распредѣленіе бродячихъ охотниковъ и полукочевыхъ рыболововъ вообще не такъ постоянно, а въ Амурскомъ краѣ до сихъ поръ еще и недостаточно изслѣдовано. Во-вторыхъ, сохранившіяся историческія извѣстія, состоя бо̀льшею частью изъ показаній или донесеній простыхъ, необразованныхъ людей, преслѣдовавшихъ тѣ или другіе практическіе интересы, обыкновенно страдаютъ крайнею неопредѣленностью, иногда даже неясностью, и потому для нашей цѣли непригодны. Наконецъ, въ-третьихъ — и въ этомъ представляется наибольшее затрудненіе — Амурскіе инородцы часто упоминаются въ этихъ извѣстіяхъ подъ совершенно иными, нынѣ неизвѣстными названіями, требующими, поэтому, еще предварительнаго разъясненія. Вѣрны ли тѣ толкованія этихъ названій, которыя я предложу ниже, конечно, не мнѣ рѣшать; съ своей стороны, замѣчу только, что они основаны на такихъ доказательствахъ, которыя позволяютъ мнѣ надѣяться, что по крайней мѣрѣ бо̀льшая ихъ часть оправдается въ послѣдствіи и, такимъ образомъ, дастъ ключъ къ болѣе правильному пониманію нѣкоторыхъ историческихъ извѣстій объ Амурскомъ краѣ и въ особенности упоминаемыхъ въ нихъ этнографическихъ данныхъ.

Начну опять съ народовъ нижняго Амура и въ томъ числѣ съ самыхъ крайнихъ, съ **Гиляковъ**. Названіе «Гиляки» впервые встрѣчается въ печати на картѣ, изданной въ 1687 году Николаемъ Витсеномъ въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: «Nieuwe Land-Karte van het Noorder- en Ooster-Deel van Asia en Europa»[1]), и посвященной Петру Великому, а за-

1) Подробное описаніе и оцѣнка этой карты даны Миллеромъ (Sammlung Russ. Gesch. Bd. I, p. 203 ff.; Bd. VI, p. 29 ff.). Въ моихъ рукахъ, кромѣ этой, нынѣ рѣдкой карты, была еще копія съ нея, составленная Аллардомъ, въ уменьшенномъ масштабѣ и съ нѣкоторыми поправками. Объ этой картѣ не упоминаютъ ни Миллеръ (въ своей статьѣ: «Nachricht von Land- und See-Carten, die das Russ. Reich und die zunächst angränzenden Länder betreffen», въ его: Sammlung Russ. Gesch. Bd. VI), ни Аделунгъ (въ своей статьѣ: «Ueber die älteren ausländischen Karten von Russland», въ Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, herausgeg. v. Baer u. Helmersen, Bd. IV). Заглавіе ея слѣдующее: «Tartaria, sive Magni Chami Imperium ex credendis Amplissimi Viri D-ni Nicolai Witsen, Cos: Amst: Aliorumque probandorum, et hodie vigentium Geographorum Archetypis congestum, auctum, et in lucem editum a Carolo Allard, Amst: Bat: Cum Privilegio Potentissimorum D. D. Ordinum Hollandiae et Westfrisiae»; годъ изданія не означенъ. Голландскія надписи оригинала переданы по-латыни. Рамки этой карты почти совершенно тѣ же, съ тою лишь разницею, что на востокѣ прибавлена Корея, а на западѣ, напротивъ, исключенъ бассейнъ Волги. Я назвалъ ее копіею съ карты Витсена, потому что, въ самомъ дѣлѣ, она есть ничто иное, какъ повтореніе послѣдней, до малѣйшихъ подробностей, особенно на сѣверѣ и востокѣ. На ней повторяются, напримѣръ, тѣ же курьозы, что и у Витсена, состоящіе именно въ томъ, что русскія слова и выраженія, непонятыя авторомъ, принимаются за названія мѣстъ. Такъ, при сліяніи Шилки съ Аргунью большими буквами означено, въ видѣ названія края: «Otsel Poschel», очевидно по тому, что на какой-нибудь русской картѣ значилось: «отсель (т. е. отъ сліянія Шилки съ Аргунью) пошелъ Амуръ»; на нижнемъ теченіи Лены и къ востоку отъ нея означены, также въ видѣ названій края: «Otmore» (т. е. отъ моря), «Nasabate» (т. е. на Западѣ) и «Wostok» (Востокъ); хребетъ, отдѣляющій притоки Лены отъ притоковъ верхняго Амура (Становой), у Витсена названъ «het gebergte gori», или у Аллларда — «montes Gori», т. е. по-русски: хребетъ «горы» и т. д. Что касается собственно до Амурскаго края, то на картѣ Аллларда всѣ особенности карты Витсена повторяются и въ томъ отношеніи, что многія рѣки на ней показаны дважды, вслѣдствіе сопоставленія безъ всякой критики свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, Уссури означена разъ подъ названіемъ «Шуръ» или «Усіуръ», другой разъ подъ именемъ «Ушури»; Зея — подъ названіями: «Cia» (Sia) и «Зія» (Zija); Урканъ — подъ названіями: «Урка» и «Урки», и т. д. Теченіе рѣки Сунгари на картѣ

тѣмъ и въ извѣстномъ трудѣ его «Noord en Oost Tartarye», появившемся вскорѣ послѣ того, въ 1692 году. О Гилякахъ упоминается во многихъ мѣстахъ этого объемистаго труда, отличающагося пестротою извѣстій, разбросанныхъ безъ всякаго порядка, причемъ названіе этого народа передается со многими измѣненіями и варіяціями. Такъ, у Витсена, для самихъ Гиляковъ встрѣчаются названія: «Chilakken, Chilanen, Gilaki, Giliaki, Gilaci, Gilaitski» и «Gilanki», или же «Giliakische» и «Gilaitsc Volken» (Гиляцкій народъ), а для страны, ими обитаемой,—«Gilaitskie, Giletskaia, Gilenskije и Gilanska gewest» или «landtschap»[1]). При этомъ сообщены многія, хотя часто и искаженныя, но при всемъ томъ характеристическія черты ихъ жизни, быта и пр., къ которымъ мы, при случаѣ, еще возвратимся. Еще больше, чѣмъ названія Гиляковъ, расходятся между собою у Витсена показанія о мѣстахъ жительства этого народа. То, напримѣръ, у него сказано, лишь самымъ общимъ образомъ, что они живутъ по правому берегу Амура и къ югу отъ него[2]); то показаны они вокругъ устья Амура и по морскому берегу къ сѣверу и къ югу отъ него[3]), равно какъ и на весьма большомъ островѣ, лежащемъ противъ этого устья и называемомъ «Гиліатъ» (Giliat)[4]), очевидно—на Сахалинѣ; то говорится, что они обитаютъ по морскому берегу, къ югу, почти до Китая[5]), а къ сѣверу, до рѣки Анадыра[6]); то, наконецъ, мѣсто жительства ихъ показано по сѣверному берегу Амура неподалеку отъ Нерчинска[7]), и слѣдовательно, въ огромномъ разстояніи отъ моря. Согласно съ этимъ, и на картѣ, Гиляки поименованы въ трехъ мѣстахъ: во-первыхъ—на берегу моря, какъ разъ къ сѣверу отъ устья Амура («Zemle Giletskaja»)[8]), во-вторыхъ — далеко на сѣверѣ, по Анадыру, и, наконецъ, — далеко на западѣ, на верховьяхъ одного изъ сѣверныхъ притоковъ Амура, вѣроятно Уркана, который на картѣ названъ «Урка» (Urka).

Какъ почти всѣ имена сибирскихъ мѣстностей и народовъ на картѣ Витсена, такъ

Аллярда показано, напротивъ, иначе, чѣмъ у Витсена: у послѣдняго эта рѣка течетъ, подъ именемъ «Сингалъ», въ Амуръ, и одновременно, вслѣдствіе обширной бифуркаціи, впадаетъ, подъ именемъ «Шингалъ» или «Квентунгъ», въ море; на картѣ же Аллярда она раздѣлена на двѣ рѣки: одна, «Сингалъ», впадаетъ въ Амуръ, а другая, «Квентунгъ» (что, какъ извѣстно, лишь китайское названіе рѣки Сунгари),—въ море. Кстати замѣчу здѣсь и о небольшой картѣ, приложенной къ третьему изданію сочиненія Витсена «Noord en Oost Tartarye», 1785-го года (Т. I), на которой Амуръ также показанъ дважды: разъ — подъ именемъ «Амуръ», съ притоками: «Шуръ» (Уссури), «Шингалъ» (Сунгари) и др. и съ землею «Гилецкою» (Giletskaja) на устьѣ, и въ другой разъ—немного восточнѣе, подъ именемъ «Гелунгъ» (извѣстное китайское наименованіе Амура), съ притоками: «Сонгора, Квентунгъ» и др., причемъ «Гелунгъ», по картѣ, протекаетъ чрезъ землю «Нюйчжей или Никанской» (т. е. Маньчжуровъ и Китайцевъ), а на устьѣ заселенъ народомъ «Юпи». Вышеупомянутую карту Аллярда я нашелъ въ двухъ экземплярахъ въ нашей академической библіотекѣ.

1) Изданіе 1692 г., Ч. II, стр. 9, 29, 30, 32, 33, 36, 104, 520, 528, 543; издан. 1705 г., стр. 11, 67, 68, 77, 86, 87, 88, 96, 106, 112, 267, 838, 847, 884.

2) Издан. 1692 г., Ч. II, стр. 29; издан. 1705 г., стр. 67.

3) Издан. 1692 г., Ч. II, стр. 33, 36; издан. 1705 г., стр. 88, 106.

4) Издан. 1692 г., Ч. II, стр. 34; издан. 1705 г., стр. 96.

5) Издан. 1692 г., Ч. II, стр. 104; издан. 1705 г., стр. 267.

6) Рѣки, на устьяхъ которыхъ они живутъ, у Витсена перечислены, и притомъ опять-таки дважды и съ нѣкоторымъ разногласіемъ. (Изд. 1692 г., Ч. II, стр. 32; изд. 1705 г., стр. 86 и 105). Позднѣйшій и болѣе правильный изъ этихъ перечней слѣдующій: «Лама, Охота, Товой (очевидно — Та-уй), Тадуй, Пенжіонъ (Пенжина), Камчатка, Чіундонъ и Анадиръ».

7) Издан. 1705 г., стр. 77.

8) На картѣ Аллярда здѣсь, кромѣ того, еще отмѣчено племя «Holaki».

и вышеприведенныя названія у него Гиляковъ и ихъ земли несомнѣнно доказываютъ своими окончаніями, что они русскаго происхожденія. Да и самъ Витсенъ, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ и въ предисловіи къ своему труду, неоднократно говоритъ, что онъ многое заимствовалъ изъ русскихъ источниковъ [1]). Для карты, по его собственному замѣчанію, именно служили ему пособіемъ нѣсколько сибирскихъ деревянныхъ чертежей и въ особенности карта Сибири, которая, по указу царя Алексѣя Михайловича, данному въ 1667 г., была составлена Тобольскимъ воеводою Петромъ Годуновымъ и его помощникомъ, и вырѣзана въ Москвѣ на деревѣ, съ обозначеніемъ разстояній между указанными на ней мѣстами [2]). Благодаря разъясненіямъ Миддендорфа относительно древнѣйшихъ картъ Сибири [3]), мы знаемъ, что это былъ такъ называемый первый «Сибирскій чертежъ», который хотя нынѣ и утраченъ въ подлинникѣ, однако, можно сказать, въ исправленномъ и пополненномъ изданіи сохранился въ атласѣ Ремезова. Правда, и этотъ сборникъ картъ, состоящій изъ 24-хъ рукописныхъ листовъ [4]), считался одно время также потерянымъ, но въ 1842 году былъ найденъ Востоковымъ въ Румянцовскомъ музеѣ. Хотя Ремезовъ и закончилъ весь трудъ только въ 1701 г., но первая карта (въ атласѣ же послѣдняя) составлена еще въ 1673 г. По содержанію, она — этнографическая, первая этнографическая карта Сибири, на которой мѣста жительства сибирскихъ инородческихъ племенъ показаны разными и яркими красками [5]). Другой и, можетъ быть, самый важный листъ, содержащій общую карту всей Сибири, Миддендорфъ, впервые оцѣнившій надлежащимъ образомъ трудъ Ремезова, приложилъ въ уменьшенномъ на четверть масштабѣ къ русскому изданію своего путешествія на сѣверъ и востокъ Сибири [6]). На этой картѣ, на устьѣ Амура и по морскому берегу къ сѣверу отъ него, имѣется надпись: «Царство Гилянско», тамъ гдѣ у Витсена сказано: «Земля Гилецкая». Вообще, сравнивая эту карту съ картою Витсена, нельзя не придти къ убѣжденію, что послѣдняя, насколько она касается Сибири, составлена не только при помощи, но и прямо на осно-

---

1) По свидѣтельству Миллера (Samml. Russ. Gesch. Bd. I, p. 202), Витсену, при собираніи свѣдѣній о Сибири, между прочимъ, особенно много помогалъ думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ, о которомъ онъ, однако, не упоминаетъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, Спасскій (Свѣд. Русск. о рѣкѣ Амурѣ въ XVII столѣтіи; въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. VII, 1853, Отд. II, стр. 17 и слѣд.) издалъ найденное имъ въ собраніи рукописей XVII столѣтія: «Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, которая разграничила Русское селеніе съ Китайцы». Оно, очевидно, составлено еще до заключенія Нерчинскаго трактата (1689), и въ немъ надо признать одинъ изъ русскихъ источниковъ, которыми пользовался Витсенъ. Сообщенныя въ немъ свѣдѣнія повторяются въ буквальномъ переводѣ у Витсена; такъ, напримѣръ, показанія о положеніи «Гилянской земли» на устьѣ Амура и по морскому берегу къ сѣверу и къ югу отъ него, показаніе о рѣкахъ, изливающихся въ «Гилянской землѣ» въ море, каковы: «Лама, Охота, Тавуй, Тодуй, Пенжинъ, Камчатка, Чулданъ и Анадыръ»; и т. д.

2) Витсенъ, тамъ же, въ предисловіи (Voor-rede); также въ изд. 1692 г., Ч. II, стр. 536, 537; изд. 1705 г., стр. 859. См. также Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. I, p. 204.

3) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 33 и сл., 170 и сл.

4) Подъ заглавіемъ: «Чертежная книга . . . . всей Сибири»; см. Миддендорфа, Пут. и пр. Ч. I, стр. 35.

5) По Миддендорфу, тамъ же. Я самъ атласа Ремезова не видалъ.

6) Ч. I, стр. 37. Заглавіе карты: «Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель».

ваніи только-что названнаго перваго «Сибирскаго чертежа»[1]). Однако, какъ этотъ чертежъ, такъ и позднѣйшее, пополненное и исправленное его изданіе въ картахъ Ремезова, составлены, относительно Амурскаго края, по свѣдѣніямъ, добытымъ во время походовъ туда Русскихъ и подробно изложеннымъ въ донесеніяхъ вождей и участниковъ этихъ предпріятій, но въ то время хранившимся еще нетронутыми въ разныхъ сибирскихъ архивахъ.

Витсену же, по объясненію Миллера[2]), обязаны мы и тою картою, которая приложена къ старѣйшему, голландскому изданію путешествія Исбрантса Идеса[3]): онъ составилъ ее на основаніи своей собственной карты и затѣмъ сдѣлалъ въ ней лишь нѣкоторыя измѣненія — да и то не всегда къ лучшему — соотвѣтственно свѣдѣніямъ, собраннымъ и сообщеннымъ ему названнымъ путешественникомъ. На этой картѣ, Гиляки означены въ одномъ только мѣстѣ, а именно, какъ и на общей картѣ Ремезова, лишь по морскому берегу, между Амуромъ и Тугуромъ. Напротивъ того, на гораздо позднѣйшей картѣ Штраленберга[4]), все пространство по сѣвернымъ притокамъ Амура, отъ Зеи до моря, названо «землею Гиляковъ» (terra Giliakorum), между тѣмъ какъ въ извѣстномъ трудѣ его о сѣверной и восточной частяхъ Европы и Азіи говорится, что «Килани», называемые Якутами «Килеть», а Русскими — «Килаками», живутъ около устья Амура[5]). При этомъ Штраленбергъ производитъ ихъ отъ Аваровъ, переселенныхъ въ XIII столѣтіи персидскимъ шахомъ Мангу изъ страны между Каспійскимъ и Чернымъ морями въ Китай, причемъ подтверждаетъ это мнѣніе тѣмъ, что и понынѣ одна изъ персидскихъ провинцій на Каспійскомъ морѣ носитъ названіе Киланъ (Гилянъ). Это дѣйствительно весьма странное производство, равно какъ и другія свѣдѣнія, сообщаемыя Штраленбергомъ о «Киланяхъ», казались столь неправдоподобными (хотя нѣкія изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, и не лишены нѣкоторой доли правды), что Гмелинъ вообще не далъ имъ никакой вѣры. По его мнѣнію, «Килани», если и вообще существуютъ, то — не болѣе, какъ одно изъ тунгусскихъ племенъ, какихъ въ Сибири много, имѣютъ свое родовое названіе, но никакъ не составляютъ особаго, самостоятельнаго народа. Особенно недовѣрчиво отнесся онъ къ показанію Штраленберга, будто этотъ народъ отличался большимъ искусствомъ въ столь важномъ дѣлѣ, какъ ковка оружія. Какимъ образомъ, говоритъ Гмелинъ, могъ бы существовать тамъ такой народъ, безъ того, чтобы о немъ не знала вся Сибирь[6])? Тѣмъ не менѣе, уже спутникъ того же Гмелина,

1) Это подтверждаютъ и приведенные выше (стр. 97, прим.) курьозы на картѣ Витсена, происшедшіе вслѣдствіе перенесенія на нее русскихъ надписей.

2) Samml. Russ. Gesch. Bd. VI, p. 32.

3) Driejaarige Reize naar China, te lande gedaan, door den Moskovischen Afgezant, E. Ysbrants Ides, etc. Amsterdam 1704. Полное заглавіе карты слѣдующее: «Nova Tabula Imperii Russici, ex omnium accuratissimis, quae hactenus extiterunt, Imprimis viri Ampliss: Nic: Witzen delineationibus conflata, quam ipsa locorum lustratione edoctus, multum emendavit Everard. Ysbrants Ides, съ посвященіемъ Петру Великому.

4) Nova Descriptio Geographica Tartariae Magnae tam orientalis quam occidentalis in particularibus et generalibus Territoriis una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis Siberiae accurate ostensa. Карта посвящена Фридриху I, королю Шведскому; годъ не означенъ.

5) Ph. Joh. v. Strahlenberg, Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, Stockholm 1730, p. 386. Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. Bd. VI, p. 69) говоритъ, что карта Штраленберга появилась одновременно съ поименованнымъ сочиненіемъ, въ 1731 году.

6) J. G. Gmelin, Reise durch Sibirien, von dem

самъ никогда не бывавшій въ Амурскомъ краѣ, доставилъ наибольшее число историческихъ свѣдѣній о его народахъ, въ томъ числѣ и о Гилякахъ.

Миллеръ впервые открылъ въ сибирскихъ архивахъ богатую сокровищницу свѣдѣній объ Амурскомъ краѣ, отъ которыхъ до Витсена дошли только весьма немногія. Добытые Миллеромъ матеріалы были въ послѣдствіи еще пополнены съ разныхъ сторонъ. Такимъ образомъ раскрылись предъ нами древнѣйшія извѣстія, какія вообще имѣются объ Амурскихъ инородцахъ. Судя по нимъ, Русскіе получили первыя свѣдѣнія о Гилякахъ еще до своего вступленія въ Амурскій край. Когда Енисейскій казакъ Максимъ Перфильевъ, въ 1639 и 1640 годахъ, поднялся вверхъ по Витиму и по лѣвому его притоку, Цыпиру (Ципѣ), почти до Баунтскаго озера, тамошніе Тунгусы разсказывали ему о Даурахъ — народѣ, жившемъ будто-бы на верхнемъ Витимѣ и на Шилкѣ и торговавшемъ съ Китайцами, равно какъ и о племени «Килорцевъ», обитавшемъ при впаденіи послѣдней рѣки въ море, т. е. на устьѣ Амура. Этотъ народъ, говорили они, отличается по своему языку отъ всѣхъ прочихъ племенъ, и также находится въ торговыхъ сношеніяхъ съ Китайцами, которые приходятъ къ нему моремъ [1]). И такъ, мы знакомимся здѣсь съ двумя крайними въ то время приамурскими инородцами, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ именемъ «Килорцевъ» надо разумѣть Гиляковъ, какъ это замѣтилъ еще Фишеръ, при передачѣ означеннаго извѣстія. Предъ нами — не болѣе, какъ именно одна изъ многочисленныхъ подобныхъ варіантъ одного и того же самаго названія, какія были уже приведены выше; всѣ онѣ сходятся между собою въ коренномъ звукѣ «Киль» или «Гиль» и расходятся лишь въ окончаніяхъ. Однако эта старѣйшая форма ведетъ къ прямому объясненію, откуда и какъ для этого племени возникло названіе «Гиляки».

Сами Гиляки, говоря между собою, вовсе не называютъ себя этимъ именемъ, какъ это утверждали иные; они обозначаютъ имъ себя лишь въ сношеніяхъ съ Русскими, зная, что послѣдніе ихъ такъ называютъ. Говоря же между собою, они даютъ себѣ названіе «Нив(а)хъ» [2]), т. е. человѣкъ, потому что у нихъ, какъ и у многихъ другихъ племенъ, стоящихъ на низкой ступени культуры, понятіе «человѣкъ», въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ, не существуетъ, а соединяется съ понятіемъ о единичномъ представителѣ ихъ племени и ихъ нарѣчія. Русскимъ, согласно вышеприведенному извѣстію, впервые назвали Гиляковъ Витимскіе Тунгусы. Если отбросить русское окончаніе этого имени, «цы», очевидно прибавленное казаками, то останется тунгусское названіе «Килоръ» или «Киперъ». Тунгусы получили его отъ Витимскихъ и Шилкинскихъ Дауровъ, съ которыми они находились въ сношеніяхъ; Дауры же,

---

Jahr 1733 bis 1743, Göttingen 1751 — 1752, Bd. II, Vorrede.

1) J. E. Fischer, Sibir. Gesch. I. Thl. St. Petersb. 1768, стр. 527 — 530. Какъ здѣсь, такъ и въ другомъ мѣстѣ своего труда (стр. 477), Фишеръ называетъ казака, добывшаго эти свѣдѣнія, Енисейскимъ атаманомъ Перфирьевымъ. Въ подлинномъ же донесеніи Пояркова о своемъ походѣ на Амуръ (Дополн. къ акт. истор. Т. III, С. Петерб. 1848, стр. 51, 52), онъ именуется то Перфильевымъ, то Перфирьевымъ и значится «Енисейскаго острога служилымъ человѣкомъ».

2) Скобки у гласной буквы означаютъ, что при произношеніи звукъ этотъ едва слышенъ.

въ свою очередь, — отъ Китайцевъ, торговавшихъ и съ ними, и съ инородцами нижняго Амура, къ которымъ они ѣздили, хотя и не моремъ, какъ разсказывали Тунгусы, или какъ могли понять Русскіе, но все-таки въ лодкахъ, вниз по Амуру. Такимъ образомъ, названіе «Килоръ» или «Киперъ» должно быть китайскаго происхожденія, съ тунгусскою подкладкою и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, вслѣдствіе передачи его Тунгусами. Дѣйствительно, между инородцами нижняго Амура, которые перечисляются маньчжуро-китайскими географами, или о которыхъ упоминается въ маньчжуро-китайскихъ источникахъ, есть народъ того же, или подобнаго имени. Такъ, въ государственной географіи династіи Цинъ[1]) въ Сан-синьскомъ округѣ, обнимающемъ нижній Амуръ съ морскимъ прибрежьемъ, перечисляются, кромѣ Маньчжуровъ и Китайцевъ, еще слѣдующіе народы: «Кипер-хачжи, Віяка (Фіака), Леркойе, Орунчунъ и Кіякла». Въ изданномъ Клапротомъ путешествіи Тимковскаго въ Пекинъ[2]) показаны на нижнемъ Амурѣ и по морскому берегу племена «Киленгъ» и «Фіака». Архимандритъ Палладій[3]) насчитываетъ въ провинціи Гиринъ слѣдующія инородческія племена, платившія, до присоединенія нижняго Амура къ Россіи, подать собольими шкурами Пекинскому двору: «Хэчжэ или Хэцзинь, Фіяка, Киллэръ, Куѣ, Ороньчо и Кякала». Это — далеко не всѣ перечни китайскихъ названій для племенъ нижняго Амура, а лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаются имена «Килеръ» и «Киленгъ». О другихъ рѣчь будетъ впереди. Нельзя однако ожидать, чтобы народы, различавшіеся Китайцами, были совершенно тѣ же самые, которые въ этихъ странахъ извѣстны намъ въ настоящее время. При весьма ограниченномъ знакомствѣ Китайцевъ съ нижнимъ Амуромъ, могло и даже должно было случаться, что нѣсколькихъ племенъ, особенно наиболѣе отдаленныхъ, они иногда не различали, а, напротивъ, соединяли подъ однимъ общимъ названіемъ; въ другихъ же случаяхъ, когда дѣло шло о ближайшихъ къ нимъ и болѣе знакомыхъ имъ мѣстностяхъ, наоборотъ, давали разныя названія лишь частямъ одного и того же народа, нѣсколько разошедшимся другъ отъ друга по говору. Это обстоятельство, однако, не всегда принималось въ соображеніе при толкованіи маньчжуро-китайскихъ названій народовъ. Кромѣ того, при этихъ толкованіяхъ не доставало личнаго знакомства съ инородцами нижняго Амура. Отсюда неудивительно, что въ нихъ встрѣчаются сильныя противорѣчія. Такъ, Клапротъ сначала полагалъ, что «Фіака» и «Хэчжень» — маньчжурскія названія Гиляковъ[4]); въ послѣдствіи[5]), напротивъ, онъ былъ того мнѣнія, что «Киленгъ» — тотъ же

---

1) Tai Tsing hoei tien, Peking 1818, Bd. XI, 2; см. Ritter, Asien, Bd. III, p. 444. Потье (Pauthier, Chine moderne ou descript. histor. géogr. et litter. de ce vaste empire, Paris 1853, I. partie, p. 168. — L'Univers) приводитъ изъ вышепоименованнаго китайскаго сочиненія тѣ же народы, въ томъ же порядкѣ, но подъ нѣсколько измѣненными названіями; въ его французской орографіи эти народы суть слѣдующіе: «Tchi-tché, Fei-ya-khé, Li-eurh-kou-yé, Golun-tchun и Gokhe-la».

2) G. Timkovski, Voyage à Peking à travers la Mongolie, en 1820 et 1821. Traduit du Russe par N···, revu par J. B. Eyriès; publ. avec des correct. et des notes par J. Klaproth. Paris 1827, Tab. VII, Explic. p. 25.

3) Дорожн. замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска чрезъ Маньчжурію, въ 1870 г. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 399).

4) Asia polyglotta, Paris, 1823, p. 290, 301. При этомъ онъ принималъ Гиляковъ лишь за материковыхъ Курильцевъ; но объ этомъ будетъ еще рѣчь дальше.

5) Атласъ къ путешествію Тимковскаго, тамъ же.

народъ, который у Русскихъ называется Гиляками. Палладій же еще недавно признавалъ, что «Фіяка» означаетъ Гиляковъ, а «Килеръ» — Амгунскихъ Тунгусовъ, т. е. Негидальцевъ. Если принять во вниманіе предполагаемыя мѣста жительства этихъ народовъ, равно какъ и немногія свѣдѣнія объ ихъ характерѣ, образѣ жизни, одеждѣ и т. п., сообщенныя тамъ же, то послѣднее толкованіе окажется ближе подходящимъ къ истинѣ, хотя и съ нимъ нельзя вполнѣ согласиться. По описанію въ атласѣ къ путешествію Тимковскаго, Фіака — дикій, невѣжественный, но храбрый народъ, одѣвающійся зимою въ шубы изъ собачьихъ шкуръ. Это описаніе, безспорно, гораздо болѣе подходитъ къ Гилякамъ, чѣмъ описаніе племени Киленгъ, у котораго одежда, какъ сказано, сшита изъ изюбревыхъ (или, можетъ быть, оленьихъ или козульихъ) шкуръ, что прямо указываетъ на болѣе охотническій народъ, тунгусскаго племени[1]). Указанныя тамъ же мѣста жительства разсматриваемыхъ инородцевъ свидѣтельствуютъ, кажется, также въ пользу такого толкованія; народъ Килепгъ, какъ сказано тамъ, обитаетъ преимущественно по Амгуни[2]), а Фіака — по морскому берегу и на устьѣ Амура. Далѣе, можно считать почти несомнѣннымъ, что названіе «Фіака» относится къ Гилякамъ, еще и по тому обстоятельству, что Іакинѳъ[3]) для острова Сахалина, по маньчжурскимъ источникамъ и безъ собственнаго комментарія, насчитываетъ три народа: «Фякэ, Элунчунъ и Куэ», а это, очевидно, — Гиляки, Орокн и Аины. Наконецъ у старыхъ іезуитовъ-миссіонеровъ есть нѣкоторыя показанія, недопускающія, кажется, иного толкованія, какъ въ вышеупомянутомъ смыслѣ. Таково, напримѣръ, показаніе Жербильона[4]), что самая нижняя часть Амура, до моря, заселена народомъ «Фіатта» или «Фіату»[5]), который говоритъ совершенно инымъ языкомъ, питается исключительно рыбою и, судя по полученнымъ этимъ миссіонеромъ описаніямъ, можетъ быть сравниваемъ съ Ирокезами. На этомъ основаніи еще Миллеръ говорилъ, что Гиляки извѣстны у Маньчжуровъ подъ именемъ «Фитта»[6]). Въ совершенно иномъ смыслѣ отзываются о значеніи имени «Фіатта» іезуиты-миссіонеры[7]), объѣхавшіе, по приказанію императора Кхан-си, собственно такъ называемую Маньчжурію и часть Нижне-Амурскаго края, для составленія карты этой страны. Они говорятъ, что «Фіатта» есть только маньчжурское названіе для языка народа «Кеченгъ» или «Кечингъ», обитающаго по Амуру отъ Тондона до самаго устья рѣки и по морскому берегу къ востоку отъ Уссури и Амура, равно какъ, повидимому, и для языка того народа, который занимаетъ морской берегъ къ сѣверу отъ устья Амура до 55° с. ш.,

---

1) Изображенія нѣкоторыхъ представителей племенъ Киленгъ и Фіака въ атласѣ Тимковскаго (Табл. VII), какъ бы грубы и непохожи они ни были, вообще и въ частностяхъ, также скорѣе допускаютъ подобное объясненіе.

2) «Khenkhoûn» у Клапрота (тамъ же), «Henkon» на картахъ д'Анвиля (Nouv. Atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Thibet. La Haye 1737, №№ 1, 18).

3) Статист. Опис. Кит. Имп. С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 30, примѣчаніе.

4) I. B. du Halde, Descript. de l'Emp. de la Chine et de la Tartarie Chinoise, Paris 1735, T. IV p. 37.

5) Клапротъ (атласъ, тамъ же) прямо говоритъ, что «Fiatta» — ошибочное показаніе, вмѣсто «Fiaka».

6) См. его статью: «Von dem Amur-Flusse» (Büsching's Magaz. für die neue Historie und Geogr. 2 Thl. 2 Aufl. Hamburg 1769, p. 506).

7) Регисъ (Regis), Жарту (Jartoux) и Фриделли (Fridelli), 1709 г.

т. е. до крайней сѣверо-восточной границы Китайскаго государства[1]). Отсюда, слѣдовательно, уже видно, что названіе «Фіатта» или, по Клапроту, «Фіака», вслѣдствіе недостаточныхъ свѣдѣній, употреблялось для коллективнаго обозначенія нѣсколькихъ народовъ Амурскаго края или ихъ языка, въ томъ числѣ и Гиляковъ. Къ подобному заключенію приводятъ также показанія Китайца У-ченя, который, какъ уже было сказано выше, провелъ 17 лѣтъ — со дня своего рожденія — въ Нингутѣ, куда отецъ его былъ сосланъ, и затѣмъ, возвратившись въ Китай, составилъ въ 1722 году описаніе своего роднаго города. У него, за племенемъ «Хэйцзинь» или «Хэчжень», внизъ по Амуру слѣдуетъ народъ «Фей-я-ха»; но описаніе этого народа только отчасти подходитъ къ Гилякамъ,— по большей же части своихъ особенностей, какъ напримѣръ, по кольцамъ, носимымъ женщинами въ носу, по берестовымъ лодкамъ, по морской рыбной ловлѣ и т. д., напоминаетъ Гольдовъ, Ольчей и Орочей[2]). Весьма опредѣлительно, наконецъ, высказывается въ этомъ смыслѣ Іакинфъ; онъ положительно утверждаетъ, что всѣ разнообразныя племена, живущія внизъ отъ «Хэчже» по обоимъ берегамъ Амура, равно какъ и въ сѣверной части Сахалина, обозначаются общимъ названіемъ «Фякэ»[3]). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что имя «Фіака» маньчжуро-китайскихъ писателей и географовъ отнюдь не всегда примѣнимо къ однимъ только Гилякамъ. Можетъ быть, иные изъ нихъ, имѣвшіе лучшія свѣдѣнія, дѣйствительно разумѣли подъ этимъ именемъ Гиляковъ; за то другіе смѣшивали ихъ съ сосѣдними тунгусскими племенами и показывали народъ «Фіака» — игравшій у нихъ роль какъ бы ultima Thule древнихъ — съ того мѣста, гдѣ прекращались ихъ этнографическія свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ, и которое, конечно, лежало то ближе, то дальше.

Приблизительно то же самое надо сказать и о племенахъ «Кеченгъ» и «Киленгъ». Я постараюсь въ послѣдствіи доказать, что подъ первымъ именемъ преимущественно разумѣлись Гольды, по крайней мѣрѣ одна часть ихъ, а также Ольчи. Однако изъ вышеприведенныхъ данныхъ можно усмотрѣть, что это названіе, вслѣдствіе причинъ, подобныхъ тѣмъ, какія имѣютъ мѣсто относительно народа «Фіака», распространялось и на другія племена, жившія дальше внизъ по Амуру и морскому берегу, въ томъ числѣ и на Гиляковъ. Что касается, наконецъ, до племени «Киленгъ» или «Килеръ», то доказательствомъ тому, что это названіе употреблялось и употребляется Китайцами въ коллективномъ смыслѣ, служитъ уже то обстоятельство, что оно соединялось имъ въ одно съ названіемъ «Кеченгъ» или «Хэчже», какъ это видно изъ государственной географіи династіи Цинъ. Упомянутые въ этомъ сочиненіи «Килер-хачжи»

---

1) Du Halde, Descript. etc. T. IV, p. 7, 12. Риттеръ (Asien, Bd. III, p. 446, 447) слилъ въ одно противорѣчащія другъ другу показанія іезуитовъ-миссіонеровъ и Клапрота, вслѣдствіе чего произошла величайшая путаница.

2) Въ переводѣ Васильева: Записки о Нингутѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. Ч. XII, 1857, стр. 90—93). Тамъ сказано, что народы Фіяка, Хэйцзинь и Хурха или Хулха обращаются другъ къ другу со словомъ: *андà*. Но это — тунгусское слово, употребляемое также Гольдами, Ольчами и др.; оно значитъ «другъ»; по-гиляцки же другъ — *амалà*.

3) Іакинфъ, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II, стр. 12.

обнимаютъ именно всѣ племена нижняго Амура, начиная съ «Хачжи» (Гольдовъ) и до «Фіака» (Гиляковъ) на морскомъ берегу. Кромѣ того, можно почти для каждаго изъ этихъ народовъ въ отдѣльности доказать, что Китайцы примѣняли къ нему названіе «Килепгъ», «Киле» или «Киль». Такъ, напримѣръ, уже выше упоминалось о племени «Килепгъ» съ Амгуни, подъ которымъ, судя по его описанію и мѣсту жительства, надо разумѣть Негидальцевъ. Если въ томъ же извѣстіи говорится, что они и сами называютъ себя «Килепгъ»[1]), то это справедливо лишь въ томъ отношеніи, что, говоря съ Китайцами, они употребляютъ для себя то же названіе, которое получили отъ этихъ послѣднихъ, какъ поступаютъ и Гиляки въ сношеніяхъ съ Русскими. Понятно, однако, что то имя, которое они разъ приняли и, нѣкоторымъ образомъ, усвоили себѣ въ сношеніяхъ съ важнѣйшими и вліятельнѣйшими для нихъ иностранцами, легко употребляется ими и по отношенію къ другимъ. Когда я распрашивалъ Гольдовъ о названіи народа, живущаго по Горпшу, т. е. Самагирцевъ, равно какъ и инородцевъ, обитающихъ по Куру, они одинаково назвали мнѣ и тѣхъ, и другихъ «Килями», очевидно потому, что подъ этимъ коллективнымъ именемъ означенныя племена извѣстны у Китайцевъ и сами называютъ себя такъ въ сношеніяхъ съ ними. Точно также и Гиляки называли мнѣ Самагирцевъ «Киль», а это, при коренномъ различіи языковъ гольдскаго и гиляцкаго, конечно, могло быть лишь названіе, заимствованное ими у иностранцевъ. Наконецъ, отъ китайскихъ купцовъ, разъѣзжающихъ по Амуру, мнѣ не разъ случалось слышать, что они этимъ же или подобнымъ именемъ иногда называютъ даже сѣверныхъ, болѣе отдаленныхъ Гольдовъ и постоянно зовутъ Ольчей и Гиляковъ. Напримѣръ, одинъ изъ этихъ купцовъ, встрѣтившійся мнѣ въ деревнѣ Амчо на Амурѣ, настоятельно справлялся у меня, много ли соболей у народа «Килямъ» или «Киляпгъ», живущаго внизъ по рѣкѣ. При этомъ, для бо̀льшей ясности, онъ приводилъ мнѣ слово, означающее, на языкѣ этого народа, соболя — слово *ломборъ*, въ которомъ ясно слышалось гиляцкое *лумръ*. Совершенно подобное же названіе Гиляковъ, именно «Кп-ли-ми», было сообщено и миссіонеру Вено[2]) его китайскими проводниками, когда онъ, для розысковъ по убійству своего собрата Ла-Брюньера, спускался по Амуру. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Китайцы подъ коллективнымъ названіемъ «Киль, Киле, Киляпгъ, Килямъ» и т. п. разумѣютъ народы, обитающіе по лѣвымъ, сѣвернымъ и западнымъ, притокамъ нижняго Амура, по Куру, Горпшу, Амгуни, и жителей самого Амура въ его нижнемъ теченіи, особенно паименѣе извѣстныхъ имъ Гиляковъ, затѣмъ Ольчей и иногда даже часть Гольдовъ; или, другими словами, мѣста жительства, какъ племенъ «Фіяка» и «Хэчжень», такъ и «Киле» или «Килепгъ» по нижнему Амуру, они показываютъ тѣмъ раньше, т. е. тѣмъ ближе къ верховью, чѣмъ недостаточнѣе ихъ свѣдѣнія объ этомъ краѣ и его населеніи. Вотъ почему они подъ этими коллективными названіями, преимущественно и чаще

---

1) Клапротъ, въ атласѣ къ путешествію Тимковскаго, стр. 25.

2) Venault, Excurs. dans les parties intér. de la Mandchourie (Nouv. Ann. des Voyages, V-e Sér. T. XXX, 1852 [T. II], p. 216—223).

всего должны были разумѣть самыя отдаленныя изъ этихъ племенъ, т. е. Негидальцевъ, а еще больше — Гиляковъ.

Отъ Китайцевъ, какъ мы выше уже говорили, дошли до Русскихъ, чрезъ Дауровъ и Витимскихъ Тунгусовъ, первыя извѣстія о народѣ «Киларъ». Это имя, получивъ русское окончаніе, превратилось въ «Килорцы». Лишь немного позже, когда Русскіе вышли сами на Амуръ, имъ приходилось въ нижнемъ теченіи рѣки, конечно, не разъ слышать о живущемъ ниизу народѣ «Кпле» или «Килепгъ», пока они, наконецъ, не достигли послѣдняго изъ приамурскихъ народовъ. Тутъ они дѣйствительно встрѣтили народъ, совершенно различный ото всѣхъ, уже болѣе или менѣе знакомыхъ имъ тунгусскихъ племенъ. Къ нему, разумѣется, отнесли они слышанное ими имя «Кпле» или «Килепгъ», давъ ему, конечно, русское окончаніе. Такимъ образомъ должны были произойти названія: «Киляки, Киляйцы, Киляны» и т. д., а отсюда, соотвѣтственно духу языка, — «Гиляки, Гиляйцы, Гиляны» и т. д. Вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ тѣ варіанты этого названія, которыя, на основаніи русскихъ источниковъ, передалъ намъ уже Витсенъ: одна часть ихъ объясняется вышеприведенными многочисленными варіантами китайскаго названія для народа «Кпле», а другая — произвольнымъ выборомъ русскихъ окончаній.

Однако многіе изъ русскихъ казаковъ, ходившихъ по Амуру, могли, конечно, не замѣтить племеннаго различія между Гиляками и пограничными съ ними тунгусскими племенами. Они, понятнымъ образомъ, должны были, употребляя вышеупомянутое названіе Гиляковъ, подобно Китайцамъ, въ болѣе или менѣе коллективномъ смыслѣ, показывать начало гиляцкаго населенія по Амуру гораздо выше настоящей его границы. Ниже, когда станемъ разсматривать относящіяся сюда показанія подробнѣе, мы увидимъ, напримѣръ, что по мнѣнію однихъ гиляцкое населеніе начиналось уже съ области Ольчей, а по мнѣнію другихъ — еще раньше, не много ниже устья Уссури, и слѣдовательно, приблизительно въ серединѣ земли Гольдовъ. Что весьма замѣчательно — подобныя показанія, какъ-бы отголоски того времени, повторяются еще и до сихъ поръ. Выше было, именно, уже обращено вниманіе на шаткость и невѣрность всѣхъ новѣйшихъ русскихъ показаній относительно южной границы Гиляковъ на Амурѣ, которая обыкновенно переносится въ этихъ показаніяхъ далеко вверхъ, въ область Ольчей, или даже Гольдовъ, до самой Уссури[1]). Причиною тому служитъ преимущественно то обстоятельство, что Русскіе еще и теперь весьма часто употребляютъ имя «Гиляки» въ коллективномъ смыслѣ, обозначая имъ всѣхъ жителей нижняго Амура и смежнаго съ нимъ морского берега. У простолюдиновъ сплошь да рядомъ принято называть Ольчей, Гольдовъ и даже, какъ я самъ убѣдился, Орочей залива де-Кастри и Императорской гавани, просто Гиляками. Вотъ почему не удивительно, что путешественники, руководившіеся показаніями русскихъ поселенцевъ или казаковъ — а такихъ путешественниковъ было немало — не могли сообщить вѣрныхъ свѣдѣній о границѣ между Гиляками и

---

1) См. выше, стр. 26, 27 и 92, прим.

другими вышеназванными племенами. Еще удивительнѣе, что даже такой путешественникъ, какъ Бошнякъ, рѣзко и вѣрно опредѣлившій, на основаніи коренного различія языковъ, границу между Гиляками и Ольчами (у него Мангунами), тѣмъ не менѣе, въ той же статьѣ говоритъ о «Кидзинскихъ Гилякахъ», тогда какъ въ Кидзи Гиляковъ, въ тѣсномъ и настоящемъ смыслѣ слова, вовсе не имѣется [1]). Въ томъ обстоятельствѣ, что названіе «Гилякп» употреблялось въ коллективномъ смыслѣ, для обозначенія многихъ инородческихъ племенъ нижняго Амура, вмѣстѣ съ тѣмъ кроется причина, почему, относительно вопроса о передвиженіи границъ между Гиляками и ихъ сосѣдями, древнѣйшія русскія извѣстія часто оказываются совершенно непригодными, равно какъ, по той же причинѣ, не состоятельны и всѣ китайскія извѣстія о племенахъ «Киле» или «Киленгъ».

Если не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что русское имя «Гиляки» для народа, обитающаго на устьѣ Амура, произошло отъ китайскаго «Киле» или «Киленгъ», то остается еще рѣшить вопросъ, какъ объяснить себѣ происхожденіе этого послѣдняго названія? Нисколько не будучи лингвистомъ, я позволю себѣ высказать по этому вопросу лишь предположеніе, на которое навели меня нѣкоторые факты. Не трудно замѣтить, что имена многихъ тунгусскихъ племенъ или родовъ оканчиваются слогомъ *гиръ*. Таковы, сверхъ многочисленныхъ подобнаго рода примѣровъ именъ у сибирскихъ Тунгусовъ [2]), слѣдующія названія тунгусскихъ племенъ въ Амурскомъ краѣ: Манегиръ, Уллагиръ, Боягиръ, Лялегиръ, Гурагиръ, Самагиръ, или изъ Негидальскихъ родовъ: Муктегиръ, Чукчагиръ, Ньяскагиръ, Чемакогиръ [3]) и др. [4]). Замѣчательно, что эти племена или роды, всѣ, безъ исключенія, — жители лѣвыхъ, сѣверныхъ и западныхъ, притоковъ Амура. Что означаетъ самый слогъ *гиръ*, — мнѣ неизвѣстно. Въ тунгусскихъ словаряхъ, имѣющихся у меня подъ рукою [5]), особаго такого слова не находится. Но, какъ бы то ни было, а слогъ *гиръ*, по китайскому выговору, равносиленъ слогу *киль*. Такъ, напримѣръ, я самъ неоднократно слышалъ, что имя «Сама-гиръ» Китайцами выговаривалось «Сама-киль». То же окончаніе имѣютъ у нихъ, конечно, и названія всѣхъ прочихъ вышеупомянутыхъ тунгусскихъ племенъ. Поэтому мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что они изъ этого общаго всѣмъ окончанія образовали коллективное названіе для всѣхъ инородцевъ сѣверной и нижней части Амурскаго края, не исключая, разумѣется, и Гиляковъ, не представлявшихъ въ ихъ глазахъ существеннаго отличія отъ другихъ племенъ. Изъ слова же «Киль» или «Киленгъ», какъ уже было сказано выше, образовалось русское названіе «Киляки» и «Гиляки».

---

1) См. выше, стр. 26, прим. 5.

2) Между тунгусскими племенами разныхъ частей Сибири, перечисляемыми Георги (Georgi, Bemerk. auf einer Reise im Russ. Reiche im Jahre 1772, Bd. I, St. Petersb. 1775, p. 244—246), можно найти много подобныхъ именъ.

3) Миддендорфъ (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 744), не замѣтивъ этого правильнаго окончанія, пишетъ: «Муктегръ, Чукчагеръ, Ньяскагръ, Чемакогръ».

4) Въ случаяхъ, когда это окончаніе встрѣчается въ именахъ не тунгусскихъ племенъ, каково напр. «Юкагиръ», можно предполагать, что эти имена — тунгусскаго происхожденія.

5) Klaproth, Asia polyglotta. Sprachatlas. Paris 1823, p. XLII ff. Castren's Grundzüge einer tungus. Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss, herausgegeben v. A. Schiefner, St. Petersb. 1856.

И такъ, если мое предположеніе справедливо, то представляется тотъ странный фактъ, что коллективное названіе, образовавшееся у Китайцевъ посредствомъ искаженія тунгусскаго слова для нѣкотораго числа почти исключительно тунгусскихъ племенъ, въ настоящее время примѣняется единственно къ тому народу, который одинъ на всемъ нижнемъ Амурѣ — не тунгусскаго происхожденія.

Послѣ этого отступленія, возвращаемся къ повѣркѣ историческихъ свѣдѣній о распредѣленіи Амурскихъ инородцевъ и прежде другихъ — Гиляковъ. Вскорѣ послѣ того, какъ Русскіе узнали о существованіи Гиляковъ, они и познакомились съ ними. Уже въ первый походъ свой на Амуръ, въ 1644 и 1645 годахъ, подъ начальствомъ Василья Пояркова, Русскіе прошли чрезъ всю приамурскую часть занимаемаго Гиляками пространства. Не прежде, какъ послѣ четырехдневнаго плаванія внизъ отъ Уссури, которую Поярковъ принялъ, впрочемъ, за верхній Амуръ, кончились Дючеры — народъ, о которомъ будетъ еще рѣчь дальше, затѣмъ пошли Натки, а за ними Гиляки, занимавшіе самую нижнюю часть Амура, до самаго моря. Чрезъ земли двухъ послѣднихъ народовъ Поярковъ шелъ по 14-ти дней и, достигнувъ устья Амура, былъ принужденъ зимовать, по причинѣ поздняго времени года. Въ какомъ именно мѣстѣ состоялась эта первая зимовка Русскихъ среди Гиляковъ, съ точностью опредѣлить не возможно,— можетъ быть, на лѣвомъ берегу Амура, около мыса Чныррахъ или Чхыркрахъ, какъ его называютъ сами Гиляки; тамъ, по крайней мѣрѣ, въ мѣстности, поросшей густымъ лѣсомъ и поразительно роскошнымъ кустарникомъ, я встрѣчалъ неровности почвы, которыя весьма легко могли быть остатки нѣкогда построенныхъ тамъ землянокъ. Отсюда Поярковъ, лѣтомъ 1645 года, шелъ моремъ, вдоль берега, и въ 12 недѣль добрался до рѣки Ули. Онъ снова перезимовалъ здѣсь и лишь въ слѣдующемъ году воротился въ Якутскъ [1]). Объ этомъ походѣ его моремъ не имѣется, однако, подробныхъ извѣстій. Приведу тутъ же и донесенія преемниковъ Пояркова, насколько эти донесенія касаются Гиляковъ и ближайшихъ ихъ сосѣдей, а затѣмъ уже перейду къ сравненію ихъ между собою и къ выводу нѣкоторыхъ заключеній.

Въ 1651 году, Ерофей Хабаровъ, идя внизъ по Амуру, вступилъ въ нижнее теченіе этой рѣки. Въ разстояніи семи дней пути отъ устья Сунгари, книзу, жили еще Дючеры, а затѣмъ, отъ большой деревни, лежащей на горѣ по правому берегу, начинались Ачаны. Среди нихъ, Хабаровъ, проплывъ еще нѣсколько дней по теченію, 29-го сентября остановился зимовать. Съ этою цѣлью онъ построилъ крѣпость на лѣвомъ берегу рѣки, на мѣстѣ, гдѣ находилась большая деревня, и назвалъ ее «Ачанскимъ городомъ». Оттуда, говорили ему, оставалось еще десять дней плаванія до Гиляковъ, живущихъ вплоть до моря

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, 1736, p. 302, 303; Пов. ежемѣс. сочин. 1796, Ч. CXV, стр. 79, Ч. CXVI, стр. 53. Его же: Nachrichten von dem Amur-Flusse, въ Büsching's Magazin für die neue Historie und Geogr. 2. Thl. 2. Aufl. Hamburg 1769, p. 505. См. также Fischer, Sibir. Gesch. Bd. II, 1768, p. 788, 789. Подлинную «отписку» Пояркова см. въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, собр. и изданн. археогр. Коммиссіею, С. Петерб. 1848, Т. III, стр. 55 (соотвѣтствующее мѣсто донесенія).

и по его берегамъ[1]). Однако Хабаровъ не отправился къ нимъ, а на слѣдующую весну, послѣ побѣдоноснаго отраженія Дючеровъ и Ачановъ, осаждавшихъ его городъ, снова отправился вверхъ по Амуру. Но на дорогѣ, вѣроятно около устья Сунгари, онъ разошелся съ казакомъ Иваномъ Нагибою, посланнымъ для того, чтобы отыскать и увѣдомить его о прибытіи на верхній Амуръ новыхъ подкрѣпленій и запасовъ пороху и свинцу. Съ небольшимъ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 26-и человѣкъ служилыхъ и вольныхъ казаковъ, Нагиба шелъ четыре недѣли изъ Баибуласва города (выше устья Зеи) внизъ по Амуру. О Хабаровѣ все не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, захвативъ инородца изъ племени Натковъ, казаки узнали отъ него, что Хабаровъ находится еще дальше книзу, у Гиляковъ. Взявъ этого Натку проводникомъ, они пошли дальше; но, проплывъ еще три недѣли, внезапно были окружены посреди рѣки такимъ множествомъ гиляцкихъ лодокъ, что не могли отойти отъ нихъ ни взадъ, ни впередъ. Двѣ съ половиною недѣли оставались они въ такомъ положеніи, стоя на якорѣ среди рѣки, пока, наконецъ, голодъ и отчаяніе не заставили ихъ пробиться чрезъ ряды осаждавшихъ и пробраться къ близлежавшей деревнѣ, чтобы захватить висѣвшую тамъ для сушенія рыбу. Но и это удалось имъ лишь послѣ жестокаго боя, въ которомъ пало болѣе 30-и Гиляковъ. Три дня спустя, они находились на устьѣ Амура[2]). Преслѣдуемые и тутъ Гиляками и не видя возможности возвратиться назадъ тѣмъ же путемъ, вверхъ по рѣкѣ, они сколотили себѣ судно и пошли на немъ къ сѣверу, придерживаясь берега. Однако на 13-ый день плаванія[3]) судно ихъ было раздавлено плывучимъ льдомъ[4]), причемъ они лишились всего запаса провизіи, пороха и свинца, и спаслись на берегъ лишь съ большимъ трудомъ, потерявъ даже часть одежды. Пять дней шли они пѣшкомъ вдоль берега, питаясь кореньями, ягодами, морскою травою, тюленями и другими животными, выбрасываемыми моремъ[5]). Затѣмъ они построили себѣ

---

1) Müller, Samml. etc. p. 320 ff.; Нов. ежемѣс. сочин. 1796, Ч. CXVII, стр. 41. Fischer, l. c. p. 808 ff. Дополн. къ актамъ историч. Т. III, стр. 364, 368.

2) Müller, Samml. l. c. p. 328 ff.; Нов. ежемѣс. сочин. 1796, Ч. CXVII, стр. 49 и слѣд. Миллеръ въ означенномъ мѣстѣ показываетъ днемъ прибытія Нагибы на устье Амура 26-ое іюня, а въ другомъ мѣстѣ (Büsching's Magaz. Thl. 2, p. 508) — 2-ое іюля (т. е. три дня послѣ Петра и Павла); но ни то, ни другое числа не могутъ считаться вѣрными, если походъ, какъ сказано тамъ же, начался 4-го мая и — по общей сложности вышеупомянутыхъ сроковъ — продолжался 10 недѣль. Фишеръ (тамъ же, стр. 817) вмѣсто того показываетъ конецъ іюля, но, по тому же счету, это было-бы уже слишкомъ поздно. Въ подробномъ и живомъ разсказѣ казака Ивана Уварова, одного изъ участниковъ этого похода (см. Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 354 и слѣд.), не показано почти никакихъ чиселъ, за исключеніемъ дня отплытія (4-го мая), да еще того обстоятельства, что они уже чрезъ 10 дней пути приплыли въ мѣста, гдѣ находились среди многочисленныхъ Дючеровъ и Патковъ, которые ихъ постоянно тревожили и нигдѣ не давали имъ покоя; осада же гиляцкими лодками въ Амурѣ, по этому источнику, продолжалась лишь двѣ недѣли.

3) По отпискѣ Уварова (тамъ же, стр. 355) — на 10-ый день.

4) Миллеръ (Samml. l. c. p. 330; Нов. ежемѣс. сочин. 1796, Ч. CXVII, стр. 52) считаетъ плывучій ледъ въ Охотскомъ морѣ въ такое время года немыслимымъ. Мы же, напротивъ, знаемъ, благодаря свѣдѣніямъ Миддендорфа, Старицкаго и др., что это совершенно согласно съ характеромъ сѣверо-западнаго угла Охотскаго моря. См. мое сочиненіе: «Reisen und Forsch.» etc. Bd. II, p. 758; также: «О теченіяхъ Охотскаго, Японскаго и смежныхъ съ ними морей» (Прилож. къ XXIII-му тому Зап. Импер. Акад. наукъ), стр. 16.

5) Фишеръ (тамъ же, стр. 818) называетъ въ томъ числѣ и моржей, которые значатся, впрочемъ, и въ

новое судно и на немъ, идя на веслахъ, достигли, послѣ двухнедѣльнаго плаванія, рѣки Учалды, на которой жили Гиляки и Тунгусы. У нихъ они пробыли до 15-го декабря, и затѣмъ, снова пустившись въ путь, внутрь страны, чрезъ двѣ или, по другому извѣстію, чрезъ четыре недѣли вышли на рѣку Тугуръ, гдѣ застали многочисленныхъ Тунгусовъ и при нихъ богатые съѣстные припасы. Въ слѣдующую весну, 1653 года, Нагиба спустился внизъ по Тугуру до самаго устья, и уже оттуда, сначала моремъ, а потомъ чрезъ хребетъ, пошелъ обратно въ Якутскъ, взявъ съ собою пять человѣкъ. Остальнымъ же, съ Иваномъ Уваровымъ во главѣ, онъ велѣлъ воротиться и заложить на Тугурѣ, среди тамошнихъ Тунгусовъ, ясачное зимовье [1]).

Слѣдующая и послѣдняя за то время встрѣча Русскихъ съ Гиляками была при преемникѣ Хабарова, казакѣ Онуфріѣ Степановѣ. Послѣдній уже съ 1653 на 1654 годъ зимовалъ въ землѣ Дючеровъ, неподалеку отъ Гиляковъ [2]). Осенью 1655 г., онъ снова появился на нижнемъ Амурѣ, съ посланнымъ изъ Якутска сыномъ боярскимъ Осдоромъ Пущинымъ. Однако на этотъ разъ онъ спустился ниже земли Дючеровъ, къ пограничнымъ съ ними Гилякамъ [3]). Послѣдніе незадолго передъ тѣмъ убили артель Якутскихъ казаковъ въ 30 человѣкъ, пришедшихъ къ нимъ изъ Охотска сухимъ путемъ, за что и были наказаны Степановымъ. Затѣмъ онъ построилъ среди нихъ острогъ и, по положенію его на покатой сторонѣ горы, далъ ему названіе «Косогорскаго острога» [4]). Въ немъ онъ перезимовалъ и, взявъ съ Гиляковъ богатый ясакъ мѣхами, весною 1656 г. снова отправился вверхъ по Амуру. Два года спустя, часть его отряда, не желая подчиниться пятидесятнику, посланному новымъ воеводою Пашковымъ, возвратилась на нижній Амуръ, перезимовала на его устьѣ (1658/1659) и, собравъ съ Гиляковъ богатый ясакъ, отправилась обратно вверхъ [5]). Но какихъ-либо иныхъ свѣдѣній о Гилякахъ эта встрѣча ихъ съ Русскими не доставляетъ.

Таковы древнѣйшія русскія извѣстія о Гилякахъ и ихъ ближайшихъ сосѣдяхъ. Спрашивается теперь, что можно извлечь изъ нихъ по вопросу о тогдашнемъ положеніи границъ между этими племенами? Изъ похода Нагибы мы видимъ, что Гиляки жили по берегамъ Охотскаго моря къ западу, по крайней мѣрѣ, до рѣки Учалды, и что между ними находились также Тунгусы, которые, очевидно, уже и тогда временно прикочевывали къ морю для охоты

отпискѣ Уварова; но моржей, какъ извѣстно, въ Охотскомъ морѣ нѣтъ. Вѣроятно, тутъ надо подразумѣвать китовъ, которыми это море богато.

1) Уваровъ, страннымъ образомъ, говоритъ, будто-бы онъ отпустилъ Нагибу въ Якутскъ съ пятью человѣками, которые тутъ же и поименованы, между тѣмъ какъ самъ, въ той же отпискѣ, постоянно относится къ Нагибѣ, какъ къ начальнику отряда.

2) Müller, Samml. l. c. p. 343; Нов. ежемѣс. соч. 1796, Ч. CXVIII, стр. 29. Въ отпискѣ Степанова Якутскому воеводѣ Михайлѣ Лодыженскому (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 524) сказано: «въ Дючерской землѣ, не доплывъ Гиляцкіе земли».

3) Müller, l. c. p. 354, 355; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXIX, стр. 57. (Въ послѣднемъ мѣстѣ Гиляки, очевидно вслѣдствіе недосмотра переводчика, постоянно называются «Галіаками»). Fischer, l. c. p. 849.

4) Въ отпискѣ Степанова острогъ названъ «Косогирскимъ»; см. Дополн. къ акт. истор. Т. IV, С.Петерб. 1851, стр. 82.

5) Müller, Samml. l. c. p. 367; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXIX, стр. 71; Дополн. къ актамъ истор. Т. IV, стр. 176.

и рыбной ловли, какъ это дѣлается имп и нонынѣ[1]). Хотя положеніе рѣки Учалды до сихъ поръ еще не опредѣлено[2]), однако едва-ли можно сомнѣваться, что она находится къ востоку и, можетъ быть, недалеку отъ большихъ морскихъ заливовъ, Ульбанскаго и Усальгинскаго, глубоко вдающихся въ материкъ. Весьма вѣроятно, эти заливы и были причиною тому, что здѣсь Нагиба и его спутники отказались отъ дальнѣйшаго слѣдованія вдоль морского берега, о которомъ должны были слышать отъ Гиляковъ и Тунгусовъ, и предпочли дождаться зимы, чтобы, вмѣстѣ со знавшими дорогу Тунгусами, отправиться внутрь страны, на Тугуръ. Что касается до этой послѣдней рѣки, то ни Нагиба, ни Уваровъ, не упоминаютъ о Гилякахъ на ней, а говорятъ лишь о многочисленныхъ Тунгусахъ, хотя они оба, какъ видно изъ ихъ донесеній, хорошо знали разность между этими народцами. Поэтому представляется предположеніе, что Гиляки въ то время еще не распространялись до рѣки Тугура. Согласно съ этимъ, въ донесеніи о первомъ плаваніи Русскихъ къ Шантарскимъ островамъ, во время котораго они все лѣто 1712 года и зиму, до мая слѣдующаго года, провели на устьѣ Тугура, о Гилякахъ вовсе не упоминается[3]), тогда какъ въ слѣдовавшихъ за тѣмъ экспедиціяхъ Русскихъ вдоль морскаго берега, лежащаго дальше къ востоку, происходили столкновенія съ Гиляками. Кромѣ того, съ этимъ согласны свѣдѣнія, собранныя Миллеромъ въ Якутскѣ и на основаніи которыхъ онъ еще въ 1737 году писалъ, что Тунгусы простираются вдоль берега Охотскаго моря немного дальше рѣки Тугура, а за ними слѣдуютъ Гиляки[4]). Но на сѣверъ отъ устья Тугура, къ Тугурскому заливу, Гиляки и тогда уже ходили: на одной старой рукописной русской картѣ, происхожденіе которой Миддендорфъ, по многимъ причинамъ, относитъ къ серединѣ прошедшаго столѣтія, показана «Гилятская переволока» отъ Ульбанскаго залива до Тугурскаго, поперекъ сильно съуженной, въ видѣ черешка, части полуострова Сегнека[5]). Этимъ путемъ, чрезъ Ульбанскій за-

---

1) См. выше, стр. 15.

2) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. I, стр. 172, прим. 1. Совершенно непонятно, какимъ образомъ Штукенбергъ (Hydrogr. des Russ. Reiches, Bd. II, St.-Petersb. 1844, p. 749) могъ принять Учалду за Удь. Вслѣдствіе этого, онъ совершенно перепуталъ простой и ясный разсказъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и долженъ былъ прибѣгнуть къ другому, столь же непозволительному предположенію, а именно, что подъ ихъ «Тугуромъ» надо разумѣть Учуръ, притокъ Алдана. Но, въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ могли бы они, спускаясь по этой рѣкѣ, выйти въ море? Къ тому же, въ какомъ противорѣчіи это предположеніе съ этнографическими данными! Въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы искать Гиляковъ на рѣкѣ Уди!

3) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. III, p. 98.

4) Geographie und Verfassung von Kamtschatka, p. 57. (Прилож. къ сочиненію Стеллера: «Beschreib. von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1774»).

5) Миддендорфъ, Путеш. Ч. I, стр. 114, прим. 2. Карта эта принадлежитъ библіотекѣ Академіи наукъ. Миллеръ (въ Büsching's Magaz. für die neue Hist., und Geogr. 2. Thl. 2. Aufl. 1769, p. 508) также говоритъ о волокѣ, которымъ пользуются Гиляки и который вслѣдствіе того «по-русски издавна называется Гилятскою переволокою». Этотъ волокъ служилъ однако, какъ онъ говоритъ, для сокращенія пути вокругъ носа, выдающагося по сѣверную сторону отъ устья Амура; онъ шелъ отъ одной рѣчки, впадающей на югъ, въ расширенное заливомъ устье Амура, къ другой рѣчкѣ, текущей на сѣверъ, къ морю. Тутъ же Миллеръ прибавляетъ, что послѣдняя рѣчка на китайскихъ картахъ носитъ названіе «Голе». Это обстоятельство даетъ возможность распознать волокъ. Очевидно, названіе «Голе» надо отнести къ гиляцкой деревнѣ Коль или Куль, лежащей на морскомъ берегу, и, можетъ быть, къ находящейся тамъ рѣчкѣ того же имени. Подъ означеннымъ волокомъ надо, слѣдовательно, разумѣть или переходъ отъ Амура на озеро Чля, а оттуда въ Коль, или же переходъ отъ рѣки Камръ, впадающей въ Амуръ

ливъ и полуостровъ Сегиека, Гиляки могли пройти и на устье Тугура. Кромѣ того, тотъ же путь былъ имъ пригоденъ еще и въ другомъ отношеніи: они непремѣнно должны были идти поперекъ Ульбанскаго залива, на полуостровъ Сегиека, и вдоль него на сѣверъ, если желали береговымъ плаваніемъ, не удаляясь слишкомъ въ море, достигнуть Шантарскихъ острововъ.

Объ этихъ островахъ въ вышеупомянутыхъ донесеніяхъ еще вовсе не говорится, хотя и Поярковъ, и Нагиба, на обратномъ пути своемъ съ Амура, непремѣнно должны были видѣть ихъ. Въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о нихъ, относящихся къ 1709 г. и основанныхъ на разсказахъ казаковъ Удского острога и тамошнихъ Тунгусовъ, сказано, что постоянныхъ жителей на Шантарскихъ островахъ нѣтъ, и что посѣщаютъ ихъ одни лишь Гиляки, для охоты[1]). Миллеръ полагалъ, что самое названіе ихъ — гиляцкаго происхожденія, такъ какъ *шантаръ* по-гиляцки значитъ «островъ»[2]). Однако, это — совершенно невѣрно[3]). Когда Русскіе, лѣтомъ 1713 года, подъ начальствомъ казака Семена Анабары, впервые пришли на Шантарскіе острова, то дѣйствительно нашли ихъ незаселенными; только на одномъ изъ трехъ, посѣщенныхъ ими острововъ, на которомъ было много лѣсу и обильная охота, и гдѣ они зимовали[4]), нашлась женщина, говорившая на непонятномъ имъ языкѣ, — вѣроятно, Гилячка; но и она, спустя нѣкоторое время, исчезла, такъ что о ней больше не было ни слуху, ни духу[5]). Была ли она, въ самомъ дѣлѣ, покинута на островѣ своими сошлемешниками, или, какъ полагаетъ Миддендорфъ[6]), захвачена самими же казаками на материкѣ и перевезена на островъ, остается, конечно, неразъясненнымъ. Послѣдующія поѣздки на Шантарскіе острова также подтвердили, что на нихъ не было постоянныхъ жителей. Такъ, въ 1718 г., при вторичной поѣздкѣ туда партіи казаковъ подъ начальствомъ сына боярскаго Филькѣева, который, однако, не доѣхавъ до острововъ, самъ воротился[7]), они зимовали на Большомъ Шантарѣ, оказавшемся пустымъ. Тогда же, какъ сказано въ донесеніи, по неосторожности при разведеніи огня, лѣсъ на островѣ загорѣлся, а вслѣдствіе

немного выше Николаевска, къ рѣчкѣ Хискѣ, изливающейся въ море немного восточнѣе деревни Коль. Оба пути и понынѣ служатъ Гилякамъ для перехода съ нижняго Амура на морской берегъ и обратно. Отнюдь же не слѣдуетъ разумѣть подъ упоминаемою Миллеромъ «Гилятскою переволокою» волокъ на Укакытѣ (отъ Немилена къ Тугуру), какъ это предполагаетъ Миддендорфъ (Путеш. и пр. Ч. I, стр. 114, прим. 2), потому что въ такомъ случаѣ указанныя для нея мѣстности вовсе не подходили бы къ дѣлу, да и названіе «Гилятская переволока» было бы совершенно не мотивировано. У Штукенберга (Hydrogr. des Russ. Reiches, Bd. II, p. 774) говорится о той же переволокѣ, что и у Миллера.

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. III, p. 97.

2) Тамъ же, стр. 96. Также и въ Büsching's Magaz. für die neue Histor. und Geogr. 2. Thl. 2. Aufl. p. 510.

3) Островъ по-гиляцки — *полло-мифъ*, слово сложное, въ которомъ *мифъ* значитъ: земля или страна; такъ, напримѣръ, *Ля-мифъ* — Амурская земля, *Лер-мифъ* — Сахалинъ, *Хаги-мифъ* — Луковая земля, т. е. маленькая группа острововъ въ южной части Амурскаго лимана, и т. д. Что значитъ *полло*, я не знаю. По Миддендорфу (Путеш. и пр. Ч. I, стр. 106), имя «Шантаръ» впервые встрѣчается въ 1720 г., на рукописной картѣ крайняго востока Сибири, геодезистовъ Еврейнова и Лужина; на ней одинъ изъ двухъ самыхъ восточныхъ острововъ этой группы, именно южный, названъ «Шандарскимъ».

4) По Миддендорфу (тамъ же, стр. 96), островъ этотъ, вѣроятно, былъ Большой Шантаръ.

5) Müller, l. c. p. 99.

6) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 102.

7) Миллеръ, самъ еще распрашивавшій Филь-

того не стало на немъ и соболей. На обратномъ пути, лѣтомъ слѣдующаго года, казаки хотѣли заняться рыбною ловлею около берега материка, между рѣками Тугуромъ и Амуромъ, но были большею частью перебиты Гиляками[1]). Замѣчательно, что извѣстія о временныхъ посѣщеніяхъ Шантарскихъ острововъ Гиляками тоже недостаточны и ненадежны. Прямыхъ встрѣчъ на этихъ островахъ съ Гиляками не случалось ни въ одной изъ многочисленныхъ поѣздокъ къ нимъ Русскихъ, насколько онѣ намъ вообще извѣстны. Поэтому, если утверждаютъ, что Гиляки ходили на эти острова, то единственно на основаніи упомянутыхъ уже выше показаній сосѣднихъ Тунгусовъ, да сохранившихся будто-бы на нѣкоторыхъ островахъ слѣдовъ временнаго пребыванія Гиляковъ. Такъ, напримѣръ, Крашенинниковъ говоритъ[2]), что островъ Худой Шантаръ получилъ названіе отъ своего совершеннаго безлѣсья, котораго, однако, прежде на немъ не было: островъ первоначально былъ покрытъ хорошимъ лѣсомъ и изобиловалъ соболями; но съ тѣхъ поръ, какъ однажды Гиляки, уходя съ острова, забыли погасить разведенный огонь, весь лѣсъ погибъ отъ пожара[3]). Это свѣдѣніе Крашенинниковъ могъ, однако, извлечь лишь изъ пре-

---

кѣева въ Якутскѣ, прямо говоритъ, что онъ, поссорившись съ своею командою, высадился, съ двумя казаками, на устьѣ Тугура (Samml. Russ. Gesch. Bd. III, p. 107). На этомъ основаніи слѣдуетъ исправить показанія Соколова (Опись Удскаго бер. и Шантарск. остр. поруч. Козьмина. — Зап. Гидрограф. Департ. Ч. IV, С. Петерб. 1846, стр. 3, прим. 4) и Миддендорфа (Путеш. и пр. Ч. I, стр. 97, прим. 1), утверждающихъ, что Филькѣевъ былъ на Шантарскихъ островахъ.

1) Вѣроятно, въ связи съ этимъ событіемъ находится разсказъ, сообщенный, въ дословной выпискѣ изъ одного шханечнаго журнала, Соколовымъ въ Морскомъ Сборникѣ (1855 г., № 6, Смѣсь, стр. 107, — это и есть свѣдѣніе, упомянутое Миддендорфомъ [тамъ же, стр. 97, прим. 2], но котораго онъ, вслѣдствіе ошибочной ссылки, не могъ вторично отыскать). Матросъ Петровъ, участвовавшій, въ 1730 году, въ экспедиціи Ивана Шестакова на Шантарскіе острова, разсказывалъ, что они застали на островѣ Большомъ Шантарѣ трехъ Русскихъ, которыхъ и взяли съ собою на судно. Эти люди говорили, что они лѣтъ 20 прожили на островѣ. Отправились они для рыбной ловли въ землю Гиляковъ. Гиляки же напали на нихъ и 17 человѣкъ изъ нихъ убили; лишь они, трое, спаслись отъ Гиляковъ на островъ Большой Шантаръ, гдѣ съ тѣхъ поръ и жили. Какъ видно, разсказъ этотъ весьма похожъ на приведенный выше. Если онъ въ самомъ дѣлѣ относится до того же происшествія, то не согласуется съ нимъ только пребываніе этихъ людей на островѣ: оно могло продолжаться всего лишь 12 лѣтъ. Число это показано, однако, лишь приблизительно и, по стилю разсказа, ясно изобличающему въ немъ probѣлъ, можетъ быть отнесено и къ первоначальному наличному количеству Русскихъ на островѣ, при чемъ лишь число проведенныхъ ими тамъ лѣтъ осталось бы не показаннымъ. Въ подлинникѣ сказано именно: «житья ихъ было на томъ островѣ лѣтъ съ 20, которые ходили въ ту землю для рыбной ловли»... и т. д. Впрочемъ, это сообщеніе интересно еще въ томъ отношеніи, что нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ фактъ посѣщенія Шестаковымъ въ 1730 г. (а не въ 1729 г., какъ сказано у Миддендорфа) Шантарскихъ острововъ, въ чемъ Миддендорфъ, на основаніи краткихъ и недостаточныхъ извѣстій Миллера (тамъ же, стр. 130 и слѣд.), сомнѣвается. По его мнѣнію, острова, видѣнные Шестаковымъ въ плаваніяхъ между Камчаткою и Удскимъ острогомъ, могли даже быть не Шантарскіе, такъ какъ онъ обогнулъ южную оконечность названнаго полуострова и достигъ его восточнаго берега. Это мнѣніе кажется мнѣ, однако, совершенно неосновательнымъ, потому что плаванія Шестакова, судя по числамъ, заимствованнымъ Миллеромъ изъ его собственнаго донесенія, ограничивались однимъ только Охотскимъ моремъ, между западнымъ берегомъ Камчатки, Удскимъ острогомъ и Охотскомъ. Да и самъ Миллеръ нигдѣ не высказываетъ сомнѣнія въ томъ, что Шестаковъ дѣйствительно былъ на Шантарскихъ островахъ, — онъ сожалѣетъ лишь, что, не имѣя шханечнаго журнала Шестакова, онъ былъ не въ состояніи сообщить какія-либо подробности объ этомъ плаваніи.

2) Описаніе земли Камчатки (Полн. Собран. учен. путеш. по Россіи, Т. I, С. Петерб. 1818, стр. 135).

3) Миддендорфъ (Пут. и пр., Ч. I, стр. 106, прим. 1) полагаетъ, что врядъ ли когда-либо удастся указать

данiй и разсказовъ, такъ какъ онъ самъ никогда не бывалъ ни на Шантарскихъ островахъ, ни даже въ смежномъ съ ними краѣ. Къ тому же, это извѣстіе слишкомъ напоминаетъ вышеупомянутый разсказъ о лѣсномъ пожарѣ на Большомъ Шантарѣ и, надо замѣтить, сильно подрываетъ довѣріе къ нему. Важнѣе, кажется, показаніе Козьмина, что на островѣ Большомъ Шантарѣ, въ сѣверо-восточной его части, недалеко отъ озера Большого, онъ видѣлъ развалившіяся юрты, въ которыхъ когда-то жили Гиляки [1]). Но и тутъ мы наталкиваемся на сомнѣніе, потому что, по преданіямъ, собраннымъ Миддендорфомъ въ Удскомъ острогѣ, юрты эти прямо приписываются русскимъ звѣропромышленникамъ [2]). Однако, не смотря на эти немногочисленныя и неопредѣленныя извѣстія, я не сомнѣваюсь, что Гиляки въ былыя времена посѣщали Шантарскіе острова. Вышеприведенное показаніе Тунгусовъ объ этихъ посѣщеніяхъ, полученное при первомъ же извѣстіи о Шантарскихъ островахъ, заслуживаетъ полнаго довѣрія. Тогда какъ Тунгусы прибрежій Охотскаго моря занимаются главнымъ образомъ охотою и лишь по временамъ прикочевываютъ къ берегу для рыбной ловли, Гиляки постоянно живутъ на немъ и потому, какъ предполагалъ уже Миллеръ [3]), умѣютъ лучше устраиваться тутъ, чѣмъ первые. Поэтому, мнѣ кажется совершенно правдоподобнымъ, что они время отъ времени посѣщали большіе, лѣсистые и еще незаселенные острова, лежащіе въ виду ихъ берега и на которыхъ имъ можно было свободно промышлять дорогихъ пушныхъ звѣрей, соболей и т. п., а по берегамъ заниматься тюленьимъ промысломъ и рыбною ловлею. Я полагаю даже, что въ то время, когда на материковомъ берегу они не распространялись еще до Тугура, а потомъ не переходили за него, они все-таки уже посѣщали Шантарскіе острова, до самаго западнаго изъ нихъ, лежащаго уже за Тугурскимъ заливомъ, т. е. до острова Медвѣжьяго. По крайней мѣрѣ, названіе этого острова, «Нгорбакъ», слышанное Миддендорфомъ у Тунгусовъ [4]), — несомнѣнно гиляцкаго происхожденія, потому что «Нгарбахъ» по-гиляцки значитъ «звѣриная скала» [5]). При всемъ томъ, однако, Гиляки на Шантарскихъ островахъ навѣрно никогда не были многочисленны, во-первыхъ уже потому, что и на пограничномъ материковомъ берегу число ихъ невелико, а во-вторыхъ потому, что плаваніе около этихъ острововъ весьма затруднительно и опасно по причинѣ быстрыхъ, измѣнчивыхъ теченій, плову-

---

надлежащее мѣсто названію «Худой Шантаръ», такъ какъ оно не означено ни на одной картѣ. Однако на основаніи показаній Крашенинникова, которыхъ Миддендорфъ повидимому, не принялъ во вниманіе, едва ли можно сомнѣваться, что подъ этимъ именемъ точно такъ же, какъ, по Миддендорфу (тамъ же), и подъ названіемъ «Сухой Шантаръ», должно разумѣть островъ Малый Шантаръ. Впрочемъ, на картѣ, приложенной къ сочиненію Стеллера о Камчаткѣ («Karte von der Lage von Kamtschatka»), островъ «Hudé Schantar» значится къ западу отъ острова Бѣличьяго, какъ показываетъ и Крашенинниковъ. Однако, большого значенія это показаніе все-таки не имѣетъ, такъ какъ Шантарскіе острова на означенной картѣ лежатъ всѣ въ рядъ, приблизительно съ запада на востокъ.

1) Зап. Гидрогр. Департ. Ч. IV, стр. 46.

2) Путеш. и пр., Ч. I, стр. 106, прим. 1. Миддендорфъ прибавляетъ, что это, по его мнѣнію, и вѣроятнѣе.

3) Samml. Russ. Gesch. Bd. III, p. 97.

4) Путеш. и пр., Ч. I, стр. 108. (6)

5) Отъ: *нга* — животное, и *пахъ* — камень, скала (см. выше, стр. 88, прим. 2). Подобныя же гиляцкія названія мѣстностей суть: Чхарбахъ, Чорбахъ, Тебахъ и т. д.

чихъ льдовъ, частыхъ тумановъ, сильнаго прибоя волнъ у береговъ и т. д. Отсюда совершенно понятно, что едва лишь Русскіе появились на Шантарскихъ островахъ, стали тамъ зимовать и вообще запяли ихъ, Гиляки, съ своей стороны, перестали ходить туда, точно такъ же, какъ позже, въ 1829 г., когда партія Русскихъ построила себѣ зимовье на устьѣ Большаго Уйкона, они временно удалились и съ устья Тугура[1]). Затѣмъ весьма вѣроятно, что Гиляки именно по этой причинѣ, будучи вытѣснены съ Шантарскихъ острововъ Русскими, стали относиться къ нимъ крайне враждебно, коль скоро они появлялись въ ихъ предѣлахъ на берегу материка. Не мудрено, что въ такомъ случаѣ, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, они просто истребляли пришельцевъ. Но такъ какъ Русскіе, проложивъ себѣ однажды путь на Шантарскіе острова, почти непрерывно продолжали свои поѣздки туда[2]), то Гиляки перестали возобновлять свои посѣщенія этой мѣстности. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ послѣднія столѣтія Гиляки, въ сѣверо-западной части занимаемаго ими пространства, на островахъ, были нѣсколько оттѣснены къ востоку, но за то на материкѣ, наоборотъ, подвинулись немного къ западу.

Что касается до южной границы Гиляковъ на Амурѣ и происшедшихъ, можетъ быть, съ теченіемъ времени измѣненій въ ея положеніи, то свѣдѣнія, находимыя въ древнѣйшихъ русскихъ извѣстіяхъ объ Амурскомъ краѣ, оказываются еще болѣе скудными. Въ нихъ поименованы лишь пограничные съ Гиляками народы и, много-много, если показано число дней, употребленныхъ на проѣздъ чрезъ пространства, занимаемыя разными инородцами. Къ тому же, всѣ показанія расходятся между собою; такъ, народъ, пограничный съ Гиляками вверхъ по Амуру, по Пояркову, — «Натки», по Хабарову, — «Ачапы», а по Степанову, — «Дючеры». По этому прежде всего спрашивается, тождественны ли эти народы съ тѣми, которыхъ мы въ настоящее время встрѣчаемъ на нижнемъ Амурѣ, и какъ согласовать между собою вышеприведенныя извѣстія, повидимому противорѣчащія другъ другу?

Уже по справедливому замѣчанію Миллера[3]), а затѣмъ и Фишера[4]), Поярковъ, подъ именемъ «Натковъ», разумѣлъ тотъ же самый народъ, который Хабаровъ называлъ «Ачапами». Но предположенія, къ которымъ прибѣгалъ Фишеръ для объясненія такого разногласія въ названіяхъ, всѣ безъ исключенія невѣрны[5]). Оно объясняется

1) По Козьмину, пользовавшемуся сообщеніями священника Удского острога Дьячковскаго, который привелъ это въ извѣстность при объѣздѣ своего прихода, зимою 1829 на 1830 г. (Зап. Гидрогр. Деп. Ч. VI, стр. 36).

2) По свѣдѣніямъ, собраннымъ Миддендорфомъ. (См. выше, стр. 85).

3) Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 320; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXVII, стр. 41.

4) Sibir. Gesch. Th. II, p. 809.

5) Фишеръ именно полагалъ, что этотъ народъ самъ называлъ себя «Ачанами», «Натками» же его называли Дючеры, или, что одно имя означало весь народъ, а другое — одинъ изъ его родовъ, или же, наконецъ, что «Натки» и «Гиляки» — одинъ и тотъ же народъ. Послѣднее казалось ему даже наиболѣе вѣроятнымъ, по той причинѣ, что въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, въ отчетѣ Степанова, о Наткахъ вовсе не упоминается, сосѣдями же Гиляковъ показаны Дючеры. Но въ такомъ случаѣ надо было-бы устранить и имя Ачановъ, какъ народа также тождественнаго съ Гиляками. Ни то, ни другое не возможно. Ниже я дамъ показанію Степанова другое объясненіе.

весьма просто тѣмъ, что какъ подъ «Натками», такъ и подъ «Ачанами» разумѣлся собственно не одинъ народъ, а, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ объ инородцахъ Амурскаго края, два народа: Гольды и Ольчи, принимавшіеся за одинъ и тотъ же народъ, какъ это неоднократно повторялось и въ послѣдствіи. При этомъ Поярковъ далъ этимъ двумъ народамъ, принятымъ за одинъ, названіе, употребляемое для Гольдовъ, а Хабаровъ — названіе, заимствованное у Ольчей.

Что названіе «Натки» слѣдуетъ относить собственно къ Гольдамъ, можно, какъ мнѣ кажется, заключить изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Уже въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ, полученныхъ Русскими съ Амура, встрѣчается народъ этого имени [1]). Когда, въ 1639 г., Томскіе казаки достигли впадающей въ Охотское море рѣки Ули и построили себѣ здѣсь ясачное зимовье, пришли туда Удскіе Тунгусы, разсказывавшіе имъ, между прочимъ, что по рѣкѣ Омутѣ, въ которой уже Миллеръ предполагалъ рѣку Амгунь [2]), живутъ Тунгусы, торгующіе съ народомъ на нижнемъ Амурѣ, именуемомъ «Наткапами». Этотъ народъ, разсказывали они, говоритъ особымъ языкомъ. Отъ него Тунгусы (Амгунскіе) пріобрѣтаютъ, въ обмѣнъ на соболей, серебро, мѣдные котлы, бусы, шелковыя и шерстяныя ткани и другіе предметы, которые, однако, Натканы приготовляютъ не сами, а въ свою очередь получаютъ отъ другихъ. По Амуру же (Удскіе Тунгусы называли его Мамуромъ) живетъ-де и другой народъ, занимающійся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и винокуреніемъ и привозящій къ Натканамъ муку. И такъ, мы видимъ здѣсь народъ, обитающій по нижнему Амуру вверхъ отъ Амгуни, и который Амгунскіе Тунгусы, т. е. Негидальцы, а за ними и Удскіе и Тугурскіе Тунгусы — если отбросить окончаніе «ин» или «ны», очевидно прибавленное лишь Русскими для обозначенія множественнаго числа, — называли «Натка». Замѣчу здѣсь же, что и Миддендорфу въ этихъ мѣстахъ называли, въ числѣ народовъ, съ которыми Тунгусы южнаго склона Станового хребта находятся въ сношеніяхъ,

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 295; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 70.

2) На картѣ Витсена, рѣка, соотвѣтствующая по своему положенію Амгуни, носитъ названіе «Chamul». Въ его сочиненіи: «Noord en Oost Tartarye» (изданіе 1692 г., Ч. II, стр. 32, 520; изд. 1705 г., стр. 86, 838) она называется также «Gàmun» и «Chamuna». Послѣднее названіе, «Хамунъ» (въ род. падежѣ «Хамуна»), встрѣчается и въ русскихъ донесеніяхъ и повѣствованіяхъ объ Амурѣ изъ XVII столѣтія (Сказаніе о вел. р. Амурѣ, въ Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. VII, 1853, Отд. II, стр. 19; Доп. къ акт. истор. Т. XI, С. Петерб. 1869, стр. 220, 221). Оно уже очень близко подходитъ къ нынѣшнему названію этой рѣки, и уже Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 378; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXXI, стр. 7) признавалъ въ немъ р. Амгунь. Кстати замѣчу, что Амгунь на картѣ Познякова (Генер. карта Азіятской Россіи, изд. военно-топогр. депо, 1825 г.) носитъ названіе «Пепконъ», а на Веймарской нѣмецкой картѣ «Hinkan». Это привело Миддендорфа (въ отчетѣ о его путеш., въ Bull. de la cl. phys-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 238, Anm.*; также въ Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. IX, 2. Abth., p. 622, Anm. 1) къ тому предположенію, что русское названіе и есть настоящее китайское имя этой рѣки, нѣмецкое же — лишь копія съ русскаго, причемъ русскія буквы (Пепконъ) приняты были за французскія (Hinkan). На самомъ же дѣлѣ оказывается прямо на оборотъ: русское названіе у Познякова списано съ карты д'Анвиля (Carte génér. de la Tart. Chinoise, 1732, въ Nouv. Atlas de la Chine etc.), на которой Амгунь названа «Henkon», причемъ французскія буквы были приняты за русскія. И Миллеръ (тамъ же) уже признавалъ Генконъ (Henkon) «Китайскихъ ландкартъ» за Хамунь или Амгунь.

племя «Ньгатку», которое ему описывали какъ народъ, живущій на Амурѣ, выше устья Амгуни, и говорящій языкомъ, отличающимся отъ тунгусскаго [1]). Если это тунгусское описаніе Натковъ, что касается до мѣста ихъ жительства и образа жизни, и согласно съ показаніями Пояркова о Наткахъ и Хабарова объ Ачанахъ, которые также, не имѣя ни хлѣбопашества, ни скотоводства, занимались лишь рыбною ловлею, и если оно, въ этомъ отношеніи, одинаково подходитъ какъ къ Гольдамъ, такъ и къ Ольчамъ, то все-таки нельзя допустить, чтобы Тунгусы, а тѣмъ болѣе Негидальцы, не различали этихъ двухъ, неподалеку отъ нихъ живущихъ племенъ. Опытъ доказываетъ, что, напротивъ, у первобытныхъ людей, преобладаетъ склонность смотрѣть на мелкія развѣтвленія одного и того же народа, на отдѣльные роды его, какъ на совершенно самостоятельныя племена, а на нѣсколько разошедшіяся другъ отъ друга нарѣчія, какъ на совершенно различные языки, и, согласно съ этимъ, обозначать ихъ и особенными названіями. Поэтому, если принять во вниманіе, что между нарѣчіемъ Гольдовъ, съ одной стороны, и Негидальцевъ и пограничныхъ съ ними Тунгусовъ, съ другой, — гораздо больше разницы, чѣмъ между нарѣчіями послѣднихъ и ольчскимъ, то не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Тунгусы подъ «Натками», говорящими, какъ они показывали, на особомъ языкѣ, разумѣли скорѣе Гольдовъ, чѣмъ Ольчей. Къ Гольдамъ же всецѣло можно отнести и все, разсказанное Тунгусами о торговомъ посредничествѣ Натковъ, которые отбирали у Негидальцевъ соболей на разнаго рода маньчжуро-китайскіе товары, и, съ другой стороны, получали отъ своихъ сосѣдей-хлѣбопашцевъ, въ числѣ коихъ въ то время находились и Дючеры, привозимую ими визъ по рѣкѣ муку. Можетъ быть, наконецъ, что въ языкѣ Гольдовъ найдется и объясненіе происхожденія названія для нихъ «Натка». Хотя они сами и не называютъ себя этимъ именемъ, но *най* по-гольдски значитъ «люди», причемъ слово это связывается съ именемъ какой-либо отдѣльной мѣстности для обозначенія ея жителей [2]). Кромѣ того, посреди гольдской области есть сравнительно большое селеніе, носящее названіе «Найхе»; но существуетъ ли какая-нибудь этимологическая связь между этимъ названіемъ и вышеупомянутымъ словомъ, я не берусь рѣшать.

Если «Натка» — тунгусское названіе для Гольдовъ, то понятно, почему оно встрѣчается въ донесеніяхъ Пояркова и Нагибы, тогда какъ его нѣтъ у Хабарова и Степана.

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 757. Хотя, повидимому, и нѣтъ сомнѣнія, что «Ньгатку» — тунгусское названіе этого приамурскаго народа, однако Миддендорфъ, въ другомъ мѣстѣ (въ отчетѣ о его путеш., въ Bull. de la cl. phys.-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 235; также въ Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. IX, 2. Abth. p. 618), говоритъ, что объ этомъ народѣ онъ узналъ отъ Гиляковъ. Но отъ какихъ Гиляковъ? Отъ Гиляковъ, пограничныхъ съ Тугурскимъ заливомъ, и которые, очевидно, называли путешественнику имя, употреблявшееся для этого народа у сосѣднихъ имъ Тунгусовъ. По крайней мѣрѣ, сколько я ни разспрашивалъ и Амурскихъ, и Лиманскихъ, и Сахалинскихъ Гиляковъ объ извѣстныхъ имъ инородцахъ, имени «Нгатку» мнѣ никогда не приходилось слышать. Для Ольчей и Гольдовъ у нихъ, во всякомъ случаѣ, есть другія названія, о которыхъ будетъ говорено ниже.

2) Такъ, напримѣръ, *Дондонъ-най* значитъ «жители, или люди изъ Дондона» и т. д. На языкѣ Ольчей слово это гласитъ: *нейи*.

нова. Первые двое, возвращаясь съ устья Амура, проходили болѣе или менѣе чрезъ область прибрежныхъ Тунгусовъ Охотскаго моря, у которыхъ это названіе употребляется для Гольдовъ. Поярковъ, именно, зимовалъ на устьѣ Ули, т. е. какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, чрезъ посредство Удскихъ Тунгусовъ, дошло до Русскихъ первое извѣстіе о Наткахъ; а донесеніе о своихъ походахъ въ Амурскомъ краѣ онъ составилъ уже по возвращеніи своемъ оттуда, въ Якутскѣ[1]). Отсюда понятно, почему онъ называетъ народъ, съ которымъ онъ познакомился на Амурѣ, именемъ, употребляемымъ для него пограничными съ нимъ Тунгусами. То же самое было и съ Нагибою, зимовавшимъ, на обратномъ пути съ Амура, у Тугурскихъ Тунгусовъ, ближайшихъ сосѣдей Негидальцевъ, у которыхъ означенное названіе для Гольдовъ, повидимому, даже сложилось. Что оба они проглядѣли разность между Гольдами и Ольчами и перенесли на послѣднихъ названіе, принятое для обозначенія первыхъ, вслѣдствіе чего Натки, по ихъ показаніямъ, простирались вплоть до Гиляковъ, этому нечего удивляться, — стоитъ только вспомнить, какъ часто подобные случаи повторялись и послѣ того[2]). Въ противоположность Пояркову и Нагибѣ, Хабаровъ и Степановъ вовсе не касались области вышепоименованныхъ Тунгусовъ: они, напротивъ, со своихъ зимовьевъ на нижнемъ Амурѣ, возвратились прямо вверхъ по рѣкѣ, и потому имени «Натка» нигдѣ не встрѣтили.

Обращаюсь теперь къ «Ачанамъ». Подъ этимъ именемъ Хабаровъ разумѣлъ всѣхъ инородцевъ, жившихъ на Амурѣ между Дючерами и Гиляками, т. е. Гольдовъ и Ольчей. Оно, слѣдовательно, — того же объема, что и «Натки» Пояркова. Заимствовано же оно имъ, очевидно, у Ольчей. Дѣйствительно, стоитъ только отбросить русское окончаніе «цы», и въ остаткѣ получится лишь нѣсколько измѣненное названіе «Ольча». Это и есть имя, которымъ этотъ народъ самъ себя обозначаетъ. Въ послѣдствіи я еще возвращусь къ нему. Именемъ этого народа Хабаровъ назвалъ и основанную имъ для зимовки крѣпость: «Ачанской городъ». Въ какомъ мѣстѣ она была построена, изъ его донесенія не видно. Но такъ какъ то былъ крайній пунктъ, до котораго Хабаровъ доходилъ на Амурѣ, а приведенное выше и здѣсь впервые встрѣчающееся намъ названіе Ольчей онъ, конечно, узналъ отъ нихъ же самихъ, то, мнѣ кажется, надо полагать, что означенная крѣпость находилась уже въ области Ольчей. Иначе слѣдовало бы предположить, что освѣдомлявшіеся объ имени народа имѣли случайно дѣло съ Ольчами, временно находившимися у Гольдовъ, что гораздо менѣе правдоподобно. И такъ, Хабаровъ проникъ по Амуру довольно далеко внизъ отъ устья Уссури, что, при кратковременности слѣдованія его отъ устья Сунгари[3]), было лишь въ томъ случаѣ возможно, если онъ шелъ по главному руслу рѣки, а не придержи-

---

1) Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 320; Пов. ежем. соч. 1796, Ч. CXVII, стр. 40) полагалъ даже, что по этой причинѣ, въ случаяхъ слишкомъ большаго разногласія показаній Пояркова и Хабарова, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе показаніямъ послѣдняго, записаннымъ, повидимому, на самомъ мѣстѣ. Что касается, однако, показаній о Наткахъ и Ачанахъ, то разногласіе между ними выясняется вышесказаннымъ на столько, что нѣтъ надобности отдавать предпочтеніе ни тому, ни другому изъ названныхъ источниковъ.

2) См. выше, стр. 27.

3) Сколько времени продолжалась эта поѣздка, нельзя опредѣлить съ совершенною точностью; но, на-

вался сильно изрѣзаннаго бухтами праваго берега ея. Какъ кажется, это на самомъ дѣлѣ такъ и было, потому что иначе онъ не могъ бы не замѣтить устья Уссури.

Впрочемъ, хотя мы, благодаря Пояркову и Хабарову, и знакомимся уже съ ныпѣшними сосѣдями Гиляковъ на Амурѣ, однако изъ донесеній того и другого вовсе не видно, гдѣ въ то время находилась граница между этими инородцами, а именно по той причинѣ, что показанія разстояній посредствомъ числа дней пути, безъ всякаго наименованія или указанія отличительныхъ мѣстностей, слишкомъ неопредѣленны и не даютъ надлежащихъ точекъ опоры. На первый взглядъ кажется, что донесеніе Степанова могло бы доставить нѣсколько больше положительныхъ свѣдѣній, такъ какъ онъ зимовалъ у Гиляковъ и построилъ себѣ у нихъ крѣпость, Косогорскій острогъ. Но, какъ доказалъ Романовъ, крѣпость эта находилась по всей вѣроятности на островѣ Сучу, лежащемъ на Амурѣ, неподалеку отъ Кидзи. Тамъ Романовъ нашелъ остатки низкаго земляпаго вала, съ углубленіями внутри — слѣдами бывшихъ въ немъ нѣкогда землянокъ; къ тому же, эти остатки помѣщались на отлогомъ склонѣ горы, такъ что названіе «Косогорскій острогъ», повидимому, совершенно оправдывалось[1]). Изъ этого я вывожу то заключеніе, что Степановъ зимовалъ вовсе не у Гиляковъ, а у Ольчей, которыхъ онъ, точно также, какъ послѣ него Романовъ и др.[2]), не отличалъ отъ Гиляковъ. Такъ объясняется и показаніе Степанова, что Дючеры — народъ, пограничный съ Гиляками: какъ это неоднократно дѣлалось и въ новѣйшее время, онъ разумѣлъ подъ названіемъ «Гиляки» всѣхъ инородцевъ нижняго Амура: Гольдовъ, Ольчей и Гиляковъ. Этими объясненіями устраняется противорѣчіе между показаніями Степанова и его предшественниковъ, Пояркова и Хабарова, относительно инородцевъ нижняго Амура. Отсюда также видно, что показанія Степанова, вслѣдствіе коллективнаго значенія въ нихъ названія «Гиляки» и примѣненія его къ совершенно различнымъ между собою народамъ, самые неопредѣленные изъ всѣхъ, а потому меньше всякихъ другихъ показаній пригодны для нашей цѣли[3]).

О позднѣйшихъ русскихъ источникахъ объ Амурскомъ краѣ, относящихся, впрочемъ, также еще къ XVII столѣтію, каковы извѣстія у Витсена и въ изданномъ Спасскимъ «Сказаніи о великой рѣкѣ Амурѣ», я уже имѣлъ случай говорить выше[4]). Имѣющіяся въ

сколько можно судить по донесенію Хабарова, на устьѣ Сунгари онъ былъ около 15-го сентября, а оттуда 14 дней шелъ внизъ по рѣкѣ, такъ какъ 29-го сентября достигъ онъ до того мѣста, гдѣ расположился зимовать.

1) Д. Романовъ, Очеркъ мѣстности между заливомъ де Кастри и рѣкою Амуромъ (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXIX, 1859, Отд. Изслѣд. и Мат., стр. 126, прим. 4). Уже Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 355; Пов. ежем. соч. 1796, Ч. CXIX, стр. 57) объяснялъ имя «Косогорской острогъ» положеніемъ его «на покатой сторонѣ горы». Впрочемъ, въ подлинной отпискѣ Степанова, эта крѣпость названа не Косогорскимъ, а «Косогирскимъ» острогомъ (Дополн. къ актамъ историч. Т. IV, 1851, стр. 82).

2) См. выше, стр. 26, 92, 106.

3) Фишеръ (какъ сказано выше, стр. 115, прим. 5) былъ, напротивъ, склоненъ придавать показаніямъ Степанова самое важное значеніе. Поэтому, на своей картѣ древней Сибири (Sibir. Gesch. Bd. II, Tab. II), онъ помѣстилъ Натковъ, которые, по его мнѣнію, были, можетъ быть, то же самое, что и Гиляки, книзу отъ Ачановъ, тогда какъ, на основаніи предложенныхъ мною выше объясненій этихъ именъ, слѣдовало бы разсмѣстить ихъ въ обратномъ порядкѣ.

4) См. выше, стр. 97 и слѣд.

ихъ показанія о мѣстахъ жительства Гиляковъ крайне общи, отчасти даже невѣрны, потому что заимствованы изъ разнаго рода разсказовъ, а не изъ подлинныхъ донесеній.

Ближайшія подробности о мѣстахъ жительства Гиляковъ, въ особенности по Амуру, получены были не прежде, какъ сто слишкомъ лѣтъ спустя и съ совсѣмъ другой стороны, а именно отъ Японцевъ. Мы обязаны ими японскому путешественнику Мамія Ринсо, который, по приказанію своего правительства, въ 1808 и 1809 годахъ изслѣдовалъ западный берегъ Сахалина, а въ 1810 г. посѣтилъ и нижній Амуръ или, какъ называютъ Японцы этотъ край, страну Сантанъ. Съ мыса Ракка (Лякъ)[1] на Сахалинѣ онъ перебрался на материкъ, шелъ здѣсь сначала вдоль берега къ югу, до мыса Мусибо (у залива Таба), затѣмъ перетащилъ свою лодку чрезъ часто посѣщаемый волокъ на рѣку Таба, по ней спустился къ озеру Кидзи и, такимъ образомъ, достигъ большой, лежащей на Амурѣ, деревни Кидзи. Отсюда онъ поднялся вверхъ по Амуру, до тогдашняго торговаго мѣстечка Дерена, пробылъ тамъ нѣсколько дней, спустился по всему Амуру, до самаго устья, и, пересѣкши три раза лиманъ, возвратился на Сахалинъ. Во время этого путешествія онъ близко ознакомился съ Гиляками и ихъ южными сосѣдями по Амуру, Ольчами. Впрочемъ, и тѣ и другіе были извѣстны ему и вообще Японцамъ еще до этой поѣздки: первые — какъ постоянные жители сѣвернаго Сахалина и частые торговые посѣтители Сирапуси, а вторые — въ качествѣ временно появлявшихся съ материка торговцевъ. Между Сахалинскими Гиляками, на мысѣ Нотейто[2], Мамія Ринсо провелъ даже цѣлую зиму 1809/1810 года. «Смерепкуръ» — названіе, которое онъ даетъ имъ въ описаніи своего путешествія, и подъ которымъ они вообще были извѣстны Японцамъ. «Сумерепкуръ» — такъ произносилъ мнѣ это имя одинъ старикъ-Ольча изъ деревни Тыръ, много путешествовавшій на своемъ вѣку и нѣсколько разъ бывавшій у Японцевъ на Сахалинѣ, прибавляя, что этимъ именемъ называютъ Гиляковъ Аины, а за ними и Японцы. И дѣйствительно, аинское происхожденіе его сейчасъ же обнаруживается въ конечномъ слогѣ *куръ*, *куру*, *гуру*, что по-аински значитъ «человѣкъ»[3]. Но, можетъ быть, и остальная часть этого названія объяснима при помощи того же языка, потому что *сумари* по-аински значитъ «лисица»[4]. И такъ, «Сумаринкуръ» означало бы «лисій народъ». Я не берусь

---

1) Зибольдъ, которому мы обязаны знакомствомъ съ замѣчательными путешествіями Мамія Ринсо (Tô-tats ki ko, d. i. Reise nach der östlichen Tatarei.— Nippon, VII, p. 167 — 196), считаетъ весьма вѣроятнымъ, что путешественникъ подъ мысомъ Ракка разумѣлъ мысъ Текка. Первое названіе, по его мнѣнію, произошло лишь отъ того, что, при весьма большомъ сходствѣ между собою японскихъ знаковъ *me* и *pa*, первый по ошибкѣ былъ замѣненъ послѣднимъ (см. тамъ же, стр. 199, прим. 6). Однако, вслѣдствіе собственнаго знакомства своего съ этими мѣстностями, я долженъ рѣшительно высказаться противъ такого толкованія. Мысъ Ракка есть несомнѣнно низменная, выдающаяся коса Лякъ, потому что Японцы, какъ извѣстно, за недостаткомъ въ ихъ языкѣ звука *л*, замѣняютъ его звукомъ *р*. Мысъ же «Текка» есть, лежащій немного южнѣе, мысъ Тыкъ.

2) Между мысами Лякъ и Тыкъ. Въ мое время тамъ не было никакой деревни.

3) Klaproth, Asia polyglotta, Paris 1823, p. 302, 309; Siebold, Nippon, VII, p. 198, Anm. 5.

4) По Шмидту; см. мою статью: «Bemerk. über die Säugethierfauna Süd-Sachalin's und der südl. Kurilen» (Bullet. de la cl. phys.-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Petérsb. T. IV, p. 420; Mél. biol. T. IV, p. 105). По Клапроту (Asia polygl. p. 306; San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu génér. des trois royaumes, trad. de l'origin. japonais-chinois, Paris, 1832, p. 245;

положительно сказать, что̀ имено побудило Аиновъ дать Гилякамъ такое названіе? Можетъ быть, — то обстоятельство, что Гиляки, будучи посредниками въ торговлѣ между Аинами и Маньчжуро-Китайцами, являются главными покупателями пушного товара, въ томъ числѣ и часто попадающихся на Сахалинѣ лисьихъ шкуръ; или же — что мнѣ кажется еще вѣроятнѣе — имя это возникло вслѣдствіе того, что Гиляки, въ былыя времена, будучи богаче Аиновъ, по большей части сами ходили въ лисьихъ шубахъ [1]).

Совсѣмъ иное дѣло — названіе, употребляемое Японцами для приамурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени, иногда являющихся съ материка на Сахалинъ, также для торговли. Замѣчу теперь же, что между ними столько же Ольчей, сколько и Гольдовъ, но Аины и Японцы ихъ не различаютъ, а обозначаютъ однимъ и тѣмъ же именемъ: «Сантанъ» или «С'янта». По народу, и обитаемая имъ страна, т. е. Амурскій край, называется у нихъ тѣмъ же именемъ [2]). Предшественникъ Мамія Ринсо, японскій путешественникъ Могами Токнай, не проникавшій, впрочемъ, далѣе Сахалина, показывалъ землю Сантанъ на ближайшей къ острову части материка; по его мнѣнію, она простиралась отъ устья рѣки Амура вдоль праваго ея берега и по морскому берегу приблизительно до 50° с. ш. За объясненіемъ же названія народа и страны онъ обращался очень далеко, — не ближе, чѣмъ къ Китайцамъ [3]). Мамія Ринсо, самъ посѣтившій страну Сантанъ, напротивъ, тотчасъ же узналъ, что это имя не китайскаго и не туземнаго происхожденія, что оно не сложилось ни въ странѣ, ни средн народа, которые имъ обозначаются, а дано имъ Аинами и Японцами. Его болѣе привычному уху имя Сантанъ слышалось и какъ «С'янта» или «Ц'янта» [4]). Точно также и мой бывалый старикъ-Ольча изъ Тыра передавалъ мнѣ, что названіе, употребляемое Аинами, а за ними и Японцами, для обозначенія его соплеменниковъ, — «С'янта». Такимъ образомъ, по видимому, обнаруживается настоящій источникъ этого имени. Его надо искать у Гиляковъ. «Янтъ» или «Янта» — гиляцкое названіе Гольдовъ. Гиляки, какъ мы уже знаемъ, съ одной стороны — непосредственные сосѣди Аиновъ на Сахалинѣ, съ другой —

также въ Langsdorff's Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Frankfurt a./M. 1812, Bd. I, p. 301) — *schumari* и *schiumari*.

1) Въ относящемся къ XVII вѣку повѣствованіи «о великой рѣкѣ Амурѣ» (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. VII, 1853, Отд. II, стр. 20) сказано, что Гиляки большого острова, лежащаго противъ устья Амура, «носятъ платья собольи и лисьи.»

2) Адамъ Лаксманъ, при своемъ посѣщеніи острова Ecco (1792), также слышалъ, что Японцы говорили о «Санданъ-айно», т. е. о Сантанскихъ людяхъ, приходившихъ на Сахалинъ для торговли; однако онъ предполагалъ въ нихъ Корейцевъ (Полонскій, Курилы. — Зап. Русск. Имп. Геогр. Общ. По отд. Этногр. Т. IV, 1871, стр. 493, 541). Крузенштерну Японцы острововъ Ecco и Сахалина сообщили совершенно ложно, будто этотъ послѣдній островъ, или, какъ онъ слышалъ въ Анивѣ, одна только сѣверная часть его, называется у Аиновъ «Санданъ» (см. его: Путешествіе вокругъ свѣта, Т. II, стр. 54, 56, 69).

3) По его мнѣнію, «Сантанъ» — лишь новое наименованіе; прежде же и народъ, и страна назывались «Итанъ» или «Китанъ», что значитъ «красно-полосые дикари». Когда культура кругомъ повысилась, дикари покинули берега и удалились въ горы, почему ихъ и назвали «Сан-танъ», т. е. горные краснокожіе. Зибольдъ, передавая это объясненіе (Nippon, VII, p. 198, Anm. 3), прибавляетъ, что уже на картѣ Японіи, срисованной съ японскаго оригинала и изданной въ началѣ прошедшаго столѣтія въ Амстердамѣ Реландомъ, вышеупомянутая страна обозначена китайскимъ знакомъ *хан-танъ*.

4) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 178, 198, Anm. 3; также — Nippon, I, p. 131).

самые главные и, навѣрно, старѣйшіе посредники въ ихъ торговлѣ съ приамурскими народами, до Маньчжуровъ включительно. Поэтому, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Аины получили первыя свѣдѣнія свои о Гольдахъ, самомъ многочисленномъ и распространенномъ изъ приамурскихъ народовъ, отъ Гиляковъ. Отсюда понятно, что они приняли для этого народа и употребляемое Гиляками названіе, лишь слегка измѣнивъ его, согласно духу своего языка, а затѣмъ распространили то же названіе и на Ольчей, принадлежавшихъ, по ихъ взглядъ, къ тому же народу[1]).

Но если сахалинскіе Аины и Японцы и примѣняли имя «Сантанъ» или «С'янта» безразлично къ Ольчамъ и къ Гольдамъ, то въ описаніи путешествія Мамія Ринсо этого вовсе нѣтъ. Онъ самъ былъ на Амурѣ только у Гиляковъ и у Ольчей, а за южный предѣлъ послѣднихъ не переходилъ. Съ Гольдами онъ встрѣчался лишь случайно и мало, среди Ольчей. Здѣсь онъ узналъ для нихъ и особое названіе, къ которому мы возвратимся ниже. Такимъ образомъ, его «С'яны» — исключительно Ольчи. Спускаясь по рѣкѣ, онъ съ большою точностью опредѣляетъ границу, гдѣ оканчиваются С'яны и начинаются сѣверные ихъ сосѣди, Смеренкуры. При этомъ, въ названіяхъ селеній, показанныхъ имъ на картѣ[2]), или въ описаніи его путешествія, можно, въ большинствѣ случаевъ, узнать до сего времени еще существующія деревни. Въ селеніи «Лорей» (Луре) онъ находился еще между С'янтами; съ деревни «Горомо» или «Горо», отстоящей отъ Лорея, по его разсчету, на 4 ри (около 15-ти верстъ), пошли Смеренкуры, и начиная отсюда, говоритъ онъ, люди, ихъ жилища, утварь и образъ жизни, — все принимаетъ совершенно такой же видъ, что и на Крафто (Сахалинѣ)[3]. «Горо» есть несомнѣнно Хьяре, первая гиляцкая деревня, если идти по теченію рѣки. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что непосредственно за Горо кверху, на картѣ Ринсо указано селеніе «Фуру», въ которомъ не трудно узнать нынѣшнюю предпослѣднюю деревню Ольчей, — Пулу (Пуль). И такъ, во времена Мамія Ринсо (1810 г.), граница между Гиляками и Ольчами была уже совершенно та же, какую нашелъ я спустя 45 лѣтъ[4]).

Кромѣ того, Мамія Ринсо знакомитъ насъ и съ тогдашнею южною границею Гиляковъ на морскомъ берегу. Въ Амурскомъ лиманѣ онъ посѣтилъ деревню Смеренкуровъ Тсіомепъ, состоявшую изъ большихъ юртъ, разбросанныхъ по берегу рѣки того же имени[5]). На

---

1) Поэтому, если въ одной рукописной бумагѣ 1789 года, найденной Миддендорфомъ въ архивѣ Удского острога (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 101, прим.) значится, что островъ Сахалинъ по-тунгусски называется «Янкуръ», то въ этомъ названіи, какъ по первому, такъ и по конечному слогу, не трудно узнать вышеразсмотрѣнное, переданное Гиляками, аинское названіе для инородцевъ тунгусскаго племени, посѣщающихъ островъ Сахалинъ.

2) Въ атласѣ къ своему сочиненію о Японіи (Nippon, VII, Tab. XXV) Зибольдъ, кромѣ карты, помѣченной именемъ Мамія Ринсо, помѣстилъ еще и карту Могами Токная, на которой часть, изображающая Амурскій край и противолежащій ему западный берегъ Сахалина, по замѣчанію Зибольда (Nippon, I, p. 170, Anm. 162), также составлена Мамія Ринсо. На этой послѣдней картѣ можно найти и всѣ подробности, касающіяся до Амурскаго края.

3) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 177).

4) См. выше, стр. 13, 16, 27 и др.

5) Tô-tats ki ko, l. c. p. 178.

основаніи видѣннаго мною, я могу утверждать, что совершенно такова еще и въ настоящее время деревня Чоми, крайняя къ югу по морскому берегу. А что она уже въ то время была крайнею, это доказываетъ пунктирная линія на картѣ Ринсо, проведенная отъ Горо, на Амурѣ, къ морскому берегу, непосредственно къ югу отъ Тсіомена, и которая, безъ сомнѣнія, должна была означать южную границу Смеренкуровъ на материкѣ. Оттуда къ югу, до залива Таба и еще дальше, берегъ и тогда былъ незаселенъ, что также можно заключить изъ показаній Мамія Ринсо. На обратномъ пути своемъ къ Сахалину, онъ обогнулъ мысъ Васибуши (м. Лазарева, у Ольчей «Васфунъ») и вступилъ въ проливъ, который Зибольдъ справедливо назвалъ его именемъ. Кромѣ того, еще при первомъ своемъ переходѣ на материкъ, Ринсо слѣдовалъ вдоль части берега, лежащаго къ сѣверу отъ залива Табы. Слѣдовательно, онъ былъ знакомъ съ этимъ берегомъ. Онъ называетъ на немъ рядъ мѣстностей, но при этомъ положительно говоритъ, что берегъ незаселенъ, и что приведенныя имъ названія означаютъ лишь мѣста якорной стоянки судовъ [1]). И такъ, граница между Гиляками и ихъ южными сосѣдями по морскому берегу была во времена Мамія Ринсо совершенно та же, что и въ мое время.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что вообще вдоль всей южной границы Гиляковъ на материкѣ, со времени перваго нашего знакомства съ этимъ народомъ, т. е. въ теченіе 200 лѣтъ, не произошло никакихъ измѣненій. Но, съ другой стороны, древнѣйшія извѣстія относительно этого вопроса такъ недостаточны, что отрицать всякое передвиженіе здѣсь границъ, за весь означенный періодъ, все-таки невозможно. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно только, что народы, пограничные съ Гиляками къ югу, два столѣтія назадъ были тѣ же, что и теперь. Несомнѣннымъ можно считать лишь то, что границы распредѣленія инородцевъ, замѣченныя мною въ 50-хъ годахъ, были тамъ совершенно тѣ же, что и полстолѣтіе назадъ.

Что касается, наконецъ, до острова Сахалина, то недостатокъ въ пригодныхъ древнихъ извѣстіяхъ о немъ еще чувствительнѣе. Въ разсмотрѣнныхъ уже нами донесеніяхъ о древнихъ походахъ Русскихъ на Амуръ, собственно о Сахалинѣ вовсе не говорится; только въ одномъ изъ нихъ сказано вообще, что Гиляки занимаютъ и ближайшіе морскіе острова [2]), что̀, однако, равнымъ образомъ могло относится и къ Шантарскимъ островамъ [3]). Единственное болѣе опредѣленное свидѣтельство находится только въ вышеупомянутомъ «сказаніи о великой рѣкѣ Амурѣ», относящемся также къ XVII вѣку. По немъ у Витсена сказано, что противъ устья Амура есть большой островъ, на которомъ живутъ «многіе иноземцы Гилящкіе народы» [4]). Въ другомъ мѣстѣ Витсенъ относительно того

1) Такъ же, стр. 170, 178.

2) У Полркова (см. Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 302; Ион. ежемѣс. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 79).

3) Дѣйствительно, Фишеръ при этомъ случаѣ смѣшалъ Сахалинъ съ Шантарскими островами (см. его: Sibir. Gesch. Thl. II, p. 788, и карту: Sibiriae veteris Tab. II).

4) Спасскій, Свѣд. Русск. о рѣкѣ Амурѣ въ XVII стол. (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. VII, 1853, Отд. II, стр. 20). Witsen, Noord en Oost Tartarye, 1692, tweede Deel, p. 32; Tweede Druk, 1705, p. 87. Также Müller, въ Büsching's Magazin für die neue Histor. und Geogr. 2. Thl., 2 Aufl., p. 506).

же острова замѣчастъ, что онъ называется «Гилятъ»[1]). Затѣмъ, все, что Витсенъ еще говоритъ объ этомъ островѣ, хотя и не составляетъ прямого вымысла, однако видимо носитъ на себѣ характеръ разсказовъ, основанныхъ на слухахъ; таково, напримѣръ, показаніе, что «по водѣ въ губахъ ростетъ великой, густой и толстой камышъ, и въ лодкахъ ѣздить тѣмъ камышомъ нельзя» и пр. Достовѣрныхъ же, хотя и краткихъ свѣдѣній, подобныхъ существующимъ о приамурскомъ краѣ, объ островѣ Сахалинѣ и его инородцахъ за это время не имѣется, и именно по той причинѣ, что Русскіе въ XVII столѣтіи не бывали на немъ. Позже, въ XVIII столѣтіи, когда начались поѣздки на Шантарскіе острова, хотя Сахалинъ, какъ сказано выше[2]), и былъ неоднократно посѣщаемъ Русскими — то съ разбившихся судовъ, то бѣглыми и т. п. — однако свѣдѣній о немъ они никакихъ не доставили.

Столь же недостаточны и древнѣйшія китайскія извѣстія о Сахалинѣ. Когда іезуиты Регисъ, Жарту и Фриделли, въ 1709 году, составляли карту нижняго Амура, туземцы разсказывали имъ, что противъ устья этой рѣки находится островъ, заселенный такимъ же народомъ, какъ и они, туземцы. Вслѣдствіе этого извѣстія, императоръ Кхан-си вскорѣ послѣ того отправилъ для изслѣдованія острова нѣсколькихъ Маньчжуровъ, которые переправились на лодкахъ туземцевъ на островъ. Однако, по отзыву іезуитовъ, они исполнили свое порученіе очень неудовлетворительно: южной части острова они вовсе не касались, а на сѣверной записали лишь имена тѣхъ мѣстъ, по которымъ проходили, оставивъ даже неизслѣдованнымъ общее названіе острова[3]). Что касается до заселявшихъ его народовъ, они также не привели въ извѣстность даже ихъ названій.

Первыми подробными свѣдѣніями объ инородцахъ Сахалина мы обязаны опять-таки Японцамъ, и именно тѣмъ же путешественникамъ, Могами Токнаю (1785 и 1786) и Мамія Ринсо (1808—1810). Еще за 100 лѣтъ до вышеупомянутой маньчжурской экспедиціи, въ 1613—1615 гг., при намѣстникѣ Кинфиро, нѣсколько Японцевъ было послано съ острова Ессо на Сахалинъ, съ порученіемъ составить карту послѣдняго. Далеко во внутрь Сахалина они, однако, не проникали и о живущихъ на немъ народахъ врядъ-ли доставили какія-либо свѣдѣнія; по крайней мѣрѣ Зибольдъ[4]), впервые сообщившій это извѣстіе, ничего подобнаго не знаетъ. Дальнѣйшихъ японскихъ предпріятій касательно Сахалина не было, до тѣхъ поръ, пока Могами Токнай, а вскорѣ за нимъ и Мамія

---

1) Тамъ же, изданіе 1705 г., стр. 96.

2) См. выше, стр. 86.

3) Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine et de la Tart. Chin. Vol. IV, Paris 1735, p. 12, 13. По свидѣтельству бывшихъ на Сахалинѣ Маньчжуровъ, жители материка называютъ островъ весьма различно, смотря по тому, какія изъ его деревень они обыкновенно посѣщаютъ; общее же названіе острова они передавали чрезъ «Saghalian anga hata», т. е. островъ устья черной рѣки. Это названіе было нанесено іезуитами на карту, и изъ него, какъ извѣстно, образовалось нынѣ употребительное названіе острова. Клапротъ (Asia polygl. p. 301) однако утверждаетъ, что слова «Sachalian anga chada» означаютъ только «скалы (а не островъ) чернаго устья» и относятся къ скаламъ, расположеннымъ передъ устьемъ Амура. Я долженъ замѣтить, что берега на устьѣ рѣки, особенно лѣвый, дѣйствительно скалисты, хотя и не очень высоки; но отдѣльно возвышающихся надъ водою скалъ на устьѣ Амура не существуетъ. О другихъ названіяхъ Сахалина, которыхъ не мало, я поговорю, при случаѣ, въ послѣдствіи.

4) Nippon, I, p. 126.

Рпнсо, не отправились туда. Правда, около того же времени посѣщали Сахалинъ и опредѣляли его географическія условія и европейскіе мореходцы, Лаперузъ (1787), Броутонъ (1797), Крузенштернъ (1805), а еще за полтора столѣтія до нихъ былъ на его восточномъ берегу Голландецъ Фрисъ; но съ населеніемъ его они могли слегка ознакомиться лишь въ нѣкоторыхъ береговыхъ пунктахъ острова. Слѣдовательно, они могли сообщить о Сахалинѣ, въ этнографическомъ отношеніи, лишь кое-какія отрывочныя замѣтки, на которыя мы укажемъ далѣе, при случаѣ. Другое дѣло — вышеназванные Японцы: они изслѣдовали не только оба берега острова — западный, почти до его сѣверной оконечности, и восточный, до залива Терпѣнія, — но и часть внутренняго Сахалина[1]). Имъ мы обязаны первымъ знакомствомъ съ тремя туземными племенами, живущими на Сахалинѣ: Гиляками, Айнами и Ороками. Но такъ какъ, съ одной стороны, сообщенія этихъ Японцевъ, въ особенности послѣдняго, Мамія Рпнсо, относятся не къ столь отдаленной эпохѣ, а съ другой, и на материкѣ въ положеніи границъ между Гиляками и южными ихъ сосѣдями съ тѣхъ поръ не произошло никакихъ измѣненій, то нельзя полагать, чтобы въ столь короткій періодъ времени, случились на островѣ сколько-нибудь значительныя передвиженія. И дѣйствительно, Мамія Рпнсо показываетъ, что область Смеренкуровъ по западному берегу Сахалина начинается къ сѣверу отъ заселенной Айнами страны Китозп[2]). Послѣдняя же, по относящейся сюда картѣ, касалась своею сѣверною оконечностью Поро-котана[3]), а это, какъ мы видѣли выше[4]),— то же, что Пиля-во Гиляковъ, т. е. послѣдняя деревня ихъ къ югу, гдѣ они уже живутъ вмѣстѣ съ Айнами. Такое смѣшанное населеніе простирается въ настоящее время, какъ уже было подробно доказано, еще нѣсколько къ сѣверу отъ Пиля-во. Можетъ быть, тогда этого еще не было, или, если и было, то не въ такой степени, и оба названные народа были болѣе рѣзко разграничены, чѣмъ теперь, хотя смѣшеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ происходило между ними и въ ту пору. Въ такомъ случаѣ, вся перемѣна, происшедшая въ разграниченіи Гиляковъ и Айновъ со времени Мамія Рпнсо до посѣщенія этого острова мною, состояла бы лишь въ томъ, что смѣшеніе между ними приняло бо̀льшіе размѣры, вѣроятно вслѣдствіе того, что уже и тогда многіе Айны, боясь Японцевъ, спасались на сѣверъ, къ Гилякамъ. Въ мою бытность тамъ, въ то время, когда японская колонизація стала быстро распространяться по острову, такое движеніе Айновъ къ сѣверу уже составляло несомнѣнный фактъ[5]). Все сказанное относится до западнаго берега Сахалина. Что же касается до восточнаго берега, то ни Могами Токнай, ни Мамія Рпнсо, ни другіе прежніе японскіе путешественники не посѣщали той

---

1) Могами Токнай, напримѣръ, прошелъ изъ залива Терпѣнія вдоль рѣки Поро-най (она же Ты или Плый) поперекъ острова, въ Отсизи (близъ Дуи). Siebold, Nippon, I, p. 128.

2) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 191).

3) На картѣ, на которую мы здѣсь ссылаемся (съ надписью: «Mogami Tok'nai 1786»; см. выше, стр. 122, прим. 1), селеніе это названо «Торо-котанъ», очевидно вслѣдствіе опечатки или смѣшенія Японцами знаковъ для *m* и *n*. Это уже доказываетъ находящаяся тутъ же рядомъ карта, помѣченная «Mamia Rinzo 1808» и на которой это селеніе названо «Поро-котанъ.»

4) См. выше, стр. 17.

5) См. выше, стр. 78.

сго части, по которой пролегаетъ южная граница гиляцкаго населенія, а потому не имѣется никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить, какимъ измѣненіямъ эта граница подверглась въ теченіе времени.

Сводя къ итогу все до сихъ поръ сказанное о Гилякахъ, приходимъ къ заключенію, что въ продолженіе того времени, за которое имѣются историческія свѣдѣнія объ этомъ народѣ — а время это не особенно продолжительно — никакихъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ положеніи ихъ границъ не произошло. Были ли таковыя въ доисторическія времена, — объ этомъ можно судить лишь болѣе или менѣе гадательно, на основаніи фактовъ и явленій, рѣчь о которыхъ будетъ впереди.

Если о Гилякахъ не имѣется историческихъ извѣстій, восходящихъ до глубокой старины, то объ **Аинахъ** сказать того вообще нельзя. Объ одной части этого племени подобныя свѣдѣнія имѣются, но это — именно та часть, которая не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія. Чѣмъ южнѣе мѣсто жительства Аиновъ, тѣмъ раньше они, благодаря сношеніямъ своимъ съ Японцами, выступаютъ изъ мрака доисторической эпохи: прежде всего знакомимся мы съ ними на Нипонѣ, потомъ на Ессо и уже подъ-конецъ на Сахалинѣ и на Курильскихъ островахъ. Такъ какъ все занимаемое ими пространство состоитъ изъ острововъ, между которыми проходятъ мѣстами сильныя морскія теченія, и такъ какъ Японцы лишь медленно распространялись на сѣверъ, переходя съ острова на островъ, то и извѣстія о южныхъ и сѣверныхъ Аинахъ по времени далеко отстоятъ другъ отъ друга. Тогда какъ первыя начинаются за $2^1/_2$ тысячелѣтія, послѣднія не старше $2^1/_2$ столѣтій. По изслѣдованіямъ Зибольда[1]), ко времени основанія Японскаго государства родоначальникомъ династіи Микадо, Дзимму, около 660 г. до Р. Х., сѣверная часть Нипона была заселена Аинами, извѣстными въ исторіи Японіи подъ именемъ «Асума Іебису», т. е. восточныхъ дикарей. Они занимали, именно, нынѣшнія провинціи Мутсу, Дева и сѣверную часть Етсиго, которыя вслѣдствіе этого назывались въ то время «Іебису но Куни», т. е. землею дикарей[2]). Еще въ VII столѣтіи по Р. Х., Аины жили въ первыхъ двухъ провинціяхъ до 38° с. ш. къ югу, ведя постоянныя войны съ Японцами. Въ началѣ IX вѣка господство Микадо распространялось уже почти на весь Нипонъ; но проникавшимъ на сѣверъ Япон-

---

1) Aardr. en volkenkund. toelicht. tot de ontdekk. van Maert. Gerr. Vries; benev. eene verhand. over de Aino-taal en de voortbrengs. der Aino-landen. Amsterdam 1858, p. 92, 116.

2) По Зибольду (тамъ же, стр. 116), отъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, въ китайской исторіи о племени «Мао-минъ» (Аинахъ) впервые упоминается во времена династіи Хань (отъ 189 г. до Р. Х. до 30 г. по Р. Х.). Мао-мины, сказано тамъ, живутъ на противолежащей сторонѣ восточнаго моря; тѣло ихъ покрыто волосами. Затѣмъ, въ исторіи династіи Суй (отъ 608 г. до 622 г. по Р. Х.), упоминается о народѣ «Моцинъ», состоящемъ изъ 50-ти ордъ и живущемъ въ горахъ на сѣверозападѣ страны Воке (Японіи).

цамъ все-таки еще приходилось постоянно бороться съ Айнами, пока послѣдніе не покорились окончательно, послѣ чего часть ихъ слилась съ побѣдителями, а другая была истреблена или изгнана. Многіе изъ нихъ, не желая подчиниться японскому игу, бѣжали чрезъ Сангарскій проливъ, къ своимъ соплеменникамъ на Ессо. На этотъ островъ Японцы впервые проникли еще въ 658 г., при князѣ Абехирафу, и основали тамъ на устьѣ Сирибеси поселенія, которыя, однако, въ 729 г., были разорены Айнами[1]). Въ концѣ XII столѣтія (1189), японскій полководецъ Іосицуне бѣжалъ на Ессо и, по словамъ Зибольда[2]), посѣялъ первыя сѣмена культуры между Айнами восточнаго берега. Однако, не раньше XV столѣтія (1443)[3] Айны — и прежде всего жители южной части острова — покорились власти Микадо. Когда Японцы, подвигаясь на сѣверъ, впервые перешли на Сахалинъ (Крафто), — положительно не извѣстно; но еще въ началѣ XVII столѣтія (1605—1622) намѣстникъ Матсмайскій Кинфиро отправилъ, для составленія карты Сахалина, нѣсколько экспедицій, которыя, однако, съ большимъ трудомъ дошли лишь до селеній Усіямъ и Наритари[4]). Затѣмъ, послѣ долгаго промежутка, состоялись путешествія Могами Токиая и Мамія Ринсо. Что касается, наконецъ, до южныхъ Курильскихъ острововъ, то они были открыты Японцами не прежде 1672 г., да и то случайно, экипажемъ каботажнаго судна, выброшеннаго на берегъ бурею[5]).

Первыя свѣдѣнія, доставленныя Европейцами объ Айнахъ, принадлежатъ XVI и XVII столѣтіямъ. Они относятся до жителей острова Ессо. Мы обязаны ими іезуитскимъ патерамъ Алонзію Фрусу (Froes, 1565) и Іерониму де-Ангелису (1622), посланнику англійской торговой компаніи Джону Сарису (1613) и начальнику голландской торговли въ Японіи Франсуа Карону (1639 и 1640). Немногимъ позже (въ 1643 г.) познакомился съ Айнами голландскій мореплаватель Фрисъ, не только на островѣ Ессо, но и на Сахалинѣ — въ заливахъ Анива и Терпѣнія — и на южныхъ Курильскихъ островахъ[6]). Однако, всѣ эти писатели сообщаютъ свои, отчасти весьма интересныя, замѣтки объ Айнахъ, не называя этого народа никакимъ именемъ. Названіе

---

1) Siebold, Nippon, I, p. 125.

2) Тамъ же, стр. 126, 168.

3) А не въ XIV столѣтіи, какъ говоритъ Зибольдъ, въ Aardr. en volk. toel. p. 93, противорѣча своимъ собственнымъ показаніямъ въ Nippon, I, p. 126.

4) Kannemon, Jeso-ki, ou Descrip. de l'ile de Jesso, trad. du japon. par Titsingh (Annales des Voyages, publ. par Malte-Brun, T. XXIV, Paris 1814, p. 162). Очевидно, на тѣхъ же источникахъ основаны и показанія Клапрота, въ прибавленіяхъ къ изданному имъ сочиненію Японца Ринсифе: «San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu génér. des trois royaumes», Paris 1832, p. 192. См. также Зибольда, Nippon, I, p. 126, гдѣ, впрочемъ, первое поименованное селеніе названо Усисямъ (а у Клапрота, тамъ же — Утсусіямъ).

5) Kannemon, Jeso-ki, l. c. p. 210. Rinsifée, San kokf tsou ran to sets, p. 209. Siebold, Nippon, I, p. 126.

6) Witsen, Noord en Oost Tartarye, 1692, tweede Deel, p. 46—62; Tweede Druck, 1705, p. 128—152. Siebold, Aardr. etc. p. 93 sqq. Bickmore, The Ainos or hairy men of Jesso, Saghalien and the Kurile islands, p. 14 sqq. (Amer. Journal of science, May, 1868). Бикморъ говоритъ, что, по показанію Крузенштерна, Іеронимъ де-Ангелисъ въ 1620 г., вѣроятно первый изъ Европейцевъ, посѣтилъ Сахалинъ. Но я рѣшительно не знаю, гдѣ бы Крузенштернъ могъ сказать это. У Зибольда я также не нашелъ ничего подобнаго.

«Аины» (Aino) встрѣчается въ европейской литературѣ впервые въ сочиненіи Эліуда Николая[1]), изданномъ въ Мюнхенѣ въ 1619 году. Здѣсь въ первый разъ говорится объ Ессо, какъ объ особомъ островѣ, а именно сказано, что всѣ прежнія карты впадаютъ въ ошибку, выпуская лежащій выше (сѣвернѣе) Японіи (Нипона) большой островъ, называемый Японцами «Ессо», а самыми его жителями — «Айно-моксоти», очевидно — «Айно-мозири», т. е. островомъ Аиновъ. Но по недостаточному ли распространенію этой книги, или вслѣдствіе того, что по названію острова не узнали названія народа, только Аины еще долго оставались безъ особеннаго наименованія, и даже у Лаперуза и Броутона, познакомившихся съ ними на Ессо и на Сахалинѣ, не имѣется для Аиновъ никакого особаго названія[2]). Нераньше, какъ со времени путешествія Крузенштерна, установилось для нихъ въ Европѣ названіе Аиновъ (Aino), которымъ они сами себя обозначаютъ[3]) и которое объясняется тѣмъ, что *айно* или *айну* у всѣхъ одноплеменныхъ жителей Ессо, Сахалина и Курильскихъ острововъ значитъ «человѣкъ»[4]). Благодаря путешествію Крузенштерна, убѣдились также, что имя «Карафуто», «Ка-

---

1) Eliud Nicolai, Newe vnd warhaffte relation, von deme was sich in beederley, das ist, in den West- und Ost-Indien zugetragen etc. (Siebold, Nippon, I, p. 151).

2) Оба обозначаютъ Аиновъ лишь по имени того острова, на которомъ они обитаютъ. Такъ, Броутонъ называетъ Ессойскихъ Аиновъ только «жителями Инсу», потому что это и есть названіе, которое они сами даютъ своему острову (Broughton, A Voyage of discov. London 1804, p. 89, 272; см. также примѣчаніе Клапрота въ Langsdorff's Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Bd. I, p. 303). Кстати замѣчу, что съ этимъ согласно и показаніе Головнина. По его свидѣтельству (Записки о приключ. его въ плѣну у Японцевъ, Ч. III, стр. 156, прим. 1), Ессойскіе Аины называютъ свой островъ «Эйнзоци», или просто «Эйнзо», изъ чего, вслѣдствіе искаженія этого слова Японцами и Европейцами, образовалось нынѣшнее названіе острова. Но, съ другой стороны, можно предположить, что «Эйнзо», или, какъ по-моему слѣдовало бы писать, «Айнзо», произошло изъ упомянутаго выше «Айно-мозири» и слѣдовательно также означаетъ лишь «островъ Аиновъ». Подобно тому, какъ Броутонъ дѣлаетъ съ Ессойскими Аинами, поступаетъ и Лаперузъ съ Сахалинскими: онъ называетъ ихъ просто «Сахалинцами» (Seghaliens), или «Оку-Ессойцами», такъ какъ у Японцевъ подъ именемъ «Оку-Ессо», т. е. высокій, великій, верхній или, по Зибольду (Nippon, VII, p. 198), внутренній Ессо, разумѣлась земля, лежащая къ сѣверу отъ Нипона. Впрочемъ, Лаперузъ слышалъ, что Аины сами называли свою страну «Чока» (Voyage aut. du monde, Paris 1797, T. III, p. 36, 115, 118). Однако Крузенштернъ (Путеш. вокругъ свѣта, Т. II, стр. 56) тщетно справлялся объ этомъ имени какъ на Ессо, такъ и на Сахалинѣ, а по Шмидту (въ Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1869, p. 432), оно возникло лишь вслѣдствіе ошибки, такъ какъ *чока* на языкѣ Аиновъ значитъ «я» или «мы». Клапротъ (въ Langsdorff's Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, Bd. I, p. 302) также говоритъ, что у Сахалинскихъ Аиновъ *чогай* или, по его словарю въ San kokf etc. (p. 252), *тогай* значитъ «я» а у Камчатскихъ Аиновъ *чогайхъ*—«мы». Впрочемъ, Лаперузъ, въ своемъ спискѣ аинскихъ словъ (тамъ же, стр. 118), приводитъ еще одно, хотя, по его мнѣнію, и менѣе употребительное имя, которымъ туземцы обозначаютъ свой островъ; это имя—«Таинна». Однако о немъ, въ послѣдствіи нигдѣ больше не упоминалось. Наконецъ, Миле-Мюро (Milet Mureau), издатель путешествія Лаперуза, замѣчаетъ вкратцѣ, что Китайцы называютъ Сахалинъ «Та-ханъ» (тамъ же, стр. 83, прим. с.). Но это, весьма вѣроятно, — не больше, какъ искаженіе слова «Та-хай», означающаго «большой островъ», потому что Іакинѳъ (Статист. Описаніе Китайск. Имперіи С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 30, 224, прим.) говоритъ также, что Сахалинъ у Китайцевъ называется «Дачжеу», т. е. большой островъ. Замѣчу еще, что, по Іакинѳу (тамъ же, стр. 31), въ исторіи династіи Тхангъ этотъ островъ названъ «Лю-гуй».

3) Крузенштернъ, Путеш. вокругъ свѣта, Т. II, С. Петерб. 1810, стр. 55. Langsdorff, Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Frankfurt a/M. Bd. I, p. 282.

4) Klaproth, въ Langsdorff's Bemerk. etc. p. 282, Anm., p. 301; его же: Asia polyglotta, p. 300, 309; San kokf tsou ran to sets p. 245.

рафто» или «Крафто», извѣстное по нѣкоторымъ японскимъ картамъ, и которое приписывалось острову, лежащему къ сѣверу отъ Ессо, относится къ Сахалину [1]). Полагали, что оно — японскаго происхожденія [2]); но, по Шмидту, оно получило свое начало у Аиновъ сосѣднихъ острововъ, Ессо, Кунашира, Итурупа, а отъ нихъ было перенято Японцами [3]). Поэтому надо полагать, что оно употребляется Аинами и на самомъ Сахалинѣ [4]).

---

1) Крузенштернъ, тамъ же, стр. 53, 56 и др. Еще въ 1802 году издана была Топографическимъ Депо въ С. Петерб. карта, на которой островъ «Карафуто» былъ снятъ съ японской карты, привезенной въ Россію Японцемъ Кодай, котораго Ад. Лаксманъ въ 1792 году отвезъ обратно въ его отечество (Крузенштернъ, тамъ же, стр. 32). Въ Матсмаѣ, у японскаго чиновника, Лаксманъ также видѣлъ карту, на которой были нанесены какъ остр. Ессо, такъ еще и другой, по имени «Карапъ». (Полонскій, Курилы. — Зап. Русск. Геогр. Общ. По отд. Этногр. Т. IV, 1871, стр. 493, 541). Незадолго передъ тѣмъ, въ 1785 или 1786 г., въ Едо появилось сочиненіе Ринсифе (Rinsifée): «San kokf tsou ran to sets» (переведенное на французскій языкъ Клапротомъ и изданное съ комментаріями, подъ заглавіемъ: «San kokf etc., ou Aperçu général des trois royaumes», Paris 1832), въ которомъ (на стр. 187) также упоминается объ островѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ Ессо и носящемъ названіе «Карафуто» или «Карафто». На приложенныхъ къ этому труду картахъ, Карафуто изображенъ въ видѣ полуострова, образуемаго материкомъ гораздо южнѣе устья Амура. Ринсифе, однако, не ручается за вѣрность этого изображенія, на томъ основаніи, что нѣкоторые географы называютъ его просто островомъ, лежащимъ у восточнаго берега «Таттана» (Татаріи). Кромѣ того, на тѣхъ же картахъ, какъ-разъ противъ устья Амура, изображенъ большой островъ, расположенный по направленію отъ запада къ востоку и носящій названіе «Сагаріинъ». О немъ японскій авторъ, вѣроятно, узналъ изъ маньчжурскихъ или китайскихъ источниковъ. Такимъ образомъ, южная и сѣверная часть Сахалина являются здѣсь разъединенными, и въ то время, какъ сѣверная часть была для Японцевъ дальнимъ, еще незнакомымъ островомъ, на южную они уже смотрѣли, какъ на близкую къ нимъ страну и, вслѣдствіе торговыхъ сношеній ея съ Маньчжурами, представляли ее себѣ въ видѣ связаннаго съ материкомъ полуострова. Впрочемъ, есть доказательства тому, что имя «Крафто» для Сахалина было извѣстно Японцамъ и раньше. Такъ, въ описаніи Ессо, составленномъ Японцемъ Араи Тсикуго-но-ками (Jeso-ki, ou Descr. de Jesso, trad. du japonais par feu M. Titsingh. — Annales des Voyages publ. par Malte-Brun, T. XXIV, Paris 1814, p. 191, 205), который, въ 1720 г., провелъ на немъ нѣкоторое время, сказано, что тамошніе Аины называютъ островъ Оку- или Оки-Ессо (Сахалинъ) «Крато» или «Карато». Мало того, еще раньше, японскій толмачъ Каннемонъ, посѣтившій островъ Ессо до 1652 г., доносилъ, что «Крато» или «Крафтъ» есть татарская провинція, откуда жители Ессо получаютъ особый родъ матерій: «Крафтъ-ори», очевидно — китайскія ткани, идущія чрезъ Сахалинъ. (См. его: Jeso-ki, также въ переводѣ Титсинга, тамъ же, стр. 162, 164). Кстати замѣчу здѣсь, что, повидимому, оба эти «Jeso-ki», переведенные Титсингомъ, послужили Клапроту, во время его пребыванія въ Иркутскѣ, для пополненія извѣстій, сообщенныхъ Японцемъ Ринсифе объ островѣ Ессо, въ его «San kokf tsou ran to sets». Я вывожу это заключеніе, во-первыхъ, изъ того обстоятельства, что добавленія Клапрота къ послѣднему труду, по содержанію, почти совершенно тождественны съ «Jeso-ki», а во-вторыхъ — изъ цифръ годовъ, показанныхъ Клапротомъ для тѣхъ двухъ описаній острова Ессо, которыми онъ пользовался (см. его предисловіе къ San kokf etc., стр. IV). Эти цифры совершенно тѣ же, что и годы вышеназванныхъ двухъ «Jeso-ki»; только одинъ годъ (для «Jeso-ki» Каннемона), очевидно вслѣдствіе опечатки, показанъ цѣлымъ столѣтіемъ позже, а именно — 1752-ой г., вмѣсто 1652-го.

2) Klaproth, Asia polyglotta, p. 301. Siebold, Nippon, VII, p. 198.

3) Petermann, Geogr. Mittheilungen, 1869, p. 432. Равнымъ образомъ, приведенныя выше показанія Каннемона и Араи Тсикуго о названіи «Крато» или «Крафтъ» подтверждаютъ, что это слово чуждо Японцамъ и занесено къ нимъ Аинами.

4) Ринсифе (San kokf tsou ran etc. p. 187, 284), напротивъ, говоритъ, что настоящее имя страны, называемой Японцами Карафуто, «Тараикаи» или «Тараками», вслѣдствіе чего Клапротъ (San kokf etc. p. 188, Nota; Asia polygl. p. 301) и Зибольдъ (Nippon, VII, p. 198) считаютъ послѣднее за туземное аинское названіе острова. Однако противъ этого Шмидтъ (Petermann's Geogr. Mittheil. 1869, p. 432) справедливо замѣчаетъ, что имя это происходитъ отъ лежащей въ заливѣ Терпѣнія деревни Тарайка, имѣвшей прежде особенно много торговыхъ сношеній съ Маньчжуріею. Только послѣднія здѣсь ни причемъ, потому что назва-

Впрочемъ, хотя Фрисъ и не обозначаетъ туземцевъ залива Терпѣнія никакимъ особымъ названіемъ, однако, судя по его описанію этихъ инородцевъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ дѣйствительно имѣлъ дѣло съ Аинами, а не съ Орокамп или Гиляками, которые, какъ уже было изложено выше, живутъ тамъ, хотя и въ небольшомъ лишь числѣ, вмѣстѣ съ Аинами. Такимъ образомъ, племя это встрѣчается намъ уже въ 1643 г., т. е. болѣе, чѣмъ за два вѣка предъ симъ, на томъ самомъ мѣстѣ, которое и теперь составляетъ сѣверный предѣлъ Аиновъ по восточному берегу Сахалина. Почему они съ тѣхъ поръ не разселились тутъ дальше къ сѣверу, не смотря на то, что этотъ берегъ къ сѣверу отъ залива Терпѣнія на большомъ протяженіи и теперь еще никѣмъ не занятъ,— это объясняется, можетъ быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что Японцы основали первыя колоніи свои на Сахалинѣ не прежде конца прошедшаго столѣтія и, какъ мы видѣли выше, долго не распространяли ихъ дальше[1]). Поэтому они и не оказывали на болѣе отдаленныхъ Аиновъ такого сильнаго давленія, которое заставило бы ихъ удалиться на сѣверъ.

Сравнительно быстрѣе, повидимому, шло распространеніе Аиновъ по Курильскимъ островамъ. Я уже говорилъ, что, еще до прибытія Русскихъ на Камчатку, Аины заняли всѣ эти острова, до Поромушира, предпослѣдняго къ сѣверу[2]). Стеллеръ и Крашенинниковъ положительно говорятъ, что этотъ островъ населенъ Аинами («Курильцами»), перешедшими туда съ острова Онекотана, и притомъ въ не очень давнее время. Это надо полагать по тому, что жители этихъ двухъ острововъ находились во взаимныхъ мирныхъ и близкихъ отношеніяхъ, тогда какъ обитатели острововъ болѣе отдаленныхъ производили частые разбойничьи набѣги на Онекотанъ, — набѣги, которые, быть можетъ, и были причиною тому, что часть его жителей переселилась на Поромуширъ[3]). Слѣдующій и послѣдній, къ сѣверу, изъ Курильскихъ острововъ, Шумшу, получилъ свое населеніе, напротивъ, не съ юга, а съ сѣвера, съ близлежащаго полуострова Камчатки. Первопачальные жители острова Шумшу были, слѣдовательно, не Аины, а Ительмены или Камчадалы. Послѣдніе посѣщали сначала этотъ

ніе «Таракай» для Сахалина употреблялось Японцами. Они, вѣроятно, слышали имя этой деревни у Аиновъ и, по ошибкѣ, приняли его за названіе всего острова. Дѣйствительно, въ «Jeso-ki» Каннемона еще упоминается о «Тарайкѣ», какъ объ особенной мѣстности «Крато» (Annales des Voyages, T. XXIV, 1814, p. 162), тогда какъ, сто лѣтъ слишкомъ спустя, Ринсифе относитъ имя «Таранкан» ко всей странѣ. Впрочемъ, въ новѣйшее время было указано еще другое туземное аинское названіе для Сахалина. Добротворскій, именно, говоритъ (Аинско-русскій словарь. — Учен. Зап. Казанск. Универс. 1875. Прилож., стр. 32), что этотъ островъ у Аиновъ называется «Трепунъ-мосири» и что поэтому Ессойскіе Аины называютъ своихъ соплеменниковъ на Сахалинѣ «Трепунъ-мосири-утара». (Мицуль, въ своемъ «Очеркѣ острова Сахал. въ сельскохозяйственномъ отношеніи», С. Петерб. 1873, стр. 126, приводилъ подобное же имя: «Тренунъ-мусиръ» или просто «Мусиръ», т. е. островъ). Въ заключеніе замѣчу, что и у Японцевъ для острова Сахалина, кромѣ вышеперечисленныхъ названій, есть еще и нѣкоторыя другія; такъ, онъ называется у нихъ также «Нарубеси» (San kokf etc. p. 189), или «Китасима», т. е. сѣверный (отъ Ecco) островъ (Siebold, Nippon, VII, p. 198), или даже просто «Кита-Ecco», т. е. сѣверный Ecco (Araï Tsikugo, Jeso-ki, l. c. p. 205) и т. д.

1) См. выше, стр. 74 и слѣд.

2) См. выше, стр. 18.

3) Steller; Beschr. von dem Lande Kamtschatka, p. 7, 23, 24. Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. С. Петерб. 1818, Т. I, стр. 145, 146).

островъ лишь для звѣриныхъ промысловъ, а въ послѣдствіи, со времени появленія въ Камчаткѣ Русскихъ — изъ опасенія, что съ нихъ потребуютъ ясакъ и, кромѣ того, вслѣдствіе междусобныхъ распрей, — стали жить на немъ постоянно [1]). Въ пользу такого мнѣнія о распространеніи Айновъ и Ительменовъ по Курильскимъ островамъ говорятъ и названія упомянутыхъ острововъ, потому что *поро́ мосири* или *поро мошири* на айнскомъ языкѣ значитъ «большой островъ» [2]), а *самачъ* на ительменскомъ — «островъ» [3]). Впрочемъ, Ительмены острова Шумшу и южной оконечности Камчатки не устояли противъ смѣшенія съ Айнами отдаленныхъ острововъ: съ давнихъ поръ они вступали съ ними въ брачные союзы, и такъ какъ, съ одной стороны, сами часто переходили съ материка на ближайшій островъ или на оборотъ, а, съ другой стороны, и Айны — «бродившіе, какъ говоритъ Стеллеръ, по морю такъ же, какъ Татары по суху» — постоянно пріѣзжали въ Камчатку, то на всемъ югѣ полуострова образовалось смѣшанное племя Ительменовъ и Айновъ, которое, по внѣшности и языку, отличалось отъ живущихъ сѣвернѣе Камчадаловъ [4]). Поэтому не удивительно, что Русскіе сначала приняли жителей южной Камчатки за одинъ и тотъ же народъ съ жителями острововъ, Айнами, и обозначали ихъ тѣмъ же именемъ Курильцевъ [5]). Это названіе, въ формѣ прилагательнаго, они перенесли и на нѣкоторыя мѣстности южной Камчатки, чему служатъ доказательствомъ имена: Курильское озеро, Курильскій острогъ (на островѣ въ поименованномъ озерѣ), Курильская лопатка и т. п.

Что касается до происхожденія имени «Курильцы» для Айновъ, населяющихъ гряду острововъ, расположенныхъ къ югу отъ Камчатки, то у русскихъ авторовъ, со времени Головнина, вошло какъ-бы въ обычай производить имя народа отъ названія острововъ, а названіе острововъ отъ находящихся на нихъ *курящихся* сопокъ [6]). Однако еще Стеллеръ

---

1) Steller, l. c. p. 7, 30. Крашенинниковъ, тамъ же, Т. I, стр. 143; Т. II, стр. 2, 4.

2) А не просто «островъ», какъ объяснялъ Стеллеръ (тамъ же, стр. 7) названіе «Буру-муши», которое, по его мнѣнію, Русскіе передѣлали на «Пара-мусиръ».

3) Стеллеръ, тамъ же, стр. 6. Поэтому, говоритъ онъ, жители южной оконечности Камчатки и называютъ жителей острововъ «Сумчуай», т. е. островитянами.

4) Steller, l. c. p. 7, 23. Крашенинниковъ, тамъ же, Т. I, стр. 143; Т. II, стр. 4.

5) Этимъ объясняется противорѣчіе между первоначальными показаніями Миллера, въ его статьѣ: «Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftl. und mündl. Nachrichten gesammlet zu Jakuzk, 1737» (въ приложеніи къ описанію Камчатки, Стеллера), и свѣдѣніями, сообщенными Стеллеромъ и Крашенинниковымъ. Миллеръ (тамъ же, стр. 18) показываетъ, что Курильцы въ Камчаткѣ живутъ по восточному берегу до Авачинской губы, а по западному — до рѣки Компаковой; онъ упоминаетъ о Большерѣцкихъ Курильцахъ (стр. 21), говоритъ, что жители Шумшу, которыхъ онъ, впрочемъ, считаетъ пришедшими съ сѣвера, совершенно тѣ же Курильцы, что и на Поромуширѣ (стр. 45) и т. д. Крашенинниковъ же, хотя и передаетъ дословно показанія Миллера относительно Курильскихъ острововъ, лежащихъ къ югу отъ Онекотана, но относительно болѣе сѣверныхъ острововъ, равно какъ и южной оконечности Камчатки, оставляетъ ихъ безъ всякаго вниманія; тутъ онъ руководствуется, напротивъ, какъ собственными разысканіями, такъ и изслѣдованіями Стеллера. Впослѣдствіи и Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. Bd. III, 1758, p. 79) присоединился къ мнѣнію Стеллера и Крашенинникова, объяснивъ, что только у Русскихъ въ Камчаткѣ принято называть жителей перваго острова и материка, къ югу отъ Большерѣцка, Курильцами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это — тѣ же Камчадалы, но съ нѣсколько инымъ нарѣчіемъ.

6) Головнинъ, Записки о приключ. его въ плѣну у Японцевъ, въ 1811, 1812 и 1813 гг. Ч. III, С. Петерб. 1816, стр. 158. А. Сгибневъ, Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ, въ 1711 г. (Русск. Стар. 1876,

указывалъ, что употребительное у Русскихъ названіе «Курильцы» для жителей Курильскихъ острововъ находится въ связи съ названіемъ «Куши» или «Кузи», которое Ительмены (отъ Большой рѣки до Лопатки) даютъ этому народу [1]). Но это послѣднее названіе онъ самъ неправильно производилъ отъ особенной, обычной у этого народа пляски, такъ что «Куши» значило бы «пляшущіе» или «прыгающіе» [2]). У своихъ сосѣдей на Сахалинѣ, Гиляковъ, Аины имѣютъ весьма сходное съ этимъ названіе, а именно «Куги» [3]), общеупотребительное и между Гиляками на материкѣ [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти названія — одного и того же происхожденія: всѣ они образовались такъ же, какъ, по мнѣнію Клапрота, названіе «Курильцы», а именно изъ слова *куръ* или *куру*, что на аинскомъ языкѣ значитъ «человѣкъ» [5]). Съ этимъ согласно замѣчаніе, сдѣланное еще въ 1720 году Японцемъ 'Араи Тсикуго, что Аины называли Курильскіе острова общимъ именемъ «Куру-миси», т. е. людскою землею [6]). Вотъ, слѣдовательно, — простое объясненіе общеупотребительнаго нынѣ названія для этого народа и занимаемой имъ страны.

Названіе, употребляемое Гиляками для Аиновъ, перешло также къ Маньчжурамъ и Китайцамъ. Такъ, Іакинфъ, на основаніи китайскихъ данныхъ, говоритъ о трехъ народахъ, обитающихъ на Сахалинѣ, подъ названіями: «Фякэ, Элунчунь и Куѣ», изъ которыхъ послѣднее, безъ сомнѣнія, относится къ Аинамъ [7]). Точно также архим. Палладій, пере-

---

Мартъ, стр. 534). Полонскій (Курилы. — Зап. Геогр. Общ. По Отд. Этногр. Т. IV, 1871, стр. 369) останавливается на этомъ еще подробнѣе; онъ говоритъ: «данное казаками островамъ названіе, Курильскіе, выражаетъ геологическій характеръ, вполнѣ имъ приличный по курящимся на многихъ изъ нихъ сопкамъ; а удержанію такого названія способствовалъ и наружный видъ острововъ, которые, будучи окружены обыкновенными здѣсь, почти постоянными туманами, выказываются, по приближеніи къ нимъ, какъ-бы изъ дыма, курящимися». То же самое объясненіе названія «Курильцы» повторяется и въ статьѣ Бикмора объ Аинахъ (Amer. Journ. of Science, May, 1868, p. 18). Въ видѣ курьоза, укажу здѣсь и на мнѣніе Тронсона, что названіе Курильскихъ острововъ происходитъ отъ имени лежащаго на югѣ Камчатки озера «Курильскаго», съ береговъ котораго, вѣроятно, и перебрались на острова нынѣшніе жители ихъ (Tronson, Pers. Narrat. of a Voyage to Japan, Kamtsch., Siberia, Tartary etc. in H. M. S. Barracouta, London 1859, p. 158).

1) Steller, l. c. p. 6, 7, 30.

2) Steller, l. c. p. 248, Anm. a.

3) Въ словѣ «Куги» букву *г* надо произносить какъ гортанный звукъ, средній между *г* и *х*.

4) Миддендорфъ слышалъ отъ Гиляковъ Тугурскаго залива, что Курильцевъ они называютъ «Кувн» (см. отчетъ о его путешествіи, въ Bull. de la cl. phys.-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 233, 235; также въ Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. IX, 2. Abth. p. 615, 618).

5) Klaproth, Asia polyglotta, p. 300. Въ San kokf tsou ran to sets (стр. 183, 184) сказано, что *куръ* значитъ «племя, родъ».

6) Araï Tsikugo, Jeso-ki, ou Descr. de Jesso, l. c. p. 192, 207, 211. См. также прибавленія Клапрота къ «San kokf tsou ran to sets», стр. 191, 193, 194, — на основаніи того же японскаго источника. Авторъ «Jeso-ki» (стр. 211) сообщаетъ, что, по разсказамъ жителей Оку-Ecco (Сахалинскихъ Аиновъ), въ морѣ, лежащемъ къ востоку, находятся два острова, называемые «Гурумисе», и при этомъ высказываетъ странное предположеніе, что извѣстіе это можетъ относиться къ Грёнландіи, о которой онъ слышалъ отъ Голландцевъ. Редакторъ журнала «Annales des Voyages», съ своей стороны, прибавляетъ, что подъ названіемъ «Гурумисе», вѣроятно, разумѣются острова «Голіай», лежащіе къ сѣверу отъ Сахалина. Очевидно, говоря объ островахъ «Голіай», онъ имѣлъ въ виду островъ «Гилятъ», о которомъ, на основаніи древнихъ русскихъ извѣстій, разсказывалъ Витсенъ (см. выше, стр. 123). Но отъ обоихъ ускользнуло то обстоятельство, что «Гурумисе», очевидно, — то же самое, что и «Куру-миси», а слѣдовательно — Курильскіе острова. Японцы называютъ острова (числомъ 37), лежащіе между Ecco и, по ихъ выраженію, «Камсикаткой или Камсаской», — «Тси-сима», т. е. тысячей острововъ (Rinsifée, San kokf etc. p. 193, 195).

7) Іакинфъ, Статистич. Опис. Китайск. Имп. Ч. II,

числяя, по китайскимъ источникамъ, народы въ провинціи Гиринъ, платившіе нѣкогда Пекинскому двору богатую дань собольими шкурами, называетъ и племя «Куѣ» (Аиновъ)[1]). Отсюда объясняется, наконецъ, почему въ китайской государственной географіи[2]), между ясачными племенами Сан-синьскаго округа, упомянается и племя «Леркойе»[3]) или, какъ пишетъ Потье[4]), «Ли-ер-ку-йе» (Li-eurh-kou-yé). Это — Сахалинскіе Аины, потому что «Леръ», «Лерхъ» или «Лер-мифъ» — гиляцкое названіе Сахалина[5]), а «Койе» или «Куйе», на основаніи вышесказаннаго, относится къ Аинамъ. Поэтому, точное гиляцкое названіе для Сахалинскихъ Аиновъ было-бы «Лер-куги», что близко подходитъ къ указанному выше имени ихъ въ китайской государственной географіи[6]). Слѣдовательно, подобно тому, какъ Аины и Японцы заимствовали у Гиляковъ имя С'яхта для обозначенія Гольдовъ (и Ольчей), Маньчжуры и Китайцы взяли отъ Гиляковъ свое названіе для Аиновъ. И такъ, переносясь, какъ мы увидимъ ниже, товары отъ Аиновъ и Японцевъ къ Маньчжуро-Китайцамъ и обратно, Гиляки, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили посредниками и относительно вышеприведенныхъ, установившихся съ той и съ другой стороны названій инородцевъ.

Чтобы закончить рядъ мимоходомъ разсмотрѣнныхъ мною названій Сахалина, я считаю не лишнимъ указать здѣсь и на весьма простую, повидимому, этимологію гиляцкаго названія «Лер-мифъ» для этого острова. Слово это происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ «Ля-ерри-мифъ», причемъ «Ля» — гиляцкое названіе Амура, *ерри* значитъ по-гиляцки «рѣка», а *мифъ* — «земля» или «страна». Слѣдовательно, «Лер-мифъ» значитъ «земля рѣки Амура»[7]). И такъ, гиляцкое названіе Сахалина означаетъ то же самое, что, по сообщеніямъ іезуитовъ-миссіонеровъ, хотѣли выразить и посланные императоромъ Кхан-си для изслѣдованія этого острова Маньчжуры словами: «Сагальянъ анга хата» (Saghalian anga hata), хотя это выраженіе, по Клапроту, и не совсѣмъ правильно[8]). Поэтому, невольно напрашивается мысль, не было ли имъ переведено гиляцкое названіе острова въ формѣ «Ля-ерри-мифъ»?

стр. 30, примѣч. Невѣрно въ этомъ извѣстіи лишь то, что Куѣ живутъ будто-бы въ средней части острова, а Элунчунь (Ороки) — въ южной; слѣдовало бы сказать наоборотъ.

1) Арх. Палладій, Дорожн. зам. на пути отъ Пекина до Благовѣщ., чрезъ Маньчжурію, въ 1870 г. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 399).

2) Tai Tsing hoei tien, T. XI; см. Ritter, Erdkunde von Asien, Bd. III, p. 444.

3) Риттеръ прибавляетъ въ скобкахъ: «на картахъ — Койе».

4) Chine moderne, ou descr. histor. géogr. et litter. de ce vaste empire, Paris 1853, 1. partie, p. 168.

5) Названіе «Леръ» для Сахалина слышалъ и Миддендорфъ у Гиляковъ Охотскаго побережья (см. отчетъ о его путеш., въ Bullet. de la cl. physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 233; также въ Beitr. zur Kenntniss des Russ. Reichs, Bd. IX, 2. Abthl., p. 615).

6) Названіе «Нuуé», которое, по дю-Хальду (Descr. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 13), нѣкоторыя лица въ Пекинѣ прилагали къ Сахалину и о которомъ Маньчжуры, посланные для изслѣдованія этого острова, говорили, что оно неизвѣстно туземному населенію ни на материкѣ, ни на островѣ, не есть ли только искаженіе слова «Куги» или «Куэ», которое въ этомъ случаѣ относилось бы не къ острову, а къ одному изъ его народовъ?

7) Страна, орошаемая рѣкою Амуромъ, называется у Гиляковъ «Ля-мифъ».

8) См. выше, стр. 124, прим. 3.

Окинувъ общимъ взглядомъ все сказанное выше объ Аинахъ, можно заключить, что они въ историческое время были вытѣснены Японцами изъ южной части острова Нипона, первоначально заселеннаго ими, и вслѣдствіе того распространились къ сѣверу. Большой, гористый островъ Ессо, расположенный въ самомъ центрѣ занимаемаго ими пространства, есть, кажется, земля Аиновъ по преимуществу; на немъ, до прибытія Японцевъ, они были единственными жителями; они называютъ его просто Аинскимъ, т. е. людскимъ островомъ (Айно-мозири, Айнсо). Отсюда они, повидимому уже въ древнѣйшія времена, распространились на южный Сахалинъ и ближайшіе Курильскіе острова, Кунаширъ, Итурупъ. Къ дальнѣйшему же распространенію какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи, къ сѣверу и къ сѣверо-востоку, побуждали ихъ, безъ сомнѣнія, Японцы, проникавшіе шагъ за шагомъ съ Нипона на Ессо и далѣе. Притомъ же, по Сахалину Аины подвигались къ сѣверу, повидимому, медленнѣе и болѣе исподоволь, чѣмъ по Курильскимъ островамъ. Здѣсь скудная природа невольно принуждала ихъ къ морскимъ звѣринымъ промысламъ, къ переходамъ съ острова на островъ, словомъ — къ постоянной жизни на водѣ, вслѣдствіе чего они пріобрѣли больше навыка къ морю, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и больше способности къ дальнѣйшему распространенію по островамъ.

О третьемъ народѣ острова Сахалина, объ **Орокахъ**, историческія свѣдѣнія крайне скудны. Первое извѣстіе о нихъ доставила экспедиція, отправленная на Сахалинъ вскорѣ послѣ 1709 года императоромъ Кхан-си, хотя въ ней они и не называются по имени. Маньчжуры, возвратясь съ Сахалина, доносили между прочимъ, что лошадей тамъ нѣтъ, но что, въ замѣнъ ихъ, жители разныхъ мѣстностей держатъ родъ домашнихъ оленей, употребляя ихъ для санной ѣзды[1]). Это можетъ относиться только къ Орокамъ, какъ народу олешному. Лишь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія познакомились съ ними болѣе близкимъ образомъ японскіе путешественники Могами Токнай и Мамія Ринсо. Они называютъ ихъ «Ороцко», а заселенную ими часть острова — «Ориката». На составленной первымъ картѣ Сахалина[2]), эта часть обведена пунктирною линіею. Линія эта идетъ отъ залива Терпѣнія, приблизительно отъ того мѣста, на которое указываетъ Мамія Ринсо въ описаніи своего путешествія, говоря, что съ селенія Си и Тарайка начинается земля Ороцковъ[3]); затѣмъ она охватываетъ дугою бассейнъ рѣки Ты или Поро-най и возвращается къ восточному берегу Сахалина, оканчиваясь немного сѣвернѣе мыса Делиль-де-ла-Кройера,

---

1) Du Halde, Descr. de l'Emp. de la Chine, T. IV, Paris 1735, p. 13.

2) Siebold, Nippon, VII, Tab. XXV; карта, помѣченная: «Mogami Tok'nai 1786».

3) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 189).

но къ югу отъ устья рѣки Тымы. Только въ своей южной части она совпадаетъ съ нынѣшнимъ положеніемъ предѣльной линіи Ороковъ, и только эта часть ея могла быть указана Японцами на основаніи ихъ собственныхъ наблюденій. Могами Токинай прошелъ именно по восточному берегу Сахалина къ сѣверу до залива Терпѣнія, и затѣмъ, на пути оттуда, вдоль рѣки Поро-най, къ Отеспи на западномъ берегу, пересѣкъ южную часть области Ороковъ[1]). Въ то время, т. е. въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ нашелъ этотъ край малозаселеннымъ, каковъ онъ и понынѣ, такъ какъ и Гиляки, и Роки посѣщаютъ его лишь проѣздомъ, и только кое-гдѣ встрѣчается на немъ одинокая юрта Ороковъ, да и то занимаемая ими лишь временно[2]). На западѣ же и на сѣверѣ, указанная Японцами граница Ороковъ вовсе не соотвѣтствуетъ нынѣшней, потому что не обнимаетъ ни Тымской долины, по которой происходятъ ихъ ежегодныя перекочевки, ни ихъ приморскихъ селеній, лежащихъ гораздо сѣвернѣе, вокругъ деревни Кэкр-во, ихъ главнаго мѣста жительства. Мало того, въ нее включена лишь та часть восточнаго берега Сахалина, къ сѣверу отъ мыса Терпѣнія, которая въ настоящее время, какъ доказано выше, можно сказать, вовсе не заселена. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Роки съ тѣхъ поръ распространились такъ далеко на сѣверъ и западъ; скорѣе, упомянутое разногласіе можно приписать тому обстоятельству, что восточная часть Сахалина, лежащая къ сѣверу отъ залива Терпѣнія и отъ рѣки Поро-най, никогда не посѣщалась ни названными, ни прежними японскими путешественниками, такъ что показанія Японцевъ основывались только на извѣстіяхъ, полученныхъ ими отъ туземныхъ жителей разныхъ мѣстностей, и изъ которыхъ, въ данномъ случаѣ, могъ получиться результатъ, тѣмъ менѣе точный и достовѣрный, что они касались народа преимущественно кочующаго. Вѣдь и понынѣ границы занимаемаго Роками пространства и ежегодныхъ кочевокъ этого народа извѣстны намъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ!

Другихъ историческихъ извѣстій объ Орокахъ, кромѣ японскихъ, почти вовсе не имѣется. У насъ, до моего путешествія, объ этомъ народѣ ничего не знали. Хотя нѣкоторые изъ участниковъ такъ называемой Амурской Экспедиціи, Бошнякъ, Орловъ, Руановскій, познакомились съ Роками еще до меня, но донесенія этихъ путешественниковъ появились въ печати послѣ моихъ писемъ въ Академію. Маньчжурамъ и Китайцамъ Роки были извѣстны лишь по имени. Такъ, въ китайской государственной географіи[3]) значатся они въ числѣ ясачныхъ народовъ Саисишьскаго округа подъ маньчжурскимъ названіемъ «Орунчунъ», искаженномъ Китайцами въ «Голун-чунъ»[4]). Іакинфъ, пользуясь также китайскими источниками, называетъ ихъ «Элун-чунь», однимъ изъ трехъ племенъ, обитающихъ на Сахалинѣ, причемъ онъ, однако, ошибочно отводитъ имъ южную часть острова[5]). Наконецъ, въ недавнее время, архим. Палладій, на основаніи маньчжуро-китайскихъ дан-

---

1) Siebold, Nippon, I, p. 128.

2) См. выше, стр. 20, 21.

3) Tai Tsing hoei tien, 1818, T. XI; см. Ritter, Asien, Bd. III, p. 444.

4) Въ той же государственной географіи, по Потье (Pauthier, Chine moderne, I. partie, p. 168).

5) Статист. Опис. Кит. Имп. С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 30, прим.

ныхъ, упоминаетъ о нихъ подъ именемъ «Оронъчо», какъ объ одномъ изъ народовъ, платившихъ въ прежнія времена ясакъ собольими шкурами въ Гирінъ, для отсылки Пекинскому двору [1]).

И такъ, Ороки у Японцевъ и у Маньчжуро-Китайцевъ называются однимъ и тѣмъ же, лишь нѣсколько видоизмѣненнымъ именемъ. Совершенно сходны также и названія, данныя имъ ближайшими сосѣдями ихъ, Айнами и Гиляками, такъ какъ Айны называютъ ихъ «Орохко» [2]), а Гиляки, на западномъ берегу Сахалина — «Оронгта», а въ долинѣ рѣки Тымы, гдѣ я самъ неоднократно съ ними встрѣчался,— «Орокò» [3]). Извѣстно, однако, что то же имя, съ незначительными лишь измѣненіями, носятъ и нѣкоторыя тунгусскія племена на материкѣ, а именно: Орочи, на берегу Сѣверо-Японскаго моря, и Орочоны, на верхнемъ Амурѣ; наконецъ, и названіе Ольча, если принять въ соображеніе частое смѣшеніе у Тунгусовъ звуковъ *р* и *л*, можно также считать однозвучнымъ съ именемъ «Орча» или «Ор(о)ча». Дѣйствительно, Ольчей сосѣди ихъ, Гиляки, называютъ «Оронгръ» и «Оронгшъ» [4]).

Этимологія всѣхъ этихъ названій, близкихъ другъ къ другу, вслѣдствіе созвучія, — оче-

---

1) Дорожн. замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 399). Хотя Палладій, для объясненія этого названія, и прибавляетъ въ скобкахъ: «Орочоны», однако, если разумѣть здѣсь инородцевъ этого имени, обитающихъ по верхнему Амуру, то объясненіе это не вѣрно, потому что Орочоны — народъ, принадлежавшій къ Китайской провинціи Хэ-лунъ-цзянъ, или нашему верхне-амурскому краю. Въ провинціи же Гиринъ, или нижне-амурскомъ краѣ, есть два народа съ подобнымъ названіемъ, а именно: Орочи на морскомъ берегу и Ороки на Сахалинѣ; но такъ какъ первые изъ нихъ упоминаются въ перечнѣ подъ особымъ названіемъ «Кьякала», то имя «Ороньчо» можетъ относиться только къ Сахалинскимъ Орокамъ.

2) Брылкинъ, Письма съ Сахалина (Зап. Сибирск. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. VII, 1864, стр. 21).

3) Только у Амурскихъ Гиляковъ я слышалъ для Ороковъ также названіе «Тозонгъ», но объяснить его себѣ не могу. Не было ли оно собственно «Трозонгъ», и не находится ли это имя въ связи съ «Тро» — гиляцкимъ названіемъ для нѣкоторой части Сахалина, о которой будетъ рѣчь впереди?

4) Выше уже сказано, что Ороки на этнографической картѣ Азіятской Россіи Венюкова, равно какъ и въ трудѣ, къ которому она приложена (Опытъ военнаго обозр. русск. границы въ Азіи, С. Петерб. 1873, стр. 58), означены подъ именемъ «Орокаповъ». Изъ сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ раньше названнаго труда, я встрѣтилъ это названіе еще только въ одномъ извлеченіи изъ журнала: «Alaska Herald», помѣщенномъ въ Парижскомъ «Bulletin de la Société géographique» (VIe Sér. T. IV, Ann. 1872, Juillet—Décembre, p. 172). Это извлеченіе замѣчательно тѣмъ, что передаетъ имена трехъ Сахалинскихъ народовъ въ такой формѣ, что ихъ едва можно узнать: въ немъ, именно, на французскомъ языкѣ буквально сохранена ореографія, избранная авторомъ англійской статьи, въ «Alaska Herald», для точной передачи русскихъ названій этихъ племенъ. «Les indigènes (de l'île de Sakhaline)», сказано въ Bull. de la Soc. géogr., «forment trois races: les Heelyakee, les Orokappee et les Oyeene» (съ русскихъ названій: Гиляки, Орокапы [?] и Айны). Послѣ этого не удивительно, что Гельвальдъ (Das Volk der Ainos. — Ausland, 1873, p. 913) не узналъ въ этомъ указаніи ни одного изъ трехъ Сахалинскихъ народовъ. Вотъ какъ онъ отзывается о немъ: «объ Айнахъ въ немъ, слѣдовательно, не упоминается, а равно и не сказано, относятся ли эти названія къ разнымъ аинскимъ племенамъ, что, впрочемъ, невѣроятно». Относительно же имени «Орокапы», столь страннымъ образомъ искаженнаго у Венюкова и въ упомянутыхъ не русскихъ статьяхъ, я долженъ замѣтить слѣдующее. Въ исторіи россійско-американской торговой Компаніи Тихменьева (Ист. Обозр. образ. росс.-амер. Комп. Ч. II, стр. 117), этотъ народъ, на основаніи первыхъ донесеній, полученныхъ отъ посланныхъ на Сахалинъ компанейскихъ прикащиковъ, означенъ подъ именемъ «Орокаты» или «Орнгоры», и въ этомъ названіи не трудно узнать вышеупомянутыя японскія и гиляцкія названія: «Ороцко», «Ориката» и «Оронгръ». Изъ слова же «Орокаты», вслѣдствіе недосмотра, могло легко образоваться: «Орокапы».

вида и относительно одного изъ нихъ (Орочоновъ) уже была высказана съ разныхъ сторонъ[1]). *Оро* или *оронъ* на языкѣ тунгусскихъ инородцевъ Амурскаго края[2]), а равно и Сибири[3]), значитъ «олень» и преимущественно домашній. Поэтому, всѣ упомянутые выше названія означаютъ «оленный народъ» или «оленеводы». Хотя въ настоящее время подобное названіе примѣнимо лишь къ двумъ амурскимъ народамъ, къ Орочонамъ, на крайнемъ западѣ этого края, и къ Орокамъ, на крайнемъ его востокѣ, однако уже тотъ фактъ, что оно уцѣлѣло и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ, служитъ доказательствомъ, что эти племена когда-то также кочевали съ оленями и лишь послѣ потери своихъ оленей, поселившись на Амурѣ и на морскомъ берегу, сдѣлались рыболовами[4]). Но кто впервые далъ этимъ народамъ названіе «оленные»? Немыслимо, конечно, чтобы они сами назвали себя по имени домашняго животнаго, хотя и столь важнаго для нихъ. Клапротъ положительно говоритъ, что Маньчжуры называютъ всѣхъ прочихъ Тунгусовъ общимъ именемъ «Орочоны»[5]). Дѣйствительно, въ пользу маньчжурскаго происхожденія этого названія говоритъ то обстоятельство, что оно встрѣчается лишь между Тунгусами Амурскаго края, а Русскимъ стало извѣстно лишь тогда, когда они познакомились съ оленнымъ тунгусскимъ племенемъ, состоявшимъ въ маньчжурскомъ подданствѣ, а именно съ нынѣшними Орочонами верхняго приамурскаго края, что случилось сравнительно поздно[6]). Что это племя, живущее неподалеку отъ Маньчжуровъ, платившее имъ до послѣдняго времени ясакъ и еще донынѣ кочующее съ оленями, могло получить подобное имя, общеупотребительное у Маньчжуровъ, — кажется весьма понятнымъ. Труднѣе вопросъ относительно инородцевъ нижняго Амура, Ольчей и Орочей, для которыхъ у Маньчжуровъ въ настоящее время имѣются другія названія, равно какъ и относительно Сахалинскихъ Ороковъ, съ которыми они, какъ сказано выше, познакомились сравнительно лишь въ очень позднее время, не прежде первой четверти прошлаго столѣтія. Оставимъ пока въ сторонѣ Орочей, о которыхъ будетъ рѣчь впереди и особо, и остановимся сперва лишь на Ольчахъ и Орокахъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что Гиляки заимствовали свои названія для этихъ ближайшихъ сосѣдей своихъ у

---

1) Уже Жербильономъ (см. Du Halde, Descr. de l'Emp. de la Chine, T. IV, Paris, 1735, p. 37), затѣмъ Клапротомъ (Orig. de la nat. des Mandchoux, въ Mém. relat. à l'Asie, T. I, Paris, 1824, p. 453; Asia polygl. p. 289) и др.

2) См. мое соч.: «Reisen u. Forsch. im Amur-Lande», Bd. I, p. 167.

3) A. Schiefner, Alex. Castrén's Grundzüge einer tungus. Sprachlehre, nebst kurzem Wörterverzeichniss, St. Petersb. 1856, p. 76, 109, 130.

4) Изъ исторіи Сибири извѣстны многіе случаи подобной перемѣны образа жизни цѣлыхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, по Врангелю и Матюшкину, нынѣшнее, правда, немногочисленное населеніе по большому и малому Анюямъ состоитъ изъ Тунгусовъ, Ламутовъ (береговыхъ Тунгусовъ), Юкагировъ и Чуванцевъ, которые прежде всѣ кочевали съ оленями; въ послѣдствіи же, когда олени ихъ перевелись отъ волковъ и мора, то эти инородцы поселились на названныхъ рѣкахъ и стали жить охотою и рыбною ловлею. (Врангель, Путеш. по Сиб. и Ледов. морю, С. Петерб. 1841, Ч. II, стр. 7, 26, 138, 175).

5) Asia polygl. p. 289. Князь Костровъ (Очерки Туруханск. края. — Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. IV, 1857, стр. 81) недавно еще высказалъ мнѣніе, будто Монголы называютъ Тунгусовъ Орочонами или Орончонами; но, по Клапроту (тамъ же), они называютъ ихъ «Хам-нойонъ». Во всякомъ случаѣ, названіе «Орочоны» — не монгольскаго происхожденія.

6) Я возвращусь къ этому послѣ.

Маньчжуровъ. Съ другой стороны, еще менѣе вѣроятно, что они сами собою дошли до того же названія для этихъ племенъ, какимъ Маньчжуры означаютъ Орочоновъ, тѣмъ болѣе, что это названіе, по своей этимологіи,— не гиляцкаго, а тунгусскаго происхожденія. Я думаю, что этотъ вопросъ разрѣшается всего проще слѣдующимъ образомъ. Надо предполагать, что эти народы получили свое названіе отъ Маньчжуровъ или ихъ предковъ еще въ то время, когда кочевали съ оленями въ горахъ, вдали отъ своихъ нынѣшнихъ мѣстъ жительства. Данное имъ названіе они приняли или, по крайней мѣрѣ, усвоили себѣ въ сношеніяхъ съ чужеземцами, въ томъ числѣ и съ поздиѣйшими сосѣдями своими, Гиляками, вслѣдствіе чего оно сдѣлалось употребительнымъ для нихъ и у послѣднихъ, хотя, разумѣется, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Сколько я самъ ни разспрашивалъ Ольчей, отвѣтъ ихъ былъ одинъ и тотъ же, а именно, что они сами называютъ себя такъ. Отъ нихъ же я впервые и слышалъ это имя[1]), потому что Русскіе даютъ имъ другое названіе (Мангуны), о которомъ будетъ рѣчь впереди. Глэнъ[2]) называетъ и Сахалинскихъ Ороковъ просто Ольчáми, не говоря, правда, что они сами обозначаютъ себя этимъ именемъ. Однако, изъ того обстоятельства, что, повидимому, ему было совершенно не извѣстно, точно такъ ли называютъ себя и Амурскіе Мангуны (Ольчи), для которыхъ онъ, напротивъ, употребляетъ вышеупомянутое, принятое у Русскихъ имя[3]), надо полагать, что названіе «Ольчи» онъ слышалъ отъ самихъ Ороковъ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Ороки, какъ я уже говорилъ[4]) и какъ доказываютъ ихъ языкъ и вся внѣшность,— ближайшіе родственники Ольчей, и, надо даже полагать,— не болѣе, какъ одно изъ племенъ этихъ послѣднихъ, переселившееся — можетъ быть, даже не такъ-то давно — по вышеуказанному пути, съ острова на материкъ[5]). И такъ, можно было бы дѣлить и Ольчей, подобно Гилякамъ,

---

1) Оно обыкновенно выговаривается, какъ нѣчто среднее между «Ольча» и «Ольца», такъ что собственно слѣдовало бы писать: «Ольц(ч)а»; но, въ видахъ краткости, я этого не дѣлаю.

2) Glehn, Reisebericht von der Insel Sachalin (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, herausg. von Baer und Helmersen, Bd. XXV, p. 196 u. a.).

3) Тамъ же, стр. 197.

4) См. выше, стр. 20, 21.

5) По Шмидту (Histor. Bericht etc.—Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, Bd. XXV, p. 121), они и сами причисляютъ себя къ одному племени съ Ольчами. Совершенно невѣрно и лишь тенденціозно мнѣніе Невельского, неоднократно повторяющееся въ его посмертномъ сочиненіи (Подв. русск. морск. офиц. на крайн. вост. Россіи), что Сахалинскіе Ороки — потомки Тунгусовъ, перекочевавшихъ туда изъ Удского края (стр. 151—153, 256, 275, 293, 295, 299, 302, 305 и др.). Поводомъ къ этому мнѣнію послужило, можетъ быть, то обстоятельство, что подобно Тунгусамъ, они держатъ оленей и тѣмъ отличаются отъ всѣхъ прочихъ инородцевъ, какъ сахалинскихъ, такъ и нижне-амурскихъ. Но, кромѣ того, такое происхожденіе Ороковъ соотвѣтствовало желаніямъ начальника Амурской Экспедиціи относительно присоединенія Сахалина къ Россіи. На основаніи его, можно было утверждать, что Ороки, какъ выходцы изъ страны, перешедшей (хотя уже позже) во власть Россіи, должны считаться русскими подданными. Въ этихъ видахъ, Невельской и сподвижники его развивали эту мысль дальше; они стали воображать, что таковы показанія и самихъ Ороковъ, — мало того, считали даже возможнымъ по этимъ показаніямъ опредѣлить время, когда совершилось переселеніе Ороковъ на Сахалинъ. Но тутъ выводы ихъ сильно расходятся, и становится вполнѣ очевиднымъ, что каждый изъ нихъ получилъ отъ Ороковъ такое именно показаніе, какое согласовалось съ его собственнымъ предположеніемъ: то переселеніе это состоялось, будто-бы, въ началѣ, то — въ концѣ XVI столѣтія, то —въ началѣ, то — въ половинѣ XVII столѣтія, смотря по тому, къ какому времени кто относилъ завоеваніе

на Амурскихъ и Сахалинскихъ. Однако, обѣ части этого племени, какъ оставшаяся на материкѣ, такъ и переселившаяся на островъ, со времени своего раздѣленія, совершенно разошлись въ образѣ жизни; между прочимъ, и въ ихъ языкѣ — какъ иначе и быть не могло — установились различія, не меньшія, можетъ быть, чѣмъ между нѣкоторыми другими тунгусскими племенами Амурскаго края. Въ виду всего этого, я продолжаю разематривать Сахалинскихъ Ольчей, какъ особый народъ, называемый Орокáми. Коль скоро доказано, что Амурскіе Мангуны сами называютъ себя «Ольча», и что совершенно тѣмъ же именемъ обозначаютъ себя и Сахалинскіе Ороки, то происхожденіе гиляцкихъ названій «Оронгръ» или «Оронгинъ», для первыхъ, и «Оронгта» или «Ороко», для послѣднихъ, объясняется уже само собою. Отъ Гиляковъ, которые, конечно, первые вступили въ сношенія съ переходившими на Сахалинъ Ороками, заимствовали потомъ сосѣди ихъ, Аины, свое совершенно одинаковое названіе «Орохко» для этого народа; а Аинамъ, въ свою очередь, обязаны Японцы своимъ названіемъ «Ороцко» для этихъ оленныхъ кочевниковъ. Вотъ какимъ образомъ считаю я возможнымъ объяснить себѣ то странное обстоятельство, что народы, живущіе далеко другъ отъ друга и говорящіе совершенно различными языками, даютъ Орокамъ одно и то же названіе, подвергая его лишь незначительнымъ измѣненіямъ.

Иное дѣло — съ **Орочами,** на материковомъ побережьѣ Японскаго моря: тутъ совсѣмъ иные и ходъ постепеннаго распространенія племени въ Амурскомъ краѣ, и происхожденіе общеупотребительнаго нынѣ названія, хотя оно почти то же, что и у Ольчей и Ороковъ. Будучи распространены на обширномъ пространствѣ съ сѣвера на югъ, а именно до самыхъ границъ Кореи, Орочи представляютъ аналогію съ Аинами въ томъ отношеніи, что въ южной части занимаемаго ими пространства, вслѣдствіе прикосновенія ихъ здѣсь съ однимъ изъ культурныхъ народовъ восточной Азіи, Китайцами, становятся извѣстными гораздо раньше, чѣмъ въ сѣверной части. Къ югу отъ 46° с. ш., гдѣ, чѣмъ южнѣе, тѣмъ больше встрѣчается между ними Китайцевъ, они имѣютъ у послѣднихъ названіе «Та-цзе», «Та-чже» или «Та-че», принятое для нихъ въ настоящее время и Русскими (Тацзы или Тазы)[1]. Но слово «Та-чже», по Клапроту[2]), образовалось изъ «Та-та» — названія,

---

Ленскаго и Удскаго краевъ Русскими. Затѣмъ, пошли и дальше, стали утверждать, что Сахалинскіе Ороки — народъ, образовавшійся чрезъ смѣшеніе Русскихъ съ Тунгусами, причемъ дѣлались ссылки на ихъ внѣшность и опять-таки на ихъ собственныя показанія (тамъ же, стр. 305, 306). Къ довершенію всего, утверждали, что Ороки, составляя, будто бы, уже прежде смѣсь Русскихъ и Тунгусовъ, на Сахалинѣ смѣшались еще и съ Аинами (стр. 306) и распространились до самой южной оконечности этого острова. На этихъ и подобныхъ имъ мнимыхъ и ложныхъ доводахъ, отчасти уже указанныхъ нами (см. стр. 76, прим. 1), основывался Невельской при нѣкоторыхъ изъ своихъ предпріятій въ Амурскомъ краѣ и на Сахалинѣ, несогласныхъ съ видами тогдашняго правительства, но за которыми, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать большой смѣлости, энергіи и положительной заслуги.

1) См. выше, стр. 23.

2) Asia polygl. p. 203.

которое Китайцы первоначально (начиная съ IX вѣка) давали жившимъ къ сѣверо-западу отъ нихъ монгольскимъ племенамъ; въ послѣдствіи же оно сдѣлалось коллективнымъ названіемъ и для тунгусскихъ племенъ, или, какъ выражается Риттеръ[1]), для «смѣси народовъ» на сѣверо-востокѣ. Такъ, напримѣръ, предки Маньчжуровъ назывались у китайскихъ авторовъ «Шуи-тачже», т. е. водяными татарами, инородцы нижне-амурскаго края, одѣвающіеся въ рыбьи кожи, — «Юйпи-тацзе, т. е. рыбокожими татарами, или — что можетъ быть вѣрнѣе — рыбокожими дикарями, потому что «Та-цзе» имѣетъ то же значеніе, что и китайское «Пе-ти», т. е. дикарь или, собственно говоря, сѣверный дикарь[2]). Въ болѣе близкое соприкосновеніе къ южнымъ Орочамъ, называемымъ нынѣ по-китайски просто «Та-цзе», Китайцы пришли, однако, лишь со времени водворенія у нихъ нынѣ царствующей Маньчжурской династіи, открывшей доступъ въ Амурскій край какъ добровольнымъ, такъ и недобровольнымъ переселенцамъ изъ Китая.

Іезуиты-миссіонеры, посѣтившіе въ началѣ XVII столѣтія, по приказанію императора Кхан-си, часть нижне-амурскаго края, полагали, что на морскомъ берегу къ востоку отъ Амура — гдѣ они, впрочемъ, сами не бывали — обитаетъ тотъ же народъ «Кечегъ» (Гольды и Ольчи), съ которымъ они познакомились на Амурѣ[3]). Согласно съ этимъ, въ атласѣ д'Анвиля[4]), по морскому берегу противъ острова Сахалина показанъ народъ «Кечегъ» или «Кечигъ», и это повторяется потомъ на гораздо позднѣйшихъ русскихъ картахъ[5]). Но въ Китайской государственной географіи династіи Цинъ. Орочи значатся подъ маньчжурскимъ именемъ «Кіякла»[6]) или, въ болѣе искаженной Китайцами формѣ, «Гокэ-ла»[7]). Равнымъ образомъ, архим. Палладій, основываясь на маньчжуро-китайскихъ источникахъ, называетъ, въ числѣ ясачныхъ народовъ провинціи Гирінъ, племя «Кякала», причемъ относитъ это имя къ Тазамъ морского берега[8]). Уссурійскіе Гольды неоднократно называли мнѣ этотъ народъ «Кэкаръ» — названіе, въ которомъ не трудно узнать вышеупомянутое имя. Правда, однажды они называли его болѣе общимъ и неопредѣленнымъ именемъ «Ламука», т. е. приморскіе жители. Замѣчательно, что то же имя употребляется для Орочей и у Гиляковъ. Уже Мамія Ринсо, во время своего пребыванія среди Сахалинскихъ Гиляковъ, слышалъ о народѣ «Кьяк-кара», живущемъ на противолежащемъ берегу материка[9]); въ послѣдствіи же, по переходѣ на материкъ, онъ видѣлъ въ заливѣ Таба суда этого народа, прибывшія туда, по его мнѣнію, издалека, изъ мѣстъ, сосѣднихъ съ Кореею[10]). Миддендорфъ слышалъ у Гиляковъ по Охотскому морю о народѣ

---

1) Asien, Bd. I, p. 274 ff.

2) Klaproth, l. c. p. 260. Ritter, l. c. p. 277.

3) Du Halde, Descript. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 12.

4) Nouv. Atlas de la Chine. Carte 1e (1734) et 18e (1732).

5) Такъ, напр., на изданной Военно-Топографическимъ Депо картѣ Познякова (Генеральная карта Азіятской Россіи, 1825 г.) въ означенномъ мѣстѣ показаны «Кечены».

6) Ritter, Asien, Bd. III, p. 444.

7) Pauthier, Chine moderne, I. partie, p. 168.

8) Арх. Палладій, Дорожн. зам. и пр. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 399); его-же: Уссурійскіе Маньцзы (Извѣстія Русск. Геогр. Общ. Т. VII, 1871, Отд. II, стр. 93, 123).

9) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 169).

10) Тамъ же, стр. 171. Зибольдъ, увлекаясь случай-

«Кьэхкалъ», живущемъ по Амуру и за Амуромъ[1]). Во время своей второй зимней поѣздки на Сахалинъ, я разспрашивалъ одного изъ Гиляковъ деревни Ыткырпъ въ Тымской долинѣ, хорошо знакомаго, по своимъ средствамъ, съ Амурскимъ краемъ, не разъ предпринимавшаго торговыя поѣздки на материкъ и знавшаго языкъ Ольчей и Аниовъ; онъ, кромѣ другихъ, уже извѣстныхъ мнѣ инородцевъ на материкѣ, называлъ мнѣ народъ «Кэкалъ», который, по его словамъ, живетъ по морскому берегу, къ югу отъ залива де-Кастри. Замѣчу еще, что выше уже неоднократно упоминалось о лежащей на восточномъ берегу Сахалина деревнѣ, въ настоящее время заселенной Гиляками и Орокими и носящей, впрочемъ, гиляцкое названіе «Кэкр-во»[2]). Предположеніе свое о томъ, почему дано ей это названіе, я выскажу въ послѣдствіи. Пока же остановлюсь еще на самомъ имени «Кэкалъ» или «Кэк(а)ръ». Изъ того обстоятельства, что оно у Гиляковъ совершенно одинаково съ употребительнымъ у Гольдовъ и, съ небольшимъ лишь видоизмѣненіемъ, даже у Манъчжуровъ, можно, мнѣ кажется, заключить, что заимствовали его Гиляки отъ Гольдовъ, а не наоборотъ. Дѣйствительно, Гольды на всемъ протяженіи отъ рѣки Хонгара до верховьевъ Уссури — непосредственные сосѣди Орочей; они находятся съ ними въ частыхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ, и мнѣ самому неоднократно случалось встрѣчаться у Гольдовъ съ заѣзжими къ нимъ Орочами. Напротивъ того, между Гиляками и Орочами простирается длинная незаселенная полоса земли, и взаимныя сношенія этихъ племенъ, во всякомъ случаѣ, лишь крайне ограничены. Сколько часты торговыя поѣздки Гиляковъ вдоль западнаго берега Сахалина до Спрангуи, столько же чужды имъ пустынный, скудно заселенный Орочами берегъ материка. Кромѣ того, сношеніямъ Орочей съ живущими напротивъ нихъ Сахалинскими Гиляками, а тѣмъ болѣе съ Аинами, ставитъ преграду море, болѣе и болѣе расширяющееся къ югу и незамерзающее въ срединѣ зимою. И такъ, основываясь на упомянутыхъ названіяхъ, приходишь къ заключенію, что Гиляки впервые познакомились съ Орочами повидимому чрезъ посредство Гольдовъ. Затѣмъ, если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что до сихъ поръ Орочи въ южной части занимаемаго ими пространства гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ сѣверной, гдѣ населеніе ихъ, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ все скуднѣе и рѣже, то невольно напрашивается мысль, что распространеніе ихъ шло съ юга, съ границъ Кореи и верховьевъ Уссури, и исподоволь подвигалось на сѣверъ вдоль берегового хребта и морского берега. Если это было такъ, то они не могли быть первоначально оленнымъ народомъ, подобно Ольчамъ и Орокамъ, а, скорѣе надо полагать, были и прежде такими же простыми охотниками и рыболовами, каковы до сихъ поръ. Но какъ же, спрашивается, объяснить себѣ въ такомъ случаѣ ихъ нынѣшнее названіе, прямо противорѣчащее всему вышесказанному?

ными сходствомъ звуковъ, обращается весьма далеко за объясненіемъ этого имени: онъ говоритъ, что имя «Кьяккара» напоминаетъ горныхъ Киргизовъ, называемыхъ «Кара», т. е. черные (тамъ же, стр. 199).

1) См. отчетъ о его путешествіи, въ Bull. de la cl. physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 235; также въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, Bd. IX, 2. Abth. p. 618.

2) *Во* по-гиляцки значитъ «деревня».

Извѣстно, что Европейцы впервые узнали Орочей подъ этимъ названіемъ, благодаря Лаперузу, встрѣтившемуся съ ними въ заливѣ де-Кастри, въ 1787 году[1]). Такъ какъ этотъ мореплаватель тогда же составилъ, хотя и короткое, но наглядное и интересное ихъ описаніе, и вообще доставилъ первыя свѣдѣнія объ этомъ побережьѣ, то, понятнымъ образомъ, введенное имъ въ употребленіе имя «Орочи» было всѣми принято. Безъ сомнѣнія, Лаперузъ самъ слышалъ его отъ туземныхъ жителей залива. Поэтому, можно было бы полагать, что это и есть названіе, которымъ они сами обозначаютъ себя, и что оно, слѣдовательно, примѣняется къ нимъ съ полнымъ правомъ. На самомъ же дѣлѣ, это — вовсе не такъ: названіе «Орочи» перенесено на это племя лишь по ошибкѣ. Выше уже было сказано[2]), что населеніе въ заливѣ де-Кастри, вслѣдствіе его географическаго положенія, — смѣшанное, изъ Ольчей и Орочей. Такимъ оно было уже и въ то время, когда Лаперузъ открылъ этотъ заливъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что Лаперузъ нашелъ здѣсь дома и многочисленныя гробницы совершенно различной постройки. Хотя самъ Лаперузъ и предполагалъ, что одни изъ этихъ гробницъ принадлежали богатымъ, а другіе бѣднымъ представителямъ одного и того же народа, однако, по составленнымъ имъ описаніямъ и изображеніямъ[3]), не трудно узнать здѣсь совершенно различныя другъ отъ друга гробницы Ольчей и Орочей. Во время своего вторичнаго посѣщенія залива де-Кастри, лѣтомъ 1855 г., я самъ убѣдился въ существованіи здѣсь двухъ родовъ гробницъ. Поэтому я нисколько не сомнѣваюсь, что Лаперузъ узналъ имя народа не отъ Орочей, а отъ Ольчей. Такъ какъ послѣдніе, дѣйствительно, сами называютъ себя этимъ именемъ, то онъ отъ нихъ и долженъ былъ слышать названіе, которое, при столь обыкновенной замѣнѣ тунгусскими племенами буквы *л* буквою *р*, могло быть произносимо и «Ольча», какъ я его слышалъ, и «Ор(о)ча». Впрочемъ, Лаперузъ вовсе не распространялъ имени «Орочи» на жителей лежащаго дальше къ югу побережья Японскаго моря, потому что, послѣ своей стоянки въ заливѣ де-Кастри, онъ на этомъ берегу больше не бывалъ. Это было сдѣлано уже въ послѣдствіи, Русскими, при занятіи ими Амурскаго края и всего побережья Сѣверо-Японскаго моря, а они, понятнымъ образомъ, поступили такъ потому, что, съ одной стороны, убѣдились въ распространеніи по всему побережью, до залива де-Кастри къ сѣверу, одного и того же народа, а, съ другой стороны, не знали, что населеніе въ этомъ заливѣ — смѣшанное, что часть его состоитъ изъ Ольчей и что это-то и есть настоящее имя такъ называемыхъ Мангуновъ[4]).

---

1) La Pérouse, Voyage autour du monde, publ. et rédigé par Milet-Mureau, T. III, Paris, an V (1797), p. 62 et suiv.

2) См. стр. 22, 27.

3) La Pérouse, l. c. p. 67; Atlas, pl. № 53.

4) Въ отчетахъ о своемъ путешествіи, которые я посылалъ въ Академію, я самъ, и притомъ одинъ изъ первыхъ въ печати, сталъ употреблять имя «Орочи» для народа, живущаго по берегу Сѣверо-Японскаго моря (Bull. de la cl. phys.-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St.-Pétersbourg, T. XIV, 1856, p. 43, 45, 188, 220; T. XV, p. 245 sqq.; Mél. phys. et chim. T. II, p. 350, 353, 452; Mél. russes, T. III, p. 63, 350 sqq.). Я дѣлалъ это вслѣдствіе того, что названіе это въ то время уже установилось между Русскими, а равно и потому, что у меня еще не было тогда яснаго и правильнаго взгляда въ этомъ дѣлѣ.

Вотъ такимъ-то образомъ на прибрежныхъ жителей Сѣверо-Японскаго моря перешло, съ незначительнымъ лишь измѣненіемъ, названіе другого народа Амурскаго края — названіе, совершенно незнакомое ни имъ самимъ, ни ихъ ближайшимъ сосѣдямъ на югѣ и на сѣверѣ, Гольдамъ и Гилякамъ. Объ этомъ нельзя, однако, не сожалѣть, по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, это привело къ тому, что число весьма сходныхъ между собою и потому легко смѣшиваемыхъ названій Амурскихъ инородцевъ, какъ-то: Орочоны, Ольчи, Ороки, стало еще однимъ больше (Орочи); во-вторыхъ, изъ этимологіи этого имени можно легко вывести заключенія о первоначальномъ образѣ жизни и распространеніи разсматриваемаго народа — заключенія, отнюдь къ нему непримѣнимыя, такъ какъ уже было доказано выше, что такъ называемые нынѣ Орочи никогда не были оленными кочевниками и распространились по побережью Сѣверо-Японскаго моря не съ сѣвера, а съ юга. Поэтому, лучше всего было бы вовсе бросить названіе «Орочи» и замѣнить его какимъ-нибудь другимъ, хотя бы названіемъ «Кэкаръ», или тѣмъ, которое они даютъ себѣ сами, если только существуетъ такое названіе, общее у всѣхъ Орочей и Тазовъ отъ залива де-Кастри до Суйфуна. До сихъ поръ, однако, еще совершенно неизвѣстно, какъ называютъ Орочи сами себя. По этой причинѣ, равно какъ и во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, я предпочелъ остаться пока при нынѣ употребительномъ названіи и только указать на его неосновательность.

Прежде чѣмъ идти дальше, я долженъ здѣсь кстати замѣтить, что Лаперузъ, кромѣ Орочей, встрѣтилъ въ заливѣ де-Кастри еще нѣсколько человѣкъ другого народа, названнаго имъ, со словъ Орочей, «Бичи»[1]). Народъ этотъ, говорили ему, живетъ дальше къ югу, по Амуру; въ заливъ же де-Кастри Бичи пришли лишь на время, въ четырехъ лодкахъ, и Лаперузъ былъ самъ свидѣтелемъ ихъ пріѣзда. Но въ дѣйствительности, народа такого имени нѣтъ ни на Амурѣ, ни вообще въ Амурскомъ краѣ. Однако мнѣ извѣстны тамъ двѣ мѣстности, носящія подобное названіе: одна изъ нихъ, это—рѣка Бичи, впадающая въ озеро Удыль и о которой говоритъ Бошнякъ въ отчетѣ о своемъ путешествіи[2]), а другая — деревня Бичу, лежащая при впаденіи въ Амуръ рѣки Горина и въ которой я самъ былъ зимою 1855 года. Такъ какъ на вопросъ, къ какому народу принадлежали люди, встрѣченные Лаперузомъ, было, весьма вѣроятно, названо мѣсто, откуда они пришли, то можно, кажется, признать ихъ за уроженцевъ той или другой изъ вышеупомянутыхъ мѣстностей, т. е. или за Самагирцевъ (или Негидальцевъ)[3]), или за Гольдовъ. Однако первые, собственно говоря, не принадлежатъ къ прибрежнымъ жителямъ Амура; кромѣ того, рѣка Бичи лежитъ не къ югу, а къ сѣверу отъ залива де-Кастри или отъ деревни Кидзи, около которой идущіе съ залива выходятъ на Амуръ; да наконецъ, я никогда и не

---

1) По французской орографіи: «Bitchys» (La Pérouse, l. c. p. 62 sqq.).

2) Бошнякъ, Экспед. въ При-амурск. край (Морск. Сбори. 1859, № 1, Ч. неоф., стр. 123).

3) См. сказанное выше (стр. 32 и 33) о жителяхъ озера Удыль. По Бошняку (тамъ же), отъ рѣки Бичи къ Амгуни ведетъ зимняя дорога.

слыхалъ, чтобы Самагирцы или Негидальцы предпринимали такія дальнія торговыя поѣздки. Лодки же Бичей, судя по рисункамъ и описанію Лаперуза[1]), были большія, многовесельныя суда, нагруженныя различными товарами, матеріями, хлѣбомъ и т. п. Поэтому, весьма вѣроятно, что Лаперузовскіе «Бичи» были Гольды изъ деревни Бичу, отправлявшіеся торговать на Сахалинъ, и по пути съ Амура чрезъ озеро Кидзи на бухту Табу завернувшіе въ близлежащій заливъ де-Кастри, чтобы, кстати, поторговать и здѣсь. Это, слѣдовательно, — тѣ же С'янты (какъ называютъ ихъ Сахалинскіе Аины и Японцы), о которыхъ мы уже говорили выше, и съ которыми мы встрѣчаемся здѣсь какъ разъ, на пути ихъ къ Сахалину. Извѣстно, что ихъ разсказъ о томъ, какимъ путемъ они переходятъ съ Амура въ заливъ де-Кастри, послужилъ Лаперузу подтвержденіемъ составившагося у него мнѣнія о несудоходности такъ называемаго Татарскаго залива. Не имѣя понятія о томъ, какъ близко Амуръ Кидзинскимъ озеромъ подходитъ къ морю, и считая несомнѣннымъ, что Бичи только устьемъ Амура могли выдти въ море, онъ объяснялъ себѣ показаніе ихъ, что имъ приходится перетаскивать свои лодки по сушѣ, существованіемъ, хотя узкаго и низкаго, перешейка между Сахалиномъ и матерыкомъ, а отсюда выводилъ заключеніе, что этотъ предполагаемый островъ, по крайней мѣрѣ во время отлива, вслѣдствіе обнаженія морского дна, превращается въ полуостровъ[2]).

Въ предыдущемъ изложеніи, и въ особенности тамъ, гдѣ рѣчь шла объ Орокахъ и Орочахъ, упоминалось и объ **Ольчахъ** такъ часто, что теперь, относительно ихъ, остается намъ лишь кое-что прибавить, пополнить и связать между собою. Ни одинъ изъ народовъ Амурскаго края съ давнихъ поръ не былъ такъ часто, какъ Ольчи, смѣшиваемъ со своими сосѣдями, живущими по Амуру, и кверху, и книзу отъ него. Поэтому, невозможно ожидать, чтобы изъ сравненія древнихъ историческихъ извѣстій объ этомъ народѣ обнаружились какія-либо передвиженія ихъ границъ. Какъ въ маньчжурскихъ и китайскихъ, такъ и въ русскихъ источникахъ, о нихъ упоминается лишь подъ общимъ названіемъ, большею частью за-одно съ Гольдами, а иногда и съ Гиляками, такъ что невозможно разузнать ни сѣверной ихъ границы, ни южной.

Самымъ неопредѣленнымъ образомъ значатся Ольчи у древнихъ іезуитовъ-миссіонеровъ, а именно подъ однимъ, общимъ съ ихъ сосѣдями именемъ «Кечингъ», «Кеченгъ» или «Кеченг-тацзе». Это названіе относилось ко всѣмъ племенамъ нижняго Амура, начиная съ Дондона внизъ и до самаго устья, равно какъ и къ жителямъ лежащаго противъ Сахалина морского берега[3]). Нѣсколько болѣе правильная форма и болѣе ограниченное и

---

1) Voyage autour du monde, l. c. Atlas, pl. № 62.
2) La Pérouse, l. c. p. 72.
3) Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine et de la Tart. Chin. T. IV, p. 7, 12, 13 sqq. По французской орѳографіи: «Ketching, Ketchen».

опредѣленное значеніе дано этому маньчжурскому названію въ составленной въ 1722 г. Китайцемъ У-чень запискѣ о Нингутѣ[1]): народъ, названный у него «Хэйцзинь» или «Хэчжень», на нижнемъ Амурѣ, не простирается до самаго устья, гдѣ, напротивъ, уже живетъ другой народъ, «Фэй-я-ха» (Гиляки)[2]). Еще болѣе опредѣленное, хотя все-таки коллективное, значеніе дано ему въ государственной географіи династіи Цинъ, такъ какъ тутъ, кромѣ Гиляковъ, выдѣлено изъ него, подъ особымъ названіемъ (Кьякла), и племя Орочей, живущее по морскому берегу. Но за то это названіе соединено здѣсь въ одно съ китайскимъ названіемъ для тунгусскихъ племенъ лѣвыхъ притоковъ нижняго Амура, въ формѣ «Килер-хачжи»[3]). Наконецъ, въ сообщеніомъ архимандритомъ Палладіемъ, также на основаніи маньчжуро-китайскихъ источниковъ, перечнѣ народовъ, платившихъ нѣкогда ясакъ въ Гиринъ, поименовано отдѣльно и племя «Киллэръ», такъ что названіе «Хэчже» или «Хэцзинь» остается, по его мнѣнію[4]), для однихъ только Гольдовъ, а по моему—для Гольдовъ и Ольчей. Въ пользу моего мнѣнія говоритъ уже то обстоятельство, что для Ольчей, въ томъ же перечнѣ, не имѣется никакого особаго маньчжуро-китайскаго названія, и что Палладій вообще нисколько не отличаетъ ихъ отъ Гольдовъ. Затѣмъ, есть и другія несомнѣнныя доказательства тому, что Маньчжуро-Китайцы подъ упомянутымъ названіемъ дѣйствительно разумѣли оба народа. Относительно Гольдовъ, врядъ ли есть надобность въ еще особыхъ доводахъ. Уже іезуиты-миссіонеры доносили, что племя Кечентъ начинается на Амурѣ съ деревни Дондонъ, а эта деревня, подъ тѣмъ же самымъ названіемъ, существуетъ еще и нынѣ, и Гольды простираются внизъ отъ нея по нижнему Амуру еще почти на два градуса широты. Это—такъ называемые нижніе Гольды или, по разграниченію, предложенному мною въ первомъ томѣ моего сочиненія объ Амурскомъ краѣ, Гольды, живущіе внизъ отъ Геонгскаго хребта, подходящаго къ Амуру близъ Дондона. Они отличаются отъ верхнихъ Гольдовъ, живущихъ выше по той же рѣкѣ и по Уссури, нѣкоторыми особенностями нарѣчія, и по своему языку подходятъ гораздо ближе къ Ольчамъ, чѣмъ эти послѣдніе[5]). Что и Ольчи посятъ у Маньчжуровъ то же названіе, я узналъ отъ нихъ самихъ: не разъ уже упомянутый мною старикъ-Ольча изъ деревни Тыръ, много ѣздившій по Амурскому краю и которому я обязанъ разными интересными свѣдѣніями объ этомъ краѣ, сообщилъ мнѣ, что его соплеменники называются у Маньчжуровъ «Хычжа». Вотъ это-то небольшое видоизмѣненіе того же имени ясно указало мнѣ его происхожденіе. Слово *хыды* или *хычжи* на языкѣ Ольчей значитъ «книзу» или «внизъ по теченію». Съ нимъ, по всей вѣроятности, сходно гольдское слово того же значенія, а гольдскій языкъ ближе всѣхъ прочихъ подходитъ къ маньчжурскому. И такъ, *хычжи ней* на

---

1) Въ переводѣ Васильева: Зап. о Нингутѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. Ч. XII, 1857, стр. 90—93).

2) По крайней мѣрѣ, большею частью (см. выше, стр. 104).

3) Ritter, Erdkunde von Asien, Bd. III, p. 444.

4) Палладій, Дорож. зам. на пути отъ Пекина до Благовѣщенска. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 399).

5) См., напримѣръ, названія животныхъ, приведенныя въ I-мъ томѣ моего сочиненія: «Reisen und Forschungen im Amur-Lande», при описаніи млекопитающихъ и птицъ Амурскаго края.

языкѣ Ольчей значило бы только «живущіе книзу люди», а отсюда можно произвести всѣ вышеприведенныя видоизмѣненія въ названіи этого племени, не исключая и имени «Кечепъ», употребляемаго іезуитами-миссіонерами. Во времена походовъ Русскихъ на Амуръ, царствованія въ Китаѣ императора Кхан-си и путешествій іезуитовъ-миссіонеровъ, инородцы нижняго Амура были еще весьма мало извѣстны Маньчжурамъ. Подвластны они имъ собственно не были, но, пріѣзжая въ Нингуту, приносили маньчжуро-китайскому начальству опредѣленную дань мѣхами, чтобы чрезъ то получить право торговли, какъ это и въ мое время дѣлали Ольчи и Гиляки въ Сан-синѣ. Гольды, живущіе внизъ отъ Дондона, даже не имѣли маньчжурской прически[1]), введенной Маньчжурами по всему Китаю, а это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что, начиная оттуда, народы нижне-амурскаго края — подобно тому, какъ, еще во время моего путешествія, Ольчи, Негидальцы, Гиляки и сѣверные Орочи—не признавали надъ собою непосредственной верховной власти Маньчжуро-Китайцевъ. Изъ всего сказаннаго понятно, что Маньчжуры обозначали этихъ, еще чуждыхъ и мало извѣстныхъ имъ инородцевъ лишь коллективно, по ихъ мѣсту жительства, называя ихъ просто «живущими книзу (по Амуру) людьми». Въ послѣдствіи же, когда они ознакомились съ Гиляками и Орочами, какъ съ отдѣльными народностями, названіе это осталось лишь за Гольдами и Ольчами, къ которымъ оно прежде всего относилось.

Подобно тому, какъ у Маньчжуровъ, въ древнѣйшихъ русскихъ извѣстіяхъ Ольчи разумѣются вмѣстѣ съ Гольдами, какъ одинъ народъ, подъ однимъ, общимъ названіемъ: «Натки» — у Пояркова, «Ачаны» — у Хабарова[2]). Первое имя, какъ уже сказано выше, объясняется тунгусскимъ названіемъ Гольдовъ, а во второмъ не трудно, мнѣ кажется, узнать имя «Ольча», которымъ этотъ народъ самъ обозначаетъ себя. Съ мнѣніемъ Плата[3]), что «Ачапы» и «Кечень» — почти одно и то же слово, я не могу согласиться. Если бы онъ былъ правъ, то слѣдовало бы заключить, что Хабаровъ заимствовалъ это названіе у Маньчжуровъ. Но такъ какъ «Кечепъ» есть лишь въ позднѣйшее время искаженная іезуитами-миссіонерами форма: «Хэчжэ» или «Хычжа», то русское названіе этого народа было бы въ такомъ случаѣ «Хэчжены», а это не имѣетъ ничего общаго съ наименованіемъ его у Хабарова, за исключеніемъ конечнаго русскаго слога[4]). Изъ

---

1) Du Halde, l. c. p. 12. У-чень, см. Васильева, тамъ же.

2) Третій изъ русскихъ начальниковъ въ походахъ на Амуръ, лично познакомившійся съ Ольчами и Гольдами, Степановъ, причислялъ тѣхъ и другихъ просто къ Гилякамъ (см. выше, стр. 119).

3) Plath, Die Völker der Mandschurey, Bd. I, Göttingen 1830, p. 63.

4) Въ недавнее время у нашихъ путешественниковъ стало также встрѣчаться названіе «Ходзены» или «Ходжены», подъ которымъ надо разумѣть именно Уссурійскихъ Гольдовъ; такъ, напримѣръ, у Маака (Путешеств. на Амуръ, С. Петерб. 1859, стр. 159 и др.; Путеш. по долинѣ рѣки Уссури, С. Петерб. 1861, стр. 9 и др.), Брыдкина (Краткій очеркъ о туземцахъ Уссурійскаго края.—Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. VII, 1864, Смѣсь, стр. 1) и другихъ. Имѣется ли къ тому достаточное основаніе, объ этомъ будетъ рѣчь позже. Подобно Плату, Маакъ отождествляетъ (въ своемъ Путеш. на Амуръ) между собою названія «Ходзенгъ» и «Ачоны» (sic!) Хабарова, причемъ считаетъ послѣднее только искаженіемъ перваго. Въ оправданіе своего мнѣнія, онъ указываетъ на то обстоятельство, что занимаемыя будто-бы этими наро-

названія «Ольча», напротивъ того, прямо вытекаетъ русская форма «Альчаны», а слѣдовательно, и «Ачапы», встрѣчаемая у Хабарова. Если это объясненіе вѣрно, то извѣстіе Хабарова можно считать первымъ, въ которомъ упоминается названіе «Ольча», хотя и въ нѣсколько искаженномъ видѣ, причемъ оно распространено и на южныхъ сосѣдей Ольчей, на Гольдовъ.

Ольчи впервые были отличены отъ Гольдовъ и означены особымъ названіемъ въ Статистическомъ Описаніи Китайской Имперіи, Іакинфа[1]). Въ этомъ сочиненіи, въ главѣ объ Амурѣ, сказано, что на немъ, отъ впаденія рѣки Уссури и до его устья, живутъ три народа: «Япты[2]), Орлики и Гиляки», о которыхъ тутъ же сообщаются кое-какія мѣткія и характеристическія подробности. Такъ какъ мы уже знаемъ, что «Япты» суть Гольды, по гиляцкому ихъ названію, то подъ «Орликами» непремѣнно должно разумѣть Ольчей. По свидѣтельству самаго Іакинфа[3]), никогда, какъ извѣстно, не бывавшаго на Амурѣ, упомянутое выше описаніе этой рѣки составлено «со словъ торговыхъ Китайцевъ и топографической китайской карты». Признаюсь, что, основываясь на приведенныхъ названіяхъ инородцевъ, я относился къ этому показанію съ недовѣріемъ. И дѣйствительно, недавно Миддендорфъ доказалъ, что эти свѣдѣнія объ Амурѣ почерпнуты вовсе не изъ китайскихъ, а изъ русскихъ источниковъ, что Іакинфъ воспользовался именно рукописнымъ донесеніемъ бѣглаго Гурья Васильева, неоднократно бывавшаго, какъ говоритъ Ладыженскій, въ Амурскомъ краѣ между 1815 и 1826 годами, и спускавшагося по всему Амуру до его устья[4]). Довольно подробныя выписки Миддендорфа изъ донесенія Васильева не оставляютъ, въ этомъ отношеніи, никакого сомнѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, изъ названій, которыми послѣдній означаетъ инородцевъ нижняго Амура, видно, что онъ нѣкоторое время жилъ среди Гиляковъ и получилъ отъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія какъ о ближайшихъ, такъ и о болѣе отдаленныхъ ихъ сосѣдяхъ. Доказательствомъ тому служитъ не разъ уже упомянутый нами фактъ, что «Янтъ»—гиляцкое названіе Гольдовъ, которое до того времени, а также и позже, нигдѣ не встрѣчалось ни въ русскихъ, ни въ китайскихъ извѣстіяхъ объ Амурскомъ краѣ[5]). Отсюда уже можно предполагать, что имя «Орликъ» или «Орлихъ», какъ пишетъ его, основываясь на Васильевѣ, Миддендорфъ,—точно такого же проис-

---

дами области совпадаютъ между собою, и что онъ никогда не слыхалъ о существованіи «Ачоновъ» на Амурѣ. Но неосновательность этихъ доводовъ усматривается уже изъ того, что онъ помѣщаетъ «Ачановъ» Хабарова, существовавшихъ исключительно рыбною ловлею, гораздо выше Уссури, гдѣ въ то время жили хлѣбопашцы-Дючеры. Тамъ же ищетъ онъ и слѣды построеннаго Хабаровымъ зимняго укрѣпленія. Онъ полагаетъ именно, что Ачанской городъ стоялъ на крутомъ выступѣ горы Кырма, т. е. на правомъ берегу Амура, тогда какъ Хабаровъ (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 364) положительно говоритъ, что городъ былъ поставленъ имъ на лѣвомъ берегу.

1) Статист. Опис. Кит. Импер. Ч. II, С. Петерб. 1842, стр. 222—224.

2) Въ одномъ мѣстѣ упомянутаго труда, на стр. 220-й, они названы «Антами».

3) Тамъ же, стр. 224, примѣч. (**).

4) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Т. IV, стр. 152 и сл. См. также выше, стр. 82, 83.

5) Если Іакинфъ говоритъ, что по Амуру, ниже устья Уссури, жили Тунгусы, называемые Русскими «Янтъ», то это объясняется тѣмъ, что онъ самъ пользовался показаніями Русскаго (Васильева) и на этомъ основаніи могъ придти къ такому мнѣнію. Въ донесеніи же Васильева, какъ оно передано Миддендорфомъ, ничего подобнаго не сказано.

хожденія. Дѣйствительно, его можно, мнѣ кажется, считать лишь искаженіемъ гиляцкаго названія «Оронгръ» или «Оронгшъ» для Ольчей — искаженіемъ, весьма понятнымъ со стороны простого русскаго бѣглеца[1]). Однако, не смотря на различныя наименованія трехъ народовъ, живущихъ по нижнему Амуру, Васильевъ не показываетъ никакихъ признаковъ относительно ни внѣшности, ни образа жизни, ни языка и т. д., которыми бы они отличались другъ отъ друга. Мало того, отчасти онъ даже перемѣшиваетъ занимаемыя ими по Амуру области; такъ, Янты, по его мнѣнію, живутъ только отъ Уссури до рѣки Дондона; оттуда внизъ, до деревни Цикдохи (выше устья Горина)[2]), обитаютъ Орлики, а еще ниже, до устья Амура, — Гиляки. Согласно этому распредѣленію, «Янты» Васильева были бы одни только верхніе Гольды, живущіе выше Геонгскаго хребта, а «Орлики» — нижніе Гольды; Ольчи же у него не отдѣлены отъ Гиляковъ. Все это подтверждаетъ мое мнѣніе, что Васильевъ разузналъ вышеупомянутыя названія инородцевъ нижняго Амура лишь въ послѣдствіи, у Гиляковъ, и затѣмъ истолковалъ ихъ по-своему, невѣрно.

Только въ 50-хъ годахъ, когда Русскіе снова приступили къ занятію Амурскаго края и стали съ низовьевъ Амура подвигаться вверхъ по рѣкѣ, выяснилось коренное различіе по языку между Ольчами и Гиляками. Тѣмъ не менѣе, и послѣ этого продолжали по большей части смѣшивать Ольчей, какъ я уже говорилъ[3]), то съ Гиляками — вслѣдствіе пониманія этого названія въ коллективномъ смыслѣ — то съ родственнымъ имъ племенемъ Гольдовъ. У Русскихъ установилось тогда для Ольчей названіе «Мангуны», означающее, однако, не больше, какъ «Амурскіе люди», потому что Амуръ у Ольчей, Гольдовъ и Орочей называется «Машу». Впрочемъ, подобное названіе для Ольчей встрѣчается, раньше чѣмъ у Русскихъ, и у другого народа, а именно, у японскаго путешественника Мамія Ринсо, съ тою лишь разницею, что у него производство означенныхъ именъ сдѣлано прямо на оборотъ. Пріѣхавъ къ Ольчамъ на Амуръ, онъ узналъ, что С'яптами называютъ ихъ лишь Аины и Японцы, настоящее же ихъ имя — «Манко»; поэтому онъ полагалъ, что и рѣка, протекающая по ихъ краю, носитъ то же названіе[4]). Дѣйствительно, мнѣ самому неоднократно приходилось убѣждаться, какъ легко ошибиться въ этомъ отношеніи и принять упомянутое имя за то, которымъ народъ самъ обозначаетъ себя. Нерѣдко на вопросъ мой, кто они такіе, Ольчи отвѣчали: *бу ману ней*, а Гольды — *бу ману най*, т. е. мы Амурскіе люди. Однако, этимъ они лишь выражали, что мѣсто жительства ихъ — на Амурѣ, а не на какомъ-либо изъ его притоковъ. Въ этомъ же смыслѣ и Орочи называютъ иногда и тотъ, и другой народъ просто *Ману-най*, Амурскими людьми, тогда какъ послѣдніе, въ свою очередь, именуютъ Орочей *Ламука*, т. е. «приморскими жителями»[5]). И

---

1) Сгибневъ (Амурск. Экспед. — Древн. и нов. Россія, Т. III, 1878, стр. 314) относитъ имя «Орлики» къ Гольдамъ. Онъ высказываетъ чрезвычайно странное мнѣніе, что Гольды названы такъ Маньчжурами, потому что высоко цѣнятъ орловъ и часто держатъ ихъ въ клѣткахъ. Какъ будто «орелъ, орликъ» — не только русское, но и маньчжурское или гольдское названіе этой птицы!

2) Въ настоящее время тамъ не находится никакой деревни, ни этого, ни подобнаго названія.

3) См. выше, стр. 26, 27.

4) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 178).

5) Точно также и Корзунъ разсказываетъ (Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. IX, X, Иркутскъ,

такъ, названіе «Мангуны» сложилось на основаніи употребительнаго у нѣкоторыхъ инородцевъ Амурскаго края обозначенія, которое однако примѣнимо не исключительно къ Ольчамъ и вообще не составляетъ названія какого-либо особаго народа[1]).

Впрочемъ, это названіе все еще какъ-то мало установилось у Русскихъ, вслѣдствіе того, что самый народъ, къ которому оно относится, какъ мы видѣли, не распознается надлежащимъ образомъ. Вотъ почему въ настоящемъ сочиненіи я вездѣ предпочелъ для этого народа названіе «Ольчи», которое онъ самъ въ настоящее время далъ себѣ. Что это дѣйствительно такъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: я убѣдился въ этомъ тотчасъ же при первой поѣздкѣ своей, зимою 1855 г., вдоль всего занимаемаго Ольчами участка на Амурѣ[2]). Означенное названіе, объ этимологіи котораго я уже говорилъ[3]), дозволитъ намъ заглянуть въ доисторическія судьбы Ольчей. На основаніи его, можно считать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Ольчи, въ былыя времена, кочевали съ оленями въ горахъ, расположенныхъ къ западу, подобно тому, какъ одинъ родъ ихъ, Ороки, и донынѣ кочуетъ на Сахалинѣ; потомъ, вслѣдствіе потери своихъ оленей, они были принуждены поселиться на Амурѣ и такимъ образомъ превратились въ осѣдлыхъ рыболововъ. То же самое повторялось, въ большихъ и въ малыхъ размѣрахъ, со многими тунгусскими племенами Сибири. Относительно Ольчей, я могу еще прибавить, что, какъ давно ни совершилась эта перемѣна въ ихъ образѣ жизни, она и понынѣ осталась памятною въ ихъ преданіяхъ.

Коснувшись выше названій, которыя даютъ Амуру Гольды, Ольчи и Орочи, я долженъ здѣсь мимоходомъ затронуть неоднократно обсуждавшійся вопросъ о происхожденіи общеупотребительнаго нынѣ русскаго имени этой рѣки. Были предлагаемы разныя, и въ томъ числѣ весьма натянутыя, объясненія этого имени. То говорили, что оно заимствовано отъ названія небольшого праваго притока Амура: Эмуръ или Эмури (Албазиха), устье котораго приходится прямо противъ бывшаго русскаго укрѣпленія Албазина[4]); то указывали на монгольское названіе «Хара-мурень», относящееся къ верхнему Амуру и имѣющее то же значеніе, что и маньчжурское названіе «Сахали» или «Сахалин-ула», т. е. черная рѣка[5]); наконецъ, полагали даже, что это названіе произошло отъ привѣтственнаго слова Тунгусовъ: *амуръ*, т. е. «добрый миръ!», которымъ они встрѣчали первыхъ пришельцевъ, открывшихъ эту рѣку[6]). Всѣ эти объясненія совершенно несосно-

---

1867, стр. 379), что Орочи рѣки Имы, притока Уссури, перекочевавшіе туда съ морского берега, называютъ себя «Ламуканъ», и что то же названіе даютъ имъ и Китайцы, не распространяя его, однако, на Орочей рѣки Бики, — очевидно, какъ я полагаю, потому, что послѣдніе не пришли на ихъ глазахъ съ морского берега, а уже давнишніе жители внутренней части этого края.

1) Въ послѣдствіи, названіе «Мангуны» превратилось у иныхъ въ «Мангуты»; напр., у Фр. Миллера (Allgem. Ethnographie, Wien 1873, p. 343).

2) См. отчетъ о моемъ путешествіи, въ Bull. de la cl. physico-mathém. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XIV, p. 188; Mél. phys. et chim. T. II, p. 451.

3) См. выше, стр. 136 и слѣд.

4) Іакинфъ, Стат. Опис. Китайск. Имп. С. Петерб. Ч. II, 1842, стр. 5, прим. (**), стр. 216, примѣч. Это мнѣніе раздѣляется теперь почти всѣми русскими писателями.

5) Іакинфъ, тамъ же, стр. 5.

6) Stuckenberg, Hydrogr. des Russischen Reiches, Bd. II, St. Petersburg 1844, p. 782, по запискамъ гене-

вательны уже потому, что относятся къ верхнему Амуру, который у Русскихъ сначала вовсе такъ не назывался, а носилъ имя, оставшееся нынѣ только за одною изъ составляющихъ его рѣкъ, Шилкою, и очевидно заимствованное у живущихъ на немъ тунгусскихъ племенъ, которые и понынѣ называютъ его «Шилкаръ, Шилкиръ, Силкаръ, Силкиръ», а иногда и «Спркалъ». Амуромъ рѣка называлась первоначально лишь въ своемъ нижнемъ теченіи, а именно у Пояркова лишь со впаденія въ нее Уссури, продолженіемъ которой она считалась; тогда какъ выше устья Уссури она носила названіе «Шингалъ» или «Шунгалъ»[1]); Хабаровъ называлъ Амуромъ уже все теченіе рѣки отъ устья Сунгари[2]); въ послѣдствіи названіе это, по справедливому замѣчанію Риттера[3]), было перенесено еще выше, на самое плоскогоріе, къ мѣсту сліянія Шилки съ Аргунью. И такъ, происхожденіе этого имени непремѣнно слѣдуетъ искать лишь на нижнемъ Амурѣ. Дѣйствительно, оно ясно усматривается въ первыхъ же извѣстіяхъ, полученныхъ Русскими объ этой рѣкѣ. Томскіе казаки, разсказываетъ Миллеръ[4]), зимуя въ 1639 г. на устьѣ рѣки Ули, на Охотскомъ морѣ, слышали отъ приходившихъ туда Удскихъ Тунгусовъ, что «Мамуръ» — имя рѣки, по которой тогда жили Натканы (Гольды)[5]), мѣнявшіе свои соболя на серебро, мѣдные котлы, бусы, шелковыя и шерстяныя матеріи и пр. Амгунскимъ Тунгусамъ (Негидальцамъ), которые, въ свою очередь, получали эти товары отъ жившихъ выше инородцевъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и винокуреніемъ (Дючеровъ, Маньчжуровъ). Въ сообщенномъ Удскими Тунгусами имени «Мамуръ» не трудно узнать названіе, употребляемое для нижняго Амура его прибрежными жителями тунгусскаго племени, Ольчами, Гольдами, Негидальцами, а также Орочами морского берега, а именно: «Мангу»[6]), «Мамгу»[7]) и «Маму»[8]). Съ другой стороны, совершенно понятно, что русскіе казаки изъ слова «Мамуръ» сдѣлали: «Амуръ»[9]). И такъ, это имя обязано своимъ происхожденіемъ тунгусскимъ племенамъ нижняго Амура. Какова этимологія упомянутыхъ инородческихъ названій этой рѣки, мнѣ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, на основаніи сказаннаго, совершенно недозволительно опредѣлять ее для слова *амуръ*, а тѣмъ болѣе, предполагать, что послѣднее — гиляцкаго происхожденія, какъ это дѣлали Фишеръ, а за нимъ Риттеръ и другіе[10]). Гиляки, по отношенію къ упомянутымъ названіямъ

рала д'Оврэ, который самъ объѣхалъ китайскую границу. На монгольскомъ языкѣ, по Іакинфу (тамъ же, стр. 5), *аморъ* значитъ «спокойный».

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 302; Нов. ежем. соч., 1796, Ч. CXV, стр. 78. Названіе этой рѣки у Пояркова «Шунгалъ», вмѣсто употреблявшагося позднѣе «Шингалъ», ясно указываетъ на происхожденіе его изъ «Сунгалъ, Сунгари». Отсюда становится также понятнымъ, почему въ древнихъ русскихъ извѣстіяхъ говорится, что Зея впадаетъ въ Шилку (верхній Амуръ), Шилка — въ Шингалъ (Сунгари), и наконецъ, Шингалъ — въ Амуръ.

2) Müller, Samml. etc. l. c. p. 320; Нов. ежем. соч., 1796, Ч. CXVII, стр. 40.

3) Ritter, Asien, Bd. II, p. 298.

4) Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 295; Нов. ежем. соч., 1796, Ч. CXV, стр. 69.

5) См. выше, стр. 116.

6) У Мамія Ринсо: «Манко» (см. выше, стр. 148).

7) У Негидальцевъ, по Миддендорфу (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 745).

8) Это имя случалось слышать Мааку (Путешествіе на Амуръ, стр. 155).

9) Подобно тому, напримѣръ, какъ они позже передѣлывали слово «Уссури», въ «Уссура, Ушура, Шура» и т.п.

10) Фишеръ (Sibirische Geschichte, Thl. I, p. 433;

Амура, — совершенно напричемъ: они, какъ уже сказано выше, называютъ его совсѣмъ иначе, а именно «Ля» или «Ля-ерри».

Изъ предыдущаго не видно, чтобы въ распредѣленіи того или другого изъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами народовъ произошло въ историческое время сколько-нибудь значительное измѣненіе. Иное дѣло — съ **Гольдами**. Сначала они встрѣчаются намъ подъ совершенно другими, болѣе или менѣе коллективными названіями, каковы: «Натки» и «Ачаны» у Русскихъ и «Кечепгъ», «Хэчжепь», «Хейцзинь» и т. п. у Маньчжуро Китайцевъ. Объ этихъ названіяхъ, ихъ происхожденіи, этимологіи и объемѣ, было уже обстоятельно говорено. Всѣ они относятся къ Амурскимъ Гольдамъ. Гольды же Уссурійскіе, напротивъ, были сначала совершенно неизвѣстны Русскимъ, такъ какъ послѣдніе, во время своихъ походовъ въ XVII столѣтіи, вовсе не посѣщали рѣки Уссури. Іезуиты-миссіонеры, бывшіе въ 1709 г. по порученію Пекинскаго правительства на нижнемъ Амурѣ, упоминаютъ о нихъ лишь подъ китайскимъ названіемъ «Юйпи-тацзе», т. е. рыбокожныхъ Татаръ или дикарей[1]),—названіемъ, которое, однако, по свидѣтельству самихъ Китайцевъ[2]), распространялось и на другихъ инородцевъ того же образа жизни, обитавшихъ по нижнему Амуру и по морскому берегу. Нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ путешественниковъ, напримѣръ Маакъ и Брылкинъ, принимаютъ Гольдовъ съ Уссури и съ Амура выше впаденія въ него Уссури за особый народъ, не смотря на то, что въ сношеніяхъ съ Русскими эти инородцы называютъ себя тоже Гольдами; они даютъ имъ названіе «Ходзены» или «Ходжены», полагая, что этимъ именемъ они сами называютъ себя[3]). Но здѣсь не трудно узнать то названіе, которое мы уже подробно разсмотрѣли выше и которое Маньчжуры даютъ живущимъ дальше внизъ по Амуру Гольдамъ и Ольчамъ, — названіе, тождественное съ названіемъ «Кечепгъ», употребляемымъ іезуитами-миссіонерами. И по отношенію къ языку, подобное отдѣленіе Уссурійскихъ Гольдовъ отъ ихъ соплеменниковъ на нижъ-

---

Thl. II, p. 793) полагалъ, что Русскіе слышали названіе «Амуръ» сначала отъ Удскихъ Тунгусовъ, а потомъ отъ Натковъ и Гиляковъ, у которыхъ каждая большая рѣка называется *амаръ*. Риттеръ (Erdk. von Asien, Bd. II, p. 298), передавая очевидно то же самое, говоритъ, что *амуръ* или *ямуръ* у названныхъ инородцевъ, также какъ и у Тунгусовъ, живущихъ на берегу Восточнаго океана, значитъ «большая вода». Это невѣрно ни по отношенію къ тунгусскимъ приамурскимъ племенамъ, ни по отношенію къ Гилякамъ. На языкѣ послѣднихъ «большая вода» — *пиля чахъ*, а «большая рѣка» — *пиля ерри*. Этимъ послѣднимъ именемъ они дѣйствительно иногда называютъ Амуръ.

1) Du Halde, Descr. de l'Empire de la Chine, T. IV, p. 10 sq.

2) У-чень, въ переводѣ Васильева (Зап. о Нингутѣ. — Зап. Геогр. Общ. Ч. XII, 1857, стр. 90—93).

3) Маакъ, Путеш. на Амуръ, С. Петерб. 1859, стр. 145 и слѣд.; его же: Путеш. по долинѣ рѣкѣ Уссури, С. Петерб. 1861, Т. I, стр. 9. Брылкинъ, Замѣч. о свойствахъ языка Ходзеновъ и Ходзенскій словарь (въ приложеніи къ послѣднему сочиненію Маака); его же: Краткій очеркъ о туземц. Уссурійскаго края (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. Кн. VII, 1864, Смѣсь, стр. 1). То же названіе, подвергшееся, какъ видно, сильному измѣненію, не трудно узнать въ «Хоадзонгахъ», о которыхъ упоминаетъ Фр. Миллеръ въ своей: «Allgem. Ethnographie», на стр. 343.

нѣмъ Амурѣ, по моему мнѣнію, не оправдывается. У Гольдовъ въ различныхъ частяхъ ихъ обширной области, безъ сомнѣнія, существуютъ свои особенности нарѣчія, и, разумѣется, тѣ изъ нихъ, которые живутъ ближе къ Маньчжурамъ, всего больше приближаются къ послѣднимъ и по языку, какъ это уже было замѣчено іезуитами-миссіонерами [1]). Однако различія эти, повидимому, не такъ велики, чтобы на основаніи ихъ можно было выдѣлить часть Гольдовъ подъ особымъ названіемъ [2]), и притомъ, въ предѣлахъ, принимаемыхъ Маакомъ. Мнѣ кажется, напротивъ, что разность нарѣчія между Амурскими Гольдами, живущими внизъ отъ Геонгскаго хребта и вверхъ отъ него, гораздо значительнѣе, чѣмъ между послѣдними и Гольдами, обитающими по Уссури и выше устья этой рѣки, по Амуру. Поэтому, я не вижу никакого основанія замѣнять это, въ настоящее время общепринятое и вполнѣ установившееся названіе, хотя бы и лишь для одной части Гольдовъ, другимъ названіемъ, въ добавокъ еще такимъ, которое, вслѣдствіе своего употребленія въ болѣе или менѣе коллективномъ смыслѣ, легко можетъ повести къ различнымъ недоразумѣніямъ.

Названіе «Гольды» извѣстно лишь съ недавнихъ поръ. Въ печати оно, быть можетъ впервые, встрѣчается въ отчетѣ о моемъ путешествіи [3]). Я нашелъ его уже въ употребленіи у немногочисленнаго русскаго населенія Николаевскаго и Маріинскаго постовъ. Тѣмъ не менѣе, оно, вопреки предположенію Маака [4]) и Брылкина [5]), безъ всякаго сомнѣнія, — не русскаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, мнѣ совершенно не понятно, какъ могли бы Русскіе сами отъ себя изобрѣсти подобное имя, этимологія котораго намъ вовсе неизвѣстна. Противъ русскаго происхожденія этого имени рѣшительно говоритъ то обстоятельство, что, кромѣ Русскихъ, и раньше чѣмъ у нихъ, оно встрѣчается у другого народа, а именно у Японцевъ, хотя въ такой формѣ, въ какой его, съ перваго раза, трудно узнать. Еще Мамія Ринсо, въ 1809 г., слышалъ на Сахалинѣ о народѣ, живущемъ на материкѣ и называемомъ «Кордекке». Въ слѣдующемъ году онъ встрѣтился съ нѣкоторыми представителями этого народа на Амурѣ (Манко), выше Кидзи, и въ Деренѣ, слѣдовательно, въ землѣ Ольчей, куда они приходили сверху и лишь временно, для торговли. Одежда ихъ была совершенно та же, что и Сантановъ (Ольчей). Они-то, по свидѣтельству Мамія Ринсо, и выдѣлываютъ, изъ желѣзныхъ пластинокъ, тѣ латы, которыя такъ высоко цѣнятся у Сме-

---

1) Du Halde, l. c. p. 12.

2) Венюковъ (Обозрѣніе рѣки Уссури. — Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. XXV, 1859, Отд. II, стр. 233; его же: Путеш. по окраинамъ Русск. Азіи и зап. о нихъ, С. Петерб. 1868, стр. 86) также высказывается въ этомъ смыслѣ.

3) Мое письмо къ непремѣнному секретарю Академіи, гдѣ говорится о Гольдахъ, писано изъ Николаевскаго поста 7-го мая 1855 года и читано въ Академіи $^{9}/_{21}$ ноября того-же года (Bull. de la cl. phys.-math. de l'Acad. Imp. de sc. T. XIV, p. 188; Mél. phys. et chim. T. II, p. 451). Названіе «Гольды» встрѣчается, кромѣ моего отчета, немного позже у Пермикина, въ его «Путев. журн. плав. по р. Амуру» (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. Кн. II, С. Петерб. 1856). Въ то время названіе это было въ Россіи еще такъ неслыхано, что въ переводѣ моего отчета, составленномъ безъ моего вѣдома и напечатанномъ въ Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1857 г. (Кн. I), имя «Гольды» было передано чрезъ «Золотое племя» (goldnes Volk), — ошибка, которую г. Романовъ, страннымъ образомъ, поставилъ мнѣ же въ упрекъ (Русское слово, 1860, май, Отд. III, стр. 36).

4) Путеш. по дол. р. Уссури, Т. I, стр. 9.

5) Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. Кн. VII, 1864, Смѣсь, стр. 1.

ренкуровъ (Гиляковъ) и о которыхъ мы еще поговоримъ въ послѣдствіи. Они же строятъ суда для Гиляковъ и т. д.[1]). Зибольдъ утверждаетъ, правда, что Кордекке — «несомнѣнно Коряки»[2]); но онъ очевидно увлекается лишь случайнымъ звуковымъ сходствомъ этихъ названій. Дѣйствительно, какимъ образомъ Коряки, живущіе далеко на сѣверѣ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ, могли очутиться на Амурѣ? И вообще, какое отношеніе имѣютъ они къ прпамурскимъ инородцамъ? Чтобы объяснить себѣ имя «Кордекке», стоитъ лишь вспомнить, что Японцы замѣняютъ недостающій въ ихъ языкѣ звукъ *л* звукомъ *р;* поэтому, если возстановить первый звукъ и одновременно взвѣсить родство звуковъ *к* и *г*, то вмѣсто упомянутаго имени получится: «Кольдекке» и «Гольдекке». И дѣйствительно, къ Гольдамъ примѣнимо все то, что, со словъ Мамія Ринсо, приведено выше о народѣ Кордекке.

Такое сходство названій для Гольдовъ у Японцевъ и у Русскихъ указываетъ на общее происхожденіе этихъ названій. Но гдѣ искать этотъ общій источникъ? Ближе всего предположить, что Гольды сами называютъ себя такимъ образомъ. Дѣйствительно, на мой вопросъ, кто они такіе, они неоднократно отвѣчали: «Гольдэ». Тѣмъ не менѣе, я не утверждаю, чтобы они называли себя такъ же и между собою. Это, можетъ быть, — названіе, употребляемое ими лишь въ сношеніяхъ съ Русскими, подобно тому какъ Гиляки, говоря съ Русскими, называютъ себя Гиляками, а между собою—Ниб(а)хъ. Можетъ быть, происхожденіе этого имени слѣдуетъ искать совсѣмъ не тамъ. Во всякомъ случаѣ, Мамія Ринсо слышалъ его не отъ Гольдовъ, а отъ Гиляковъ, во время своего пребыванія на Сахалинѣ. Когда Русскіе, въ XVII столѣтіи, спускаясь по Амуру, проходили чрезъ область Гольдовъ, названіе это было имъ еще совершенно неизвѣстно. Только въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія, когда Русскіе, при вторичномъ занятіи Амурскаго края, сперва стали твердою ногою на устьѣ Амура, въ землѣ Гиляковъ, а потомъ начали подвигаться оттуда вверхъ, имя «Гольды» замѣнило у нихъ прежнія названія: «Натки и Ачаны». Вотъ эти-то обстоятельства заставляютъ предполагать, что и русское названіе «Гольды», и японское «Кордекке» — гилякскаго происхожденія. Правда, гиляцкое названіе для Гольдовъ, какъ намъ уже извѣстно[3]), — «Яптъ»; но, если спросить Гиляковъ, какіе народы живутъ по Амуру кверху отъ нихъ, то они перечислятъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «Оронгшъ, Яптъ, Чольдокъ (или Чольдохъ)[4]), Маньчжу». Такъ какъ Гольды непосредственно граничатъ съ Маньчжурами, то къ нимъ относятся два изъ этихъ названій, а именно «Яптъ» и «Чольдокъ»; очевидно, первое означаетъ нижнихъ, а второе — верхнихъ Гольдовъ, если считать, можетъ быть, отъ Геошгскаго хребта или отъ Дондона. Изъ названія же «Чольдокъ», по моему мнѣнію, могли легко образоваться и японское «Кордекке», и русское «Гольды». И такъ, подобно тому,

---

1) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 169, 172, 174, 194, 195).

2) Тамъ же, стр. 199.

3) См. выше, стр. 121, 147, 148.

4) Миддендорфъ на берегу Охотскаго моря также слышалъ отъ Гиляковъ о народѣ «Чольдо», живущемъ на Амурѣ (см. отчетъ о его путешествіи, въ Bull. de cl. physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 235; также въ Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. IX, 2. Abth. p. 618).

какъ названія для Гольдовъ «Яиты» или «Аиты», встрѣчающіяся у нѣкоторыхъ русскихъ писателей [1]), и «С'янта» или «Сантанъ», употребляемыя Аинами и Японцами, такъ и обозначенія для нихъ же «Гольды» и «Кордекке», очевидно, обязаны своимъ происхожденіемъ посредничеству Гиляковъ.

Въ тѣсной связи съ упомянутымъ различіемъ между нижними и верхними Гольдами, приводившимъ иногда къ обозначенію ихъ даже различными названіями, находятся измѣненія, которымъ въ историческое время подверглись ихъ границы. Нынѣ Гольды занимаютъ одно сплошное пространство, приблизительно отъ устья Горина вверхъ по Амуру до устья Сунгари, по низовьямъ этой рѣки и по Уссури почти до ея верховьевъ; прежде же, при первомъ нашемъ знакомствѣ съ ними, этого не было. Во время походовъ Пояркова (1644), Хабарова (1651) и Степанова (1655) на нижній Амуръ, вся полоса отъ устья Сунгари далеко внизъ за устье Уссури была заселена «Дючерами» или, какъ ихъ также называли, «Кючерами» или «Джючерами» — народомъ, занимавшимся не рыболовствомъ, какъ Натки и Ачаны, а хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ [2]). Какъ по нижнему теченію Сунгари, такъ и по обоимъ берегамъ Амура тянулись ихъ многочисленныя деревни, въ которыхъ насчитывалось по 60—80 домовъ. Поярковъ говоритъ, что онѣ начинались уже на верхнемъ Амурѣ, съ устья Зеи; Хабаровъ же показываетъ начало ихъ лишь съ устья Сунгари. Какъ далеко простирались онѣ внизъ по Амуру, нельзя съ точностью опредѣлить изъ донесеній этихъ лицъ, такъ какъ разстоянія означены у нихъ лишь числомъ дней, употребленныхъ ими на путь: по Пояркову эти селенія тянулись внизъ отъ Уссури почти на четыре дня пути, а по Хабарову, не замѣтившему устья Уссури, — на 7 или 8 дней внизъ отъ Сунгари. Однако іезуиты-миссіонеры, бывшіе въ этихъ мѣстахъ въ 1709 г., положительно говорятъ, что первая деревня племени Кеченгъ — Тондонъ [3]), а это, безъ сомнѣнія, — нынѣшнее селеніе Дондонъ, съ котораго, какъ мы видѣли, начинается область нижнихъ Гольдовъ. И такъ, Дючеры на нижнемъ Амурѣ занимали пространство между Уссурійскими и (нижними) Амурскими Гольдами, и слѣдовательно, мы видимъ здѣсь народъ, занимающійся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и разными сельскими промыслами, посреди полудикихъ племенъ, живущихъ исключительно рыболовствомъ и охотою. Русскіе казаки, въ своихъ «отпискахъ», постоянно называютъ ихъ «китайскими полевыми людьми» [4]). Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что Дючеры были Маньчжурское племя, и именно, какъ уже доказываетъ ихъ названіе, — потомки Юй-чжей, Пюй-чжей или Чжур-чжей, свергнувшихъ, въ XII столѣтіи, господство Киданей и занявшихъ вмѣсто нихъ престолъ Китайской имперіи, подъ именемъ Гинней, словомъ, — одно изъ тѣхъ племенъ, сліяніе которыхъ

---

1) Напр. у Іакинфа, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Гурьемъ Васильевымъ (см. выше, стр. 147).

2) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, 302, 320, 355; Нов. ежемѣс. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 79; Ч. CXVI, стр. 40; Ч. CXIX, стр. 57. Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 55, 364, 524; Т. IV, стр. 82, 95. Сказ. о великой рѣкѣ Амурѣ и пр. (Спасскій, Свѣд. Русск. о рѣкѣ Амурѣ въ XVII стол.—Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. VII, 1853, Отд. II, стр. 18, 19).

3) Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 7.

4) Сказ. о великой рѣкѣ Амурѣ, тамъ же.

положило начало Маньчжурамъ[1]). Подвигаясь изъ своей родины на Сунгари къ сѣверу, они, съ одной стороны, достигли верхняго Амура, выше Буреинскихъ горъ, гдѣ, однако, селенія ихъ, среди болѣе многочисленныхъ, осѣдлыхъ Дауровъ, были, повидимому, незначительны, — по крайней мѣрѣ, если судить по тому обстоятельству, что Хабаровъ ихъ тутъ даже вовсе не замѣтилъ; съ другой стороны, отъ Сунгари они распространились внизъ по Амуру, ниже устья Уссури, въ область Гольдовъ. Въ виду вышеупомянутой одноплеменности и нераздѣльности Уссурійскихъ и Амурскихъ Гольдовъ, можно съ большою вѣроятностью заключить, что это племя сплошнымъ протяженіемъ занимало Уссури и большую часть Амура ниже Уссури, приблизительно до устья Горина. Это сплошное распространеніе его по обѣимъ рѣкамъ было нарушено вторженіемъ въ его предѣлы Дючеровъ. При этомъ могло быть, что Гольды, или всѣ поголовно, или по большей части, ушли отъ наступавшаго на ихъ врага, бороться съ которымъ имъ было не по силамъ. Послѣднее кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Тѣ же изъ нихъ, которые остались на мѣстѣ, подпали власти Дючеровъ, сдѣлались ихъ подчиненными, усвоили себѣ, сколько могли, ихъ нравы и обычаи, словомъ,— стали къ нимъ въ такое же отношеніе, въ какомъ находятся нынѣ къ Маньчжурамъ и Китайцамъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что Гольды, живущіе выше Дондона и Геонгскаго хребта, подверглись и относительно языка такому вліянію, какого не испытывали на себѣ ихъ соплеменники, обитающіе книзу отъ означенной границы. Вотъ, повидимому, главная причина, почему въ языкѣ верхнихъ и нижнихъ Гольдовъ явилось то различіе, о которомъ я упоминалъ выше.

Такому распространенію Дючеровъ по Амуру далеко въ предѣлы Гольдовъ невольно положили конецъ Русскіе, своими войнами и набѣгами. Такъ какъ они, идя въ своихъ завоеваніяхъ съ крайнею отвагою впередъ; не думали ни о воздѣлываніи полей и производствѣ для себя хлѣба, ни о правильномъ подвозѣ жизненныхъ припасовъ, а существовали единственно грабежомъ деревень и полей инородцевъ, то китайское правительство рѣшилось снять съ Амура и нижней Сунгари своихъ хлѣбопашцевъ-туземцевъ и тѣмъ отрѣзать Русскимъ средства къ пропитанію, другими словами,— заморить послѣднихъ голодомъ. Поэтому, когда Степановъ и Пущинъ, весною 1656 г., возвращаясь изъ своего зимняго укрѣпленія, Косогорскаго острога, въ землѣ Ольчей, пошли снова вверхъ по Амуру, то Дючеровъ они здѣсь уже не застали; то же было и на низовьяхъ Сунгари: и тутъ деревни Дючеровъ были превращены въ пепелища, поля невоздѣланы, и едва нашлось нѣсколько человѣкъ — вѣроятно Гольдовъ, состоявшихъ у Дючеровъ на службѣ — отъ которыхъ Степановъ и Пущинъ узнали, что къ Дючерамъ пріѣзжалъ князецъ Сергудай, посланный отъ Китайскаго императора съ приказаніемъ, чтобы они покинули свои жилища на Амурѣ и нижнемъ те-

---

1) Klaproth, Descrip. de la Chine sous le règne de la dynastie Mongole, trad. du Persan de Rachid-eddin, Paris 1823, p. 28; его же: Mém. relat. à l'Asie, Paris, T. I, 1824, p. 449. Plath, Die Völker der Mandshurey, Göttingen, 1830, Thl. I, p. 64. Ritter, Asien, Bd. II, p. 404. Впрочемъ, уже Витсенъ (Noord en Oost Tartarye, 1692, 2. deel, p. 103; Tweede druck, 1705, p. 266), Жербильонъ (Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine, Paris 1735, T. IV, p. 37) и другіе высказывались совершенно въ томъ же смыслѣ.

ченіи Сунгари, сожгли дома, опустошили поля и переселились на рѣку Хурху, притокъ Сунгари[1]). Эта мѣра китайскаго правительства дѣйствительно имѣла въ результатѣ то, что съ тѣхъ поръ Русскіе на нижній Амуръ и Сунгари уже болѣе не приходили; но вмѣстѣ съ тѣмъ сю былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему распространенію Маньчжуровъ (Дючеровъ), а плодородныя и обработанныя пространства по Амуру и Сунгари чрезъ нее обратились въ пустыню. Вмѣсто Дючеровъ-хлѣбопашцевъ, на покинутыхъ ими берегахъ нижняго Амура и Уссури стали исподоволь селиться Гольды-ихтіофаги. Такимъ образомъ, сплошное протяженіе Гольдовъ по той и другой рѣкѣ, прерванное — хотя, можетъ быть, и не вполнѣ — Дючерами, снова возстановилось; кромѣ того, они распространились и по нижнему теченію Сунгари, гдѣ ихъ прежде, повидимому, вовсе не бывало. Кажется даже, что эта рѣка преимущественно привлекала къ себѣ Гольдовъ по причинѣ близкаго тутъ сосѣдства съ ними Маньчжуровъ и особенно Китайцевъ, которые снабжаютъ ихъ въ торговлѣ разными необходимыми для нихъ предметами домашней жизни и роскоши, и съ которыми они охотно слились бы совершенно. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время, по свидѣтельству путешественниковъ[2]), Гольды, хотя и ограничиваются однимъ только правымъ берегомъ Сунгари, однако живутъ на немъ въ сравнительно большомъ числѣ. Что же касается до той части Амура, которая прежде была заселена Дючерами, то, спустя ровно два столѣтія послѣ ихъ выселенія отсюда, я встрѣтилъ здѣсь Гольдовъ лишь въ небольшомъ числѣ, сравнительно съ численностью ихъ книзу отъ Дондона и по Уссури. Особенно удивило меня, что выше устья Уссури, гдѣ Амуръ, раздѣляясь на множество широкихъ рукавовъ, течетъ въ плодородной равнинѣ, прерываемой кое-гдѣ, на правомъ берегу, не высокими горными кряжами, встрѣчается весьма мало гольдскихъ деревень, да и то по большей части незначительныхъ. Замѣчу притомъ, что, хотя населеніе ихъ и занимается исключительно рыбною ловлею, однако по берегамъ рѣки кое-гдѣ и нынѣ попадаются отдѣльныя колосья хлѣбныхъ растеній. Всѣ эти факты объясняются упомянутыми выше событіями изъ исторіи распространенія инородцевъ въ этой части Амура.

Изъ всего сказаннаго можно, повидимому, вывести заключеніе, что какъ близко ни стоятъ другъ къ другу Гольды и Ольчи въ мѣстахъ, гдѣ они уже столѣтія живутъ въ непосредственномъ взаимномъ сосѣдствѣ и въ одинаковыхъ условіяхъ, и какъ часто ни смѣшивали ихъ другъ съ другомъ, однако исторія ихъ первоначальнаго распространенія въ Амурскомъ краѣ существенно различна. Тогда какъ Ольчи, въ былыя времена, кочевали съ оленями и лишь по утратѣ послѣднихъ спустились съ простирающихся къ западу горъ въ долину Амура, гдѣ и превратились въ рыболововъ, — Гольды, напротивъ, по всей вѣроятности, пришли

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 355, 356; Нов. ежемѣс. соч., 1796, Ч. CXIX, стр. 58, 59. Дополн. къ актамъ историч. Т. IV, стр. 82. Въ подлинной отпискѣ Степанова (см. Доп. и пр., тамъ же) рѣка, на которую были переселены Дючеры, называется, какъ и у Миллера, «Курга»; не трудно, однако, узнать въ ней рѣку Хурху (по-китайски Мудан-цзянъ), впадающую въ Сунгари у Сан-синя.

2) Максимовича, Барабаша и др.; см. выше, стр. 29.

на Амуръ съ юга. Близкое родство ихъ съ Маньчжурами заставляетъ полагать, что родина ихъ находилась въ сосѣдствѣ съ послѣдними, т. е. лежала также у подножія хребта Шан-алина или Чап-пе-шана; но, между тѣмъ какъ Маньчжуры распространились отсюда по бассейну Сунгари, Гольды спустились въ долину Уссури и достигли по этой рѣкѣ нижняго Амура.

Относительно трехъ остальныхъ народовъ нижне-амурскаго края, Негидальцевъ, Самагирцевъ и Килей на рѣкѣ Курѣ, нѣтъ никакихъ историческихъ свѣдѣній, которыя позволяли бы судить о томъ, какъ измѣнялись ихъ границы въ теченіе времени. На томъ основаніи, что они живутъ ближе къ оленнымъ Тунгусамъ Станового хребта и находятся съ ними въ болѣе близкомъ родствѣ, чѣмъ собственно приамурскіе племена, можно, мнѣ кажется, только предполагать, что они, уже послѣ выселенія Ольчей на Амуръ, спустились съ назвашыхъ горъ въ долины Амгуни, Горина и Кура.

Негидальцы въ древнѣйшихъ русскихъ извѣстіяхъ называются лишь просто Амгунскими (Омутскими) Тунгусами[1]). Употребительное нынѣ названіе ихъ, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, встрѣчается въ печати, сколько мнѣ извѣстно, впервые въ отчетѣ поручика Козьмина о его работахъ по описи Удской губы и Шантарскихъ острововъ. Тамъ сказано, что священникъ Дьячковскій, возвратившись изъ своей служебной поѣздки, въ февралѣ 1830 г., въ Удской острогъ, разсказывалъ, что въ Буруканѣ, при появленіи Русскихъ, разнесся слухъ о русскомъ суднѣ, которое придетъ, будто-бы, къ устью Тугура, послѣ чего всѣ окрестные инородцы, Гиляки, «Негеданцы» и пр., должны будутъ креститься[2]). Миддендорфъ, посѣтившій Негидальцевъ на Немиленѣ, говоритъ, что названіе этому племени — «Нигидаль», а во множественномъ числѣ — «Нигидаттеръ»[3]). Однако мнѣ кажется, что это — не совсѣмъ то имя, какимъ они сами обозначаютъ себя, а что оно уже перенято отъ Русскихъ, которые, на Амурѣ и въ Удскомъ острогѣ, называютъ этотъ народъ «Нейдальцами», «Нигидальцами» и «Нишдальцами»[4]). Уже неопредѣленность

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 295; см. выше, стр. 116.

2) Опись Удского бер. и Шантарскихъ остр. въ 1829, 1830 и 1831 гг. (Зап. Гидрогр. Департ. Морск. Минист. Ч. IV, С. Петерб. 1846, стр. 36).

3) Bullet. de la cl. physico-mathém. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 237; Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. IX, 2. Abthl. p. 621; Путеш. и пр. Ч. II, стр. 744 и др.

4) Подъ первымъ названіемъ упоминаетъ о нихъ Орловъ, въ отчетѣ за 1848 г. главному правленію Россійско-Американской Компаніи о поѣздкѣ своей въ Буруканъ на Тугурѣ, гдѣ, въ числѣ многихъ Тунгусовъ, встрѣтилъ онъ 20 человѣкъ обоего пола изъ этого племени, населяющаго берега Амгуни (П. Тихменьевъ, Истор. Обозр. образ. Росс.-Америк. Комп. Ч. II, стр. 62, прим.). То же самое названіе, «Нейдальцы», постоянно употребляетъ Бошнякъ (Эксп. въ При-амурскомъ краѣ. — Морск. Сборн. 1859, № 2, Ч. неоф., стр. 332). Названіе «Нигидальцы» встрѣчается, напримѣръ, въ письмахъ камчатскаго архіерея (въ послѣдствіи архіепископа якутскаго, а затѣмъ митрополита московскаго) Иннокентія къ митрополиту Филарету. Въ этихъ письмахъ онъ, на основаніи сообщеній священника Удского острога, говоритъ объ обращеніи еще въ 1845 г. въ христіанство нѣсколькихъ инородцевъ, какъ изъ племени Нигидальцевъ, такъ

русскаго названія, «Негеданцы» и «Нейдальцы» или «Нигидальцы», указываетъ на то, что звукъ *л* не есть коренная принадлежность этого имени, а лишь русская приставка. Одинъ представитель этого племени, съ которымъ я встрѣтился въ 1855 г. въ деревнѣ Тыръ на Амурѣ, называлъ себя «Негда» съ Амгуни. Это же названіе приходилось мнѣ неоднократно слышать въ Амурскомъ краѣ, хотя я и не могу перечислить теперь всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ такого рода. Наконецъ, на картѣ Станового хребта, составленной Миддендорфомъ большею частью по китайскимъ источникамъ и оставшейся неизданною[1]), озеро Орель, заселенное отчасти Негидальцами, означено подъ именемъ «Негда». Такова, во всякомъ случаѣ, первобытная форма, отъ которой произошли упомянутыя русскія названія этого племени. На основаніи вышеприведеннаго, я готовъ даже думать, что «Негда» и есть имя, которымъ этотъ народъ самъ называетъ себя, тѣмъ болѣе, что иначе трудно объяснить себѣ происхожденіе его русскаго названія. Миддендорфъ, правда, говоритъ, что они сами называютъ себя «Ылканъ»[2]); но не есть ли это, быть можетъ, имя, которое даютъ имъ сосѣди ихъ, Тунгусы Тугурскіе или Станового хребта? Гиляцкое названіе для Негидальцевъ, какъ неоднократно говорили мнѣ сами Гиляки (напримѣръ Юдинъ изъ Тебаха и др.),— «Рды» или «Рдынгу». Помощью этого названія объясняется, повидимому, и названіе, употребляемое для этого народа Японцемъ Мамія Ринсо. Когда этотъ путешественникъ, въ 1809 г., зимовалъ у Гиляковъ въ деревнѣ Потейто, на западномъ берегу Сахалина, ему были поименованы различные инородцы, обитающіе въ Амурскомъ краѣ, и между прочимъ — племя «Ида» (Idâ)[3]). Зибольдъ старается объяснить слышанныя Японцемъ названія, причемъ, какъ мы уже видѣли, нисколько не стѣсняясь, принимаетъ, напримѣръ, племя «Кордекке» (Гольдовъ) за Коряковъ, племя «Кьяккара» (Орочей) — за горныхъ Киргизовъ и т. д.; но съ племенемъ «Ида» онъ все-таки ничего не могъ сдѣлать[4]). Однако, если принять въ соображеніе, что Мамія Ринсо получилъ свѣдѣнія свои отъ Гиляковъ, и что у нихъ на Сахалинскомъ нарѣчіи изъ слова «Рды» образуется «Рда», причемъ произношеніе буквы *р* картаво и болѣе или менѣе не ясно, то представляется всего болѣе вѣроятнымъ, что послышавшееся Японцу названіе «Ида» — не болѣе, какъ искаженіе имени «Рда», и слѣдовательно, относится къ Негидальцамъ.

и изъ другихъ племенъ Амурскаго края (Тихменьевъ, тамъ же, стр. 63). Въ статьѣ Шенурина: «О новомъ пути изъ Никол. поста, что на рѣкѣ Амурѣ, въ Удскій острогъ» (Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. III, 1857, Смѣсь, стр. 11) народъ этотъ называется «Нишдальцами», и то же имя употребляетъ Романовъ (Присоедин. Амура къ Россіи. — Русское Слово, 1859, Іюнь, Отд. I, стр. 363), передавая вкратцѣ показанія крестьянина Кудрявцева или Кудряшева, который, въ 1818 и 1819 годахъ, встрѣтился съ нѣсколькими представителями этого племени въ Буруканѣ и пошелъ съ ними на Амгунь. Но не есть-ли «Нишдальцы» лишь опечатка, вмѣсто «Нигидальцы»?

1) «Erster Versuch einer hydrogr. Karte des Stanowoi-Gebirges und seiner Ausläufer zwischen d. 45. u. 62. Grade n. Br.» См. выше, стр. 16. Обстоятельнѣе сказано объ этой картѣ въ Путешествіи Миддендорфа, Ч. I, стр. 138.

2) Путеш. и пр. Ч. II, стр. 745. Тамъ же приведены названія, которыми Негидальцы обозначаютъ другихъ инородцевъ; такъ, русскихъ Тунгусовъ они называютъ «Думгытка», Гиляковъ — «Гилэка», Якутовъ — «Іоко». Послѣднія названія, во всякомъ случаѣ, указываютъ на посредничество Русскихъ.

3) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 169).

4) Тамъ же, стр. 199.

Еще позже, чѣмъ съ Негидальцами, познакомились съ **Самагирцами,** прибрежными жителями Горина. Миддендорфъ, въ бытность свою у Негидальцевъ на Немплепѣ, слышалъ о племени «Шамагровъ», жившихъ будто-бы далеко за Амгунью и ежегодно пріѣзжавшихъ, въ выдолбленныхъ челнокахъ, вверхъ по Немплепу до Хамбыкана; однако, въ томъ году (1844), къ его сожалѣнію, они не появлялись[1]). Только послѣ занятія Русскими нижняго Амура, въ началѣ 50-хъ годовъ, они впервые познакомились и съ Самагирцами. Я посѣтилъ это племя зимою 1855 г. въ мѣстѣ его жительства, на Горинѣ, и въ своемъ донесеніи объ этой поѣздкѣ[2]) сообщилъ о немъ первыя въ печати свѣдѣнія, основанныя на наблюденіяхъ. Тѣмъ не менѣе, названіе «Самагиръ» извѣстно уже съ давнихъ поръ, потому что это лишь одно изъ родовыхъ тунгусскихъ названій, встрѣчающееся, вслѣдствіе обширнаго распространенія и разбросанности тунгусскаго племени, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, еще Поярковъ доносилъ, что зимою 1644 г. онъ задержалъ на рѣкѣ Зеѣ въ аманаты Шамагирскаго Тунгуса, по имени Топкуни, и распрашивалъ его о странѣ[3]). Георги называетъ между Баунтовскими Тунгусами «Чамагирскій», а между Баргузинскими «Шамагирскій» родъ[4]). Радде также упоминаетъ о «Самагирскомъ» племени въ Баргузинскомъ краѣ и на сѣверной Ангарѣ[5]). Поэтому, весьма естественно предполагать, что когда-то заброшенныя въ даль семьи Тунгусовъ Самагирскаго рода, живущаго еще по настоящее время въ окрестностяхъ Байкала, лишившись своихъ оленей, спустились съ Станового хребта или съ Буреинскихъ горъ въ долину Горина и сдѣлались здѣсь родоначальниками нынѣшняго племени Самагирцевъ, которое съ теченіемъ времени, вслѣдствіе иного образа жизни, сношеній и смѣшеній со своими нынѣшними сосѣдями, Гольдами, Ольчами и Негидальцами, равно какъ и вслѣдствіе маньчжуро-китайскаго вліянія, пріобрѣло, по языку и правамъ, характеръ, совершенно отличный отъ прежняго. Такимъ образомъ, и здѣсь названіе народа, подобно тому, какъ это было относительно Ольчей, дозволяетъ намъ до нѣкоторой степени заглянуть въ исторію этого народа. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что мнѣ не удалось узнать отъ Самагирцевъ, разумѣютъ ли они сами все свое племя подъ этимъ именемъ. Вѣроятно, однако, что разумѣютъ, потому что, съ одной стороны, такъ называютъ ихъ Негидальцы, ихъ сосѣди и ближайшіе родственники, съ которыми они находятся въ разнообразныхъ сношеніяхъ[6]), а съ другой стороны, потому что и у Китайцевъ я слышалъ для нихъ то же названіе, «Сама-киль». Отъ Негидальцевъ, съ которыми Русскіе вступили въ сношенія раньше, чѣмъ съ Самагирцами, заимствовано

---

1) Миддендорфъ, въ отчетѣ о своемъ путешествіи (Bull. de la classe physico-mathém. de l'Acad. Impér. des sc. T. IV, p. 238; Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. IX, 2. Abthl. p. 622); также въ Путеш. и пр. Ч. II, стр. 757.

2) 7-го мая 1855 г.; см. Bull. de la cl. physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. XIV, p. 189; Mél. phys. et chim. T. II, p. 452.

3) Дополн. къ актамъ историч. Т. III, стр. 52, 53.

4) J. G. Georgi, Bemerk. einer Reise im Russisch. Reich, im Jahre 1772, St. Petersburg 1775, Bd. I, p. 245.

5) G. Radde, Bericht über Reisen im Süden von Ost-Sibirien (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. XXIII, p. 233, Anmerk.); его же: Озеро Байкалъ (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXI, 1857, Отд. I, стр. 145).

6) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 745.

и русское названіе для послѣднихъ. Всему здѣсь сказанному не противорѣчитъ и тотъ фактъ, что Самагирцы, какъ я самъ убѣдился, иногда называютъ себя, въ разговорѣ съ чужестранцами, просто «Киллями». Выше уже было обстоятельно доказано [1]), что «Кпле» коллективное названіе, которымъ Китайцы обозначаютъ Самагирцевъ и почти всѣ прочія тунгусскія племена нижняго Амура, даже Гиляковъ. Наконецъ, я самъ слышалъ, что и Гиляки употребляютъ для Самагирцевъ названіе «Киль». Поэтому, врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что когда Мамія Ринсо, пользуясь показаніями Сахалинскихъ Гиляковъ, упоминаетъ о народѣ Амурскаго края, именуемомъ «Киренъ» [2]), то подъ этимъ названіемъ надо разумѣть Самагирцевъ, а никакъ не племя, населяющее страну Кирин-ула, т. е. Гиринскій край на Сунгари, какъ это полагаетъ Зибольдъ [3]).

Наконецъ, относительно **Килей** на Курѣ, уже было упомянуто выше, что первое извѣстіе о нихъ доставлено моимъ путешествіемъ, хотя самъ я у нихъ и не былъ, и что настоящее названіе ихъ намъ пока еще неизвѣстно, такъ какъ «Кпле» есть не болѣе, какъ коллективное названіе, употребляемое Китайцами, а за ними и Гольдами и пр., для различныхъ тунгусскихъ племенъ нижняго Амура [4]). Уже на основаніи нынѣшняго мѣста жительства этого племени, на рѣкѣ Курѣ, верховья которой лежатъ въ хребтѣ Ванда, отрогѣ Буреинскихъ горъ, надобно полагать, что Кили первоначально существовали охотою и, вѣроятно, бродили на оленяхъ въ названныхъ горахъ; въ послѣдствіи же они поселились на рѣкѣ Курѣ, занялись тутъ преимущественно рыбною ловлею, и по этой рѣкѣ распространились до самаго Амура. Безъ сомнѣнія, такая перемѣна въ образѣ жизни, а равно торговыя сношенія ихъ съ Гольдами и Китайцами, съ теченіемъ времени придали имъ существенно иной, болѣе или менѣе своеобразный характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они продолжали заниматься и охотою въ тѣхъ же горахъ, доставлявшею имъ необходимые для торговли предметы, и такимъ образомъ по неволѣ сталкивались съ Бирарами, очевидно ближайшими племенными родственниками своими, а дальше — съ Манегирцами и даже съ русскими оленными Тунгусами. Весьма вѣроятно, что на первый взглядъ они весьма мало отличаются отъ всѣхъ этихъ инородцевъ. Поэтому я не могу отказаться отъ того мнѣнія, что встрѣченный Миддендорфомъ на Буреѣ «Буралъ» (Бираръ), причислявшій себя къ «Гураграмъ» [5]), принадлежалъ къ племени Килей рѣки Кура. Дѣйствительно, если принять во вниманіе, что названія тунгусскихъ племенъ весьма часто оканчиваются на *гиръ*, то «Курагиръ» или, при болѣе рѣзкомъ произношеніи, «Гурагиръ» и есть именно то названіе, какое слѣдовало бы ожидать для прибрежныхъ жителей рѣки Кура. Правда, Миддендорфъ, въ другомъ мѣстѣ [6]), говоря о Бирарскихъ Тунгусахъ, указываемыхъ Милованомъ на верхней Силимджѣ [7]), замѣчаетъ, что, быть можетъ, правильнѣе

---

1) См. выше, стр. 104 и слѣд.
2) Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 169).
3) Тамъ же, стр. 199.
4) См. выше, стр. 34, 104 и слѣд.
5) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 727.
6) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 162, прим. 1.
7) См. выше, стр. 37.

было бы разумѣть подъ ними «Гурагровъ, принадлежащихъ къ племени Манегирь»; по этому замѣчанію нельзя придавать большаго значенія въ виду того обстоятельства, что всѣ эти племена находятся въ близкомъ родствѣ между собою, и что они, и въ особенности Гурагры, въ то время были еще менѣе извѣстны, чѣмъ теперь.

Распредѣленіе инородцевъ на верхнемъ Амурѣ, на сколько свидѣтельствуютъ о томъ историческія данныя, подверглось за послѣднія столѣтія гораздо большимъ измѣненіямъ, чѣмъ на нижнемъ Амурѣ. Причиною этому было то, что верхній Амуръ испыталъ въ гораздо большей степени набѣги и опустошенія со стороны русскихъ казаковъ, а также разныя мѣропріятія, къ которымъ китайское правительство прибѣгало для защиты отъ нихъ края. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить распредѣленіе инородцевъ въ верхне-амурскомъ краѣ во время первыхъ походовъ туда Русскихъ съ тѣмъ, которое я засталъ тамъ два столѣтія спустя.

Если двигаться отъ устья Сунгари вверхъ по Амуру, то въ той его части, которая пересѣкаетъ Буреинскій хребетъ, приходится прежде всего отмѣтить народъ, по русскимъ извѣстіямъ, осѣдло жившій тамъ въ XVII столѣтіи, но въ настоящее время не оставившій по себѣ несомнѣнныхъ слѣдовъ ни тамъ, ни въ какой-либо другой мѣстности. Этотъ народъ — **Гогули.** Такъ называетъ ихъ именно Хабаровъ[1]), видѣвшій, во время своего похода въ 1651 г. внизъ по Амуру, селенія ихъ по берегамъ рѣки въ Буреинскихъ горахъ, а также кверху и книзу отъ нихъ. Въ настоящее время, какъ мы видѣли, внизъ отъ хребта простирается незаселенная луговая равнина, на которой кое-гдѣ временно появляются прикочевывающіе сюда для рыбной ловли Сунгарійскіе Гольды; въ горахъ же и вверхъ отъ нихъ живутъ по Амуру лишь немногочисленные Бирары.

Спрашивается теперь: кто такіе были Гогули, и гдѣ они остались? Семеновъ полагаетъ, что это могъ быть тотъ же самый народъ, который въ послѣдствіи сталъ извѣстенъ подъ именемъ Гольдовъ[2]). Однако, съ этимъ мнѣніемъ, основашымъ лишь на отдаленномъ звуковомъ сходствѣ названій, я никакъ не могу согласиться. Хабаровъ, продолжая свой путь внизъ по Амуру, самъ познакомился съ Гольдами (Ачанами)[3]), но не прежде, чѣмъ прошелъ чрезъ всю область Дючеровъ, т. е. послѣ семидневнаго или восьмидневнаго плаванія отъ устья Сунгари книзу. Только послѣ того, какъ Дючеры, по приказанію китайскаго правительства, покинули свои селенія на Амурѣ и нижней Сунгари, Гольды могли подвинуться къ западу отъ устья Уссури и даже на низовья Сунгари[4]); но переходить

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 320; Нов. ежемѣс. соч. 1796, Ч. CXVII, стр. 40. Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 364.

2) Землевѣд. Азіи К. Риттера. Перев. съ дополн. составл. П. Семеновымъ, Т. I, С. Петерб. 1856, стр. 187, прим. (***).

3) См. выше, стр. 108, 115 и слѣд.

4) См. выше, стр. 155.

за устье послѣдняго, вверхъ по Амуру, имъ было запрещено и въ позднѣйшія времена [1]). Какъ по мѣсту жительства, такъ и по образу жизни, на сколько онъ обнаруживается изъ донесеній Хабарова, Гогули никакъ не могли быть Гольды. Послѣдніе существовали и въ то время, какъ существуютъ нынѣ, исключительно рыбною ловлею; о Гогуляхъ же говорится, что они, подобно Дючерамъ, занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ и отличались отъ послѣднихъ главнымъ образомъ лишь тѣмъ, что деревни ихъ были несравненно меньше, обыкновенно состояли не болѣе, чѣмъ домовъ изъ 10-ти, тогда какъ въ дючерскихъ селеніяхъ домовъ насчитывалось по 60-ти и 80-ти.

Уже на основаніи этого послѣдняго обстоятельства, а еще больше по другой причинѣ, на которую будетъ сейчасъ указано, я позволю себѣ высказать совсѣмъ иное мнѣніе о національности Гогулей. Замѣчательно, что Хабаровъ одинъ упоминаетъ о народѣ этого имени. Ни до, ни послѣ него, о Гогуляхъ нѣтъ рѣчи. Предшественникъ Хабарова на Амурѣ, Поярковъ, называетъ лишь одну деревню «Гогули», лежавшую при впаденіи рѣки Силимдзи въ Зею, и въ которой находился даурскій острожекъ [2]). Въ той же части рѣки, которая, по Хабарову, была заселена Гогулями, Поярковъ, уже съ самаго устья Зеи, показываетъ Дючеровъ. Слѣдовательно, между тѣмъ какъ Хабаровъ различаетъ эти два народа одинъ отъ другого и разграничиваетъ ихъ устьемъ Сунгари, Поярковъ принимаетъ ихъ за одинъ и тотъ же народъ, называемый Дючерами. Кто изъ нихъ болѣе правъ,— я не берусь рѣшать; но, по моему мнѣнію, изъ сказаннаго можно вывести одно, весьма вѣроятное, заключеніе, а именно, что эти два народа, во всякомъ случаѣ, были близко родственныя другъ другу отрасли Маньчжурскаго племени, между которыми существовало, можетъ быть, лишь легкое различіе по говору, такъ что Гогулей можно было бы назвать также верхними Дючерами, жившими вверхъ отъ устья Сунгари, подобно тому, напримѣръ, какъ мы, на основаніи особенностей нарѣчія, различали верхнихъ и нижнихъ Гольдовъ, разграничивая ихъ Геопгскимъ хребтомъ. Если же это справедливо, то не менѣе вѣроятно, что распоряженіе китайскаго правительства о переселеніи Дючеровъ съ Амура въ Сунгарійскій край распространялось и на родственныхъ имъ Гогулей, жившихъ по Амуру выше Сунгари. Это слѣдуетъ уже изъ того, что цѣль означенной правительственной мѣры была — посредствомъ опустошенія береговъ Амура сдѣлать прибрежья Сунгари, гдѣ сосредоточивались селенія Маньчжуро-Китайцевъ, недоступными для Русскихъ. Съ этою же цѣлью китайское правительство заботилось о сохраненіи береговъ Амура, непосредственно вверхъ отъ устья Сунгари, незаселенными и въ послѣдствіи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Дючерами, исчезли съ Амура и Гогули. Вниз отъ Буреинскихъ горъ, тамъ, гдѣ два столѣтія тому назадъ, разстилались ихъ поля и возвышались ихъ селенія, нынѣ простираются пустынныя, порос-

---

1) См. выше, стр. 28, 35. Да и тѣ немногіе Гольды, которые по временамъ встрѣчаются на Амурѣ выше устья Сунгари, приходятъ туда не въ лодкахъ вверхъ по Амуру, а на вьючныхъ лошадяхъ чрезъ луговую равнину, растилающуюся между нимъ и нижнимъ теченіемъ Сунгари.

2) Дополн. къ актамъ историч. Т. III, стр. 54.

шія высокою травою луга, и лишь та часть прежней области Гогулей, которая находилась въ самомъ горномъ хребтѣ и вверхъ отъ него, снова, хотя и скудно, заселилась полубродячимъ, полуосѣдлымъ племенемъ Бираровъ, совершенно подобно тому, какъ мѣстность, покинутая Дючерами, была занята Гольдами.

Кверху отъ Гогулей, въ XVII столѣтіи, во время перваго русскаго вторженія, простиралась по Амуру и по его верховьямъ и притокамъ область **Дауровъ.** На сколько мнѣ извѣстно, это названіе впервые встрѣчается въ печати на упомянутой выше картѣ Витсена, отъ 1687 г.[1]), гдѣ верхне-амурскій край обозначенъ надписью «Даурія», и въ его же сочиненіи «Noord en Oost Tartarye», изданномъ вскорѣ послѣ карты. Въ послѣднемъ, Дауры упоминаются подъ различными видоизмѣненіями этого названія, каковы: «Даурiаны, Даоры» (Daurianen, Daori, Dauhri) и пр.; притомъ, такъ какъ Витсенъ черпалъ свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ русскихъ извѣстій и разсказовъ, то нѣкоторыя изъ употребляемыхъ имъ названій, очевидно, обнаруживаютъ русскую форму, каковы напримѣръ: «Даурцы, Доурскій и Даверскій народъ» (Daoertzen, Doursky und Dawersky Volk)[2] и т. д. Частью тѣ же, а частью и другія видоизмѣненія этого названія встрѣчаются также у позднѣйшихъ писателей и путешественниковъ. Такъ, напримѣръ, Исбрантсъ Идесъ, проѣха́вшій, въ своемъ путешествіи въ Пекинъ, въ 1693 г., чрезъ всю такъ называемую Даурію, лежащую къ югу отъ Амура, замѣчаетъ, что жители ея называются «Даорами» или, на древнемъ языкѣ, «Даурами»[3]), а въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, онъ, очевидно придерживаясь русской формы, называетъ ихъ «Даорцами» и «Даурцами»[4]). У древнихъ іезуитовъ-миссіонеровъ они именуются «Тагурами»[5]), а на картѣ, приложенной къ сочиненію Грозье о Китаѣ[6]), — «Тахурами» (Tahuri). Палласъ[7]) сохраняетъ для нихъ названіе «Дагуры», которое, по его свѣдѣніямъ, даютъ имъ нынѣшніе даурскіе Тунгусы. Подъ этимъ же названіемъ они упомянуты и въ одной русской статьѣ 1780 г. о Нерчинскихъ рудникахъ и заводахъ[8]). По Риттеру, въ китайской государственной географіи династіи Цинъ отъ 1818 г., къ народамъ губерніи Хэ-лун-цзянъ (Амура) при-

1) Nieuwe Land-Karte van het Noorder- en Oosten-Deel van Asia en Europa etc.

2) Такъ, напримѣръ, въ изд. 1692 года, Ч. II, стр. 27 и слѣд., 31 и сл., 520, 528; въ изд. 1705 г., стр. 64 и сл., 85 и сл., 92, 838, 847 и др.

3) Driejaarige Reize naar China, Amsterdam 1704, p. 70.

4) Тамъ же, стр. 129.

5) Du Halde, Descript. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p 15. D'Anville, Nouv. Atlas de la Chine, La Haye 1738, pl. № 1 et 18. У Жербильона встрѣчается также замѣчаніе, что страна Солоновъ называется Русскими «Дауврс» (Dauvré), но что это—скорѣе названіе народа, чѣмъ страны (Du Halde, l. c. p. 36).

6) Grosier, Descript. génér. de la Chine, Paris 1787, T. I. Въ самомъ трудѣ Грозье (стр. 148 и слѣд.) Дауры называются также «Тагурами».

7) Reise durch verschiedene Prov. des Russ. Reiches, St. Petersb. Bd. III, 1776, p. 238, 428.

8) Въ нѣмецкомъ переводѣ, въ Pallas' Neue Nord. Beyträge, Bd. IV, 1783, p. 200.

численно и племя «Дахоръ»[1]). Изъ того же источника Потье[2]) приводитъ ихъ подъ болѣе искаженнымъ Китайцами названіемъ «Та-ху-ёръ» (Та-hou-eurh). Наконецъ, по Клапроту, въ одномъ китайскомъ описаніи Россіи, этотъ народъ упоминается подъ названіемъ «Дахуръ»[3]) — названіемъ, встрѣчающимся и въ описаніи Китайской имперіи Іакинфа[4]). Очевидно, все это — лишь видоизмѣненія одного и того же названія и притомъ того, которымъ этотъ народъ самъ обозначаетъ себя: мнѣ они сами называли себя «Дауоро»[5]); Маакъ говоритъ, что названіе, употребляемое ими для самихъ себя, — «Дауоръ» или «Дахоръ»[6]), а по архимандриту Палладію[7]), оно — «Дахуръ». Что же касается до этимологіи этого имени, то я не рѣшаюсь высказать какое-либо мнѣніе[8]).

Первое извѣстіе о Даурахъ дошло до Русскихъ еще прежде появленія ихъ въ Амурскомъ краѣ, и почти одновременно съ двухъ различныхъ сторонъ. Въ 1639 г. Томскіе казаки, зимуя при впаденіи рѣки Ули въ Охотское море, слышали отъ прикочевавшихъ туда Удскихъ Тунгусовъ, что они ведутъ торговлю съ народомъ, имѣющимъ свои постоянныя жилища на рѣкахъ Чіѣ (Зеѣ) и Силкарѣ (Шилкѣ и верхнемъ Амурѣ) и занимающимся хлѣбопашествомъ, и что они промѣниваютъ имъ своихъ соболей на хлѣбъ[9]). Хотя названіе этого народа и не показано въ упомянутомъ извѣстіи[10]), но изъ данныхъ достаточно выясняется, что тутъ имѣлись въ виду Дауры. Съ другой стороны, начальникъ Енисейскихъ казаковъ, Максимъ Перфильевъ, слѣдуя въ 1639 и 1640 годахъ вверхъ по Витиму и притоку его Цыпиру (Ципѣ), узналъ отъ тамошнихъ Тунгусовъ, что по верхнему Витиму, начиная со впаденія въ него рѣки Карги, до озера Еравны, равно какъ и по Шилкѣ, до ея устья (т. е. по верхнему Амуру до Сунгари), живетъ народъ «Дауры», занимающійся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, плавкою серебряныхъ рудъ и торговлею съ Китайцами, отъ которыхъ получаетъ шелковыя матеріи и различные другіе товары, въ обмѣнъ на собольи шкуры[11]). Четыре года спустя, во время похода Пояркова на Амуръ, произошла, на Зеѣ, первая встрѣча Русскихъ съ Даурами. Сначала сношенія эти были мирныя, но вскорѣ за ними послѣдовали тѣ кровавыя и пагубныя для Дауровъ столкновенія, которыя достаточно извѣстны изъ исторіи Амурскаго края. Въ то время

---

1) Ritter, Erdkunde von Asien, Bd. III, p. 442.

2) Chine moderne, ou descript. histor., géogr. et litter. de ce vaste empire, I^e^ partie, Paris 1853, p. 168.

3) Клапротъ пишетъ по-французски «Dakhour» (Descr. de la Russie trad. du Chinois.—Mém. relat. à l'Asie, T. I, 1824, p. 93, 94).

4) Статист. Опис. Кит. Имп. С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 12.

5) См. отчетъ о моемъ путешествіи, въ Bull. de la cl. physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. XV, p. 248; Mél. russes tirés du Bull. T. III, p. 354.

6) Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 254.

7) Дорожн. замѣтки и пр. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 444).

8) Замѣчу лишь мимоходомъ, что Витсенъ производитъ это названіе изъ монгольскаго, говоря, что *дауръ* по-монгольски значитъ «граница», и слѣдовательно, «Даурія» — «пограничная страна» (Noord en Oost Tartarye, 1705, p. 89). Но, по Клапроту (Asia polygl. p. 273), «граница» по-монгольски — *саха*.

9) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 295; Нов. ежемѣс. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 70.

10) Риттеръ этого не замѣтилъ, а потому показаніе его, въ этомъ случаѣ (Asien, Bd. I, p. 602), — не совсѣмъ точно.

11) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 296; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 71. Fischer, Sibir. Gesch. Thl. I, p. 528. См. также выше, стр. 101.

Дауры, въ противоположность нынѣшней разбросанности своей, занимали одно сплошное, обширное пространство, обнимавшее собою верхній Амуръ и его притоки, Зею, Комару и др., и простиравшееся вдоль его истоковъ, Шилки и Аргуни, далеко вверхъ, а къ востоку отъ послѣдней, — до рѣки Нонни и ея притоковъ. На Зеѣ Поярковъ, идя по теченію внизъ, встрѣтилъ первыхъ Дауровъ при впаденіи въ нее рѣки Умлекана[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе, для торговли съ Тунгусами, уже тогда ходили и дальше вверхъ по Зеѣ и главному притоку ея, Силимджѣ, равно какъ и по другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ верхній Амуръ съ сѣвера. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что отъ Тунгусовъ они получали столь необходимые имъ для торговли съ Китайцами собольи мѣха; но, начиная съ Умлекана, Дауры жили по Зеѣ, а далѣе и по Амуру, осѣдло, въ многочисленныхъ и большихъ селеніяхъ, занимаясь хлѣбопашествомъ, огородничествомъ[2]) и скотоводствомъ. Старшины же ихъ или князьцы мѣстами жили въ небольшихъ, окруженныхъ рвами, земляными окопами и деревянными стѣнами крѣпостцахъ, которыя Хабаровъ, въ своемъ донесеніи, называетъ даже городами[3]), и которыя первоначально были построены Даурами для защиты отъ Маньчжуровъ, распространявшихся, по завоеваніи Китая, и въ этомъ направленіи[4]). По Амуру, вниз отъ Зеи, Дауры простирались почти до Буреинскихъ горъ, гдѣ за ними, по Хабарову, слѣдовали Гогули. Но въ этой части Амура они уже въ то время были смѣшаны съ Маньчжурами, которыхъ Поярковъ называетъ просто Дючерами[5]), какъ и приамурскихъ жителей внизъ отъ устья Сунгари, тогда какъ Хабаровъ, какъ уже сказано выше, разумѣетъ подъ этимъ именемъ только послѣднихъ. Съ однимъ изъ этихъ Маньчжуровъ Поярковъ встрѣтился уже на Зеѣ; это былъ, по его словамъ, дючерской князецъ Чинега, пріѣхавшій къ нему въ его зимовье на устье Умлекана[6]), — вѣроятно, маньчжурскій чиновникъ, занимавшійся сборомъ ясака съ тамошнихъ Дауровъ. Вверхъ отъ устья Зеи, простиралась по Амуру чисто даурская земля, хотя также подвластная маньчжуро-китайскому правительству. Тамъ сосредоточивалось многочисленное даурское населеніе и находилась бо́льшая часть даурскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ крѣпостцы князя Лавкая, о богатствахъ котораго Русскіе слышали уже отъ Витимскихъ

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 298; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 74. Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 52.

2) Поярковъ насчитываетъ шесть сортовъ хлѣбныхъ растеній, которыя воздѣлывались Даурами на Зеѣ и Амурѣ, а именно: ячмень, овесъ, просо, гречиху, горохъ и коноплю, а изъ овощей и плодовыхъ деревъ: огурцы, макъ, бобы, чеснокъ, яблоки, груши, грецкіе и русскіе орѣхи (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 55). Миллеръ (Samml. l. c. p. 301; Нов. ежем. соч., тамъ же, стр. 78), передавая это извѣстіе, о грушахъ и грецкихъ орѣхахъ не упоминаетъ.

3) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 308; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXVI, стр. 58. Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 359 и слѣд. Даурская крѣпость, находившаяся при впаденіи Силимджи въ Зею, носитъ у Миллера (Samml. etc. p. 300; Нов. ежем. соч. CXV, стр. 77) и Фишера (Sibir. Gesch. 2. Thl. p. 783; также на его картѣ: Veter. Sibir. Tab. II) названіе «Молдикичидъ», тогда какъ въ донесеніи Пояркова (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 53) она называется «Молдыкидичъ».

4) Müller, Samml. etc. p. 313; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXVI, стр. 64.

5) Müller, Samml. l. c. p. 302; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 78. Дополн. и пр., тамъ же, стр. 55.

6) Müller, Samml. l. c. p. 299; Нов. ежем. соч., тамъ же, стр. 75. Дополн. и пр., тамъ же, стр. 52.

Тунгусовъ. Въ особенности Дауры занимали устья притоковъ Амура, такъ какъ по нимъ шли удобнѣйшіе пути къ бродившимъ въ отрогахъ Станового хребта тунгусскимъ племенамъ, у которыхъ они забирали соболей и разную другую охотничью добычу ихъ, въ обмѣнъ на свои товары. Самая значительная изъ рѣкъ, впадающихъ здѣсь въ Амуръ, Комара, была въ то время заселена Даурами, повидимому, даже во всемъ своемъ теченіи или, по крайней мѣрѣ, далеко вверхъ [1]). Это обстоятельство заставило Русскихъ построить на устьѣ ея крѣпостцу (Комарской острогъ), игравшую, вмѣстѣ съ Албазиномъ, главную роль въ войнѣ ихъ съ Даурами и тогдашними властелинами ихъ, Маньчжуро-Китайцами [2]).

Еще выше, по рѣкамъ, изъ которыхъ составляется Амуръ, по Шилкѣ и Аргуни, жили въ то время также Дауры и, какъ извѣстно, страна эта, не смотря на то, что съ теченіемъ времени совершенно утратила свое даурское населеніе, и попынѣ сохранила за собою названіе Дауріи. Здѣсь Дауры, благодаря тому, что находились дальше отъ главныхъ центровъ маньчжурской власти, сохранили за собою бо̀льшую независимость. Сюда бѣжали даже многіе единоплеменники ихъ изъ болѣе южныхъ и восточныхъ мѣстностей даурской области, чтобы укрыться отъ распространявшагося господства Маньчжуровъ. Такъ, напримѣръ, князь Гантимуръ, покинувъ свою родину на рѣкѣ Нонни, переселился со всею свитою своею на рѣку Нерчу [3]). Какъ далеко простирались Дауры по рѣкамъ, составляющимъ Амуръ, нельзя опредѣлить съ точностью; но достовѣрно, что съ сѣвера и запада, еще на притокахъ Шилки, они были окружены кочующими Тунгусами, а на югѣ—монгольскими племенами. Еще больше затрудненій встрѣчаетъ рѣшеніе вопросовъ о томъ, къ какому времени принадлежитъ начало заселенія верховьевъ Амура Даурами, и можно ли, вполнѣ или отчасти, отнести къ нимъ находимые въ Дауріи и Забайкальи многочисленные слѣды древней культуры, каковы: остатки прежнихъ водопроводныхъ рвовъ и канавокъ на поляхъ, сохи изъ литаго (нековашаго) желѣза, мѣдное и желѣзное оружіе, стремена и другая утварь, каменныя могилы, старыя плавильныя печи, шурфы, рудничные отвалы и т. п.? Хотя я и не берусь окончательно рѣшать эти вопросы, относительно которыхъ были высказываемы разныя, отчасти весьма неясныя и необдуманныя, мнѣнія, однако позволю себѣ обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, которыя ведутъ, повидимому, къ совсѣмъ иному рѣшенію ихъ.

---

1) Сказан. о велик. рѣкѣ Амурѣ и пр. (Спасскій, Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1853, Отд. II, стр 18). Въ сообщенной Жербильономъ запискѣ, которую китайскіе мандарины, посланные въ 1688 г. для заключенія мира съ Русскими, представили русскимъ уполномоченнымъ, говорится о странѣ «Хумари», куда Русскіе, будто-бы, вторглись изъ Албазина (Яксы). (Du Halde, Descript. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 121). Согласно съ этимъ, на картѣ Китайскихъ владѣній д'Анвиля (Carte de la Tartarie Chinoise, въ Nouv. Atlas de la Chine, pl. 18), вдоль рѣки «Хумари-бира» (Хумаръ, Комаръ, Комара), показанъ народъ «Хумари» — показаніе, повторяющееся и на картѣ, приложенной къ сочиненію Грозье: «Descr. génér. de la Chine», и которое можетъ быть отнесено только къ Даурамъ на Комарѣ.

2) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 333, 339; Пов. ежем. соч. 1796, Ч. CXVII, стр. 56, 63.

3) Fischer, Sibir. Gesch. Thl. II, p. 774, 775. См. также Ritter, Erdk. von Asien, Bd. I, p. 610.

Многіе географы приписывали и приписываютъ всѣ слѣды древняго земледѣлія и горнаго производства въ Забайкальскомъ краѣ и Даурiи одному и тому же народу, а именно Даурамъ. Такъ, напримѣръ, уже Георги, въ описаніи своего путешествія, высказываетъ мнѣніе, что древніе Баргуты, которымъ преданіе приписываетъ слѣды древняго земледѣлія, находимые на Баргузинѣ, его притокахъ и къ сѣверу отъ нихъ до верхней Ангары, были съ Даурами вѣроятно одинъ и тотъ же народъ[1]). Точно также, въ новѣйшее время, Гагемейстеръ приписываетъ Даурамъ всѣ упомянутые слѣды горной промышленности и землепашества, разбросанные повсемѣстно въ Забайкальскомъ краѣ, и на этомъ основаніи, считаетъ Дауровъ первобытными жителями края[2]). Гораздо вѣроятнѣе, однако, мнѣніе Риттера, по которому Баргуты были не Дауры, а Буряты, и имено изъ племени Барга-Бурятъ («Баргутъ-Бурятъ» китайской государственной географіи), живущаго еще и понынѣ къ сѣверу отъ Байкала до верхней Лены[3]). Если это справедливо, то нѣтъ и никакой причины полагать, что Дауры распространялись нѣкогда за бассейнъ Амура, до Байкала, и можно только относить къ Даурамъ слѣды древней культуры, встрѣчающіеся къ востоку отъ Яблоннаго хребта, въ странѣ, и понынѣ называемой Даурiею. Что касается до слѣдовъ горной промышленности — шурфовъ, плавильныхъ печей, рудничныхъ отваловъ и т. п. — то они, дѣйствительно, приписывались и приписываются Даурамъ и въ настоящее время; мнѣніе, что эти слѣды — даурскаго происхожденія, повидимому, даже все еще наиболѣе принято. Георги неоднократно говоритъ, что Дауры, древніе обитатели названнаго по нихъ имени края, занимались здѣсь горнымъ ремесломъ, пока, вслѣдствіе завоеванія этого края Русскими, не покинули его добровольно и не переселились въ Китайскую имперію, послѣ чего горное и плавильное искусство въ Даурiи подверглось забвенію[4]). Риттеръ, очевидно, того же мнѣнія: онъ называетъ Дауровъ «мирнымъ, свѣдущимъ

---

1) J. G. Georgi, Bemerk. einer Reise im Russ. Reich, im Jahre 1772, Bd. I, p. 127, 128. Лопатинъ (Краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Витимской экспедиціи. — Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Т. IX, X, стр. 509), изслѣдовавшій, въ 1865 г., нѣкоторыя изъ древнихъ могилъ въ окрестностяхъ Баргузинска, также замѣчаетъ, что народъ, которому онѣ принадлежали, нынѣ называютъ тамъ Баргутами. По Кельбергу (Полнвн. поля въ Забайк. краѣ. — Зап. Русск. Геогр. Общ. 1861, кн. I, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 182), напротивъ, всѣ древнія водопроводныя канавы называются тамъ «китайскими».

2) Ю. Гагемейстеръ, Статист. обозр. Сибири, составл. по Высоч. Е. И. В. повелѣнію при Сибирск. Комит. С. Петерб. 1854, Ч. II, стр. 23. Павлуцкій (Краткое описаніе такъ называем. Чудск. древностей и пр. — Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. IX и X, Иркутскъ 1867, стр. 480), напротивъ, полагаетъ, что если бы даже этотъ взглядъ былъ вообще вѣренъ, то Даурамъ все-таки можно приписать лишь остатки прежнихъ селеній (городовъ), старыхъ кургановъ и могилъ, но никакъ не остатки древнихъ рудниковъ, потому что находимые въ нихъ предметы указываютъ на гораздо большую древность.

3) Ritter, Asien, Bd. II, p. 116. О племени Барга-Бурятъ см. также Klaproth, Asia polyglotta, p. 270. Совсѣмъ иное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно неосновательное мнѣніе, относительно слѣдовъ древняго земледѣлія около Баргузинска, высказалъ Спасскій (Забайк. Тунгусы. — Сибирск. Вѣстн. С. Петерб. Ч. XVIII, 1822, Отд. II, стр. 28). Онъ полагаетъ, что эти слѣды нельзя приписывать предкамъ Тунгусовъ или какихъ-либо другихъ сибирскихъ народовъ, а что они, вѣроятно, остались отъ первоначально зашедшихъ сюда Русскихъ.

4) J. G. Georgi, Bemerk. einer Reise im Russ. Reich, im Jahre 1722, St. Petersb. 1775, Bd. I, p. 406, 418; его же: Geograph.-physik. und naturhist. Beschr. des Russ.

въ горномъ искусствѣ, культурнымъ народомъ», который, при первомъ нашествіи дикихъ казацкихъ командъ Хабарова и его преемниковъ, почти безъ сопротивленія отступилъ изъ своихъ рудныхъ горъ, оставивъ за собою чуть не безлюдную пустыню, гдѣ уже въ послѣдствіи русская горная промышленность мѣстами вызвала вторичную колонизацію[1]). Съ этимъ взглядомъ я, однако, никакъ не могу согласиться. По моему мнѣнію, напротивъ, Дауры во времена, непосредственно предшествовавшія нашествію Русскихъ, вовсе не занимались горнымъ дѣломъ; встрѣчающіеся же въ Дауріи остатки прежнихъ рудниковъ и плавильней относятся къ болѣе древнему періоду и принадлежатъ другому народу, вѣроятно, древнимъ Юй-чжамъ, Нюй-чжамъ или Чжур-чжамъ, которые одно время, въ XII столѣтіи, подъ именемъ Гинней, господствовали надъ Китайскою имперіею.

Если прослѣдить, на какомъ основаніи сложился вышеупомянутый взглядъ, то единственнымъ извѣстіемъ, говорящимъ въ его пользу, является тотъ самый разсказъ Витимскихъ Тунгусовъ, который доставилъ Русскимъ первыя свѣдѣнія о Даурахъ: здѣсь говорится именно, что они — богатый народъ, имѣющій у себя на Шилкѣ разныя руды, мѣдныя, свинцовыя и серебряныя, изъ которыхъ добываются имъ металлы, употребляемые для мѣны на соболи мѣха. Въ своей исторіи Сибири, Фишеръ[2]), передавая это извѣстіе, полагалъ, что его надо отнести къ Даурамъ на Аргуни, ибо извѣстно, что тамъ встрѣчаются остатки древнихъ рудниковъ и плавильней, и что Гмелинъ нашелъ тамъ мѣдныя и свинцовыя руды. Но оправдался ли разсказъ Витимскихъ Тунгусовъ? Извѣстно, что онъ служилъ не малымъ побужденіемъ къ первому движенію Русскихъ въ Амурскій край. Начальнику первой экспедиціи, Василью Пояркову, было прямо предписано Якутскимъ воеводою, Петромъ Головинымъ, разыскать народъ, на который указывали Тунгусы, обложить его ясакомъ въ пользу государственной казны, развѣдать серебряныя, мѣдныя и свинцовыя руды и заложить, въ мѣстахъ, гдѣ онѣ находятся, острожки съ укрѣпленіями[3]). Безъ сомнѣнія, чѣмъ заманчивѣе дѣйствовала на самихъ казаковъ и вольныхъ промышленниковъ надежда найти драгоцѣнные металлы, особенно серебро, тѣмъ старательнѣе разыскивали они ихъ. Однако, не смотря на непрестанныя справки и нерѣдко даже жестокіе насильственные допросы, ни сами они не напали на руды, ни отъ туземцевъ не получили никакого подтвержденія объ ихъ существованіи. Напротивъ, имъ постоянно приходилось

Reichs, Thl. I, Königsberg 1797, p. 222. Въ указанныхъ сочиненіяхъ говорится, правда, что древніе жители Дауріи назывались также «Дючерами, Богданями и Богдоханями», но Георги полагаетъ, что всѣ эти названія тождественны какъ между собою, такъ и съ названіями «Дауры» и «Маньчжуры», потому что «Богдани и Богдохани» — лишь другія обозначенія для Маньчжуровъ, а «Дючеры» — только племя прежнихъ «Дауровъ или Маньчжуровъ». На этомъ основаніи, онъ окончательно остается при томъ мнѣніи, что означенныя древнія горныя работы производились народомъ, называемымъ Даурами.

1) Ritter, Asien, Bd. I, p. 566, 595. У новѣйшихъ русскихъ писателей этотъ взглядъ встрѣчается неоднократно; такъ, напр., у Сгибнева (Амурская экспед. Разсказъ очевидца. — Древняя и новая Россія, Т. III, 1878, стр. 228) и др.

2) Fischer, Sibir. Gesch. Thl. I, p. 529, Anmerk. 58, 59.

3) Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 51.

слышать[1]), что ни на Шилкѣ или Зеѣ, ни на Амурѣ или Сунгари, ни на какомъ изъ ихъ притоковъ, нѣтъ ни серебряныхъ, ни мѣдныхъ, ни свинцовыхъ или оловянныхъ рудъ, что всѣ эти металлы, равно какъ и различныя шелковыя и бумажныя ткани и другіе товары, Дауры пріобрѣтаютъ мѣною на соболи мѣха отъ хана Борбоя, но что и страна этого хана — не родина упомянутыхъ металловъ и тканей, а получаетъ онъ ихъ, въ свою очередь, изъ Китая, опять-таки въ обмѣнъ на соболи мѣха[2]). О мѣстѣ жительства князя Борбоя Поярковъ узналъ только, что до него доѣхать можно верхомъ отъ устья Умлекана, чрезъ горы и чрезъ Шилку, въ шесть недѣль. Въ донесеніи Хабарова, повидимому, тотъ же князь, поставленный надъ всѣми Даурами, названъ Богдоемъ[3]). Очевидно, онъ былъ Маньчжуръ, потому что говорилъ особымъ языкомъ, непонятнымъ для Дауровъ[4]). Мѣстопребываніемъ его показанъ городъ на рѣкѣ Нонни (Наунъ-котопъ, Цицикаръ)[5]. Кромѣ того сказано, что онъ самъ подчиненъ еще болѣе могущественному хану,—безъ сомнѣнія, Китайскому императору. Во второмъ донесеніи Хабарова сообщены болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутыхъ благородныхъ металлахъ, со словъ одного «Никана» (Китайца), служившаго въ Богдойскомъ (маньчжурскомъ) войскѣ и взятаго въ плѣнъ Русскими. Относительно мѣста нахожденія этихъ металловъ сказано болѣе опредѣленно, что все золото, серебро, равно какъ и встрѣчающіяся въ Богдойскихъ владѣніяхъ драгоцѣнныя шелковыя и бумажныя ткани, идутъ изъ Никанской (Китайской) земли; затѣмъ указаны мѣста нахожденія отдѣльныхъ рудъ, способъ ихъ добыванія и т. п.[6]). Хотя вышеприведенныя свѣдѣнія, собранныя Поярковымъ и Хабаровымъ, и относятся преимущественно къ странѣ, лежащей по Амуру, Зеѣ и Сунгари, — рѣкамъ, по которымъ они разъѣзжали и воевали, однако тутъ все-таки разумѣлся также край, расположенный по верхнему Амуру и его источникамъ, Шилкѣ и Аргуни. И дѣйствительно, совершенно немыслимо, чтобы Русскіе, неутомимо разыскивая цѣнные металлы, могли добиться подробныхъ извѣстій о нихъ изъ отдаленнаго Китая, и одновременно остаться въ полномъ невѣдѣніи о горныхъ и плавильныхъ работахъ, которыя производили тѣ же Дауры вблизи отъ нихъ, по Аргуни или Шилкѣ.

Къ такому же заключенію приводитъ и внимательный разборъ позднѣйшихъ извѣстій

---

1) Въ донесеніи Пояркова (тамъ же, стр. 52, 53) множество подобныхъ показаній.

2) Кромѣ приведенной подлинной отписки Пояркова (тамъ же), см. также Миллера, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 300; Пов. ежем. соч. 1796, Ч. CXV, стр. 76.

3) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 310; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXVI, стр. 61. Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 259 и слѣд. Первое подробное свѣдѣніе о князѣ Богдоѣ. Хабаровъ получилъ отъ одной даурской женщины, по имени «Моголчакъ», взятой имъ въ плѣнъ и называвшей себя сестрою князя Лавкая. Она нѣкоторое время сама находилась въ плѣну у князя Богдоя, пока не была выкуплена братомъ. Подъ тѣмъ же именемъ упоминается объ этомъ князѣ и въ показаніяхъ Тунгуски Даманзы, которая жила у Дауровъ на Амурѣ, но потомъ, послѣ убійства ея мужа, была захвачена людьми Хабарова и отвезена въ Якутскъ (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 347).

4) Какъ это показывалъ уже Поярковъ (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 53).

5) Объ этомъ городѣ будетъ подробнѣе сказано въ одномъ изъ слѣдующихъ примѣчаній.

6) Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 367.

о Даурiи. Первый европейскiй путешественникъ, доставившiй болѣе подробныя свѣдѣнiя объ этомъ краѣ, былъ Исбрантсъ Идесъ, отправленный Петромъ Великимъ, въ качествѣ посланника, къ Китайскому двору. Хотя въ то время (въ 1693 г.) не прошло еще и сорока лѣтъ со времени ухода Дауровъ изъ ихъ родины, однако онъ нашелъ древнiе рудники и плавильни въ такомъ состоянiи, какъ будто они цѣлыя столѣтiя стояли безъ употребленiя. Такъ, напримѣръ, серебряные рудники, находящiеся неподалеку отъ Аргунскаго, на рѣчкѣ Серебрянкѣ, и заключавшiе въ себѣ еще не малое количество шлаковъ когда-то плавившихся здѣсь рудъ, успѣли, какъ онъ говоритъ, въ продолженiе многихъ лѣтъ застоя, провалиться вверху и засыпаться обломками обрушившихся на нихъ горъ [1]). Къ тому же времени относятся и показанiя Витсена. Ему разсказывалъ Брянскiй намѣстникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, посланный для заключенiя мирнаго договора съ Китаемъ, что онъ самъ былъ въ Даурiи и видѣлъ здѣсь старыя серебряныя копи, разработывавшiяся нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Монголы («Мугалы»), замѣчаетъ онъ, также того мнѣнiя, что эти серебряные рудники разработывались въ древнѣйшiя времена. Витсенъ неоднократно получалъ образцы здѣшней руды и, для опредѣленiя содержанiя въ ней серебра, посылалъ ихъ въ Амстердамъ [2]). Совершенно согласно съ мнѣнiемъ Исбрантса Идеса отзывается объ этихъ рудникахъ и Гмелинъ, путешествовавшiй въ Даурiи также около сорока лѣтъ позже (въ 1735 г.). «Въ Аргунскихъ рудникахъ, говоритъ онъ, нашли слишкомъ тысячу старыхъ плавильныхъ печей, но всѣ онѣ были засыпаны землею, изъ чего можно заключить, что прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были въ употребленiи; это подтверждается еще и тѣмъ, что въ Култукѣ найдено также нѣсколько березовыхъ бревенъ, служившихъ для скрѣпленiя шахтъ и на которыхъ сохранилась одна только кора» [3]). И такъ, уже самое состоянiе, въ какомъ были найдены прежнiе рудники и плавильни Даурiи, несомнѣнно говоритъ въ пользу ихъ глубокой древности. Къ этому можно, однако, прибавить еще и другiя доказательства. Если бы эти древнiе рудники и плавильни были дѣломъ Дауровъ, то чрезъ какiя-нибудь 40 лѣтъ, ко времени Головина и Исбрантса Идеса, непремѣнно сохранились бы еще свѣдѣнiя объ этомъ у прежнихъ Даурскихъ сосѣдей, Тунгусовъ, которые отчасти заняли покинутыя Даурами мѣстности. Но Исбрантсъ Идесъ не нашелъ ничего подобнаго у Тунгусовъ, встрѣчавшихся ему въ большомъ числѣ между Нерчинскомъ и Аргунскимъ. Относительно происхожденiя окоповъ, сооруженныхъ изъ твердаго камня и отчасти развалившихся, которые онъ сотнями встрѣчалъ въ долинахъ и которые, быть можетъ, столь же древни, Тунгусы, напротивъ, указывали на весьма отдаленное время, когда Монголы и западные Татары, соединившись между собою, напали

---

1) Ysbrants Ides, Driejaar. Reize naar China, Amsterdam 1704, p. 63.

2) Witsen, Noord en Oost Tartarye. Tweede Druck, 1705, p. 83.

3) J. G. Gmelin, Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733—1743, Göttingen 1751—1752, Bd. II, p. 57. Впрочемъ, Гмелинъ полагалъ, что по числу плавильныхъ печей можно заключить, что древнiе (народности ихъ онъ не опредѣляетъ, какъ вообще вовсе не упоминаетъ о Даурахъ) не занимались разработкою свинца, а разработывали только серебро.

на владѣнія Нюй-чжей [1]). На этомъ основаніи, Избрантсъ Идесъ приписываетъ и прежнія горныя работы древнимъ Нюй-чжамъ и Монголамъ [2]). Далѣе, если бы отступавшіе предъ Русскими Дауры оставили по себѣ годные къ употребленію рудники и плавильни, то еще менѣе, чѣмъ отъ Тунгусовъ, могло бы это обстоятельство ускользнуть отъ предпріимчивыхъ, жадныхъ къ обогащенію, особенно цѣнными металлами, русскихъ казаковъ и промышленниковъ. Навѣрно Русскіе не замедлили бы завладѣть этими рудниками и на свой страхъ добывать въ нихъ металлы. Въ такомъ случаѣ, они у Русскихъ непремѣнно получили бы и, конечно, сохранили бы за собою названіе «Даурскихъ коней». Вмѣсто того, они называются у Русскихъ просто «Чудскими копями» [3]), т. е. считаются, наравнѣ съ другими подобными остатками горныхъ работъ въ остальной Сибири, или же съ древними курганами сѣверной Россіи, произведеніемъ какого-то допсторическаго, неизвѣстнаго народа. Что касается до русской горной промышленности въ Дауріи, то она возникла уже вслѣдствіе распоряженія правительства, да и то лишь послѣ того, какъ ему неоднократно были представляемы образцы богатой серебромъ руды. Правда, еще въ 1679 году, даурскіе Тунгусы довели до свѣдѣнія Нерчинскаго воеводы, а чрезъ него и Тобольскаго, что у нихъ имѣются, будто-бы, золотыя, серебряныя и свинцовыя руды; но розыски не дали успѣшнаго результата [4]). Затѣмъ, почти 20 лѣтъ спустя, въ 1698 г., нѣсколько Бурятъ, а именно Араншп Даманья и его товарищи, представили Нерчинскому воеводѣ образцы богатой серебряной руды изъ одного древняго рудника [5]), и тогда только, въ 1702 году, вышелъ приказъ Сибирской канцеляріи о приступленіи къ его разработкѣ. Такимъ образомъ, всѣ обстоятельства приводятъ насъ къ тому заключенію, что Дауры, обитавшіе до появленія Русскихъ по Шилкѣ и Аргуни, не знали горнаго промысла, а, подобно своимъ единоплеменникамъ на верхнемъ Амурѣ, занимались только хлѣбопашествомъ и, благодаря своему сосѣдству съ Монголами, въ особенно большихъ размѣрахъ скотоводствомъ, о чемъ еще будетъ рѣчь въ послѣдствіи.

Но если Дауры не знали горнаго дѣла въ XVII столѣтіи, т. е. въ то время, когда Русскіе познакомились съ ними, то весьма вѣроятно, что оно и прежде было имъ неизвѣстно; иначе оно, при консервативныхъ наклонностяхъ всякаго еще довольно первобытнаго на-

---

1) Ysbrants Ides, l. c. p. 62.

2) Въ этомъ смыслѣ, именно, высказывается онъ въ своемъ съ простотою написанномъ путевомъ отчетѣ (см. тамъ же, стр. 63); въ прибавленіи же къ нему, гдѣ, на основаніи появившагося между тѣмъ сочиненія Витсена: «Noord en Oost Tartarye» (изданіе 1692 г.), уже говорится о разныхъ предметахъ и странахъ, имъ самимъ невидѣнныхъ, о тѣхъ же Аргунскихъ серебряныхъ рудникахъ сказано (тамъ же, стр. 129), что въ прежнія времена «Нюй-чжи или Даурцы» плавили тамъ много серебра. Очевидно, однако, что и здѣсь не разумѣются тѣ Дауры, которые незадолго передъ тѣмъ покинули свою родину, а просто только перемѣшаны названія древнихъ обитателей страны, какъ это неоднократно повторялось и позже; напр. у Георги (см. выше, стр. 167, прим. 4) и другихъ.

3) На основаніи одной русской рукописи 1780 года о Нерчинскихъ рудникахъ и заводахъ, сообщенной Палласомъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ его изданіи: «Neue Nord. Beytr.» (Bd. IV, p. 208).

4) Georgi, Bemerk. einer Reise im Russ. Reich, Bd. I, 1775, p. 418; Geogr.-physikal. und naturhist. Beschreibung des Russ. Reiches, Thl. I, 1797, p. 222.

5) Въ Троицкой горѣ, гдѣ теперь Нерчинскій заводъ.

рода во всемъ, что касается до его образа жизни и средствъ существованія, сохранилось бы между ними и позже. По крайней мѣрѣ, трудно найдти причину, почему бы они съ теченіемъ времени покинули и позабыли горное ремесло, когда рудное богатство ихъ края еще далеко не истощилось. И такъ, слѣды древнихъ горныхъ и плавильныхъ работъ въ Даурiи надо приписать другому народу этого края, предшествовавшему Даурамъ. Выше я уже упоминалъ, что Исбрантсъ Идесъ приписывалъ ихъ древнимъ Нюй-чжамъ и Монголамъ, основываясь при этомъ на тунгусскомъ преданіи, что многочисленные древніе окопы въ Даурiи относятся ко времени завоеванія государства Нюй-чжей Монголами. Въ составъ этого государства, по его же показанію, входило все пространство отъ Нерчинска, или — какъ Китайцы и теперь еще называютъ этотъ городъ — «Нюйчи»[1]), и верхняго Амура до Ляо-дуня. Въ той части этого края, которая расположена по источникамъ Амура, незадолго до путешествія Исбрантса Идеса были найдены большіе жернова и обитыя желѣзомъ колеса. Такъ какъ у Монголовъ и тѣ и другіе нигдѣ не встрѣчаются, а находились, напротивъ, еще и въ то время въ употребленіи у пограничныхъ съ Ляо-дунемъ Нюй-чжей, то Исбрантсъ Идесъ вывелъ отсюда заключеніе, что этотъ послѣдній народъ прежде жилъ и въ русской Даурiи. Поступая логически, онъ, конечно, долженъ былъ бы приписать и древніе даурскіе рудники однимъ только Нюй-чжамъ, а не за-одно съ ними и Монголамъ. То же самое тунгусское преданіе, о которомъ упомянуто выше, дошло до насъ также изъ другихъ рукъ. На немъ основано показаніе Георги, что Дючеры, которыхъ онъ самъ принималъ за племя Дауровъ или Маньчжуровъ, и которые суть именно Нюй-чжи, Юй-чжи или Чжурчжи — предки нынѣшнихъ Маньчжуровъ — составляли древнее, свѣдущее въ горномъ дѣлѣ населеніе Даурiи[2]). Это же преданіе послужило основаніемъ для русскаго названія одного изъ заводовъ Нерчинскаго округа, которое употребляется еще и до сихъ поръ; а именно, заводъ, лежащій верстахъ въ 50-ти отъ Нерчинскаго, названъ «Дючерскимъ», безъ сомнѣнія, вслѣдствіе преданія, дошедшаго отъ Монголовъ къ Тунгусамъ, что здѣсь нѣкогда жили Дючеры и занимались горнымъ промысломъ[3]). Если можно положиться на это преданіе, то представляется даже возможность приблизительно опредѣлить то время, къ которому относятся слѣды горной промышленности въ Даурiи. Безъ сомнѣнія, она еще существовала въ эпоху наибольшаго распространенія и могущества Нюй-чжей, а это было въ XII и XIII

---

1) Исбр. Идесъ (тамъ же, стр. 62) пишетъ по-голландски: «Nieucheu» и «Niucheu». Не образовалось ли и русское названіе «Перча», «Нерчинскъ» и «Нерчинскій» заводъ вслѣдствіе искаженія слова «Нюйчи»?

2) См. выше, стр. 167, Прим. 4.

3) Georgi, Bemerk. einer Reise im Russ. Reich, Bd. I, p. 362, 404, 406, 411; Georg.-physik. u. naturhist. Beschr. des Russ. Reiches, Thl. II, p. 1099. Pallas, Neue Nord. Beytr. Bd. IV, p. 207. По Георги, Дючерской заводъ, по своему положенію на рѣчкѣ Калукчѣ, впадающей въ нижнюю Борзу, лѣвый притокъ Аргуни, назывался прежде Калукчинскимъ, а послѣ — Борзинскимъ, пока не получилъ нынѣшняго своего названія. На картѣ, приложенной къ третьему тому путешествія Палласа (Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reiches, 1776) и изображающей пространство между Енисеемъ и Амуромъ, также означенъ «Дучерской заводъ». На большой картѣ восточной Сибири, Шварца (Карта рѣчн. областей Амура, южной части Лены и Енисея и остр. Сахалина, С. Петерб. 1861), названіе это показано не совсѣмъ правильно, а именно: «Дучарскій» (заводъ).

столѣтіяхъ (1115—1234), когда они, подъ именемъ Гиней, были властителями Китая[1]). Конецъ же ей былъ положенъ въ ту пору, когда Монголы, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана и его преемниковъ, уничтожили владычество Гиней и сами захватили верховную власть надъ Китаемъ. Нюй-чжи, населявшіе Даурію, должны были даже первые испытать на себѣ силу завоевателей, надвигавшихся съ Онона и Керлона (верхней Аргуни), причемъ часть ихъ, конечно, пала въ борьбѣ, а часть искала спасенія въ бѣгствѣ къ соплеменникамъ на Сунгари. Отсюда видно, какъ ошибочно мнѣніе Георги[2]), а за нимъ и Риттера[3]), называющихъ Дючеровъ людьми, свѣдущими въ горномъ дѣлѣ, рудокопами и плавильщиками, вытѣсненными изъ своей родины Русскими. Когда Русскіе, въ XVII столѣтіи, пришли въ Даурію, Дючеровъ здѣсь уже вовсе не было, а были одни только Дауры, которые, однако, какъ уже доказано выше, горнымъ дѣломъ не занимались. На Амурѣ же, хотя еще и жили Дючеры, удалившіеся оттуда лишь послѣ кроваваго столкновенія съ Русскими и по приказанію Китайскаго правительства, однако и они разработкою рудъ не занимались, точно такъ же, какъ и Дауры, а существовали исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ. Вышеупомянутое историческое событіе, разгромленіе Нюй-чжей Монголами, даетъ, наконецъ, точку опоры для приблизительнаго опредѣленія времени, когда Дауры появились на истокахъ Амура. На этомъ основаніи можно именно принять, что лишь послѣ того, какъ Монголы разбили Нюй-чжей и затѣмъ побѣдоноснымъ движеніемъ направились къ югу, Дауры стали постепенно переходить съ верхняго Амура въ опустѣвшую страну по Шилкѣ и Аргуни. И такъ, мы должны считать ихъ далеко не столь древними обитателями этой страны, какъ предполагалось до сихъ поръ на основаніи ошибочно приписываемыхъ имъ слѣдовъ древней горной промышленности.

Послѣдняя часть обширной области, которую занимали Дауры во время русскаго вторженія, находилась на рѣкѣ Нонни. Благодаря болѣе благопріятному климату, бо̀льшей близости къ Китаю и вслѣдствіе того значительнѣйшему развитію земледѣлія, скотоводства и торговли, Дауры достигли тутъ бо̀льшаго, повидимому, благосостоянія и болѣе ранняго сгущенія населенія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Но, съ другой стороны, непосредственное сосѣдство съ Маньчжурами было причиною того, что они здѣсь прежде всего подпали ихъ власти. Уже въ первые походы свои, подъ начальствомъ Пояркова и Хабарова, Русскіе слышали о богатствѣ здѣшнихъ Дауровъ хлѣбомъ, скотомъ, разными товарами, равно какъ и о городѣ ихъ на рѣкѣ Нонни (Наунъ-котонъ, въ послѣдствіи—Цицикаръ)[4]),

---

1) Фишеръ (Sibir. Gesch. Thl. I, p. 115) также полагаетъ, что древнія сооруженія въ Даурiи могутъ быть дѣломъ Нюй-чжей, въ царствованіе Гиней.

2) Geogr.-physikal. und naturhist. Beschr. des Russ. Reiches, Thl. II, p. 1086.

3) Asien, Bd. II, p. 335.

4) Исбрантсъ Идесъ (тамъ же, стр. 70) называетъ главный городъ Дауровъ, недавно построенный на рѣкѣ Нонни, «Наунъ-котонъ», т. е. городомъ Наунъ. Названіе же «Ксиксигаръ» относится у него до одного мѣстечка, отстоящаго на $^1/_4$ мили отъ рѣки Нонни, равно какъ и до всего окрестнаго края, потому что онъ говоритъ и о другихъ Ксиксигарскихъ деревняхъ (тамъ же, стр. 67). Въ такомъ значеніи употреблялъ эти имена и Витсенъ, пользовавшійся, во второмъ изданіи своего труда, для этой мѣстности, кромѣ путевого отчета Исбрантса Идеса, еще и другими источниками; только городъ онъ называетъ

гдѣ существовали лавки со всевозможными драгоцѣнными предметами и гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе вышеупомянутый богатый начальникъ Дауровъ, князь Борбой или Богдой, намѣстникъ Китайскаго императора[1]). Гораздо позже, въ 1686 г., узнали они отъ одного плѣннаго Китайца или Маньчжура, что на рѣкѣ Нонни предполагалось построить еще другой городъ: по мнѣнію Миллера, — Мергенъ[2]). Впрочемъ, это было уже въ то время, когда населеніе возросло здѣсь еще болѣе, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, потому что тѣ же самыя событія, которыя, какъ мы сейчасъ увидимъ, почти совершенно опустошили остальныя части Даурской области, имѣли послѣдствіемъ, на оборотъ, сгущеніе населенія на рѣкѣ Нонни.

Мимоходомъ я долженъ здѣсь упомянуть объ одномъ названіи народа, относящемся къ этой части Даурской области и встрѣчающемся еще въ древнихъ извѣстіяхъ о ней, но которое, тѣмъ не менѣе, весьма неопредѣленнаго и сомнительнаго свойства, потому что его то относили къ особому племени, то считали равносильнымъ названію «Дауры», то, наконецъ, примѣняли къ жителямъ одной только мѣстности Даурской области. Въ исторіи кратковременнаго существованія Албазина, между прочимъ, разсказывается, что въ 1686 году, когда этотъ городъ, послѣ постигшаго его разоренія Китайцами, былъ снова возстановленъ Русскими, первое извѣстіе объ этомъ достигло до Цицикара чрезъ нѣсколькихъ людей изъ племени «Таргачиновъ», на которыхъ, во время ихъ охоты на соболей, напали Албазинскіе казаки. Чтобы убѣдиться въ достовѣрности этого извѣстія, Цицикарскій намѣстникъ отправилъ туда Дауровъ, которые захватили недалеко отъ Албазина и увезли съ собою русскаго крестьянина, чѣмъ и подтвердилось показаніе Таргачиновъ[3]). Затѣмъ, на картѣ «Татаріи», изданной Витсеномъ спустя лишь годъ послѣ этого происшествія, равно какъ и въ первомъ изданіи его сочиненія: «Noord en Oost Tartarye» (1692 г.)[4]), поименованъ, очевидно на основаніи русскихъ источниковъ, народъ «Тарганскій» (Volk Targanskie), живущій на рѣкѣ Яло, правомъ притокѣ Нонни[5]).

большею частью такъ же, какъ и рѣку, просто «Наумъ» (Noord en Oost Tartarye, 1705, p. 79—82, 88, 91—95 sqq.). Въ древнихъ русскихъ донесеніяхъ, какъ они сообщены Миллеромъ, городъ именуется «Чичигаромъ», и впервые упоминается о немъ по случаю путешествія посланника Спафари (въ 1675—1677 г.), который велъ здѣсь первые переговоры съ Китайцами и отсюда посылалъ приказанія находившимся въ Албазинѣ Русскимъ (Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 375, 383; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXXI, стр. 4); послѣ того о немъ говорится еще нѣсколько разъ. У древнихъ іезуитовъ-миссіонеровъ, а также на картахъ д'Анвиля, онъ тоже называется лишь «Цицикаромъ» (Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 15—17; d'Anville, Nouv. Atlas de la Chine, pl. 1 et 18). По Васильеву (Опис. Маньчж. — Зап. Русск. Геогр. Общ. Кн. XII, 1857, стр. 28), на мѣстѣ Цицикара стояла прежде деревня Букей; въ званіе города она была возведена лишь въ 1791 г.

1) См. выше, стр. 169.

2) Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 398. Въ бытность въ этихъ мѣстахъ Исбрантса Идеса (въ 1693 г.), городъ Мергенъ уже существовалъ. Въ то время крайній (къ западу) китайскій сторожевой постъ на рѣкѣ Яло имѣлъ предписаніе, при первомъ приближеніи къ нему чужестранцевъ, немедленно извѣщать о томъ начальство города Мергена, что было и съ Идесомъ (Driejaar. Reize naar China, p. 65). Точно также объ этомъ городѣ упоминаютъ и древніе іезуиты-миссіонеры, по словамъ которыхъ онъ былъ построенъ при императорѣ Кхан-си (Du Halde, Descr. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 15, 36).

3) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 397.

4) Стр. 31.

5) Кромѣ того, на картѣ Витсена, на озерѣ Далай-норъ, означенъ народъ «Каргацины».

Первый путешественникъ, лично познакомившійся съ этимъ народомъ и сообщившій о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія, былъ Исбрантсъ Идесъ[1]). На своемъ пути изъ Дауріи, 5-го сентября 1693 г., къ востоку отъ перваго китайскаго сторожеваго поста на рѣкѣ Яло, онъ встрѣтилъ первыя таргацинскія хижины, а на слѣдующій день уже миновалъ послѣднія изъ нихъ. По его словамъ, «Таргацины» — особое племя, платящее дань Китайскому императору; живутъ они хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, отличные стрѣлки изъ лука и говорятъ языкомъ, большею частью сходнымъ съ тунгусскимъ[2]). Въ прибавленіи къ описанію своего путешествія, Исбрантсъ Идесъ[3]) замѣчаетъ еще, что Тунгусы (русской Дауріи) считали себя одного рода и происхожденія съ этими «Таргацинами или Даурами». Это могло бы быть понято, конечно, въ томъ смыслѣ, что оба послѣднія названія совершенно тождественны между собою, и дѣйствительно, Риттеръ такъ и взгляпулъ на нихъ[4]). Однако мнѣ кажется, что еще пѣтъ причины изъ послѣдняго замѣчанія Исбрантса Идеса выводить такое заключеніе: въ связи съ предыдущимъ, авторъ, вѣроятно, хотѣлъ только сказать, что Таргацины и Дауры — близко родственныя другъ другу тунгусскія племена. Въ виду того, какъ легко подвергаются малоразвитые народы дробленію на болѣе или менѣе мелкія группы, принимающія для себя особыя названія, можно, мнѣ кажется, считать упомянутыя тунгусскія племена даже за вѣтви или отрасли одного и того же народа. Вѣдь упоминаетъ же Исбрантсъ Идесъ, на ряду съ Таргацинами, иногда и о «Ксиксигарсахъ» (Цицикарцахъ), какъ объ особомъ народѣ[5]). И такъ, Таргацины, по моему мнѣнію, — лишь вѣтвь Дауровъ, которая, живя по рѣкѣ Яло, а быть можетъ и по другимъ притокамъ Нонни, ближе къ горамъ, занималась совмѣстно съ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, также и охотою въ гораздо большей степени, чѣмъ Дауры, заселяющіе равнины, и вслѣдствіе того отличалась отъ нихъ кое-какими особенностями быта. Съ теченіемъ времени, подъ общимъ маньчжуро-китайскимъ игомъ, многія изъ этихъ особенностей, можетъ быть, сгладились и исчезли. Во всякомъ случаѣ, о Таргацинахъ, какъ объ особомъ народѣ, на сколько мнѣ извѣстно, въ послѣдствіи не упоминается, и въ настоящее время это названіе употребляется у Русскихъ въ совершенно иномъ значеніи.

Какъ извѣстно, Китайское правительство ежегодно посылаетъ, для осмотра русско-китайской границы, чиновниковъ изъ Цицикара, Мергена и Айгуна на Шилку и Аргунь. Одна партія отправляется изъ Цицикара на Аргунь, къ пункту, лежащему противъ Старо-Цурухайтуевска; другая — изъ Мергена къ мѣстечку Онохой, противъ Олочинской станицы на Аргуни; третья идетъ изъ Айгуна по Амуру и Шилкѣ вверхъ до рѣчки Гор-

---

1) Driejaar. Reize naar China, p. 65 sqq.

2) Совершенно то же самое говоритъ и спутникъ Исбрантса Идеса, Адамъ Брандъ (Neu-vermehrte Beschreibung seiner grossen Chinesischen Reise etc. 3. Druck, Lübeck 1734, p. 125); только у него народъ этотъ называется «Таргуцинами».

3) Тамъ же, стр. 129.

4) Asien, Bd. II, p. 323.

5) Тамъ же, стр. 129.

бицы[1]). Первая партія, возобновивъ на должномъ мѣстѣ пограничный знакъ (состоящій изъ двухъ дощечекъ, на которыхъ означены годъ и число, когда состоялась ревизія, и изъ коихъ одна вѣшается на дерево, а другая зарывается въ землю у его подножія), отправляется вницъ по Аргуни для соединенія со второю партіею; послѣ этого, обѣ онѣ отыскиваютъ третью партію въ Усть-Стрѣлкѣ, на обратномъ пути ея отъ Горбицы, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ возвращаются вницъ по Амуру[2]). Палласъ, на основаніи справокъ студента Соколова, сообщаетъ, что Русскіе называютъ этихъ маньчжуро-китайскихъ чиновниковъ съ ихъ свитою «Мергенцами»[3]). Архимандритъ Палладій, напротивъ, говоритъ, что они называются «Торгачинами»[4]). Оба отчасти правы, потому что подъ первымъ именемъ разумѣются чиновники, пріѣзжающіе на Аргунь изъ Мергена, а подъ вторымъ — изъ Цицикара; для чиновниковъ же, присылаемыхъ изъ Айгуна, есть свое названіе, «Богдоїцы»[5]). Изъ этихъ трехъ партій наибольшее значеніе для нашего пограничнаго края, безспорно, имѣютъ Торгачины, потому что имъ одинъ возможна свободная торговля съ Русскими или съ подвластными намъ инородцами, такъ какъ Старо-Цурухайтуевскъ, по трактату, назначенъ вторымъ, послѣ Кяхты, мѣстомъ для русско-китайской пограничной торговли. Прочіе ревизоры могутъ производить лишь тайкомъ кос-какую торговлю, какъ это, дѣйствительно, и дѣлаютъ Мергенцы. Отсюда само собою разумѣется, что Торгачины, прежде чѣмъ отправиться въ путь, запасаются въ бо̀льшемъ, противъ другихъ партій, количествѣ разными годными для торговли на Аргуни товарами, и затѣмъ, въ теченіе приблизительно мѣсячнаго пребыванія своего въ окрестностяхъ Старо-Цурухайтуевска, стараются выручить для себя возможно бо̀льшую прибыль. Благодаря имени этой торговлѣ, они болѣе всѣхъ другихъ извѣстны различнымъ инородцамъ русской Дауріи. Этимъ объясняется показаніе Палласа, что даурскіе степные Тунгусы называютъ Китайцевъ «Тергецинами»[6]). Подъ этимъ названіемъ они очевидно разумѣютъ китайскихъ пограничныхъ осмотрщиковъ и торговцевъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что эти люди могутъ быть и не китайской національности. Соколовъ, напримѣръ, говоритъ, что пріѣзжавшіе изъ города Науна (Цицикара) чиновники не понимали ни по-китайски, ни по-мон-

---

1) Такъ какъ эта послѣдняя пограничная линія нынѣ измѣнена, то, безъ сомнѣнія, и прежній порядокъ въ отправленіи на ревизію китайскихъ чиновниковъ подвергся измѣненію.

2) Миддендорфу (Путеш. и пр. Ч. I, стр. 156, 157) Усть-Стрѣлинскіе казаки разсказывали, что первая партія, встрѣтившись со второю у Олочинской станицы, тотчасъ же возвращается вверхъ по Аргуни, тогда какъ вторая и третья соединяются въ Усть-Стрѣлкѣ и вмѣстѣ спускаются по Амуру. То же самое, по свидѣтельству Миддендорфа, говоритъ и Ладыжинскій въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ.

3) Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reiches, Bd. III, 1776, p. 428. По его словамъ, они сами называютъ себя «Хусай». Миддендорфу Усть-Стрѣлинскіе казаки называли ихъ «Марганцами». Однако, на основаніи рукописныхъ замѣтокъ Ладыжинскаго, Миддендорфъ говоритъ, что эти чиновники пріѣзжаютъ изъ «Мергыни» (Мергена). Стариннаго показанія Палласа онъ не замѣтилъ.

4) Палладій, Дорожныя замѣтки и пр. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 442).

5) По словамъ Усть-Стрѣлинскихъ казаковъ: «Богдои» (Миддендорфъ, Пут. и пр. Ч. I, стр. 157).

6) Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reich. Bd. III, p. 238.

гольски, и слѣдовательно, говорили, вѣроятно, на языкѣ «Дагуровъ»[1]). Спрашивается однако, откуда взялось это имя — «Торгачины»? Въ виду того, что названіе «Мергенцы», употребляемое Русскими для второй партіи осмотрщиковъ, пріѣзжающихъ также съ рѣки Нонни, заимствовано отъ мѣста отправленія послѣднихъ (Мергена), можно, на основаніи аналогіи, предполагать, что Цицикаръ долженъ былъ называться также Таргацикомъ. И дѣйствительно, у Витсена встрѣчается прямое указаніе на это[2]). Какой народъ далъ или давалъ Цицикару такое названіе, не сказано, но вѣроятно, что оно было отчасти въ употребленіи у Русскихъ въ Дауріи, быть можетъ, потому именно, что этотъ городъ лежитъ неподалеку отъ устья рѣки Яло, протекающей, какъ мы видѣли, чрезъ Таргацикскую область. Тѣмъ не менѣе, это — не болѣе, какъ предположеніе; да и самое показаніе Витсена требуетъ еще подтвержденія. Впрочемъ, если бы оно и вполнѣ подтвердилось, то все-таки, въ виду вышеупомянутыхъ извѣстій Исбрантса Идеса и др., нельзя допустить, что подъ именемъ «Таргацины» разумѣлись исключительно жители одного города (Цицикара), безъ различія національностей (Китайцы, Маньчжуры, Дауры, Солоны), подобно тому, какъ это несомнѣнно относительно «Мергенцевъ».

Послѣ этого отступленія, возвращаемся опять къ Даурамъ вообще. Вышеизложенное обширное распространеніе ихъ подверглось, въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе вторженія Русскихъ, быстрому и сильному ограниченію. Ту часть своей области, которая простиралась по истокамъ Амура, Шилкѣ и Аргуни, и за которою въ послѣдствіи единственно осталось названіе Даурія, они, при первомъ появленіи Русскихъ, покинули, какъ кажется, почти безъ всякаго сопротивленія. Даже тѣ изъ нихъ, которые, подобно князю Гантимуру и его свитѣ, бѣжали нѣкогда въ Даурію, чтобы избѣгнуть маньчжурскаго ига, предпочли, при нашествіи Русскихъ, покинуть ее снова и возвратиться къ своимъ старымъ врагамъ по ту сторону Хингапскаго хребта[3]). Это быстрое и полное отступленіе Дауровъ съ Шилки и Аргуни, повидимому, говоритъ въ пользу того, что они были здѣсь не очень многочисленны и потому имѣли бо̀льшее основаніе бояться надвигавшихся Русскихъ. Болѣе упорное сопротивленіе оказывали они на Амурѣ, гдѣ населеніе ихъ было плотнѣе и многочисленнѣе, и гдѣ у нихъ было нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ. Ни чуть не имѣя воинственныхъ наклонностей, они, впрочемъ, легко подчинились бы даже небольшому отряду отважныхъ и храбрыхъ казаковъ и, конечно, согласились бы платить ясакъ въ русскую казну, если бы уже не были данниками сильныхъ въ то время Маньчжуровъ и не нашли у нихъ поддержки. Такимъ образомъ, кровавое столкновеніе было неизбѣжно. А разъ дѣло дошло до него,—ряды Дауровъ стали быстро рѣдѣть, какъ вслѣдствіе несравненно бо̀льшей воинственности Русскихъ, ихъ рѣшимости, во что бы то ни стало, держаться предъ численнымъ превосходствомъ

---

1) Pallas, Reise etc. Bd. III, p. 428. По замѣчанію Ладыжинскаго, «Мергенцы» были Маньчжуры и Солоны. (Миддендорфъ, тамъ же).

2) Городъ Наунъ, говоритъ онъ (Noord en Oost Tartarye, 1705, p. 94), назывался также «Таргациномъ» (Targatsien).

3) Fischer, Sibirische Gesch. Thl. II, p. 775; см. также выше, стр. 166.

непріятеля, такъ и вслѣдствіе того, что у нихъ было огнестрѣльное оружіе. Стоитъ, напримѣръ, лишь вспомнить, что, при взятіи Хабаровымъ Гуйгударова города, Дауры потеряли 661 человѣка убитыми, да въ городѣ захвачено въ добычу 243 женщины и 118 дѣтей, тогда какъ у Русскихъ оказалось всего лишь 4 убитыхъ, да 45 легко-раненыхъ [1]). Въ русскихъ донесеніяхъ часто говорится, что все было изрублено, деревни разрушены, женщины и дѣти взяты въ добычу и т. д. [2]). Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что, при дальнѣйшемъ продолженіи войны, Амурскіе Дауры были бы совершенно истреблены Русскими, если бы Китайское правительство, для защиты ихъ отъ непріятеля, не приняло иныхъ мѣръ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе казаки не заботились ни о правильномъ подвозѣ для себя съѣстныхъ припасовъ, ни о воздѣлываніи полей, а пробавлялись лишь тѣмъ, что отнимали и грабили у Даурoвъ, Китайское правительство, въ 1654 г., приказало послѣднимъ оставить свои поля и огороды незасѣянными и переселиться съ Амура и его притоковъ, Зеи и пр., на рѣку Нонни [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ небольшого, по грозпаго отряда Русскихъ было выслано многочисленное, вооруженное полевымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ войско, въ составъ котораго вошли многіе Дауры и Дючеры. Хотя казаки и продержались еще нѣкоторое время, расширяя предѣлы своихъ набѣговъ и грабя нижне-амурскихъ и сунгарійскихъ Дючеровъ, но чрезъ два года, вслѣдствіе перемѣщенія Дючеровъ на Хурху, они лишились и этого источника пропитанія [4]). Съ тѣхъ поръ, въ донесеніяхъ ихъ все чаще и чаще повторяются жалобы на нужду, которую русскимъ служилымъ людямъ приходилось терпѣть на Амурѣ вслѣдствіе голода, холода, недостатка въ амуниціи и численнаго превосходства непріятеля, а также и лучшаго его вооруженія и т. д. [5]). Въ послѣд-

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 315; Нов. ежем. соч., 1796, Ч. CXVI, стр. 67. Fischer, Sibirische Gesch. Thl. II, p. 804. Доп. къ актамъ истор. Т. III, стр. 360. Миллеръ и Фишеръ постоянно называютъ даурскаго князя «Гугударомъ», а на картѣ, принадлежащей къ труду послѣдняго, крѣпость названа даже «Гагударевой», тогда какъ въ донесеніяхъ Хабарова и другихъ князю дается имя «Гуйгударъ», а крѣпости — «Гуйгударовъ городъ».

2) .... тѣхъ Даурoвъ въ пень порубили всѣхъ съ головы на голову .... многихъ людей побили .... ясырь поимали ..... улусы громили ..... и т. д. (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 360, 362, 364, 372 и пр.).

3) Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 526. Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 337; Нов. ежем. соч. 1796, Ч. CXVII, стр. 61; также въ Büsching's Magaz. für die neue Historie und Geogr. 2. Thl. 2. Aufl. p. 496) говоритъ, что Дауры были переселены на Шингалъ (Сунгари) и Паунъ; но въ вышеупомянутомъ донесеніи Онуфрія Степанова поименована только послѣдняя рѣка.

4) См. выше, стр. 155.

5) Такъ, напримѣръ, въ донесеніи Степанова отъ 1654 г. говорится: «а хлѣба на Амурѣ мало, а у Богдойскихъ людей, какъ они изъ пушекъ стрѣляютъ, изъ тѣхъ ихъ пушекъ емлютъ версты на 2 и больше, а у насъ въ войскѣ государева снаряду одна пушка и та полковая да 2 желѣзныхъ малыхъ» (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 527). Или отъ 1656 г.: .... «съ служилыми людьми и Амурскими охочими казаками стали всѣ голодны и холодны и всѣмъ оскудали, хлѣбныхъ запасовъ въ войскѣ не стало нисколько и свинцу и пороху нѣтъ, все издержали и впредь .... жить и какъ чѣмъ питатца, и впредь не знаемъ, какъ намъ холопемъ государевымъ стало государевымъ ясакомъ и своими головами промышлять, и нонѣ всѣ въ войскѣ оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньемъ, и ожидаемъ государева указу, а сойти съ Великія рѣки Амура безъ государева указу не смѣемъ ни куда; а Богдойскіе воинскіе люди подъ нами стоятъ близко, и намъ противъ ихъ Богдойскихъ всякихъ людей стоять и дратца стало нечѣмъ, пороху и свинцу нѣтъ нисколько» (Доп. и пр. Т. IV, стр. 82). Подобныя жалобы повторяются и во многихъ другихъ мѣстахъ.

ствіи, но лишь гораздо позже, въ 1672 и 1673 годахъ, Русскіе, для устраненія нужды и окончательнаго занятія края, основали изъ Нерчинска хлѣбопашескія поселенія на верхнемъ Амурѣ, которыя, благодаря плодородію почвы, замѣчательно преуспѣвали, и между которыми самая значительная была Покровская слобода, расположенная въ нѣсколькихъ верстахъ книзу отъ Албазина[1]). Однако превосходство силъ осталось за Маньчжуро-Китайцами, и извѣстно, что Русскіе, не смотря на геройское отстаиваніе однажды занятыхъ ими мѣстъ, въ концѣ концовъ, по Нерчинскому трактату, все-таки принуждены были покинуть этотъ край.

Такимъ образомъ, страна по верхнему Амуру, вплоть до самой Зеи, опустѣла совершенно, потерявъ сначала свое даурское, а затѣмъ и немногочисленное русское населеніе. Въ такомъ пустынномъ состояніи Китайское правительство старалось сохранить ее и въ послѣдствіи, видя въ этомъ, нѣкоторымъ образомъ, гарантію противъ вторичнаго вторженія въ нее Русскихъ. Особенно радѣло оно о томъ, чтобы не допускать туда какого бы то ни было осѣдлаго народа, занимающагося земледѣліемъ и скотоводствомъ. Весьма понятно, что съ отступленіемъ Русскихъ, у Дауровъ, переселенныхъ на Ноши, явилось желаніе возвратиться въ свою прежнюю родину,—въ мѣста, гдѣ нѣкогда или они сами, или ихъ отцы жили въ довольствѣ. Но возвращеніе на Амуръ было дозволено Даурамъ лишь съ различными ограниченіями. Такъ, постоянныя даурскія колоніи, занимающіяся, главнымъ образомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, встрѣчаются позже лишь въ той части Амура, которая простирается вплоть отъ Зеи, между маньчжуро-китайскимъ городомъ Айгуномъ[2]), достигшимъ къ тому времени уже не малаго размѣра и значенія, до Буреинскихъ горъ[3]). Дальше вверхъ по Амуру, гдѣ въ прежнія времена было всего больше даурскихъ деревень и укрѣпленій, равно какъ и по нижнему теченію рѣки Комары, имъ, на основаніи вышеупомянутыхъ причинъ, запрещено было селиться; и нѣтъ сомнѣнія, что какъ Айгунскимъ чиновникамъ, такъ и маньчжурскимъ сторожевымъ постамъ, расположеннымъ по Амуру до устья Комары и выше, ставилось, между прочимъ, въ обязанность строжайше слѣдить за исполненіемъ этой мѣры. Только по верхнему теченію Комары встрѣчаются опять осѣдлые Дауры-земледѣльцы, очевидно потому, что на такомъ значительномъ разстояніи отъ Амура, они, по мнѣнію Китайскаго правительства, болѣе не нарушаютъ пустыннаго характера его бере-

---

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 372; Нов. ежем. соч., 1796, Ч. CXX, стр. 52.

2) Старинные французскіе миссіонеры говорятъ, что городъ Айгунъ («Aykom») былъ основанъ еще при Китайскомъ императорѣ Юн-ло, изъ династіи Минъ, на лѣвомъ берегу Амура (Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 15). Въ русскихъ извѣстіяхъ впервые упоминается объ Айгунѣ въ 1676 г., и притомъ, какъ о древнемъ городѣ, лежащемъ на полдня пути внизъ отъ Зеи, на сѣверномъ берегу Амура; въ 1683 г. онъ былъ еще сильнѣе укрѣпленъ и обращенъ въ сборное мѣсто многочисленнаго войска, а два года спустя, перенесенъ на правый берегъ Амура, нѣсколько внизъ по теченію, на то самое мѣсто, гдѣ и нынѣ находится городъ Айгунъ или, по-маньчжурски, Сахалинула-хотонъ (Müller, Sammlung Russ. Geschichte, Bd. II, p. 377, 381). Васильевъ (Описаніе Маньчжуріи. — Зап. Русск. Геогр. Общ. Кн. XII, 1857, стр. 29) временемъ основанія этого города показываетъ 1684-й годъ.

3) См. выше, стр. 52.

говъ. Благодаря этому обстоятельству, тамошніе Дауры въ XVII столѣтіи, можетъ быть, вовсе не были принуждены выселяться съ своихъ мѣстъ, или они тогда лишь подвинулись съ нижней Комары вверхъ, или же, наконецъ, переселились туда уже позже, съ рѣки Ноши.

Совершенно иначе, чѣмъ къ осѣдлымъ земледѣльческимъ поселенцамъ, относилось Китайское правительство къ переходящимъ съ мѣста на мѣсто купцамъ. Имъ оно открыло свободный доступъ ко всему верхне- и средне-амурскому краю, принадлежащему къ Цицикарскому правительственному округу, и только запретило вступать въ сношенія съ Русскими на верхнемъ Амурѣ за предѣлами крайнихъ сторожевыхъ постовъ. Благодаря такой свободѣ, равно какъ и склонности и способности Дауровъ къ торговлѣ, въ особенности съ родственными и издавна знакомыми имъ охотничьими тунгусскими племенами на сѣверѣ Амурскаго края, они, въ качествѣ купцовъ, скоро достигли того обширнаго распространенія по Зеѣ, Силимджѣ, Буреѣ и ихъ притокамъ, о которомъ уже было подробно говорено выше [1]). Здѣсь я желалъ бы только обратить особенное вниманіе еще на одно обстоятельство, бросающее яркій свѣтъ на распространеніе Дауровъ и на роль, которую они играютъ относительно другихъ инородцевъ Амурскаго края, стоящихъ ниже, чѣмъ они. Хотя Китайское правительство и воспрещаетъ Даурамъ переходить въ нижне-амурскій край, точно такъ же какъ и нижне-амурскимъ инородцамъ подниматься по Амуру выше устья Сунгари, а по Сунгари выше города Сан-сиия, однако даурскіе торговые люди извѣстны даже Гилякамъ, — народу, живущему отъ нихъ дальше всѣхъ. На всѣ мои распросы о народахъ, обитающихъ вверхъ по Амуру, Гиляки постоянно называли мнѣ кверху отъ Маньчжуровъ еще народъ «Ям-маньчжу». Долгое время я не могъ догадаться, какой народъ они разумѣютъ подъ этимъ именемъ. Но теперь я не сомнѣваюсь, что оно относилось къ Даурамъ. Не смотря на упомянутое запрещеніе Китайскаго правительства, даурскіе купцы приходятъ съ верховьевъ Буреи и Силимджи чрезъ хребетъ Ям-алинъ въ лежащее на Тугурѣ урочище Буруканъ [2]), гдѣ, въ свою очередь, ради торговли, временно сходятся Тунгусы съ Тугура и береговъ Охотскаго моря, Негидальцы съ Амгуни и Гиляки съ Амура. Въ обмѣнъ на любимыя всѣми соболи шкуры, эти инородцы получаютъ здѣсь отъ Дауровъ почти тѣ же самые товары, что и отъ Китайцевъ на Амурѣ, и отъ Дауровъ же, при случаѣ, должны были, конечно, слышать о томъ, какую роль эти послѣдніе играютъ въ странѣ, лежащей по ту сторону Ям-алина, на Буреѣ, Силимджѣ, Зеѣ вплоть до Амура, — что они имѣютъ здѣсь въ своихъ рукахъ всю торговлю, собираютъ въ пользу китайской казны ясакъ съ Бираровъ и Манегирцевъ [3]) и т. д. Выше было уже замѣчено [4]), что Гиляки, хотя и различаютъ Китайцевъ и Маньчжуровъ въ отношеніи на-

---

1) См. выше, стр. 39, 53.

2) См. также показанія очевидца, священника Дьячковскаго, у Козьмина, въ Зап. Гидр. Департ. Морск. Минист. Ч. IV, стр. 36.

3) Миддендорфъ (Путеш. и пр. Ч. I, стр. 161, примѣч. 1) говоритъ, что Якуту Трофиму Дауры умѣли даже внушить удивленіе разсказами о своемъ большомъ городѣ на Амурѣ, гдѣ рѣка перегорожена огромною цѣпью.

4) См. стр. 73.

ціональности, однако нерѣдко называютъ тѣхъ и другихъ однимъ и тѣмъ же именемъ «Маньчжу». Отсюда совершенно понятно, почему Даурамъ, приходящимъ съ хребта Ямалина и играющимъ по ту его сторону такую же роль, какую играютъ Маньчжуры на Амурѣ, они даютъ названіе «Ям-маньчжу». Есть ли у нихъ для Дауровъ кромѣ того другое названіе, которое указывало бы на особую національность послѣднихъ, этого я не знаю. У русскихъ Тунгусовъ они называются «Дюлу», у Бираровъ — «Даху-халь»[1]) — названіе, въ которомъ легко узнать слово Дахуръ или Дауръ.

Пока Гогули и Дауры обитали на Амурѣ, мѣсто жительства Бираровъ, Манегирцевъ и Орочоновъ ограничивалось Становымъ хребтомъ и его южными склонами и отрогами. Ни въ одномъ изъ извѣстій, относящихся ко времени русскаго вторженія, не упоминается о томъ, чтобъ они жили на Амурѣ. Только по выселеніи съ Амура Гогулей и Дауровъ и вслѣдствіе китайской политики, не терпѣвшей какого бы то ни было осѣдлаго населенія въ верхнемъ его теченіи, имъ представилась возможность распространиться къ югу, до Амура и отчасти даже за него, какъ о томъ уже сказано выше. Но по мѣрѣ движенія ихъ на югъ, другія тунгусскія племена, подвластныя Россіи, проникали съ сѣвера все болѣе и болѣе на южные отроги Станового хребта. При этомъ, Бирары и Манегирцы, спустившись со своихъ горъ въ низменныя предгорья и поросшія высокою травою луговыя равнины по Буреѣ, Силимджѣ и Зеѣ, вынуждены были бросить свое горное домашнее животное, оленя, и замѣнить его другимъ вьючнымъ и верховымъ животнымъ, болѣе пригоднымъ при новыхъ условіяхъ, лошадью; Орочоны же, ограничившись гористымъ верхнимъ теченіемъ Амура, остались при своихъ обычныхъ оленяхъ. Совершенно то же самое случилось и на истокахъ Амура, въ Даурін: тамъ, въ покинутую Даурами страну спустились съ горъ, по выраженію Риттера[2]), разные «тунгусскіе дикари» (Tungusische Wildlinge), которые, вступивъ въ безлѣсную равнину, замѣнили своихъ оленей лошадьми, или же, по примѣру Монголовъ, приспособились даже къ скотоводству и, такимъ образомъ, изъ лѣсныхъ и олешныхъ Тунгусовъ, обратились въ степныхъ и конныхъ[3]). Такимъ образомъ, между инородцами Амурскаго края произошелъ цѣлый рядъ переселеній, передвиженій и преобразованій, и первымъ толчкомъ ко всему этому было вторженіе въ него Русскихъ, въ XVII столѣтіи. Подобно тому, какъ на нижнемъ Амурѣ оно было причиною выселенія Дючеровъ на Хурху, и слѣдовательно, распространенія Гольдовъ къ западу до Сунгари, — на верхнемъ Амурѣ оно вызвало выселеніе Гогулей и Дауровъ съ главной рѣки и ея истоковъ, а это, въ свою очередь, имѣло слѣдствіемъ вышеупомянутыя пере-

---

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 757. Слово *халь* у Бираровъ, такъ же какъ у Гольдовъ и Маньчжуровъ *хала*, значитъ «родъ, племя».

2) Erdkunde von Asien, Bd. II, p. 323.

3) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. VI, p. 152.

движенія тунгусскихъ племенъ на южной и даже на сѣверной сторонѣ Станового хребта. Прибавимъ теперь къ этимъ общимъ замѣчаніямъ еще нѣсколько частныхъ историческихъ данныхъ, относящихся спеціально къ Бирарамъ, Манегирцамъ и Орочонамъ.

Древнѣйшія извѣстія о **Бирарахъ** относятся ко времени перваго похода Русскихъ на Амуръ, подъ начальствомъ Пояркова. По своемъ возвращеніи оттуда (въ 1646 г.), онъ донесъ, что на верховьяхъ Силимджи («Силимбы») живутъ многочисленные оленные Тунгусы-Биралы[1]). Тридцать-пять лѣтъ спустя (въ 1681 г.), былъ посланъ изъ Нерчинска на Зею и Силимджу сынъ боярскій Игнатій Миловановъ, для осмотра поставленныхъ тамъ острожковъ и ясачныхъ зимовьевъ и для приведенія въ извѣстность, есть ли тамъ хлѣбородныя мѣста, и гдѣ слѣдуетъ основать новый острогъ? Между тѣмъ хлѣбопашцы-Дауры успѣли уже уйти съ Амура и Зеи, и на обѣихъ рѣкахъ Миловановъ нашелъ многочисленные слѣды ихъ прежнихъ пажитей и деревень. Съ Силимджи же («Селинбы») онъ доносилъ, что съ малыми силами брать ясакъ съ тамошнихъ Бирарскихъ Тунгусовъ невозможно, а также что за ясакомъ съ нихъ въ пользу китайской казны пріѣзжаютъ на устье этой рѣки даурскіе люди. Онъ называетъ при этомъ Бираровъ конными Бирарскими Тунгусами[2]). Изъ этого видно, что они тѣмъ временемъ уже перешли дальше внизъ по Силимджѣ и, сообразно съ мѣстными условіями, превратились въ конныхъ кочевниковъ. Дауры же появлялись у нихъ лишь временно, въ качествѣ или чиновниковъ, собиравшихъ ясакъ, или торговцевъ[3]). Спустя три года, казачій пятидесятникъ Герасимъ Цыпандинъ донесъ, что въ Удскомъ острогѣ онъ поймалъ двухъ Бирарскихъ сотниковъ съ рѣки Силимджи («Силинбы»), которыхъ и задержалъ аманатами[4]). И такъ, уже самыя древнія русскія извѣстія знакомятъ насъ съ Бирарами подъ этимъ ихъ именемъ. Я думаю, что это и есть то названіе, которымъ они сами обозначаютъ себя, по крайней мѣрѣ, въ сношеніяхъ съ чужеземцами, потому что я узналъ его отъ нихъ самихъ, никогда прежде не слышавъ о немъ[5]). То же самое было, конечно, и съ Радде, который, во время своего пребыванія въ Буреинскихъ горахъ на Амурѣ, имѣлъ частыя сношенія съ Бирарами и постоянно называетъ ихъ этимъ именемъ[6]). Тѣмъ не менѣе, оно означаетъ не болѣе, какъ «прирѣчный житель», причемъ подъ «рѣкою» (*бира*), собственно говоря, они разумѣютъ не Амуръ, а Нюман-бпру, которая поэтому и у Русскихъ получила названіе «Бурея», представляющее то же слово лишь въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Ньюман-бира была именно главная рѣка области Бираровъ: съ поя они въ прежнія вре-

---

1) Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 53.

2) «Отписка Стольнику и Воеводѣ Ѳед. Дементьев. Воейкову, отъ посланн. въ 1681 г. для обозр. Амура, сынъ-Боярскаго Игнатья Милованова», сообщенная Спасскимъ, въ Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1853, Ч. VII, Отд. II, стр. 40, 41.

3) Милованов, тамъ же, стр. 39.

4) Дополн. къ актамъ истор. Т. XI, С. Петерб. 1869, стр. 202.

5) См. отчетъ о моемъ путешествіи, писанный изъ Иркутска, 15-го ноября 1856 г., въ Bull. de la cl. phys.-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersbourg, T. XV, p. 247; Mél. russes, T. III, p. 353.

6) «Birar-Tungusen»; см. Radde, Bericht über Reisen im Süd. und Ost. Sibir. (Beiträge, zur Kenntn. des. Russ. Reiches, Bd. XXIII, p. 526 u. a.).

мена, вѣроятно, перешли на ближайшее верхнее теченіе Сплимджи, по которой въ послѣдствіи, по выселеніи Гогулей и Дауровъ, вышли на Амуръ, а затѣмъ распространились и дальше. На Амурѣ, гдѣ они нашли плодородную и бывшую нѣкогда пахапною почву, часть ихъ преобразовалась даже въ осѣдлыхъ хлѣбопашцевъ, чего не достигли, или вовсе, или, по крайней мѣрѣ, въ такихъ размѣрахъ, ближайшіе соплеменники ихъ, Манегирцы и Орочоны. Этимъ распространеніемъ своимъ они вмѣстѣ съ тѣмъ значительно приблизились къ центрамъ маньчжуро-китайскаго правительства, къ Айгуну и въ особенности къ Цицикару, главному городу провинціи Хэ-лунъ-цзянъ (Амура). Въ китайской государственной географіи династіи Цинъ они упоминаются въ числѣ народовъ, принадлежащихъ къ этому округу, и притомъ подъ названіемъ «Буйларъ»[1]) или «Пи-ли-ёръ» (Пиларъ)[2],— названіемъ, въ которомъ, не смотря на его китайское искаженіе, не трудно узнать то же самое имя. Еще ближе подходитъ къ нему названіе «Биляръ», употребляемое для этого народа архимандритомъ Палладіемъ[3]) и, можетъ быть, заимствованное имъ изъ той же государственной географіи. Наконецъ, не трудно узнать его и въ имени «Тунгусы-Быралы» или «Буралы», которое самостоятельно развѣдалъ Миддендорфъ[4]), проходя чрезъ сѣверную часть Бирарской области. Незначительное видоизмѣненіе его объясняется, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Миддендорфъ, проѣзжая по этому краю въ сообществѣ русскихъ Тунгусовъ, слышалъ названія болѣе или менѣе въ формѣ, употребляемой Русскими, у которыхъ и Нюман-бира называется Буреею[5]).

Первое извѣстіе о **Манегирцахъ** относится къ тому же времени, какъ и извѣстія о Бирарахъ. Въ 1647 г. промышленникъ Григорій Вижевцовъ, на официальномъ допросѣ въ Якутскѣ, показалъ, что, занимаясь промысломъ, онъ провелъ оба предшествовавшіе года на «Тугирѣ» (Тугирѣ), притокѣ Олекмы, куда, между прочимъ, приходили къ нему три Тунгуса «Манагири»[6]). Гдѣ жило это, по его показанію, многочисленное племя, не сказано, а говорится только, что Манагири ежегодно зимою ходятъ на оленяхъ до Шилки (Амура), для торговли съ Даурами; путь этотъ они совершаютъ такимъ образомъ, что сначала идутъ вверхъ по Нюгѣ (Нюкжѣ), притоку Тугира, до горнаго хребта, затѣмъ переваливаютъ на Уй (Уркапъ) и слѣдуютъ этою рѣкою до впаденія ея въ Шилку (Амуръ), гдѣ уже встрѣчаютъ подвластныхъ князю Лавкаю Дауровъ. Изъ этого видно, что Манегирцы въ то время еще имѣли оленей и, пользуясь ими, бродили въ Становомъ хребтѣ, по сѣверному и южному склонамъ его, на верховьяхъ Нюкжи, Уркапа и — такъ какъ это племя

---

1) Ritter, Asien, Bd. III, p. 442.

2) Pauthier, Chine moderne, I. partie, p. 168.

3) Дорожныя замѣтки и пр. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. геогр. Т. IV, 1871, стр. 445).

4) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 162; Ч. II, стр. 727 и др.

5) Замѣчу также, что Русскіе, при передачѣ тунгусскихъ и др. словъ, часто замѣняютъ звукъ *и* звукомъ *ы*; такъ, напримѣръ, вмѣсто «Кидзи» иногда говорятъ «Кызы» и т. д. Поэтому, изъ *бира* образовалось *быра*, а отсюда, по всей вѣроятности, — и форма «Быралы».

6) Распросныя рѣчи промышленнаго человѣка Григ. Вижевцова (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 102).

было многочисленно — вѣроятно, и по ближайшимъ къ востоку рѣкамъ, Олдою, Уру и др. Въ донесеніи Пояркова о походѣ его (приблизительно въ то же время) съ Станового хребта внизъ по верхней Бряндѣ и Зеѣ, о Манегирцахъ не упоминается: первую рѣку онъ нашелъ вовсе незаселенною, на нижней же (второй) Бряндѣ жили оленные Тунгусы-Уллагири, на нижнемъ Урѣ — Тунгусы-Баягиры, занимавшіеся скотоводствомъ, а на Зеѣ, начиная съ Умлекана, — Дауры[1]). Однако, въ послѣдствіи, объ этихъ двухъ тунгусскихъ племенахъ въ Амурскомъ краѣ больше не упоминается, а потому можно полагать, что это были лишь отдѣльные представители названныхъ родовъ, какіе всегда встрѣчаются въ странахъ съ болѣе или менѣе бродячимъ тунгусскимъ населеніемъ. Къ тому же, о Боягирахъ достовѣрно извѣстно, что ихъ родъ, по выраженію Миддендорфа, разбрелся на всѣ стороны, такъ что отдѣльныхъ представителей его можно встрѣтить по всей Сибири[2]). Какъ во время похода Пояркова Манегирцевъ еще не было ни на Бряндѣ, ни на Зеѣ, такъ, по Усольцеву, ихъ не было и спустя два столѣтія на Гилюѣ[3]), правомъ притокѣ Зеи, берущемъ свое начало въ Становомъ хребтѣ, къ западу отъ Бряпды. На основаніи этихъ фактовъ, родину Манегирцевъ, изъ которой они въ послѣдствіи распространились до Зеи и даже за нее, надо искать лишь къ западу отъ Гилюя, т. е. какъ-разъ въ той части Станового хребта, на которую отчасти указываетъ вышеприведенное показаніе Вижевцова. Всего ближе, даже ближе чѣмъ къ Зеѣ, жили они къ верхнему Амуру, и туда, по текущимъ къ нему рѣкамъ, Уркану и др., какъ сказано въ упомянутомъ древнемъ извѣстіи, ходили они каждую зиму для торговли съ Даурами. Но это — какъ-разъ та часть Амура, гдѣ Русскіе въ XVII столѣтіи появились прежде всего и въ наибольшемъ числѣ, гдѣ находились ихъ лучшія и значительнѣйшія укрѣпленія, а въ послѣдствіи и земледѣльческія поселенія, и гдѣ они держались всего упорнѣе и продолжительнѣе. Вотъ причина, почему дальнѣйшее распространеніе Манегирцевъ въ Амурскомъ краѣ должно было произойти позже распространенія Бираровъ. Для послѣднихъ оно стало возможно тотчасъ же по выселеніи съ Амура Гогулей и Дауровъ; Манегирцы же, напротивъ, могли двинуться изъ своей горной родины на югъ или востокъ не прежде того, какъ Русскіе ушли съ верхняго Амура, что случилось лишь 35 лѣтъ спустя, вслѣдствіе Нерчинскаго трактата. Поэтому, когда Игнатій Миловановъ, въ 1681 г., былъ посланъ для осмотра мѣстностей по Зеѣ, Манегирцевъ тамъ еще вовсе не было, Бирары же, напротивъ, уже на столько распространились внизъ по Силимджѣ, что китайскіе чиновники могли собирать съ нихъ ясакъ на мѣстѣ впаденія этой рѣки въ Зею. Какъ скоро за отступленіемъ Русскихъ съ Амура послѣдо-

---

1) Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 51, 52. У Миллера (въ Büsching's Magaz. für die neue Histor. und Geograph. 2. Thl. 2. Aufl. p. 494) второе изъ означенныхъ племенъ названо «Буягиръ».

2) Миддендорфъ (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 700, 733) упоминаетъ, напримѣръ, о такъ называемыхъ имъ «Бояграхъ», которыхъ онъ отчасти самъ видѣлъ на верховьяхъ Хеты, къ западу отъ Енисея, на Вилюѣ, Алданѣ, Тунгирѣ (Олекмѣ), на Амурѣ, немного ниже Усть-Стрѣлки, на Дабукытѣ, Олдоѣ, Урѣ, на Ботамѣ, Темтёнѣ и въ Удскомъ острогѣ.

3) Усольцевъ, Путеш. къ верш. рѣки Гилюя и на рѣку Зею, лѣтомъ 1856 г. (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXII, 1858, Отд. II, стр. 153).

вало распространеніе Манегирцевъ, и какими путями оно шло, съ точностью опредѣлить невозможно, такъ какъ съ этимъ отступленіемъ, къ сожалѣнію, на долго прекратились почти всѣ извѣстія объ Амурскомъ краѣ. Однако, на основаніи вышесказаннаго можно считать вѣроятнымъ, что прежде всего они обычнымъ путемъ своимъ, по Уркану, Олдою и т. д., спустились къ совершенно опустѣвшему верхнему Амуру, а потомъ уже, слѣдуя этой рѣкѣ, достигли Комары и Зеи, по которымъ и разселились вверхъ на столько, на сколько нашли для себя еще незанятыя и соотвѣтствующія своимъ потребностямъ мѣста. Впрочемъ, на Зею могли они выйти еще и другимъ путемъ, а именно вдоль рѣки Ура. Здѣсь, на луговыхъ пространствахъ по нижнему и среднему теченіямъ Зеи и по ея притокамъ, Манегирцы встрѣтили условія, самыя благопріятныя для конныхъ кочевниковъ, какими они сдѣлались послѣ того, какъ спустились съ горъ въ предгорья и равнины. Быть можетъ, по этимъ причинамъ, а именно двоякаго пути на Зею и упомянутыхъ на ней природныхъ данныхъ, образовалось здѣсь съ теченіемъ времени наиболѣе многочисленное Манегирское населеніе. Но нигдѣ, ни на Зеѣ, ни на Комарѣ или Амурѣ, оно не обратилось къ земледѣлію, а слѣдовательно, и къ осѣдлому образу жизни. Причиною же этому была глубоко укоренившаяся въ Тунгусахъ наклонность къ кочевой жизни, и, главнымъ образомъ, объяснешая нами выше политика Китайскаго правительства, старавшагося сохранить эту часть Амурскаго края, подверженную прежде и больше всѣхъ прочихъ вторженію Русскихъ, въ возможно незаселенномъ и пустынномъ видѣ.

Далѣе, замѣчательно, что Манегирцы, не смотря на свое обширное распространеніе въ Амурскомъ краѣ и превращеніе въ конныхъ кочевниковъ, въ глазахъ Маньчжуро-Китайцевъ остались все тѣмъ же оленнымъ народомъ, какимъ были и прежде. Китайская государственная географія династіи Цинъ не обозначаетъ ихъ особымъ названіемъ, подобно близко-родственному съ ними племени Бираровъ, а разумѣетъ ихъ подъ однимъ общимъ названіемъ съ ихъ западными сосѣдями, Орочонами,—названіемъ, подходящимъ для послѣднихъ еще и въ настоящее время, а именно: «Орунчунъ»[1]) или «Го-лун-чунъ»[2]), т. е. оленный народъ. Въ этомъ можно, мнѣ кажется, видѣть подтвержденіе и съ китайской стороны того мнѣнія, которое было высказано нами выше на другихъ основаніяхъ, а именно, что Манегирцы еще недавно жили оленными кочевниками въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Орочонами, что оттуда они спустились къ верхнему Амуру, вдоль него достигли Комары и Зеи, и что распространеніе это послѣдовало лишь въ сравнительно недавнее время. Сколько я знаю, первое извѣстіе, въ которомъ уже говорится о Манегирцахъ, какъ о жителяхъ Амура, принадлежитъ даже новому времени. Мы обязаны имъ русскому бѣглому Гурью Васильеву. Показанія его сохранились въ рукописныхъ замѣткахъ Ладыжинскаго, которыми, какъ доказалъ Миддендорфъ[3]), воспользовался въ послѣдствіи Іакинфъ, въ своемъ Статистическомъ Описаніи Китайской Имперіи, не указавъ, однако, источника. Такимъ обра-

---

1) Ritter, Asien, Bd. III, p. 442.
2) Pauthier, Chine moderne, 1-re partie, p. 168.
3) Путеш. и пр. Ч. I, стр. 152, прим. 1; см. выше, стр. 83, прим. 1.

зомъ, у него сказано, что внизъ отъ Усть-Стрѣлки, въ горахъ, по обоимъ берегамъ Амура, живутъ тунгусскія племена, получившія отъ Русскихъ названія «Минегри» и «Орочоны»[1]); въ другомъ мѣстѣ — очевидно уже изъ другого источника — говорится, что въ Забайкальскомъ краѣ Тунгусовъ праваго берега Амура внизъ отъ Усть-Стрѣлки называютъ «Манегирами», а Тунгусовъ лѣваго берега — «Орочонами»[2]). Позднѣйшіе путешественники по Амуру всегда упоминаютъ о Манегирцахъ подъ тѣмъ же названіемъ, только съ нѣкоторыми измѣненіями въ гласныхъ буквахъ; относительно же происхожденія этого названія, у нихъ встрѣчаются лишь отголоски мнѣнія, высказаннаго Іакинѳомъ. Такъ, напримѣръ, Герстфельдъ[3]) полагаетъ, что это имя — русскаго происхожденія, и основываетъ свое мнѣніе лишь на томъ, что имени этого нѣтъ въ китайской народной переписи (въ государственной географіи династіи Цинъ). Даже Маакъ, пробывшій у Манегирцевъ дольше всѣхъ, говоритъ, что хотя въ настоящее время они и называютъ себя сами «Маняхыръ», однако остается еще рѣшить, не заимствовали ли они это имя у Русскихъ[4]). Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться. Какимъ образомъ, спрашивается, могли бы Русскіе придумать подобное названіе, не имѣющее по-русски ровно никакого значенія? Что оно, напротивъ, — тунгусскаго происхожденія, это видно уже по его окончанію[5]), хотя этимологія его пока еще неизвѣстна. Дѣйствительно, оно появляется тотчасъ же при первой встрѣчѣ Русскихъ съ Манегирцами, въ упомянутомъ выше извѣстіи XVII столѣтія. Очевидно, Манегирцы уже обозначали себя этимъ именемъ въ своихъ сношеніяхъ съ Вижевцовымъ, слѣдовательно въ то время, когда не могли еще имѣть никакого русскаго названія, и то же самое названіе употребляли для себя два столѣтія спустя, при своей встрѣчѣ съ Маакомъ и со мною. Притомъ это названіе слышалось мнѣ то какъ «Манегиръ», то какъ «Монягеръ» или «Манягеръ», чѣмъ легко объясняется неопредѣленность гласныхъ звуковъ, встрѣчающаяся при передачѣ его разными путешественниками.

Болѣе точныя и опредѣленныя свѣдѣнія, чѣмъ то, что извѣстно о разселеніи Манегирцевъ и Бираровъ, имѣемъ мы о распространеніи въ Амурскомъ краѣ **Орочоновъ.** Причина этому та, что это распространеніе, во-первыхъ, послѣдовало позже, и, во-вторыхъ, произошло на непосредственной границѣ русскихъ владѣній, даже исходило изъ этихъ послѣднихъ, и слѣдовательно, совершилось какъ-бы на глазахъ Русскихъ. Замѣтимъ прежде всего, что хотя Русскіе въ настоящее время и разумѣютъ подъ «Орочонами» олешныхъ Тунгусовъ, кочующихъ по Амуру и его притокамъ, вверхъ отъ Манегирцевъ, и кромѣ того, въ Становомъ хребтѣ, по верхнимъ притокамъ Олекмы, и въ Хинганѣ, по нѣкоторымъ притокамъ рѣки Нонни, однако названіе это дано имъ не Русскими, и приведенное выше свидѣтельство

---

1) Іакинѳъ, Стат. Опис. Кит. Имп. С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 217.

2) Тамъ же, стр. 1, прим.; см. выше, стр. 41, прим. 3.

3) О прибрежн. жителяхъ Амура (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. XX, 1857, Отд. II, стр. 293, прим. 2).

4) Маакъ, Путеш. на Амуръ, С. Петерб. 1859, стр. 68.

5) См. выше, стр. 107.

о немъ Іакинфа, являющееся отчасти повтореніемъ показанія Гурья Васильева, — ошибочно. Какъ уже было нами доказано, оно — маньчжурскаго происхожденія[1]). Означая не болѣе какъ «оленный народъ», названіе это могло относиться къ весьма различнымъ тунгусскимъ племенамъ. Съ какихъ поръ употреблялось оно у Маньчжуровъ или ихъ предковъ, этого мы не знаемъ, однако то обстоятельство, что оно осталось за Ольчами нижняго Амура, давно уже разставшимися съ своими оленями, равно какъ и за Орокамп Сахалина, указываетъ на его глубокую древность. О томъ, что въ китайской государственной географіи династіи Цинъ оно распространено на Орочоновъ, а равно и на Манегирцевъ, въ то, не очень давнее время, когда эти послѣдніе бродили еще на оленяхъ,—объ этомъ уже сказано выше. Это маньчжурское названіе стало извѣстно для оленныхъ Тунгусовъ со временъ древнихъ іезуитовъ-миссіонеровъ[2]). У Русскихъ, напротивъ, названіе «Орочоны» употребляется лишь съ недавнихъ поръ и, разумѣется, какъ чужеземное слово, не имѣетъ того обширнаго примѣненія, какъ у Маньчжуровъ, а относится лишь къ оленнымъ Тунгусамъ верхне-амурскаго края въ вышеозначенныхъ предѣлахъ. Въ донесеніяхъ, относящихся ко времени перваго вторженія Русскихъ въ Амурскій край, оно еще вовсе не встрѣчается. Въ то время Русскіе, сталкиваясь тамъ съ оленными Тунгусами, называли ихъ, совершенно такъ же, какъ и въ Сибири, согласно съ ихъ собственными племенными или родовыми обозначеніями, какъ доказываютъ названія: «Тунгусы-Бирары, Уллагири, Манагири» и др. Лишь гораздо позже, когда Амурскій край по трактату отошелъ къ Китаю, и Русскіе, проникая туда въ одиночку или небольшими партіями изъ Дауріи, прежде всего наталкивались тамъ на оленныхъ Тунгусовъ, считавшихся — хотя лишь номинально — подвластными Маньчжуро-Китайцамъ и называвшихся у нихъ Орочонами, они переняли это названіе; а такъ какъ тотъ же оленный народъ жилъ и дальше, по сѣверному склону Станового хребта и на верховьяхъ Олекмы, то Русскіе и къ нему стали примѣнять это имя. Самое древнее, извѣстное мнѣ, показаніе, свидѣтельствующее объ употребленіи Русскими названія «Орочоны», принадлежитъ нѣкоему д-ру Шнегасу, отправившемуся въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія (1805) чрезъ Сибирь въ Японію, чтобы присоединиться тамъ къ русской кругосвѣтной экспедиціи (Крузенштерна)[3]. Говоря о Солонахъ и Даурахъ, жившихъ по ту сторону Аргуни, въ Маньчжуріи, онъ прибавляетъ: «въ той же странѣ по рѣкѣ Амуру разселилось и большое число Орочоновъ, т. е. оленныхъ Тунгусовъ (Olenni-Tungusen)». Заключительныя слова этого показанія прямо показываютъ, что оно основано на русскихъ данныхъ. Почти къ тому же времени (1815 до 1826 г.) относится и приведенное выше сообщеніе бѣглаго Гурья Васильева, сохранившееся въ замѣткахъ Ладыжинскаго. У нашихъ путешественниковъ: Мессер-

---

1) См. выше, стр. 136 и слѣд.

2) Gerbillon, см. Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 37.

3) Смотри статью: «Beyträge zur Länder- und Staaten-Kunde der Tartarey; aus russ. Berichten», служащую приложеніемъ къ сочиненію John Barrow: «Reise durch China von Peking nach Canton im Gefolge der Grossbrit. Gesandschaft in den Jahren 1793 u. 1794; aus dem Englisch. übers. und mit einigen Anmerk. begleitet von J. A. Hüttner», Bd. II, Wien 1805, p. 359.

шмидта, Гмелина, Палласа, Георги, посѣтившихъ Даурію въ прошломъ столѣтіи, равно какъ и въ трудахъ Миллера и Фишера, названіе «Орочоны» не встрѣчается. И такъ, оно вошло въ употребленіе между Русскими пограничной съ Амуромъ Дауріи вѣроятно лишь въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія.

Безъ сомнѣнія, изъ этого отнюдь нельзя заключать, что Орочоны лишь въ то время появились на Амурѣ; но, съ другой стороны, это появленіе не могло также произойти многимъ раньше, потому что движеніе Манегирцевъ съ Станового хребта къ югу и востоку, а равно и распространеніе Орочоновъ, могли начаться лишь послѣ полнаго отступленія, въ силу Нерчинскаго трактата, Русскихъ изъ Амурскаго края. Есть даже доказательства тому, что Орочоны появились на Амурѣ позже Манегирцевъ. Совершенно такъ же, какъ на верховьяхъ Буреи и Силимджи, за спускавшимися къ югу Бирарами слѣдовали оленные Тунгусы съ Станового хребта,—здѣсь, за Манегирцами подвигались Орочоны, которые и заняли нѣкоторыя мѣстности, первопачально принадлежавшія первымъ. Такъ, напримѣръ, Манегирцы нѣкогда бродили по Нюкжѣ, на сѣверѣ Станового хребта, приходили на Тунгиръ, а также спускались вдоль Уркана къ Даурамъ; теперь же всѣ эти мѣстности неоспоримо принадлежатъ Орочонамъ, и граница между этими племенами проходитъ къ Амуру отъ лѣваго источника Олдоя вдоль этой рѣки, или даже еще восточнѣе, вдоль Нивера[1]). То же самое повторилось и на Амурѣ, когда названные инородцы вышли на эту рѣку. Орлову, лично познакомившемуся съ порядочною частью Орочонской области, удалось привести въ извѣстность, что Орочоны лѣваго и праваго береговъ Амура принадлежатъ къ двумъ различнымъ, хотя и близко родственнымъ родамъ, пришедшимъ на Амуръ въ разное время[2]). Оба они вышли изъ Якутской области, слѣдовательно изъ мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ Станового хребта, вѣроятно, съ рѣкъ Тунгира, Олекмы и др. Орочоны лѣваго берега Амура, принадлежащіе къ Нипаганскому роду, распространились раньше. Они, очевидно, жили непосредственно къ западу и сѣверо-западу отъ Манегирцевъ еще въ то время, когда послѣдніе были оленнымъ народомъ; затѣмъ, когда тронулись Манегирцы, эти Орочоны, идя по ихъ стопамъ, достигли Амура, и здѣсь, напирая на нихъ, распространились до Олдоя и Нивера[3]). Гораздо позже, только лѣтъ 30 тому назадъ, говоритъ Орловъ, слѣдовательно въ 1827 году, на правый берегъ Амура добровольно прикочевали, вѣроятно изъ сосѣдней области, оленные Тунгусы Шологонскаго рода, которые нынѣ и составляютъ другую часть Амурскихъ Орочоновъ. Согласно съ этимъ, Миддендорфу, въ 1844 году, разсказывали казаки съ верховьевъ Амура, что лѣтъ 12 передъ тѣмъ, слѣдова-

---

1) См. выше, стр. 43.

2) Орловъ, Амурскіе Орончены (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXI, 1857, Отд. II, стр. 96, 97).

3) Во время путешествія Миддендорфа (въ 1844 г.), Нипиганьскіе Тунгусы проводили лѣто со своими оленями на верховьяхъ Олдоя, Нивера, («Ливера») и Гилюя («Киле»); около десяти семействъ этого же рода, не имѣвшихъ оленей, жили въ крайней бѣдности на рѣкѣ Уричи. Они были приписаны здѣсь не дальше, какъ 17 лѣтъ передъ тѣмъ временемъ. Въ подтвержденіе своего разсказа о ихъ происхожденіи, старшина ихъ показывалъ нашему путешественнику бумагу отъ Якутскаго управленія 1683 года. (Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 732).

тельно около 1832 года, Тунгусы Сологонскаго рода («Сологонцы»), жившіе прежде по ту сторону Олдоя, на верховьяхъ притоковъ Зеи, перешли на правый берегъ Амура, въ страну между Аргунью, началомъ Амура и Албазихою. За ними, четыре года спустя, послѣдовали Бѣльоты, двѣнадцать душъ Кангалласской орды, платившихъ ясакъ русской казнѣ; они, по увѣренію Тунгусовъ, первоначально жили на Алданѣ, но выселились оттуда изъ-за тяжкаго времени и чтобы избавиться отъ притѣсненій[1]). Орочоны праваго берега Амура, оставаясь большею частью вблизи главной рѣки и не переходя на ея лѣвый берегъ, распространились до источниковъ Албазихи, а затѣмъ, вдоль этой рѣки, до ея устья, гдѣ въ настоящее время находится крайняя граница ихъ на южномъ берегу Амура. При этомъ, какъ замѣчаетъ Орловъ, имъ пришлось вытѣснять Манегирцевъ, которые, впрочемъ, еще и теперь по временамъ переходятъ въ Орочонскую область за устье Албазихи, для рыбной ловли[2]). Причину же, почему Орочонамъ удалось отвоевать у Манегирцевъ довольно значительный участокъ по обоимъ берегамъ Амура, нужно искать не въ бо̀льшей многочисленности ихъ — число ихъ, напротивъ, очень невелико — и не въ какомъ-либо иномъ физическомъ или духовномъ превосходствѣ: это случилось единственно потому, что суровый, сѣверный, горный характеръ обоихъ береговъ этой части Амура болѣе пригоденъ оленнымъ, чѣмъ конным кочевникамъ, которымъ, напротивъ, природа тѣмъ болѣе благопріятствовала, чѣмъ дальше они подвигались внизъ по рѣкѣ[3]).

Послѣдній изъ туземныхъ народовъ Амурскаго края, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, — **Солоны.** Впрочемъ, извѣстія объ этомъ народѣ такъ недостаточны и неполны, что изъ нихъ трудно вывести что-либо опредѣленное даже относительно нынѣшнихъ мѣстъ его жительства, не говоря уже о перемѣнахъ, которымъ эти мѣста подвергались въ теченіе времени. Только при объясненіи названія этого загадочнаго народа были высказаны нѣко-

---

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 733. Однако, едва ли не слѣдуетъ считать только за опечатку свидѣтельство Миддендорфа, когда онъ тутъ же называетъ Сологонскихъ Тунгусовъ «Солорнскими Тунгусами», тогда какъ за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ (на стр. 724 и 725) объясняетъ, что Солорнъ есть торговое мѣсто. Выше (на стр. 50) было уже доказано, что тѣ немногія свѣдѣнія, которыя онъ имѣлъ о «Солорнахъ», относятся къ Солонамъ.

2) См. выше, стр. 43.

3) Кстати укажу здѣсь на мнѣніе Маака о происхожденіи Амурскихъ Орочоновъ и Манегирцевъ — мнѣніе, совершенно расходящееся съ изложеннымъ выше и, по-моему, совершенно ошибочное. Онъ считаетъ (Путеш. на Амуръ, стр. 68) оба названныя племена потомками Лавкаевыхъ Тунгусовъ. Трудно сказать, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ, потому что Лавкай былъ даурскій князь, а народъ, къ которому онъ принадлежалъ и который въ то время жилъ на верхнемъ Амурѣ, Дауры, хотя и — тунгусскаго происхожденія, но не можетъ быть названъ просто Тунгусами. Извѣстно, что Дауры по приказанію Китайскаго правительства должны были выселиться съ Амура; если же нѣкоторые изъ нихъ и остались здѣсь, то какимъ образомъ въ два столѣтія могли произойти отъ нихъ два различные народа: Орочоны и Манегирцы? О позднѣйшемъ же переселеніи на Амуръ другихъ племенъ у Маака нѣтъ вообще и рѣчи.

торыя предположенія о происхожденіи и первоначальной родинѣ Солоновъ. Къ этимъ предположеніямъ я, съ своей стороны, прибавлю нѣкоторыя замѣчанія.

Первые европейскіе писатели, которые упоминаютъ о Солонахъ, суть іезуиты-миссіонеры. Какъ уже было замѣчено выше, Жербильонъ говоритъ, что провинція «Солонъ» занимаетъ самую западную часть Цицикарскаго округа, начинающагося собственно отъ сліянія Аргуни (Ergoné) съ Шилкою (Saghalien oula)[1]. Въ этомъ краѣ, около Мергена на рѣкѣ Нонни, миссіонеры, составлявшіе по порученію императора Кхан-си карту Китая, встрѣтили племя «Солоновъ» или «Солон-тацзе», о которыхъ они отзываются, какъ о ловкихъ и смѣлыхъ охотникахъ, стрѣляющихъ изъ лука и отправляющихся ежегодно въ нагорные лѣса на охоту за соболями. Сами они, говорится у миссіонеровъ[2]), по своему происхожденію, причисляютъ себя къ Маньчжурскому племени, считаясь потомками тѣхъ Нюй-чжей, которые, подъ именемъ Гинней, господствовали надъ сѣвернымъ Китаемъ и послѣ пораженія, нанесеннаго имъ въ 1204 году Монголами, спаслись въ занимаемый ими нынѣ край. Хотя здѣсь и не сказано, откуда именно они бѣжали, однако, такъ какъ мы уже видѣли выше Нюй-чжей въ Дауріи, на Аргуни, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Монголами и именно съ родиною побѣдоноснаго Чингисъ-хана, то, допустивъ справедливость упомянутаго показанія Солоновъ, весьма естественно предположить, что предками ихъ были Аргунскіе Нюй-чжи. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что, спасаясь изъ Дауріи, они непремѣнно должны были идти вверхъ по правымъ притокамъ Аргуни и чрезъ Хинганскій хребетъ, и слѣдовательно, выдти на рѣку Нонни, гдѣ нынѣ дѣйствительно находится мѣсто ихъ жительства. Вѣдь прошли же, какъ мы видѣли, $4^1/_2$ столѣтія спустя, тѣмъ же путемъ преемники Нюй-чжей, Дауры, когда, тѣсимые Русскими, они должны были покинуть Аргунскій край. Но такъ какъ на рѣкѣ Нонни уже до этого времени, можетъ быть даже до переселенія туда Нюй-чжей-Солоновъ, жили Дауры, а затѣмъ, вслѣдствіе переселенія туда же и соплеменниковъ ихъ почти одновременно съ Аргуни и съ Амура, число послѣднихъ значительно возросло, то легко могло случиться, что Солоны, и безъ того немногочисленные, шагъ за шагомъ были оттѣснены на верхнее теченіе Нонни и на его притоки. Здѣсь же, при условіяхъ не столь благопріятныхъ для земледѣлія и скотоводства, они естественно должны были обратиться къ охотѣ въ богатыхъ дичью горахъ, и, какъ потомки когда-то могущественнаго, храбраго и воинственнаго народа, стали тѣми ловкими, смѣлыми, стойкими предъ опасностью охотниками, какими описываютъ ихъ старинные миссіонеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, вслѣдствіе упадка и уменьшенія сельскаго хозяйства, они неминуемо должны были отстать въ благосостояніи и развитіи отъ болѣе промышленныхъ Дауровъ. Поэтому я нахожу совершенно согласнымъ и съ этимъ, и со всѣмъ тѣмъ, что сказано выше о происхожденіи Солоновъ отъ древнихъ Нюй-чжей, что архимандритъ Палладій, не раздѣляя упомянутаго взгляда, можетъ быть даже не зная

---

1) Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 36, 46.

2) Du Halde, l. c. p. 14, 16.

о немъ, отзывается о Солонахъ слѣдующимъ образомъ [1]): «Нѣкогда, разсказываютъ Китайцы, вся страна Бутха[2]) принадлежала Солонамъ, и имя ихъ было, будто-бы, такъ славно, что Дахуры и бродячіе Ороньчо считали честью носить имя Солоновъ; даже и нынѣ, въ Пекинѣ, и старый, и малый представляютъ себѣ Солоновъ, какъ націю воинственную и храбрую; можетъ быть, что такъ было прежде; нынѣ же Дахуры во всемъ преимуществуютъ предъ Солонами.... и всякій разъ, когда мы спрашивали встрѣчавшагося Дахура, кто онъ, Солонъ или Дахуръ, онъ поспѣшалъ отвѣчать: я Дахуръ! такимъ тономъ, какъ будто говорилъ: я римскій гражданинъ». Въ этомъ разсказѣ проглядываетъ преданіе о томъ, что Солоны были когда-то господствующимъ народомъ. Безъ сомнѣнія, это извѣстно какъ Китайцамъ, такъ и Маньчжурамъ, и, можетъ быть, сознаніе своей одноплеменности съ ними служитъ причиною, почему Маньчжуры такъ охотно употребляютъ Солоновъ въ военной службѣ, въ восьми знаменахъ, и особенно въ гарнизонахъ и сторожевыхъ постахъ самыхъ отдаленныхъ пограничныхъ мѣстностей, начиная съ Амура до Кульджи[3]). На основаніи всего этого, мнѣ кажется, что изложенное выше мнѣніе относительно происхожденія Солоновъ слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ.

Совершенно иначе объясняетъ происхожденіе Солоновъ архимандритъ Палладій. По его мнѣнію, Солоны, всего вѣроятнѣе, суть потомки Урянховъ, народа малоизвѣстнаго, населявшаго когда-то страну къ сѣверу отъ нынѣшней Ивовой границы и, по китайскимъ писателямъ династіи Минъ, составлявшаго остатки Кидапей, которые, при Монголахъ, находились подъ управленіемъ монгольскихъ воеводъ[4]). Я не берусь судить, на сколько основательно, или неосновательно, это мнѣніе, вкратцѣ изложенное Палладіемъ и которое онъ самъ называетъ лишь предположеніемъ. Впрочемъ, онъ замѣчаетъ, что названіе «Солонъ» или «Солунъ», извѣстное въ Китаѣ уже во времена династіи Минъ[5]), наводитъ еще на другое предположеніе о происхожденіи этого народа, которое онъ, однако же, самъ считаетъ маловѣроятнымъ. По этой гипотезѣ, Солоны произошли отъ колоніи Корейцевъ, покинувшихъ свое отечество между VIII и X столѣтіями и переселившихся въ Маньчжурію. Монголы называютъ Корею «Солонго», а отсюда уже могло произойти маньчжурское названіе «Солхо» для Корейцевъ[6]). Не позволяя себѣ никакого сужденія

---

1) Дорожн. зам, на пути отъ Пекина до Благовѣщ., чрезъ Маньчжурію, въ 1870 г. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 443).

2) Т. е. платящихъ ясакъ.

3) По Іакинфу (Статист. Опис. Китайск. Имп. Ч. I, 1852, стр. 253), къ гарнизонамъ въ губерніяхъ причислены 47 ротъ Солоновъ и лишь 39 ротъ Дауровъ, не смотря на то, что Дауры гораздо многочисленнѣе первыхъ. Въ войскахъ, которыя были расположены въ Кульджинскомъ краѣ, во время путешествія Путимцева (въ 1811 г.), было 6000 Солоновъ (Ritter, Asien, Bd. I, p. 413) и т. д.

4) Палладій, Дорожн. Зап. и пр. (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, стр. 444).

5) Китайскіе писатели увѣряютъ, что названіе «Солонъ» правильнѣе читается «Соэлѣ» (Палладій, тамъ же, стр. 443).

6) По Клапроту (Asia polygl. p. 257; Mém. relat. à l'Asie, T. I, 1824, p. 174, 199), «Солонгосъ» — монгольское названіе для Кореи и ея жителей. Палладій считаетъ несомнѣннымъ, что оно заимствовано отъ «Синьлѣ» (иначе «Сылу» и «Синьлу»), нѣкогда, три вѣка сряду (по X-й по Р. Х.), сильнаго государства, обнимавшаго всю Корею; въ то время упомянутая колонія была выселена въ Маньчжурію.

въ подобныхъ историко-лингвистическихъ вопросахъ, я все-таки долженъ сказать, что это объясненіе происхожденія Солоновъ мнѣ кажется нѣсколько натянутымъ. Дѣйствительно, на основаніи нѣкотораго, можетъ быть, лишь случайнаго звукового сходства въ названіяхъ, призываются тутъ въ помощь и Корейцы, и Монголы, чтобы объяснить происхожденіе народа, въ концѣ-концовъ все-таки тунгусскаго племени.

Впрочемъ, монгольское происхожденіе приписывалось названію «Солонъ» еще и съ другой стороны. Палласъ производилъ его отъ монгольскаго слова *солонъ* — «стрѣлецъ»[1]). Мнѣніе это въ послѣдствіи часто повторялось[2]) и, вѣроятно, было такъ охотно принимаемо потому, что подходило къ приведенному нами выше описанію Солоновъ іезуитами-миссіонерами, какъ отважныхъ охотниковъ и ловкихъ стрѣлковъ изъ лука. Палласъ говоритъ, что Монголы разумѣютъ подъ названіемъ Солоновъ какъ Тунгусовъ, подвластныхъ Китаю и бродящихъ въ Хинганскомъ хребтѣ и въ приамурскихъ дебряхъ, такъ и Тунгусовъ русско-даурскихъ; отъ Монголовъ же, по его мнѣнію, заимствовали это названіе Китайцы. Дѣйствительно, оно встрѣчается, напримѣръ, въ описаніи путешествія, совершеннаго нѣсколькими Китайцами въ 1712 году[3]); тамъ, названіе «Солунъ» примѣняется именно къ Тунгусамъ, которыхъ путешественники встрѣтили между Иркутскомъ и Енисейскомъ[4]). Точно также, въ одномъ китайскомъ описаніи Россіи, переведенномъ Клапротомъ, упоминается о «Солонахъ», живущихъ по берегамъ Аргуни и тревожимыхъ Русскими[5]). Мнѣ кажется, однако, что уже то одно, что Монголы и Китайцы понимаютъ имя «Солонъ» въ такомъ широкомъ смыслѣ, указываетъ, что это названіе—не монгольскаго и не китайскаго происхожденія, а заимствовано обоими упомянутыми народами, посредственно или непосредственно, или отъ самихъ Солоновъ, или отъ одного изъ ближайшихъ, сосѣднихъ съ ними тунгусскихъ племенъ, Дауровъ или Маньчжуровъ, а потомъ уже распространено на всѣ тунгусскія племена, ведущія, подобно Солонамъ, бродячую жизнь.

На самомъ мѣстѣ, въ Амурскомъ краѣ, путешественнику почти невольно напрашивается объясненіе имени «Солонъ», совершенно отличное отъ упомянутыхъ выше и, во

---

1) Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reiches, Bd. III, p. 238; его же: Samml. histor. Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften; St. Petersburg 1776, Bd. I, p. 2, Anmerk. *).

2) Такъ, напримѣръ, встрѣчается оно у Спасскаго (Забайк. Тунгусы. — Сиб. Вѣстн. С. Петерб. Ч. XVIII, 1822, Отд. II, стр. 22) и др. Потье (Chine moderne, I. partie, p. 168), при перечисленіи инородцевъ, принадлежащихъ, по китайской государственной географіи династіи Цинъ, къ провинціи Хэ-лунъ-цзянъ, при имени «Со-лунъ» также прибавляетъ въ скобкахъ: «archers»—стрѣльцы. Князь Костровъ (Очерки Туруханскаго края.—Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. IV, 1857, стр. 81), хотя и полагаетъ, что имя «Солоны» дано разсматриваемому народу Маньчжурами, однако приписываетъ ему значеніе: «стрѣльцы».

3) Путешествіе это переведено съ китайскаго на французскій языкъ миссіонеромъ Гобилемъ (Gaubil), а съ французскаго—въ извлеченіи, сдѣланномъ Сусье (Souciet), — на нѣмецкій языкъ Миллеромъ, въ его Sammlung Russ. Gesch. Bd. I, p. 327 — 348.

4) Müller, l. c. p. 355. Въ одномъ изъ примѣчаній сказано, что это — китайское названіе какъ для русскихъ, такъ и для китайскихъ Тунгусовъ. Но кто авторъ этого примѣчанія, Миллеръ, или Гобиль, этого я не могу сказать, такъ какъ въ нѣмецкомъ переводѣ только вообще сказано, что всѣ примѣчанія исправлены и, гдѣ было нужно, дополнены; французскаго же текста, для сравненія, у меня не было подъ рукою.

5) Klaproth, Mém. relat. à l'Asie, T. I, p. 93, 94.

всякомъ случаѣ, имѣющее двоякое преимущество: во-первыхъ то, что оно не заходитъ за предѣлы тунгусскихъ парѣчій и, во-вторыхъ, что соотвѣтствуетъ положенію нынѣшнихъ поселеній Солоновъ и, пожалуй, даже прежнихъ мѣстъ жительства предполагаемыхъ предковъ ихъ, Аргунскихъ Нюй-чжей. У тунгусскихъ племенъ Амурскаго края, Ольчей, Гольдовъ и, вѣроятно, у близко-родственныхъ съ послѣдними Маньчжуровъ и др., слово *соло* значитъ «кверху» или «вверхъ», какъ *хыдги*, *хычжи* — «внизу» или «внизъ». Нерѣдко, при встрѣчѣ съ туземцами, приходится слышать, напримѣръ отъ Ольчей, на вопросъ, кто они такіе, просто: *хычжи ней* или *соло ней*, т. е. люди съ низа или съ верха. Подобныя выраженія, разумѣется, могли быть употребляемы и для обозначенія цѣлыхъ племенъ, жившихъ вверхъ или внизъ по теченію рѣки. И дѣйствительно, какъ изъ перваго выраженія образовалось маньчжурское названіе «Хычжанъ, Хэчженъ, Хоцзенъ» и т. д. или китайское «Кечингъ» или «Кеченг-тацзе» для Ольчей и Гольдовъ[1]), такъ послѣднее могло дать поводъ къ обозначенію народа, жившаго на верхнемъ Амурѣ, именемъ «Солонъ». Съ этимъ, конечно не случайно только, совпадаетъ показаніе Жербильона, что подъ именемъ «Солонъ» у Маньчжуровъ разумѣется самая западная провинція, называемая Русскими «Даурѣ», и которая, собственно говоря, т. е. на сколько простираются фактическія владѣнія Маньчжуровъ, начинается тамъ, гдѣ Аргунь вливается въ Амуръ. Безъ сомнѣнія, она была названа такъ потому, что обнимаетъ самое верхнее теченіе Амура. Къ ней принадлежала и страна, лежащая, на истокахъ и по верхнему теченію Нонни, — рѣки, столь же важной какъ для Маньчжуровъ, такъ и для Дауровъ, потому что на ней стоитъ Цицикаръ, главный городъ всей провинціи и мѣстопребываніе правительства. И здѣсь, и тамъ, на Нонни и на Амурѣ, Солоны жили или живутъ кверху отъ всѣхъ другихъ племенъ: на Амурѣ, именно, это было такъ въ прежнія времена, потому что по Аргуни, которую можно считать какъ-бы верховьемъ его, обитали предки Солоновъ, Нюй-чжи, что по преданію было, можетъ статься, извѣстно и Маньчжурамъ, какъ ближайшимъ ихъ соплеменникамъ; на Нонни же это и теперь еще такъ. Ни одинъ изъ приамурскихъ народовъ не имѣетъ бо́льшаго права на это имя. Даурамъ оно не приходится потому, что по Амуру они простираются далеко внизъ и даже занимаютъ часть его луговыхъ пространствъ, а по рѣкѣ Нонни они живутъ внизъ отъ Солоновъ и отчасти даже оттѣснили послѣднихъ къ верховьямъ этой рѣки; Манегирцы же и Орочоны могли бы, правда, въ настоящее время быть названы этимъ именемъ, но извѣстно, что они спустились къ Амуру гораздо позже, когда названіе «Солоны» уже давно установилось. Впрочемъ, что касается до этого послѣдняго обстоятельства, то я думаю, что Солоны получили нынѣшнее названіе свое не на Аргуни, а позже, уже во второмъ отечествѣ своемъ, на верхнемъ теченіи Нонни, куда, какъ было замѣчено выше, они пришли, можетъ быть, еще въ XIII столѣтіи и гдѣ, живя среди горъ и лѣсовъ, сдѣлались столь ловкими и смѣлыми охотниками. Къ тому же, такъ какъ на рѣкѣ Нонни жили и Маньчжуры, и

---

1) См. выше, стр. 145, 151 и др.

Китайцы, а на низовьяхъ ея Монголы, то здѣсь названіе, употреблявшееся для Солоновъ у первыхъ, легко могло перейти и къ послѣднимъ народамъ. Наконецъ, что Солоны въ настоящее время, въ сношеніяхъ съ чужеземцами, сами называютъ себя именемъ, установившемся у ихъ повелителей, Маньчжуро-Китайцевъ, это весьма понятно[1]); мы упоминали о подобныхъ случаяхъ, когда говорили о другихъ Амурскихъ инородцахъ. Но какъ они называютъ себя между собою, это пока еще неизвѣстно.

Что касается до культурныхъ народовъ восточной Азіи, Маньчжуровъ, Китайцевъ и Японцевъ, стоящихъ въ столь близкихъ и разнообразныхъ отношеніяхъ къ Амурскимъ инородцамъ, то вопросы объ ихъ происхожденіи, распространеніи, названіяхъ и т. д. очевидно не входятъ въ рамки этого труда, а подлежатъ историческимъ и лингвистическимъ изслѣдованіямъ спеціалистовъ. Мы можемъ затронуть ихъ здѣсь лишь на столько, на сколько сопричастны къ нимъ туземные народы Амурскаго края, или на сколько эти вопросы касаются также до послѣднихъ. Въ этихъ предѣлахъ, нѣкоторые изъ нихъ, при случаѣ, уже и затрогивались нами выше; такъ, напримѣръ, было подробно изложено нынѣшнее географическое распространеніе и распредѣленіе названныхъ культурныхъ народовъ въ Амурскомъ краѣ. О разныхъ другихъ отношеніяхъ ихъ къ Амурскимъ инородцамъ, политическихъ, соціальныхъ, коммерческихъ и пр., мы поговоримъ позже, въ надлежащемъ мѣстѣ. Теперь же намъ остается только сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно названій, которыя даютъ имъ Амурскіе инородцы.

Извѣстно, что названіе «**Маньчжу**» (Маньчжуры) возникло лишь въ сравнительно недавнее время, около трехъ столѣтій тому назадъ[2]), когда различныя племена, составляющія въ настоящее время этотъ народъ, соединились подъ одною властью и побѣдоносно двинулись на Китай, которому они дали царствующую нынѣ династію. Съ расширеніемъ владѣній Маньчжуровъ, имя ихъ проникло къ самымъ отдаленнымъ инородцамъ Амурскаго края и въ настоящее время находится у нихъ въ общемъ употребленіи. Но во времена походовъ

---

1) Шмидтъ (Histor. Bericht über die Thätigkeit der physik. Abtheil. der Sibir. Exped. der Geogr. Gesell.— Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. XXV, p. 36) встрѣтилъ въ Буреинскомъ хребтѣ на Амурѣ Солоновъ изъ селенія Уй-бира, которые сами употребляли для себя это названіе.

2) Время, когда это случилось, съ точностью опредѣлить нельзя. По Ремюза, Айжинъ-Гіоро, первый, давшій своимъ подданнымъ имя «Маньчжу», достигъ власти въ 1520 году (Plath, Die Völker der Mandschurey, Göttingen 1830, Thl. I, p. 235). Горскій (О происхожденіи родонач. нынѣ царств. династіи Цинъ. — Труды членовъ Пекинской миссіи, Ч. I. 1852, стр. 215. См. также Семенова, Землевѣд. Азіи Карла Риттера Т. I, стр. 441), напротивъ, относитъ его къ XIV столѣтію, а именно къ 1368—1398 гг. Если Клапротъ (Asia polygl. p. 290) говоритъ, что всѣ Тунгусскія племена, подвластныя Китаю, носятъ общее названіе «Маньчжу», то это, на основаніи вышесказаннаго, невѣрно и произошло вслѣдствіе незнакомства въ то время съ Амурскими инородцами. Сопоставленіе различныхъ взглядовъ (Лангля, Клапрота, Шмидта, Горскаго), высказанныхъ относительно происхожденія названія «Маньчжу», можно найти у Плата (тамъ же, стр. 234), Кеппена (C. F. Koeppen, Die Religion des Buddha, Berlin, Bd. II, 1859, p. 167) и др.

Русскихъ въ Амурскій край, этого, повидимому, еще не было, если же и было, то, во всякомъ случаѣ, не въ такой степени. По крайней мѣрѣ замѣчательно, что въ донесеніяхъ Русскихъ, не смотря на частыя столкновенія ихъ со всѣми инородцами и съ самими Маньчжурами, названіе это не встрѣчается ни разу, даже какъ названіе, употребляемое для этого народа туземцами. Поярковъ, повидимому, разумѣлъ подъ именемъ Дючеровъ за-одно Маньчжуровъ и Гогулей; надо предполагать, что онъ имѣлъ въ виду Маньчжуровъ, когда говорилъ о Дючерахъ, отдѣльно встрѣчавшихся между Даурами[1]). Въ донесеніяхъ Хабарова, впервые употребляется особое названіе для Маньчжуровъ, повторяющееся съ тѣхъ поръ во всѣхъ русскихъ извѣстіяхъ того времени съ Амура. Хабаровъ (въ 1650 г.) узналъ, что всѣмъ краемъ и народомъ по Сунгари и Амуру управлялъ намѣстникъ хана (Китайскаго императора), князь Богдой. Поэтому всѣхъ одноплеменныхъ ему купцовъ, военныхъ и служилыхъ людей, жившихъ среди Дауровъ для торговли и сбора ясака, онъ называетъ «Богдоевыми» или «Богдойскими людьми», или даже просто «Богдоями», а страну ихъ «Богдойскою землею»[2]). Такъ, повидимому, сложилось между Русскими, если судить по формѣ и времени его появленія, это названіе для Маньчжуровъ, а не такъ, какъ полагаютъ Фишеръ и Спасскій, т. е. чрезъ посредство Монголовъ, которые, будто-бы, приписываютъ императорамъ Маньчжурской династіи эпитетъ *богдо* (святой) и потому называютъ ихъ «Богдо-ханами»[3]). Но, было-ли «Богдой» дѣйствительно собственное имя упомянутаго князя, или же, можетъ быть, только общее обозначеніе, присвоенное его титулу или сану и пропешедшее отъ Монголовъ, этого я не могу сказать.

Незнаніе или, по крайней мѣрѣ, неупотребленіе Русскими въ то время имени «Маньчжу» тѣмъ болѣе удивительно, что маньчжурское названіе для **Китайцевъ** они узнали тогда же, и притомъ отъ самихъ же Маньчжуровъ, и съ тѣхъ поръ часто употребляли его. Одинъ маньчжурскій солдатъ изъ Нишгуты («Нюльгутскаго города»), родомъ Китаецъ, взятый въ плѣнъ Русскими при осадѣ Маньчжурами, въ мартѣ 1652 г., русской крѣпости, Ачанскаго города, разсказывалъ Хабарову на допросѣ, между прочимъ, что народъ, къ которому онъ пришадлежитъ, называется у Маньчжуровъ «Никанъ»[4]). Витсенъ также зналъ объ этомъ имени изъ русскихъ источниковъ и неоднократно упоминаетъ о немъ, приводя и его этимологію. Оно взято, будто-бы, съ китайскаго языка и значитъ: «не-

1) Къ числу такихъ Дючеровъ принадлежалъ, напримѣръ, князь Чинега (Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 52, 53).

2) Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 259 и сл., 359 и сл.

3) Fischer, Sibir. Gesch. Thl. II, p. 812, Anm. (41). Спасскій, Свѣд. Русск. о рѣкѣ Амурѣ (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. VII, 1853, Отд. II, стр. 26). Стольже невѣрны формы «Богдани» и «Богдохани», возникшія, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ мнѣнія Фишера и на которыя указываетъ Георги, какъ на различныя (русскія) названія для Маньчжуровъ. (См. выше, стр. 167, прим. 4).

4) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. II, p. 325. Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 367. Выше было уже приведено показаніе этого плѣннаго Китайца, называемаго въ русскихъ донесеніяхъ Кабышейкою, о богатствѣ Никанской земли золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и т. п.

годный, нелѣпый, неловкій, неуклюжій» или «холопъ» и «мужикъ»[1]). Это объясненіе, по свидѣтельству новѣйшихъ знатоковъ маньчжурскаго языка, дѣйствительно оказывается вѣрнымъ[2]). Въ устахъ такихъ надмѣнныхъ завоевателей, какъ Маньчжуры, подобное названіе для покореннаго народа представляется вполнѣ естественнымъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, а имя «Никанъ» для Китайцевъ перешло, съ малыми видоизмѣненіями, отъ Маньчжуровъ ко всѣмъ остальнымъ инородцамъ Амурскаго края. Я слышалъ его на нижнемъ Амурѣ у Гольдовъ, Ольчей и Гиляковъ. Хотя они обыкновенно и называютъ китайскихъ купцовъ просто Маньчжурами, однако, если распросить ихъ обстоятельнѣе, то оказывается, что они весьма хорошо знаютъ, что эти купцы принадлежатъ собственно къ совершенно другому народу, подчиненному Маньчжурамъ, и котораго Гольды и Ольчи называли мнѣ «Неканъ», а Гиляки то «Нека» и «Некагу»[3]), то «Непга»[4]). Извѣстно, что Амурскіе инородцы, вслѣдствіе вымогательствъ, которымъ они подвергаются со стороны маньчжурскихъ чиновниковъ, всюду боятся и ненавидятъ ихъ. Поэтому, Китайцамъ, для обезпеченія жизни и торговли среди инородцевъ, полезно поддерживать и распространять понятіе о своей принадлежности къ другому народу, одинаково съ ними подавленному Маньчжурами. Въ деревнѣ Пуль на Амурѣ, близъ границы между Ольчами и Гиляками, я встрѣтилъ китайскаго купца, настоятельно старавшагося пояснить мнѣ разницу между его соплеменниками, мирными, трудолюбивыми «Нихами», и властолюбивыми, лѣнивыми Маньчжурами. При этомъ, кругомъ насъ стояли Самагирцы, Ольчи и Гиляки. И такъ, весьма вѣроятно, что Китайцы въ значительной степени сами способствовали распространенію своего маньчжурскаго названія между инородцами Амурскаго края.

---

1) Витсенъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: Noord en Oost Tartarye (1692, 2. deel, p. 2; Twcede druk 1705, p. 2), говоритъ, что Нюй-чжи или Маньчжуры («Богдойцы») называютъ въ шутку Китайцевъ «Никонъ», что значитъ «негодный, нелѣпый, неловкій или неуклюжій». Въ другомъ мѣстѣ (изд. 1705 г., стр. 11) сказано, что въ прежнія времена Нюй-чжи называли Китай «Ника-корумъ», т. е. царство варваровъ; теперь же они называютъ его «Тулимпа-корумъ», т. е. срединное царство. Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ (изд. 1705 г., стр. 64) говорится, что Татары («Нюй-чжи»), завоевавшіе Китай, изъ презрѣнія дали Китайцамъ имя «Никаны» или «Никандры», означающее на Китайскомъ языкѣ «холопъ» или «мужикъ»; главный же городъ ихъ, Нанкинъ, они переименовали въ «Никанъ» т. е. холопскій городъ.

2) Захаровъ (Полный маньчжурско-русскій словарь, С. Петерб. 1875, стр. 228) говоритъ, что слово *никанъ* происходитъ отъ китайскаго *жанъ* и значитъ «Китаецъ, китайскій», а также «мужикъ» и «деревенщина». Клапротъ (Asia polygl. p. 290) также приводитъ имя «Никанъ», какъ маньчжурское названіе для Китая и Китайцевъ, но не объясняетъ его.

3) Эти названія, по формѣ, сходны съ гиляцкими названіями для Негидальцевъ: «Рды» и «Рдынгу» (см. выше, стр. 33). Поэтому, не слѣдуетъ ли думать, что слово *гу*, будучи приставлено къ тому или другому названію, придаетъ ему коллективное значеніе, или же само имѣетъ значеніе «народъ», какъ аинское *куръ* или *гуръ*?

4) Въ видѣ курьоза, равно какъ и для доказательства того, какъ невѣрны и необдуманны могутъ быть иногда показанія путешественниковъ, бѣгло посѣтившихъ край, въ вопросахъ, касающихся названія, которымъ какой-либо народъ самъ обозначаетъ себя, я позволю себѣ привести здѣсь замѣчаніе Гамова (Изъ путев. замѣт. астронома, опредѣлявш. въ 1859 г. мѣстн. рр. Амура и Усури.—Зап. Русск. Геогр. Общ. 1862, Кн. I, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 122), что Гольды и Гиляки называютъ себя «Никанцами». Пещуровъ (см. Petermann's, Geogr. Mittheil. 1857, p. 304) говоритъ о «Неканахъ» на Амурѣ — въ той части его, которую я назвалъ культурною,—не подозрѣвая, какъ кажется, что это — Китайцы.

Но какъ ни распространено для Китайцевъ имя «Никанъ», а все-таки въ значительной части Амурскаго края, именно въ Сунгарійскомъ и Уссурійскомъ краяхъ и въ пограничной части морского побережья, они извѣстны подъ другимъ именемъ. Здѣсь имъ даютъ названіе «Манзы» или «Мань-цзы», которое въ настоящее время они и сами употребляютъ для себя въ сношеніяхъ съ чужеземцами[1]). Это названіе встрѣчается также уже въ донесеніи Хабарова: въ помѣщеномъ у него показаніи вышеупомянутаго плѣннаго Китайца Кабышейки, говорится о большомъ «Манзанскомъ улусѣ», въ которомъ насчитывалось до тысячи юртъ, и изъ котораго шедшее на Ачанской городъ маньчжурское войско получило подкрѣпленіе въ 420 человѣкъ[2]). Какъ имя «Никанъ» — маньчжурскаго происхожденія, такъ названію «Мань-цза» приписывается монгольское. Дэвисъ[3]) и Васильевъ[4]) говорятъ, что Монголы, во время господства своего надъ Китаемъ, заимствовали его отъ названія «Мань» или «Мань-цзы», которымъ Китайцы обозначали народъ, жившій отъ нихъ къ югу, или «южныхъ дикарей». Дэвисъ знаетъ это названіе только въ примѣненіи къ южному Китаю, Васильеву же оно было извѣстно, какъ имя, простиравшееся и на маньчжурскихъ Китайцевъ. Это видно изъ того обстоятельства, что на южно-китайскій народъ «Мань» онъ дѣлаетъ ссылку въ своемъ русскомъ переводѣ описанія Нингуты, составленнаго въ началѣ предыдущаго столѣтія Китайцемъ У-чень, и въ которомъ говорится и о Мань-цзахъ[5]). Какимъ образомъ это китайское названіе южныхъ дикарей могло перейти чрезъ Монголовъ къ Китайцамъ на самой крайней сѣверной границѣ ихъ, въ Сунгарійскомъ и Уссурійскомъ краяхъ, и установиться тамъ, — объ этомъ почти одновременно и въ совершенно одинаковомъ смыслѣ говорятъ одинъ анонимный Пекинскій корреспондентъ Русскаго Географическаго общества[6]) и архимандритъ Палладій[7]). По ихъ мнѣнію, Монголы, послѣ завоеванія сѣвернаго Китая, дали это названіе южнымъ Китайцамъ въ насмѣшку потому, что они будто-бы смѣшались съ варварскимъ первобытнымъ народомъ «Мань». Затѣмъ, когда Кублай-ханъ, отчасти для огражденія своихъ границъ отъ непріятельскихъ вторженій, отчасти для водворенія земледѣлія и учрежденія золотыхъ

---

1) Пржевальскій, Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, стр. 78. Барабашъ, Сунгарійск. экспед. 1872 г. (Военный Сборн. 1874, № 2, стр. 324). Эти китайскіе колонисты Маньчжуріи называютъ себя «Пао-туй-цзе» или «Пао-туй-ррди», т. е. пѣшеходы, или бродяги, не придавая, однако, этому названію худого значенія. Отсюда образовалось официальное выраженіе «Пао-фу», съ тѣмъ же значеніемъ. См. Палладія (Уссур. Маньцзы. — Изв. Русск. Геогр. Общ. Т. VII, 1871, Отд. II, стр. 369) и Барабаша, тамъ же.

2) Дополн. къ актамъ истор. Т. III, стр. 367.

3) La Chine, ou descrip. génér. des moeurs et des coutumes du gouv. etc. de l'Empire Chinois. Trad. de l'Anglais par Pichard, revue et augm. d'un append. par Bazin aîné, Paris 1837, T. I, p. 180.

4) Зап. о Нингутѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. Ч. XII, 1857, стр. 86).

5) У-чень (см. Васильева, тамъ же) говоритъ именно, что «въ послѣднее время, какъ стали пріѣзжать въ Нингуту китайскіе чиновники, погода стала гораздо теплѣе. Маньчжуры говорятъ, что это тепло занесено Мань-цзами». Мимоходомъ замѣчу, что дѣйствительно весьма возможно, что производимая Китайцами обработка земли оказала благотворное вліяніе на мѣстныя климатическія условія Нингуты.

6) П. К. О Маньцзахъ и Корейцахъ (Извѣст. Русск. Геогр. Общ. Т. VI, 1870, Отд. II, стр. 19, 20).

7) Дорожн. замѣт. на пути отъ Пекина до Благовѣщенска (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 422); его же: Уссурійск. Маньцзы (Извѣстія Русск. Геогр. Общ. Т. VII, 1871, Отд. II, стр. 369).

пріисковъ, отправилъ въ Маньчжурію и на границы Кореи колонію южныхъ Китайцевъ, то вмѣстѣ съ ними вышеупомянутое имя перешло въ Сунгарійскій и Уссурійскій края, гдѣ его въ послѣдствіи стали примѣнять вообще ко всѣмъ китайскимъ переселенцамъ [1]). Къ этимъ показаніямъ русскихъ синологовъ, Марте[2]) прибавляетъ, что врядъ-ли мы ошибемся, если примемъ, что упоминаемые ими Мань-цзы — то же, что и «Манжи» или «Манзи» Марко-Поло[3]), «Манзе» Рюбрюквиса и «Манжія» (земля Мань-цзовъ) Плано Карпини. При этомъ, однако, онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что гдѣ у Рюбрюквиса говорится о народахъ «Тауле» и «Манзе»[4]), тамъ, по его мнѣнію, вмѣсто «Тауле» слѣдуетъ читать «Кауле», т. е. Каоли, Корея; а если это справедливо, то надо заключить, что Мань-цзы жили въ Кореѣ, или вблизи отъ нея, еще до основанія тамъ Кублай-хановыхъ колоній, которымъ русскіе источники приписываютъ возникновеніе въ Уссурійскомъ краѣ имени «Мань-цза». Окончательное рѣшеніе этого вопроса я, вмѣстѣ съ Марте, конечно, предоставляю спеціалистамъ, историкамъ и синологамъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть названія, употребляемыя Амурскими инородцами для третьяго культурнаго народа восточной Азіи, **Японцевъ.** Какъ извѣстно, Стеллеръ говоритъ[5]), что Камчадалы или Ительмены называютъ Японцевъ «Сюзаманъ» или «Сюземепъ», вслѣдствіе того, что Японцы — какъ разсказывали ему Камчадалы — привезли имъ первыя желѣзныя иглы, тогда какъ до того времени они дѣлали ихъ изъ собольихъ костей; игла же на всѣхъ нарѣчіяхъ ительменскаго языка — *сюзе*. То же самое, хотя нѣсколько менѣе опредѣленно, разсказываетъ и Крашенинниковъ[6]), очевидно, со словъ Стеллера, съ тою лишь разницею, что, по его свидѣтельству, иголка на ительменскомъ языкѣ — *шишь*, а потому Японцевъ называютъ Камчадалы «Шиша-

---

1) Палладій и вышеупомянутый анонимный писатель опровергаютъ этимъ показаніе Пржевальскаго, будто «Мань-цза» значитъ «бродяга». Вѣроятно, послѣдній высказался въ этомъ смыслѣ въ одномъ изъ предварительныхъ отчетовъ о своемъ путешествіи, потому что въ самомъ своемъ описаніи (Путеш. въ Уссурійскій край, 1870, стр. 78) онъ, напротивъ, положительно говоритъ, что много разъ допытывался онъ у Китайцевъ о значеніи этого слова, но никогда не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта; обыкновенно они говорили, что это слово есть настоящее названіе Китайцевъ. Однако я встрѣтилъ такое показаніе у Будищева: онъ говоритъ, что слышалъ отъ одного французскаго миссіонера, долго жившаго въ Китаѣ и посѣтившаго въ 1862 г. Амуръ, что слово «Мань-цза» означаетъ бродягу. (Будищевъ, Опис. лѣс. части Приморск. Обл. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., Т. IX, X, 1867, стр. 182). Можетъ быть, оно смѣшано съ вышеупомянутымъ китайскимъ названіемъ, которое Мань-цзы сами даютъ себѣ и которое, повидимому, дѣйствительно имѣетъ подобное значеніе (см. выше, стр. 197, прим. 1).

2) Zeitschr. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, Bd. VI, p. 452.

3) На нихъ уже указывалъ и Васильевъ (тамъ же).

4) Marthe, Taule et Manse (Zeitschrift der Gesellschaft für Erdk. zu Berlin, Bd. VI, p. 475 ff.). У Рюбрюквиса сказано именно: «Narravit mihi magister W. quod ipse vidit nuncios quorundam hominum, qui dicuntur Taule et Manse, qui habitant in insulis, quorum mare congelatur in hyeme, ita quod tunc possunt Tartari currere ad eos».

5) Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, p. 3, 249, 320.

6) Описаніе земли Камчатки (Полн. собр. учен. путешествій по Россіи, Т. II, стр. 49).

манъ». Что объясненіе это невѣрно и основано лишь на недоразумѣніи, выяснится изъ нижеслѣдующаго. Подобное же названіе носятъ Японцы, точно такъ же какъ у Камчадаловъ, и у Амурскихъ инородцевъ,—по крайней мѣрѣ, у тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ на Сахалинѣ и по нижнему Амуру. Гиляки материковые и Сахалинскіе называютъ ихъ «Сизамъ»[1]), а Ольчи и Гольды — «Сиса»[2]). При несуществованіи какихъ-либо сношеній между инородцами Амурскаго края и Камчадалами и при полнѣйшемъ различіи ихъ языковъ, почти совершенно одинаковое названіе Японцевъ у тѣхъ и у другихъ доказываетъ, что они заимствовали его изъ одного и того же источника. Этотъ источникъ не трудно найти: это — Аины, для Амурскихъ инородцевъ Аины Сахалинскіе, для Камчадаловъ — Курильскіе. Подобно тому, какъ Сахалинъ есть звено между Ессо, главнымъ островомъ Аиновъ, и Амурскимъ краемъ, такъ гряда Курильскихъ острововъ связываетъ Ессо съ Камчаткою. Что у Аиновъ на о. Ессо употребляется подобное же названіе для Японцевъ, это извѣстно изъ японскихъ и изъ европейскихъ источниковъ. Въ описаніи острова Ессо, составленномъ въ XVII столѣтіи Японцемъ Каннемономъ[3]), сказано, что туземные жители этого острова называютъ Японцевъ «Само». Броутонъ говоритъ, что они называютъ ихъ «Сичамъ» (по-англійски: Seccham)[4]). По Клапроту, это названіе—«Сіямо» (Siyamo)[5]). Что Сахалинскіе Аины называютъ Японцевъ «Сизанъ» и «Сизамъ», приходилось слышать Римскому-Корсакову[6]), Рудановскому, Шмидту и др., а также неоднократно и мнѣ самому. Относительно Курильскихъ Аиновъ я, правда, особаго показанія не встрѣчалъ, но, на основаніи вышесказаннаго, не подлежитъ сомнѣнію, что и у нихъ употребляется для Японцевъ подобное же названіе. Можно даже, не обинуясь, назвать недоразумѣніемъ свидѣтельство Крашенинникова[7]), что Курилы име-

---

1) Поэтому, если въ рукописи (1744 года), найденной Миддендорфомъ (Путеш. и пр. Ч. I, стр. 160, прим. 2) въ Архивѣ Удского острога, говорится о «Сызайцахъ», уничтожившихъ судно на устьѣ Амура, то подъ этимъ именемъ, безъ сомнѣнія, надо разумѣть Японцевъ по ихъ гиляцкому названію, переданному Русскими на свой ладъ. Впрочемъ, Миддендорфъ самъ также слышалъ имя «Сисанъ» у Гиляковъ Охотскаго моря, но полагалъ, что оно относится къ южнымъ Курильскимъ островамъ (см. Bull. de la cl. physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 233; также: Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. IX, 2. Abthl. p. 615).

2) То же самое названіе употребляли для Японцевъ китайскіе купцы на Амурѣ и Сунгари. Венюковъ слышалъ еще въ Сунгарійскомъ краѣ о странѣ Си-занъ, лежащей къ сѣверу, и надѣялся достигнуть ея въ путешествіи своемъ (въ 1850 г.) внизъ по Амуру. По дорогѣ онъ узналъ отъ китайскихъ купцовъ, что сами они въ Си-занъ никогда не ѣздятъ, но ведутъ съ этою страною торговлю лишь чрезъ посредство Юйпитацзевъ. На основаніи произведенныхъ имъ разспросовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что «Си-занъ» — островъ Карафту, т. е. Сахалинъ (Venault, Excurs. dans les parties intér. de la Mandchourie.—Nouv. Ann. des Voyages, Ve Sér. T. XXX, 1852 [T. II], p. 207, 215, 222, 224).

3) Jeso-ki, ou Descr. de l'ile de Jesso etc. comp. par l'interpr. Kannemon et publ. en 1652; trad. par Titsingh, Ambass. holl. au Japon (Ann. des Voyages, T. XXIV, Paris 1814, p. 148). См. также прибавленія Клапрота къ сочиненію Японца Риндзо: San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu génér. des trois royaumes, p. 228, заимствованныя изъ того же источника.

4) Broughton, A Voyage of discov. to the North Pacif. Ocean, London 1804, p. 390. Очевидно, то же показаніе повторяетъ Клапротъ въ Langsdorff's Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Frankfurt a/M. 1812, Bd. I, p. 303.

5) San kokf tsou ran to sets, p. 247.

6) В. Р.-К., Случ. и замѣтки на винтов. шкунѣ «Востокъ» (Морск. Сборн. 1858, № 5, Ч. неоф., стр. 9).

7) Опис. земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. Т. II, стр. 6).

немъ «Сіпсіанъ» обозначаютъ Русскихъ; напротивъ того, очевидно, что это — то же, что «Сизанъ», и слѣдовательно, курильское названіе Японцевъ. Подобное же недоразумѣніе встрѣчается также у Лаперуза. Изъ показаній Сахалинскихъ Аиновъ онъ вывелъ, именно, заключеніе, что островъ Ессо они называютъ «Шиша» (по-французски: Chicha)[1]. Но, хотя въ своемъ трудѣ онъ и употреблялъ это названіе постоянно для обозначенія острова Ессо, однако не былъ вполнѣ увѣренъ въ справедливости такого толкованія, а потому въ своемъ спискѣ аинскихъ словъ[2]) онъ говоритъ только, что «Шиша»—имя острова или народа къ югу отъ острова Чока (Сахалина). Со своей стороны, издатель путешествія Лаперуза, Миле-Мюро, упустилъ изъ виду это послѣднее его показаніе и, оставаясь при томъ мнѣніи, что «Шиша» — названіе острова Ессо, исправилъ вышеприведенное объясненіе Крашенинникова (Стеллера онъ не зналъ) для имени «Шишаманъ», въ томъ смыслѣ, что оно означаетъ, будто-бы, не «игольные люди», а «люди съ Шиши», т. е. съ Ессо, и что, слѣдовательно, подъ этимъ названіемъ надо разумѣть не Японцевъ, а коренныхъ жителей этого острова, т. е. Аиновъ[3]). Однако, какъ Миле-Мюро ни гордился тѣмъ, что Французамъ суждено было обнаружить «незнаніе» Русскихъ относительно лежащаго по близости отъ нихъ острова и вывести ихъ изъ заблужденія, все-таки Русскіе въ дѣйствительности оказались гораздо болѣе правыми, ибо спрошенные Лаперузомъ Сахалинскіе Аины, указывая по направленію къ югу и произнося слово «Шиша», разумѣли вовсе не островъ Ессо[4]), а пріѣзжавшихъ оттуда Японцевъ, что несомнѣннымъ образомъ можно заключить изъ сходства этого имени съ названіемъ «Сиса» и «Сизамъ». И такъ, названіе «Сюзаманъ» или «Шишаманъ» означаетъ у Камчадаловъ не Аиновъ съ острова Ессо, а Японцевъ, какъ совершенно справедливо замѣтили Стеллеръ и Крашенинниковъ; ошиблись же они лишь въ объясненіи этого названія. Дѣло въ томъ, что Японцы не образовали его изъ ительменскаго слова, означающаго иглу, а, прямо наоборотъ, стальную иглу Камчадалы назвали *сюзе* или *шишь*, т. е. японскою, потому, что получили ее отъ Японцевъ. Для извѣстныхъ же имъ уже раньше костяныхъ иглъ, они, безъ сомнѣнія, имѣли особое названіе[5]).

Въ заключеніе упомяну и о названіи, которымъ Амурскіе инородцы обозначаютъ **Русскихъ.** Оно, повидимому, у всѣхъ одно и то же. Инородцы нижне-амурскаго края, съ которыми я имѣлъ дѣло болѣе или менѣе продолжительное время, а именно Гиляки,

---

1) Voyage de La Pérouse autour du monde, réd. par Milet-Mureau, Paris, an V (1797), T. III, p. 83 et suiv.

2) Тамъ же, стр. 118.

3) Тамъ же, стр. 112, примѣч. b.

4) Отсюда понятно, что и Крузенштернъ (Путеш. вокругъ свѣта, Т. II, стр. 56) тщетно пытался, какъ въ заливѣ Румянцова на Ессо, такъ и въ заливѣ Анива на Сахалинѣ, развѣдать имена «Шиша» и «Чока», которыми Лаперузъ надѣлилъ эти острова.

5) Немыслимо, чтобы Камчадалы обозначали однимъ и тѣмъ же словомъ стальныя и костяныя иглы, такъ какъ эти иглы стали извѣстны имъ въ разное время и навѣрно были разной формы. Кромѣ того, это представляется невозможнымъ и потому, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить у нихъ такую высокую степень способности обобщенія, какой никогда не бываетъ у народовъ, стоящихъ на столь низкой степени культуры.

Ольчи, Орочи, Гольды, Самагирцы, постоянно называли Русскихъ «Лоча». То же названіе слышалъ Радде у Бираровъ[1]). Вѣроятно, оно повторяется и у остальныхъ Амурскихъ племенъ. Замѣтимъ, что это — то же названіе, которое, съ небольшими видоизмѣненіями, употребляется для Русскихъ какъ Китайцами, такъ и всѣми сибирскими инородцами. Такъ, напримѣръ, въ одномъ китайскомъ описаніи путешествія изъ Пекина въ Сибирь въ 1712 г., переведенномъ на французскій языкъ Гобилемъ, а съ него, въ извлеченіи, на нѣмецкій—Миллеромъ, Русскіе названы «Олоссами»[2]). Въ переведенномъ Клапротомъ китайскомъ описаніи Россіи[3]), Русскіе также называются то «Олоссу», то «Ло-ша» (по-французски: Lo-cha). Родившійся и выросшій въ Нингутѣ Китаецъ У-чень, о которомъ уже неоднократно упоминалось выше, также называетъ появившихся въ его время въ Амурскомъ краѣ Русскихъ «людьми изъ царства Ло-чэ»[4]). Наконецъ, сколько мнѣ самому ни приходилось встрѣчаться съ Китайцами и Маньчжурами въ Амурскомъ краѣ, всегда я слышалъ отъ нихъ для Русскихъ названіе «Лоча». Что касается до сибирскихъ инородцевъ, то у нихъ подобныя названія («Лоча, Лота, Люоча, Луча, Луцца, Лучэ, Луцце, Лучи» и т. п.) повсюду въ общемъ употребленіи; такъ, напримѣръ, у Тунгусовъ, по Охотскому морю[5]), въ Дауріи[6]) и по Енисею до самаго Туруханска[7]), у Якутовъ[8]), у Самоѣдовъ въ Таймырскомъ краѣ[9]) и на сѣверѣ Европейской Россіи[10]), и т. д. Можно себѣ представить, что въ разнообразныхъ, и отчасти самыхъ неправдоподобныхъ, объясненіяхъ этого названія, недостатка не было[11]), хотя весьма

---

1) Radde, Bericht über Reisen im Süden von Ostsibir. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, herausg. von Baer und Helmersen, Bd. XXIII, p. 591, Anm.).

2) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. I, p. 331, 341.

3) Mém. relat. à l'Asie, T. I, p. 85, 93 — 95. Другія показанія подобнаго же рода см. у Клапрота (тамъ же, стр. 29), у Плата (Die Völker der Mandsch. p. 608) и др.

4) Какъ истый Китаецъ, У-чень разсказываетъ, что, когда онъ былъ еще ребенкомъ, «взбунтовались люди изъ царства Ло-чэ, пришли на У-лун-цзянъ (Амуръ) и въ странѣ Хэй-цзинь отнимали у тамошнихъ жителей собольи мѣха». Къ этому онъ прибавляетъ, что «оружіе ихъ было весьма страшно» (Васильевъ, Зап. о Нингутѣ. — Зап. Русск. Геогр. Общ. Ч. XII, 1857, стр. 82, 83).

5) Klaproth, Mém. relat. à l'Asie, T. I, p. 453.

6) Pallas, Reise durch versch. Provinzen des Russ. Reichs, Bd. III, p. 238.

7) Pallas, l. c. p. 67, Anmerk. *. Костровъ, Очеркъ Турух. края (Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. IV, 1857, стр. 99).

8) Strahlenberg, Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, Stockholm 1730, p. 63.

9) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 664.

10) Schlözer, Allgemeine Nord. Gesch. Halle 1771, p. 293. Alexander Schrenck, Reise nach dem Nordosten des Europ. Russl., durch die Tundren der Samojeden zum Arkt. Uralgeb. Dorpat 1848, Bd. I, p. 615.

11) Такъ, напримѣръ, Штраленбергъ предполагалъ, что Русскіе у Якутовъ назывались «Лучэ» или «Луццэ», потому что говорили имъ: «мы *луче* какъ вы» (мы лучше васъ). Шлецеръ (тамъ же, прим. D.) говоритъ, что *луцце* на самоѣдскомъ языкѣ значитъ «человѣкъ» (что, по свидѣтельству моего брата, А. Шренка, невѣрно), а у Енисейскихъ Остяковъ — «чортъ», и ставитъ вопросъ: не видѣлъ ли дикарь-Самоѣдъ въ Русскомъ человѣка въ особенности, а запуганный Остякъ въ томъ же поработившемъ его Русскомъ — чорта? Палласъ (тамъ же, Т. III, стр. 67, прим. *), напротивъ, думалъ, что имя «Луце», которымъ Самоѣды называютъ Русскихъ и изъ котораго Тунгусы сдѣлали «Луча», по самоѣдскому словопроизводству собственно означаетъ воина, такъ какъ выраженіе *луце ніузиме*, на этомъ языкѣ, имѣетъ значеніе «гнѣвный». Въ изданіи Шерера: «Nordische Nebenstunden» (Thl. I, Frankfurt und Leipzig 1776, p. 57 — 68) есть особая статья, озаглавленная: «Почему Якуты называютъ Русскихъ Луце или Луче»? Въ ней опровергается приведенное выше объясненіе Штра-

не трудно было узнать въ немъ лишь искаженіе словъ «Россія» и «Русскій». На это и указалъ еще Миллеръ[1]) относительно китайскаго названія для Русскихъ, и въ послѣдствіи мой братъ, А. Шренкъ, относительно самоѣдскаго названія[2]). Дѣйствительно, вышеупомянутое обстоятельство, что по всей Сибири, въ пограничной части Китая и даже у самыхъ отдаленныхъ инородцевъ Амурскаго края, употребляется одно и то же названіе для обозначенія Русскихъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость этого мнѣнія.

Если окинуть общимъ взглядомъ все вышеизложенное, то нельзя не согласиться, что наши свѣдѣнія о происхожденіи, передвиженіяхъ и переселеніяхъ инородцевъ Амурскаго края, на сколько они могутъ быть почерпнуты изъ историческихъ источниковъ, изъ слѣдовъ, открываемыхъ въ названіяхъ этихъ народовъ и т. п., весьма незначительны. Только относительно западной и южной частей Амурскаго края, коренныя племена которыхъ находились въ давнихъ и безпрерывныхъ сношеніяхъ или съ Русскими, или съ древне-культурными народами восточной Азіи, Китайцами и Японцами, можно было достигнуть болѣе опредѣленныхъ и положительныхъ результатовъ. Но и тутъ свѣдѣнія наши по большей части ограничиваются сравнительно позднимъ временемъ. Въ послѣдствіи я попытаюсь сдѣлать нѣсколько дополненій къ нимъ, относящихся до болѣе отдаленнаго времени; но эти дополненія будутъ имѣть лишь гипотетическій характеръ, такъ какъ основаны только на изслѣдованіяхъ о взаимномъ племенномъ родствѣ или различіи инородцевъ Амурскаго края.

ленберга и доказывается, что Самоѣды заимствовали слово *луце* (чортъ) отъ Енисейскихъ Остяковъ и перенесли его къ Якутамъ на Лену. Авторъ находитъ, однако, въ этомъ словѣ большое сходство съ русскимъ словомъ *лышій* и потому полагаетъ, что упомянутые инородцы могли образовать изъ него свое слово *луце*. Но такъ какъ этимъ опровергается вышеприведенное объясненіе названія, сложившагося у нихъ для Русскихъ, то онъ для объясненія его прибѣгаетъ къ другой этимологіи, и производитъ его съ еврейскаго языка .... и т. д. и т. д.

1) Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. I, p. 331, Anm. *.

2) У Китайцевъ, не знающихъ вовсе звука *р*, подобныя искаженія были неизбѣжны. Маньчжуры и Амурскіе инородцы, особенно тунгусскія племена, Гольды, Ольчи, хотя и имѣютъ звукъ *р*, но часто замѣняютъ его звукомъ *л*. То же самое, вѣроятно, повторяется у Тунгусовъ и у другихъ инородцевъ Сибири.

II. АНТРОПО-ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Глава 3.

Происхожденіе и дальнѣйшее развѣтвленіе инородцевъ Амурскаго края по ихъ языку и физическимъ свойствамъ, преимущественно же по строенію черепа и лица. Группа Палэазіятовъ или краевыхъ народовъ сѣверо-восточной Азіи. Группировка приамурскихъ народовъ Тунгусскаго племени.

Уже въ самомъ началѣ настоящаго сочиненія было сказано, что инородцы Амурскаго края частью принадлежатъ къ племенамъ совершенно различнаго происхожденія, каковы: Гиляки, Аины, Тунгусы, частью же составляютъ вѣтви одной обширной семьи народовъ, тунгусской. Однако доказательствъ тому я до сихъ поръ еще не представилъ. Поэтому, разграничивъ въ предыдущихъ главахъ области, занимаемыя Амурскими инородцами, постараюсь теперь возможно отчетливо разграничить эти народы и по ихъ племенному различію. Извѣстно, что въ вопросахъ подобнаго рода главное значеніе имѣютъ два элемента: физическія свойства и языкъ. Все остальное, какъ-то сходство въ разныхъ, часто своеобразныхъ, нравахъ и обычаяхъ, въ сказаніяхъ и преданіяхъ, въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ, въ національномъ характерѣ и т. д.,— все это, по отношенію къ племенному родству или различію, имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Правда, такое сходство можетъ иногда служить подтвержденіемъ племенного родства, выведеннаго изъ первыхъ двухъ элементовъ, но, большею частью и даже обыкновенно, въ особенности у сосѣднихъ народовъ, оно объясняется вліяніемъ одинаковыхъ физико-географическихъ или историческихъ условій, продолжительностью близкихъ взаимныхъ сношеній, а также отчасти повсюду одинаковою, въ основныхъ чертахъ, природою человѣческаго духа, умственныхъ способностей, душевныхъ побужденій и т. д. Надѣюсь, что въ нижеслѣдующемъ изложеніи

будутъ представлены нѣкоторыя новыя доказательства справедливости изложеннаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, на эти послѣднія обстоятельства, въ другой части этого труда, будетъ обращено мною должное вниманіе; теперь же, для поясненія вопроса о племенномъ родствѣ или различіи инородцевъ Амурскаго края, я ограничусь лишь разборомъ двухъ первыхъ, наиболѣе существенныхъ элементовъ.

Замѣчу прежде всего, что въ этнологическихъ вопросахъ подобнаго рода физическія свойства и языкъ играютъ роль далеко не одинаковой важности. Послѣдній, мнѣ кажется, имѣетъ вообще право на первенствующее значеніе. Въ настоящемъ же случаѣ, относительно инородцевъ Амурскаго края, ему надо приписать еще тѣмъ бо̀льшее значеніе, что имѣющіеся у насъ въ томъ и другомъ отношеніи матеріалы, по объему, далеко не равны между собою. Когда дѣло идетъ о физическихъ свойствахъ различныхъ народностей, то прежде всего ищутъ различія въ строеніи черепа и лица, а затѣмъ—въ строеніи и относительныхъ размѣрахъ остальныхъ частей тѣла, въ цвѣтѣ кожи, свойствѣ волосъ и т. д. Но до сихъ поръ только относительно строенія черепа выработались, вслѣдствіе многочисленныхъ и точныхъ сравненій и измѣреній, на столько опредѣленныя понятія и открылся на столько обширный кругозоръ, что представилась вообще возможность подумать о различеніи разныхъ народностей по черепу и о систематическомъ распредѣленіи ихъ на основаніи краніологическихъ данныхъ. Однако при этомъ можно было a priori ожидать, что на основаніи строенія одной только, хотя и наиболѣе существенной, части тѣла, можно будетъ построить лишь искусственную систему, какія имѣются и въ зоологіи и ботаникѣ, — систему различныхъ, въ краніологическомъ отношеніи, типовъ человѣческаго рода, но не систему естественныхъ органическихъ цѣлыхъ, каковы народы, короче сказать, — систему краніологическо-анатомическую, но не этнологическую. И дѣйствительно, увеличивающійся опытъ вполнѣ подтвердилъ это. Онъ убѣдилъ, что мнѣніе, или лучше сказать, предположеніе, будто у каждаго народа своя опредѣленная форма черепа[1]), ошибочно, и что, напротивъ, у весьма различныхъ народовъ встрѣчаются черепа одинаковой формы, между тѣмъ какъ, наоборотъ, у одного и того же народа встрѣчаются черепа самой разнообразной формы. Поэтому Ерингъ, въ превосходной статьѣ объ этомъ предметѣ[2]), приходитъ къ тому заключенію, что будущая задача краніологическихъ изслѣдованій, имѣющихъ въ виду этнологическую цѣль, можетъ состоять лишь въ опредѣленіи, съ одной стороны, преобладающей у какого-либо народа средней, типической формы черепа, а съ другой — крайнихъ предѣловъ, между ко-

---

1) R. Wagner, Zoolog.-anthropolog. Untersuchungen, Göttingen 1861, I, p. 10. Еще Реціусъ, въ письмѣ къ Николучи отъ 1852 г., перечисляя результаты своихъ работъ, выразилъ главнѣйшій изъ нихъ словами: «les différentes races et peuples ont leurs propres formes crâniennes» (Ethnolog. Schriften von And. Retzius, nach dem Tode des Verf. gesammelt. Stockholm 1864, p. 120). Въ такомъ же смыслѣ высказывались въ послѣдствіи Бонте (Bonté, Bull. de la Soc. d'Anthropolog. de Paris, T. VI, 186, p. 44: «autre crâne, autre race»), Сансонъ (Sanson, ibid. p. 515: «le type crânien — le caractère essentiel des races») и др. См. статью Еринга (H. v. Ihering): «Zur Reform der Craniometrie» (Zeitschrift für Ethnologie, herausgeg. von A. Bastian und R. Hartmann, Berlin, Bd. V, 1873, p. 166), гдѣ вышеприведенныя мнѣнія сопоставлены, съ цѣлью ихъ опроверженія.

2) L. c. p. 167 ff.

торыми происходитъ колебаніе встрѣчающихся у него формъ черепа и всѣхъ его отдѣльныхъ размѣровъ [1]). Притомъ, чѣмъ богаче и разнообразнѣе прошлое какого-нибудь народа, чѣмъ больше онъ удалился отъ первобытнаго состоянія и проникся во всѣхъ своихъ слояхъ культурою, чѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе смѣшеніе его съ другими племенами, тѣмъ значительнѣе, надо полагать, будутъ и колебанія въ формѣ его черепа, и тѣмъ бо̀льшее число сравненій и измѣреній будетъ необходимо для опредѣленія средней, типической формы его черепа. Извѣстно, однако, что даже у народа, еще нетронутаго культурою, такъ сказать, первобытнаго или дикаго, можно встрѣтить немалыя колебанія и различія въ формѣ черепа. Въ подтвержденіе этого будетъ представлено ниже нѣсколько новыхъ фактовъ. Правда, относительно такихъ народовъ обыкновенно остается неизвѣстнымъ, каково было ихъ прошлое, какимъ передвиженіямъ подвергались они въ теченіе времени, съ какими чужими элементами вступали въ смѣшеніе и т. д. Въ виду столь обширной задачи, которую, съ этнологической точки зрѣнія, должно ставить краніологическимъ изслѣдованіямъ, много ли значитъ, если у насъ, для изслѣдованія инородцевъ Амурскаго края, да и то не всѣхъ, имѣется по одному, по два или, много-много, по четыре черепа? Вѣдь не знаемъ мы, принадлежатъ ли эти черепа къ средней, или къ крайнимъ формамъ, а также и того, какого они происхожденія: чистокровнаго ли, или смѣшаннаго съ сосѣдними племенами? Здѣсь, слѣдовательно, имѣются пока только единичные, отчасти первые матеріалы, которые должны возрасти еще въ стократъ, прежде чѣмъ послужатъ основаніемъ для этнологическихъ выводовъ въ вышеуказанномъ направленіи. Такимъ образомъ, расширившіяся краніологическія изслѣдованія вызвали потребность въ еще болѣе обширномъ матеріалѣ, не подавая, однако, надежды, чтобы форма черепа могла когда-либо служить отличительнымъ признакомъ разныхъ народностей. Все, что они обѣщаютъ намъ въ будущемъ, это — посредствомъ опредѣленія у какого-либо народа, съ одной стороны, преобладающей средней формы его черепа, а съ другой крайнихъ формъ, какъ предѣловъ колебанія, ознакомить насъ съ тѣми краніологическими данными, которыя, вмѣстѣ съ другими особенностями тѣлосложенія, обусловливаютъ болѣе или менѣе выдающійся физическій типъ или характеръ какъ всего народа, такъ и его отдѣльныхъ группъ и недѣлимыхъ.

И такъ, для опредѣленія физическаго типа какого-нибудь народа, надо, кромѣ строенія черепа, принимать во вниманіе и строеніе многихъ другихъ частей тѣла, которыя, однако, всѣ безъ исключенія, точно такъ же какъ и черепъ, не даютъ никакихъ общепримѣнимыхъ, абсолютныхъ отличительныхъ признаковъ для разныхъ народностей. Таковы именно: форма мягкихъ частей лица, глазъ, носа, губъ, относительная величина разныхъ частей тѣла, особенно конечностей, цвѣтъ кожи, свойство волосъ и т. д. Какъ бы рѣзко и рельефно ни выказыва-

---

1) Впрочемъ, уже и раньше нѣкоторые антропологи отчасти держались этой точки зрѣнія. Доказательствомъ тому служитъ, напримѣръ, статья Вельккера о брахицефаліи и долихоцефаліи германскихъ племенъ, въ его: «Kraniologische Mittheilungen» (Archiv für Anthropologie, Braunschweig, Bd. I, 1866, p. 127 ff., съ относящеюся туда II-ою таблицею).

лось различіе между иными народами по тому или другому изъ названныхъ пунктовъ, однако, и въ отношеніи къ нимъ, встрѣчается столько разнообразныхъ среднихъ и переходныхъ формъ какъ между цѣлыми народами, такъ и между отдѣльными представителями народовъ, что естественная классификація человѣческаго рода на этомъ основаніи также оказывается неудобовыполнимою. Что касается до относительной величины отдѣльныхъ частей тѣла, то, кромѣ того, не имѣется еще достаточнаго числа сравненій и измѣреній; къ тому же, задача этихъ послѣднихъ можетъ быть только та самая, что и краніологическихъ изслѣдованій, и ожидать отъ нихъ болѣе обширныхъ результатовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Какъ шатки и неопредѣленны обыкновенно показанія, относящіяся до свойства волосъ, до цвѣта кожи и т. д., — опять-таки вслѣдствіе большого числа среднихъ и переходныхъ формъ — это достаточно извѣстно. До сихъ поръ еще нѣтъ общепринятой шкалы цвѣтовъ, не смотря на то, что потребность въ ней неоднократно сказывалась, и вслѣдствіе того нѣтъ даже возможности сравнивать между собою показанія различныхъ авторовъ. Къ тому же, цвѣтъ кожи болѣе другихъ физическихъ свойствъ организма измѣняется подъ вліяніемъ атмосферы, или же скрывается въ настоящемъ своемъ видѣ отъ наблюдателя, вслѣдствіе совершенно внѣшнихъ причинъ, какъ, напримѣръ, постояннаго пребыванія человѣка въ дымныхъ жилищахъ, нечистоплотности и т. д.

Впрочемъ, если предположить, что всѣ упомянутыя, да, пожалуй, еще и другія какія бы то ни было физическія свойства были бы подробно изслѣдованы у разныхъ народовъ и въ общей сложности приняты во вниманіе, то это доставило бы, правда, весьма полную физическую характеристику народовъ, но, по вышеизложеннымъ причинамъ, все-таки отнюдь не дало бы еще возможности различать всѣхъ недѣлимыхъ въ отношеніи ихъ національности. Точно также, на основаніи всей суммы физическихъ данныхъ, можно было бы построить анатомическую, или, если подъ антропологіею разумѣть лишь науку о физическихъ свойствахъ человѣка, антропологическую систему развѣтвленія человѣческаго рода, но никакъ не этнологическую систему, т. е. естественную систему народовъ, — я разумѣю такую, въ которой отдѣльныя части одного народа, или народы одной семьи, одного племени, не были бы нигдѣ разъединены или разставлены подалеку другъ отъ друга. Система развѣтвленія рода человѣческаго, основанная даже на совокупности всѣхъ физическихъ данныхъ, въ этнологическомъ отношеніи все-таки останется искусственною, потому что принимаетъ въ соображеніе лишь одну сторону человѣка, физическую, и оставляетъ безъ вниманія другую, психическую и духовную, полнѣйшимъ выраженіемъ которой служитъ языкъ. Подобно тому, какъ языкъ, обусловливаемый способностью мышленія и служащій средствомъ выраженія для послѣдняго, составляетъ существенное свойство человѣка вообще, рѣзко отличающее его отъ животныхъ, такъ особенность и своеобразіе языка составляютъ главный и существенный признакъ той разновидности человѣческаго рода, которую мы называемъ народомъ. На особенности и своеобразіи языка основано понятіе «народъ». Не физическія различія, хотя бы они и существовали, а различія языка были первою причиною обособленія народовъ и продолжаютъ быть такою причиною и понынѣ. Люди, говорящіе

однимъ языкомъ, непонимаемымъ другими, признаютъ себя за одно цѣлое, одинъ народъ и обозначаютъ себя, какъ членовъ этого цѣлаго, однимъ названіемъ, хотя бы это названіе — какъ это столь часто бываетъ у первобытныхъ народовъ — и имѣло лишь значеніе «человѣкъ». Въ тѣхъ же самыхъ предѣлахъ, въ которыхъ народъ самъ смотритъ на себя, какъ на одно цѣлое, т. е. въ предѣлахъ одного языка, общаго всѣмъ недѣлимымъ и отличнаго отъ другихъ, и мы принимаемъ народъ за одно цѣлое и, по возможности, называемъ его тѣмъ же именемъ, которое онъ самъ даетъ себѣ. Не бывало примѣровъ тому, чтобы путешественникъ, будь онъ даже естествоиспытатель, пытался, впервые вступивъ въ неизвѣстную еще страну, распредѣлить жителей ея по ихъ физическимъ свойствамъ на народы и обозначить ихъ особыми названіями; всегда, напротивъ, онъ старается распознать группы, обособившіяся на основаніи ихъ языка, и эти группы принимаетъ за особые народы, причемъ сохраняетъ для нихъ тѣ же названія, которыя они или даютъ себѣ сами, или получили отъ своихъ сосѣдей. Если же въ предѣлахъ одного и того же языка встрѣчаетъ онъ большое разнообразіе физическихъ свойствъ, то различаетъ въ одномъ и томъ же народѣ нѣсколько типовъ, стараясь объяснить ихъ или примѣсью чужого элемента, или вліяніемъ какихъ-либо иныхъ, физическихъ или бытовыхъ условій. Такимъ образомъ, мы познаемъ и различаемъ разные народы, не замѣчая еще въ нихъ отличительныхъ физическихъ свойствъ, и многимъ прежде, чѣмъ можемъ, хотя бы лишь приблизительно, опредѣлить ихъ физическій типъ. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ еще нельзя съ точностью сказать, въ чемъ заключается физическій типъ Тунгусовъ, а между тѣмъ мы уже нѣсколько столѣтій знакомы съ этимъ народомъ и безъ затрудненія узнаемъ его въ разныхъ вѣтвяхъ его, гдѣ бы мы ни встрѣтились съ ними, — на Енисеѣ, или въ Камчаткѣ, на Ледовитомъ морѣ, или на Шилкѣ. Но коль скоро не подлежитъ сомнѣнію, что народъ есть совокупность людей, говорящихъ особымъ языкомъ, то совершенно немыслимо, мнѣ кажется, чтобы когда-либо составилась естественная классификація или система народовъ на основаніи исключительно физическихъ данныхъ, съ пренебреженіемъ языка. На этомъ основаніи можно раздѣлять человѣческій родъ на всевозможные искусственные, большіе и малые отдѣлы и группы, какъ, напримѣръ, на длинно- и широкоголовыхъ, на бѣло- и чернокожихъ, на гладковолосыхъ и курчавыхъ и т. д., но нельзя раздѣлять его на народы. Группы, различаемыя на этомъ основаніи, никогда не совпадутъ съ тѣми, которыя мы называемъ народами, потому что это — понятія, образовавшіяся съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, — такъ сказать, несоизмѣримыя величины. Поэтому, если остаться на чисто антропо-анатомической почвѣ, то непремѣнно слѣдовало бы отказаться отъ различаемыхъ нынѣ народовъ, съ принятыми для нихъ названіями, какъ основанныхъ на различіи не физическихъ данныхъ, а языковъ. Если же остаться при нынѣшнемъ обозначеніи народовъ, то естественная классификація ихъ мыслима только на лингвистическомъ основаніи, при одновременномъ соображеніи ихъ физическихъ свойствъ и, разумѣется, на сколько возможно, историческихъ данныхъ.

Приписывая языку такое важное значеніе для систематическаго распредѣленія народовъ, я знаю, что противъ этого взгляда являлись разныя возраженія, отчасти

даже прямо касающіяся одного изъ разсматриваемыхъ здѣсь народовъ и которыя я поэтому не могу обойти молчаніемъ. Полагали, что языкъ потому не пригоденъ для этнологической классификаціи, что, служа выраженіемъ постепеннаго развитія народа, онъ самъ представляетъ какъ бы процессъ постепеннаго развитія, направленнаго къ неизвѣстному и неизмѣримому для насъ концу, или, другими словами, потому что онъ подвергается слишкомъ многимъ измѣненіямъ и, вслѣдствіе того, не даетъ вѣрнаго и надежнаго масштаба [1]). Замѣтимъ, однако, что измѣненія, которымъ подвергается языкъ во время своего развитія, не уничтожаютъ его особенностей; если же съ теченіемъ времени въ немъ образуются разновидности, если онъ развѣтвляется потомъ на нарѣчія, то эти послѣднія могутъ служить лучшимъ доказательствомъ племеннаго родства народовъ. Затѣмъ, когда у народа уже выработалась письменность, то является возможность сохраненія историческихъ памятниковъ языка разныхъ временъ, а этимъ памѣчается и непрерывность его развитія. Съ другой стороны, не подлежатъ ли, подобно языку, и физическія свойства народа сильнымъ и разнообразнымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе, напримѣръ, перемѣны мѣста жительства, пищи, образа жизни, вслѣдствіе культуры, умственнаго развитія и въ особенности многочисленныхъ и разнообразныхъ смѣшеній его съ другими народами? Къ тому же, вопросъ усложняется еще въ томъ отношеніи, что если даже у народа первоначально и былъ своеобразный типъ, то нынѣ усмотрѣть и возстановить его изъ большого числа образовавшихся съ теченіемъ времени разновидныхъ и переходныхъ формъ нѣтъ больше возможности, да и не имѣется никакого критерія для распознаванія племеннаго родства между разошедшимися вѣтвями. Какимъ образомъ, напримѣръ, могли бы мы въ настоящее время опредѣлить физическія свойства древнихъ Германцевъ? Не знаемъ ли мы объ этихъ свойствахъ несравненно меньше, чѣмъ о древне-германскомъ языкѣ? Гдѣ тѣ физическіе признаки, по которымъ можно было бы узнать близкое племенное родство всѣхъ нынѣшнихъ германскихъ народовъ, если бы это родство не доказывалось языкомъ? Однако, само собою разумѣется, что, когда рѣчь идетъ объ языкѣ, какъ объ основѣ для этнологической классификаціи, то имѣются въ виду лишь результаты основательнаго, научнаго, сравнительнаго изученія языковъ, а никакъ не одного только поверхностнаго сравненія ихъ. Бывали примѣры, что преждевременныя заключенія о родствѣ народовъ выводились лишь на основаніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ однаковыхъ или схожихъ между собою звуковъ или словъ, пожалуй, даже иноязычныхъ; такія заключенія встрѣчали, конечно, и вполнѣ заслуженное порицаніе [2]).

Самое обыкновенное и вѣсское возраженіе противъ пригодности языка для различенія и систематическаго распредѣленія народовъ состоитъ въ томъ, что нѣкоторые народы въ теченіи времени совершенно утратили свой родной языкъ и вмѣсто него усвоили себѣ чужой,

---

1) Bastian, Das natürl. System in der Ethnologie (Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, Bd. I, 1869, p. 1). Въ томъ же смыслѣ высказывается онъ въ Verhandl. der Berliner Gesellsch. für Anthropol., Ethnol. und Urgesch.; см. Zeitschr. für Ethnol. Bd. IV, 1872, p. (99).

2) Такъ, напримѣръ, со стороны Р. Гартмана (Untersuchungen über die Völkersch. Nord-Ost-Afrikas.— Zeitschrift für Ethnol. Berlin, Bd. I, 1869, p. 30).

не имѣющій, можетъ быть, съ ихъ первоначальнымъ языкомъ ничего общаго. Неопровержимые факты такого рода общеизвѣстны; но я думаю, что имъ приписываютъ слишкомъ большое значеніе, и что они въ дѣйствительности не повторяются такъ часто, какъ обыкновенно полагаютъ, а составляютъ лишь единичные случаи, встрѣчающіеся при особыхъ обстоятельствахъ. Подобно Штейнталю[1]), я держусь того мнѣнія, что перемѣна языка возможна лишь въ томъ случаѣ, когда народъ, не имѣющій культуры или мало развитый, вступаетъ въ продолжительное соприкосновеніе съ другимъ народомъ, далеко превосходящимъ его по своему развитію, образованности и политическому могуществу, и притомъ покоренъ, порабощенъ и придавленъ этимъ послѣднимъ во всѣхъ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ. Въ такомъ случаѣ, если покоренный народъ не менѣе своихъ побѣдителей способенъ къ развитію и въ физическомъ отношеніи близко подходитъ къ нимъ, то процессъ ассимиляціи совершается сравнительно легко и быстро: порабощенное племя всею своею массою болѣе и болѣе пропикается чужимъ элементомъ, и возникаетъ смѣшанный народъ, который тѣмъ охотнѣе усвоиваетъ себѣ шагъ за шагомъ нравы, воззрѣнія и языкъ своихъ побѣдителей, что такимъ образомъ самъ обращается въ господствующій. Тутъ, слѣдовательно, вслѣдствіе смѣшенія, оба народа сливаются въ одинъ. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, происходила германизація нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ по берегамъ Балтійскаго моря, Эльбы и въ другихъ мѣстахъ, или романизація Кельтовъ, Иберійцевъ и т. д. Совершенно иной оборотъ принимаетъ дѣло тамъ, гдѣ сталкивающіяся племена, по своимъ физическимъ свойствамъ, сильно различаются другъ отъ друга, и къ тому же порабощенное некультурное племя мало способно къ культурѣ. Въ этомъ случаѣ, если оно, въ неравной кровавой борьбѣ, не подвергается быстрому истребленію, или не можетъ, подобно Индѣйцамъ сѣверной Америки, хотя бы лишь на время отступить и укрыться отъ своего врага, то начинается тотъ хроническій процессъ физическаго и нравственнаго упадка и вымиранія, о которомъ я уже говорилъ во вступленіи къ этому труду[2]). Не имѣя силъ быстро подняться въ своемъ развитіи и слиться со своими угнетателями, подобный народъ не можетъ въ короткое время усвоить себѣ и ихъ языкъ, и, продолжая опускаться и исчезать, подвергается такому же процессу разложенія и постепеннаго вымиранія относительно своего языка. Много ли, напримѣръ, осталось въ настоящее время отъ прежнихъ Камчадаловъ или Ительменовъ? Да и это немногое—какъ оно бѣдно, ничтожно, невидно подъ напливомъ посторонняго элемента! При всемъ томъ, ительменскій языкъ еще и теперь не вымеръ совершенно. Во время своего путешествія по Камчаткѣ, въ 50-хъ годахъ, Дитмаръ могъ еще составить словарь ительменскаго языка. Подобно Камчадаламъ, не исчезли ли въ настоящее время Юкагиры, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ, въ которыхъ невозможно даже признать отдѣльнаго народа? Тѣмъ не менѣе, еще одинъ изъ послѣднихъ путешественниковъ по сѣверо-восточной Сибири (Майдель, въ 1870 г.) нашелъ возможнымъ

---

1) Verhandl. der Berliner Gesellschaft für Anthropol., Ethnol. und Urgeschichte. — Zeitschr. für Ethnologie, Bd. IV, 1872, p. (98).

2) См. выше, стр. 2.

собрать образцы ихъ языка, которые академикъ Шифнеръ подвергнулъ научному изслѣдованію[1]). Вотъ, слѣдовательно, племена, медленно вымирающія вслѣдствіе своего столкновенія съ культурнымъ народомъ, и какъ въ организмѣ человѣка послѣднимъ умираетъ сердце, такъ ultimum moriens народа — его языкъ: когда замолкло его послѣднее слово, тогда и народъ вполнѣ покончилъ свое существованіе. Поэтому, относительно подобныхъ народовъ, о перемѣнѣ языка собственно не можетъ быть рѣчи: они вовсе сходятъ со сцены и уступаютъ свое мѣсто другому народу, оставляя ему въ наслѣдство лишь кое-какія характеристическія, физическія и нравственныя, черты, не принадлежащія ему въ другихъ мѣстахъ его распространенія, кое-какія слова своего языка и т. п. Говоря это, я впрочемъ вовсе не утверждаю, что вообще не бывало случаевъ, чтобы некультурный народъ, и при большомъ, повидимому, неравенствѣ физическихъ свойствъ, принялъ, хотя бы и съ нѣкоторыми искаженіями, языкъ вступившей съ нимъ въ прикосновеніе культурной націи. Возможно, напримѣръ, что это случилось съ нѣкоторыми племенами сѣверной и центральной Африки, нынѣ говорящими по-арабски[2]). Я не знакомъ съ ними ближе и потому не могу судить о нихъ, такъ какъ каждый отдѣльный фактъ подобнаго рода требуетъ особаго разсмотрѣнія. Но, какъ бы то ни было, большихъ затрудненій отъ подобныхъ случаевъ, при классификаціи народовъ на основаніи ихъ языка, опасаться нечего, такъ какъ тутъ именно, если не окажется никакихъ остатковъ прежняго языка, одновременное соображеніе физическихъ свойствъ народа и историческихъ фактовъ, тотчасъ же выведетъ этнолога на истинный путь. Въ особенности за историческими фактами, въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не станетъ, потому что перемѣна языка, какъ уже сказано, можетъ произойти лишь при столкновеніи первобытнаго народа съ культурнымъ, а гдѣ культура — тамъ и исторія.

Напротивъ того, перемѣны языка, по моему мнѣнію, не бываетъ тамъ, гдѣ находятся во взаимно-близкихъ, разнообразныхъ и, пожалуй, даже вѣковыхъ сношеніяхъ, народы, или одинаково первобытные, или стоящіе на приблизительно одинаковой степени культуры. Опытъ доказалъ, что при такихъ условіяхъ, не смотря на самое значительное взаимное смѣшеніе народовъ, сглаживающее ихъ физическіе типы, и на устанавливающееся съ теченіемъ времени сходство въ образѣ жизни, нравахъ и воззрѣніяхъ, каждый народъ съ непоколебимою стойкостью придерживается своего роднаго языка. Относительно культурныхъ народовъ, врядъ-ли кто усомнится въ этомъ; но и по отношенію къ некультурнымъ народамъ, всякій, кто имѣлъ случай наблюдать и изучать ихъ въ упомянутыхъ условіяхъ, согласится съ справедливостью такого мнѣнія. Признаюсь, напримѣръ, что хотя я лично зналъ, быть можетъ, большинство Гиляковъ, однако не взялся бы съ достовѣрностью отличить ихъ по одной только внѣшности отъ Ольчей: до такой степени сгладилась, безъ сомнѣнія вслѣдствіе частыхъ смѣшеній между обоими народами, разность ихъ типовъ и такъ много образовалось

---

1) Schiefner, Ueber Bar. G. v. Maydell's jukagirische Sprachproben (Bull. de l'Acad. Imp. des sc. T. XVII, p. 86). См. также выше, стр. 3.

2) Hartmann, Untersuchungen über die Völkerschaften Nord-Ost-Afrikas (Zeitschrift für Ethnologie, Bd. I, 1869, p. 30).

съ той и съ другой стороны среднихъ и переходныхъ формъ, которыя могутъ быть отнесены и къ тому, и къ другому народу. Мнѣ приходилось даже встрѣчаться съ нѣкоторыми Аинами, которыхъ я не могъ отличить отъ Гиляковъ, не смотря на то, что Аины до сихъ поръ наиболѣе сохранили своеобразную внѣшность. Но по языку, между этими народами замѣчается коренное различіе: языкъ, не смотря на смѣшеніе ихъ, и понынѣ служитъ выраженіемъ ихъ своеобразности, до сихъ поръ разграничиваетъ ихъ точно тамъ же, гдѣ находилась граница между ними въ тѣ времена, къ которымъ относятся наши древнѣйшія, хотя, правда, не особенно давнія, извѣстія о нихъ. Мало того, я замѣчалъ иногда, что лишь небольшое число представителей одного изъ этихъ народовъ постоянно жило въ предѣлахъ другого—Ольчи, напримѣръ, среди Гиляковъ, или наоборотъ—и тѣмъ не менѣе, упорно придерживалось своего языка[1]). И такъ, языкъ народа—наиболѣе постоянная и устойчивая особенность его, между тѣмъ какъ физическія свойства легко подвергаются измѣненію. Поэтому, я того мнѣнія, что извѣстный народъ, вслѣдствіе долголѣтняго смѣшенія своего съ сосѣднимъ племенемъ, можетъ измѣниться во внѣшности на столько, что приметъ многія особенно выдающіяся и, можетъ быть, особенно наслѣдственныя черты послѣдняго, и такимъ образомъ пріобрѣтетъ въ теченіе времени совершенно иной физическій типъ, но при всемъ томъ сохранитъ свой первоначальный, родной языкъ въ болѣе или менѣе неизмѣненномъ видѣ. Въ такомъ случаѣ, физическій типъ и языкъ народа будутъ, очевидно, расходиться между собою. Вотъ такимъ образомъ, я полагаю, можно объяснить себѣ, напримѣръ, тотъ фактъ, что нѣкоторые народы, по языку турко-татарскіе, каковы Якуты и Киргизы, имѣютъ монгольское строеніе лица. Дѣйствительно, Якуты, до пришествія своего въ долину Лены, жили около озера Байкала, въ непосредственномъ сосѣдствѣ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ монгольскими племенами, а именно съ Бурятами, подъ давленіемъ которыхъ и были вынуждены подвинуться на сѣверъ. Но въ новомъ отечествѣ своемъ они столкнулись съ другимъ племенемъ, родственнымъ Монголамъ и имѣющимъ подобныя же черты лица, съ Тунгусами. Частыя смѣшенія съ ними послужили новымъ источникомъ физическаго омонголенія Якутовъ[2]). Что и въ языкѣ Якутовъ осталось немало слѣдовъ близкихъ и постоянныхъ соприкосновеній ихъ съ Монголами, это было подробно доказано Бётлингомъ[3]). Еще раньше и, можетъ быть, уже потому повсемѣстнѣе омонголились Киргизы, хотя нельзя точно опредѣлить то монгольское племя, отъ котораго они главнымъ образомъ заимствовали свой нынѣшній типъ[4]). Чрезъ посредство Кир-

---

1) См. выше, стр. 16.

2) См. выше, стр. 95; также Миддендорфа, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 764, 766.

3) O. Böhtlingk, Ueber die Sprache der Jakuten, Thl. I, p. XXXVII, въ III-мъ томѣ нѣмецк. изд. Путешестія Миддендорфа; см. также русск. изд. послѣдняго, Ч. II, стр. 767.

4) Въ отзывахъ Миддендорфа о Киргизахъ встрѣчается очевидное противорѣчіе. Одинъ разъ онъ говоритъ, что они омонголились раньше и сильнѣе Якутовъ (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 766, прим. 2, и стр. 767). Слѣдовательно, по его мнѣнію, Киргизы—не монгольскаго, а турко-татарскаго происхожденія, такъ же, какъ и ихъ языкъ. Въ другой же разъ, напротивъ того (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 627; его же: Die Baraba, St. Petersb. 1870, p. 57.—Mém. de l'Acad. Imp. des sc.

гизовъ все болѣе и болѣе омонголиваются въ настоящее время и Башкиры, принадлежащіе по своему языку также къ турко-татарскому племени [1]). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, число которыхъ было бы не трудно увеличить не только вообще, но и въ частности для Сибири, происходитъ, слѣдовательно, не перемѣна языка, какъ до сихъ поръ полагали, а, по моему мнѣнію, перемѣна физическаго типа. Если языкъ при этомъ отчасти и теряетъ свою первоначальную чистоту, заимствуя нѣкоторыя слова и даже грамматическія формы изъ другого языка, то вслѣдствіе этого онъ все-таки не утрачиваетъ своей своеобразности, и всегда сохраняетъ признаки, по которымъ не трудно опредѣлить мѣсто, занимаемое имъ въ системѣ языковъ. Обратное явленіе, т. е. перемѣна языка безъ перемѣны типа, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, кажется мнѣ немыслимымъ. Дѣйствительно, если первобытный народъ при столкновеніи съ культурнымъ, какъ сказано выше, дошелъ уже до перемѣны своего языка, то, вслѣдствіе предшествовавшаго тому смѣшенія и сліянія его съ этимъ народомъ, непремѣнно долженъ былъ измѣниться и его физическій типъ. Невозможно, чтобы у народа, промѣнявшаго свой прежній языкъ на новый, вполнѣ сохранились всѣ его первобытныя физическія свойства [2]); могутъ сохраниться развѣ только нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся и наслѣдственныя черты, которыя, въ такомъ случаѣ, доставляютъ антропологу возможность правильнаго обсужденія вопроса.

Мнѣ кажется нелишнимъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ случаѣ перемѣны языка, потому именно, что онъ относится къ сибирскимъ народамъ и, повидимому, свидѣтельствуетъ на первый взглядъ противъ того, отстаиваемаго здѣсь мнѣнія, что между народами, одинаково некультурными, такой перемѣны языка не бываетъ. Кастренъ доказалъ, что нѣсколько мелкихъ народовъ верхне-енисейскаго края, а именно Арины, Ассаны, Котты, Койбалы, равно какъ и часть такъ называемыхъ Камасинцевъ, принадлежатъ къ одному племени съ Енисейскими Остяками, говорящими, какъ извѣстно, своимъ, совершенно особымъ языкомъ, но что въ настоящее время эти народы по языку отатарились, а Котты частью и обурятились [3]). Въ справедливости этихъ фактовъ, послѣ свидѣтельства Кастрена, сомнѣваться нечего, но мнѣ кажется, что они еще не опровергаютъ вышеприведеннаго мнѣнія. Весьма вѣроятно или, по крайней мѣрѣ, возможно, что эти мелкія племена, родственныя Енисейскимъ Остякамъ, по своему развитію и могуществу значительно уступали турко-

---

de St. Pétersb., VIIe Sér., T. XIV, № 9), онъ утверждаетъ, что «они, несомнѣнно, по рожденію и безъ всякой помѣси, принадлежатъ къ монгольскому племени», — мало того, даже называетъ ихъ просто Монголами и указываетъ на нихъ, какъ на замѣчательный примѣръ того, что народъ съ теченіемъ времени можетъ перемѣнить свой прежній языкъ на новый; судя по этому, слѣдовательно, они не омонголились въ физическомъ отношеніи, а отатарились по языку.

1) Middendorff, Die Baraba, l. c.

2) Тѣмъ не менѣе, такіе случаи неоднократно считались не только возможными, но даже фактически доказанными; такъ, напримѣръ, если положиться на газетное сообщеніе, еще недавно высказался въ этомъ смыслѣ проф. Л. Мейеръ въ Дерптѣ, въ годовомъ собраніи Ученаго Эстонскаго общества, 18-го января 1878 года (St. Petersburger Zeitung, 1878, № 27).

3) Al. Castrén's Reiseber. und Briefe aus den Jahren 1845 — 1849, herausgeg. von A. Schiefner, St. Petersb. 1856, p. 290, 320 — 322, 343, 360, 383, 387 u. a.; его же: Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichn. aus den genannten Sprachen, herausg. von A. Schiefner, St. Petersburg 1858, p. I — IX.

татарскимъ племенамъ и Бурятамъ, языки которыхъ они заимствовали, и что они были ими покорены и придавлены, вслѣдствіе чего численность ихъ все болѣе и болѣе уменьшалась, а уцѣлѣвшіе изъ нихъ мало по малу утрачивали свою національность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, происходило и физическое смѣшеніе. Потомъ наступило столкновеніе съ Русскими, причемъ эти племена частью обрусѣли, и слѣдовательно, еще разъ перемѣнили свой языкъ. Если и послѣ всего этого нашлось еще нѣсколько людей, знавшихъ свой прежній языкъ и, такимъ образомъ, доставившихъ Кастрену возможность подмѣтить родство этого языка съ енисейско-остяцкимъ, а для коттскаго составить даже словарь и грамматику, то мнѣ кажется, что въ этомъ можно скорѣе видѣть доказательство упорнаго отстаиванія народомъ своего языка, чѣмъ легкости, съ которою онъ отрѣшается отъ него и замѣняетъ его новымъ.

Изъ всего сказаннаго я вывожу заключеніе, что въ случаѣ, если у какого-либо народа замѣчается противорѣчіе между его физическимъ типомъ и языкомъ, то объяснять это перемѣною послѣдняго можно лишь тогда, когда для подтвержденія такого объясненія имѣются историческіе факты, или же остатки прежняго языка. Если же таковыхъ нѣтъ, то, по моему мнѣнію, всего естественнѣе и справедливѣе предполагать перемѣну физическаго типа, происшедшую вслѣдствіе смѣшенія этого народа съ другими. Однако при этомъ само собою разумѣется, что, предварительно такого объясненія, необходимо надлежащимъ образомъ провѣрить и установить самый фактъ противорѣчія типа и языка и помощью подробныхъ изслѣдованій убѣдиться, существуетъ ли въ данномъ случаѣ предполагаемое совпаденіе физическихъ типовъ двухъ разноязычныхъ народовъ на самомъ дѣлѣ, или же оно выводится лишь на основаніи поверхностнаго и отдаленнаго сходства между этими народами.

Я позволилъ себѣ эти общія замѣчанія во-первыхъ потому, что они относятся, отчасти даже непосредственно, и къ инородцамъ Амурскаго края, а во-вторыхъ и потому, что на основаніи ихъ, при разграниченіи народовъ по ихъ племенному родству или различію, слѣдуетъ обращать главнѣйшее вниманіе на языкъ, а затѣмъ уже на физическія свойства народа. Пусть, однако, не ожидаютъ отъ меня, вслѣдствіе этого взгляда, подробнаго разбора языковъ и нарѣчій инородцевъ Амурскаго края; какъ естествоиспытатель, я предоставляю это лингвистамъ и ограничусь указаніемъ на такія коренныя или діалектическія различія этихъ языковъ другъ отъ друга, которыя, при личномъ знакомствѣ съ упомянутыми народами, бросаются въ глаза даже не лингвистамъ. Впрочемъ, изъ трехъ главныхъ языковъ Амурскаго края, два, аинскій и тунгусскій, уже порядочно изучены лингвистами, послѣдній, правда, преимущественно на основаніи его сибирскихъ нарѣчій, тогда какъ изъ многочисленныхъ амурскихъ діалектовъ того же языка затронуты лишь весьма немногіе. Что касается до третьяго главнаго инородческаго языка Амурскаго края, гиляцкаго, до сихъ поръ еще совершенно неизвѣстнаго, то къ настоящему сочиненію будетъ приложенъ словарь этого языка, составленный по довольно богатымъ матеріаламъ, собраннымъ мною и, послѣ меня, Гленомъ. Подробнѣе, чѣмъ языки и нарѣчія, будутъ разсмотрѣны въ нижеслѣдующемъ всѣ до сихъ поръ имѣющіеся у насъ, хотя еще и весьма неполные и недостаточные, матеріалы относительно физическаго строенія инородцевъ Амурскаго края.

До моего путешествія въ Амурскій край, въ ученомъ мірѣ существовало мнѣніе, будто **Гиляки** — одного племени съ Аинами или Курильцами. Виновникомъ этого мнѣнія былъ Клапротъ: онъ высказывалъ его неоднократно и очень опредѣленно. Аины или Курильцы, говоритъ онъ, обитаютъ на всемъ протяженіи отъ южной оконечности Камчатки до Японіи, занимая всѣ, названные ихъ именемъ, Курильскіе острова; они же живутъ на островѣ Чока (Сахалинѣ), по всему противолежащему берегу материка и по нижнему Амуру, до впаденія въ него Уссури. На материкѣ, по его мнѣнію, они-то и суть тотъ народъ, который Маньчжуры называютъ «Хэчжень» и «Фіака» или «Фіатта», а Русскіе — «Гиляками». И такъ, прибавляетъ онъ, если принять въ соображеніе, что Тунгусы живутъ по Амуру внизъ лишь до устья Уссури, отъ морского берега же отдѣляются «материковыми Курильцами» и достигаютъ до моря лишь на устьѣ Уди, то надо признать, что этотъ край несправедливо называютъ «Тунгузіею»[1]). Слѣдовательно, Клапротъ причислялъ къ Аинамъ или Курильцамъ не только Гиляковъ, но и часть тунгусскихъ племенъ нижне-амурскаго края, а именно, по нашему нынѣшнему знакомству съ ними, Орочей, Ольчей и Гольдовъ до устья Уссури. Хотя это и находилось въ прямомъ противорѣчіи съ показаніями Лаперуза, увѣрявшаго, по крайней мѣрѣ относительно «Орочей» и «Ольчей»[2]), на основаніи собственныхъ наблюденій, что въ ихъ физическихъ чертахъ нѣтъ сходства съ Маньчжурами и тѣмъ менѣе съ жителями Оку-Ессо (Сахалина), Ессо и Курильскихъ острововъ, и что они поэтому не могутъ быть одного происхожденія съ послѣдними[3]), однако мнѣніе Клапрота должно было имѣть тѣмъ больше вѣса, что онъ ссылался при этомъ на свои собственныя лингвистическія изслѣдованія[4]). Но замѣчательно, что ни въ одномъ изъ его сочиненій нѣтъ ни единаго слова ни гиляцкаго, ни какого-либо другого языка вышеупомянутыхъ инородцевъ нижне-амурскаго края. Если же онъ зналъ бы хоть нѣсколько словъ изъ этихъ языковъ, то не явилось бы у него такой небылицы, какъ «материковые и сѣверо-сахалинскіе Курильцы». Между тѣмъ мнѣніе Клапрота было принято Бальби[5]), Ремюза[6]), Риттеромъ[7]), Фатеромъ[8]) и другими, и вслѣдствіе того распространилось повсюду[9]). Еще въ отчетахъ о моемъ путешествіи, отправленныхъ въ Академію изъ Амурскаго края, я опровергалъ это мнѣніе и положительно утверждалъ, что Гиляки и Аины, какъ по своему происхожденію и языку, такъ и по характеру и образу жизни, — два совершенно раз-

---

1) Klaproth, въ Langsdorff's Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Frankfurt a./M. Bd. I, 1812, p. 283, Anmerk. Его же: Asia polyglotta, Paris 1823, p. 288, 300, 301; Mémoires relatifs à l'Asie, Paris, T. I, 1824, p. 452, T. III, 1828, p. 53.

2) См. выше, стр. 142 — 144.

3) La Pérouse, Voyage aut. du monde, réd. par Milet-Mureau, Paris, an V (1797), T. III, p. 104, 114. См. также Plath, Die Völker der Mandschurey, Göttingen 1830, p. 51.

4) Въ Langsdorff's Bemerk. etc. l. c.

5) Balbi, Atlas Ethnographique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes d'après leurs langues, Paris 1826, IX, VIIe Tableau (des langues asiat).

6) Rémusat, Recherches etc. T. I, p. 148; см. Plath, l. c.

7) Erdkunde von Asien, Berlin, Bd. I, 1832, p. 88; Bd. III, p. 470 u. a.

8) Joh. Sev. Vater, Literatur der Grammat., Lexica und Wörtersammlung. aller Sprachen der Erde, Berlin 1847, p. 213.

9) Недавно еще Леонъ де Рони (Léon de Rosny, Congrés internat. des oriental. Paris 1874, p. 64, 173, 201) говорилъ объ «Аинахъ или Курильцахъ материковаго берега Татарскаго пролива».

личные другъ отъ друга народа, и что остальные инородцы Амурскаго края, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и вышеназванные жители морского берега и нижняго Амура, принадлежатъ къ третьему, столь же различному племени, тунгусскому[1]). Однако мнѣніе Клапрота о тождествѣ Гиляковъ и Аиновъ такъ крѣпко укоренилось, что его придерживались еще и послѣ того и соглашались съ нимъ даже такіе путешественники, которые сами бывали на Амурѣ, видая, правда, одинъ изъ этихъ народовъ лишь вскользь, а другого вовсе не видая. Въ такомъ смыслѣ высказываются, напримѣръ, еще Герстфельдъ[2]), Маакъ[3]) и даже Миддендорфъ[4]), не смотря на то, что къ послѣднему, какъ къ тогдашнему непремѣнному секретарю Академіи, я посылалъ свои отчеты. Наконецъ, то же самое мнѣніе повторяется еще и въ новѣйшихъ систематическихъ трудахъ по этнографіи[5]).

Не посчастливилось Гилякамъ и съ другой стороны. Въ 1805 году, Крузенштернъ, посѣтивъ нѣсколько большихъ деревень на сѣверномъ концѣ Сахалина, вынесъ, такъ же какъ и спутникъ его Левенштернъ, впечатлѣніе, что жители ихъ принадлежатъ къ другому племени, чѣмъ Аины, съ которыми эти путешественники познакомились въ южной части острова. Не узнавъ имени этого народа, Крузенштернъ, по наружности и одеждѣ видѣнныхъ имъ лицъ, заключилъ, что это «безспорно» должны быть Татары. Исходя, однако, отъ того мнѣнія, что весь Сахалинъ долженъ быть заселенъ Аинами, онъ полагалъ, что эти Татары перешли на островъ лишь въ видѣ колоніи съ материка, съ береговъ Амура, и частью уже вытѣснили Аиновъ изъ сѣверной части острова, а съ теченіемъ времени, можетъ быть, и окончательно истребятъ ихъ тамъ, подобно тому, какъ въ южной части Сахалина ихъ вытѣсняютъ Японцы[6]). При неопредѣленности названія «Татары», не удивительно, что Платъ высказалъ предположеніе, что эти мнимые Сахалинскіе Татары на самомъ дѣлѣ были Маньчжуры[7]). Однако, на основаніи довольно подробнаго, составленнаго Кру-

---

1) См. мои отчеты, писанные въ Николаевскомъ посту, 9/21-го ноябр. 1855 и 26-го окт. (7-го ноябр.) 1856 г., въ Bullet. de la cl. physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XIV, p. 186, 188, T. XV, p. 171; Mél. phys. et chim. T. II, p. 448, 449, 451, T. III, p. 11.

2) О прибрежн. жителяхъ Амура (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. XX, 1857, Отд. II, стр. 292). См. также Petermann's Geogr. Mittheil. Jahrg. 1860, p. 99.

3) Путеш. на Амуръ, С. Петерб. 1859, стр. 210.

4) Путеш. и пр. Ч. II, стр. 627. (Послѣдній выпускъ нѣмецкаго изданія вышелъ въ 1875, русскаго — въ 1878 г.).

5) Fr. Müller, Allgemeine Ethnographie, Wien 1873, p. 193. O. Peschel, Völkerkunde, Leipzig 1874, p. 414. Послѣдній, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, указываетъ лишь на то, что, наоборотъ, по Венюкову (Journ. of the R. Geogr. Soc. London 1872, Vol. XLII, p. 385), гиляцкій языкъ отличается, будто-бы, какъ отъ тунгусскаго, такъ и отъ курильскаго, которымъ говорятъ Аины. Хотя Венюковъ самъ и не бывалъ у Гиляковъ и потому, по отношенію къ нимъ, не можетъ считаться авторитетомъ, однако, при его знакомствѣ съ литературою Амурскаго края, показаніе его заслуживало бы бо́льшаго довѣрія. Изъ «Общей Этнографіи» Миллера показаніе, будто Гиляки и Аины «тождественны или родственны по происхожденію», перешло въ подробную статью Гельвальда объ Аинахъ (Das Ausland, 1873, p. 875).

6) Путеш. вокр. свѣта, С. Петерб. 1810, Ч. II, стр. 171, 189. Крузенштернъ предполагалъ даже, что Пекинскій дворъ ничего не знаетъ объ этомъ поселеніи своихъ подданныхъ на Сахалинѣ. Это предположеніе Крузенштерна находится, однако, въ противорѣчіи съ его же показаніемъ, будто Китайское правительство, «стараясь съ особенною ревностью удержать за собою Амуръ, содержитъ въ устьѣ его вооруженныя суда», которымъ повелѣно немедленно доносить начальству обо всемъ, тамъ случающемся (тамъ же, стр. 197). Какъ извѣстно, это предположеніе и побудило Крузенштерна отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія къ устью Амура.

7) Plath, Die Völker der Mandschurey, p. 41, Anm. 3.

зенштерномъ описанія его встрѣчи съ ними, можно положительно сказать, что это были Гиляки. Между тѣмъ одна изъ изображенныхъ въ его атласѣ головъ этихъ Гиляковъ, а именно голова предполагаемаго татарскаго начальника въ заливѣ Надежды[1]), воспроизведена въ извѣстномъ сочиненіи Глиддона о человѣческихъ расахъ даже какъ образецъ Татарскаго типа[2]).

Наконецъ, было высказано еще третье ошибочное мнѣніе относительно происхожденія Гиляковъ. Нѣкоторые русскіе путешественники, или только слышавшіе въ Забайкальскомъ краѣ о Гилякахъ, какъ напримѣръ Паршинъ[3]), или даже видѣвшіе ихъ на Амурѣ, какъ Пермикинъ[4]), Свербѣевъ[5]) и др., причисляютъ Гиляковъ, вмѣстѣ со всѣми прочими инородцами Амурскаго края, къ Тунгусамъ. Это они дѣлали не только потому, что не принимали во вниманіе, или даже вовсе не знали гиляцкаго языка, но, безъ сомнѣнія, и вслѣдствіе того, что Русскіе, какъ мы видѣли выше, часто употребляютъ названіе «Гиляки» коллективно, разумѣя подъ нимъ и тунгусскихъ сосѣдей Гиляковъ[6]). Точно такъ же и Кеннанъ ставитъ Амурскихъ Гиляковъ въ одну группу народовъ съ Тунгусами и Маньчжурами и полагаетъ, относительно всѣхъ этихъ народовъ, что они, очевидно и несомнѣнно, — китайскаго происхожденія[7]).

По своему языку, Гиляки не состоятъ ни въ какомъ родствѣ ни съ своими сосѣдями, Аинами или тунгусскими племенами, ни съ какимъ-либо изъ народовъ Сибири, сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки. Напротивъ того, подобно Камчадаламъ, Алеутамъ, Чукчамъ и Корякамъ, они стоятъ совершенно особнякомъ. Можетъ быть, лингвисты найдутъ, что гиляцкій языкъ, по своему строенію, болѣе или менѣе близко подходитъ къ тому или другому изъ сибирскихъ или восточно-азіятскихъ языковъ; но что касается до его отдѣльныхъ словъ, то они — за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя Гиляки заимствовали у своихъ сосѣдей, или, вмѣстѣ съ Аинами и Тунгусами, изъ японскаго, маньчжурскаго и китайскаго языковъ, — совершенно самостоятельны и своеобразны.

Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить прилагаемый къ настоящему труду гиляцкій словарь, матеріалы для котораго собраны мною въ теченіе двухъ лѣтъ главнымъ образомъ на материкѣ, частью же на западномъ берегу Сахалина, и, наконецъ,

---

Вѣдь называли же древніе іезуиты-миссіонеры Маньчжуровъ весьма часто также «Tartares Mantcheoux» (Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine et de la Tartarie Chinoise, Vol. IV, passim).

1) Таблицы LXXXII и LXXXIII («китайскіе Татары на Сахалинѣ»), по рисункамъ Тилезіуса. Нѣкоторыя черты въ нихъ — гиляцкія, но въ общемъ эти изображенія не передаютъ типа Гиляковъ.

2) J. G. Nott and Geo. R. Gliddon, Indigenous races of the earth, or new Chapters of Ethnological Inquiry, Philadelphia 1857, стр. 622, и фиг. 9 относящагося къ статьѣ Глиддона «Ethnographical Tableau». Эта копія болѣе подходитъ къ гиляцкому типу, нежели оригиналъ, но и на ней корень носа слишкомъ высокъ, хребетъ его слишкомъ выпуклъ и т. д.

3) Поѣздка въ Забайкальскій край, Москва 1844, Ч. II, стр. 5, 70.

4) Путев. журн. плав. по р. Амуру (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. Кн. II, С. Петерб. 1856, стр. 64).

5) Опис. плав. по р. Амуру экспед. генер.-губерн. Вост. Сибири въ 1854 г. (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. Кн. III, С. Петерб. 1857, стр. 77).

6) См. выше, стр. 106.

7) G. Kennan, Tent life in Siberia and adventures among the Koraks and other tribes in Kamtschatka and Northern Asia, London 1871, p. 219.

внутри этого острова и въ одномъ пунктѣ его восточнаго берега (въ деревнѣ Ный), а также Гленомъ, преимущественно въ сѣверной части Сахалина. Вслѣдствіе сопоставленія большого числа согласныхъ и сильнаго преобладанія носовыхъ, гортанныхъ и шипящихъ звуковъ, гиляцкій языкъ представляется уже на слухъ столь отличнымъ отъ тунгусскаго и айнскаго, на столько болѣе твердымъ и менѣе благозвучнымъ, что даже не зная его, сразу, при первой встрѣчѣ съ Гиляками, вынесешь впечатлѣніе несомнѣннаго племеннаго различія ихъ отъ Тунгусовъ и Айновъ. Поэтому, тѣмъ удивительнѣе, что Гиляковъ могли смѣшивать и даже считать тождественными съ этими племенами.

Изъ гиляцкаго словаря видно, что у Гиляковъ, не смотря на ихъ малочисленность и на небольшое протяженіе занимаемаго ими пространства, есть нѣсколько рѣзко выдѣляющихся діалектическихъ особенностей. Образованію между ними различныхъ нарѣчій должно было значительно способствовать уже то обстоятельство, что этотъ народъ граничитъ на разныхъ концахъ своей области съ племенами, говорящими на совершенно различныхъ языкахъ. Затѣмъ, въ разграниченіи этихъ нарѣчій не трудно видѣть вліяніе физическихъ условій края и установившихся, въ зависимости отъ нихъ, болѣе или менѣе близкихъ и частыхъ сношеній между жителями разныхъ его частей.

Главнымъ образомъ обособляются въ этомъ отношеніи, по своеобразности нарѣчія, материкъ и островъ. На материкѣ центромъ гиляцкаго населенія служитъ обильная рыбою рѣка Амуръ; она же — торговый путь къ Маньчжурамъ и Китайцамъ. На ней гиляцкое населеніе болѣе сгущено, чѣмъ гдѣ-либо. Къ Амуру, такъ сказать, тяготѣютъ и не столь многочисленные Гиляки материковыхъ прибрежій Охотскаго моря и Амурскаго лимана. Сколько мнѣ извѣстно, на всемъ этомъ пространствѣ существуетъ одно и то же нарѣчіе гиляцкаго языка, — то же самое, что и на Амурѣ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда для предмета есть нѣсколько выраженій, то одно изъ нихъ употребляется преимущественно на Амурѣ, а другое преимущественно на лиманѣ или Охотскомъ морѣ, и оно же обыкновенно есть единственное выраженіе, извѣстное на Сахалинѣ [1]).

Всего дальше отъ Амура и вообще отъ материка находятся восточный берегъ и внутренняя часть Сахалина, гдѣ главнымъ центромъ гиляцкаго населенія служитъ рѣка Тымы, самая значительная въ сѣверной половинѣ острова и самая обильная рыбою. Простирающіеся съ сѣвера на югъ горные хребты отдѣляютъ эту часть острова отъ его западнаго побережья. Тамъ, гдѣ она съ востока омывается моремъ, Гиляки даютъ ей особое названіе; но до сихъ поръ еще не опредѣлены съ точностью ни значеніе этого названія, ни предѣлы, въ которыхъ оно употребляется. Еще Миддендорфъ слышалъ отъ Гиляковъ на устьѣ Тугура названіе «Тро», относившееся къ Сахалину; онъ полагалъ, что это — гиляцкое названіе для Тунгусовъ [2]). Я могу положительно сказать, что оно относится не къ тамошнимъ Тунгу-

1) Такъ, напримѣръ, медвѣдь,—животное, играющее, какъ мы въ послѣдствіи увидимъ, весьма важную роль въ жизни Гиляковъ, — называется на ихъ языкѣ *котръ* и *чхыфъ*, причемъ первое слово употребляется больше на Амурѣ, а второе — на лиманѣ; на Сахалинѣ же извѣстно только послѣднее.

2) Bullet. de la classe physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. T. IV, p. 235; Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. IX, 2. Abthl., p. 618.

самъ (Орокамъ), а къ восточному берегу Сахалина: *Тро-нив(а)хъ*, по-гиляцки, означаетъ тамошнихъ Гиляковъ, *Тро-керхъ* — море, омывающее этотъ берегъ (Охотское), *Тро-мифъ* — расположенную на немъ страну. Но что, собственно говоря, означаетъ названіе «Тро»: самую ли землю, или море, — этого я не могу сказать навѣрно, полагаю однако, что — землю, въ противоположность названію *Лэрхъ* или *Лэр-мифъ*, которое, мнѣ кажется, преимущественно относится къ западному берегу Сахалина[1]). Гленъ, проѣхавшій по всему берегу «Тро», вовсе не касался этого вопроса. Точно такъ же и крайніе предѣлы той полосы земли, которую Гиляки разумѣютъ подъ названіемъ «Тро», еще подлежатъ сомнѣнію. На сколько я могъ заключить изъ показаній Гиляковъ, имя это относится до всего занятаго ими восточнаго берега Сахалина, такъ что деревня Ный, расположенная непосредственно къ сѣверу отъ устья Тымы, и въ которой я пробылъ нѣкоторое время, и прочія лежащія къ югу отъ нея гиляцкія деревни, до самой крайней изъ нихъ, Чамр-во, — все «деревни Тро». Въ этихъ-то предѣлахъ названіе «Тро» употребляется какъ въ моемъ собраніи гиляцкихъ словъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ этого труда. Гленъ, напротивъ, примѣняетъ названіе «Тро» къ гораздо меньшей части восточнаго берега Сахалина: именно онъ называетъ Кэкр-во, главный пунктъ Ороковъ, самою сѣверною изъ «деревень Тро»[2]). Что служило, въ такомъ случаѣ, основаніемъ для этого названія, я рѣшительно не знаю. Впрочемъ, какъ бы то ни было, одно несомнѣнно, а именно то, что, подобно тому, какъ Гиляки Охотскаго моря тяготѣютъ на материкѣ къ Амуру, такъ Гиляки Тро — къ рѣкѣ Тымы, главной мѣстности ихъ торговыхъ сношеній и сдѣлокъ. У сплеменниковъ своихъ на верхней Тымы они находятъ не только богатые рыбные запасы, но и многіе маньчжуро-китайскіе товары, получаемые чрезъ посредство Амурскихъ и лиманскихъ, въ томъ числѣ преимущественно Чомирскихъ, Гиляковъ. Отъ верховьевъ же Тымы ведетъ дорога по рѣкѣ Ты или Поронай къ Анпамъ залива Терпѣнія, гдѣ уже имѣются разныя японскія произведенія. Поэтому, Гиляки Тро и Тымирскіе находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою и составляютъ по своему нарѣчію точно такъ же одно цѣлое, какъ на материкѣ Гиляки приамурскіе и приморскіе. Такъ какъ первые, вмѣстѣ съ тѣмъ, живутъ въ наибольшемъ разстояніи и отчужденіи отъ послѣднихъ, то между ними образовалась самая значительная разность нарѣчій, какая вообще существуетъ въ гиляцкомъ языкѣ. Такъ, у Гиляковъ Тро и Тымирскихъ не только встрѣчаются совершенно иныя названія для нѣкоторыхъ предметовъ, но и замѣчаются часто значительныя звуковыя уклоненія въ словахъ общихъ съ материковыми Гиляками. Для примѣра, укажу на нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся уклоненія такого рода. Столь часто встрѣчающійся у континентальныхъ Гиляковъ звукъ *ч*, которымъ оканчивается неопредѣленная форма всѣхъ гла-

---

1) Въ отчетѣ о моемъ путешествіи (Bull. de la classe physico-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersbourg, T. XV, p. 171; Mél. phys. et chim. T. III, p. 11), гдѣ впервые упоминалось о Гиляхъ «Тро», я относилъ это названіе просто къ тамошнему морю.

2) Glehn, Reiseber. von der Insel Sachalin (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 195, 228).

головъ, у Гиляковъ Тро и Тымпискихъ обыкновенно замѣняется звукомъ *т*; такъ, напримѣръ, вмѣсто *пунчъ* (лукъ) послѣдніе говорятъ *пунтъ*, вмѣсто *нгальскочъ* (худой) — *нгальскотъ*, вмѣсто *мучъ* или *мунчъ* (умереть) — *мунтъ*, вмѣсто *эска(н)чъ* (не желать, не любить) — *эскантъ* и пр. Далѣе, въ нарѣчіи Тро и Тымпискомъ иные гласные и двугласные звуки большею частію, но не всегда, замѣняются другими; такъ, звукъ *ы* замѣняется звукомъ *а*, — напримѣръ, говорятъ: *тафъ* вмѣсто *тыфъ* (домъ), *патъ* вмѣсто *пытъ* (завтра), *намръ* вмѣсто *нымръ* (вчера) и т. д.; звукъ *е* замѣняется болѣе широкимъ звукомъ *э*, а иногда даже *а*, — напримѣръ, говорятъ: *йэхзунтъ* вмѣсто *ехзучъ* (не знать), *ямачъ* вмѣсто *емачъ* (знать, понимать); звукъ *ё* замѣняется звукомъ *о*, — напримѣръ, говорятъ: *мло* вмѣсто *млё* (кошелекъ съ огнивомъ и трутомъ), *ньо* вмѣсто *ньё* (кладовая), *тло* вмѣсто *тлё* (небо) и т. д. Если принять во вниманіе, что въ аинскомъ языкѣ, по Добротворскому[1]), звука *ы* вовсе не имѣется, а дебелыя гласныя *а*, *о* и широкое *э* преобладаютъ надъ тонкими *я*, *ё*, *е*, то упомянутую звуковую особенность нарѣчія Тро и Тымпискаго, сравнительно съ нарѣчіемъ континентальныхъ Гиляковъ, можно, мнѣ кажется, приписать вліянію сосѣдняго аинскаго языка. Вообще это нарѣчіе, по своимъ гласнымъ, шире и тверже континентальнаго, а по согласнымъ — благозвучнѣе послѣдняго. Наконецъ, то обстоятельство, что у Гиляковъ Тро и Тымпискихъ удареніе въ словахъ часто иное и охотно переносится, особенно въ глаголахъ, на послѣдній слогъ, придаетъ ихъ нарѣчію, сравнительно съ континентальнымъ, особый характеръ.

Совсѣмъ иное дѣло — на западномъ берегу Сахалина. Такого изолированнаго положенія по отношенію къ материку, какъ восточный берегъ и внутренняя часть острова, онъ не имѣетъ; напротивъ того, онъ обращенъ къ материку и отдѣляется отъ него лишь узкимъ рукавомъ моря, отчасти замерзающимъ зимою. Чрезъ самую узкую часть его, проливъ Мамія Ринсо, отъ мыса Лазарева къ деревнѣ Погоби, Амурскіе и лиманскіе Гиляки легко переѣзжаютъ съ материка на островъ даже въ своихъ плоскодонныхъ лодкахъ, не приспособленныхъ къ плаванію въ открытомъ морѣ, и затѣмъ спускаются вдоль берега до южной его оконечности, чтобы перепродавать свои маньчжуро-китайскіе товары Японцамъ. Зимою, Амурскіе и въ особенности Чомпискіе Гиляки, тѣмъ же путемъ переѣзжаютъ по льду, на нартахъ, запряженныхъ собаками, и посѣщаютъ съ торговою же цѣлью западный берегъ Сахалина, или верховья Тымы, или же отправляются по дорогѣ, проложенной вдоль рѣки Ты, къ Орокамъ и Айнамъ, въ заливъ Терпѣнія. Такимъ образомъ, Гиляки, живущіе по западному берегу Сахалина, къ югу отъ деревни Погоби, т. е. по Сѣверо-Японскому морю, находятся въ болѣе постоянныхъ и частыхъ сношеніяхъ со своими континентальными соплеменниками, чѣмъ съ Гиляками Тро и Тымпискими. Поэтому неудивительно, что въ ихъ языкѣ лишь мало тѣхъ особенностей, которыми отличается нарѣчіе послѣднихъ, и что онъ подходитъ больше къ нарѣчію континентальныхъ Гиляковъ. Впрочемъ, это относится, какъ я уже замѣтилъ, только къ Гилякамъ, живущимъ къ югу отъ Погоби, а не къ сѣверу отъ

---

1) М. Добротворскій, Аинско-русск. словарь, Казань 1875 (Прилож. къ Учен. Зап. Импер. Казанск. Университета 1875 г., стр. 63, 65).

этой деревни, по берегу лимана и до сѣверной оконечности Сахалина. Сношенія этихъ послѣднихъ съ материкомъ менѣе значительны, потому что они отдѣлены отъ него Амурскимъ лиманомъ [1]), болѣе широкимъ, чѣмъ проливъ Мамія Ринсо, и представляющимъ, во всякое время года, больше затрудненій для перехода. Вслѣдствіе этого, они остаются въ сторонѣ и отъ указаннаго выше торговаго пути континентальныхъ Гиляковъ. Съ этою частью Сахалина я самъ не знакомъ; но, если судить по показаніямъ нѣкоторыхъ, бывавшихъ у меня въ Николаевскомъ посту, тамошнихъ Гиляковъ (изъ деревень Нгань-во и Джонги), то они по нарѣчію нѣсколько отличаются отъ своихъ континентальныхъ соплеменниковъ, хотя далеко не въ такой степени, какъ Гиляки Тро и Тыминскіе. Вотъ тутъ-то придется, быть можетъ, отмѣтить еще третье нарѣчіе гиляцкаго языка.

Предоставляю, конечно, лингвистамъ опредѣлить, въ какомъ отношеніи гиляцкій языкъ находится къ языкамъ сосѣднихъ народовъ по своему грамматическому строю и по своеобразности словъ, а равно и на сколько указанныя выше нарѣчія его отличаются одно отъ другого, вслѣдствіе разнообразныхъ заимствованій изъ сосѣднихъ языковъ. Съ своей стороны, я позволю себѣ только обратить вниманіе на одно обстоятельство, тотчасъ же бросившееся мнѣ въ глаза, какъ естествоиспытателю, при собираніи свѣдѣній о животныхъ Амурскаго края и Сахалина, — обстоятельство, которое, мнѣ кажется, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросы о родинѣ, распространеніи и племенномъ, хотя и отдаленномъ, родствѣ Гиляковъ съ сосѣдними народами. Дѣло въ томъ, что, при всей самостоятельности гиляцкаго языка, въ немъ встрѣчается однако не мало тунгусскихъ названій животныхъ [2]). Не трудно замѣтить, что, за исключеніемъ названія одной лишь собаки, таковы именно названія всѣхъ домашнихъ животныхъ: лошади, рогатаго скота, овцы, свиньи, кошки. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, потому что это — все животныя, бывшія первоначально чуждыми Гилякамъ, и съ которыми они познакомились у живущихъ вверхъ по Амуру тунгусскихъ племенъ [3]). Къ тому же, Гиляки ихъ у себя не разводятъ, а, много-много, получаютъ чрезъ Маньчжуровъ и Китайцевъ лишь кое-какіе добываемые отъ нихъ товары, какъ, напримѣръ, овчины и пр., да и эти товары для нихъ лишь предметы роскоши [4]). Столь же понятно употребленіе Гиляками тунгусскихъ названій для такихъ дикихъ животныхъ, которыя въ ихъ собственной територіи не встрѣчаются, а извѣстны имъ только по тунгусской части Амурскаго края, каковы, напримѣръ, благородный олень или изюбрь (*Cervus elaphus*), амурскій енотъ или енотовидная собака (*Canis*

---

1) Амурскій лиманъ называется у Гиляковъ *мачъ-керхкъ* — «малымъ моремъ», въ противоположность къ *пиля-керхкъ*, т. е. великому (Охотскому) морю.

2) См. статью о млекопитающихъ Амурскаго края, въ I-мъ томѣ моего сочиненія: «Reisen und Forschungen im Amur-Lande».

3) Что Амурскіе Тунгусы, въ свою очередь, познакомились съ нѣкоторыми изъ этихъ домашнихъ животныхъ чрезъ Монголовъ, а потому заимствовали свои названія отъ этихъ послѣднихъ, это — пока безразлично и будетъ разсмотрѣно въ послѣдствіи, въ надлежащемъ мѣстѣ.

4) Изрѣдка, правда, Гиляки держатъ у себя, на цѣпи или въ клѣткѣ, домашнюю кошку (какъ это указано мною въ I томѣ «Reisen und Forsch.», на стр. 98); но это не даетъ еще права считать кошку ихъ домашнимъ животнымъ.

procyonoides) и др.[1]). Напротивъ, весьма удивительно, что у Гиляковъ встрѣчаются тунгусскія названія также для нѣкоторыхъ животныхъ, болѣе или менѣе распространенныхъ и въ гиляцкой части Амурскаго края, какъ, напримѣръ, для косули, лося, барсука[2]). Однако надо замѣтить, что все это — животныя, хотя и распространенныя на материкѣ, но которыхъ нѣтъ на Сахалинѣ, тогда какъ для животныхъ, встрѣчающихся на материкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на островѣ, Гиляки имѣютъ не тунгусскія и не аинскія, а свои, чисто гиляцкія названія. Можно было бы, для объясненія этого, предположить, что континентальные Гиляки, будучи окружены со всѣхъ сторонъ тунгусскими племенами, постепенно усвоили себѣ нѣкоторыя тунгусскія названія животныхъ. Но, въ такомъ случаѣ, они, конечно, не ограничились бы лишь тѣми животными, которыхъ нѣтъ на Сахалинѣ, а безразлично приняли бы тунгусскія названія и для другихъ животныхъ, преимущественно же для тѣхъ, которыя имъ особенно важны въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ, какъ съ тунгусскими сосѣдями, такъ и съ Маньчжурами и Китайцами, а именно для соболя, лисицы, выдры и т. п. Однако это не такъ. Поэтому, я полагаю, что упомянутый фактъ скорѣе говоритъ въ пользу того, что нѣкогда родиною Гиляковъ былъ одинъ только Сахалинъ, и что только въ послѣдствіи они перешли оттуда на близлежащую часть материка, гдѣ до того времени жили лишь одни бродячіе Тунгусы. Здѣсь, слѣдовательно, впервые познакомились они чрезъ Тунгусовъ съ тѣми животными, которыя не водятся въ ихъ отечествѣ, и удержали для нихъ тунгусскія названія, разумѣется, нѣсколько передѣлавъ послѣднія на свой ладъ. Если это справедливо, то нельзя также предполагать, что Аины, нынѣшніе южные сосѣди Гиляковъ на Сахалинѣ, первоначально жили на всемъ островѣ и уже потомъ были вытѣснены изъ сѣверной половины его перешедшими съ материка Гиляками. Напротивъ, движеніе этихъ народовъ происходило въ обратномъ направленіи, — съ юга на сѣверъ и съ острова на материкъ. Какъ уже было сказано выше, Аины, тѣснимые Японцами, двинулись изъ своей родины, Ниппона и Ессо, къ сѣверу, на Сахалинъ и Курильскіе острова, и весьма можетъ быть, что это вторженіе ихъ на Сахалинъ побудило Гиляковъ въ свою очередь перейти съ Сахалина на близлежащій материкъ, гдѣ они распространились вдоль нижняго Амура и по берегамъ Охотскаго моря[3]). Къ тому-же, относительно языка, они не имѣютъ тамъ никакихъ родственныхъ съ собою племенъ, а стоятъ совершенно особнякомъ. И такъ, если судить по языку, то Гиляки, подобно Аинамъ, — коренной народъ острововъ, составляющихъ береговую окраину восточной Азіи.

При такомъ изолированномъ, по отношенію къ языку, положеніи Гиляковъ, можно

---

1) Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ, повидимому, кабанъ, такъ какъ это животное не встрѣчается въ гиляцкой территоріи, а все-таки носитъ гиляцкое названіе, совершенно отличное отъ тунгусскаго, а именно: *аяра* или *айерда*. Можетъ быть, однако, что и это названіе также не гиляцкаго происхожденія.

2) Мнѣ кажется, что и гиляцкое названіе *цонгрскъ*, для колонка (*Mustela sibirica*), заимствовано изъ тунгусскаго языка (см. I-ый томъ моего сочиненія: «Reisen u. Forsch. etc.», стр. 37).

3) Въ преданіяхъ Сахалинскихъ Аиновъ говорится о кровавыхъ столкновеніяхъ ихъ съ Гиляками (Добротворскій, Аинско-русскій словарь. — Прилож. къ Учен. Зап. Имп. Казанск. Универс. 1875 г., стр. 33).

было бы ожидать, что они отличаются отъ своихъ сосѣдей и болѣе или менѣе замѣтными физическими особенностями. На самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ. Хотя я самъ видѣлъ столь многихъ, чуть ли даже не бо́льшую часть Гиляковъ, однако, признаюсь, — быть можетъ, по тому самому — нахожусь совершенно не въ состояніи указать на какой-либо постоянный физическій признакъ или общій физическій типъ, по которому можно было бы съ достовѣрностью узнать Гиляка и отличить его отъ остальныхъ инородцевъ Амурскаго края, — отъ любого Ольчи, Тунгуса, а иногда, пожалуй, и отъ Аина. Если у Гиляковъ, можетъ быть, и былъ прежде своеобразный, общій всѣмъ типъ, то въ настоящее время, вслѣдствіе частыхъ и продолжительныхъ смѣшеній ихъ съ сосѣдними племенами, онъ давно изгладился, и вмѣсто того явилось большое разнообразіе формъ, для ознакомленія съ которыми необходимо различать между ними нѣсколько типовъ. Разсмотримъ же теперь подробнѣе физическія свойства Гиляковъ какъ вообще, такъ и порознь.

Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности произвести надъ Гиляками измѣренія для точнаго опредѣленія ихъ средняго роста и отношеній отдѣльныхъ частей тѣла какъ между собою, такъ и къ цѣлому. Каждой попыткѣ такого рода Гиляки упорно сопротивлялись, очевидно, изъ-за боязни сдѣлаться жертвою колдовства. Сначала они не позволяли даже снимать съ себя портреты, страшась, чтобы, вмѣстѣ съ ихъ изображеніемъ, я не пріобрѣлъ власти надъ ихъ жизнью и здоровьемъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, мнѣ стоило только разорвать портретъ, чтобы лишить ихъ того и другого. То же было съ Ольчами и Гольдами. Что касается до остальныхъ инородцевъ Амурскаго края, то сношенія мои съ ними были слишкомъ кратковременны, чтобы можно было думать о подобныхъ измѣреніяхъ. Впрочемъ, у Сахалинскихъ Аиновъ Лаперузъ встрѣтилъ подобное же сопротивленіе: они допускали снимать съ себя портреты, но не позволяли дѣлать измѣреній [1]). Вотъ причина, почему я долженъ въ нижеслѣдующемъ ограничиваться лишь приблизительными показаніями о ростѣ инородцевъ Амурскаго края и объ относительной величинѣ у нихъ отдѣльныхъ частей тѣла.

Гиляки вообще — средняго, часто даже малаго роста; выше средняго — попадаются они рѣдко, собственно же людей большо́го роста мнѣ никогда не случалось встрѣчать между ними. При этомъ они — коренастаго, крѣпкаго тѣлосложенія, болѣе крѣпкаго, чѣмъ тѣлосложеніе ихъ сосѣдей, тунгусскихъ племенъ и Аиновъ [2]). Голова кажется относительно

---

1) Voyage aut. du monde, T. III, p. 40. Лаперузъ былъ также того мнѣнія, что Аинны считаютъ измѣреніе за колдовство. Онъ основывалъ это мнѣніе на томъ, что въ Китаѣ и Татаріи встрѣчается, будто-бы, подобная форма колдовства, вслѣдствіе чего, говоритъ онъ, нѣкоторые миссіонеры были даже привлечены къ суду, какъ колдуны, за то, что при крещеніи налагали руки на головы дѣтей. Однако мнѣ кажется, что нѣтъ надобности боязнь Амурскихъ инородцевъ быть такимъ образомъ заколдованными производить изъ Китая: она болѣе или менѣе свойственна всѣмъ полудикимъ народамъ. Укажу для примѣра на народы, живущіе возможно дальше отъ Амура: такъ, Дюшалью наткнулся на совершенно такую же боязнь у племенъ Ашанго и Обонго въ экваторіальной Африкѣ (Petermann, Ueber Zwergvölker in Afrika. — Geogr. Mittheil. 1871, p. 153).

2) Это замѣтилъ еще Мамія Ринсо о народѣ Смеренкуръ на Сахалинѣ, въ сравненіи съ жителями Крафто (Аинами). См. его: «Tô-tats ki ko» (Siebold, Nippon, VII, p. 194).

большою: если бы опредѣлять ростъ по ея величинѣ, то онъ вышелъ бы слишкомъ высокъ. Шея обыкновенно коротка, плечи довольно широки, грудная клѣтка объемиста; туловище, сравнительно съ конечностями, по крайней мѣрѣ нижними, длинно, или, наоборотъ, конечности сравнительно съ туловищемъ коротки; руки и ноги поразительно малы — черта, общая у нихъ съ ихъ сосѣдями, Айнами и Тунгусами[1]). Малая величина ноги еще больше бросается въ глаза вслѣдствіе китайскаго покроя башмака, съ высокимъ подъёмомъ и загнутымъ кверху носкомъ. Все тѣло жилисто-мускулисто, худощаво, безъ жировой подкладки; тучные попадаются между ними столь же рѣдко, какъ и высокіе.

Имѣя подъ руками полный скелетъ Гиляка — первый и единственный, привезенный до сихъ поръ въ Европу — я могу сообщить нѣкоторыя подробности какъ объ общемъ строеніи, такъ и объ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ его, ихъ размѣрахъ, отношеніяхъ и т. д. Само собою разумѣется, что описаніе, сдѣланное по одному скелету, не можетъ быть непосредственно примѣнено ко всему народу, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ встрѣчаются и индивидуальныя особенности. Нашъ скелетъ принадлежалъ Гиляку изъ деревни Алофъ на Амурѣ, умершему въ 1866 г. въ Николаевскомъ госпиталѣ. Онъ доставленъ Музею Академіи тогдашнимъ военно-медицинскимъ инспекторомъ въ Николаевскѣ, докторомъ Пфейферомъ. Судя по черепу, этотъ Гилякъ имѣлъ отъ роду отъ 30—55 лѣтъ. Не смотря на крѣпкій, массивный черепъ, всѣ кости скелета тонкаго сложенія, причемъ, однако, на нихъ повсюду весьма ясно и рѣзко выступаютъ небольшія неровности, грани и гребешки — мѣста прикрѣпленія мышцъ. Подобная особенность была замѣчена и на скелетѣ Айновъ[2]), равно какъ и многихъ другихъ необразованныхъ и низшихъ расъ[3]), и, очевидно, указываетъ на сильное развитіе мускулатуры.

Въ позвоночномъ столбѣ имѣется нормальное число шейныхъ, грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ. На первомъ шейномъ позвонкѣ, или атлантѣ, задняя дуга толста и высока, выше передней, съ двойнымъ, значительнымъ, въ особенности съ лѣвой стороны, бугоркомъ. Отверстіе позвонка (apertura spinalis) въ задней части овально, не треугольно. Передняя ножка поперечнаго отростка гораздо толще задней. Желобокъ на верхней сторонѣ позвонка (incisura vertebralis) на одной сторонѣ, вслѣдствіе прикрытія его сверху тонкимъ, впрочемъ не совсѣмъ полнымъ, костянымъ мостикомъ, превратился въ каналъ. Эту особенность, встрѣчающуюся и у Европейцевъ, Анучинъ замѣтилъ также на своихъ двухъ айнскихъ скелетахъ, и притомъ съ обѣихъ сторонъ[4]); на нашемъ гиляцкомъ скелетѣ она ограничивается одною лѣвою стороною. На второмъ шейномъ

---

1) По Миддендорфу (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 639), маленькая нога служитъ болѣе общею типичною чертою всѣхъ Сибирскихъ инородцевъ, въ особенности же Самоѣдовъ и Тунгусовъ, чѣмъ различная форма головы.

2) Анучинъ, Матер. для антропол. восточн. Азіи. I. Племя Айновъ (Извѣст. Имп. Общ. любит. Естествозн., Антроп. и Этногр. Т. XX. Труды Антроп. Отд. Кн. 2, Москва 1876, стр. 142).

3) Такъ, напримѣръ, у Негритовъ (по Вирхову), у Кафровъ и Готентотовъ (по Фричу); см. Анучина, тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 143.

позвонкѣ — остистый отростокъ незначительной длины, но сравнительно широкій и толстый; снизу онъ крышеобразно расщепленъ. На слѣдующихъ шейныхъ позвонкахъ, до 5-го включительно, остистые отростки также не особенно длинны, но толсты и на концѣ имѣютъ болѣе или менѣе явственное раздвоеніе; на шестомъ позвонкѣ этотъ отростокъ особенно коротокъ и нераздвоенъ; на 7-мъ, напротивъ, опять значительно толстъ. Таковы же остистые отростки и на грудныхъ позвонкахъ; на 3-мъ до 7-го они, кромѣ того, на концѣ значительно удлиненны книзу. Наконецъ, и на поясничныхъ позвонкахъ они также не особенной длины, но, въ вертикальномъ направленіи, сравнительно значительной ширины.

Крестецъ имѣетъ на видъ 6 позвонковъ, такъ какъ первый суставъ хвостцовой кости совершенно сросся съ пятымъ крестцовымъ позвонкомъ, вслѣдствіе чего спереди и сзади образуется по 5-ти отверстій (foramina sacralia). Онъ мало изогнутъ; задняя сторона его очень неровна. Остистые отростки его (processus spinosi spurii), исключая самаго верхняго, всѣ слились между собою въ высокій, крѣпкій, утолщающійся книзу гребень, переходящій на 4-мъ позвонкѣ надъ крестцовою щелью въ толстую, круглую, пуговицеобразную припухлость. Равно и суставные отростки крестца (proc. obliqui spurii) увеличиваются книзу и оканчиваются толстыми, валикообразными крестцовыми рожками, къ которымъ обращенные вверхъ хвостцовые рожки перваго (сросшагося съ крестцомъ) сустава такъ близко подходятъ, что между ними остается лишь небольшая щель. Наконецъ, также слившіеся между собою поперечные отростки (proc. transversi spurii) образуютъ неровные, валикообразные края крестца. Остальныя части хвостцовой кости не сохранились на нашемъ скелетѣ.

Грудная кость на передней сторонѣ очень шероховата, въ особенности ея сравнительно-короткая рукоятка (manubrium). Мечевидный отростокъ (proc. xiphoides) не сохранился. Число реберъ—нормальное, 12 паръ. На всѣхъ ребрахъ ясно обозначаются углы (anguli); начиная съ пятаго ребра, они часто удлиняются въ маленькіе зубчики, а снаружи снабжены шероховатою припухлостью.

Ключица — порядочной толщины и на лопаточномъ концѣ снабжена значительною неровностью, въ видѣ бугорка. Лопатка на нижнемъ концѣ необыкновенно-широко растянута, на подобіе загнутой впередъ пластины, вслѣдствіе чего наружный край ея (margo anterior) образуетъ вогнутую линію. Лопаточная ость толста; ея задній край широкъ и удлиняется книзу. Плечевой отростокъ широкъ и значителенъ. Полулунная вырѣзка узка и глубока[1]). Въ ямкахъ подлопаточной (fossa subscapularis) и подостной (fossa infraspinata), какъ на поверхности, такъ въ особенности по краямъ, ясно обозначаются мелкія грани и другія неровности, служащія для прикрѣпленія мышцъ.

Плечевая кость, сравнительно съ своею длиною, довольно толста; головка ея велика; бугорки, большій и меньшій, значительны; спускающіяся отъ нихъ выпуклыя линіи, равно

---

1) На аинскихъ скелетахъ, изслѣдованныхъ Анучинымъ (тамъ же, стр. 144), она была, напротивъ, широка и мелка.

какъ и шероховатости плечевой кости, очень развиты. Кости предплечія, локтевая и лучевая, также, сравнительно съ длиною, довольно толсты; шероховатые бугорки на нихъ (tuberositates ulnae et radii) значительно развиты. Кости пясти на тыльной поверхности, въ особенности въ своей начальной части, очень шероховаты, а на ладонной, за исключеніемъ большого пальца, имѣютъ острую грань. На пальцахъ, самая длинная первая фаланга замѣчается на среднемъ пальцѣ; за нимъ въ отношеніи длины слѣдуетъ первая фаланга четвертаго пальца, а затѣмъ уже — указательнаго. Такова же относительная величина и вторыхъ фалангъ.

Подвздошныя кости въ серединѣ очень тонки, по краямъ же толсты и имѣютъ значительный гребешокъ, на которомъ явственно выражены края (labia) и ости. Внутренняя полукружная линія (linea arcuata interna) ясно обозначена, особенно около подвздошно-лоннаго бугра; мѣстами на ней находятся мелкіе, острые бугорки. Нисходящія вѣтви лобковой кости очень тонки. Запирательная дыра — значительной величины, овальной формы; въ верхней части она нѣсколько расширяется, а книзу съуживается.

Бедренная кость не представляетъ въ поперечномъ разрѣзѣ, на половинѣ своей длины, той формы, какая замѣчена была Анучинымъ на айнскихъ скелетахъ[1]). Разрѣзъ этотъ имѣетъ приблизительно видъ треугольника, съ нѣсколько-выпуклою передней и почти прямыми боковыми сторонами. При этомъ кость правой стороны, въ срединѣ,— той же ширины, что и толщины, а на лѣвой толщина больше ширины. Шероховатая линія на бедренной кости обозначается весьма явственно, причемъ внѣшній ея край (labium externum) имѣетъ видъ острой грани, а внутренній только шероховатъ. На большой берцовой кости перименральный показатель или index (т. е. отношеніе наименьшей окружности къ длинѣ кости) еще больше замѣченнаго Анучинымъ въ айнскихъ скелетахъ, а именно 0,233[2]). При этомъ грани ея остры, а косо-спускающаяся на ея задней сторонѣ linea poplitea сильно шероховато-возвышена. Малая берцовая кость также снабжена острыми гранями; въ мѣстахъ прикрѣпленія мышцъ она шероховата, а внутри имѣетъ отчасти форму желобка. На пяточной кости (calcaneus) задній бугорокъ, составляющій нижній край значительной шероховатости (tuberositas calcanei), очень великъ; собственно даже тутъ два бугра, раздѣленныхъ маленькимъ углубленіемъ: наружный, шероховатый, но округленный, и внутренній, съ передней острою гранью. Плюсневая кость большого пальца отличается особенно крупною головкою, а второго пальца — самая длинная; вообще второй палецъ длиннѣе всѣхъ остальныхъ. Бугорокъ на основаніи плюсневой кости 5-го пальца значительно великъ.

Переходя къ измѣреніямъ гиляцкаго скелета и его отдѣльныхъ частей, я долженъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ нижеслѣдующихъ цифръ, какъ, напримѣръ, означающія длину всего скелета, длину позвоночнаго столба и нѣкоторые размѣры таза, могутъ имѣть лишь приблизительное значеніе, такъ какъ межпозвоночные кружки и хрящи лоннаго сращенія,

---

1) Тамъ же, стр. 149, фиг. 7.

2) Въ айнскихъ скелетахъ, по Анучину (тамъ же, стр. 151), онъ составляетъ 0,206 — 0,196.

при постановкѣ скелета, замѣнены вставками изъ кожи. Однако мнѣ кажется, что этимъ вставкамъ, по возможности, дана надлежащая толщина, такъ что зависящая отъ нихъ погрѣшность при измѣреніяхъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть значительна [1]).

Цифры измѣреній гиляцкаго скелета и его отдѣльныхъ частей.

Длина всего скелета, отъ головы до подошвы	1535	мм.
» позвопочнаго столба, отъ атланта до мыса (promontorium)	551	»
» его отдѣльныхъ частей, измѣренная по изгибу на ихъ внутренней сторонѣ:		
» шейныхъ позвонковъ	117	»
» грудныхъ позвонковъ	277	»
» поясничныхъ позвонковъ	176	»
» крестца, отъ мыса, вмѣстѣ съ сросшимся съ нимъ первымъ суставомъ хвостцовой кости	114	»
Та же длина, измѣренная по изгибу на внутренней сторонѣ	129	»
Верхняя ширина крестца	104	»
Длина грудной кости, безъ мечевиднаго отростка	136	»
» рукоятки грудной кости	42	»
» тѣла грудной кости	94	»
» ключицы	133	» [2])
» внутренняго края лопатки (basis scapulae)	160	»
» наружнаго края лопатки	134	»
» верхняго ея края, до начала клювовиднаго отростка	55	»
» плечевого или акроміальнаго отростка	53	»
» верхней конечности (плеча + предплечія + кисти)	729	»
» плечевой кости, по средней линіи	301	»
Окружность головки плечевой кости	138	»
» діафиза, ниже головки, около foramen nutritium	76	»
» плечевой кости на половинѣ ея длины	69	»
Наименьшая ея окружность	65	»
Длина локтевой кости, по средней линіи	252	»
» лучевой кости	230	»
» кисти, до конца средняго пальца	176	»
» запястья	30	»

1) Длина и ширина костей тамъ, гдѣ не сдѣлано въ нижеслѣдующей таблицѣ никакой оговорки, опредѣлены прямолинейнымъ измѣреніемъ.

2) Эта величина опредѣлена лишь приблизительно, такъ какъ обѣ ключицы на одномъ концѣ повреждены.

Длина пясти	60 мм.
» средняго пальца	86 »
Ширина таза между внутренними краями гребешковъ подвздошныхъ костей	247 »
» » » передними верхними остями подвздошныхъ костей	236 »
Разстояніе отъ передней верхней ости подвздошной кости до средины верхняго края лоннаго сращенія	141 »
» отъ передней верхней ости до подвздошно-лоннаго бугра	88 »
» отъ подвздошно-лоннаго бугра до средины лоннаго сращенія	66 »
Прямой діаметръ, отъ мыса къ верхнему краю лоннаго сращенія (Diameter conjugata)	103 »
Поперечный діаметръ, между внутренними полукружными линіями подвздошныхъ костей (Diameter transversa)	118 »
Косой діаметръ, между подвздошно-лоннымъ бугромъ и крестцово-подвздошнымъ сочлененіемъ другой стороны (Diam. obliqua)	117 »
Прямой діаметръ отъ линіи сращенія 2-го и 3-го крестцовыхъ позвонковъ къ срединѣ задней поверхности лоннаго сращенія	100 »
Поперечный діаметръ между остями сѣдалищныхъ костей [1])	85 »
» » » сѣдалищными буграми	86 »
Длина нижней конечности (бедра + голени + высоты стопы)	759 »
» бедренной кости, начиная отъ большого вертела	383 »
Окружность головки бедренной кости	148 »
» ея шейки	97 »
» бедренной кости, на половинѣ ея длины	89 » [2])
Длина надколѣнной кости или чашечки (patella)	45 »
Ея ширина	47 »
» наибольшая толщина	20 »
Длина большой берцовой кости, по средней линіи	313 »
Ея окружность на половинѣ длины	80 »
» наименьшая окружность	73 »
Длина малой берцовой кости по средней линіи	326 »
Ея окружность на половинѣ длины	36 »
» наименьшая окружность	35 »
Длина стопы отъ бугра пяточной кости до конца 2-го (самаго длиннаго) пальца	215 »
» пятки	101 »

---

1) Концы этихъ остей (spinae ischii) обломаны, такъ что показанная цифра, вѣроятно, немного, миллиметра на два, больше истинной.

2) Это — вмѣстѣ и наименьшая окружность бедренной кости. Тутъ бедренная кость правой стороны — той же толщины, что и ширины, а именно по 28 мм.; кость же лѣвой стороны имѣетъ толщину въ 29 мм., а ширину въ 27 (см. выше, стр. 225).

Длина плюсны	68 мм.
» второго пальца	52 »
Высота стопы	63 »
» пяточной кости около бугра	45 »

Судя по этимъ цифрамъ, нашъ Гилякъ былъ малаго роста, меньше пяти футовъ, тогда какъ голова его, какъ мы увидимъ изъ нижеприведенныхъ измѣреній черепа, была сравнительно велика Хотя, какъ уже сказано, по цифрамъ, опредѣленнымъ по одному только скелету, нельзя еще судить о строеніи всего народа, однако я позволю себѣ замѣтить, что относительныя величины конечностей и ихъ отдѣльныхъ частей на нашемъ гиляцкомъ скелетѣ весьма близко и всего ближе подходятъ къ тѣмъ, которыя Анучинъ опредѣлилъ по скелетамъ двухъ Сахалинскихъ Аиновъ (мужчины и женщины). Какъ у нихъ, такъ и въ нашемъ гиляцкомъ скелетѣ, верхнія конечности сравнительно длинны, нижнія коротки, что̀ главнымъ образомъ обусловливается сравнительно большою длиною лучевой кости и, напротивъ, малою длиною бедренной, а также, хотя въ меньшей степени, большой берцовой кости. Въ подтвержденіе этого, сопоставлю здѣсь величины, найденныя мною на гиляцкомъ и Анучинымъ на аинскихъ скелетахъ. Выраженная въ процентахъ всего роста, длина отдѣльныхъ костей конечностей слѣдующая:

		Плечевая кость.	Лучевая кость.	Бедренная кость.	Большая берцовая кость.
у Гиляка		19,6	15,0	25,0	20,4
» Аиновъ	мужч.	19,4	14,6	26,5	21,2
	женщ.	19,1	15,1	24,2	20,3 [1])

Если положить длину нижнихъ конечностей (бедренной кости + большой берцовой) = 100, то длина верхнихъ (плечевой кости + лучевой) составитъ:

у Гиляка		76,3
» Аиновъ	мужч.	71,3
	женщ.	77,7 [2])

Относительно къ длинѣ плечевой кости (положивъ ее = 100), длина лучевой кости:

у Гиляка		76,4
» Аиновъ	мужч.	75,5
	женщ.	80,7 [3])

1) Для сравненія, Анучинъ (тамъ же, стр. 145), между прочимъ, приводитъ, что, по измѣреніямъ, произведеннымъ Гёмфри (Humphry, Treat. of the hum. skel. Cambr. 1858, p. 106) надъ 25-ю скелетами Европейцевъ, средняя процентная величина этихъ костей была слѣдующая: плечевой кости — 19,5, лучевой — 14,1, бедренной — 27,5, большой берцовой — 21,1.

2) У Европейцевъ (по Гёмфри, см. Анучина) — 67, 8.

3) У Европейцевъ (по Гёмфри) — 74, 8.

Однако само собою разумѣется, что болѣе общихъ заключеній изъ этихъ единичныхъ данныхъ выводить нельзя.

Цвѣтъ кожи у Гиляковъ всегда болѣе или менѣе желтоватый, часто довольно темный, желтовато-бурый. У мужчинъ и стариковъ я нашелъ его болѣе темнымъ, чѣмъ у женщинъ и дѣтей; дѣти и взрослыя дѣвушки тѣломъ довольно бѣлы и часто даже краснощеки. Впрочемъ, обыкновенно бываетъ весьма трудно судить о цвѣтѣ кожи Гиляковъ, равно какъ и другихъ народовъ, живущихъ въ такихъ же, какъ они, условіяхъ, потому что, при ихъ чрезвычайной нечистоплотности, доходящей до отвращенія къ мытью, не знаешь, на сколько смуглый, иногда даже почти чернова̀тый цвѣтъ кожи зависитъ отъ накопившейся на ихъ лицахъ грязи[1]). Послѣднему способствуетъ не мало и то обстоятельство, что они много вращаются въ дыму: зимою, на Сахалинѣ, въ дымной атмосферѣ полуземляныхъ юртъ, еще преимущественно употребительныхъ на островѣ, а лѣтомъ въ дыму, разводимомъ противъ докучливыхъ комаровъ. Разъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ рѣдкой сцены: Гилячка совершала нелегкую операцію омовенія лица надъ своимъ пяти- или шести-лѣтнимъ сыномъ; пользуясь лишь набранною себѣ въ ротъ водою, она тщательно терла ладонью вверхъ и внизъ лицо изо всѣхъ силъ сопротивлявшагося и во все горло оравшаго мальчишки. Въ результатѣ все-таки вышло, что прежній черноватый цвѣтъ его лица, по крайней мѣрѣ мѣстами, замѣнился довольно бѣлымъ и, можетъ быть, вслѣдствіе сильнаго тренія и афекта, даже нѣсколько красноватымъ цвѣтомъ.

Относительно волосъ, Гиляки занимаютъ, нѣкоторымъ образомъ, среднее мѣсто между тунгусскими, монгольскими и другими сибирскими инородцами съ одной стороны, и Аинами съ другой, причемъ, однако, къ первымъ подходятъ гораздо ближе, чѣмъ ко вторымъ: у нихъ вообще больше волосъ, чѣмъ у первыхъ, но значительно меньше, чѣмъ у послѣднихъ. Это справедливо какъ относительно головныхъ волосъ, такъ въ особенности и бороды. Ростъ головныхъ волосъ, которые также бываютъ порядочной длины и густоты у тунгусскихъ, монгольскихъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ, у Гиляковъ развѣ немногимъ только значительнѣе, но далеко не достигаетъ того обилія, какъ у Аиновъ. По отношенію волосъ на лицѣ, разность больше: у Гиляковъ ростъ волосъ около рта, на подбородкѣ и по щекамъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у Тунгусовъ и Монголовъ, нерѣдко совсѣмъ безбородыхъ. Тѣмъ не менѣе, борода у нихъ все-таки очень рѣдка, коротка, съ жесткимъ и прямымъ волосомъ, и никогда не можетъ сколько-нибудь сравниться съ длинною и густою бородою Аиновъ, или же съ столь же длинною и густою, но притомъ нерѣдко мягкою и вьющеюся бородою Европейцевъ. Красивой, по нашимъ понятіямъ, бороды у Гиляковъ никогда не бываетъ. Обыкновенно ростъ волосъ у нихъ всего слабѣе около самаго рта.

---

1) Если бы даже гиляцкія женщины были вообще чистоплотнѣе мужчинъ — въ чемъ я еще сомнѣваюсь — то и тогда надо было бы предположить, что онѣ въ полстолѣтія сильно измѣнились, если вѣрить показанію Мамія Ринсо, что у нихъ «кожа, вслѣдствіе ежедневнаго мытья лица,—необыкновенной нѣжности и красоты» (Tô-tats ki ko. — Siebold, Nippon, VII, p. 191).

Миддендорфъ говоритъ, что у одного Гиляка съ береговъ Охотскаго моря онъ видѣлъ бороду и усы въ $1^1/_2$ дюйма длины; у Амурскихъ и Сахалинскихъ Гиляковъ мнѣ нерѣдко случалось видѣть бороды и болѣе длинныя, но всегда онѣ страдали вышеупомянутыми недостатками. Впрочемъ, по отношенію именно къ бородѣ, между Гиляками встрѣчаются немаловажныя разности, совпадающія съ различными типами у нихъ лица, о которыхъ будетъ говориться ниже. Вообще волосы Гиляковъ гладки, жестки и совершенно черны. Бѣлокурые или рыжіе мнѣ не попадались. Къ тому же, цвѣтъ волосъ обыкновенно сохраняется у нихъ до глубокой старости, хотя мнѣ и приходилось иногда встрѣчать между ними сѣдыхъ, даже совершенно бѣловолосыхъ старцевъ.

Въ чертахъ лица Гиляковъ выражается вообще такъ называемый монгольскій типъ: круглое, плоское лицо, низкій лобъ, выдающіяся скулы, косой разрѣзъ глазъ, короткій, немясистый носъ и, ко всему этому, вышеупомянутые рѣдкая борода и желтоватый цвѣтъ кожи. Надо, однако, тотчасъ же оговориться, что этотъ типъ у нихъ отнюдь не чистый, и что, напротивъ, какъ въ отдѣльныхъ чертахъ ихъ лица, такъ и въ общемъ складѣ его, встрѣчаются столь частыя и значительныя уклоненія, что для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о строеніи лица у Гиляковъ, необходимо различать между ними нѣсколько типовъ. На мой взглядъ, между ними выдѣляются въ этомъ отношеніи — если не принимать во вниманіе индивидуальныхъ особенностей — три ясно различающіеся типа: два, нѣкоторымъ образомъ, крайніе, однако нисколько не ограничивающіеся отдѣльными, исключительными случаями, а повторяющіеся довольно часто, и потому справедливо могущіе считаться типами, третій же — средній между ними. Въ первыхъ двухъ выражается весьма замѣтная близость, съ одной стороны, къ Айнамъ, а съ другой, къ Тунгусамъ, т. е. къ двумъ сосѣднимъ съ Гиляками племенамъ. Поэтому ихъ можно назвать айнско-гиляцкимъ и тунгусско-гиляцкимъ типами. Третій типъ, который я назову среднимъ или собственно гиляцкимъ, есть ничто иное, какъ уже намѣченный выше монгольскій типъ, но, сравнительно съ чисто-монгольскими народами, значительно смягченный и измѣненный примѣсью айнскихъ оттѣнковъ, чуждыхъ послѣднимъ. Представителями этихъ трехъ типовъ могутъ служить исполненныя по фотографіямъ и прилагаемыя здѣсь изображенія Гиляковъ (фиг. 1—3, на табл. II)[1].

---

1) Изображенія мужской и женской головъ Гиляковъ, представленныя Маакомъ (въ Атласѣ къ его Путеш. на Амуръ, табл. XVII, фиг. 14 и 15), не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ сдѣланы не по фотографіямъ, а по рисункамъ покойнаго художника Е. Мейера; впрочемъ, они литографированы безъ его вѣдома, въ Парижѣ. То же самое надо сказать и о всѣхъ остальныхъ изображеніяхъ физіономій Амурскихъ инородцевъ на упомянутой таблицѣ. Чья бы тутъ ни была вина, но всѣ они болѣе или менѣе искажены, и не даютъ вѣрнаго понятія о чертахъ лица у этихъ инородцевъ. Поэтому я не буду впредь обращать на нихъ вниманіе. Точно такъ же составлены не по фотографіямъ, и слѣдовательно, въ физіономическомъ отношеніи безполезны, изображенія въ роскошно-изданномъ сочиненіи Паули (Pauly, Description ethnographique des peuples de la Russie, St. Petersb. 1862). Въ немъ, изъ инородцевъ Амурскаго края, изображены Гиляки, мужчина и женщина, Аинъ съ Курильскихъ острововъ и Пегидалецъ (подъ ошибочнымъ названіемъ: «Nendale», по-русски «Пендалецъ»). Эти изображенія (во весь ростъ), много-много, даютъ понятіе

Въ лицахъ аинско-гиляцкаго типа монгольскія черты почти совершенно исчезаютъ: лицо, въ этомъ случаѣ, не кругло, а продолговато или овально, лобъ не имѣетъ ската назадъ, скулы не выдаются особенно замѣтнымъ образомъ; корень носа, подобно и всему носу, довольно возвышенъ; глаза поставлены почти прямо, а иногда даже и совсѣмъ прямо; брови рѣзко обозначены, борода довольно большая. Такія лица можно, пожалуй, принять за кавказскія, и Миддендорфъ, видѣвшій ихъ у Гиляковъ Тугурскаго залива, такъ ихъ и называетъ, объясняя ихъ значительною помѣсью тамошнихъ инородцевъ съ Русскими въ XVII столѣтіи, во время занятія послѣдними нижне-амурскаго края[1]). Такъ какъ Тугурскій заливъ есть крайняя и самая близкая къ русскимъ владѣніямъ граница Гиляковъ, то подобное предположеніе, конечно, могло явиться. Но мнѣ приходилось встрѣчать Гиляковъ такого же повидимому почти кавказскаго типа лица повсюду и въ остальныхъ частяхъ заселеннаго ими края, по Амуру и на Сахалинѣ, — въ мѣстахъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о смѣшеніи съ Русскими. Поэтому, съ своей стороны, я обращу вниманіе напротивъ на тотъ фактъ, что у Аиновъ, пограничныхъ съ Сахалинскими Гиляками къ югу, въ чертахъ лица, по большей части, такъ мало монгольскаго и такъ много сходства съ кавказскими народами[2]), что, какъ мы увидимъ далѣе, многіе путешественники дѣйствительно принимали ихъ за народъ кавказскаго племени. Къ тому же, Гиляки находились съ Аинами не въ кратковременномъ или случайномъ, а въ постоянномъ соприкосновеніи въ теченіи многихъ столѣтій. И это справедливо не только относительно Гиляковъ Сахалинскихъ, которые, уже какъ сосѣди Аиновъ, жили съ ними въ непрерывныхъ, то мирныхъ, то враждебныхъ сношеніяхъ, но и относительно Гиляковъ материковыхъ, которые еще въ настоящее время совершаютъ свои стародавнія, обычныя торговыя поѣздки къ Аинамъ, нерѣдко зимуютъ у нихъ и даже остаются тутъ нѣсколько лѣтъ, а въ числѣ закупленнаго у Аиновъ товара часто привозятъ съ собою аинскихъ женщинъ, или для вступленія съ ними въ бракъ, или же, какъ мы увидимъ ниже, въ качествѣ рабынь. Я самъ зналъ Гиляковъ, родившихся отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ; такъ, напримѣръ, мать богатаго и именитаго Гиляка Юдина, въ деревнѣ Тебахъ на Амурѣ, была Аинка. И такъ, мнѣ кажется, что вышеупомянутый типъ лица у Гиляковъ справедливо можно объяснить себѣ ихъ долголѣтнимъ и значительнымъ смѣшеніемъ съ ихъ южными сосѣдями, Аинами.

Наибольшую противуположность аинско-гиляцкому типу представляетъ типъ тунгусско-гиляцкій, превосходнымъ представителемъ котораго можетъ служить Гилякъ, изображенный на фиг. 2. Его трудно отличить отъ Тунгуса. Монгольскія черты лица, свойственныя этому послѣднему племени, вполнѣ выказываются и здѣсь: лицо кругловато, лобъ узокъ и покатистъ назадъ; скулы сильно выдаются, и тутъ-то, между ними, находится наи-

---

о костюмѣ названныхъ народовъ, хотя и въ этомъ отношеніи не совсѣмъ исправны.

1) Путеш. и пр. Ч. II, стр. 630. Между тамошними Гиляками, говоритъ Миддендорфъ, встрѣчались «такія лица, которыхъ въ европейской одеждѣ нельзя бы было отличить отъ Европейцевъ».

2) См., между прочимъ, прилагаемую здѣсь табл. IV, рѣчь о которой еще будетъ впереди.

большая ширина лица; глаза имѣютъ видъ узкой, косой щели, вслѣдствіе опускающейся у внутренняго угла складки верхняго вѣка; брови едва замѣтны; корень носа вдавленъ и почти совсѣмъ плосокъ, хребетъ его чуть выдается; самый носъ широкъ и немясистъ; все лицо безъ волосъ. Само собою разумѣется, что этотъ типъ между Гиляками не всегда такъ явственно выраженъ, какъ на фиг. 2; тѣмъ не менѣе, лица съ несомнѣнно тунгусско-монгольскими чертами встрѣчаются довольно часто во всѣхъ частяхъ гиляцкаго края. Это объясняется весьма просто тѣмъ фактомъ, что Гиляки, за исключеніемъ морского берега и своей пограничной черты съ Айнами, повсюду окружены тунгусскими племенами, и смѣшанные браки между обоими племенами — вещь самая обыкновенная. Укажу два-три примѣра изъ лично мнѣ извѣстныхъ случаевъ такого рода. Гилякъ Позвейнъ — мимоходомъ замѣчу, единственный изъ своего племени, знавшій уже въ мою бытность на Амурѣ русскій языкъ на столько, чтобы съ грѣхомъ пополамъ служить толмачемъ[1]), — родился отъ смѣшаннаго брака: отецъ его былъ Тунгусъ Удского края, покинувшій съ раннихъ лѣтъ свою родину и основавшій себѣ семью среди Амурскихъ Гиляковъ[2]). О другомъ случаѣ подобнаго рода, о Гилякѣ изъ деревни Каберацбахъ, жена котораго принадлежала къ племени Ольчей, я упоминалъ уже выше[3]). И такихъ примѣровъ можно найти много.

Третій типъ, изображенный въ фиг. 3-ей и, въ профиль, въ фиг. 4-ой, имѣетъ въ общемъ строеніи лица также монгольскій характеръ, но значительно смягченный и съ нѣкоторыми айнскими оттѣнками. Здѣсь лицо также кругловато; скулы хотя и широки, но выдаются далеко не въ такой степени; глаза обыкновенно расположены немного косо, но оттѣняются рѣзко-обозначенными бровями; корень носа менѣе вдавленъ, хребетъ его болѣе выпуклъ, и ростъ волосъ на лицѣ обыкновенно гораздо сильнѣе, чѣмъ у Тунгусовъ. Послѣдняго, правда, на нашихъ рисункахъ не видно, такъ что въ этомъ отношеніи они не вполнѣ типичны; но совершенно строгое разграниченіе трехъ упомянутыхъ типовъ вообще невозможно, по причинѣ множества разнообразныхъ оттѣнковъ и переходныхъ формъ. Вообще, какъ мы сказали, этотъ третій типъ, нѣкоторымъ образомъ, занимаетъ лишь среднее мѣсто между двумя вышеназванными. Тѣмъ не менѣе, лица этого типа нельзя отнести ни къ тому, ни къ другому изъ первыхъ двухъ. Кромѣ того, онъ такъ часто повторяется между Гиляками, что этимъ уже достаточно объясняется, почему мы смотримъ на него, какъ на особый типъ и предлагаемъ для него особое названіе, а именно собственно-гиляцкаго. И тутъ, слѣдовательно, факты указываютъ на примѣсь тунгусскаго и айнскаго элементовъ, хотя, сравнительно съ двумя другими типами, въ гораздо меньшей степени.

На гиляцкихъ женщинахъ различіе въ чертахъ лица по тремъ вышеупомянутымъ ти-

---

1) Онъ въ то время дѣйствительно служилъ толмачемъ для всѣхъ, собиравшихъ свѣдѣнія о странѣ и ея жителяхъ. Я самъ сначала обратился-было къ нему, но вскорѣ, замѣтивъ неточность и произвольность его толкованій, предпочелъ обходиться безъ него.

2) Пермикинъ, Путев. журн. плаван. по рѣкѣ Амуру (Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Кн. II, С. Петерб. 1856, стр. 76).

3) См. выше, стр. 16.

памъ далеко не такъ замѣтно, какъ на мужчинахъ. Этому существенно способствуетъ уже то обстоятельство, что у нихъ объ одномъ признакѣ, особенно характеристичномъ для аинско-гиляцкаго и, въ меньшей степени, для средняго типа, въ противоположность тунгусско-гиляцкому, а именно о болѣе или менѣе сильномъ ростѣ бороды, не можетъ быть рѣчи. Затѣмъ, и въ остальныхъ чертахъ лица, различіе между ними менѣе значительно. У женщинъ почти всегда болѣе монгольское строеніе лица, чѣмъ у мужчинъ. Миддендорфъ, правда, говоритъ, что изъ двухъ видѣнныхъ имъ женъ одного Гиляка Тугурскаго залива, одна, «по нашимъ понятіямъ, могла быть названа красивою»[1]), т. е., надо полагать, не имѣла ни выдающихся скулъ, ни косого разрѣза глазъ и т. п.; но, съ другой стороны, весьма вѣроятно, что она уже потому показалась нашему путешественнику въ болѣе благопріятномъ для нея свѣтѣ, что, по словамъ Миддендорфа, другая жена того же Гиляка, напротивъ, могла считаться «крайне-китайскою красавицею», стало быть, имѣла въ высшей степени косо расположенные глаза и т. п. Поэтому, мы не ошибемся, если примемъ, что и у первой черты лица были еще некавказскія, а лишь сильно смягченныя монгольскія. Но и такія лица между Гилячками рѣдки, тогда какъ, напротивъ, чисто тунгусско-монгольскія лица встрѣчаются весьма часто[2]). Обыкновенно лицо у Гилячекъ, какъ показываютъ прилагаемыя здѣсь фиг. 1—4, табл. III, круглое, по выраженію Миддендорфа, даже «почти лупообразное», притомъ плоское, съ выдающимися скулами, косо расположенными глазами, вдавшимся корнемъ носа и широкимъ, часто столь низкимъ носомъ, что въ профиль, за выступающими скулами, его совсѣмъ не видно. Подобно гиляцкимъ мужчинамъ всѣхъ трехъ типовъ, и у гиляцкихъ женщинъ глаза всегда черные, губы тонкія, рѣдко немного вздутыя (фиг. 3), уши очень большія. Послѣднему обстоятельству, можетъ быть, немало способствуетъ обычай женщинъ носить въ ушахъ понѣскольку большихъ серебряныхъ или мѣдныхъ серегъ, на которыя иногда нанизаны большія стеклянныя бусы. Не смотря на это, уши у нихъ не торчатъ въ сторону, вслѣдствіе, можетъ быть, того, что у Гиляковъ, также какъ и у ихъ тунгусскихъ сосѣдей на Амурѣ, голову младенцевъ обыкновенно прикрываютъ плотно прилегающею шапочкою. Какъ у женщинъ, такъ, наконецъ, и у гиляцкихъ дѣтей, монгольскій типъ выражается гораздо явственнѣе, чѣмъ у мужчинъ.

При такомъ различіи типа лица у Гиляковъ понятно, что и общее выраженіе его весьма различно. Разумѣется, нѣтъ возможности обозначить его, хотя бы только для каждаго изъ трехъ намѣченныхъ типовъ, съ такою опредѣленностью, чтобы не нашлось множества исключеній. При личномъ знакомствѣ моемъ чуть-ли не съ большинствомъ Гиляковъ, я получилъ то впечатлѣніе, что въ лицѣ ихъ, при среднемъ или собственно-гиляцкомъ типѣ его строенія, обыкновенно выражаются энергія, рѣшимость, но часто также хи-

---

1) Путеш. и пр. Ч. II, стр. 630.

2) Также и Мамія Ринсо, хотя и восхваляетъ красоту гиляцкихъ женщинъ, однако находитъ, что онѣ весьма похожи на женщинъ Ороковъ, т. е. народа тунгусскаго племени (Tô-tats ki ko. — Siebold, Nippon, VII, p. 191).

трость и лукавство. Чѣмъ больше лицо приближается къ тунгусскому типу, тѣмъ болѣе принимаетъ оно свойственное Тунгусамъ выраженіе безпечности и добродушія. Въ лицахъ аинско-гиляцкаго типа, напротивъ, весьма часто замѣчалъ я выраженіе чего-то угнетеннаго, мрачнаго и унылаго. Наконецъ, рано и быстро старящіяся лица гиляцкихъ женщинъ видимо носятъ на себѣ слѣды тяжелыхъ, всецѣло взваленныхъ на нихъ домашнихъ трудовъ и заботъ: онѣ большею частью кажутся серьезными, усталыми, придавленными. Повторяю, однако, что эти замѣчанія непримѣнимы ко всѣмъ и каждому, — тѣмъ болѣе, что у Гиляковъ, рядомъ съ разсмотрѣнными типическими различіями въ строеніи лица, являются еще разныя индивидуальныя особенности, въ размѣрахъ, сравнительно значительныхъ для некультурнаго народа.

Путешественники неоднократно замѣчали, что въ некультурномъ народѣ, на первый взглядъ, всѣ лица кажутся чрезвычайно похожими другъ на друга, всѣ созданными какъ-бы на одинъ покрой, и что поэтому требуется нѣкоторый навыкъ глаза, чтобы схватывать ихъ индивидуальныя особенности [1]). Нѣчто подобное справедливо и относительно слуха, который также лишь посредствомъ навыка пріобрѣтаетъ способность вѣрно и точно распознавать звуки какого-либо совершенно чуждаго ему языка [2]). Признаюсь, гиляцкія физіономіи произвели на меня сначала также впечатлѣніе нѣкотораго однообразія. Однако въ послѣдствіи я убѣдился, что индивидуальныя различія въ строеніи и выраженіи лица у Гиляковъ гораздо значительнѣе, чѣмъ у остальныхъ Амурскихъ и, пожалуй, даже у большей части сибирскихъ инородцевъ. Причина, почему это такъ, весьма понятна. Если допустить, что однообразіе въ чертахъ и въ выраженіи лица у некультурнаго народа зависитъ отъ совершенно одинаковаго духовнаго развитія, или лучше сказать, одинаковой неразвитости всѣхъ его особей, отъ однообразія въ ихъ образѣ жизни, занятіяхъ, воззрѣніяхъ и понятіяхъ, отъ недостатка какого бы то ни было соціальнаго и сословнаго подраздѣленія, словомъ — отъ недостаточнаго развитія у нихъ духовной индивидуальности [3]), то Гиляки въ этомъ отношеніи поставлены въ условія гораздо выгоднѣйшія, чѣмъ другіе Амурскіе и многіе сибирскіе инородцы. Тогда какъ Тунгусы, бродящіе по лѣснымъ дебрямъ, или Монголы, постоянно кочующіе по степямъ, знакомы съ одною только природою и съ однимъ только занятіемъ, Гиляки, напротивъ того, занимаются то рыбною ловлею, то звѣринымъ промысломъ, и проводятъ время то на рѣкѣ или на морскомъ берегу, то въ лѣсу или въ горахъ; лѣтомъ на лодкахъ, зимою на собачьихъ нартахъ, совершаютъ они дальнія поѣздки, иногда къ Маньсочиненіи Вайца (Waitz): «Anthropol. der Naturvölker. Zweite Auflage, verm. und herausgeg v. Dr. G. Gerland» (1. Thl. Leipzig 1877, p. 74 ff.).

2) Такъ, напримѣръ, я также убѣдился въ необходимости подвергать гиляцкія слова, записанныя мною на первыхъ порахъ, въ послѣдствіи многимъ существеннымъ поправкамъ и измѣненіямъ въ звуковомъ отношеніи.

3) Waitz, l. c. p. 77.

1) Миддендорфъ (Путеш. и пр. Ч. II, стр. 628) весьма мѣтко замѣчаетъ, что сначала, при взглядѣ на такой народъ, «физіономіи отдѣльныхъ личностей теряются въ общемъ физіономическомъ впечатлѣніи, какъ въ стадѣ овецъ, пока продолжительное упражненіе не разовьетъ въ путешественникѣ взора овчаря, который, среди сотни животныхъ своего стада, узнаетъ каждую отдѣльную овцу по ея особой физіономіи». Многочисленные примѣры подобнаго однообразія во внѣшности некультурныхъ народовъ можно найти въ

чжурамъ и Китайцамъ, иногда къ Японцамъ, причемъ проѣзжаютъ чрезъ края, заселенные разными другими племенами, Ольчами, Гольдами, Аинами, и не только сбываютъ свои собственные товары, но служатъ еще посредниками торговли для названныхъ культурныхъ народовъ восточной Азіи. Къ тому же, въ предѣлахъ своей родины, они съумѣли сохранить за собою полную свободу отъ этихъ послѣднихъ, тогда какъ почти всѣ остальные Амурскіе инородцы болѣе или менѣе подчинились ихъ власти. Безъ сомнѣнія, сознаніе и чувство этой свободы, обезпечивающей за ними всю выручку отъ ихъ торговыхъ предпріятій, служатъ самымъ сильнымъ рычагомъ для ихъ предпріимчивости. Разумѣется, однако, что подобныя предпріятія должны въ немалой степени способствовать расширенію умственнаго кругозора, обмѣну взглядовъ и понятій, увеличенію опытности, развитію характера и т. д., а такъ какъ они возможны не всѣмъ и каждому, и притомъ не въ одинаковой для всѣхъ степени, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ должно быть образованіе духовныхъ и физическихъ различій въ народѣ, или, другими словами, развитіе въ немъ нѣкоторой и даже довольно значительной духовной индивидуальности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти поѣздки давали Гилякамъ случай не только къ установленію торговыхъ сношеній, но и къ развитію ихъ родственныхъ связей съ сосѣдними инородцами, и такимъ образомъ вносили въ ихъ среду все больше и больше чужихъ элементовъ. Правда, по мнѣнію Миддендорфа, при смѣшеніи дикихъ или вообще нецивилизованныхъ племенъ не бываетъ тѣхъ разнообразныхъ, запутанныхъ переходныхъ формъ, въ которыхъ нѣкоторыя черты лица наслѣдуются отъ отца, другія отъ матери, какъ это замѣчается у цивилизованныхъ народовъ, а, напротивъ, помѣси крайне односторонне возвращаются къ типу или отца, или матери [1]). Это, можетъ быть, дѣйствительно бываетъ тамъ, гдѣ, при полнѣйшемъ физическомъ и духовномъ однообразіи всѣхъ отдѣльныхъ личностей какого-нибудь народа, устанавливается большое постоянство типа. Но гдѣ, какъ у Гиляковъ, нѣтъ такого однообразія, гдѣ, напротивъ, явилась уже нѣкоторая духовная и вмѣстѣ съ тѣмъ физическая индивидуальность, результаты смѣшенія должны болѣе приближаться къ тѣмъ, какіе замѣчаются у культурныхъ народовъ. Такимъ образомъ, многочисленныя смѣшенія Гиляковъ съ ихъ сосѣдями, Аинами и разными тунгусскими племенами, должны были повлечь за собою не только развитіе у нихъ вышеупомянутыхъ типовъ различнаго строенія лица, но еще и значительно увеличить во всемъ народѣ индивидуальныя особенности.

До сихъ поръ я разсматривалъ строеніе лица у Гиляковъ по живымъ образцамъ. Остается еще изслѣдовать остеологическое строеніе ихъ лица и всего черепа — обстоятельство, которому обыкновенно придаютъ наибольшее значеніе при обсужденіи вопроса, къ какому племени принадлежитъ тотъ или другой народъ. У меня подъ руками четыре несомнѣнно гиляцкіе черепа: три мужскихъ и одинъ женскій. Сколько мнѣ извѣстно, это — первые черепа Гиляковъ, привезенные въ Европу. Есть, правда, описаніе одного, будтобы гиляцкаго черепа у Пруперъ-Бея [2]) и у Барнарда Дэвиса [3]), — у послѣдняго даже

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 628.
2) Bullet. de la Soc. d'Anthropol. de Paris, 1867, IIe Sér., T. II, p. 571.
3) Account of the Skull of a Ghiliak (Memoirs read

съ приложеніемъ его изображенія; наконецъ, по гипсовому снимку съ этого черепа, Вирховъ также сообщилъ нѣкоторыя замѣчанія о немъ[1]). Но можно положительно доказать, что это былъ не гиляцкій черепъ. По Дэвису, онъ былъ найденъ и доставленъ въ Европу слѣдующимъ образомъ. Ссыльный, полякъ Г. Веберъ, нашелъ его въ 1858 году въ окрестностяхъ озера Кидзи[2]), въ Амурскомъ краѣ, и переслалъ его другому ссыльному, А. Гиллеру, въ Иркутскъ; послѣдній, два года спустя, привезъ его въ Европу и подарилъ своему другу и родственнику д-ру Испд. Коперницкому, находившемуся тогда въ Варшавѣ, потомъ въ Бухарестѣ, а нынѣ живущему въ Краковѣ. Коперницкій посылалъ его на время Пруперъ-Бею въ Парижъ и Дэвису въ Лондонъ, а гипсовый оттискъ съ него доставилъ Вирхову[3]). Веберъ набрелъ на этотъ черепъ въ лѣсу, гдѣ онъ висѣлъ на деревѣ. Однако, выше было уже доказано, что около озера Кидзи вовсе нѣтъ Гиляковъ, которые начинаются лишь гораздо дальше внизъ по Амуру; къ тому же, Гиляки сжигаютъ своихъ покойниковъ, вслѣдствіе чего и бываетъ такъ трудно доставать гиляцкіе черепа. Поэтому, нѣтъ никакого основанія считать упомянутый черепъ за гиляцкій. Съ другой стороны, я уже неоднократно замѣчалъ, что Русскіе часто принимаютъ жителей озера Кидзи и его окрестностей, Ольчей, за Гиляковъ и называютъ ихъ или просто Гиляками, или же Кидзинскими Гиляками[4]). Поэтому, казалось бы всего естественнѣе приписать найденный близъ Кидзи черепъ племени Ольчей. Но въ данномъ случаѣ и это сомнительно. Ольчи кладутъ своихъ покойниковъ, а именно всѣхъ умершихъ естественною смертію и утопленниковъ, по большей части, въ гробы, которые ставятъ въ небольшія гробницы, имѣющія видъ домиковъ; древесныя же гробницы, т. е. такія, гдѣ гробъ ставится на поперечныхъ жердяхъ, прикрѣпленныхъ къ тремъ срубленнымъ на сажень или выше отъ земли древеснымъ стволамъ, устраиваются у нихъ только для павшихъ отъ руки убійцы. Этотъ способъ погребенія покойниковъ, напротивъ, самый употребительный и обычный у Орочей. Я самъ видѣлъ у нихъ подобныя гробницы на рѣкѣ Ян, близъ впаденія ея въ озеро Кидзи. Другія тунгусскія племена, напримѣръ сибирскіе оленные Тунгусы, кладутъ своихъ покойниковъ, именно трупы шамановъ, даже безъ гроба, на вѣтви деревьевъ[5]). Дѣлаютъ ли это въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Орочи или другіе Амурскіе Тунгусы, какъ напримѣръ Негидальцы, Самагирцы и т. д., менѣе знакомые мнѣ и стоящіе многимъ ближе къ сибирскимъ оленнымъ Тунгусамъ, чѣмъ Ольчи и Гольды,—этого я не знаю; но весьма можетъ быть, что иногда и они поступаютъ такимъ же образомъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что черепъ, найденный Веберомъ въ окрестностяхъ озера Кидзи, во всякомъ случаѣ, при-

---

before the Anthropol. Soc. of London, Vol. III, 1870, p. 366 sqq.).

1) Verhandl. der Berliner Gesellsch. für Anthropol., Ethnol. und Urgesch. 1873, p. (135) ff. (Zeitschr. für Ethnologie, Bd. V, 1873).

2) У Дэвиса, а по его примѣру и у Вирхова, имя озера немного искажено: они пишутъ его «Kizia».

3) Verhandl. der Berl. Gesell. für Anthrop., Ethnol. u. Urgesch. 1874, p. (77) (Zeitschrift für Ethnol. Bd. VI, 1874).

4) См. выше, стр. 26, 106 и др.

5) Поэтому путешественникамъ въ Сибири не рѣдко случалось наталкиваться въ лѣсу на черепа, висѣвшіе на деревьяхъ.

надлежалъ представителю какого-нибудь тунгусскаго племени, вѣроятно Орочѣ, можетъ быть, — хотя это и менѣе вѣроятно — Ольчѣ, но никакъ не Гиляку[1]).

Изъ четырехъ имѣющихся у насъ гиляцкихъ череповъ, одинъ привезенъ мною самимъ: я получилъ его отъ д-ра Орлова, который взялъ его отъ трупа, выброшеннаго моремъ на берегъ близъ Петровскаго зимовья. Трупъ этотъ былъ одѣтъ совершенно по-гиляцки, и такъ какъ кругомъ живутъ одни только Гиляки, а бродящіе въ близлежащихъ горахъ немногочисленные Тунгусы обыкновенно не спускаются на берегъ, въ море же и подавно не выходятъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это былъ трупъ Гиляка, утонувшаго во время рыбной ловли или вообще морского переѣзда. Два другихъ мужскихъ гиляцкихъ черепа были доставлены въ Академію, въ 1864 и 1866 годахъ, д-ромъ Пфейферомъ изъ Николаевска: одинъ изъ нихъ, изъ деревни Маго на нижнемъ Амурѣ, судя по сильному повреженію лѣвой стороны лба, вѣроятно—черепъ убитаго въ дракѣ; другой принадлежалъ упомянутому уже выше скелету Гиляка изъ деревни Алофъ, умершаго въ Николаевскомъ госпиталѣ. Наконецъ, четвертый, женскій черепъ, былъ привезенъ нижеперъ-капитаномъ Бѣльцовымъ: это—черепъ женщины изъ окрестностей селенія Михайловскаго на нижнемъ Амурѣ; она была убита своими же земляками за дурное поведеніе; подоспѣвшіе Русскіе воспротивились сожженію трупа и зарыли его, а черезъ нѣсколько лѣтъ, по желанію г. Бѣльцова, онъ былъ вырытъ купцомъ Ивановымъ.

Въ видахъ болѣе легкаго и удобнаго обозрѣнія и сравненія, сообщу здѣсь сперва таблицу измѣреній какъ этихъ четырехъ, такъ за-одно и всѣхъ остальныхъ имѣющихся у насъ череповъ Амурскихъ инородцевъ, а также нѣкоторыхъ сибирскихъ Тунгусовъ. Затѣмъ, относящіяся до каждаго изъ нихъ подробности, будутъ разсмотрѣны отдѣльно, въ надлежащемъ мѣстѣ. Однако считаю прежде всего необходимымъ, для правильнаго уразумѣнія цифръ абсолютныхъ и относительныхъ величинъ, помѣщенныхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ таблицахъ, предпослать нѣсколько замѣчаній касательно принятаго мною способа измѣренія череповъ.

Хотя, при разсмотрѣніи лишь немногихъ череповъ, казалось-бы, было всего проще придерживаться прямо какого-либо одного изъ наиболѣе принятыхъ методовъ измѣренія, напримѣръ метода Бэра[2]), Впрхова[3]), Вѐлькера[4]) или др., однако я не могъ исключительно остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Напротивъ, я придерживался точекъ зрѣнія Ерінга, такъ какъ онѣ кажутся мнѣ наиболѣе раціональными, и, по моему убѣжденію, со вре-

1) На этомъ основаніи, всѣ свѣдѣнія, сообщенныя упомянутыми учеными о строеніи черепа у Гиляковъ, надо отнести къ Орочамъ или Ольчамъ.

2) C. E. de Baer, Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae Imp. Petropol. 1859 (Mém. de l'Acad. Imp. des sc. VIe Série. Sc. nat. T. VIII, p. 243 sq.). K. E. v. Baer und R. Wagner, Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropol. im Sept. 1861 in Göttingen, Leipzig 1861, p. 46 ff.

3) Virchow, Gesamm. Abhandl. zur wissensch. Medicin, Frankf. 1856, p. 914; Untersuch. über die Entwickelung des Schädelgrundes, Berlin 1857, p. 22, u. a.; Die altnord. Schädel zu Kopenhagen (Archiv für Anthropol. Bd. IV, Braunschweig 1870, p. 57 ff.).

4) Welcker, Untersuch. über Wachsthum und Bau des menschl. Schädels, 1. Thl. Leipzig 1862, p. 22 ff.; Kraniolog. Mittheilungen (Archiv für Anthropol. Bd. I, Braunschweig 1866, p. 90 ff.).

мешемъ онѣ установятся въ краніометріи. Такимъ образомъ, черепа, при измѣреніи, устанавливались мною по направленію предложенной Ерингомъ горизонтальной плоскости, проходящей чрезъ средины наружныхъ слуховыхъ отверстій и нижніе края глазницъ. Эта плоскость обозначаетъ, мнѣ кажется, если не для каждаго черепа безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ вообще, точнѣе всѣхъ другихъ нормальное горизонтальное положеніе головы[1]). На томъ же основаніи, три главныя измѣренія черепа, его наибольшія длина, ширина и высота, опредѣлены не между какими-либо извѣстными, анатомическими пунктами, а между наиболѣе выдающимися точками черепа, первыя двѣ въ горизонтальной, а третья въ продольно-перпендикулярной къ ней плоскости. Для одновременнаго опредѣленія мѣстъ наибольшей ширины и высоты черепа и вычисленія по нимъ показателей ихъ положенія (Lagenindices)[2]), измѣрена та часть діаметра длины, которая находится передъ точкою пересѣченія его съ діаметрами ширины и высоты черепа. Рядомъ съ этимъ, въ примѣчаніяхъ, указано положеніе діаметра наибольшей ширины черепа относительно наружнаго слухового отверстія, какъ это дѣлалъ Бэръ[3]). Затѣмъ еще цѣлый рядъ измѣреній, каковы: нижняя, наименьшая и наибольшая ширина лба, ширина между теменными буграми, наибольшая ширина между скуловыми дугами, наименьшее разстояніе между полукружными линіями теменныхъ и затылочной костей, наибольшая ширина щекъ (между лапитными поверхностями скуловыхъ костей), глазницъ, носового отверстія, верхней челюсти (между краями зубныхъ отростковъ) и пр., опредѣлены также, безъ помощи сколько-нибудь явственно обозначенныхъ анатомическихъ точекъ, въ плоскостяхъ, параллельныхъ горизонтальной. Для полученія точныхъ цифръ какъ для этихъ величинъ, такъ и для діаметровъ черепа въ горизонтальномъ его положеніи, надо было не упускать изъ виду, чтобы измѣреніе всегда производилось или въ горизонтальной плоскости, или въ одной изъ параллельныхъ ей плоскостей, или же въ перпендикулярной къ ней продольной плоскости. Смѣю думать, что я достигъ этого слѣдующими пріемами. Прежде всего черепъ, помощью ватерпаса, приводился въ надлежащее горизонтальное положеніе и неподвижно устанавливался въ этомъ положеніи на нѣкоторой высотѣ надъ столомъ, посредствомъ захватывающихъ въ слуховыя отверстія шишковъ мѣднаго станка и подставки подъ верхней челюстью. Затѣмъ, самыя измѣренія производились частью простымъ или толстотнымъ циркулемъ, частью (какъ, напримѣръ, опредѣленіе наибольшей высоты) приблизительно такимъ же приборомъ, какимъ пользовался Вирховъ[4]), и состоящимъ изъ широкаго металлическаго прута, къ концамъ котораго придѣланы подъ прямымъ угломъ два подобныхъ прута — одинъ неподвижный, а другой подвижной. Такъ какъ толщина этихъ послѣднихъ довольно значительна, то обра-

---

1) J. v. Ihering, Ueber das Wesen der Prognathie und ihr Verhältn. zur Schädelbasis (Archiv für Anthrop. Bd. V, Braunschweig 1872, p. 372 ff.); Zur Reform der Craniometrie (Zeitschr. für Ethnol. Bd. V, Berlin 1873, p. 134 ff.).

2) Kopernicki, Ueber den Bau der Zigeunerschädel (Archiv für Anthrop. Bd. V, p. 289). Ihering, Zur Ref. der Craniom. l. c. p. 157.

3) Crania selecta, l. c. p. 244, 245.

4) Die altnord. Schädel zu Kopenhagen (Archiv für Anthrop. Bd. IV, p. 58).

щенныя другъ къ другу, гладко отполированныя стороны ихъ образуютъ параллельныя плоскости, и разстояніе между ними можетъ быть непосредственно измѣряемо по соединяющему ихъ металлическому пруту. Для удостовѣренія же въ томъ, что измѣренія, произведенныя какъ этимъ приборомъ, такъ и циркулями, дѣйствительно дѣлались въ горизонтальной, или въ одной изъ параллельныхъ съ нею плоскостей, или же въ перпендикулярной къ ней продольной плоскости, — на нихъ, при каждомъ измѣреніи, устанавливался ватерпасъ. Наконецъ, я старался устранить погрѣшности при этихъ измѣреніяхъ тѣмъ, что каждое изъ нихъ повторялъ нѣсколько разъ. Впрочемъ, это послѣднее замѣчаніе относится не только къ вышеупомянутымъ измѣреніямъ, но и ко всѣмъ остальнымъ, которыя, однако, были такъ просты, что врядъ-ли требуютъ какихъ-либо особыхъ поясненій. Горизонтальная, продольно-вертикальная и поперечная окружности всего черепа или отдѣльныхъ его частей, равно какъ и разстояніе затылочнаго бугра отъ большого затылочнаго отверстія, и окружность нижней челюсти отъ одного угла до другого, разумѣется, измѣрены наложеніемъ метрической ленты, — первая въ горизонтальной, вторая въ продольно-вертикальной, а третья въ поперечной плоскости, перпендикулярной къ первой. Для опредѣленія всѣхъ остальныхъ величинъ, за исключеніемъ угловъ, употреблялся, смотря по обстоятельствамъ, или обыкновенный, или толстотный циркуль. Впрочемъ, эти измѣренія, коль скоро они не даютъ также наибольшихъ или наименьшихъ величинъ, собственно не соотвѣтствуютъ требованіямъ, постановленнымъ для краніометріи Ерингомъ, такъ какъ показываютъ лишь разстоянія между извѣстными анатомическими точками[1]). Тѣмъ не менѣе, я считаю ихъ не лишними, потому что при изслѣдованіи тѣхъ или другихъ условій строенія черепа, которымъ иные краніологи приписываютъ болѣе или менѣе важное значеніе, они, пожалуй, могутъ служить матеріаломъ для сравненія. А это тѣмъ болѣе слѣдовало имѣть въ виду, что бо̀льшая часть разсматриваемыхъ здѣсь череповъ принадлежитъ народамъ, еще совершенно незнакомымъ въ отношеніи краніологіи. Напомню, что Вирховъ, при своихъ обширныхъ краніологическихъ изслѣдованіяхъ, пришелъ къ тому заключенію, «что при измѣреніи череповъ число опредѣляемыхъ величинъ должно быть значительно увеличено противъ обыкновеннаго, что необходимо, именно, точнѣе опредѣлять границы между разными костями черепа и измѣрять длину разграничивающихъ ихъ швовъ, — взглядъ», прибавляетъ онъ, «который принятъ съ тѣхъ поръ большинствомъ краніологовъ, но еще далеко не примѣняется въ надлежащей степени»[2]). Его собственныя изслѣдованія показали, напримѣръ, какое большое значеніе имѣетъ длина швовъ sphenofrontalis и sphenoparietalis относительно развитія большого крыла клиновидной кости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, относительно формы височной впадины[3]). Точно также, другіе краніологи приписываютъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, болѣе или менѣе важное значеніе длинѣ разстоянія слу-

---

1) См. Ihering, Zur Reform der Craniom. l. c. p. 131, 163 и др.

2) Virchow, Die altnord. Schädel zu Kopenhagen (Archiv für Anthropol. Bd. IV, p. 57).

3) Virchow, Ueber einige Merkmale niederer Menschenrassen am Schädel, въ Abhandl. der Königl. Akad. der Wissensch. zu Berlin, 1875, p. 9 ff., и позднѣе, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ Zeitschrift für Ethnologie, Bd. XII, 1880, p. 1 ff.

численные по нѣсколько инымъ измѣреніямъ и которыхъ, слѣдовательно, нельзя непосредственно сопоставлять съ нашими. Замѣчу, однако, что, съ точки зрѣнія Велькера, какъ долихоцефалія, такъ и гипсицефалія этого гиляцкаго черепа представлялась бы еще бо̀льшею [1]), потому что онъ бралъ масштабомъ для ширины черепа не наибольшую его ширину, а только «ширину между висками» [2]). Сравнительно, при незначительной ширинѣ этого гиляцкаго черепа, ширина лба у него довольно велика; по мѣрѣ удаленія назадъ, она возростаетъ лишь исподволь и достигаетъ своего максимума недалеко за срединою длины, вслѣдствіе чего черепъ, если смотрѣть на него сверху, имѣетъ форму почти эллиптическую и лишь немного сдавленную спереди, причемъ скуловыя дуги съ обѣихъ сторонъ замѣтно выступаютъ. Лобъ умѣренно покатистъ назадъ. Надбровныя дуги сильно развиты и, сливаясь, образуютъ толстое переносье, отъ котораго тянется вверхъ по лобной кости линія, слабо возвышающаяся и сглаживающаяся лишь около темени. Лобные и теменные бугры незначительны. Полукружныя линіи можно прослѣдить до самыхъ сосцевидныхъ отростковъ; онѣ значительно приближаются другъ къ другу и окаймляютъ обширныя полукружныя поля. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ имѣетъ видъ высокаго пятиугольника, съ закругленными теменными углами; верхнія стороны этого пятиугольника слегка выпуклы, нижнія почти перпендикулярны, книзу немного вогнуты, основаніе слабо волнисто. Затылокъ выпуклъ, въ верхней своей части немного сдавленъ и отъ затылочнаго бугра до большого затылочнаго отверстія слегка изогнутъ. Затылочное отверстіе расположено горизонтально; оно велико, продолговато-овально и съуживается къ своему заднему концу. Возвышенныя линіи затылочной кости, равно какъ и утолщеніе позади сосцевиднаго, весьма значительнаго отростка, сильно развиты. Чешуя височной кости плоская; лобнаго отростка на ней нѣтъ. Большія крылья клиновидной кости широки; шовъ sphenofrontalis имѣетъ на каждой сторонѣ въ длину 19 мм., а шовъ sphenoparietalis — 22 мм. Носовой отростокъ лобной кости значительно спускается внизъ. Носовыя кости узки, сѣдлообразно вогнуты и не образуютъ ясно обозначеннаго носового хребта. По своему показателю, носъ — мезоринническій, какъ у монгольскихъ народовъ [3]). Глазницы большія, по своему показателю, микроземическія [4]), при-

---

1) Напротивъ, по Бэровскому способу измѣренія, этотъ черепъ былъ бы немного менѣе долихоцефаленъ. Вообще принимаемый Бэромъ головной показатель можетъ скорѣе быть сопоставленъ съ нашимъ, потому что у него, по крайней мѣрѣ, поперечный діаметръ тотъ же. Но принимаемый имъ продольный діаметръ (отъ надпереносья до наиболѣе выдающейся части затылка) обыкновенно уклоняется на нѣсколько миллиметровъ отъ нашего въ ту или другую сторону. Чтобы дать возможность сравненія съ его показаніями, я опредѣлилъ его на нашихъ черепахъ. Ихъ продольный діаметръ, опредѣленный по способу Бэра, составляетъ:

на чер. I ... 183 мм.	IV ... 183 мм.	VII ... 178 мм.
» II ... 186 »	V ... 163 »	VIII ... 172 »
» III ... 174 »	VI ... 199 »	IX ... 185 »
на чер. X ... 181 мм.	XII ... 180 мм.
» XI ... 182 »	XIII ... 174 »

2) Kraniol. Mittheil. (Archiv f. Anthrop. Bd. I, p. 137), Велькеровскій продольный діаметръ (отъ средины промежутка между лобными буграми до того мѣста затылка, которое соотвѣтствуетъ затылочному бугру дѣтскаго черепа; см. его: «Unters. über Wachsth. und Bau des menschl. Schädels», p. 24) и принятый здѣсь Еринговскій продольный діаметръ, хотя также нѣсколько различны другъ отъ друга, однако болѣе сходятся между собою, чѣмъ ихъ поперечные діаметры.

3) Broca, Rech. sur l'ind. nas. l. c. p. 17.

4) Broca, Rech. sur l'indice orbitaire (Revue d'Anthropol. T. IV, Paris 1875, p. 584).

томъ книзу и кнаружи вытянуты; глазничный промежутокъ неширокъ. Челюстная ямка неглубока.

Второй изъ нашихъ гиляцкихъ череповъ, изъ деревни Маго на нижнемъ Амурѣ (№ II табл. измѣр., фиг. 2 табл. изображ. V—IX), принадлежалъ мужчинѣ, которому, по состоянію его зубовъ и черепныхъ швовъ, можно дать отъ 30-ти до 55-ти лѣтъ: швы вѣнечный, въ нижней его части, sphenofrontalis, sphenoparietalis, sphenotemporalis срослись, хотя ихъ можно еще ясно прослѣдить; швы стрѣловидный, въ передней его части, и ламвдовидный мѣстами также начали сростаться. Зубы всѣ на-лицо и сильно пообтерлись. Какъ уже упомянуто выше, черепъ этотъ разбитъ съ лѣвой стороны, у лобной кости; отъ проломленнаго мѣста проходитъ нѣсколько трещинъ по теменной кости, одна трещина идетъ вдоль лѣвой стороны лобной кости, около ея средины, другая — наискось до правой глазницы, третья — по клиновидной кости и т. д. На основаніи отношеній главныхъ измѣреній своихъ, черепъ этотъ надо причислить къ гипсимезоцефальнымъ: ширина его, сравнительно съ длиною, немного больше, высота же, въ сравненіи съ шириною, немного меньше, чѣмъ у I-го, хотя разность между ними, какъ видно изъ соотвѣтственныхъ показателей, невелика. Наибольшая ширина черепа находится въ плоскости наибольшей его высоты, тогда какъ въ чер. I она приходится передъ послѣднею. Лобъ узокъ, умѣренно покатистъ назадъ; черепъ къ затылку постепенно расширяется; форма его, если смотрѣть сверху, эллиптическая, спереди слегка придавленная, съ мало-выступающими скуловыми дугами. Надбровныя дуги лишь умѣренно-толсты; въ переносьѣ онѣ образуютъ валикъ, отъ котораго направляется вверхъ слабо-возвышенная линія, сглаживающаяся къ темени. Тѣмъ не менѣе, теменныя кости сходятся у стрѣловиднаго шва почти на половинѣ его длины, въ видѣ плоской, округленной крышеобразной верхушки, и затѣмъ опускаются къ затылку. Полукружныя линіи сначала рѣзко обозначены, но скоро сглаживаются, и на теменныхъ костяхъ, гдѣ онѣ довольно значительно приближаются другъ къ другу, равно какъ и на затылкѣ, едва замѣтны. Лобные бугры слабы, теменные же, напротивъ, довольно велики. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ имѣетъ форму пятиугольника, высота котораго немного больше его ширины; средній (верхній) теменной уголъ ясно обозначается, боковые углы округлены; верхнія и нижнія стороны слегка выпуклы, основаніе слабо-волнисто. Затылокъ порядочно выпуклъ, съ сильнымъ бугромъ, и въ промежуткѣ между послѣднимъ и затылочнымъ отверстіемъ наискось приплюснутъ. Большое затылочное отверстіе расположено горизонтально; оно велико, овально и съуживается назади. Возвышенныя линіи затылочной кости, припухлость позади сосцевиднаго отростка и гребень, служащій какъ-бы продолженіемъ скуловой дуги, сильно развиты. Чешуя височной кости плоска; лобнаго отростка на ней нѣтъ. Большія крылья клиновидной кости широки, шовъ sphenofrontalis правой стороны = 21 мм., лѣвой = 25 мм. длины; шовъ sphenoparietalis правой стороны = 15 мм., лѣвой = 14 мм. Носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ. Носовыя кости въ началѣ и по срединѣ очень узки, но образуютъ довольно острый, хотя и мало возвышенный хребетъ. Носъ мезоринническій; носовой показатель лишь немногимъ больше, чѣмъ

у I-го черепа. Глазницы, въ отношеніи ширины, немного выше, по своему показателю мезоземичны, книзу и кнаружи немного вытянуты. Глазничный промежутокъ еще ýже, чѣмъ въ I-мъ черепѣ. Челюстная ямка неглубока. Нижняя челюсть массивна и толста.

Третій гиляцкій черепъ, изъ деревни Алóфъ на Амурѣ (№ III табл. изм., фиг. 3 табл. изобр. V—IX), судя по состоянію его швовъ, принадлежалъ человѣку лѣтъ 30—55: швы вѣнечный, въ нижней его части, стрѣловидный, въ задней половинѣ, и ламвдовидный срослись, хотя, за исключеніемъ перваго, да и то лишь съ лѣвой стороны, ихъ не трудно прослѣдить; остальные швы еще не срослись. Въ ламвдовидномъ швѣ, между затылочною костью, съ одной стороны, и височными и теменными костями, съ другой, есть нѣсколько прибавочныхъ костей. Послѣдніе коренные зубы имѣются, или имѣлись, только на правой сторонѣ верхней и на лѣвой сторонѣ нижней челюсти, другихъ же не было. Всѣ зубы сильно пообтерлись и притупились. По своей формѣ, этотъ черепъ прямо противоположенъ I-му и, въ нѣсколько меньшей степени, II-му: онъ сравнительно широкъ и низокъ; по вышеприведеннымъ отношеніямъ ширины къ длинѣ и высоты къ ширинѣ, онъ принадлежитъ къ платибрахицефальнымъ[1]). Остальные размѣры ширины сравнительно съ длиною у него также больше, чѣмъ у перваго. Ширина черепа ото лба назадъ сначала увеличивается быстро, а потомъ медленнѣе, и достигаетъ своего максимума не въ поперечно-вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія, а немного позади нея. Вслѣдствіе этого, черепъ, если смотрѣть на него сверху, короче и имѣетъ форму широко-овальную, спереди и сзади какъ-бы сдавленную и нѣсколько подходящую къ формѣ квадрата, съ сильно выступающими скуловыми дугами. Его наибольшая высота находится не за плоскостью наибольшей ширины, а немного впереди нея. Особенно велика ширина между скуловыми дугами: она даже нѣсколько превышаетъ наибольшую ширину черепной покрышки, чего нѣтъ ни на одномъ изъ остальныхъ измѣренныхъ мною череповъ Амурскихъ инородцевъ. Лобъ умѣренно покатистъ назадъ. Надбровныя дуги очень утолщены и, сходясь на переносьѣ, образуютъ значительную припухлость, которая, однако, не отсылаетъ возвышенной линіи вверхъ по лбу. Лобные и теменные бугры лишь слабо развиты. Полукружныя линіи ясно обозначаются на всемъ своемъ протяженіи до сосцевидныхъ отростковъ; на теменныхъ и затылочной костяхъ онѣ значительно приближаются другъ къ другу и ограничиваютъ широкія полукружныя поля. Сзади, черепъ имѣетъ видъ пятиугольника, ширина котораго больше

---

1) Если бы мы стали разсматривать высоту не по отношенію къ ширинѣ, а совершенно такъ же, какъ это дѣлается съ шириною, по отношенію къ длинѣ, и такимъ образомъ, сравнивая между собою показатели отношеній ширины къ длинѣ и высоты къ длинѣ, опредѣлять гипсицефалію или платицефалію по положительной или отрицательной разности означенныхъ показателей, какъ это дѣлаетъ Велькеръ (принимающій, правда, нѣсколько иные діаметры черепа, чѣмъ здѣсь; см. его: Kraniol. Mittheil. l. c. p. 153), то и тогда наши гиляцкіе черепа I и II оказались бы гипсицефальными, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ теперь, а III-ій черепъ, напротивъ, сильно платицефальнымъ. Вышеупомянутые показатели ихъ были бы тогда слѣдующіе:

	I.	II.	III.
Отнош. ширины къ длинѣ	70,4	74,9	85,2
» высоты къ »	71,5	75,4	75,0
Разность	+ 1,1	+ 0,5	— 10,2

высоты; три верхніе угла его закруглены, верхнія стороны слегка выпуклы, нижнія расходятся книзу, основаніе — съ выемкою по срединѣ. Затылокъ выпуклъ, и отъ затылочнаго бугра до большого затылочнаго отверстія наискось приплюснутъ. Затылочное отверстіе невелико, одинаковой длины и ширины, почти кругло, только спереди нѣсколько съужено по бокамъ длинными, но узкими суставными отростками. Возвышенная линія затылочной кости имѣетъ видъ остраго гребня. Сосцевидные отростки, гребни, простирающіеся отъ скулового отростка по височнымъ костямъ, равно какъ и всѣ линіи прикрѣпленія мышицъ, сильно развиты. Даже на плоской чешуѣ височной кости есть множество мелкихъ возвышенныхъ линій. Лобнаго отростка на ней нѣтъ. Большія крылья клиновидной кости широки. Шовъ sphenofrontalis правой стороны длиною въ 19 мм., лѣвой — въ 16 мм.; шовъ sphenoparietalis правой стороны длиною въ 12 мм., лѣвой — въ 18 мм. Носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ. Носовыя кости немного шире, чѣмъ въ I-мъ и II-мъ черепахъ, слабо вогнуты и образуютъ, хотя и тупой, но ясно замѣтный носовой хребетъ. По своему показателю, носъ платиринничент. Глазницы велики, по своему показателю еще немного микроземничнѣе, чѣмъ въ I-мъ черепѣ, притомъ книзу и кнаружи вытянуты; промежутокъ между ними очень широкъ. Какъ черепъ, такъ и все лицо, замѣчательно широки; ширина щекъ очень значительна, ширина верхней челюсти также сравнительно больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ вышеизмѣренныхъ черепахъ. Челюстная ямка неглубока. Нижняя челюсть очень массивна и толста; линіи прикрѣпленія мышицъ на ней сильно развиты.

Четвертый гиляцкій черепъ (№ IV табл. изм., фиг. 4 табл. изобр. V—IX) принадлежалъ женщинѣ 24-хъ — 30-ти лѣтъ: швы его еще не срослись, нѣкоторые даже не сходятся плотно; зубы или, по крайней мѣрѣ, ихъ луночки въ верхней челюсти всѣ на-лицо; нижней челюсти нѣтъ. Этотъ черепъ, какъ по общей формѣ, такъ и по отношеніямъ отдѣльныхъ частей своихъ, всего ближе подходитъ къ чер. II, изъ Маго. Онъ также длиненъ, высокъ и, судя по показателямъ, гипсимезоцефаленъ. Лобъ идетъ почти прямо вверхъ и довольно широкъ; ширина черепа, по мѣрѣ удаленія ото лба назадъ, исподоволь возрастаетъ; форма его, если смотрѣть сверху, эллиптическая, спереди сдавленная, съ мало-выступающими скуловыми дугами. Наибольшая ширина, какъ и у черепа II, находится въ плоскости наибольшей высоты. Крышеобразной верхушки на лобной и теменныхъ костяхъ нѣтъ; напротивъ, черепъ на темени плоско округленъ, и потому, если смотрѣть на него сзади, имѣетъ форму округленнаго пятиугольника; верхній уголъ такъ закругленъ, что обѣ верхнія его стороны составляютъ почти непрерывную выпуклую линію; нижнія его стороны довольно прямы и немного сходятся книзу; основаніе почти прямолинейно, съ небольшою выемкою на срединѣ. Надбровныя дуги возвышаются замѣтнымъ образомъ только у переносья, гдѣ онѣ, сходясь, образуютъ широкую, но мало-возвышенную припухлость. Лобные и теменные бугры довольно замѣтны. Полукружныя линіи сначала рѣзко выдаются, но затѣмъ, уже на лобной кости, сглаживаются, а дальше становятся совершенно незамѣтными, — черта, также общая II-му и IV-му черепамъ, и которою они отличаются какъ отъ двухъ другихъ гиляцкихъ, такъ и почти ото всѣхъ остальныхъ

измѣренныхъ здѣсь череповъ. Затылокъ сильно выпуклъ, съ значительнымъ, валикообразнымъ, сверху приплюснутымъ бугромъ. Возвышенныя линіи затылочной кости и гребешки височныхъ костей, лежащіе по направленію скуловыхъ отростковъ и позади сосцевидныхъ отростковъ, ясно обозначены, хотя и не такъ значительны, какъ въ мужскихъ черепахъ. Большое затылочное отверстіе имѣетъ горизонтальное положеніе, небольшую величину и эллиптическую форму; его наибольшая ширина находится на срединѣ. Чешуя височной кости не имѣетъ лобнаго отростка. Большія крылья клиновидной кости широки и вытянуты назадъ; длина шва sphenofrontalis правой стороны = 24 мм., лѣвой = 19 мм.; длина шва sphenoparietalis правой стороны = 15 мм., лѣвой = 19 мм. Носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ. Носовыя кости на верхнемъ концѣ столь же узки, какъ въ I-мъ и II-мъ черепахъ, причемъ плоски и, какъ въ началѣ, такъ и по срединѣ, сильно вогнуты. Носовой показатель достигаетъ исключительной величины (63,8) и обнаруживаетъ чрезвычайно платиринческій носъ [1]). Глазницы, немного вытянутыя книзу и кнаружи, вообще меньше, чѣмъ въ мужскихъ черепахъ, но высота ихъ, сравнительно съ шириною, больше, а потому и показатель ихъ значительнѣе, что̀, по Брока, обыкновенно бываетъ у женщинъ сравнительно съ мужчинами того же племени [2]); такимъ образомъ, онѣ гораздо мезоземичнѣе. Промежутокъ между ними широкъ. Челюстная ямка довольно глубока.

При сопоставленіи всѣхъ четырехъ гиляцкихъ череповъ, оказывается, что три мужскіе черепа представляютъ собою три различныя формы: гипсидолихоцефальную, гипсимезоцефальную и платибрахицефальную; четвертый же, женскій черепъ, подходитъ ко II-му изъ мужскихъ. Изъ этихъ трехъ череповъ, первые два довольно схожи между собою, тогда какъ третій, въ отношеніи длины, ширины и высоты, представляется формою, діаметрально противоположною имъ, а особенно первому: первый длиненъ и узокъ, послѣдній — коротокъ и широкъ; первый высокъ, послѣдній — низокъ. Очень можетъ быть, что это — еще не крайнія формы черепа Гиляковъ; во всякомъ случаѣ, можно теперь уже заключить, что колебанія въ формѣ ихъ черепа весьма значительны, такъ какъ показатель ширины можетъ простираться у нихъ, по крайней мѣрѣ, отъ 70,4 до 85,2, а показатель высоты (относительно ширины) — отъ 88,0 до 101,5; первый, слѣдовательно, колеблется на 14,8, второй на 13,5. Мнѣ кажется, что это обстоятельство, такъ же, какъ и упомянутое выше разнообразіе въ физіономіи Гиляковъ, говоритъ въ пользу того, что въ теченіи времени имъ нерѣдко приходилось смѣшиваться съ другими племенами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вышеописанныя формы черепа у Гиляковъ однако не сводятся просто-на-просто къ тѣмъ формамъ, которыя преобладаютъ у ихъ нынѣшнихъ сосѣдей, Айновъ и тунгусскихъ племенъ. У тѣхъ и другихъ, напротивъ, попадаются безразлично какъ гипсидолихоцефальныя и гипсимезоцефальныя, такъ и платибрахицефальныя формы; это уже отчасти видно изъ вышеприведенной таблицы отношеній и будетъ подробнѣе доказано ниже. У тунгусскихъ племенъ, если судить по имѣющимся

1) По Брока, максимумъ его достигаетъ 72 и болѣе. | 2) Rev. d'Anthrop. T. IV, p. 594.

измѣреніямъ, послѣдняя форма есть, кажется, преобладающая. Такъ ли это и у Гиляковъ— пока еще не доказано. То обстоятельство, что между нашими гиляцкими черепами три значительно высоки и значительно или, по крайней мѣрѣ, довольно длинны, а одинъ только низокъ и коротокъ, на первый взглядъ говоритъ, повидимому, противъ подобнаго заключенія; но, при маломъ числѣ имѣющихся череповъ, это можетъ быть дѣломъ случайности. Судя по внѣшности множества видѣнныхъ мною гиляцкихъ головъ, я, во всякомъ случаѣ, могу сказать, что платибрахицефальная форма черепа, превосходный образецъ которой имѣется и у насъ (№ III), должна попадаться у Гиляковъ очень нерѣдко. Это, какъ извѣстно, — форма чисто-монгольская [1]). Еще больше выказывается монгольскій типъ въ отдѣльныхъ чертахъ нашихъ гиляцкихъ череповъ, не исключая притомъ и тѣхъ, которые отличаются большою высотою и большою или, по крайней мѣрѣ, среднею длиною. Такъ, напримѣръ, монгольскій типъ обнаруживается у нихъ въ чрезвычайной ширинѣ черепа между скуловыми дугами, въ широкомъ и плоскомъ лицѣ, въ значительной ширинѣ щекъ, верхней челюсти и твердаго нёба, въ большомъ разстояніи между углами нижней челюсти, въ узкихъ и плоскихъ носовыхъ костяхъ, вогнутомъ носовомъ хребтѣ и т. д. Точно также и носовой показатель, даже въ гипсидолихоцефальномъ гиляцкомъ черепѣ, соотвѣтствуетъ той величинѣ, которую, по Брока, онъ имѣетъ у монгольскихъ народовъ; въ двухъ изъ нашихъ череповъ — можетъ быть, въ видѣ исключенія, или же какъ крайняя форма — усматривается даже платиринхическій носъ. Тотъ же типъ выказывается и въ большой ширинѣ глазничнаго промежутка на гиляцкихъ черепахъ, тогда какъ глазничный показатель у нихъ значительно меньше, чѣмъ почти у всѣхъ нашихъ тунгусскихъ череповъ и чѣмъ, по Брока [2]), ему слѣдуетъ быть у монгольскихъ народовъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить въ нашихъ гиляцкихъ черепахъ еще одной выдающейся черты, которой нѣтъ у европейскихъ череповъ, но которая равнымъ образомъ встрѣчается почти у всѣхъ изслѣдованныхъ здѣсь тунгусскихъ череповъ, а въ аинскихъ вызвала «удивленіе» Вирхова [3]): это — сильное развитіе всѣхъ отростковъ, гребней и возвышеній, служащихъ для прикрѣпленія мышцъ, и особенно необыкновенная величина мѣстъ прикрѣпленія жевательныхъ мышцъ, обнаруживающаяся сильнымъ развитіемъ далеко восходящихъ и близко подходящихъ другъ къ другу, какъ на теменн, такъ и на затылкѣ, полукружныхъ линій. Эта особенность свойственна, конечно, и другимъ некультурнымъ народамъ, питающимся грубою и сырою пищею.

---

1) Двѣнадцать череповъ Калмыковъ, народа чисто-монгольскаго, измѣренныхъ Бэромъ (Crania selecta etc. Mém. de l'Acad. des sc. de St. Pétersb. VI Sér. Sc. nat. T. VIII, p. 256), оказались всѣ платибрахицефалами, съ среднимъ головнымъ показателемъ 83,7 и среднимъ же показателемъ высоты (относительно ширины) 86,2. Изъ 20-ти, также несомнѣнно калмыцкихъ, череповъ, изслѣдованныхъ Мечниковымъ (Антропологич. очеркъ Калмыковъ. — Извѣстія Общ. любит. Естествозн., Антропол. и Этнографіи, Т. XX. Труды Антропол. Отд. Кн. 2, Москва 1876, стр. 211), 12 оказались брахицефалами, 7 мезоцефалами и только одинъ долихоцефаломъ. Высота этихъ череповъ у него не показана.

2) Rev. d'Anthrop. T. IV, p. 598.

3) Verhandl. der Berliner Gesellschaft für Anthrop., Ethnol. und Urgesch. — Zeitschrift für Ethnol., Bd. V, Berlin 1873, p. (122).

И такъ, у Гиляковъ какъ въ чертахъ лица, такъ и въ строеніи черепа, преобладаетъ монгольскій типъ. Слѣдовательно, съ физической точки зрѣнія, ихъ можно было бы причислить къ народамъ, въ обширномъ смыслѣ слова монгольскимъ или монголо-тунгусскимъ, а разныя немонгольскія черты ихъ наружности, каковы, напримѣръ, болѣе сильный ростъ волосъ и т. п., приписать ихъ долгимъ и многочисленнымъ смѣшеніямъ съ южными сосѣдями ихъ, Аинами; но есть одно обстоятельство, сильно говорящее противъ такого заключенія, — я разумѣю языкъ. Гиляцкій языкъ, по крайней мѣрѣ относительно составляющихъ его словъ, какъ мы уже видѣли, стоитъ въ сторонѣ ото всѣхъ монголо-тунгусскихъ нарѣчій и вообще занимаетъ совершенно изолированное положеніе. Поэтому, въ виду того, что народъ, какъ доказано выше, упорно держится своего языка, я не могу причислить Гиляковъ къ монголо-тунгусскимъ народамъ, а скорѣе склоненъ предполагать, что прежде они были своеобразнѣе даже въ физическомъ отношеніи, и лишь съ теченіемъ времени, вслѣдствіе смѣшенія своего съ Тунгусами, постепенно болѣе и болѣе омонголивались. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что нѣчто подобное, хотя и въ меньшей степени, произошло и съ Аинами; говоря также языкомъ, относительно его словъ совершенно своеобразнымъ, они, въ физическомъ отношеніи, имѣютъ во многомъ монгольскій типъ, который въ чертахъ лица, правда, не очень-то выказывается и иногда даже уступаетъ мѣсто, повидимому, почти европейскому типу, но за то положительно преобладаетъ въ строеніи черепа[1]). На сѣверо-востокѣ Азіи есть еще цѣлый рядъ такихъ народовъ, которые по языку стоятъ особнякомъ, по внѣшности же имѣютъ болѣе или менѣе монгольскій типъ. Таковы именно: Ительмены или Камчадалы, Коряки и Чукчи[2]),

---

1) Virchow, l. c. Dönitz, Bemerk. über Aino's (Mittheil. der deutschen Gesellsch. für Natur- und Völkerkunde Ostasien's, 6. Heft, Dec. 1874, Yokohama, p. 64). Анучинъ, тамъ же, стр. 168, 169.

2) Я разумѣю здѣсь настоящихъ Чукчей, или такъ называемыхъ «оленныхъ» и «береговыхъ», т. е. частью кочующихъ со своими оленями, частью постоянно или временно живущихъ по берегамъ Ледовитаго моря, для рыбной и звѣриной ловли, а не такъ называемыхъ «носовыхъ Чукчей», которые говорятъ совершенно инымъ языкомъ и принадлежатъ къ племени Эскимосовъ. Это послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, было уже замѣчено Биллингсомъ (Путеш. кап. Биллингса чрезъ Чукотск. землю, извлеч. изъ разн. журн. Г. Сарычевымъ, С. Петерб. 1811, стр. 67), но онъ ошибочно относилъ его ко всѣмъ такъ называемымъ «сидячимъ Чукчамъ». Позднѣйшіе путешественники убѣдились, что оно относится только къ народу, живущему по Берингову проливу, между мысомъ Восточнымъ (Пэкъ) и устьемъ рѣки Анадыра, и который самъ называетъ себя «Намолло» (Lütke, Voyage aut. du monde dans les ann. 1826 — 1829, trad. du russe, Paris 1835, T. II, p. 260), а у Чукчей называется «Айгванъ» (Майдель, Отв. Чукотск. экспед. на вопр. Акад. Бэра. — Изв. Сибирск. Отд. Геогр. Общ. Т. II, Иркутскъ 1871, № 1 и 2, стр. 68) или «Айгуанъ» (Нордквистъ, Зам. о численности и нынѣшн. положеніи Чукчей, живущ. по берегу Ледов. моря. — Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XVI, 1880, стр. 95. См. также Petermann's Geogr. Mittheil. 1881, p. 41. По Врангелю [Путеш. по сѣвер. берегу Сибири и по Ледов. морю, С. Петерб. 1841, Ч. II, стр. 333], этотъ народъ у Чукчей называется «Онкилонъ», что значитъ «морскіе люди», а по Нейману [Извѣст. Сибир. Отд. Геогр. Общ. Т. I, № 4 и 5, стр. 25], — «Анг-кали», т. е. близкіе къ морю). Изъ указаній Нордквиста, одного изъ участниковъ экспедиціи судна «Вега», которая, правда, лишь вскользь коснулась нѣсколькихъ пунктовъ азіятскаго берега Берингова пролива, можно, впрочемъ, заключить, что въ настоящее время Намолло сильно смѣшались съ Чукчами. Онъ склоненъ видѣть въ нихъ не болѣе, какъ помѣсь между Чукчами и Эскимосами. Но на возвышенностяхъ, окружающихъ губу Св. Лаврентія, экспедиція «Веги»

Юкагиры, Енисейскіе Остяки и почти исчезнувшіе или отатарившіеся Котты, Арины, Ассаны. Недавно Фр. Миллеръ[1]) соединилъ всѣ эти народы, прибавивъ къ нимъ еще Алеутовъ и Эскимосовъ, въ одну группу, которой онъ, съ географической точки зрѣнія, далъ названіе: «Арктическіе или Гиперборейскіе народы». У Пешеля они образуютъ двѣ группы такъ называемыхъ «Монголовидныхъ народовъ», простирающихся почти чрезъ всю Азію, Полинезію и Америку. Одну изъ этихъ группъ, обнимающую Енисейскихъ Остяковъ, Юкагировъ и Аиновъ, со включеніемъ въ нихъ и Гиляковъ, онъ называетъ «Сѣвернымн Азіятцами, неимѣющими опредѣленнаго мѣста въ системѣ» (Nordasiaten von unbestimmter systematischer Stellung); другой же группѣ, къ которой отнесены имъ всѣ остальные вышеупомянованные инородцы и, кромѣ того, еще Тлинкиты или Колюши и Ванкуверскіе племена, онъ даетъ названіе: «Беринговы народы»[2]). Однако, мнѣ кажется, что и самая группировка эта недостаточно основательна, и названія для группъ подобраны неудачно. Дѣйствительно, какое право имѣемъ мы, съ географической точки зрѣнія, называть Гиляковъ, а тѣмъ болѣе Аиновъ, занимавшихъ въ прежнія времена, какъ это положительно доказано, сравнительно южный, омываемый теплымъ теченіемъ Куро-сиво островъ Нипонъ, народами «арктическими или гиперборейскими»? Далѣе, если, по совершенной изолированности языка, есть полное основаніе называть Енисейскихъ Остяковъ, Юкагировъ, Аиновъ и Гиляковъ «сѣвернымн Азіятцами, неимѣющими опредѣленнаго мѣста въ системѣ», то это въ такой же точно степени справедливо и относительно Камчадаловъ, Коряковъ и Чукчей. На какомъ же основаніи эти послѣдніе народы отдѣлены отъ первыхъ и поставлены въ одну группу съ Эскимосами, Алеутами, Тлинкитами и Ванкуверскими племенами, которые, уже по своему полисинтетическому языку[3]), равно какъ и по многимъ чертамъ строенія лица и черепа[4]), стоятъ гораздо дальше ото всѣхъ прежденазванныхъ племенъ? Поэтому, если оставить пока въ сторонѣ эти американскіе народы и ограничиться лишь одними сѣверо-азіятскими, то соединеніе ихъ въ одну группу будетъ, хотя также лишь коллективно, т. е. основано не на племенномъ родствѣ ихъ между собою, однако все-таки многимъ естественнѣе; да и нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ случаѣ окажется возможнымъ подобрать для этихъ народовъ болѣе правильныя и удачныя названія, какъ съ лингвистической, такъ и съ географической точекъ

нашла каменные курганы чисто эскимосскаго типа, которые, вѣроятно, были сооружены двѣсти или триста лѣтъ тому назадъ.

1) Fr. Müller, Allgemeine Ethnographie, Wien 1873, p. 188.

2) O. Peschel, Völkerkunde, Leipzig 1874, p. 413, 415.

3) F. Wiedemann, Classifik. der Bevölkerung des Russ. Reiches nach den Sprachen (St. Petersburger Kalender für das Jahr 1860, p. 326, 336). Напротивъ, языки всѣхъ вышеупомянованныхъ азіятскихъ народовъ имѣютъ простыя формы (тамъ же, стр. 325).

4) Эскимосскій черепъ, напримѣръ, поразительно высокъ и узокъ. Велькеръ (Kraniol. Mittheil. — Arch. für Anthropol. Bd. I, p. 159) говоритъ объ Эскимосахъ, что они даже «занимаютъ отличительно высокое мѣсто въ области гипсистеноцефаліи», между тѣмъ какъ большинство Монголовъ имѣетъ прямо противоположную имъ форму головы, а именно платибрахицефальную. Точно также отличаются они отъ монгольскихъ народовъ не встрѣчающимся у этихъ послѣднихъ лепторинническимъ строеніемъ носа. (См. Broca, Revue d'Anthrop. T. IV, p. 598).

зрѣнія. Именно, по отношенію къ языку, я назвалъ бы ихъ сѣверо-азіятскими народами-особнякамп. Совершенно подобные народы, стоящіе особнякомъ по языку, встрѣчаются и въ другихъ частяхъ свѣта: въ Европѣ или вообще на западѣ стараго свѣта, напримѣръ, нѣкоторыя Кавказскія племена, Баски, можетъ быть, и вымершіе нынѣ Гванчи, въ Америкѣ — Алеуты, Тлинкиты и т. д. Въ географическомъ же отношеніи, съ перваго взгляда бросается въ глаза то обстоятельство, что почти всѣ подобные народы живутъ по краямъ или окружности материковъ, на выступающихъ изъ нихъ полуостровахъ, или на окружающихъ ихъ островахъ. Особенно въ восточной Азіи, берега которой почти всюду имѣютъ такое очертаніе, всюду окаймлены полуостровами и континентальными островами или грядами острововъ, тянется до крайняго сѣвера непрерывный рядъ изолированныхъ по своему языку народовъ. Таковы именно — если не говорить о подобныхъ, не подлежащихъ нашему разсмотрѣнію народахъ на югѣ Азіи — Гиляки, Аины, Камчадалы, Коряки и Чукчи, Юкагиры. Чуванцы, и. вѣроятно, исчезнувшіе нынѣ, по преданію, переселившіеся въ большую полярную страну. Омоки, Шелаги и др. Къ нимъ примыкаютъ, въ географическомъ отношеніи, стоящіе также особнякомъ по языку народы ближайшей части сѣверо-западной Америки, имѣющей подобное же береговое очертаніе: Алеуты, до нѣкоторой степени, какъ мы увидимъ, Эскимосы и др. Поэтому, съ географической точки зрѣнія, для всѣхъ подобныхъ народовъ вообще невольно напрашивается названіе краевые народы, а для здѣсь разсматриваемыхъ въ частности — краевые народы сѣверо-восточной Азіи. Только для двухъ-трехъ изъ этихъ народовъ, именно для живущихъ внутри Сибири Енисейскихъ Остяковъ и для почти исчезнувшихъ или отатарившихся Коттовъ, Аринозъ и Ассановъ, это названіе, на первый взглядъ, кажется неподходящимъ. Но, при болѣе внимательномъ разборѣ, не трудно замѣтить, что и они обитаютъ по краямъ большихъ, естественно разграниченныхъ физико-географическихъ и этнографическихъ областей, а именно между возвышенностями центральной и обширною низменностью сѣверной Азіи, по склонамъ служащаго этнографическою границею Алтайскаго хребта, или же, если спуститься дальше въ низменность, между равнинами западной и гористыми странами восточной Сибири, и вмѣстѣ съ тѣмъ, между обширными областями финскихъ племенъ на западѣ и на сѣверѣ, тунгусскихъ на востокѣ и татарскихъ и монгольскихъ на югѣ. Поэтому, если принимать названіе «краевые народы» въ этомъ смыслѣ, соотвѣтственно которому не необходимо, чтобы они непремѣнно жили по берегамъ моря, то можно безъ натяжки причислить его и къ упомянутымъ народамъ средней Сибири, стоящимъ по своему языку также особнякомъ.

Но, кромѣ двухъ изложенныхъ точекъ зрѣнія, лингвистической и географической, представляется, при обозрѣніи этихъ народовъ, еще третья и болѣе обширная точка зрѣнія, историческая. Дѣйствительно, если принять въ соображеніе изолированность ихъ языка, размѣщеніе ихъ по краямъ материковъ или вообще обширныхъ географическихъ или этнографическихъ областей, небольшое распространеніе, наконецъ, малую и постоянно еще уменьшающуюся ихъ численность, то невольно возникаетъ мысль, что это — лишь остатки нѣкогда болѣе многочисленныхъ, распространенныхъ и развѣтвленныхъ племенъ, такъ ска-

зать, выходы пластовъ болѣе древней этнографической формаціи, надъ которою, вслѣдствіе неоднократно повторявшихся напливовъ, отложились новыя формаціи. Такъ какъ прежнее распространеніе и развѣтвленіе этихъ народовъ, безъ сомнѣнія, происходило въ Азіи, ближе къ центру материка, то до тѣхъ поръ, пока лингвисты не открыли какихъ-либо родственныхъ отношеній ихъ къ другимъ племенамъ, я предложилъ бы, съ историко-географической точки зрѣнія, соединить ихъ въ одну группу, подъ названіемъ палэазіятскихъ, или точнѣе, сѣверныхъ или сѣверо-восточныхъ палэазіятскихъ народовъ. Надо полагать, что, подъ напливомъ и напоромъ болѣе сильныхъ и живучихъ народовъ, бо́льшая часть этихъ древнихъ племенъ была постепенно поглощаема и наконецъ исчезла, и что сохранились лишь немногіе, даже только единичные представители ихъ, на небольшихъ клочкахъ земли, по рубежамъ областей, занятыхъ ихъ притѣснителями, или же, въ нѣсколько бо́льшемъ числѣ, по краямъ материка, которыхъ они достигли, постоянно отступая передъ новыми пришельцами. Въ тѣхъ имепно случаяхъ, когда имъ удавалось основать себѣ новую родину на островахъ или на наиболѣе отдѣляющихся отъ материка полуостровахъ, могли и должны были сохраниться въ бо́льшей степени, вмѣстѣ съ ихъ отечественнымъ языкомъ, и ихъ физическія особенности. Тѣмъ не менѣе, неизбѣжное смѣшеніе съ пришельцами не могло не отразиться и на этихъ народахъ: нѣкоторыя физическія особенности ихъ сгладились, а въ замѣнъ ихъ появились черты, общія тѣмъ и другимъ народамъ. Можетъ быть, такимъ образомъ можно объяснить себѣ вышеупомянутый фактъ, что у всѣхъ нынѣшнихъ народовъ сѣверо-восточныхъ окраинъ Азіи, не смотря на своеобразность языка каждаго изъ нихъ, въ строеніи черепа и лица преобладаетъ монгольскій типъ, но рядомъ съ нимъ имѣются и нѣкоторыя своеобразныя, положительно немонгольскія черты, которыя проявляются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше народъ, переселеніемъ своимъ на близлежащія острова, успѣлъ укрыться отъ дальнѣйшаго монголо-тунгусскаго вліянія, какъ это сдѣлали, напримѣръ, Аины и, до нѣкоторой степени, Гиляки. Постепенное вытѣсненіе сѣверныхъ палэазіятскихъ народовъ другими, финскими или урало-алтайскими, тюрко-татарскими, монгольскими и тунгусскими племенами, вѣроятно, началось въ весьма отдаленныя времена и продолжалось долго, происходя то медленнымъ, то временно ускореннымъ образомъ. Нѣкоторыя волны этихъ движеній видны и въ историческія времена, иныя проявляются даже въ недавнемъ прошломъ. Такъ, я уже упоминалъ выше о движеніи въ XIV столѣтіи Бурятовъ къ Байкальскому озеру, Якутовъ внизъ по долинѣ Лены и Тунгусовъ на западъ, къ Енисею, и на востокъ, къ Охотскому морю, Становому хребту и Амурскому краю. Когда Аины уже сдѣлались краевымъ народомъ восточной Азіи, Японцы стали вытѣснять ихъ изъ занятаго ими острова Нипона[1]) и такимъ образомъ заставили ихъ идти дальше, на Курильскіе острова и Сахалинъ. Можетъ быть, это движеніе Аиновъ съ юга и было причиною тому, что часть Гиляковъ покинула Сахалинъ и снова перешла на материкъ, къ нижнему Амуру и къ берегамъ Охотскаго моря, — на что, повидимому, указы-

1) См. выше, стр. 126.

ваютъ вышеупомянутыя лингвистическія данныя [1]). О движеніи въ Амурскомъ краѣ тунгусскихъ племенъ на востокъ уже не разъ было упомянуто выше. Превосходнымъ доказательствомъ напора ихъ на сѣверо-восточныя палэазіятскія племена служитъ также вышеупомянутое [2]), правда, хронологически неопредѣлимое, но, по всей вѣроятности, не очень давнее переселеніе Ороковъ, вѣтви амуро-тунгусскихъ Ольчей, на Сахалинъ, къ Гилякамъ и Айнамъ. Совершенно подобное явленіе повторилось недавно и на Камчаткѣ, — полуостровѣ, имѣющемъ, по своимъ физическимъ условіямъ и палэазіятскому населенію, характеръ острова [3]). Въ 1854 году, К. В. Дитмаръ писалъ изъ Петропавловскаго порта въ Академію [4]): «Ламуты (какъ извѣстно, береговые Тунгусы Охотскаго моря) — явленіе, совершенно новое въ этихъ мѣстахъ. Отъ Коряковъ я часто слышалъ, что въ ихъ предѣлахъ эти оленные верховые кочевники впервые показались лишь 20 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ годъ отъ году появляются все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ числѣ. Коряки оказываютъ имъ, правда, нѣкоторое гостепріимство, но лишь въ томъ, что открываютъ имъ среди себя дорогу въ богатую рыбою и дичью Камчатку. Ламуты, съ своей стороны, весьма хорошо понимаютъ это дружелюбное настроеніе своихъ хозяевъ и поспѣшно продолжаютъ путь къ болѣе высокимъ горнымъ долинамъ западнаго склона средняго Камчатскаго хребта. Тамъ они, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, повидимому, поселились небольшими улусами, а въ послѣднее время стали даже доходить до самаго Большерѣцка». Нельзя не замѣтить аналогіи въ этихъ движеніяхъ — Ороковъ на Сахалинъ и Ламутовъ въ Камчатку. Но на Тунгусовъ, въ свою очередь, напираютъ съ запада Якуты, движеніе которыхъ изъ долины Лены на востокъ продолжается донынѣ такъ же, какъ шло въ прежнія столѣтія, и, по свидѣтельству многихъ изъ вышеупомянутыхъ фактовъ, распространяется все глубже и глубже въ область Тунгусовъ.

Бо̀льшею извѣстностью, чѣмъ эти событія, происходившія на крайнемъ сѣверѣ и востокѣ Азіи, пользуются неоднократныя движенія народовъ, которыя также исходили изъ центральной Азіи, но распространялись на сѣверъ и западъ и достигали не разъ даже до самыхъ отдаленныхъ окраинъ Европы. И здѣсь, слѣдовательно, можно найти остатки древнихъ этнографическихъ формацій, обнаруживающіеся именно по краямъ материка. Пока лингвисты еще не высказались рѣшительнымъ образомъ объ этихъ народахъ, можно, съ исторической точки зрѣнія, назвать ихъ палэевропейскими или, пожалуй, западными палэазіятскими народами. Хотя они и не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, однако я считаю не лишнимъ, для примѣра, указать на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, въ Біскайскомъ заливѣ еще понынѣ обитаетъ народъ Баски, стоящій, по своему языку, совершенно особнякомъ. Это — остатокъ древнихъ Иберійцевъ, вытѣсненныхъ Кельтами. Отъ другого палэевропейскаго народа, Этрусковъ, обитавшихъ на западѣ Апеннинскаго полуострова,

---

1) См. выше, стр. 220, 221.

2) См. стр. 138.

3) См. I-й томъ моего сочиненія: «Reisen und Forschung. im Amur-Lande», стр. 200.

4) C. v. Ditmar, Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen (Bullet. de la cl. historico-philol. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XIII, p. 100; Mél. russes, T. III, p. 2).

сохранились образцы языка, служащіе доказательствомъ его своеобразности [1]). На западѣ третьяго изъ южныхъ полуострововъ Европы, въ горахъ Албаніи, обитаютъ Шкипетары или Арнауты, языкъ которыхъ, хотя и пришадлежитъ къ индо-европейскимъ, однако, повидимому, не находится въ близкомъ родствѣ ни съ однимъ изъ прочихъ языковъ того же корня. И въ послѣдствіи, въ Европѣ, при повторявшемся наплывѣ индо-европейскихъ народовъ, одни, болѣе древніе, поглощались или вытѣснялись другими, пришедшими позже, и встрѣчаются въ настоящее время лишь въ видѣ немногочисленныхъ краевыхъ народовъ. Такъ, Кельты, вытѣснившіе Иберійцевъ, сохранились сами, со своею народностью, т. е. со своимъ роднымъ языкомъ, только по краямъ западной Европы, а именно: съ кимрскимъ нарѣчіемъ только въ Бретани и Усльсѣ, а съ гельскимъ или гадельскимъ только въ западной Ирландіи, на островѣ Манѣ и въ Шотландіи [2]). На сѣверѣ Европы, народы уралоалтайской семьи, занимающей въ Азіи еще обширныя пространства, прижимаются, вслѣдствіе давленія на нихъ съ юга, все болѣе и болѣе къ полярнымъ окраинамъ материка; такъ, на Лопарей, распространявшихся прежде гораздо дальше къ югу [3]), и на Самоѣдовъ напираютъ финскія племена, а на нихъ, въ свою очередь, Норвежцы, Шведы и Русскіе.

Съ подобными же явленіями встрѣчаемся мы и въ Новомъ свѣтѣ. Я остановлюсь здѣсь только на нѣкоторыхъ племенахъ сѣверной и сѣверо-западной Америки, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ нашимъ сѣвернымъ Палеазіятамъ. По справедливому замѣчанію Риттера, первое открытіе этого материка Норманнами доставило нѣкоторыя свѣдѣнія о переселеніи тамъ народовъ [4]). Когда Норманны, въ концѣ X вѣка, основали свои первыя колоніи въ Гренландіи, безъ вѣсти пропавшія въ послѣдствіи, страна эта была незаселена; въ открытой же ими, немного позже, около 1000 г., Винландіи, на восточномъ берегу Америки, они встрѣтили Эскимосовъ, которымъ, по причинѣ ихъ малаго роста, дали прозваніе «Скреллингеръ», т. е. обрѣзки, карлики. При вторичномъ открытіи сѣверной Америки, въ концѣ XV вѣка, здѣсь уже болѣе не оказалось Эскимосовъ, — они были вытѣснены Индѣйскими племенами, а когда, въ 1721 году, прибылъ въ южную Гренландію Хансъ Эгеде, то тамъ уже не было Норманновъ, а вмѣсто нихъ явилось новое племя, Эскимосы, которые, по поздѣйшимъ изслѣдованіямъ, переселились туда въ половинѣ XIV столѣтія [5]). Такимъ образомъ, мы знакомимся съ этимъ народомъ въ самое время его движенія на сѣверъ. Сильное развитіе въ сѣверной Америкѣ европейскихъ колоній, оттѣснившее Индѣйцевъ къ сѣверу и западу, должно было вмѣстѣ съ тѣмъ усилить давленіе на Эскимосовъ. Если

---

1) У Пешеля (Völkerkunde, p. 543) находится показаніе, что недавно филологу Корсену удалось замѣтить принадлежность этрусскаго языка къ древнеиталійскимъ нарѣчіямъ, но что изслѣдованія эти онъ до того времени (1874 г.) еще не публиковалъ.

2) Fr. Müller, Allg. Ethnogr. p. 483. Peschel, Völkerkunde, p. 543.

3) По Нильсону; см. Baer, Ueber den Schädelbau der Rhätisch. Romanen (Bull. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. I, 1860, p. 53).

4) C. Ritter, Gesch. der Erdkunde und der Entdeckungen. Vorles. herausg. von H. A. Daniel, Berlin 1861, p. 214.

5) По Конраду Маурери, въ Zweite deutsche Nordpolarfahrt, Leipzig, 1873, Bd. I, p. 234. См. Peschel, Völkerkunde, p. 62, 419.

принять во вниманіе, что слѣды ихъ жилищъ встрѣчаются на восточномъ берегу Гренландіи еще до 76° с. ш.[1]), то трудно допустить, что Эскимосы не были охвачены такимъ же движеніемъ и въ сѣверо-западной части материка. Поэтому, очень можетъ быть, что эскимосское племя Памолло, обитающее нынѣ по азіятскому берегу Берингова пролива къ югу отъ мыса Восточнаго (Пэкъ) и почти до устья Анадыра, перешло туда изъ Америки, вслѣдствіе означеннаго движенія. Тѣмъ не менѣе, такое переселеніе было бы лишь возвращеніемъ части Эскимосовъ въ Азію, подобно вторичному переселенію Гиляковъ съ Сахалина на материкъ Азіи, потому что Эскимосы, если судить по чертамъ ихъ лица и по ихъ преданіямъ, весьма вѣроятно — азіятскаго происхожденія. Хотя, по своему языку и по строенію черепа, они до нѣкоторой степени и стоятъ особнякомъ среди нынѣшнихъ азіятскихъ народовъ, однако черты ихъ лица, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, видѣвшихъ ихъ, несомнѣнно — монгольскаго типа[2]). У Каняговъ (Каняг-мютъ), эскимосскаго племени, сильно смѣшаннаго въ настоящее время съ Колюшами, Пинартъ нашелъ преданіе, свидѣтельствующее, что предки ихъ жили въ странѣ, лежащей къ западу[3]). Съ другой стороны, Врангель говоритъ, что Каняги, Чугачи, Кускоквимцы и другія эскимосскія племена, какъ говорятъ ихъ преданія, пришли въ занимаемыя ими нынѣ мѣста, на островъ Кадьякъ, въ Аляску, въ Чугацкій заливъ, на рѣку Кускоквимъ и пр., съ сѣвера[4]). Отсюда, принимая также во вниманіе монгольское строеніе ихъ лица, можно вывести заключеніе, что Эскимосы переселились въ Америку изъ Азіи чрезъ Беринговъ проливъ, какъ это предполагали уже Шамиссо[5]), Веньяминовъ[6]) и др. Вѣроятно, сѣверъ Америки былъ въ то время незаселенъ, что и дало Эскимосамъ возможность безпрепятственно разселиться отъ Берингова пролива къ югу, до Аляски, острова Кадьяка и Чугацкаго залива, гдѣ они столкнулись съ Колюшами, а къ востоку—до береговъ Атлантическаго океана. Это обширное

---

1) Клеверингъ встрѣтилъ Эскимосовъ, въ 1823 г., на восточномъ берегу Гренландіи еще около 74° с. шир. Вторая германская экспедиція въ сѣверныя полярныя страны (въ 1870 г.) нашла, правда, только остатки прежнихъ эскимосскихъ жилищъ, но они простирались къ сѣверу до самаго мыса Арендса, лежащаго въ 76° шир. (Jul. Payer, въ Petermann's, Geogr. Mittheil. 1872, p. 190, 413 u. Taf. 10).

2) Такъ, напримѣръ, Шамиссо (Bemerk. u. Ans. auf einer Entdeckungsreise, въ соч. Коцебу: «Enteckungs-Reise in die Süd-See und nach der Berings-Strasse», Bd. III, Weimar 1821, p. 176) называетъ Эскимосовъ, на всемъ протяженіи отъ Берингова пролива до Гренландіи, «племенемъ съ сильно монгольскимъ типомъ лица». По Литке (Voyage aut. du monde, T. II, Paris 1835, p. 264), у Памолло монгольскія черты лица особенно выступаютъ у женщинъ и дѣтей. Вирховъ, при изслѣдованіи гренландскихъ, а въ новѣйшее время и лабрадорскихъ Эскимосовъ, неоднократно замѣчаетъ, что, не смотря на своеобразное строеніе черепа, лицо у нихъ все-таки монгольское. «Если», говоритъ онъ, «представить себѣ голову раздѣленною на двѣ части: на часть, содержащую въ себѣ мозгъ, или собственно-черепную, и часть, составляющую лицо, или физіономическую, то можно сказать, что физіономическая часть у Эскимосовъ — монгольская, а черепная — своеобразная, особенная» (Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.—Zeitschr. f. Ethnol. Bd. XII, 1880, p. [256]).

3) A. Pinart, Esquimaux et Koloches. Idées rélig. et tradit. des Kaniagmioutes (Revue d'Anthropol. 1873, № 4), p. 6 (отдѣльнаго оттиска).

4) Wrangell, Statist. u. ethnogr. Nachr. über die Russ. Besitz. an der Nordwestküste von Amerika (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, herausg. von Baer und Helmersen, Bd. I, St. Petersb. 1839, p. 124).

5) Тамъ же.

6) Записки объ остр. Уналашкинскаго отд. С. Петерб. 1840, Т. I, стр. 112, 113.

распространеніе Эскимосовъ имѣло въ теченіе времени послѣдствіемъ значительное развѣтвленіе этого племени и развитіе среди него діалектическихъ и другихъ особенностей. По этой-то причинѣ, а именно потому, что они въ Америкѣ встрѣтили для себя полный просторъ, мнѣ и кажется вѣроятнымъ, что Намолло — Эскимосы, не оставшіеся въ Азіи, а скорѣе возвратившіеся туда изъ Америки, вслѣдствіе наступившаго тамъ давленія на нихъ съ юга[1]). Впрочемъ, какъ-бы то ни было, а азіятское происхожденіе Эскимосовъ можно считать несомнѣннымъ.

Почти то же надо сказать и объ Алеутахъ. Въ чертахъ ихъ лица монгольскій типъ выказывается еще болѣе рѣзко. «На первый взглядъ», говоритъ Врангель, «видно, что они — азіятскаго происхожденія, отъ Монголовъ или Маньчжуровъ; точно также и Японцы, прибывшіе въ Ново-Архангельскъ съ разбившагося на Сандвичевыхъ островахъ судна, сильно напоминали собою жителей Уналашки»[2]). Къ тому же, по Врангелю и Веньяминову[3]), у Алеутовъ сохранилось преданіе, что, тѣснимые другими народами, они пришли на свои острова изъ обширной и теплой страны, лежащей къ западу[4]). На этомъ основаніи, Веньяминовъ также полагаетъ, что они, быть можетъ, переселились на Алеутскіе острова изъ Японіи, чрезъ Курильскіе острова, Камчатку и островъ Беринговъ, слѣдовательно, морскимъ путемъ, и это, дѣйствительно, кажется весьма вѣроятнымъ, если принять въ соображеніе ихъ чрезвычайную ловкость и отвагу на морѣ, какія врядъ-ли встрѣчаются у какого-либо другого народа. Однако, путь къ дальнѣйшему распространенію вдоль материка Америки былъ имъ отрѣзанъ Колюшами и Канягами. Вотъ причина, почему они не достигли такого развѣтвленія, какъ Эскимосы; но, съ другой стороны, постоянно оставаясь на своихъ островахъ, они больше послѣднихъ могли сохранить свои монгольскія черты лица.

---

1) Биллингсъ (Путеш. кап. Биллингса чрезъ Чукотск. землю, извл. изъ разн. журн. Г. Сарычевымъ, С. Петерб. 1811, стр. 68) смотрѣлъ на племя Намолло вообще какъ на переселившихся изъ Америки въ Азію Каняговъ (Эскимосовъ). Клапротъ (Asia polygl. p. 322) называетъ ихъ также «полярными Американцами изъ Азіи.» Впрочемъ, столь малочисленное нынѣ племя Намолло прежде, т. е. вскорѣ послѣ переселенія своего изъ Америки, повидимому, занимало въ Азіи гораздо большее пространство, а въ послѣдствіи было снова оттѣснено. Врангель (Путеш. по сѣв. бер. Сибири и Ледов. моря, Т. II, стр. 333), въ 1823 году, слышалъ о существующемъ у нихъ преданіи, что лѣтъ за 200 до того они жили по всему берегу Ледовитаго моря, отъ Берингова пролива до Шелагскаго мыса. Это подтверждается тѣмъ, что на всей означенной полосѣ сохранились многочисленные слѣды жилищъ, совершенно непохожихъ на жилища Чукчей, а именно врытыхъ частью въ землю, на подобіе юртъ Эскимосовъ. По Врангелю, есть нѣсколько доказательствъ тому, что, съ другой стороны, и Чукчи жили въ то время гораздо западнѣе, даже за Колымою, и что они были оттѣснены къ востоку лишь послѣ завоеванія этой рѣки Ленскими казаками. Такимъ образомъ, легко вывести заключеніе, что Чукчи, послѣ кровавыхъ столкновеній съ Русскими, отступая передъ ними, напирали, въ свою очередь, на Намолло и, наконецъ, оттѣснили ихъ на самый край материка, къ Берингову проливу.

2) Statist. u. ethnogr. Nachr. l. c. p. 124. О Канягахъ (Кадьякцахъ) Врангель, напротивъ, говоритъ, что въ нихъ можно узнать Эскимосовъ только по языку, тогда какъ по наружности, вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ американскими племенами, они совершенно утратили свой первобытный азіятскій типъ.

3) Тамъ же, Т. I, стр. 109; Т. II, стр. 272.

4) Напротивъ того, штурманъ Зайковъ, посѣтившій Алеутскіе острова въ 70 хъ годахъ прошедшаго столѣтія, говоритъ, что, по словамъ жителей Аляски, Алеуты вышли оттуда въ древнѣйшія времена и распространились съ острова на островъ, до самаго дальняго изъ нихъ (Атту). (Neue Nord. Beytr. Bd. III, St. Petersb. und Leipzig, 1782, p. 284).

Если родиною Эскимосовъ и Алеутовъ была когда-то Азія, то является вопросъ: что могло побудить ихъ покинуть ее? Мнѣ кажется, что причину этому слѣдуетъ искать въ тѣхъ же передвиженіяхъ народовъ, о которыхъ было говорено выше. Гиляки, Аины, Камчадалы, Коряки, Чукчи и др. народы, будучи тѣснимы нынѣшними сибирскими инородцами къ сѣвернымъ и восточнымъ окраинамъ Азіи, напирали, въ свою очередь, на Эскимосовъ и Алеутовъ и, наконецъ, напоромъ своимъ заставили ихъ перейти по двумъ вышеозначеннымъ путямъ, чрезъ Беринговъ проливъ и чрезъ Беринговъ островъ, въ Америку. Слѣдовательно, подобно первымъ племенамъ, оттѣсненнымъ на сѣверныя и восточныя окраины Азіи, мы должны назвать и эти народы, переброшенные тѣмъ же напоромъ изъ ихъ азіятской родины на противолежащіе берега Америки, также палэазіятскими. Къ тому же, одинъ изъ этихъ народовъ, Эскимосы, не смотря на свое обширное распространеніе и развѣтвленіе въ Америкѣ, еще и нынѣ обитаетъ одною вѣтвью своею, племенемъ Намолло, въ Азіи, своей первобытной родинѣ, причемъ все равно, составляетъ ли это племя остатокъ прежняго эскимосскаго населенія Азіи, или же оно снова перешло туда въ послѣдствіи изъ Америки.

Полагаю, что этимъ я обозначилъ до нѣкоторой степени, въ какомъ отношеніи находятся Гиляки, а равно и Аины, къ племенамъ сѣверной Азіи и пограничной съ нею сѣверной Америки. Судя по ихъ своеобразному и нынѣ изолированному языку, они не находятся въ племенномъ родствѣ съ ними, но имѣютъ, съ географической и исторической точекъ зрѣнія, ближайшее отношеніе къ тѣмъ народамъ, которыхъ мы, наравнѣ съ ними, назвали краевыми народами сѣверной Азіи, или сѣверными Палэазіятами, и притомъ особенно къ тѣмъ изъ этихъ послѣднихъ, которые остались въ Азіи, а затѣмъ, до извѣстной степени, и къ тѣмъ, которые, будучи тѣснимы первыми, перешли изъ Азіи въ близлежащую часть Америки. Если въ послѣдствіи, при обозрѣніи образа жизни, нравовъ и воззрѣній Гиляковъ, мы увидимъ, что у нихъ есть нѣчто общее преимущественно съ остальными палэазіятскими народами, то это, конечно, будетъ служить подтвержденіемъ справедливости нашего взгляда.

Въ предъидущемъ изложеніи уже было предварительно указано въ общихъ чертахъ, въ какомъ отношеніи племя **Аиновъ** находится къ остальнымъ инородцамъ восточной Азіи, но еще не было представлено какихъ-либо доказательствъ тому, ни относительно языка, ни относительно его физическихъ свойствъ. Однако Аины, и въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ, извѣстнѣе всѣхъ прочихъ, разсматриваемыхъ здѣсь народовъ. Я самъ мало встрѣчался съ ними, не знаю ихъ языка, видѣлъ лишь немногихъ изъ нихъ, частью въ Аинѣ, частью между Сахалинскими Гиляками, и не имѣлъ случая производить измѣренія надъ хорошо сохранившимися аинскими черепами. Поэтому, все, что будетъ сказано ниже о происхожденіи Аиновъ, объ ихъ языкѣ и физическихъ свойствахъ, ограничивается краткимъ сопоставленіемъ и крити-

ческимъ разборомъ мнѣній и показаній, высказанныхъ объ этомъ предметѣ съ разныхъ сторонъ.

Нѣтъ народа, о которомъ, какъ объ Аинахъ, было бы выражено въ короткое время столько разнообразныхъ, даже противорѣчащихъ другъ другу мнѣній относительно происхожденія или племеннаго родства съ другими народами. Первый отзывъ о томъ встрѣчаемъ мы у Лаперуза. Основываясь на болѣе правильныхъ, «болѣе европейскихъ» чертахъ лица туземцевъ Оку-Ессо (Сахалинскихъ Аиновъ), — чертахъ, не встрѣчающихся у Орочей залива де-Кастри, онъ говоритъ, что какъ этотъ островъ, такъ и населенные тѣмъ же племенемъ Курильскіе острова и Ессо, получили свое населеніе навѣрное не съ противолежащаго материка, а обязаны имъ какой-нибудь «колоніи, народности, можетъ быть, даже чуждой Азіи»[1]). Изображенія аинскихъ головъ въ атласѣ къ путешествію Крузенштерна[2]), бывшія долгое время единственными, повидимому, подтверждали это мнѣніе. То же надо сказать о нѣкоторыхъ изображеніяхъ, появившихся позже, хотя они въ настоящее время и не имѣютъ никакого значенія, въ томъ случаѣ, когда сдѣланы не по фотографіямъ[3]). Самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалъ и отстаивалъ свое мнѣніе объ индо-европейскомъ происхожденіи Аиновъ Бикморъ[4]). Онъ говоритъ, что Аины, по чертамъ лица, особенно по горизонтальному разрѣзу своихъ широко раскрытыхъ глазъ, по нисколько не выдающимся скуламъ и по сильному росту волосъ, не имѣютъ ничего общаго съ окружающими ихъ азіятскими народами, Японцами, Китайцами, Корейцами, Маньчжурами, Гиляками и Камчадалами, а, напротивъ, напоминаютъ собою «бородатыхъ русскихъ мужиковъ славянскаго племени»[5]). Поэтому, онъ смотритъ на нихъ, какъ на «вѣтвь нашей собственной арійской семьи», и какъ-бы для того, чтобы придать бо́льшее значеніе своему взгляду, прибавляетъ, что д-ръ Пикерингъ, директоръ этнологическаго отдѣла общества естествоиспытателей въ Бостонѣ и этнологъ большой «Экспедиціи Соединенныхъ Штатовъ» (Exploring Expedition), вполнѣ раздѣляетъ его мнѣніе и даже уполномочилъ его напечатать такой свой отзывъ. Бикморъ полагаетъ, что, между тѣмъ какъ одни индо-европейскія племена двинулись съ возвышенности центральной Азіи, чрезъ Иранъ, къ западу, а другія, именно Персы и Индусы, къ югу, одна вѣтвь того же племени направилась на востокъ и достигла до острововъ, составляющихъ нынѣшнюю Японію, гдѣ мы по настоящее время встрѣчаемъ ее подъ именемъ Аиновъ. Принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе показанія

---

1) La Pérouse, Voyage aut. du monde, réd. par Milet-Mureau, T. III, Paris 1797, p. 88, 114.

2) Табл. LXXVII — LXXIX.

3) Такъ, напримѣръ, изображенія, сообщенныя Габертамомъ, въ сочиненіи Нотта и Глиддона: «Indigen. Races of the Earth, Philadelphia 1857», p. XII; см. также № 5 въ «Ethnogr. Tableau» поименованнаго труда.

4) Alb. Bickmore, The Ainos or Hairy men of Jesso, Saghalien and the Kurile Islands (Amer. Journ. of Science, May, 1868, p. 8, 9, 21, 24).

5) Впрочемъ, еще Головнинъ и Врыкинъ говорили, что Аины, по своимъ густымъ чернымъ усамъ и бородѣ, очень похожи на русскихъ крестьянъ. См. «Письма съ Сахалина» послѣдняго (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. Кн. VII, Иркутскъ 1864, стр. 14).

Зибольда объ языкѣ Аиновъ, Бикморъ приходитъ даже къ тому заключенію, что они — народъ арійскаго племени, лишь говорящій языкомъ неарійскимъ, который, однако, свойственъ только одинмъ Аинамъ и, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 2500 л., не заимствовалъ ими ни отъ какого другого, покореннаго ими или поработившаго ихъ народа. Съ послѣднимъ мнѣніемъ можно вполнѣ согласиться, потому, что, во-первыхъ, до сихъ поръ еще не знаютъ такого народа, отъ котораго Аины могли бы заимствовать свой языкъ, и во-вторыхъ потому, что еще понынѣ они упорно придерживаются своего языка, не смотря на все превосходство и всю силу вліянія на ихъ такой культурной націи, какъ Японцы. Однако, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы имѣть это обстоятельство въ виду и при рѣшеніи вопроса объ ихъ происхожденіи.

Не лучше и то мнѣніе, что Аины — семитическаго происхожденія. Англійскій пасторъ въ Гонконгѣ, д-ръ Грей, полагаетъ именно, что они — не болѣе, какъ племя Евреевъ, заброшенное на нынѣшніе Японскіе острова. На чемъ это мнѣніе основано, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ я знаю о немъ лишь по небольшой статьѣ Р. Гертнера[1]).

Подобно тому, какъ одни искали родичей Аиновъ на дальнемъ западѣ Стараго свѣта, другіе отыскивали ихъ далеко на востокѣ, въ Новомъ свѣтѣ. Германскій министръ-резидентъ въ Японіи, фонъ-Брандтъ, замѣтилъ, по собственнымъ наблюденіямъ, такое сходство между Аинами и разными Индѣйскими племенами сѣверной Америки, а именно Ютами и Шошонами, что не сомнѣвался въ ихъ племенномъ родствѣ[2]).

Гораздо важнѣе и любопытнѣе взглядъ Вивьена де-Сенъ-Мартена на происхожденіе Аиновъ[3]). Онъ причисляетъ ихъ къ особой расѣ, населявшей нѣкогда всѣ восточно-азіятскіе острова, отъ Суматры до Филиппинскихъ, — расѣ, потомки которой еще донынѣ обитаютъ во внутренней части этихъ острововъ; таковы именно: Батты на Суматрѣ, Даяки на Борнео, Тагалы на Люсонѣ, Бицайи на Минданао и др. Эта бѣлая раса, имѣвшая приблизительно, хотя и не совсѣмъ, кавказскія черты, занимала пространство между желтыми племенами восточной Азіи, съ одной стороны, и черными юго-западной Океаніи, съ другой. Окружающую ее нынѣ на этихъ островахъ малайскую расу Вивьенъ считаетъ лишь помѣсью, происшедшею въ весьма древнія времена отъ смѣшенія съ нею желтыхъ азіятскихъ племенъ. Хотя о существованіи на большихъ восточно-азіятскихъ островахъ другой расы, совершенно отличной отъ малайской, было уже давно извѣстно, однако Вивьенъ впервые обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что она вовсе не ограничивается этими островами, а разошлась оттуда и дальше, двумя вѣтвями. Одна вѣтвь распространилась на востокъ, чрезъ всѣ острова Полинезіи, а другая пошла на сѣверъ и заняла всѣ острова, окаймляющіе восточную Азію, отъ Фор-

---

1) Zeitschr. der Gesellsch. für Erdkunde zu Berlin, Bd. II, 1867, p. 381.

2) Verhandl. der Berlin. Gesellsch. für Anthropol., Ethnol. und Urgesch., въ Zeitschr. für Ethnol. Bd. IV, 1872, p. (198), (241).

3) L'année géographique, IXe et X^{e} ann. (1870—1871), Paris 1872, p. 93—97.

мозы до Камчатки. Такимъ образомъ, эта раса распространилась и обитаетъ только по островамъ, а потому Вивьенъ называетъ ее Океанскою[1]). Сѣверная ея вѣтвь, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ и Аиновъ. Доказательство этому онъ видитъ именно въ сильномъ ростѣ у нихъ бороды и прочихъ волосъ, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ безбородыхъ Китайцевъ, Маньчжуровъ и другихъ монгольскихъ народовъ и, напротивъ, походятъ на Даяковъ и другія, подобныя имъ племена восточно-азіятскаго архипелага. Однако весьма замѣчательно, что какъ разъ съ той же самой точки зрѣнія, а именно на основаніи физическаго сходства, Пешель высказываетъ прямо противоположное мнѣніе о происхожденіи Аиновъ. По сильному росту у нихъ волосъ и по предполагаемому черному цвѣту ихъ кожи, онъ считаетъ возможнымъ, что они находятся въ племенномъ родствѣ съ Аэтами или Негритами Филиппинскихъ острововъ[2]). Но, если это справедливо, то они принадлежали бы не къ бѣлой, Океанской расѣ Вивьена де-Сенъ-Мартена, а къ черной, Папуасской. Впрочемъ, самъ Пешель говоритъ, что такое предположеніе онъ выражаетъ не съ полною увѣренностью въ его справедливости, а лишь для того, чтобы возбудить вопросъ о сравнительномъ изученіи языковъ упомянутыхъ племенъ, какъ объ единственномъ средствѣ для опредѣленія мѣста, занимаемаго Аинами въ системѣ народовъ.

Есть, наконецъ, ученые, подававшіе голосъ въ пользу континентально-азіятскаго, а именно болѣе или менѣе положительно-монгольскаго происхожденія Аиновъ. Такъ, напримѣръ, Зибольдъ[3]), хотя и ставитъ ихъ, по языку и происхожденію, совершенно особенно ото всѣхъ до тѣхъ поръ извѣстныхъ племенъ сѣверо-восточной Азіи, однако находитъ въ ихъ внѣшности, нравахъ и обычаяхъ большое сходство какъ съ жителями залива де-Кастри, о которыхъ говоритъ Лаперузъ, такъ и съ племенами «Кпленгъ» и «Кечепгъ», живущими въ долинѣ «Хингана» (Амгуни) и на морскомъ берегу, къ юго-востоку отъ Амура и противъ острова Сахалина, т. е., какъ мы уже знаемъ, съ Орочами, Ольчами, Гольдами, Негидальцами и, слѣдовательно, вообще съ Амурскими Тунгусами[4]). Такимъ образомъ, говоритъ онъ, хотя и можно найти на азіятскомъ берегу древніе, тысячелѣтніе слѣды Аиновъ, однако прослѣдить этотъ народъ до самой его колыбели нѣтъ возможности, за недостаткомъ историческихъ свѣдѣній объ этихъ странахъ. Тѣмъ не менѣе онъ предполагаетъ, что Аины пришли на занимаемые ими нынѣ острова, подвигаясь внизъ по Амуру, и притомъ въ весьма древнія времена, прежде чѣмъ Ительмены достигли, тѣмъ же путемъ, Камчатки. Затѣмъ, тѣснимые, по его мнѣнію, Ительменами съ сѣверо-востока, Коряками и Тунгусами съ сѣвера и сѣверо-запада и Японцами съ юга, Аины должны были ограничиться занимаемыми ими нынѣ мѣстностями[5]).

---

1) Впрочемъ, отдѣльныя, разбросанныя группы этой расы находитъ онъ и въ береговой части материка восточной Азіи; таковы, напримѣръ, Мои въ горахъ Кохинхины (тамъ же, стр. 94).

2) Osc. Peschel, Völkerkunde, Leipzig 1874, p. 415.

3) Aardrijks-en volkenkund. toelicht. tot de ontdekk. van Maert. Gerr. Vries, Amsterdam 1858, p. 117, 118, 121.

4) Впрочемъ, самъ Лаперузъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія. См. его: Voyage aut. du monde, T. III, p. 104, 114; а также выше, стр. 214.

5) Какъ представлялъ себѣ Зибольдъ переходъ Ительменовъ чрезъ страну, занятую Аинами, этого

Зибольдъ не пошелъ дальше этого общаго указанія на континентально-азіятское происхожденіе Аиновъ и на сходство ихъ съ однимъ изъ народовъ монгольскаго племени, съ Амурскими Тунгусами. Другіе же причисляютъ Аиновъ, на основаніи ихъ физическихъ свойствъ, прямо къ этому племени. Такъ, д-ръ Добротворскій, прожившій на Сахалинѣ слишкомъ пять лѣтъ и внимательно изучавшій Аиновъ, говоритъ, что, по типу лица, они принадлежатъ къ монгольской расѣ[1]). Еще опредѣленнѣе высказывается по этому вопросу Дённицъ. Изъ своихъ изслѣдованій о тѣлосложеніи, въ особенности о строеніи лица и черепа Аиновъ, онъ выводитъ заключеніе, что они — Монголы, что отъ Японцевъ отличаются они, быть можетъ, даже меньше, чѣмъ германскія племена отъ романскихъ, и что о какомъ-либо сходствѣ ихъ, по типу, съ западно-европейскими народами не можетъ быть и рѣчи[2]). Такой выводъ Дённица стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ вышеупомянутымъ взглядомъ Лаперуза, Бикмора и др. И такъ, мы видимъ, что на основаніи физическихъ свойствъ Аиновъ выводились самыя разнообразныя заключенія о происхожденіи этого народа. Это обстоятельство служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что физическія свойства Аиновъ подвержены значительнымъ колебаніямъ, на которыя не было обращаемо должнаго вниманія, что выводы, напротивъ, дѣлались всегда лишь на основаніи немногихъ данныхъ, и что, наконецъ, можно вообще придти къ самымъ ошибочнымъ заключеніямъ, если, въ вопросахъ о происхожденіи народа, обращать исключительное вниманіе на его физическія свойства и оставлять въ сторонѣ его языкъ. Поэтому, разсмотримъ теперь каждое изъ этихъ условій порознь и подробнѣе, подобно тому, какъ это было сдѣлано нами выше относительно Гиляковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Штраленбергъ впервые собралъ нѣсколько курильскихъ словъ[3]), знакомство съ аинскимъ языкомъ было значительно подвинуто впередъ цѣлымъ рядомъ собраній аинскихъ словъ и разными статьями, касающимися строенія этого языка. Нѣкоторыя изъ этихъ собраній были составлены путешественниками на мѣстѣ, на Курильскихъ островахъ и въ Камчаткѣ, на Сахалинѣ, на Ессо; таковы собранія словъ у Крашенинникова[4]), Лаперуза[5]), Броутона[6]). Другія же составлены исключительно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно при помощи Японцевъ или японскихъ источниковъ;

онъ не разъяснилъ. О Корякахъ онъ упоминаетъ въ этомъ случаѣ вѣроятно только потому, что отнесъ къ нимъ искаженное Японцами названіе «Кордекке» для Гольдовъ. См. выше, стр. 153.

1) Добротворскій, Южн. часть остр. Сахалина. (Изв. Спб. Отд. Геогр. Общ. Т. I, № 2 и 3, Иркутскъ 1870, стр. 26); его же: Айнско-русскій словарь, Казань 1875, стр. 32 (Прилож. къ Учен. Зап. Имп. Казанск. Универс. 1875 г.).

2) W. Dönitz, Bemerk. über Aino's (Mittheil. der Deutsch. Gesellsch. für Natur- und Völkerkunde Ostasien's, Yokohama, Dec. 1874, p. 64).

3) Strahlenberg, Das Nord- und Ostl. Theil von Europa und Asia, Stockholm 1730. Курильскія слова помѣщены на таблицѣ, приложенной къ этому сочиненію и носящей заглавіе: «Gentium boreo-orientalium vulgo Tartarorum Harmonia linguarum», подъ рубрикою: «Kurili oder ost- und südliche Einwohner in Kamtschatki.» Тутъ большею частью значатся числительныя имена, но находятся и нѣкоторыя другія слова.

4) Описаніе земли Камчатки (Полн. собр. учен. путешествій по Россіи, издав. Имп. Акад. Наукъ, Т. II, С. Петерб. 1819, стр. 267—272).

5) Voyage aut. du monde, T. III, Paris an V (1797), p. 116—123.

6) A Voyage of discov. to the North Pacific Ocean, London 1804, p. 390.

таковы собранія словъ у Тицинга[1]), Давыдова[2]), Клапрота[3]), Пфицмайера[4]), Зибольда[5]) и др. Новѣйшій и полнѣйшій изо всѣхъ аинскихъ словарей — словарь недавно умершаго д-ра М. Добротворскаго. При составленіи его, онъ пользовался, во-первыхъ, большимъ запасомъ словъ (до 5733), собранныхъ имъ самимъ во время его пятилѣтняго пребыванія на Сахалинѣ, и, во-вторыхъ, большинствомъ прежнихъ трудовъ подобнаго рода[6]). Въ этомъ трудѣ находятся также основательныя замѣчанія относительно фонетики аинскаго языка, а у Зибольда и особенно въ различныхъ статьяхъ Пфицмайера[7]) — нѣкоторыя указанія о грамматическомъ строеніи его. И такъ, хотя до сихъ поръ еще и нѣтъ такой аинской грамматики, которая соотвѣтствовала бы требованіямъ филологовъ, однако существующаго матеріала уже совершенно достаточно, чтобы опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится аинскій языкъ къ другимъ языкамъ и нарѣчіямъ. При всемъ томъ нѣтъ, однако, никакого указанія въ пользу какого бы то ни было родства этого языка ни съ индо-европейскими или семитическими языками, ни съ нарѣчіями восточно-азіятскихъ Папуасовъ, Полинезійцевъ или Индѣйскихъ племенъ сѣверной Америки. Слѣдовательно, по отношенію къ языку, всѣ вышеприведенныя мнѣнія о происхожденіи Аиновъ отъ этихъ племенъ не имѣютъ никакого основанія. Единственное родство, замѣченное будто-бы въ языкѣ Аиновъ, указываетъ на Азію. Клапротъ полагаетъ именно, что аинскій языкъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ самоѣдскимъ и съ другими сѣверо-азіятскими нарѣчіями[8]). Однако Пфицмайеръ значительно ограничилъ это предполагаемое сходство, а

---

1) Въ его переводѣ «Jeso-ki» Каннемона. (Annales des Voyages, publ. par Malte-Brun, T. XXIV, Paris 1814, p. 165—170).

2) Они публикованы Крузенштерномъ, на русскомъ языкѣ, въ его Путешествіи вокругъ свѣта, T. III, стр. 342 — 380, на нѣмецкомъ — въ его-же: Wörtersamml. aus den Sprachen einiger Völker des östl. Asiens und der Nordwest-Küste von Amerika, St. Petersb. 1813, p. 1—29. См. также Pfizmayer, Kritische Durchsicht der von Dawidof verfassten Wörtersamml. aus der Sprache der Aino's, als Beilage zum Decemberheft des Jahrg. 1851 (Bd. VII) der Sitzungsber. der philosoph.-histor. Klasse der Kais. Akad. der Wissensch. zu Wien, p. 382 ff. Хотя Крузенштернъ и полагаетъ, что Давыдовъ самъ собралъ эти аинскія слова, однако Зибольдъ (Aardr.-en volkenkund. toelicht. tot de ontdekk. van Maert. Gerr. Vries, Amsterdam 1858, p. 120) считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что это собраніе словъ составлено какимъ-нибудь Японцемъ. Дѣйствительно, уже помимо лингвистическихъ соображеній, мнѣ кажется, что въ пользу этого мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что экспедиція Давыдова на Сахалинъ, устроенная Рѣзановымъ изъ личной мести къ Японцамъ, имѣла единственною цѣлью разрушеніе на этомъ островѣ ихъ колоній, а потому была лишь весьма кратковременна.

3) Въ Langsdorff's Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Frank. a. M. 1812, Bd. I, p. 300 — 303; Asia polyglotta, Paris, 1823, p. 302 — 315; San kokf tsou ran to tets, ou Aperçu génér. des trois royaumes, Paris 1832, p. 242 — 255. Курильскія слова, собранныя въ Камчаткѣ и помѣщенныя въ послѣднемъ сочиненіи, заимствованы изъ рукописи Стеллера, которую Клапротъ получилъ въ Иркутскѣ (San kokf etc. p. V).

4) Vocabular. der Aino-Sprache (Denkschr. der Kais. Akad. der Wissensch. Philosoph.-histor. Classe, Bd. V, Wien 1854, p. 137—230).

5) Aardrijks-en volkenkund. toelicht. Amsterdam 1858, p. 127 — 139.

6) Аинско-русскій словарь, Казань 1875 (Прилож. къ Учен. Зап. Импер. Каз. Унив. 1875 г., 487 стр. 8°). Въ предисловіи авторъ разбираетъ всѣ прежнія собранія аинскихъ словъ. Странно, однако, что между ними не говорится у него объ упомянутыхъ выше трудахъ Тицинга, Клапрота, въ San kokf tsou ran to sets, и Зибольда.

7) Unters. über den Bau der Aino-Sprache (Sitzungsber. der Kais. Akad. der Wissensch. Philos.-histor. Classe, Wien 1851); его же: Abhandl. über die Aino-Sprache, Wien 1852 (Sitzungsber. Jahrgg. 1849 u. 1850).

8) Klaproth, Asia polyglotta, p. 302.

Зибольдъ положительно утверждаетъ, что языкъ Аиновъ своеобразенъ и самобытенъ и не имѣетъ въ своихъ корняхъ ничего общаго съ языками ни сосѣднихъ, ни прочихъ племенъ сѣверо-восточной Азіи, а стоитъ между ними совершенно особнякомъ [1]), — точно такъ же, говоритъ онъ, какъ и Аины стоятъ особнякомъ между другими народами. Этими показаніями относительно аинскаго языка оправдывается высказанный нами выше взглядъ, что Аины, такъ же, какъ и Гиляки, — племя палеазіятское, вытѣсненное въ теченіе времени съ материка Азіи на окаймляющіе его съ востока острова и, по своему языку, вполнѣ оспротѣвшее.

Физическія свойства Аиновъ обращали на себя особенное вниманіе всѣхъ путешественниковъ, такъ какъ, сравнительно съ Японцами и другими азіятскими племенами, они, на первый взглядъ, представляютъ много особеннаго и своеобразнаго. Однако показанія путешественниковъ, какъ уже было замѣчено выше, нерѣдко сильно расходятся, — не потому, чтобы они были невѣрны, а потому, что основаны на слишкомъ недостаточномъ матеріалѣ. Только по сопоставленіи и сравненіи ихъ между собою, можно составить себѣ полное понятіе о физическомъ складѣ Аиновъ. Разсмотримъ же его отдѣльныя черты порознь.

Два древнѣйшія извѣстія, въ которыхъ упоминается о ростѣ Аиновъ, отличаются крайностями. Тогда какъ Іеронимъ де-Ангелисъ, въ 1622 г., писалъ изъ Японіи, что «Аины выше обыкновеннаго человѣческаго роста» [2]), Іоаннъ Сарисъ, напротивъ, почти въ то же время доносилъ, что туземцы южной части Ессо — одинаковаго роста съ Японцами, живущіе же на этомъ островѣ дальше къ сѣверу — «очень малы, точно карлики» [3]). Изъ обоихъ показаній видно, что острова, лежащіе къ сѣверу отъ Нипона, представлялись въ ту пору еще въ какомъ-то сказочномъ свѣтѣ. Кромѣ того, послѣднее извѣстіе основано не на собственныхъ наблюденіяхъ Сариса, а на разсказахъ одного Японца, два раза посѣтившаго островъ Ессо. Всѣ позднѣйшія показанія приписываютъ Аинамъ средній [4]), или даже не доходящій до средняго, малый ростъ [5]). Такими показались и мнѣ Аины, которыхъ я видѣлъ въ заливѣ Анива. Болѣе опредѣленными, численными данными относительно роста Аиновъ мы обязаны Лаперузу [6]) и Роллену [7]),

---

1) Siebold, Ardr.-en volkenk. toelicht. p. 121. Такого же мнѣнія и Форбесъ; см. Hellwald, Das Volk der Ainos (Das Ausland, 1873, p. 913).

2) Witsen, Noord en Oost Tartarye, Amsterdam 1692, 2. deel, p. 58. Siebold, l. c. p. 94.

3) Siebold, l. c. p. 97.

4) Крашенинниковъ, тамъ же, стр. 258. Broughton, l. c. p. 88. Forbes, The Western Shores of Volcano Bay, Yesso (Proceed. of the R. Geogr. Soc. Vol. X, London 1866, № IV, p. 170). Brandt, Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthrop., Ethnol. und Urgesch. 1872 (Zeitschr. f. Ethnol. Bd. V, p. [27]). Августиновичъ, Жизнь Русск. и инородц. на остр. Сахалинѣ, С. Петерб. 1874, стр. 39; и др.

5) Vries, см. Witsen, l. c. p. 52. Siebold, l. c. p. 100. Hawks, Narrat. of the Exped. of an Amer. squadr. to the China Seas and Japan, under the comm. of commod. M. C. Perry, New-York, p. 524. Habersham, см. Nott and Gliddon, Indigen. Races of the Earth, Philadelphia 1857, p. 620. Jos. Barnard Davis, Descript. of the Skeleton of an Aïno Woman, and of three Skulls of Men of the same race (Memoirs read before the Anthropolog. Society of London, Vol. III, 1870, p. 35). Blakiston, Journey round the Island of Yezo (Proceed. of the R. Geogr. Soc. Vol. XVI, London 1872, № III, p. 192). Добротворскій, тамъ же, стр. 33. Напротивъ того, показаніе Дю-Шато (Duchateau, Congrès intern. des Oriental. T. I, Paris 1874, p. 197), будто Аины — высокаго роста, стоитъ совершенно особнякомъ.

6) Тамъ же, Т. III, стр. 40.

7) La Pérouse, Voyage etc. T. IV, p. 73, 86.

Крузенштерну[1]) и Лангсдорфу[2]), Бикмору[3]), Сентъ-Джону[4]), Дённицу[5]). Эти данныя также всѣ согласны между собою: по нимъ, ростъ Айновъ около 5 пар. футъ и развѣ лишь немного выше или ниже этой мѣры[6]). Приблизительно таковъ же, по измѣреніямъ, произведеннымъ Моннике надъ пятидесятью мужчинами, и средній ростъ Японцевъ (5′ 1—2″)[7]). Само собою разумѣется, что этимъ не отрицается существованіе между Айнами особей положительно низкаго или, напротивъ, высокаго роста; примѣромъ послѣднихъ можетъ служить Айнъ, описанный, къ сожалѣнію, безъ числешыхъ данныхъ, Виттингамомъ[8]). Не такъ сходны между собою показанія о ростѣ айнскихъ женщинъ. Клапротъ[9]), основываясь на японскомъ источникѣ, говоритъ, что онѣ вообще — высокаго роста. Бикморъ, раздѣляя это мнѣніе, прибавляетъ, что онѣ немногимъ уступаютъ мужчинамъ. Другіе же, напротивъ, прямо говорятъ, что Айнки — малаго роста[10]). Очевидно, оба мнѣнія основаны на преждевременныхъ обобщеніяхъ; притомъ, послѣднему мнѣнію могла немало способствовать фигура айнскихъ женщинъ, часто пришибленная и согнутая, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ работъ, выпадающихъ на ихъ долю[11]). Истина, вѣроятно,—въ срединѣ этихъ двухъ свидѣтельствъ.

Судя по большинству вышеприведенныхъ источниковъ, Айны—крѣпкаго тѣлосложенія, съ сильно развитою мускулатурою. Ролленъ приписываетъ имъ даже нѣкоторую полноту[12]). По Сентъ-Джону, напротивъ, какъ мускулистыя, такъ и полныя фигуры составляютъ среди нихъ лишь рѣдкія исключенія; обыкновенное же явленіе и между мужчинами, и между женщинами — тонкія, худыя, тощія фигуры. Безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи существуютъ нѣкоторыя колебанія и замѣчаются мѣстныя различія, такъ какъ болѣе или менѣе благопріятныя или неблагопріятныя условія жизни, равно какъ и отношенія Айновъ къ притѣсняющимъ ихъ Японцамъ, могутъ имѣть вліяніе на физическое развитіе этого племени. Такъ, еще Головнинъ замѣтилъ, что Айны острова Ессо — болѣе высокаго роста и болѣе крѣпкаго тѣлосложенія, чѣмъ жители сѣверныхъ Курильскихъ острововъ, и причину этому видѣлъ въ ихъ болѣе дѣятельной жизни и въ изобиліи хорошей и здоровой пищи, въ которой послѣдніе,

---

1) Путеш. вокр. свѣта, Т. II, стр. 80.

2) Тамъ же, Т. I, стр. 284.

3) Тамъ же, стр. 6, 10.

4) St. John, The Ainos: Aborigines of Yeso (The Journ. of the Anthropolog. Institute of Great Britain and Ireland, Vol. II, London 1873, p. 248).

5) Bemerk. über die Aino's (Mittheil. der Deutsch. Gesell. für Natur- und Völkerk. Ostasien's, 6 Heft, Yokohama 1874, p. 66).

6) Только у Дённица встрѣчается нѣсколько значительно меньшихъ цифръ, но онѣ относятся къ очень молодымъ, очевидно, еще не вполнѣ выросшимъ Айнамъ, какъ это замѣчаетъ и Анучинъ (тамъ же, стр. 123).

7) O. Mohnike, Die Japaner. Eine ethnogr. Monographie, Münster 1872, p. 15, 16. Леонъ де-Рони (Léon de Rosny, Moeurs des Aïno, insulaires de Yéso et des Kouriles, Paris 1857, p. 3) говоритъ, вѣроятно на основаніи японскихъ источниковъ, что Айны вообще выше Японцевъ. Но, по свидѣтельству Бикмора (тамъ же, стр. 10), разница между ними самая малая.

8) См. вышеназванное сочиненіе Бикмора, стр. 10. Габершамъ также видѣлъ нѣсколькихъ Айновъ, которыхъ, по его словамъ, можно бы было въ каждой странѣ считать за высокихъ. См. Nott and Gliddon l. c. p. 621.

9) San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu génér. des trois royaumes, p. 231.

10) Таковы именно показанія Виттингама (см. Bickmore, l. c.) и Сентъ-Джона (The Ainos etc. l. c.).

11) Ростъ японскихъ женщинъ Моннике (тамъ же) называетъ вообще малымъ, выводя для него изъ 30 измѣреній среднюю цифру 4′ 1 — 3″.

12) . . . «un léger embonpoint» (тамъ же, стр. 73).

напротивъ, терпѣли недостатокъ[1]). На Сахалинѣ, по Августиновичу, сѣверные Аины, живущіе около Тарайки, въ заливѣ Терпѣнія, не только въ нравственномъ отношеніи, но и по своему тѣлосложенію, стоятъ выше живущихъ въ южной части острова[2]). И это не удивительно: первые до того времени оставались свободными, тогда какъ послѣдніе находились подъ сильнымъ гнетомъ Японцевъ.

Объ относительной величинѣ отдѣльныхъ частей тѣла у Аиновъ можно сказать лишь мало опредѣленнаго, вслѣдствіе недостаточности матеріала, на которомъ основаны всѣ показанія. По нимъ, Аины вообще — пропорціональнаго тѣлосложенія[3]). Дёницъ, измѣрившій наибольшее число Аиновъ, хотя также лишь всего пять мужчинъ, не выводитъ изъ найденныхъ имъ чиселъ общаго заключенія объ отношеніи между собою отдѣльныхъ частей тѣла, такъ какъ измѣренныя имъ особи не достигли еще полнаго возраста (имъ было отъ 15-ти до 19-ти лѣтъ), и слѣдовательно у нихъ взаимныя отношенія отдѣльныхъ частей могли со временемъ еще измѣниться[4]). Анучинъ же, взявъ изъ этихъ чиселъ среднія, опредѣлилъ отношенія ихъ къ средней величинѣ всего роста, и затѣмъ, сравнивъ ихъ съ соотвѣтственными величинами у другихъ народовъ, пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ[5]). Голова у Аиновъ сравнительно велика[6]), туловище длинно, руки сравнительно длиннѣе, чѣмъ у Европейцевъ (вслѣдствіе относительно бо́льшей длины предплечья)[7]), ноги, напротивъ того, немного короче (вслѣдствіе относительно меньшей длины бедра), кисти и стопы малы[8]). Къ такому же результату по опредѣленію относительной величины конечностей пришелъ и Анучинъ по измѣреніи соотвѣтствующихъ костей въ двухъ аинскихъ скелетахъ съ Сахалина, одномъ — мужскомъ, и другомъ, вѣроятно, женскомъ[9]). Съ этимъ результатомъ согласны и числа, найденныя еще до него Дэвисомъ[10]) при сравненіи скелета одной Аинки съ острова Ессо съ женскимъ скелетомъ нѣмецкаго происхожденія, подробно описаннымъ Зёммерингомъ. Разность лишь въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ не только бедренная кость, но въ особенности и кости голени, большая и малая берцовыя, были такъ несоразмѣрно коротки, что Дэвисъ счелъ это главнымъ отличіемъ аинскаго скелета отъ упомянутаго выше нѣмецкаго. Однако, можно ли принять такое отношеніе отдѣльныхъ частей тѣла у Аиновъ за правило, — это опредѣлится лишь въ послѣдствіи, при бо́льшемъ числѣ измѣреній.

То же надо сказать и о формѣ отдѣльныхъ костей, замѣченной Дэвисомъ и Анучинымъ въ вышеупомянутыхъ аинскихъ скелетахъ. Пока нѣтъ болѣе многочисленныхъ наблю-

---

1) Головнинъ, Записки о приключ. его въ плѣну у Японцевъ, С. Петерб. 1816, Ч. III, стр. 160.

2) Августиновичъ, Жизнь Русск. и инородц. на остр. Сахалинѣ, С. Петерб. 1874, стр. 39.

3) Hawks, Narrat. of the Exped. of an Amer. squadr. to the China Seas and Japan, und. the comm. of commod. Perry, New-York 1856, p. 524. St. John, l. c. p. 248.

4) Dönitz, l. c. p. 64.

5) Анучинъ, тамъ же, стр. 127.

6) Это было замѣчено еще Ролленомъ (тамъ же, стр. 74).

7) Напротивъ, Броутону (Voyage of disc. p. 105) руки, сравнительно съ туловищемъ, показались короткими.

8) По мнѣнію г-жи Бёрдъ (Miss Isab. Bird, Unbeaten Tracks in Japan, London 1880, p. 992), кисти и стопы у Аиновъ, на оборотъ, велики.

9) Тамъ же, стр. 145.

10) Barn. Davis, Mem. of the Anthrop. Soc. l. c. p. 23.

дешй, ее никакъ нельзя признавать за отличительную черту, свойственную всѣмъ Аинамъ, а еще меньше, какъ то дѣлаетъ Анучинъ, за признакъ ихъ принадлежности къ низшей расѣ, такъ какъ форма костей подлежитъ значительнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ. Сюда относятся, напримѣръ, подробно разсмотрѣнныя Анучинымъ формы плечевой и бедренной костей, особенно въ ихъ поперечномъ разрѣзѣ [1]), форма отдѣльныхъ костей кисти и стопы [2]), замѣченная Дэвисомъ узкость таза у аинскихъ женщинъ [3]) и т. д. Дэвисъ въ особенности указываетъ также на массивность костей у Аиновъ, которой, однако, Анучинъ не нашелъ на сахалинскихъ скелетахъ, такъ что и въ этомъ отношеніи встрѣчаются колебанія. Мнѣ кажется, что гораздо большее, хотя и не отличительное, значеніе имѣетъ указанное послѣднимъ сильное развитіе въ аинскихъ скелетахъ всѣхъ отростковъ, выпуклостей, гребней и вообще всѣхъ неровностей и мѣстъ прикрѣпленія мышцъ. Какъ я уже говорилъ [4]), оно видно и въ нашемъ гиляцкомъ скелетѣ, было замѣчено также у другихъ дикихъ народовъ и вообще, быть можетъ, повторяется, въ большей или меньшей степени, у всѣхъ первобытныхъ племенъ, находясь въ связи съ болѣе сильными, развивающими мускулатуру физическими напряженіями, которыхъ требуетъ отъ нихъ борьба за существованіе.

Никогда изъ сторонъ физическаго склада Аиновъ не подвергалась столькимъ противорѣчивымъ показаніямъ, какъ цвѣтъ ихъ кожи. Просматривая весь рядъ этихъ показаній, встрѣчаешь всѣ оттѣнки цвѣта, начиная съ «почти чернаго» [5]) — бурый, мѣдный, красноватый, бронзовый, желтый, желтоватый — до «бѣлаго» [6]). Такое разногласіе можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что, во-первыхъ, о цвѣтѣ кожи у Аиновъ судили по первому впечатлѣнію, не принимая въ соображеніе вліянія на него постороннихъ условій, каковы грязь, копоть, загаръ и пр.; во-вторыхъ тѣмъ, что упомянутые оттѣнки цвѣта такого рода, что не легко пріискать для нихъ точныя выраженія и, наконецъ, что цвѣтъ кожи у Аиновъ, очевидно, подлежитъ многимъ и весьма значительнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ. Первое обстоятельство играло, можетъ быть, немаловажную роль въ тѣхъ случаяхъ, когда Аинамъ приписывался весьма смуглый, почти черный цвѣтъ кожи. Впрочемъ, такого рода показаній меньше другихъ; они встрѣчаются, напримѣръ, у Крузенштерна, Гокса [7]), Габершама [8]).

---

1) Тамъ же, стр. 146 и слѣд.

2) Тамъ же, стр. 148, 163.

3) Въ женскомъ скелетѣ, изслѣдованномъ Анучинымъ, недоставало костей таза.

4) См. выше, стр. 223.

5) Крузенштернъ, (Путеш. вокр. свѣта, Ч. II, стр. 80) говоритъ, что цвѣтъ кожи у Аиновъ «такъ теменъ, что близко подходитъ къ черному».

6) По свидѣтельству Сариса (1613) и Куна (въ журналѣ, веденномъ во время морского путешествія Фриса; см. Siebold, Aadr. etc. p. 96, 100). Послѣдній неоднократно говоритъ о «бѣлыхъ» (аинскихъ) мужчинахъ и женщинахъ въ заливахъ Анива и Терпѣнія; по его же словамъ, женщины на островѣ Крафто (Сахалинѣ) бѣлѣе женщинъ на Ecco. Іеронимъ де-Ангелисъ также показывалъ, что цвѣтъ кожи у Аиновъ на островѣ Ecco ближе подходитъ къ бѣлому, чѣмъ къ бурому (Witsen, Noord en Oost Tart. 1692, 2. deel, p. 58. Siebold, l. c. p. 94). Въ «Korte Beschryv. van het Eyl. Eso», помѣщенномъ въ отчетѣ Фриса, сказано только, что женщины менѣе темнаго (бураго) цвѣта кожи, чѣмъ мужчины (Siebold, l. c. p. 100). Изъ этихъ указаній видно, что мнѣніе Анучина (тамъ же, стр. 132), будто голландскіе мореплаватели XVII столѣтія показывали цвѣтъ кожи у Аиновъ чернымъ, невѣрно.

7) Hawks, Narrat. of the Exped. of an Amer. squadr. p. 524.

8) Nott and Gliddon, Indigen. Races, p. 621.

Послѣдній, правда, выражается весьма опредѣлительно въ этомъ смыслѣ: онъ говоритъ, что видѣлъ нѣсколько сотъ Айновъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и у всѣхъ у нихъ былъ темно-чернобурый цвѣтъ кожи, за исключеніемъ лишь одного взрослаго мужчины, котораго, однако, можно было сильно подозрѣвать въ смѣшанномъ происхожденіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Габершамъ самъ указываетъ на чрезвычайную грязь, въ которой живутъ Аины, и даже сомнѣвается въ томъ, моются ли они когда-либо. Къ тому же, другіе [1]) находятъ цвѣтъ кожи у айнскихъ женщинъ и дѣтей болѣе свѣтлымъ, чѣмъ у мужчинъ, что совершенно естественно, но не согласно съ вышеприведеннымъ показаніемъ Габершама. Наконецъ, еще болѣе противорѣчитъ ему свидѣтельство Брандта, что цвѣтъ кожи у молодыхъ людей темнѣе, чѣмъ у лицъ болѣе преклонныхъ лѣтъ [2]). Подъ послѣдними, вѣроятно, надо разумѣть стариковъ, у которыхъ болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи можно было бы объяснить тѣмъ, что они принимаютъ меньше участія въ работахъ, а потому меньше подвергаются вліянію на нихъ солнечнаго загара и пр. И такъ, мнѣніе Габершама, при всей своей опредѣлительности, оказывается преждевременнымъ и неосновательнымъ [3]). Аины, которыхъ я самъ видѣлъ, дѣйствительно, были не темно-чернобураго цвѣта кожи — не говорю уже о черномъ — а только смугло-желтоватаго, какими описываетъ ихъ и Добротворскій [4]), имѣвшій случай собрать наибольшее число самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ Аинахъ во время своей болѣе чѣмъ пятилѣтней врачебной дѣятельности на Сахалинѣ. Отъ Гиляковъ, среди которыхъ мнѣ пришлось однажды встрѣтиться съ Аинами, послѣдніе, повидимому, существенно не отличаются цвѣтомъ кожи. Съ другой стороны, Дёницъ, называющій цвѣтъ кожи у Айновъ также свѣтло-бурымъ или желтоватымъ, замѣчаетъ, что, при сопоставленіи ихъ съ Японцами, не оказалось между ними никакого существеннаго различія по цвѣту кожи; у первыхъ кожа была только болѣе бураго, чѣмъ желтоватаго оттѣнка, который, впрочемъ, встрѣчается нерѣдко и у послѣднихъ [5]). И такъ, по цвѣту кожи, нѣтъ никакого основанія причислять Айновъ къ темной, Папуасской расѣ и сопоставлять ихъ съ Аэтами или Негритами Филиппинскихъ острововъ; напротивъ того, въ этомъ отношеніи они непосредственно примыкаютъ къ своимъ азіятскимъ сосѣдямъ: Гилякамъ, съ одной стороны, и Японцамъ, съ другой.

На сколько расходятся показанія относительно цвѣта кожи у Айновъ, на столько согласны они въ отношеніи роста у нихъ волосъ. Дѣйствительно, нѣтъ ни одного описанія Айновъ, какъ кратко и бѣгло оно ни было бы, въ которомъ не упо-

---

1) Фрисъ (у Зибольда, тамъ же), Сентъ-Джонъ и др.

2) «У молодыхъ Айновъ», говоритъ Габершамъ, «онъ слегка бронзовый, у болѣе старыхъ почти бѣлый» (v. Brandt, въ Verh. der Berl. Gesell. für Anthrop., Ethnol. und Urgesch. 1872, p. [27]. — Zeitschrift für Ethnol. Berlin, Bd. IV, 1872).

3) Дэвисъ (тамъ же, стр. 35), напротивъ, держится того мнѣнія, что свидѣтельствомъ Крузенштерна и Габершама окончательно доказано, что цвѣтъ кожи у Айновъ — темный, хотя, прибавляетъ онъ, вершины горъ населяемой ими страны покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Однако, надо полагать, что, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, первое показаніе окажется столь же ошибочнымъ, какимъ уже оказалось послѣднее.

4) Тамъ же, стр. 33.

5) Dönitz, l. c. p. 63.

миналось бы о сильномъ развитіи у нихъ волосъ, какъ о самой выдающейся чертѣ ихъ наружности. Притомъ, чѣмъ извѣстіе древнѣе, тѣмъ, обыкновенно, эта особенность ихъ изображена въ болѣе яркихъ краскахъ. Такъ, Алоизій Фрусъ (Froes), въ 1565 г., писалъ, что земля къ сѣверу отъ Японіи населена «дикарями», у которыхъ все тѣло мохнато, а борода и усы ужасно длинны [1]). Подобныя показанія о сильной по всему тѣлу растительности волосъ у Айновъ можно найти у Франсуа Карона, Фриса и др. [2]). Іезуитскій миссіонеръ Іеронимъ де-Ангелисъ (1622 г.), хотя и не упоминаетъ о прочихъ частяхъ тѣла Айновъ, однако говоритъ, что борода у нихъ достигаетъ иногда до средины туловища [3]); въ «Ecco-ки» Каннемона (1652 г.) также сказано, что почти у всѣхъ мужчинъ борода очень густа, длиною иногда фута въ два, и покрываетъ все лицо, за исключеніемъ глазъ и носа [4]). Извѣстно также, что Русскіе, когда перешли, въ XVIII столѣтіи, съ Камчатки на Курильскіе острова и отчасти овладѣли ими, описывали жителей болѣе отдаленныхъ южныхъ острововъ обросшими по всему тѣлу волосами, и потому называли ихъ «мохнатыми Курильцами», или просто «Мохнатыми» [5]). Волосистость Айновъ должна была броситься имъ тѣмъ болѣе въ глаза, что въ Сибири они повсюду имѣли дѣло лишь съ почти безбородыми туземцами. И позднѣе встрѣчаются еще сильно рельефныя показанія о ростѣ волосъ у Айновъ; такъ, напримѣръ, у Броутона [6]), Головнина [7]), еще недавно у Септъ-Джона [8]) и др. Однако, начиная съ Лаперуза [9]) и Крузенштерна [10]), стало слагаться мнѣніе, что подобныя показанія преувеличены, и что лица съ такимъ же сильнымъ развитіемъ волосъ встрѣчаются и между Европейцами, — мнѣніе, подтверждавшееся впослѣдствіи все болѣе и болѣе, благодаря непосредственнымъ сравненіямъ [11]). Впрочемъ, если и отбросить всѣ преувеличенія, то все-таки надо признать, что развитіе волосъ у Айновъ достаточно сильно, чтобы служить особенно выдающеюся чертою, отличающею ихъ отъ остальныхъ сѣверо- и центрально-азіятскихъ народовъ. Тѣмъ не

---

1) Зибольдъ (Aadr. etc. p. 93) полагаетъ, что это-то описаніе и побудило Авраама Ортеліуса назвать, въ своемъ «Theatrum orbis terrarum», островъ (Ecco), лежащій къ сѣверу отъ Японіи, «Satyrorum insula».

2) Siebold, l. c. p. 98, 100.

3) Witsen, Noord en Oost Tart. 1692, 2. deel, p. 58. Siebold, l. c. p. 94.

4) Titsingh, Descrip. de la terre de Jesso, trad. du japonais (Ann. des Voyages, T. XXIV, 1814, p. 155). San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu génér. des trois royaumes, trad. par Klaproth, Paris 1832, p. 230.

5) Крашенинниковъ, Опис. земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, Т. I, стр. 143; Т. II, стр. 258). Neue Beschr. der Kuril. Ins. (Pallas, Nord. Beytr. Bd. IV, p. 117, 132, 133, 138). Полонскій, Курилы (Зап. Геогр. Общ. По отд. Этногр. Т. IV, 1871, стр. 404, 409 и др.). Вѣроятно, и заглавіе статьи Бикмора объ этомъ народѣ: «The Ainos or Hairy Men of Yesso, Saghalien and the Kurile Islands», есть намекъ на вышеприведенное древнее русское названіе этого племени, хотя онъ объ этомъ и не упоминаетъ особо.

6) Broughton, A Voyage of disc. p. 105. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ на стр. 88, показанія не такъ преувеличены.

7) Зап. Фл. кап. Головнина о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ, Ч. III, стр. 160. При этомъ Головнинъ, на основаніи своихъ наблюденій, замѣчаетъ, что у жителей сѣверныхъ Курильскихъ острововъ волосы столь же густы, какъ и у жителей южныхъ острововъ, такъ что они одинаково заслуживаютъ названія «мохнатыхъ».

8) Тамъ же, стр. 249.

9) Тамъ же, стр. 86.

10) Тамъ же, стр. 82.

11) Habersham (Nott and Gliddon, Indig. Races), v. Brandt, Dönitz, ll. cc. Въ томъ же смыслѣ говоритъ и Гильгендорфъ, въ «Mittheilungen der deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens», кн. 7 (см. Анучина, тамъ же, стр. 130; подлинной статьи Гильгендорфа у меня нѣтъ).

менѣе, это не даетъ еще права причислять Аиновъ къ папуасскимъ племенамъ, такъ какъ для этого, кромѣ другихъ особенностей, требовалось бы, чтобы головные волоса ихъ были сплощены, своеобразно закручены и расположены пучками. У Аиновъ же этого нѣтъ. Напротивъ, волоса у нихъ на головѣ, судя по большинству описаній и фотографическихъ изображеній и, наконецъ, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, совершенно прямые, даже до такой степени, что Крузенштернъ находилъ, въ этомъ отношеніи, сходство между Аинами и Камчадалами [1]). Если курчавость волосъ находится въ связи съ значительною ихъ сплощенностью — что, впрочемъ, еще не доказано — то, согласно съ вышесказаннымъ, и этого послѣдняго свойства не оказалось въ волосахъ Аиновъ. Правда, изслѣдованія Гильгендорфа показали, что волоса на головѣ у Аиновъ нѣсколько сплощены, но, съ другой стороны, Анучинъ убѣдился, что волоса, добытые имъ изъ одной старинной аинской могилы въ южной части острова Сахалина, имѣли поперечный разрѣзъ почти совершенно круглый и почти такой же величины, какъ волоса Русскихъ [2]). Такимъ образомъ, у Аиновъ и въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего, чѣмъ они существенно отличались бы отъ Европейцевъ или отъ другихъ азіятскихъ народовъ и что напоминало бы Папуасовъ. Что касается до цвѣта ихъ волосъ, то онъ также не исключительно черный, какъ иные показываютъ [3]), а бываетъ иногда каштановый или рыжеватый [4]), хотя, дѣйствительно, всегда темный. Въ старости, пигментныя зерна пропадаютъ, и волосы, по обыкновенію, сѣдѣютъ [5]). Наконецъ, надо еще замѣтить, что въ старости они легко выпадаютъ, такъ что плѣшивость составляетъ у Аиновъ довольно обыкновенное явленіе [6]), тогда какъ она врядъ-ли встрѣчается у сильно волосистыхъ папуасскихъ племенъ.

Какъ по развитію волосъ, такъ и по строенію лица, Аины сильно выдѣляются изъ ряда иныхъ сѣверо-азіятскихъ народовъ. Однако, въ этомъ отношеніи, описанія ихъ гораздо болѣе расходятся между собою, чѣмъ относительно перваго пункта. Очевидно, между Аинами есть лица различныхъ типовъ. Если разобрать подробнѣе эти описанія, то, отбросивъ мелкія разногласія, можно подмѣтить у Аиновъ два совершенно различные типа: одинъ существенно приближается къ европейскому, другой — къ монгольскому строенію лица. Это подраздѣленіе Аиновъ, по физіономіи, на два типа встрѣчается уже у де-Рони [7]) и Анучина [8]), которые, должно замѣтить, сами никогда не видали Аиновъ, а пришли къ вышеупомянутому заключенію только чрезъ сравненіе разныхъ описаній и фотографій Аиновъ, тогда какъ всѣ очевидцы-путешественники описываютъ лишь тотъ или другой изъ этихъ типовъ, или же среднія и переходныя формы, въ которыхъ, разумѣется, и здѣсь нѣтъ недостатка. Первый, болѣе европейскій типъ строенія лица у Аиновъ особенно часто по-

---

1) Тамъ же, стр. 80.

2) Анучинъ, тамъ же, стр. 131. Здѣсь приведены также нѣкоторые факты, говорящіе противъ предполагаемой связи между сплощенностью и курчавостью волосъ. Такъ, аинскій волосъ, изслѣдованный Гильгендорфомъ, оказался, не смотря на свою сплощенность, также почти совершенно прямымъ.

3) Бикморъ, Сентъ-Джонъ, тамъ же, и др.

4) Ролленъ, Габершамъ, Анучинъ, тамъ же.

5) Бикморъ и др.

6) Добротворскій, тамъ же, стр. 43.

7) Congrès internat. des Oriental. T. I, 1873, Paris 1874, p. 210.

8) Тамъ же, стр. 128, 129.

падается въ этихъ описаніяхъ; онъ далъ поводъ къ многочисленнымъ замѣчаніямъ о сходствѣ ихъ съ народами кавказской расы, преимущественно съ Русскими[1]), и на немъ основываются заключенія о прямой принадлежности ихъ къ этой расѣ[2]). Особенно характеристическія черты этого типа слѣдующія: высокій, широкій лобъ, горизонтально расположенные, широко открытые глаза, съ густыми, идущими по прямой линіи бровями, носъ около корня и дальше возвышенный, правильный, иногда даже заостренный, умѣренныя, не выдающіяся скулы и, ко всему этому, упомянутое выше сильное развитіе волосъ по щекамъ, на подбородкѣ и вокругъ губъ. Нельзя не согласиться, что, если эти черты у Айновъ выражены сколько-нибудь чисто, то получается типъ, совершенно отличный отъ типа пограничныхъ съ Айнами азіятскихъ народовъ. Вотъ этотъ-то типъ мы и встрѣчаемъ на большинствѣ нынѣ уже многочисленныхъ фотографическихъ изображеній Айновъ[3]), напримѣръ, у Брандта[4]), Сентъ-Джона[5]), Л. де-Рони[6]), Анучина[7]). Онъ имѣется и у насъ въ числѣ айнскихъ типовъ съ Сахалина, изображенныхъ, также по фотографіямъ, на табл. IV[8]). Впрочемъ, если разсмотрѣть упомянутыя фотографіи подробнѣе, то между ними найдутся лишь немногія, въ которыхъ этотъ типъ, напоминающій собою кавказскую расу, выказывается сколько-нибудь чисто и полно[9]). На нашей таблицѣ представителемъ его служитъ Айнъ, изображенный на фиг. 1. Большею же частью, рядомъ съ отдѣльными кавказскими чертами, замѣчаются и такія, которыя скорѣе напоминаютъ монгольское строеніе лица: у кого, напримѣръ, разрѣзъ глазъ нѣсколько косой, и болѣе или менѣе ясно видна выдающаяся у внутренняго угла глаза складка верхняго вѣка; у кого носъ около корня сильно вдавленъ, а дальше широкъ и плосокъ; у кого скулы слишкомъ выдаются и значительно шире лба, и т. д.

---

1) Укажу, для примѣра, на Лаперуза (тамъ же, стр. 88), Габершама (Nott and Gliddon, l. c. p. 621), Форбеса, Бикмора, Блякистона, Сентъ-Джона (тамъ же), Джильоли (въ Revue d'Anthrop. publ. sous la direct. de M. Paul Broca, T. I, Paris, 1872, p. 530), Леона де-Рони (тамъ же, стр. 211), Герм. Риттера, (Ueber eine Reise im südwestl. Theile von Yezo.—Mittheil. der Deutsch. Gesellsch. für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, 6. Heft, 1874, p. 57) и др., а изъ русскихъ писателей, обыкновенно обращающихъ вниманіе и на сходство Айновъ съ Русскими, — на Головнина, Римскаго-Корсакова (В.-Р.-Случ. и замѣт. на винтов. шкунѣ «Востокъ».—Морск. Сборн. 1858, № 5, Ч. неоф., стр. 8), Брылкина (Письма съ Сахалина.—Зап. Спб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. VII, Иркутскъ 1867, стр. 14), Венюкова (Обозр. Японск. Архип. Вып. I, Берлинъ и С. Петерб. 1871, стр. 67), Августиновича (Жизнь Русск. и инородц. на Сахалинѣ, С. Петерб. 1874, стр. 39), Анучина (тамъ же) и др.

2) См. выше, стр. 263.

3) Прежнія, нефотографическія изображенія Айновъ, напр. у Лаперуза (Atlas, pl. 50 et 55), Броутона (тамъ же, табл. къ стр. 96-й), Крузенштерна (Атласъ къ его путеш., табл. LXXVII—LXXIX), равно какъ и нѣкія, снятыя Зибольдомъ (Nippon, VII, Tab. XVI—XVIII) съ японскихъ рисунковъ, въ настоящее время, какъ я уже говорилъ, въ физіономическомъ отношеніи негодны.

4) Zeitschr. für Ethnol. Berlin, Bd. IV, 1872, Tab. III.

5) The Journ. of the Anthrop. Inst. of Gr. Brit. and Ireland, London, Vol. II, Tab. XII, XIII.

6) Тамъ же, табл. 44—46.

7) Тамъ же, табл. I и II (по фотографіямъ Гарезина, на Сахалинѣ).

8) Я долженъ замѣтить, что эта таблица была изготовлена еще до появленія вышеупомянутыхъ фотографій Айновъ, съ тою именно цѣлью, чтобы дать наглядное понятіе о различныхъ типахъ лица у этого народа. Въ этомъ отношеніи она и теперь еще не утратила своего значенія, не смотря на уже имѣющееся нынѣ большое число подобныхъ фотографій.

9) Таковы именно: фиг. 3 и 5 у Брандта, всѣ три мужскія фигуры у Сентъ-Джона, голова на табл. 46 у де-Рони и фиг. 2 и 6 у Анучина.

Повидимому, въ особенности эта послѣдняя черта встрѣчается у Айновъ гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и если не бросается въ глаза, то только вслѣдствіе густоты ихъ бороды. На нашей таблицѣ IV, наглядным примѣромъ этого строенія служитъ фиг. 2 [1]). Такимъ же строеніемъ лица отличались тѣ Сахалинскіе Аины, которые произвели на Лаперуза въ столь значительной степени впечатлѣніе европейскаго типа; по крайней мѣрѣ, Ролленъ, при подробномъ описаніи тѣхъ же самыхъ особей, прямо указываетъ на ихъ широкое лицо и выдающіяся скулы; мало того, по его мнѣнію, они вообще не имѣли правильности строенія лица Европейцевъ. Поэтому, мнѣ кажется, что сходство Айновъ съ европейскими народами, на которое такъ часто было указываемо, не слѣдуетъ принимать въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ. Къ тому же, какъ сказано выше, оно въ особенности было замѣчаемо между Аинами и нѣкоторыми русскими мужиками [2]), послѣдніе же, какъ извѣстно, во многихъ мѣстностяхъ сильно смѣшаны съ финскимъ, татарскимъ и отчасти монгольскимъ элементами. Впрочемъ, иногда сходство это ограничивается лишь густою бородою, какъ, напримѣръ, въ показаніяхъ Брылкина, который, за исключеніемъ этой черты, да еще правильнаго, начиная съ самаго корня, возвышеннаго носа, приписываетъ Аинамъ совершенно монгольскій типъ [3]). Послѣ всего сказаннаго, я не могу назвать этотъ типъ Айновъ просто европейскимъ или кавказскимъ, а только приближающимся, въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ, къ кавказскому.

Однако упомянутыя выше, чуждыя европейскимъ народамъ, черты лица у Айновъ могутъ выказываться и на столько, что общее строеніе его получаетъ существенно иной типъ, приближающійся къ монгольскимъ племенамъ. Поэтому, многіе писатели, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ, приписываютъ Аинамъ просто «монгольское» строеніе лица и, на этомъ основаніи, причисляютъ ихъ къ монгольской расѣ [4]). При такомъ строеніи, лобъ низокъ и мало развитъ, лицо широко и плоско, съ сильно выдающимися скулами, глаза маленькіе и, вслѣдствіе болѣе или менѣе нависшей складки верхняго вѣка, кажутся прорѣзанными косо, носъ у корня вдавленъ, а дальше плосокъ и широкъ, съ тупымъ, часто даже приплюснутымъ концомъ, губы толсты и вздуты, борода далеко не такъ густа. Подробный разборъ бо́льшей части этихъ чертъ лица у Айновъ, въ сравненіи съ Евро-

---

1) Точно также голова, изображенная у де-Рони на табл. 44, фигуры 3 и 5 у Анучина и др.

2) Такъ, напримѣръ, Венюковъ указываетъ на крестьянъ верхнихъ поволжскихъ губерній.

3) «Маленькіе, слегка косо разрѣзанные глаза Айновъ», говоритъ онъ, «нѣсколько выдающіяся скулы и толстыя губы до нѣкоторой степени напоминаютъ тунгусскій типъ» (Брылкинъ, тамъ же).

4) Такъ, напримѣръ, Тронсонъ (Person. Narrat. of a Voyage to Japan, Kamtschatka, Siberia, Tartary, in H. M. S. Barracouta, London 1859, p. 145), Добротворскій (Южная часть острова Сахалина.—Изв. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Т. I, № 2 и 3, Иркутскъ 1870, стр. 26. Его-же: Аинско-Русскій словарь, Казань 1875. Прилож. къ Учен. Зап. Импер. Каз. Универс. 1875 г., стр. 32), Дёницъ (тамъ же, стр. 63) и др. Анучинъ (тамъ же, стр. 128) приводитъ совершенно такое же показаніе Августиновича, и притомъ его же подлинными словами («племя Айновъ — чисто монгольскаго типа»); но показаніе это прямо противорѣчитъ другому, позднѣйшему показанію того же автора (Жизнь Русск. и инородц. на островѣ Сахалинѣ, стр. 39), гдѣ сказано, что «черты лица Айновъ вообще напоминаютъ скорѣе европейскій, чѣмъ монгольскій типъ.» Это-то послѣднее показаніе его было принято мною выше во вниманіе (см. стр. 275, прим. 1).

пейцами съ одной стороны, и съ Японцами и Китайцами съ другой, можно найти у Дёница. Разборъ сдѣланъ имъ на основаніи его собственныхъ наблюденій надъ нѣкоторыми Аинами. Остается только пожалѣть, что онъ не приложилъ къ нему фотографическихъ изображеній этихъ Аиновъ, которые, по его словамъ, имѣли «вполнѣ типъ монгольскихъ народовъ.» Я самъ не знаю ни одной аинской фотографіи, которая передавала бы этотъ типъ совершенно чисто и полно. Фиг. 3, на нашей табл. IV, передастъ его также лишь приблизительно: разрѣзъ глазъ здѣсь только слегка косой и борода густая; это скорѣе — средняя форма между тѣмъ и другимъ типами Аиновъ[1]). Гораздо типичнѣе нѣкоторыя изъ фотографій, сообщенныхъ Анучинымъ, именно фиг. 4, 7 и 9, на его табл. I. На нихъ, между прочимъ, видно и уменьшеніе въ развитіи бороды, — въ доказательство того, какъ утрачивается и этотъ признакъ, столь отличительный для Аиновъ вообще и, вѣроятно, наиболѣе наслѣдственный. При всемъ томъ, и эти изображенія не имѣютъ еще чисто-монгольскаго типа: для этого у нихъ носъ, особенно около своего корня, еще слишкомъ высокъ и непирокъ; далѣе, скулы слишкомъ мало выдаются, складка верхняго вѣка слишкомъ слабо развита, наконецъ, брови слишкомъ густы, длинны и прямолинейны; кромѣ того, на фиг. 4, борода еще слишкомъ густа и т. д. Можно сказать, что эти фотографіи лишь болѣе или менѣе подходятъ къ монгольскому строенію лица. Поэтому, подобно тому, какъ вышеупомянутый первый типъ лица у Аиновъ я назвалъ лишь напоминающимъ собою европейскіе народы, или приблизительно европейскимъ, такъ этотъ второй типъ ихъ я назову приблизительно монгольскимъ.

До сихъ поръ мы разсматривали только строеніе лица у аинскихъ мужчинъ. Что касается до женщинъ, то почти у всѣхъ писателей[2]) встрѣчается лишь одно замѣчаніе, а именно, что черты лица у нихъ некрасивѣе и грубѣе, чѣмъ у мужчинъ. Это, почти общее, замѣчаніе можно объяснить себѣ слѣдующими обстоятельствами. Во-первыхъ, лицо женщины, хотя оно само по себѣ и не хуже и не грубѣе мужского, является однако для наблюдателя совершенно открытымъ, тогда какъ у мужчинъ оно по большей части прикрыто густою бородою, придающей ему пріятное выраженіе силы и мужественности; во-вторыхъ, лицо у женщинъ немало искажается отъ дурного обычая красить или татуировать губы, и наконецъ, въ-третьихъ, женщины, вслѣдствіе лежащихъ на нихъ тяжелыхъ работъ, весьма рано утрачиваютъ свою свѣжесть, преждевременно старѣютъ, и лицо ихъ рано покрывается морщинами. Тамъ, напротивъ, гдѣ нѣтъ этихъ условій, какъ, напримѣръ, у дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ, и между Аинами встрѣчаются пріятныя и красивыя лица. Къ приведенному выше замѣчанію, относящемуся къ аинскимъ женщинамъ вообще, я долженъ, съ своей стороны, прибавить, что, присмотрѣвшись ближе къ строенію лица Аинокъ, можно и между

---

1) Мнѣ кажется, что это — изображеніе той же головы, что и у Анучина, табл. I, фиг. 1, хотя фотографіи получены нами изъ различныхъ источниковъ.

2) Такъ, напримѣръ, у Крузенштерна, Виттингама, Блякистона, Августиновича, Г. Риттера (тамъ же) и др.

ними ясно различить оба вышеразсмотрѣнные типа. Это всего лучше и наглядиѣе доказываютъ фотографіи женскихъ аинскихъ головъ, противопоставленныя на нашей табл. IV, подъ № 4 и 5. Онѣ показываютъ всѣ различія обоихъ типовъ гораздо яснѣе и полиѣе, нежели изображенныя надъ ними въ соотвѣтствующемъ порядкѣ, подъ № 1 и 3, головы мужскихъ представителей этихъ типовъ. Впрочемъ, это — только случайность, такъ какъ у меня не было подъ руками образца мужского монголовиднаго аинскаго типа, лучшаго, чѣмъ типъ, изображенный на фиг. 3, какъ о томъ уже было заявлено выше. На фотографіяхъ, сообщенныхъ Анучинымъ (табл. II), можно также отличить оба типа, хотя не такъ рѣзко и частью лишь въ переходныхъ формахъ: такъ, фиг. 3 и 8 вполнѣ относятся къ приблизительно-европейскому типу; въ фиг. 1 и 2, напротивъ, преобладаетъ монголовидное строеніе лица, а въ остальныхъ, рядомъ съ преобладающими чертами перваго типа, есть и нѣкоторыя черты послѣдняго, какъ это тотчасъ же видно по болѣе или менѣе косому разрѣзу глазъ (въ фиг. 5 и 6)[1].

Наконецъ, подобно тому, какъ у взрослыхъ Аиновъ, и у аинскихъ дѣтей выражаются, въ строеніи лица, болѣе или менѣе ясно оба типа; такъ, напримѣръ, головы мальчиковъ, изображенныя въ фиг. 6 нашей табл. IV и въ фиг. 7 у Анучина, весьма похожія другъ на друга (можетъ быть, объ фотографіи сняты даже съ одного и того же лица), имѣютъ черты почти европейскія; другіе же два мальчика, въ группѣ Аиновъ, изображенной Брандтомъ (подъ № 4), значительно приближаются, по косому расположенію глазъ, широкому, плоскому носу, толстымъ, вздутымъ губамъ и т. п., къ монгольскому типу.

Спрашивается теперь, который изъ двухъ типовъ лица Аиновъ слѣдуетъ признать за первоначальный, или, по крайней мѣрѣ, за болѣе древній? Ни Леонъ де-Рони, ни Анучинъ, говоря объ этихъ типахъ, не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ. Я укажу здѣсь на нѣкоторыя обстоятельства, свидѣтельствующія въ пользу того, что только первый типъ, приближающійся къ кавказскому, можетъ быть первопачальнымъ. Прежде всего надо замѣтить, что между народами, окружающими въ настоящее время Аиновъ, положительно нѣтъ ни одного съ такимъ строеніемъ лица, которое напоминало бы собою Европейцевъ. Слѣдовательно, Аины не могли пріобрѣсти этотъ типъ въ своемъ нынѣшнемъ отечествѣ, а уже пришли съ нимъ туда. Затѣмъ, если здѣсь происходило нѣкоторое смѣшеніе Аиновъ съ ихъ сосѣдями, то вслѣдствіе него они могли пріобрѣсти лишь монгольскія черты, такъ какъ у всѣхъ сосѣдей ихъ болѣе или менѣе чисто-монгольское строеніе лица. Относительно Японцевъ и Корейцевъ, на югѣ и юго-западѣ, а также Ороковъ и Камчадаловъ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, это — несомнѣнно; только по отношенію къ Гиляякамъ оно могло бы отчасти подлежать сомнѣнію. Однако, мы уже видѣли, что Гиляки, если первоначально и имѣли, можетъ быть, менѣе монголовидное строеніе лица, чѣмъ теперь, то съ теченіемъ времени, вслѣдствіе смѣшенія съ тунгусскими племенами, также сильно омонголились. Поэтому, они должны

---

1) Единственная фотографія головы Аинки у Л. де-Рони (тамъ же, табл. 45), неоспоримо, принадлежитъ монголовидному типу.

были также, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ остальные сосѣди Аиновъ, передавать имъ, при смѣшеніи, монгольскія черты лица, а отъ нихъ, на-оборотъ, получать кое-какія черты, чуждыя тунгусскимъ и другимъ азіятскимъ племенамъ, какъ, напримѣръ, густую бороду, менѣе косой, иногда даже горизонтальный разрѣзъ глазъ и т. п., что дѣйствительно и замѣчается въ разсмотрѣнномъ нами выше аинско-гиляцкомъ типѣ[1]). Такимъ образомъ, между Аинами, походившими первоначально на Европейцевъ, долженъ былъ по окраинамъ заселяемаго ими пространства, вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ сосѣдями, постепенно образовываться другой, монголовидный типъ, а отъ окраинъ распространяться, мѣстами, болѣе или менѣе и во внутрь занимаемаго ими края. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ и было, это до нѣкоторой степени доказываютъ наблюденія. Не трудно, именно, замѣтить, что большинство путешественниковъ, приписывающихъ Аинамъ европейское строеніе лица, и въ особенности всѣ наиболѣе рѣшительно утверждающіе это, какъ, напримѣръ, Габершамъ, Форбесъ, Бикморъ, Блякистонъ, Септъ-Джонъ, Герм. Риттеръ, основываютъ свое мнѣніе на наблюденіяхъ надъ Аинами острова Ессо. По этотъ островъ — центръ всей аинской области: здѣсь Аины всего многочисленнѣе, здѣсь, кромѣ нихъ, нѣтъ никакого другого иноплеменнаго туземнаго населенія, какъ на Сахалинѣ, или на сѣверныхъ Курильскихъ островахъ; наконецъ, здѣсь сношенія ихъ съ Японцами начались позже, чѣмъ на Нипонѣ — съ котораго они почти совершенно вытѣснены — и по настоящее время ограничиваются южнымъ и западнымъ берегами. Здѣсь, слѣдовательно, они могли и даже должны были сохранить свой первоначальный типъ въ наиболѣе чистомъ видѣ и въ полномъ объемѣ. Напротивъ того, всего рѣшительнѣе приписываютъ Аинамъ чисто-монгольскій типъ тѣ изъ путешественниковъ, которые познакомились съ ними на границахъ занимаемой ими области, а именно, съ одной стороны, Дённицъ, изслѣдовавшій переселившихся въ Едо (на Нипонѣ) уроженцевъ крайней юго-западной части острова Ессо, съ другой — Добротворскій, пробывшій нѣсколько лѣтъ на Сахалинѣ. Судя по Сахалинскимъ Аинамъ, Брылкинъ также приписывалъ этому племени существенно монгольскія черты лица, не смотря на густоту ихъ бороды, напоминающую Русскихъ. Наконецъ, съ Сахалинскихъ же Аиновъ сняты тѣ изъ вышеупомянутыхъ фотографій, которыя всего полнѣе передаютъ ихъ монголовидный типъ. Я никакъ не могу считать всѣ эти факты случайностью; напротивъ, я вижу въ нихъ доказательство того, что первопачальный типъ Аиновъ частью и до нѣкоторой степени измѣнился, и притомъ прежде всего и главнымъ образомъ по окраинамъ занимаемой ими области, вслѣдствіе смѣшенія ихъ здѣсь, съ одной стороны, съ Японцами, а съ другой — съ Гиляками и, можетъ быть, хотя и въ меньшей степени, съ Ороками.

Слѣдовало бы ожидать, что, при столь разнообразномъ строеніи лица Аиновъ, выраженіе лица у нихъ должно быть также весьма различнымъ. Однако, судя по имѣющимся даннымъ, это, повидимому, не такъ. Слова Крузенштерна, что въ лицѣ Аина вполнѣ выражается

---

1) См. выше, стр. 231.

наиболѣе отличительная черта его характера, сердечная доброта[1]), никогда не встрѣчали возраженія, а, напротивъ, были съ разныхъ сторонъ неоднократно подтверждаемы. Достаточно привести здѣсь лишь нѣсколько примѣровъ тому. Такъ, Габершамъ утверждаетъ, что на аинскихъ лицахъ никогда нѣтъ выраженія той хитрости и того лукавства, которыя такъ ясно рисуются въ чертахъ ихъ повелителей, Японцевъ и сѣверныхъ Китайцевъ[2]). Если бы не ихъ кроткіе, черные глаза, говоритъ Форбесъ, то густые волосы на головѣ и по всему тѣлу придавали бы имъ положительно дикій видъ. Однако, не смотря на густую, длинную бороду, легко производящую, при первомъ на нее взглядѣ, впечатлѣніе силы и мужественности, въ лицѣ Аиновъ часто есть выраженіе какой-то робости и боязливости, чего-то связаннаго, приниженнаго, рабскаго, что, безъ сомнѣнія, надо приписать гнету надъ ними Японцевъ, неоднократно доводившему ихъ до крайней бѣдности и нищеты. Поэтому, тамъ, гдѣ этого гнета меньше, или гдѣ его вовсе нѣтъ, и гдѣ Аины вслѣдствіе того зажиточнѣе, тамъ вся наружность и выраженіе лица у нихъ иныя. Такая разность, по свидѣтельству Брандта[3]), замѣчается, напримѣръ, между Аинами западнаго и восточнаго береговъ острова Ессо: на первыхъ Японцы смотрятъ совершенно какъ на крѣпостныхъ, — и они производятъ жалкое впечатлѣніе приниженныхъ рабовъ; вторые, напротивъ, живутъ на свободѣ, занимаясь охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ, — и они веселаго вида, а въ обращеніи гораздо свободнѣе и развязнѣе первыхъ. Точно также Головачевъ замѣтилъ, что Аины залива Мордвинова на Сахалинѣ, гдѣ Японцы въ то время еще не показывались, или куда, по крайней мѣрѣ, заходили лишь рѣдко, имѣли несравненно болѣе развязный и довольный видъ, чѣмъ Аины острова Ессо и даже близлежащаго залива Анива[4]). И такъ, выраженіе лица Аиновъ не столько обусловливается упомянутыми выше разностями его физическаго строенія, сколько соціальными и моральными условіями.

Само собою разумѣется, что, при столь различномъ строеніи лица Аиновъ, и форма черепа у нихъ должна быть весьма различная. Дѣйствительно, Леонъ де-Рони приписываетъ одному изъ разсмотрѣнныхъ выше типовъ долихоцефальную форму черепа, другому — брахицефальную. Однако притомъ онъ основывается лишь на общихъ данныхъ и на фотографіяхъ аинскихъ головъ, а не на измѣреніяхъ, тогда какъ одни лишь измѣренія могутъ ознакомить насъ съ формами черепа у Аиновъ и, будучи произведены надъ головами живыхъ или же надъ черепами извѣстныхъ еще при жизни особей, рѣшить вопросъ о соотношеніи различныхъ формъ черепа съ разсмотрѣнными выше различными физіономическими типами. Въ настоящее время уже имѣется нѣкоторое число точныхъ измѣреній и изслѣдованій аинскихъ череповъ, которыя произведены при сравненіи и сопоставленіи съ черепами разныхъ европейскихъ и монгольскихъ народностей. У меня самого подъ руками два аинскихъ черепа; но оба они, къ сожалѣнію, сильно попорчены, и къ тому же одинъ изъ нихъ дѣтскій: слѣдовательно, ни тотъ, ни другой не пригодны для измѣренія[5]). По-

---

1) Тамъ же, стр. 80.
2) Nott and Gliddon, l. c.
3) Тамъ же, стр. (27).
4) Крузенштернъ, тамъ же, стр. 94.
5) Одинъ изъ этихъ череповъ былъ найденъ, въ 1861 году, Брылкинымъ близъ русскаго поста Кусу-

этому, я ограничусь здѣсь краткою отмѣткою главныхъ результатовъ, къ которымъ привели сдѣланныя до сихъ поръ изслѣдованія по отношенію къ формѣ черепа Айновъ, сравнительно съ другими азіятскими или европейскими народами.

Хотя до сихъ поръ и измѣрено лишь около 20-ти айнскихъ череповъ или головъ, и притомъ относительно ихъ, насколько мнѣ извѣстно, не всегда имѣются всѣ необходимыя для сравненія данныя, однако уже можно усмотрѣть изъ нихъ, какимъ значительнымъ колебаніямъ подлежитъ форма черепа у Айновъ. Есть между ними рѣзко выдающіеся длинные и высокіе черепа, и столь же рѣзко выдѣляющіеся широкіе и плоскіе черепа, т. е., съ одной стороны, несомнѣнно гипсидолихоцефальные, съ другой — столь же несомнѣнно платибрахицефальные, а между тѣми и другими замѣчается цѣлый рядъ среднихъ и переходныхъ, гипсимезоцефальныхъ и платимезоцефальныхъ формъ. Такъ, первый точнымъ образомъ изслѣдованный, айнскій черепъ (я разумѣю черепъ съ острова Ессо, измѣренный Бёскомъ)—несомнѣнный гипсидолихоцефалъ, съ отношеніемъ ширины къ длинѣ 70,5, и высоты къ ширинѣ — 103,6 [1]). Эти отношенія, если оставить безъ вниманія разность, происшедшую, можетъ быть, вслѣдствіе нѣсколько иныхъ пріемовъ измѣренія, почти совершенно тѣ же, что и въ нашемъ гиляцкомъ черепѣ съ береговъ Охотскаго моря (отношеніе ширины къ длинѣ 70,4, высоты къ ширинѣ — 101,5), съ тою лишь разницею, что айнскій черепъ, повидимому, еще выше. Изъ трехъ айнскихъ череповъ, изслѣдованныхъ Вирховымъ (два съ Сахалина и одинъ съ Ессо), одинъ (№ II съ Сахалина) [2] также сильно гипсидолихоцефаленъ, съ отношеніемъ ширины къ длинѣ 71,8. Впрочемъ, по замѣчанію Вирхова, этотъ черепъ искаженъ вслѣдствіе сильной синостозы его покрышки, а именно швовъ стрѣловиднаго, вѣнечнаго и верхней части ламвдовиднаго, такъ что, при обсужденіи типической формы, его не слѣдуетъ принимать въ соображеніе. Айнскій черепъ, привезенный съ острова Ессо Форбесомъ и переданный имъ для изслѣдованія Гёкели, также явственно долихоцефальной формы. Гёкели изслѣдовалъ до него три японскихъ черепа, изъ коихъ два, казавшіеся наиболѣе характеристичными, отличались замѣчательною длиною отъ всѣхъ китайскихъ и монгольскихъ череповъ. Однако айнскій черепъ оказался еще длиннѣе ихъ. Это и заставило Гёкели предполагать, что краніологическія свойства, и особенная, въ могилѣ, въ деревянномъ гробу, вмѣстѣ съ разною одеждою, оружіемъ и др. айнскими предметами. По собраннымъ свѣдѣніямъ, это была могила умершаго въ 1855 году, около 15-ти до 17-ти лѣтъ отъ роду, Анна Тинусая, сына старшины Кусунайскихъ Айновъ. Въ этомъ черепѣ не достаетъ основной кости и части затылочной. Другой черепъ былъ также привезенъ съ Сахалина, начальникомъ той же экспедиціи, магистромъ Фр. Шмидтомъ; это — черепъ шестилѣтняго айнскаго ребенка. Нижняя его часть также очень повреждена, часть покрышки развалилась, въ остальной части швы широко раскрыты.

1) См. Barn. Davis, Descr. of the Skel. of an Aino Woman and of three Skulls of Men of the same race (Mem. read before the Anthropol. Soc. of London, Vol. II, 1870, p. 28). Въ этой статьѣ, Дэвисъ сопоставилъ сдѣланныя имъ и Бёскомъ измѣренія айнскихъ череповъ. Статьи Бёска объ упомянутомъ черепѣ (въ «Transact. of the Ethnolog. Soc. of London» [New. Ser.], Vol. VI) въ подлинникѣ у меня нѣтъ подъ руками.

2) Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthropol., Ethnol. und Urgesch., въ Zeitschr. für Ethnol. Bd. XII, 1880, p. (208).

бенно долихоцефальная форма черепа, которыми Японцы отличаются отъ своихъ западныхъ и южныхъ сосѣдей, происходятъ, вѣроятно, отъ смѣшенія ихъ съ Аинами [1]).

Въ противоположность этой гипсидолихоцефальной формѣ, у Аиновъ есть и платибрахицефальныя черепа. Изъ трехъ аинскихъ череповъ съ острова Ессо, измѣренныхъ Дэвисомъ, ни одинъ не имѣетъ этой формы: одинъ изъ нихъ гипсимезоцефаленъ, такъ какъ въ немъ отношеніе ширины къ длинѣ равно 76,7, а высоты къ ширинѣ — 100,0; оба другіе платицефальны (съ отношеніями высоты къ ширинѣ 88,6 и 95,8), но въ ширину и они не достигаютъ той величины, начиная съ которой, слѣдуя Ерингу, мы считаемъ брахицефалію, такъ какъ ихъ головные показатели равны 77,4 и 78,8; слѣдовательно, они платимезоцефальны. То же надо сказать и о двухъ изъ трехъ аинскихъ череповъ, полученныхъ Анучинымъ съ южнаго Сахалина и измѣренныхъ имъ (головные показатели у нихъ 75,9 и 77,9) [2]), равно какъ и о двухъ другихъ черепахъ съ Сахалина и Ессо, изслѣдованныхъ Вирховымъ (съ головными показателями 78,9 и 79,3) [3]). Оба послѣдніе черепа уже близко подходятъ къ брахицефальнымъ; совершенно же ясно проявляется брахицефалія у двухъ изъ пяти Аиновъ, изслѣдованныхъ Дёницомъ на Нипонѣ, такъ какъ ихъ головные показатели, судя по измѣренію головъ, равны 80,0 и 82,0 [4]). Приблизительно такая же степень брахицефаліи, какъ въ послѣднемъ случаѣ, встрѣчается и въ одномъ изъ нашихъ аинскихъ череповъ (привезенномъ Брылкинымъ, см. выше), такъ какъ его головной показатель имѣетъ величину около 82,8. Наконецъ, самый брахицефальный аинскій черепъ, до сихъ поръ извѣстный намъ, это — третій изъ вышеупомянутыхъ череповъ, изслѣдованныхъ Анучинымъ, такъ какъ его головной показатель равенъ 85,3 [5]). Вотъ, слѣдовательно, почти совершенно такая же брахицефалія, какъ и замѣченная мною въ одномъ изъ череповъ Амурскихъ Гиляковъ (№ III, съ головнымъ показателемъ 85,2). И такъ, если сопоставить обѣ, до сихъ поръ извѣстныя намъ, крайнія формы аинскихъ череповъ, то между ними окажется разница въ головномъ показателѣ въ 14,8, т. е. почти такое же сильное колебаніе, какъ и у Гиляковъ, судя по немногочисленнымъ, до сихъ поръ извѣстнымъ,

---

1) Proceed. of the Royal Geogr. Soc. of London, Vol. X, 1866, p. 171.

2) Тамъ же, стр. 164. Отношенія высоты къ ширинѣ Анучинъ не показываетъ; я же вывести это отношеніе не въ состояніи, такъ какъ не имѣю необходимыхъ для этого данныхъ; но, на основаніи того, что отношеніе высоты къ длинѣ показано во всѣхъ трехъ черепахъ на 4—7 единицъ меньше отношенія ширины къ длинѣ, можно заключить, что у всѣхъ трехъ ширина больше высоты и что, слѣдовательно, всѣ три черепа платицефальны.

3) Verhandl. der Berliner Gesellsch. für Anthropol, Ethnol. und Urgesch., въ Zeitschr. für Ethnol. Bd. V, 1873, p. (122); Bd. XII, 1880, p. (208). Въ V. томѣ названнаго журнала, Вирховъ показываетъ также отношеніе высоты къ ширинѣ въ первомъ изъ этихъ череповъ (№ I съ Сахалина): оно равно 96,7. Другой черепъ (съ острова Ессо), хотя сравнительно и выше перваго, однако все-таки принадлежитъ къ платицефальнымъ.

4) Тамъ же, стр. 66. Кромѣ пяти упомянутыхъ Аиновъ, Дёницъ изслѣдовалъ еще одинъ аинскій черепъ; но, къ сожалѣнію, въ числѣ многочисленныхъ измѣреній, онъ не показалъ его длины, такъ что вывести величину его головного показателя нѣтъ возможности.

5) Что этотъ черепъ вмѣстѣ съ тѣмъ и платицефаленъ, это было уже замѣчено выше (прим. 2).

черепамъ этого народа. Впрочемъ, само собою разумѣется, что эти числа, быть можетъ, не показываютъ еще дѣйствительнаго максимума колебанія ни у Айновъ, ни у Гиляковъ.

Которая изъ разсмотрѣнныхъ нами формъ черепа преобладаетъ у Айновъ, — этого пока, при нынѣ имѣющемся, весьма скудномъ матеріалѣ, понятнымъ образомъ, еще нельзя опредѣлить. Однако уже изъ сказаннаго, повидимому, можно и теперь заключить, что въ различныхъ частяхъ заселеннаго Айнами края преобладаютъ различныя формы черепа. Упомянутые выше долихоцефальные черепа большею частью добыты именно на островѣ Ессо, брахицефальные же — на сѣверной и южной окраинахъ айнской области, частью на Сахалинѣ [1]), частью въ крайней юго-западной части Ессо. Изъ переходныхъ формъ, гипсимезоцефальные черепа приходятся на островъ Ессо, платимезоцефальные же большею частью на упомянутыя окраины [2]). Все это вполнѣ согласно съ доказаннымъ выше преобладаніемъ въ означенныхъ айнскихъ мѣстностяхъ различныхъ физіономическихъ типовъ, а именно приблизительно европейскаго типа на Ессо, а монголовиднаго на Сахалинѣ и въ крайней юго-западной части Ессо. Слѣдовательно, упомянутыя формы черепа и различные типы строенія лица и вообще всей физіономіи Айновъ, безъ сомнѣнія, находятся въ зависимости другъ отъ друга. Поэтому, какъ подходящій къ европейскому типъ лица у Айновъ, такъ и длинную и высокую форму ихъ черепа, надо считать за болѣе древнюю или первоначальную, тогда какъ формы болѣе брахицефальныя и платицефальныя должны считаться образовавшимися лишь позднѣе, вслѣдствіе смѣшенія Айновъ съ ихъ сосѣдями, Японцами на югѣ и сильно уже омонголившимися Гиляками, а частью и Ороками, на сѣверѣ. Но, съ другой стороны, вслѣдствіе такого смѣшенія, у сосѣднихъ съ Айнами народовъ должны также встрѣчаться болѣе или менѣе долихоцефальныя и гипсицефальныя формы черепа. Что это дѣйствительно такъ, это доказали какъ мои наблюденія надъ Гиляками, изложенныя выше, такъ и наблюденія Гёксли надъ Японцами.

Впрочемъ, хотя черепа Айновъ, по своей формѣ, и представляютъ много сходства съ черепами, съ одной стороны, европейскихъ народовъ, съ другой — монгольскихъ, однако общее строеніе ихъ столь же мало, какъ и типы строенія ихъ лица, дозволяетъ дѣлать прямое сопоставленіе Айновъ съ тѣми или другими изъ этихъ народовъ. Какъ ни велико, напримѣръ, по мнѣнію Бёска, сходство изслѣдованнаго имъ наиболѣе долихоцефальнаго айнскаго черепа съ западно-европейскими, онъ все-таки указываетъ на нѣкоторыя черты, которыми этотъ черепъ отличается и отъ европейскаго и ото всѣхъ другихъ извѣстныхъ ему типовъ черепа; какъ на отличіе отъ перваго, онъ именно указываетъ на большую ширину айнскаго черепа между скуловыми дугами, а общею отличительною чертою этого типа

---

1) Добротворскій (Айнско-русскій словарь. Прилож. къ Учен. Зап. Казанск. Универс. 1875, стр. 32), на основаніи своихъ Сахалинскихъ наблюденій, прямо приписываетъ Айнамъ брахицефальный черепъ.

2) Изслѣдованный Вирховымъ платимезоцефальный, даже почти платибрахицефальный черепъ съ Ессо былъ вырытъ Шлезингеромъ и Бёмеромъ неподалеку отъ незадолго до того основаннаго городка Саппоро, въ мѣстечкѣ, гдѣ лѣтъ 15 предъ тѣмъ находилась большая айнская деревня (Zeitschr. für Ethnol. Bd. XII, p. ([207]).

считаетъ сильно выдвинутое впередъ положеніе скуловыхъ отростковъ затылочной кости[1]). Хотя Дэвисъ, по своимъ тремъ аинскимъ черепамъ, могъ лишь отчасти подтвердить эти показанія Бёска, однако и онъ неоднократно замѣчаетъ, что черепа Аиновъ, если и сходны больше съ европейскими, чѣмъ съ какими-либо другими, то все-таки имѣютъ не вполнѣ одинаковую съ ними форму и, въ общемъ складѣ, представляютъ на первый взглядъ, правда, не выдающіяся, но, при болѣе внимательномъ наблюденіи, несомнѣнно своеобразныя черты. Такъ, напримѣръ, носовыя кости у нихъ узки и по большей части очень мало возвышены, носовые отростки верхнечелюстной кости гораздо шире, и вообще въ строеніи лица есть что-то чуждое европейскому. Этотъ-то чуждый европейскому элементъ въ аинскомъ черепѣ Дэвисъ не выяснилъ достаточно въ своемъ описаніи, потому что оно, по замѣчанію Вирхова, въ особенности по строенію челюстей и черепной покрышки, меньше приложенныхъ къ нему рисунковъ подходитъ къ аинскому черепу, полученному послѣднимъ чрезъ Мицуля съ южнаго Сахалина[2]). Цѣлый же рядъ особенностей — каковы низкій и слегка впалый носъ, низкія и немного косыя глазницы, сравнительно сильно выдающаяся скуловая кость, широкая, выдающаяся верхняя челюсть — придаетъ этому черепу физіономію, по выраженію Вирхова, «положительно азіятскую, чтобы не сказать монгольскую». Кромѣ того, въ аинскомъ черепѣ, ему бросились въ глаза еще нѣкоторыя другія особенности, а именно сильный прогнатизмъ верхней челюсти, почти кругообразная дуга зубного отростка по краямъ твердаго нёба и, наконецъ, громадное развитіе мѣстъ прикрѣпленія мышцъ, преимущественно жевательныхъ, — особенность, о которой уже было упомянуто мною выше, когда говорилось о гиляцкихъ черепахъ, и которую я замѣчалъ и въ нѣкоторыхъ черепахъ Амурскихъ Тунгусовъ. Пусть, слѣдовательно, аинскій черепъ, описанный Вирховымъ, меньше подходитъ къ европейскому типу, чѣмъ черепа, изслѣдованные Дэвисомъ; но такъ какъ онъ во многихъ отношеніяхъ согласуется съ изображеніями послѣднихъ, то это все-таки доказываетъ, что черепа Аиновъ, хотя на первый взглядъ иногда и очень схожи съ европейскими, однако, при болѣе внимательномъ наблюденіи, отличаются отъ нихъ своеобразными, азіятскими или монгольскими чертами. И такъ, о тождественности этихъ двухъ типовъ черепа не можетъ быть рѣчи, а только о нѣкоторомъ сходствѣ между ними. Таково же и отношеніе аинскихъ череповъ къ монгольскому типу: сколько бы нѣкоторые изъ нихъ ни подходили къ нему, все-таки у нихъ непремѣнно есть что-то чуждое этому типу, своеобразное. Даже въ самомъ брахицефальномъ изо всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ, аинскихъ череповъ, Анучинъ замѣтилъ нѣкоторыя черты, по которымъ онъ значительно приближается къ кавказскому типу[3]). Такимъ образомъ, черепъ Аиновъ, не смотря на большее или меньшее сходство свое, съ одной

---

1) Davis, l. c. p. 37, 38.

2) Virchow, l. c. p. (123). Дёницъ (тамъ же, стр. 64) также находитъ, что рисунки Дэвиса, вопреки его же описаніямъ, во многихъ отношеніяхъ согласуются съ изслѣдованнымъ имъ (Дёницомъ) аинскимъ черепомъ монгольскаго типа.

3) Анучинъ, тамъ же, стр. 169.

стороны, съ европейскими, съ другой — съ монгольскими черепами, не лишенъ своеобразности и никакъ не можетъ быть прямо причисленъ къ тому или къ другому изъ этихъ типовъ. Весьма мѣтко выражается въ этомъ же смыслѣ д-ръ Джонъ Кеннеди при описаніи черепа девятилѣтняго аинскаго ребенка. Разсмотрѣвъ его отдѣльныя черты, напоминающія частью европейскій, частью монгольскій типъ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что черепъ этотъ, по своему типу, несомнѣнно стоитъ выше обыкновеннаго монгольскаго и до нѣкоторой степени приближается къ европейскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь же несомнѣннымъ образомъ отличается существенно отъ европейскаго и находится въ близкомъ родствѣ съ монгольскимъ [1]).

Есть еще особенность въ костяхъ лица Аиновъ, о которой здѣсь нельзя не упомянуть: это — раздвоеніе скуловой кости посредствомъ шва, названнаго Дёницомъ [2]) sutura zygomatica temporalis, или же, болѣе удачно, Вирховымъ — sut. transversa zygomatica. Изъ 50-ти японскихъ череповъ, изслѣдованныхъ Дёницомъ, у 4-хъ скуловая кость была вполнѣ раздвоена (и притомъ у 3-хъ съ обѣихъ сторонъ); въ 12-ти другихъ онъ замѣтилъ лишь часть этого поперечнаго шва, причемъ въ 9-ти съ обѣихъ сторонъ, а въ 3-хъ остальныхъ только съ лѣвой стороны. Первые четыре черепа были съ сѣверной части Нипона, гдѣ Аины дольше всего оставались самостоятельными, а изъ остальныхъ два, и притомъ единственные два черепа, мѣсто нахожденія которыхъ точнымъ образомъ извѣстно, были найдены также въ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ еще и въ позднѣйшія времена Аинамъ. Такъ какъ Дёницъ, кромѣ того, нашелъ раздвоеніе скуловой кости и въ одномъ настоящемъ аинскомъ черепѣ, то онъ считаетъ это строеніе особенностью аинскаго племени, перешедшею къ Японцамъ лишь вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ Аинами. Въ послѣдствіи Вирховъ [3]) также замѣтилъ въ упомянутомъ выше аинскомъ черепѣ съ острова Ессо, на правой сторонѣ (лѣвая скуловая кость не сохранилась), вполнѣ раздвоенную скуловую кость (os malare bipartitum), а въ одномъ изъ сахалинскихъ череповъ (№ II) — по обѣ стороны, неполный поперечный шовъ, въ 7 мм. длины. При прочихъ, вышеразсмотрѣнныхъ аинскихъ черепахъ, объ этомъ обстоятельствѣ не упоминается, а въ нашихъ двухъ экземплярахъ, поперечнаго шва на скуловой кости вовсе не имѣется. Слѣдовательно, остается еще провѣрить, помощію бо̀льшаго числа наблюденій, можно ли, и въ какой степени, считать такое строеніе скуловой кости особенностью аинскаго черепа [4]).

---

1) Revue d'Anthrop. publ. sous la direct. de M. P. Broca, T. I, Paris 1872, p. 339; извлеченіе изъ рѣчи, читанной Кеннеди въ королевскомъ физическомъ общ. въ Эдинбургѣ, въ 1871 году. Этотъ дѣтскій черепъ былъ мезоцефаленъ; его головной показатель равенъ 78. Имѣющійся въ нашемъ музеѣ дѣтскій аинскій черепъ принадлежитъ къ той же категоріи, такъ какъ его показатель приблизительно равенъ 75,6.

2) Verhandl. der Berl. Gesell. für Anthrop., Ethnol. und Urgesch., въ Zeitschr. für Ethnol. Bd. VIII, 1876, p. (10).

3) Verhandl. der Berl. Gesell. etc. — Zeitschr. für Ethnol. Bd. VIII, p. (11); Bd. XII, p. (208).

4) Такъ какъ, при разсмотрѣніи гиляцкихъ череповъ, мы постоянно обращали вниманіе также на строеніе ихъ височной части, то мимоходомъ замѣтимъ и здѣсь, что въ обоихъ нашихъ аинскихъ черепахъ чешуя височной кости не имѣетъ лобнаго отростка.

Если окинуть теперь общимъ взглядомъ все, что было сказано выше о физическомъ строеніи и объ языкѣ Аиновъ, то не трудно вывести заключеніе, что, хотя ихъ и нельзя прямо причислить ни къ одной изъ нынѣ принимаемыхъ племенныхъ группъ, однако они все-таки — народъ континентально-азіятскаго происхожденія. По строенію черепа и лица, по физіономіи, вообще по всему физическому складу, Аины не подходятъ къ океанскимъ народамъ, ни бѣлой, ни темнокожей, папуасской расы, но стоятъ, напротивъ, по близости къ народамъ кавказской и монгольской расъ, не принадлежа, однако, непосредственно ни къ той, ни къ другой изъ нихъ. Далѣе, если взвѣсить ихъ нынѣшнее, изолированное по языку положеніе, равно какъ и то обстоятельство, что въ физическомъ отношеніи у нихъ, не смотря на нѣкоторое омонголенье, происшедшее вслѣдствіе смѣшенія и въ теченіи времени несомнѣнно усилившееся, все-таки сохранились черты, имъ однимъ свойственныя и совершенно чуждыя всѣмъ окружающимъ ихъ монгольскимъ народамъ, — если, говорю, взвѣсить все это, то не колеблясь можно сказать, что Аины—народъ, издавна вытѣсненный монгольскими племенами съ материка Азіи на его островную окраину, другими словами — народъ палэазіятскій. Благодаря островному положенію ихъ новаго отечества, долго предохранявшему ихъ отъ смѣшенія съ другими племенами, типическія особенности могли у Аиновъ укорениться сильнѣе и сохраниться въ бо̀льшей мѣрѣ. Лишь гораздо позже, послѣ вторженія въ ихъ край Японцевъ, вытѣснившихъ часть ихъ къ сѣверу, на Сахалинъ и Курильскіе острова, гдѣ они столкнулись съ Гиляками, Ороками и Ительменами, должно было наступить, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ этими народами, болѣе значительное омонголенье Аиновъ. Наконецъ, изъ того обстоятельства, что Аины, до прибытія Японцевъ, несомнѣнно населяли весь Нипонъ, на Сахалинъ же и Курильскіе острова распространились лишь позднѣе, выказывается и путь, по которому этотъ палэазіятскій народъ переселился съ материка въ свою нынѣшнюю родину, на близлежащіе острова. Путь этотъ не могъ, какъ то полагаетъ Зибольдъ[1]), пролегать по Амуру: по его теченію, какъ мы видѣли, перешло на Сахалинъ другое палэазіятское племя, Гиляки; путь же, по которому Аины переселились въ нынѣшнюю Японію, долженъ былъ идти черезъ Корею и Тсу-симскіе острова на Нипонъ. Поэтому, если гдѣ-либо на материкѣ Азіи, въ языкѣ или въ физическихъ свойствахъ нынѣшнихъ его народовъ, сохранились остатки или слѣды Аиновъ, то это могло бы быть только въ Кореѣ, гдѣ Аины, пока не выбрались въ море, необходимо оставались болѣе продолжительное время. До сихъ поръ названная страна еще слишкомъ мало изслѣдована для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ опредѣлительнымъ образомъ, въ положительномъ-ли, или въ отрицательномъ смыслѣ. Но мнѣ кажется въ высшей степени заслуживающимъ вниманія наблюденіе, сдѣланное Рихтгофеномъ на китайско-корейской границѣ, а именно, что тамъ есть Корейцы двухъ типовъ, изъ которыхъ одинъ, судя по изображеніямъ, напоминаетъ собою Ессовскихъ Аиновъ. «Не находится ли тутъ», спраш-

---

1) Aardr.-en volkenk. toelicht. p. 118.

васть онъ, «первобытное племя, родственное Аинамъ и вытѣсненное господствующими здѣсь нынѣ Корейцами»?[1]) Дѣйствительно, это показаніе Рихтгофена какъ-разъ служитъ подтвержденіемъ высказанному мною выше взгляду о происхожденіи и переселеніи Аиновъ, какъ народа палэазіятскаго[2]).

Позади двухъ палэазіятскихъ народовъ, Гиляковъ и Аиновъ, или къ западу отъ нихъ, весь Амурскій край занятъ третьимъ, болѣе новымъ племенемъ, разсѣяннымъ также по всей восточной Сибири и, въ лицѣ Маньчжуровъ, простирающимся даже въ Китай. Я разумѣю **племя Тунгусское.** Къ нему принадлежатъ всѣ остальные инородцы Амурскаго края. Это несомнѣнно явствуетъ изъ ихъ нарѣчій. Относительно ихъ, слѣдовательно, задача наша можетъ состоять лишь въ опредѣленіи естественной группировки ихъ какъ между собою, такъ и по отношенію каждаго изъ нихъ ко всему племени. Но для этого потребовалось бы подробное изученіе ихъ нарѣчій, а равно такое же изслѣдованіе и ихъ физическихъ свойствъ; къ тому же, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о болѣе мелкихъ и тонкихъ оттѣнкахъ и отличіяхъ, то является надобность въ еще болѣе обширномъ матеріалѣ, чѣмъ для сравнительнаго изученія разноплеменныхъ народовъ. Первую часть задачи, т. е. изученіе нарѣчій этихъ народовъ, я, разумѣется, долженъ предоставить лингвистамъ; для второй же части, опредѣленія ихъ физическихъ свойствъ, не только мои, но и вообще всѣ до сихъ поръ имѣющіяся наблюденія еще далеко не достаточны. Большую часть тунгусскихъ племенъ Амурскаго края я видѣлъ только мелькомъ и лишь съ немногими могъ познакомиться нѣсколько ближе; притомъ, лишь отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣется у насъ для сравненія по одному черепу. Поэтому, все, что я могу сообщить въ указанномъ отношеніи, — не болѣе, какъ матеріалы и нѣкоторыя мнѣнія и предположенія, основанныя на нихъ. По этой причинѣ, равно какъ и потому, что тунгусскіе народы Амурскаго края — не болѣе, какъ вѣтви одного и того же племени, я не стану разсматривать ихъ здѣсь порознь, одного за другимъ, какъ дѣлалъ это съ Гиляками и Аинами, но брошу взглядъ на всѣхъ ихъ одновременно.

Замѣчу прежде всего, что, какъ несомнѣнна ни была принадлежность всѣхъ этихъ народовъ къ тунгусскому племени, все-таки нѣкоторымъ изъ нихъ приписывалось совершенно иное происхожденіе. Такъ именно въ Ольчахъ, которые во всѣхъ русскихъ отчетахъ именуются Мангупами, П. П. Семеновъ предполагалъ Монголовъ, потомковъ тѣхъ Мен-гу, о которыхъ упоминается уже въ исторіи Киданей, которые не разъ поражали династію Гинней, и отъ которыхъ Чингисъ-ханъ заимствовалъ для своего народа названіе

---

1) Zeitschr. der Berliner Gesellsch. für Erdkunde, Bd. V, p. 323.

2) П. Кемперманъ старается доказать, что Японцы также переселились въ свою нынѣшнюю родину чрезъ Корею. См. Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthrop., Ethnol. und Urgesch., въ Zeitschr. für Ethnol. Bd. VIII, 1876, p. (81) ff.

«Монголы». Поэтому онъ полагаетъ, что въ XII вѣкѣ Мен-гу обитали не только по верховьямъ, но и по среднему теченію Амура. Мало того, онъ настаиваетъ на тождественности Мангуновъ и Мен-гу или Монголовъ даже въ томъ случаѣ, если они въ теченіи времени перемѣнили свое родное монгольское нарѣчіе на тунгусское[1]). Однако мнѣніе это основано единственно на созвучіи названія «Мангуны» съ названіями «Мен-гу» и «Монголы», а выше уже было подробно доказано, что это названіе совсѣмъ иного происхожденія[2]).

Нѣчто подобное было и съ Даурами. Архимандритъ Палладій хотя и упоминаетъ о китайскомъ показаніи, по которому Дауры происходятъ отъ одной древней вѣтви Киданей («Дахо») и, слѣдовательно, принадлежатъ къ маньчжуро-тунгусскому племени, однако онъ называетъ это показаніе «недоказаннымъ» и полагаетъ, что едва-ли нужно искать происхожденіе этого народа въ столь отдаленной эпохѣ. Онъ раздѣляетъ, напротивъ, предположеніе, также высказанное китайскими писателями, будто Дауры — остатокъ монголо-китайской военной колоніи, и при этомъ основывается на томъ обстоятельствѣ, что въ ихъ языкѣ много китайскихъ словъ, и что, съ другой стороны, у монгольскихъ властителей Китая было въ обычаѣ основывать въ своихъ отдаленныхъ владѣніяхъ подобныя колоніи изъ китайскихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ[3]). И такъ, по его мнѣнію, Дауры — не больше, какъ смѣсь Монголовъ, составлявшихъ военный и главный элементъ колоній, и Китайцевъ, занимавшихся въ нихъ земледѣліемъ и промышленностью. Это предположеніе можетъ казаться вѣроятнымъ, если, какъ то дѣлаетъ Палладій, имѣть въ виду лишь нынѣшнихъ Дауровъ на рѣкѣ Нонни. Извѣстно, однако, что Дауры нѣкогда, и еще во время перваго русскаго вторженія, были многочисленнымъ и осѣдлымъ народомъ, обитавшимъ по верхнему Амуру и въ странѣ между Шилкою и Аргунью,— странѣ, носящей еще поныпѣ ихъ имя, что они занимались тамъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, имѣли своихъ князей и т. д. Относительно же этого народа всѣ единогласно показываютъ, что, хотя въ культурномъ отношеніи, по своему вышеупомянутому образу жизни, онъ и стоялъ гораздо выше бродячихъ Тунгусовъ, однако, по языку, былъ народъ близко родственный и этимъ послѣднимъ, и Маньчжурамъ[4]). По свидѣтельству Исбрантса Идеса, Нерчинскіе и Аргунскіе Тунгусы считали сами себя народомъ одноплеменнымъ съ Даурами[5]). Мнѣ говорили Бирары на Амурѣ, что они очень хорошо понимаютъ даурскій языкъ.

---

1) П. Семеновъ, Землевѣдѣніе Азіи К. Риттера, С. Петерб. 1856, Т. I, стр. 435, 436, 705, 709.

2) См. выше, стр. 148.

3) Палладій, Дорожн. зам. на пути отъ Пекина до Благовѣщенска (Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. IV, С. Петерб. 1871, стр. 444).

4) Витсенъ (Noord en Oost Tart. 1705, p. 68 — 72) сообщилъ списокъ даурскихъ словъ, который, можетъ быть, далъ первое основаніе этому заключенію. Миллеръ (Samml. Russ. Gesch. Bd. VI, p. 152) говоритъ: «что Даурскіе и Маньчжурскіе народы нѣкогда составляли одно цѣлое съ Тунгусами, это доказывается сходствомъ ихъ языковъ.» Въ томъ же смыслѣ выражается Фишеръ (Sibir. Geschichte, p. 528). См. также: Schlözer, Allgemeine Nord. Gesch. Halle 1771, p. 418; Ritter, Asien, Bd. I, p. 116, Bd. II, p. 405; Plath, Die Völker der Mandschurey, Göttingen 1830, p. 71; Іакинфъ, Стат. Опис. Кит. Имп. С. Петерб. 1842, Ч. II, стр. 12, и др.

5) Ysbr. Ides, Driejaar. Reize naar China, Amsterdam 1704, p. 58, 129.

Говоръ тѣхъ Дауровъ, съ которыми я встрѣчался на Амурѣ, былъ не вполнѣ чуждъ и одному изъ моихъ казаковъ, который зналъ орочонскій языкъ и, судя по чертамъ своего лица, былъ тунгусскаго происхожденія. Дауры деревни Хормольдинъ, хотя почти совсѣмъ не понимали гольдскихъ словъ, съ которыми я обращался къ нимъ, да и орочонскій языкъ моего казака понимали лишь очень мало, однако въ разговорѣ ихъ встрѣчались нѣкоторыя слова, и особенно имена числительныя, знакомыя мнѣ изъ тунгусскаго языка. Послѣ всего этого, я не могу не присоединиться къ общепринятому мнѣнію, что Дауры — народъ тунгусскаго племени. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію — и въ этомъ отношеніи Палладій, конечно, совершенно правъ — что они заимствовали множество монгольскихъ и китайскихъ словъ и кромѣ того смѣшались съ Монголами и Китайцами также физически, можетъ быть, даже въ большей степени, чѣмъ какой-либо другой народъ Амурскаго края. Смѣшеніе ихъ съ Монголами уже потому понятно, что они еще въ Дауріи жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними, какъ живутъ и понынѣ на рѣкѣ Нонни. Отъ нихъ-то, какъ отъ народа, по преимуществу кочующаго со своими стадами, они могли перенять скотоводство, подобно тому, какъ въ послѣдствіи случилось это съ нѣкоторыми степными Тунгусами. Это можно заключить изъ того, что у Дауровъ (а по замѣчанію Миллера[1] и у Тунгусовъ вообще) для обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ, каковы лошадь, рогатый скотъ, овца, нѣтъ собственныхъ названій, а употребляются названія, заимствованныя у Монголовъ[2]). Отъ Дауровъ монгольскія названія для домашнихъ животныхъ перешли и къ другимъ Амурскимъ инородцамъ, между прочимъ, какъ мы уже видѣли, даже къ Гилякамъ. Мнѣ кажется достойнымъ вниманія, что также многія дикія животныя, именно тѣ, которыя, по своей шкурѣ, мясу или рогамъ, играютъ роль въ торговомъ промыслѣ этихъ инородцевъ, какъ напримѣръ соболь, рѣчная выдра, лисица, бѣлка, медвѣдь, лось, благородный олень, носятъ у Дауровъ названія, заимствованныя также отъ Монголовъ, тогда какъ для другихъ, не имѣющихъ подобнаго значенія, какъ напримѣръ для волка, употребляются у нихъ тунгусскія названія[3]). Какъ Монголы, такъ, съ другой стороны, пожалуй даже больше чѣмъ они, громадное вліяніе на Дауровъ въ отношеніи и языка и физическихъ свойствъ должны были имѣть Китайцы, подвигавшіеся постоянно впередъ по рѣкѣ Нонни и въ остальныхъ частяхъ Сунгарійско-Амурскаго края. Распространяться объ этомъ здѣсь было бы излишне, послѣ того, что было сказано выше о распространеніи китайскаго элемента даже среди Маньчжуровъ. Достаточно замѣтить,

1) Samml. Russ. Gesch. Bd. VI, p. 151.

2) См. мою статью о млекопитающихъ Амурскаго края, въ I-мъ томѣ «Reisen u. Forsch. im Amur-Lande». Такъ, напримѣръ, лошадь называется у Дауровъ *морре*, рогатый скотъ (корова) — *укуръ*, овца — *хони*. Свинья также носитъ у нихъ названіе, заимствованное изъ монгольскаго языка, а именно: *гага*.

3) Для примѣра того, что названія животныхъ, употребляемыя какимъ-нибудь народомъ, могутъ обусловливаться обстоятельствами, подобными приведеннымъ выше, замѣчу здѣсь, что изюбрь или благородный олень, рога котораго, пока они мягки и нѣжны, составляютъ для этихъ народовъ цѣнный предметъ торговли, у Манегирцевъ, народа несомнѣнно тунгусскаго племени, носитъ названіе не тунгусское, но монгольское (*бугу*), какъ и у Дауровъ (*буго*). См. мое сочиненіе: «Reisen u. Forsch. im Amur-Lande», T. I, стр. 171.

что Дауры подлежатъ этому вліянію, можетъ быть, даже больше другихъ народовъ, потому что не только часть ихъ, подобно Маньчжурамъ и Солонамъ, состоитъ на службѣ Китайскаго правительства, въ качествѣ солдатъ, чиновниковъ и пр., но и всѣ они носятъ, въ своей склонности къ земледѣлію, ремесламъ и особенно къ торговлѣ, черты, родственныя Китайцамъ—черты, которыя должны были значительно способствовать взаимному сближенію и сліянію этихъ народностей. Вѣдь и роль, которую, какъ мы видѣли выше, играютъ предпріимчивые даурскіе купцы на верхнемъ Амурѣ та же, что и китайскихъ купцовъ на нижнемъ. Такимъ образомъ, примѣсь монгольскаго и китайскаго элементовъ между Даурами объясняется весьма естественно географическими и историческими данными, и ихъ тунгусское происхожденіе отнюдь нѣтъ надобности подвергать сомнѣнію.

Постараемся теперь, на основаніи имѣющихся до сихъ поръ немногихъ наблюденій надъ нарѣчіями и физическими свойствами тунгусскихъ народовъ Амурскаго края, опредѣлить, хотя бы лишь приблизительно и въ главныхъ чертахъ, въ какомъ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ они находятся между собою и съ сосѣдними племенами. Повторяю при этомъ, что касательно языка я долженъ, конечно, ограничиваться лишь немногими общими замѣчаніями, частью своими, частью чужими, предоставляя подробности лингвистамъ.

Выше я уже назвалъ показаніе, будто Сахалинскіе Ороки — потомки Удскихъ Тунгусовъ или даже смѣсь Русскихъ съ Тунгусами, совершенно неосновательнымъ и тенденціознымъ [1]). Послѣ нѣсколькихъ короткихъ встрѣчъ и разговоровъ съ Орокамн на Сахалинѣ, я сразу узналъ въ нихъ племя, по языку близко родственное Ольчамъ и вѣроятно составлявшее прежде даже одно цѣлое съ ними, но затѣмъ отдѣлившееся и перешедшее съ материка на островъ. Шмидтъ, Глепъ и Брылкинъ, познакомившіеся съ ними ближе, подтвердили это и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдились, что сами Ороки признаютъ свою принадлежность къ Ольчамъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ перехода ихъ на Сахалинъ, гдѣ они ведутъ образъ жизни, совершенно отличный отъ образа жизни ихъ соплеменниковъ на материкѣ, въ ихъ нарѣчіи также образовались кое-какія отличія. Будемъ ожидать разъясненія этихъ отличій отъ лингвистовъ.

Относительно нарѣчія Амурскихъ Ольчей, Максимовичъ собралъ нѣкоторые матеріалы въ бытность свою въ Маріинскомъ посту, лежащемъ неподалеку отъ Кидзи, слѣдовательно, въ центрѣ заселяемой ими области. Эти матеріалы — собраніе словъ, выраженій, пѣсней — дадутъ лингвистамъ возможность опредѣлить точнѣе мѣсто, занимаемое языкомъ

---

1) См. выше, стр. 138, прим. 5.

2) Fr. Schmidt, Histor. Ber. über den Verlauf der physik. Abtheil. der Sibir. Exped. der Kais. Russ. Geogr. Gesellsch. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, herausg. von Baer und Helmersen, Bd. XXV, p. 121). Брылкинъ, Письма съ Сахалина (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. Кн. VII, Иркутскъ 1864, стр. 21). См. также выше, стр. 138. Показаніе Мидуля (Очеркъ острова Сахалина въ сельско-хозяйств. отнош. С. Петерб. 1873, стр. 132), будто языкъ Ороковъ сходенъ съ языкомъ Амурскихъ Гиляковъ, объясняется или полнѣйшимъ его незнакомствомъ съ послѣдними, или же тѣмъ обстоятельствомъ, что Русскіе часто смѣшиваютъ Ольчей (Мангуновъ) съ Гиляками.

Ольчей въ ряду соплеменныхъ ему тунгусскихъ нарѣчій. Я могу лишь сказать, что, не смотря на весьма замѣтныя діалектическія особенности, языкъ Ольчей, повидимому, не особенно отличается отъ нарѣчій болѣе сѣверныхъ Тунгусовъ, Тугурскихъ, Удскихъ и пр., и, во всякомъ случаѣ, подходитъ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ языкъ Гольдовъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ можно будетъ, я думаю, замѣтить вліяніе на этотъ языкъ сосѣдняго, гиляцкаго языка.

Всего ближе къ ольчскому нарѣчію подходятъ негидальское и самагирское. Съ первымъ я самъ не знакомъ, но таково мнѣніе о немъ лицъ, слышавшихъ оба нарѣчія; кромѣ того, въ пользу этого мнѣнія говоритъ несомнѣнно близкое родство Негидальцевъ съ Самагирцами. Съ послѣдними я самъ имѣлъ случай познакомиться, какъ на Амурѣ, гдѣ мнѣ встрѣчались отдѣльные представители этого племени, такъ и у нихъ самихъ, на Горинѣ. Вся разница, которую я могъ замѣтить въ ихъ нарѣчіи сравнительно съ ольчскимъ, сводится къ мелкимъ діалектическимъ особенностямъ; да и сами они утверждаютъ, что говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и Ольчи. Впрочемъ, какъ велико ни было бы сходство нарѣчій негидальскаго и самагирскаго, какъ между собою, такъ и съ ольчскимъ, все-таки можно предполагать, что первое изъ нихъ, вслѣдствіе постоянныхъ и разнообразныхъ сношеній приамгунскихъ жителей съ такъ называемыми русскими Тунгусами, съ Тугура и изъ Удскаго края, болѣе всѣхъ другихъ подходитъ къ нарѣчію послѣднихъ, самагирское же, напротивъ, значительно подверглось вліянію пограничныхъ съ юга Гольдовъ. И дѣйствительно, Миддендорфъ [1]), въ бытность свою у Негидальцевъ, замѣтилъ, что языкъ ихъ весьма мало отличается отъ нарѣчія русскихъ Тунгусовъ. Что касается до Самагирцевъ, то я самъ убѣдился въ справедливости высказаннаго выше предположенія. Именно я замѣтилъ, что языкъ Самагирцевъ, въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, особенно въ названіяхъ животныхъ, коль скоро эти названія у Ольчей и у нижнихъ Гольдовъ болѣе или менѣе различны — что вообще бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ [2]) — сходенъ съ нарѣчіемъ послѣднихъ. Это вліяніе Гольдовъ станетъ весьма понятно, если сообразить, что Горинъ впадаетъ въ Амуръ уже въ области Гольдовъ, что лѣса его зимою, ради охоты, посѣщаются многочисленными Гольдами, и что, съ другой стороны, Самагирцы большею частью сбываютъ свою охотничью добычу, и особенно дорогіе мѣха, китайскимъ купцамъ, проживающимъ среди Гольдовъ. Врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію, что Негидальцы и Самагирцы, столь близкіе русскимъ оленнымъ Тунгусамъ, спустились нѣкогда съ лежащихъ къ западу и сѣверу горныхъ хребтовъ въ долины Амгуни и Горина и сдѣлались здѣсь рыболовами. Но этого мало: близкое родство этихъ обоихъ племенъ, по нарѣчію, съ Ольчами говоритъ въ пользу того, что̀ мы уже вывели выше изъ другихъ данныхъ [3]), а именно, что еще до Негидальцевъ и Самагирцевъ

---

1) Путеш. и пр. Ч. II, стр. 747.

2) Таковы, напримѣръ, названія барсука, лисицы, рыси, благороднаго оленя, рябчика; см. мои статьи о млекопитающихъ и о птицахъ Амурскаго края, въ I-мъ томѣ «Reisen u. Forsch. im Amur-Lande».

3) См. выше, стр. 149.

тѣмъ же путемъ вышли на Амуръ Ольчи, причемъ часть ихъ осталась тутъ, а другая, чрезъ хребетъ Лашкскъ и Амурскій лиманъ, перешла на островъ Сахалинъ [1]).

Если перейти отъ Ольчей на Амурѣ къ Гольдамъ, то спачала замѣчается лишь незначительное измѣненіе въ языкѣ, не очень затрудняющее его пониманіе: многія слова совершенно тѣ же, другія лишь немного измѣнены въ гласныхъ или въ однородныхъ согласныхъ звукахъ. Но, чѣмъ дальше вверхъ по Амуру, тѣмъ больше возрастаетъ разность въ языкѣ: измѣненныя слова становятся труднѣе распознаваемыми, и все больше и больше встрѣчается новыхъ словъ, неупотребляемыхъ въ нижней части рѣки. Если зайти порядочно далеко въ область Гольдовъ, напримѣръ въ промежутокъ между устьями Уссури и Сунгари, то получишь впечатлѣніе, что гольдскій языкъ весьма различенъ отъ вышеупомянутыхъ нарѣчій нижняго Амура и его лѣвыхъ притоковъ. Хотя это измѣненіе въ языкѣ, если идти вверхъ по Амуру, происходитъ лишь исподоволь, однако можно обозначить нѣкоторыя мѣстности, начиная съ которыхъ оно особенно усиливается. Такими разграничивающими точками являются именно Геонгскій хребетъ и устье Уссури. Имп область гольдскаго языка раздѣляется на три отдѣла: 1) нижній, отъ сѣвернаго предѣла гольдскаго населенія по Амуру до Геонгскаго хребта; 2) средній, отъ Геонгскаго хребта до устья Уссури, равно какъ и по этой рѣкѣ и ея притокамъ вверхъ, насколько они заселены Гольдами, и, наконецъ, 3) верхній отдѣлъ, отъ устья Уссури вверхъ по Амуру и вдоль Сунгари до южной границы гольдскаго населенія на немъ. Выше [2]) уже было говорено о тѣхъ событіяхъ въ исторіи распространенія Гольдовъ, которыми, вѣроятно, обусловливаются эти разности нарѣчія въ разныхъ частяхъ занимаемаго ими пространства. На основаніи сказаннаго и въ дополненіе къ нему, я замѣчу здѣсь только, что прежнимъ распространеніемъ Дючеровъ, отъ Сунгари по теченію Амура до Дондона, нижніе Гольды оказались, нѣкоторымъ образомъ, отрѣзанными отъ своихъ соплеменниковъ на Уссури; слѣдовательно, они должны были сблизиться и до нѣкоторой степени слиться по нарѣчію съ Ольчами и Самагирцами, живущими при одинаковыхъ условіяхъ, непосредственно къ сѣверу отъ нихъ. Эти-то нижніе Гольды, какъ уже упомянуто выше, суть «Янты» Гиляковъ. Въ средней части, въ долинѣ Уссури, оставшейся свободной отъ Дючерскаго населенія, гольдскій языкъ, подходящій, впрочемъ, къ маньчжурскому, могъ сохраниться болѣе чистымъ, а по уходѣ Дючеровъ распространиться и внизъ по Амуру. Поэтому, между Уссурійскими Гольдами и Амурскими, живущими внизъ отъ Уссури, почти до Геонгскаго хребта, не замѣчается никакого выдающагося различія [3]), и мнѣніе, встрѣчающееся у Маака, Брылкина и другихъ [4]), будто-бы первые изъ нихъ составляютъ особый народъ, оказывается совершенно неосновательнымъ. Жители всей этой средней полосы, напротивъ, самые настоящіе Гольды, оставшіеся и по языку,

---

1) См. стр. 21, 138.

2) См. стр. 154—156.

3) Это было замѣчено мною, и въ такомъ-же смыслѣ высказывается Венюковъ (Обозр. рѣки Уссури. — Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXV, 1859, Отд. II, стр. 233; его же: Путеш. по окраин. Русск. Азіи и зап. о нихъ, С. Петерб. 1868, стр. 86, 87).

4) См. выше, стр. 151.

можетъ быть, болѣе неприкосновенными, чѣмъ всѣ прочіе. Вотъ эти-то Гольды и называются Гиляками «Чольдокъ» — названіе, которое, какъ уже доказано выше[1]), привело къ нынѣ общеупотребительному ихъ имени. Наконецъ, верхніе Гольды, обитающіе вверхъ отъ устья Уссури, сосредоточиваются собственно на Сунгари, гдѣ ихъ населеніе достигло своей наибольшей плотности. На ихъ нарѣчіи вліяніе маньчжурскаго и китайскаго языковъ, безъ сомнѣнія, отразилось всего сильнѣе.

Таковы измѣненія, которымъ подвергся языкъ Гольдовъ въ разныхъ частяхъ занимаемаго ими края. О самыхъ словахъ и грамматическомъ строеніи его имѣется гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ о какомъ-либо другомъ изъ тунгусскихъ нарѣчій Амурскаго края. Венюковъ[2]), а затѣмъ, въ нѣсколько бо̀льшемъ объемѣ, Брылкинъ[3]) и, въ новѣйшее время, особенно священникъ Алекс. Протодьяконовъ составили сборники гольдскихъ словъ, причемъ двое послѣднихъ сообщили и замѣчанія объ его грамматическомъ строеніи. Въ своемъ разборѣ этихъ матеріаловъ, въ особенности гольдско-русскаго словаря Протодьяконова, содержащаго въ себѣ болѣе тысячи словъ, здѣшній профессоръ Захаровъ, хорошо знающій маньчжурскій языкъ, высказывается въ томъ смыслѣ, что гольдскій языкъ находится въ ближайшемъ родствѣ съ маньчжурскимъ. Это можно видѣть изъ того, что въ этихъ языкахъ много общихъ словъ, что корни, которые въ томъ и другомъ языкѣ не односложны, а многосложны, весьма сходны между собою, что замѣчается также большое сходство во многихъ грамматическихъ формахъ, напримѣръ, въ формахъ именъ прилагательныхъ, прошедшаго времени глаголовъ, и т. п. Разница между этими языками, по его мнѣнію, ограничивается діалектическими особенностями, и по всему видно, что они составляютъ лишь различныя нарѣчія одного и того же языка, причемъ гольдское нарѣчіе образуетъ его сѣверную вѣтвь, а маньчжурское — южную[4]).

Гольдскому языку, вѣроятно, близко родственъ языкъ Орочей. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о немъ весьма скудны. Венюковъ нашелъ, что онъ очень подходитъ къ языку Гольдовъ: многія слова совершенно одни и тѣ-же, только выговоръ замѣтно иной; вообще ему показалось, что языкъ Орочей богаче мягкими звуками[5]). При этомъ онъ имѣлъ въ виду южныхъ Орочей, или такъ называемыхъ Та-цзовъ; сѣверныхъ онъ не зналъ[6]). Но такъ какъ Орочи разсѣяны на обширномъ пространствѣ, отъ Суйфуна до залива де-Кастри, то

---

1) См. стр. 153.

2) Въ вышепоименованныхъ сочиненіяхъ.

3) Замѣч. о свойствахъ языка Ходзеновъ и Ходзенскій словарь, въ Путешеств. Маака по дол. рѣки Уссури. Прибавл. къ Т. I, С. Петерб. 1861.

4) И. Захаровъ, О матер. для изуч. гольдскаго языка, доставл. отц. А. Протодьяконовымъ (Изв. Русск. Геогр. Общ. 1876 г. Вып. I, Геогр. Изв., стр. 49, 50). Тамъ же говорится и о главнѣйшихъ діалектическихъ особенностяхъ обоихъ нарѣчій.

5) Венюковъ, Обозр. рѣки Усури (Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. XXV, 1859, Отд. II, стр. 234); его же: Путеш. по окр. Русск. Азіи, стр. 88. Проводникъ Венюкова, знавшій многія тунгусскія нарѣчія, и въ томъ числѣ и солонское, полагалъ, что языкъ Орочей ближе всего подходитъ къ послѣднему; но этому нельзя придавать большого значенія.

6) Выше уже было упомянуто (см. стр. 22, прим. 3)' что Тронсонъ (Pers. Narrat. of a Voyage to Japan etc. London 1859, p. 325) приводитъ, какъ образцы гиляцкаго

между ними, конечно, должна существовать болѣе или менѣе значительная разность въ нарѣчіи. Этого можно ожидать уже потому, что, во-первыхъ, Та-цзы на правыхъ притокахъ Уссури примыкаютъ къ среднимъ Гольдамъ, сѣверные же Орочи, по верхнему теченію Дондона, Хонгара и другихъ правыхъ притоковъ Амура, — къ нижнимъ Гольдамъ и Ольчамъ. Кромѣ того, Та-цзы находятся въ разнообразныхъ сношеніяхъ и связяхъ съ многочисленными Китайцами, живущими постоянно среди нихъ, тогда какъ сѣверные Орочи, въ своихъ отдаленныхъ горныхъ и лѣсныхъ дебряхъ и на своемъ негостепріимномъ морскомъ берегу, врядъ-ли когда-либо встрѣчаются съ сынами Небесной Имперіи. Если вообще у всѣхъ Амурскихъ инородцевъ употребляются для разныхъ предметовъ или понятій, первоначально имъ неизвѣстныхъ, названія, заимствованныя отъ Китайцевъ (равно какъ и отъ Маньчжуровъ), то у Та-цзовъ, вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, китайское вліяніе, понятнымъ образомъ, выказывается всего больше, и притомъ не только въ употребленіи отдѣльныхъ чужихъ словъ, но и въ образованіи звуковъ, въ выговорѣ, удареніи и т. д. Въ этомъ-то, вѣроятно, и заключается главное различіе, по нарѣчію, между ними и ихъ сѣверными соплеменниками.

Что касается до языка Килей на Курѣ, то мнѣ извѣстны лишь нѣкоторыя названія животныхъ у нихъ. Между ними сколько-нибудь своеобразныхъ лишь весьма немного; по большей части они согласны съ названіями, употребляемыми верхними Гольдами, или же совпадаютъ съ бираркими и манегирскими [1]). Первое обстоятельство можно, пожалуй, приписать, такъ же какъ и у Самагирцевъ, гольдскому вліянію, такъ какъ Кили, главнымъ образомъ, ведутъ свою мѣновую торговлю и вообще находятся въ наибольшихъ сношеніяхъ съ средними и верхними Гольдами и съ проживающими среди нихъ, въ особенности на Сунгари, китайскими купцами, причемъ они или прямо переходятъ чрезъ луговое пространство, отдѣляющее ихъ отъ Амура, или же достигаютъ его, спускаясь по Куру, впадающему въ Амуръ лишь немного ниже устья Уссури. Напротивъ, изъ того обстоятельства, что нѣкоторыя названія животныхъ у Килей тѣ же, что и у Бираровъ и Манегирцевъ, я вывожу заключеніе — разумѣется, насколько вообще возможно выводить его изъ столь малаго числа словъ,— что Кили находятся въ самомъ близкомъ родствѣ съ названными племенами и составляютъ лишь вѣтвь одного и того же племени, спустившуюся съ Буреинскихъ горъ въ долину Кура.

Вышесказаннымъ уже нѣкоторымъ образомъ опредѣляется также отношеніе Бираровъ и Манегирцевъ другъ къ другу. Безъ сомнѣнія, они находятся въ весьма близкомъ родствѣ между собою. Мааку нарѣчія обоихъ показались совершенно тождественными; у первыхъ, однако, онъ замѣтилъ немало словъ, заимствованныхъ отъ Маньчжуровъ [2]). Хотя

языка, нѣсколько словъ изъ языка Орочей Императорской гавани (зал. Барракута) и между прочимъ имена числительныя отъ 1 до 10.

1) См. I-ый томъ моего сочиненія: «Reisen u. Forsch. im Amur-Lande».

2) Маакъ, Путеш. на Амуръ, С. Петерб. 1859, стр. 110.

изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы лингвисты не могли найти никакого діалектическаго различія въ языкѣ этихъ народовъ, однако оно не можетъ быть велико, если остается почти незамѣтнымъ для нелингвиста. Съ другой стороны, и у Манегирцевъ встрѣчаются иноязычныя слова, заимствованныя ими, такъ же какъ и Бирарами, изъ маньчжурскаго, даурскаго и, вѣроятно, изъ китайскаго языковъ [1]), потому что со всѣми народами, говорящими этими языками, они находятся въ частыхъ сношеніяхъ, хотя, быть можетъ, число такихъ словъ у Бираровъ больше, вслѣдствіе того, что часть этого народа — именно та, къ которой относятся замѣчанія Маака, — живетъ осѣдло на Амурѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Маньчжурами и Даурами и, подобно имъ, занимается хлѣбопашествомъ и огородничествомъ.

Съ Манегирцами находятся въ ближайшемъ родствѣ Орочоны. Это представляется несомнѣннымъ уже изъ разсмотрѣнной нами выше исторіи распространенія этихъ племенъ, изъ которой видно также, какимъ образомъ они разошлись въ послѣдствіи. Тогда какъ Орочоны въ общемъ своемъ составѣ остались оленнымъ народомъ, кочующимъ въ нагорныхъ лѣсахъ, Манегирцы, напротивъ, спустились въ луговыя равнины, и здѣсь, вмѣсто оленей, обзавелись другимъ верховымъ и вьючнымъ животнымъ, лошадью. Затѣмъ, тогда какъ первые остались въ постоянныхъ сношеніяхъ и фактической, хотя и не опредѣленной трактатами, зависимости отъ Русскихъ, послѣдніе сдѣлались вполнѣ китайскими подданными и вступили въ разнообразныя сношенія съ Даурами, Маньчжурами и Китайцами. При столь различныхъ условіяхъ и отъ столь разнороднаго вліянія, естественно, должна была образоваться между ними, не смотря на ихъ несомнѣнно общее происхожденіе, нѣкоторая разность въ языкѣ, напримѣръ явились иноязычныя слова, заимствованныя у различныхъ народовъ и т. п. Нѣкоторымъ доказательствомъ тому служатъ уже немногія собранныя мною у нихъ названія животныхъ. Герстфельдъ, имѣвшій возможность познакомиться съ этими племенами ближе, также замѣтилъ нѣкоторую разность въ ихъ нарѣчіи; его проводники уже издали могли различать ихъ по ихъ разнороднымъ возгласамъ [2]). Впрочемъ, оба племени, и, разумѣется, въ особенности Орочоны, обнаруживали въ своемъ языкѣ большое сходство съ живущими къ сѣверу отъ нихъ, такъ называемыми русскими, Тунгусами [3]).

Объ языкѣ Дауровъ выше уже было сдѣлано нѣсколько послѣдныхъ замѣчаній. Наконецъ, что касается до ихъ сосѣдей, Солоновъ, то, вѣроятно, и о нихъ можно сказать нѣчто подобное: ихъ нарѣчіе, по происхожденію тунгусское и болѣе или менѣе близко родственное маньчжурскому, смѣшалось въ теченіи времени въ значительной степени съ монгольскими, а отчасти и съ китайскими элементами.

На основаніи вышесказаннаго, группировка тунгусскихъ народовъ Амурскаго края

---

1) Впрочемъ, это говоритъ и Маакъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 69) своего путешествія.

2) Герстфельдъ, Оприбр. жителяхъ Амура (Вѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XX, 1857, Отд. II, стр. 294).

3) Герстфельдъ замѣтилъ между ними нѣкоторую разницу въ томъ отношеніи, что Манегирцы и Орочоны ставятъ удареніе всегда на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ русскіе Тунгусы, напротивъ, помѣщаютъ его на предпослѣднемъ.

представляется нѣсколько иною, чѣмъ предполагали ее до сихъ поръ. Вообще мнѣ извѣстенъ только одинъ опытъ подобной группировки, да и то лишь одной части этихъ народовъ. Онъ сдѣланъ Семеновымъ, въ его дополненіяхъ къ Риттеровской Азіи. Основываясь на китайскихъ историческихъ источникахъ, обнародованныхъ Іакинфомъ [1]) и Васильевымъ, и на нѣкоторыхъ извѣстіяхъ о нынѣшнихъ Амурскихъ инородцахъ, онъ ставитъ [2]) Дауровъ, Солоновъ и Гольдовъ въ одну группу, какъ потомковъ древнихъ Киданей и Шп-вэй, Маньчжуровъ же и Юйпп-тацзовъ, какъ потомковъ Нюй-чжей, — въ другую, а Ольчей (Мангуновъ) онъ считаетъ потомками Мен-гу или Монголовъ. Послѣднее мнѣніе уже было опровергнуто выше. Что китайское названіе «Юйпп-тацзе» слишкомъ неопредѣленно, ибо относится почти ко всѣмъ народамъ Нижне-амурскаго края, одѣвающимся отчасти въ рыбьи шкуры, и, по этой причинѣ, въ этнологическомъ отношеніи совершенно непригодно, — объ этомъ было также говорено выше [3]). Еще можно было бы, пожалуй, отнести его къ пограничнымъ съ Маньчжурами Гольдамъ; но такъ какъ они и Ольчи упоминаются у Семенова подъ особыми названіями, то на долю названія «Юйпп-тацзе» приходятся чуть-ли не одни только Орочп. Къ совершенно иному результату приводятъ вышеизложенныя данныя. На основаніи ихъ, надо, въ отношеніи языка, распредѣлить нынѣшніе тунгусскіе народы Амурскаго края въ четыре группы:

1) Дауры и Солоны — тунгусскія племена съ сильною монгольскою примѣсью.
2) Маньчжуры, Гольды, Орочи.
3) Орочоны, Манегирцы, Бирары, Кили на Курѣ.
4) Ольчи, Амурскіе и Сахалинскіе (Ороки), Негидальцы, Самагирцы.

Двѣ первыя группы составляютъ южную, или маньчжурскую вѣтвь тунгусскаго племени, двѣ другія обнимаютъ отросли его сѣверной или сибирской вѣтви, простирающейся до Енисея, Ледовитаго моря и Камчатки.

Спрашивается теперь, согласна ли эта группировка тунгусскихъ народовъ Амурскаго края съ ихъ физическими свойствами, или же ихъ надо, на основаніи этихъ послѣднихъ, распредѣлить нѣсколько иначе? Выше было уже замѣчено, что для полнаго разрѣшенія этого вопроса матеріалы въ настоящее время еще далеко недостаточны. Поэтому, если я въ нижеслѣдующемъ, при обсужденіи отдѣльныхъ пунктовъ, а именно строенія черепа, войду въ нѣкоторыя подробности, то все-таки весь вопросъ можетъ быть разсмотрѣнъ пока только приблизительно, лишь въ общихъ чертахъ. Какъ вѣтви одного и того же племени, тунгусскіе народы Амурскаго края имѣютъ весьма много общаго въ своихъ физическихъ свойствахъ. Сходство между ними велико, и племенное единство ихъ очевидно. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе болѣе ранняго или поздняго отдѣленія того или другого изъ нихъ отъ общаго племени, болѣе или менѣе частыхъ сношеній и смѣшеній съ иноплеменными сосѣдними наро-

---

1) Въ его трудѣ: Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавш. въ средней Азіи въ древн. времена, С. Петерб. 1851, Ч. II.

2) Землевѣд. Азіи К. Риттера, С. Петерб. 1856, Т. I, стр. 426.

3) См. стр. 140, 151.

дами, ихъ различно сложившейся судьбы, ихъ разнаго образа жизни и т. д., и у нихъ въ физическомъ строеніи образовались болѣе или менѣе характеристическія отличія. Чтобы ознакомиться, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, съ этими послѣдними, всего лучше, можетъ быть, взять за исходную точку наиболѣе извѣстный до сихъ поръ народъ тунгусскаго племени, а именно такъ называемыхъ русскихъ или сибирскихъ Тунгусовъ, и указать на уклоненія и особенности, замѣчаемыя, сравнительно съ ними, у Амурскихъ инородцевъ того же племени.

Какое ни существовало бы разнообразіе между сибирскими Тунгусами вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ тюрко-татарскими (особенно якутскими), финскими, монгольскими и, наконецъ, въ значительной степени даже съ русскими элементами, все-таки наиболѣе типичныя и характеристическія черты ихъ внѣшности ныпѣ уже выяснились. Сибирскіе Тунгусы вообще—средняго или даже малаго роста, съ сравнительно довольно большою головою, широкими плечами, немного короткими конечностями и маленькими руками и ногами [1]). Какъ всѣ сѣверные кочевники, они по тѣлосложенію худощавы, сухи, мускульны, жилисты [2]); тучныхъ между ними не бываетъ. Цвѣтъ кожи у нихъ болѣе или менѣе желтовато-бурый; глаза каріе, волосы черные, прямые, толстые и густые; борода, усы, баки очень рѣдкіе и короткіе; брови обыкновенно рѣзко очерчены и иногда сильно дугообразно-приподняты къ верху. Голова и лицо несомнѣнно-монгольскаго типа, хотя и не особенно выдаются въ этомъ отношеніи; черепъ всегда широкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда очень высокъ, т. е. на темени вытянутъ вверхъ и немного назадъ настолько, что имѣетъ сходство съ такъ называемою башенною головою [3]). Лицо обыкновенно нѣсколько вытянуто въ длину, широко въ щекахъ и съуживается по направленію ко лбу; скулы выступаютъ впередъ, хотя и не такъ сильно, какъ у настоящихъ Монголовъ. Глазницы большія, глаза узкіе, съ косымъ разрѣзомъ; промежутокъ между ними широкій. Носъ около корня широкій, плоскій, часто нѣсколько вдавленный, дальше къ низу слегка выпуклый, небольшой и тонкій. Губы тонкія, верхняя губа довольно длинная; подбородокъ округлый; челюсти слегка прогнатныя [4]). Обыкновенное выраженіе лица добродушное, лѣнивое и безпечное.

Прослѣдимъ теперь, насколько этотъ типъ сибирскихъ Тунгусовъ, обрисованный нами въ главныхъ чертахъ, повторяется у Амурскихъ инородцевъ того же племени и

---

1) Какъ уже было упомянуто выше (стр. 223, прим. 1), Миддендорфъ говоритъ, что маленькая нога свойственна всѣмъ сибирскимъ инородцамъ, въ особенности же Самоѣдамъ и Тунгусамъ. Ни ему, ни его спутникамъ не было возможно надѣть даже самые просторные сапоги кочевниковъ. Относительно Самоѣдовъ, еще можно бы было предполагать, что неразвитость у нихъ ноги есть слѣдствіе малаго ея употребленія; но что касается до постоянно странствующихъ Тунгусовъ, то это положительно невозможно. Миддендорфъ высказываетъ поэтому предположеніе, «что крошечныя ноги составляютъ первобытную особенность монгольской расы». См. его Путеш. и пр. Ч. II, стр. 639.

2) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 640.

3) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 632; табл. VI—IX; также стр. 663 и 701.

4) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 632. Вышеизложенная характеристика типа русскихъ Тунгусовъ составлена на основаніи частью показаній разныхъ путешественниковъ, преимущественно Миддендорфа, частью моихъ собственныхъ наблюденій.

насколько онъ измѣняется у нихъ. Само собою разумѣется, что при упомянутомъ недостаткѣ въ матеріалахъ и особенно при совершенномъ отсутствіи всякихъ измѣреній, сравненіе можетъ быть сдѣлано только самое общее и приблизительное; при этомъ, о формѣ черепа я буду упоминать лишь вскользь, такъ какъ имѣю въ виду, на основаніи имѣющихся у меня экземпляровъ, поговорить подробнѣе о ней впослѣдствіи.

У Ороковъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ Тымской долинѣ на Сахалинѣ, я не могъ замѣтить въ строеніи лица или въ тѣлосложеніи ничего такого, чѣмъ они отличались бы отъ Амурскихъ Ольчей. Шмидтъ, имѣвшій тамъ же случай сравнить ихъ непосредственно другъ съ другомъ, также нашелъ между ними полнѣйшее сходство[1]). Правда, Ороки находятся въ близкихъ сношеніяхъ не только съ Гиляками, какъ Амурскіе Ольчи, но, въ юго-восточной части острова, и съ Айнами. Поэтому, во внѣшности ихъ, въ отличіе отъ Ольчей, можно было бы ожидать нѣкотораго вліянія со стороны Айновъ. Быть можетъ, у нихъ оно и встрѣчается, хотя намъ такіе случаи не попадались. Съ другой стороны, надо замѣтить, что Гиляки и Айны, какъ мы уже видѣли, въ физическомъ отношеніи во многомъ очень близко подходятъ другъ къ другу, и что, въ свою очередь, Ольчи, какъ сейчасъ будетъ доказано, также имѣли близкія сношенія съ Айнами.

Въ физическомъ строеніи Ольчей обнаруживается вообще типъ первоначально тунгусскій, но существенно измѣнившійся во многихъ отношеніяхъ вслѣдствіе примѣси къ нему постороннихъ элементовъ. То обстоятельство, что Ольчи и Гиляки живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ, мѣстами даже въ перемежку другъ съ другомъ, что они находятся въ постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, что ихъ образъ жизни одинаковъ и т. д., — все это служило поводомъ къ постоянному смѣшенію между этими двумя племенами. Кромѣ того, Ольчи, частью чрезъ посредство Гиляковъ, частью же непосредственно, въ своихъ торговыхъ поѣздкахъ на Сахалинъ, заимствовали кое-какіе айнскіе элементы. Такъ, напримѣръ, мнѣ извѣстно, что дочь гиляка Юдина изъ Тебаха, мать котораго была Айнка, находилась въ замужствѣ за Ольчею въ Ухтрѣ. Вслѣдствіе подобныхъ вліяній, Ольчи, по своей внѣшности, близко подходятъ къ Гилякамъ и, нѣкоторымъ образомъ, занимаютъ среднее мѣсто между ними и Тунгусами. Они—обыкновенно болѣе плотнаго и массивнаго тѣлосложенія, чѣмъ послѣдніе, съ болѣе грубыми чертами лица, мало выдающимися скулами, менѣе косымъ разрѣзомъ глазъ и болѣе густою бородою. Разумѣется, между ними есть и лица съ чисто тунгусскимъ типомъ — съ широкими скулами, плоскимъ носомъ, косымъ разрѣзомъ глазъ и безъ бороды. Но такъ какъ и у Гиляковъ, въ числѣ многочисленныхъ оттѣнковъ, встрѣчаются чисто тунгусскія лица, то оказывается невозможнымъ опредѣлять съ достовѣрностью по лицу національность отдѣльныхъ особей. Тутъ-то только и выручаетъ языкъ.

То же самое, кажется, можно сказать и о Негидальцахъ на Амгуни. Миддендорфъ говоритъ, что «хотя форма лица у нихъ и была тунгусская съ высоко-головымъ напрасле-

---

1) Histor. Bericht etc. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 121).

шіемъ, но здоровенные усы напомнили, вопреки рѣденькимъ бородкамъ, близость, да, вѣроятно, происходившую по временамъ примѣсь крови, сильно обросшихъ волосами жителей прибрежій и острововъ»[1]). Вмѣстѣ съ обыкновеннымъ монголо-тунгусскимъ разрѣзомъ глазъ, онъ замѣтилъ у одного Негидальца такіе приподнятые кверху наружные глазные углы, какіе можно видѣть только на китайскихъ рисункахъ. То же самое повторяется и среди остальныхъ тунгусскихъ инородцевъ Амурскаго края и можетъ быть съ большою вѣроятностью отнесено къ китайскимъ купцамъ, разъѣзжающимъ по краю, или постоянно проживающимъ въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ[2]).

Къ Самагирцамъ сказанное выше объ Ольчахъ и Негидальцахъ или вовсе непримѣнимо, или же можетъ быть примѣнено лишь въ гораздо меньшей степени. На Горинѣ, по крайней мѣрѣ, я нашелъ ихъ, по тѣлосложенію и строенію лица, стоящими гораздо дальше отъ Гиляковъ, чѣмъ Ольчи; за то они имѣли наибольшее сходство съ Гольдами, съ которыми, какъ упомянуто выше, находятся въ ближайшихъ и болѣе частыхъ сношеніяхъ.

Что касается до Гольдовъ, то у нихъ тунгусскій типъ обнаруживается вообще сравнительно чисто и сильно. Но, вслѣдствіе нѣкотораго смѣшенія ихъ въ нижней части занимаемаго ими пространства съ Ольчами, а въ верхней — съ Маньчжурами и Китайцами, они пріобрѣли многія черты, отличающія ихъ отъ сѣверныхъ Тунгусовъ. Тѣлосложеніе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ описанному выше типическому сложенію сибирскихъ Тунгусовъ. Такое же соотвѣтствіе по большей части наблюдается и въ лицѣ: форма его круглова-то-овальная, съ извѣстными монгольскими чертами, а именно широкими скулами, косо разрѣзанными, узкими глазами, широкимъ, тонкимъ и низкимъ носомъ; все это встрѣчается часто, въ особенности у женщинъ и дѣтей, съ большою рѣзкостью. Однако, рядомъ съ этими лицами, столь же часто встрѣчаются другія, въ которыхъ ширина скулъ меньше, глаза расположены менѣе косо, носъ выше, выпуклѣе, мясистѣе, губы толще, но бороды, какъ и въ первомъ случаѣ, все-таки нѣтъ, или, если она имѣется, то лишь въ видѣ рѣденькихъ усовъ и такой же бородки. Точно также черепъ Гольдовъ то съуживается ко лбу и бываетъ вытянутъ по направленію къ темени, то болѣе четырехуголенъ, съ широкимъ лбомъ и плоскимъ теменемъ. Такой фотографіи, которая вполнѣ передавала бы первый типъ, весьма распространенный между Гольдами, у меня нѣтъ. Фиг. 7 на табл. III еще болѣе другихъ подходитъ къ нему. Форма головы съ высокимъ теменемъ очень ясно выражена въ фиг. 6; напротивъ того, черты лица въ этой фигурѣ, а въ 5-ой все строеніе черепа и лица соотвѣтствуютъ второму типу. Всѣ черты, болѣе или менѣе уклоняющіяся отъ общаго типа

---

1) Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 747. Справедливѣе слѣдовало бы сказать не «сильно», а «сильнѣе обросшихъ волосами жителей прибрежій и острововъ», потому что подъ этими жителями надо прежде всего разумѣть Гиляковъ, борода которыхъ можетъ быть названа густою отнюдь не сама по себѣ, а лишь въ сравненіи съ бородою тунгусскихъ и монгольскихъ народовъ. Но Миддендорфъ, какъ мы уже видѣли выше (стр. 215), вообще смѣшиваетъ Гиляковъ съ Аинами. См. его Путеш. и пр. Ч. II, стр. 627.

2) Если Миддендорфъ (тамъ же, стр. 748) говоритъ въ этомъ случаѣ о «маньчжурскомъ» купцѣ, то не надо забывать, что инородцы нижняго Амура обыкновенно называютъ китайскихъ купцовъ просто Маньчжурами. (См. выше, стр. 73).

и однако различнымъ образомъ скомбинированныя, объяснять примѣсью того или другого чуждаго элемента, заимствованнаго отъ сосѣднихъ народовъ, нѣтъ никакой возможности. Навѣрно можно лишь сказать, что юго-западные сосѣди Гольдовъ, Маньчжуры, принадлежащіе также къ тунгусскому племени и наиболѣе родственные имъ по языку, обыкновенно имѣютъ болѣе грубыя и рѣзкія черты лица, болѣе высокій и толстый носъ, болѣе мясистыя губы, бо̀льшій ротъ, болѣе четырехугольную голову, и обыкновенно бываютъ выше ростомъ; глаза у нихъ расположены косо, борода также рѣдкая. Такимъ образомъ, второй типъ Гольдовъ нѣсколько подходитъ къ Маньчжурамъ, тогда какъ первый приближается къ сѣвернымъ Тунгусамъ. Нѣкоторыя черты, какъ, напримѣръ, изрѣдка попадающійся менѣе косой разрѣзъ глазъ, или немного болѣе густую бороду и т. п., можно отчасти приписать индивидуальности, отчасти примѣси палэазіятской и въ особенности гиляцкой крови, полученной Гольдами или чрезъ посредство Ольчей, или прямо отъ Гиляковъ и Аиновъ. Возможность такой примѣси нельзя отрицать, такъ какъ между Гольдами и живущими къ сѣверу и къ востоку отъ нихъ палэазіятскими народами происходятъ прямыя и близкія сношенія. Стоитъ только вспомнить объ ежегодныхъ торговыхъ поѣздкахъ Гиляковъ къ Маньчжурамъ и Китайцамъ на Сунгари, а также и многихъ Гольдовъ къ Японцамъ на Сахалинъ. Такимъ образомъ, по своему физическому строенію, Гольды вообще занимаютъ какъ-бы среднее мѣсто между сѣверными Тунгусами и Маньчжурами.

Объ Орочахъ можно напередъ сказать, что они должны имѣть въ различныхъ частяхъ обширнаго, заселяемаго ими пространства весьма различное строеніе лица и тѣлосложеніе. Причина тому та, что въ сѣверной части, въ дебряхъ береговыхъ горъ и на негостепріимномъ морскомъ берегу, они почти совершенно изолированы и лишь изрѣдка встрѣчаются съ своими сосѣдями по правымъ притокамъ Амура, Гольдами и Ольчами, или-же съ приходящими къ нимъ иногда въ заливъ де-Кастри Гиляками; въ южной же части, напротивъ, они перемѣшаны съ многочисленными Китайцами, постоянно живущими между ними и пользующимися ихъ женами и дочерьми [1]). Поэтому, тогда какъ первые могли сохранить свой типъ чистымъ, у послѣднихъ (Та-цзовъ) онъ долженъ былъ значительно и существенно измѣниться. Въ самыхъ сѣверныхъ селеніяхъ своихъ, въ заливѣ де-Кастри, Орочи уже описаны Лаперузомъ и особенно подробно спутникомъ его, Ролленомъ [2]). Тутъ бѣда лишь въ томъ, что въ заливѣ де-Кастри, какъ можно заключить изъ собственныхъ показаній Лаперуза объ изслѣдованныхъ имъ гробницахъ, населеніе уже въ то время было смѣшанное, изъ Ольчей и Орочей [3]), а потому нельзя навѣрно знать, къ которому изъ этихъ племенъ должны быть отнесены описанія названныхъ путешественниковъ. Однако, разобравъ эти описанія подробнѣе, приходишь къ тому убѣжденію, что они скорѣе относятся къ Орочамъ. Путешественники были крайне удивлены, встрѣтивъ въ

---

1) См. выше, стр. 23, 70; Пржевальскій, Путеш. въ Уссур. краѣ, С. Петерб. 1870, стр. 105.

2) Voyage de La Pérouse aut. du monde, red. par Milet-Mureau, Paris 1797, T. III, p. 68; T. IV, p. 81.

3) См. выше, стр. 142.

этомъ заливѣ, лежащемъ столь близко къ западному берегу Сахалина и въ одинаковыхъ съ нимъ климатическихъ условіяхъ, населеніе, которое, не смотря на одинаковые съ жителями острова (Аинами) образъ жизни и нравы, въ физическомъ отношеніи такъ значительно отличалось отъ нихъ, что, по выраженію Роллена, въ немъ можно было видѣть людей совершенно иного рода [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, они удивлялись также ихъ поразительно некрасивой наружности [2]). Я считаю нелишнимъ передать здѣсь въ сжатомъ видѣ составленное ими описаніе Орочей. По ихъ свидѣтельству, Орочи — малаго роста, около 4-хъ футовъ и 9-ти или 10-ти дюймовъ, тѣлосложенія слабаго, тонкаго; голова у нихъ сравнительно велика, конечности малы [3]). Цвѣтъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у Аиновъ, на покрытыхъ одеждою частяхъ тѣла даже почти бѣлый, или (по Лаперузу) оливковый, какъ-бы палакированный отъ дѣйствія жира (употребляемаго ими въ пищу) и дыма. Волосы не такъ густы, какъ у Аиновъ, черны или буры; бороды и усовъ почти вовсе нѣтъ, брови мало замѣтны. Лицо плоско и почти четырехугольно, лобъ малъ, округлъ и отступаетъ нѣсколько назадъ; скулы широки и значительно выдаются; глаза маленькіе, узкіе, съ косымъ разрѣзомъ; носъ малъ, приплюснутъ, у корня чуть замѣтенъ; ротъ большой и толстогубый; подбородокъ мало выдается [4]). Въ приведенномъ описаніи ясно выражается тунгусскій типъ, какъ онъ развитъ у сибирскихъ Тунгусовъ и зачастую у Гольдовъ. Ничто въ немъ не указываетъ на примѣсь крови палеазіятскихъ народовъ, Гиляковъ или Аиновъ. Это описаніе Орочей подтверждается позднѣйшими путешественниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, отъ одного изъ нихъ, К. И. Максимовича, не смотря на то, что онъ вовсе не зналъ о смѣшанномъ населеніи залива де-Кастри, не укрылся и двойственный характеръ его жителей. Въ его рукописныхъ этнографическихъ замѣткахъ объ Амурскомъ краѣ, которыми онъ предоставилъ мнѣ пользоваться, я нашелъ слѣдующее краткое, но въ высшей степени мѣткое замѣчаніе: «Орочи залива де-Кастри представляютъ собою либо черезъ-чуръ монгольскій типъ, съ широко-выдающимися скулами, съ косо расположенными, едва видными глазами и микроскопическимъ носомъ, либо они — малаго роста, худощавы, съ тощимъ монгольскимъ лицомъ, но съ высокимъ носомъ и густою бородою». Такимъ образомъ, уже въ отношеніи строенія лица выказываются оба племени залива де-Кастри, Орочи и Ольчи, которые, хотя и живутъ здѣсь рядомъ другъ съ другомъ, но держатся особнякомъ и не отступаютъ отъ своихъ родныхъ обычаевъ. Въ мою бытность въ этомъ заливѣ, тамъ почти не было туземцевъ, и судить о нихъ по двумъ-тремъ оставшимся лицамъ, конечно, было

---

1) . . . . «des hommes d'une espèce differente». Rollin, l. c. T. IV, p. 81.

2) Лаперузъ говоритъ: «il n'existe peut-être pas de peuple d'une physiognomie plus éloignée des formes auxquelles nous attachons l'idée de la beauté», а Роллепъ называетъ ихъ: «les hommes les plus laids et les plus chétifs que j'aye vus sur les deux hémisphères», въ чемъ, конечно, нельзя не замѣтить порядочнаго преувеличенія.

3) Роллепъ (тамъ же, стр. 86) сопоставляетъ и нѣкоторыя измѣренія, сдѣланныя имъ надъ Орочами и Аинами.

4) Послѣ этихъ мѣткихъ замѣчаній Лаперуза и Роллена о туземцахъ, заселяющихъ противолежащій Сахалину берегъ материка, показаніе Клапрота, а за нимъ и другихъ, будто весь берегъ заселенъ Курильцами (Аинами, см. выше, стр 214), кажется еще болѣе удивительнымъ и непонятнымъ.

невозможно. Но, еще въ іюлѣ 1854 г., я имѣлъ случай познакомиться съ Орочами южной части залива Хаджи или Императорской гавани. Въ моемъ дневникѣ находится слѣдующая замѣтка объ ихъ внѣшности: они — средняго роста, скорѣе малаго, чѣмъ большого, женщины даже рѣшительно малаго; тѣлосложеніе ихъ тонко и слабо; таковы они вообще и на видъ; всѣ они брюнеты, съ буровато-желтымъ цвѣтомъ лица, волосы у нихъ черные, густые и длинные, усы, баки и борода, напротивъ, рѣдкіе; черепъ и лицо — строенія монгольскаго; наибольшая ширина его, повидимому, находится между скулами, тогда какъ лобъ, напротивъ, узокъ и низокъ; носъ плоскъ и широкъ, глаза съ косымъ разрѣзомъ. Съ этимъ согласно и описаніе жителей того же залива (Барракута) у Тропсона; только онъ ошибочно принялъ ихъ за Гиляковъ[1]). Кромѣ вышеозначенныхъ чертъ, онъ обращаетъ вниманіе еще на рѣзко обрисованныя брови, болѣе дугообразныя, чѣмъ у Китайцевъ, и на маленькія и тонкія руки Орочей; притомъ, описанныя имъ особи были болѣе крѣпкаго и плотнаго тѣлосложенія. Жаль, что не имѣется такихъ же описаній южныхъ Орочей или Та-цзовъ. Однако, судя по нѣкоторымъ чертамъ, случайно отмѣченнымъ путешественниками, надо полагать, что, по строенію всего тѣла й лица, они значительно разошлись со своими сѣверными соплеменниками, конечно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе вышеупомянутаго смѣшенія своего съ Китайцами. Венюковъ нашелъ, что, сравнительно съ прибайкальскими Тунгусами, они менѣе худощавы, въ отношеніи рукъ и ногъ болѣе мускулисты; лицо ихъ не имѣетъ угловатости нето-монгольскихъ племенъ, каковы, напримѣръ, Буряты, Калмыки и т. п.; скуловыя дуги у нихъ выдаются меньше, носъ не плоскъ, промежутокъ между глазами не такъ широкъ и, наконецъ, глаза часто лишь сѣрые, а не черные[2]). Максимовичъ замѣтилъ, что на рѣкѣ Порѣ Орочи даже выше средняго роста, красиво сложены, съ пріятнымъ лицомъ и высокимъ носомъ, но все-таки съ рѣдкою бородою. По этимъ чертамъ они нѣсколько приближаются къ южнымъ Гольдамъ и къ Маньчжурамъ.

О тѣлосложеніи инородцевъ верхняго Амура, я могу, на основаніи собственныхъ наблюденій, сказать лишь весьма немного, такъ какъ встрѣчаться съ ними мнѣ приводилось лишь изрѣдка и вскользь. Кочевыя племена, именно Орочоны и Манегирцы, подъ осень, къ тому времени, какъ я проѣзжалъ вверхъ по Амуру, почти всѣ уже успѣли откочевать съ Амура, въ дальележащіе нагорные лѣса, для охоты. Осѣдлые по Амуру Бирары показались мнѣ не очень отличающимися отъ Маньчжуровъ. Таково и мнѣніе о нихъ Маака[3]). Онъ находитъ, что Бирары, и по общему складу тѣла, и по формѣ лица, представляютъ болѣе сходства съ Маньчжурами, чѣмъ съ Амурскими Орочонами; широкія, вслѣдствіе сильнаго развитія скулъ, лица, столь обыкновенныя у Орочоновъ, между Бирарами ему никогда не встрѣчались. Во многомъ выказывается также близкое родство ихъ съ Мане-

---

1) Tronson, Personal Narrat. of a Voyage to Japan, Kamtsch. etc. in H. M. S. Barracouta, London 1859, p. 268.

2) Венюковъ, Обозр. рѣки Уссури (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ., Ч. XXV, 1859, Отд. II, стр. 234); его же: Путеш. по окр. Русск. Азіи, стр. 88.

3) Путеш. на Амуръ, С. Петерб. 1859, стр. 110.

гирцами. Послѣднихъ онъ описываетъ подробнѣе, такъ какъ имѣлъ случай познакомиться съ ними ближе. Манегирцы, говоритъ онъ[1]), большею частью — средняго, или даже довольно высокаго роста, крѣпкаго и хорошаго тѣлосложенія; малорослые, съ тонкими, какъ у Орочоновъ, конечностями, составляютъ исключеніе. Такъ же отзывается о нихъ Свербеевъ[2]). По строенію лица, Маакъ могъ различить между Манегирцами два типа: у однихъ лицо широкое, чисто-монгольское, съ маленькимъ носомъ и выдающимися скулами; у другихъ — а такіе попадались ему не рѣдко — лицо овальное, черты благородныя, скулы весьма пропорціональныя, носъ длинный, прямой или немного горбатый. Появленіе между Манегирцами этого послѣдняго типа онъ приписываетъ вліянію Маньчжуровъ; я думаю, что слѣдуетъ прибавить «и Дауровъ», потому что Дауры — ихъ непосредственные сосѣди на Комарѣ и притомъ находятся съ ними въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Первый типъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ о близкомъ родствѣ Манегирцевъ съ Орочонами. Объ этихъ послѣднихъ Гиллеръ[3]), проживший среди нихъ нѣкоторое время на правомъ берегу Шилки, говоритъ, что они — малаго, рѣдко средняго роста, некрасивы; голова у нихъ круглая, лобъ низкій, волосы черные, цвѣтъ лица смуглый, глаза маленькіе, съ косымъ разрѣзомъ, каріе или черные, брови рѣдкія, лицо большое, съ выдающимися скулами, носъ плоскій, борода очень рѣдкая. Я упоминалъ уже, что Орочоны фактически никогда не находились подъ маньчжуро-китайскою властью; вслѣдствіе этого они и въ физическомъ отношеніи примыкаютъ непосредственно къ русско-сибирскимъ Тунгусамъ. Но, какъ у этихъ послѣднихъ, такъ и у нихъ монгольскій типъ въ строеніи лица выказывается далеко не такъ сильно, какъ у исто-монгольскихъ народовъ, Бурятовъ, Калмыковъ, а равно у значительно омонголившихся въ физическомъ отношеніи Якутовъ[4]).

Что касается, наконецъ, до Дауровъ и Солоновъ, то уже старинные миссіонеры восхваляли ихъ высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе[5]). Въ строеніи же лица у нихъ должно быть много разнообразія, такъ какъ они въ теченіе времени немало смѣшивались съ Маньчжурами, Китайцами и съ своими южными и юго-западными сосѣдями, Монголами. Мнѣ самому приходилось наблюдать, какъ въ населеніи даурскихъ деревень по Амуру, такъ и у отдѣльныхъ особей, съ которыми я встрѣчался выше устья Зеи, совершенно различныя лица,— то съ грубыми, какъ у Монголовъ, то съ положительно тонкими чертами, иногда съ почти четырехугольною, монгольскою формою и т. д., но всегда съ косымъ разрѣзомъ глазъ и жидкою бородою. Впрочемъ, я слишкомъ рѣдко и мало встрѣчался съ Даурами —

---

1) Тамъ же, стр. 69.

2) Свербеевъ, Опис. плав. по рѣкѣ Амуру экспед. Генер.-Губ. Восточн. Сибири 1854 г. (Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. III, С. Петерб. 1857, стр. 35).

3) Verhandl. der Berliner Gesellsch. f. Anthrop., Ethnol. und Urgesch., въ Zeitschr. für Ethnol. Bd. VI, 1874, p. (77),— извлеченіе изъ его сочиненія: «Opisanii Zabajkalsky krainy», котораго у меня нѣтъ подъ руками.

4) Свербеевъ, тамъ же. Точно такъ же отзывается уже и Эрманъ (Arch. für wissensch. Kunde Russl. Bd. IV, 1844, p. 5). Опровергая мнѣніе Паршина, будто у Перчинскихъ Тунгусовъ совершенно такой же складъ лица, какъ у Бурятовъ, онъ прямо говоритъ, что у послѣднихъ лица шире, вся фигура коренастѣе, и что они гораздо болѣе сходны съ Якутами, чѣмъ съ Тунгусами.

5) Du Halde, Descrip. de l'Emp. de la Chine, T. IV, Paris 1735, p. 15, 16.

не говоря уже о Солопахъ — чтобы имѣть возможность судить о физическихъ свойствахъ всего народа, или даже различить между ними нѣсколько типовъ.

Если мы сравнимъ теперь, какъ относятся другъ къ другу тунгусскіе народы Амурскаго края по физическимъ своимъ свойствамъ, и какъ они группируются по языку, то замѣтимъ, что различаемыя въ томъ и другомъ отношеніи группы, хотя вообще довольно согласны между собою и такимъ образомъ подтверждаютъ другъ друга, однако все-таки не совпадаютъ вполнѣ, а, напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ расходятся. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что въ отношеніи языка Ольчи, Негидальцы и Самагирцы составляютъ одну группу, между тѣмъ какъ въ физическомъ отношеніи первыхъ едва можно отличить отъ Гиляковъ, народа, говорящаго совершенно инымъ языкомъ; Негидальцы въ физическомъ отношеніи также приближаются къ Гилякамъ; Самагирцы же, напротивъ, болѣе сходны съ Гольдами. Точно также, изъ трехъ, по языку наиболѣе родственныхъ другъ другу народовъ, Бираровъ, Манегирцевъ и Орочоновъ, два первые въ физическомъ отношеніи сильно подходятъ къ Маньчжурамъ, тогда какъ послѣдніе вполнѣ сохранили свой сѣверо-тунгусскій типъ. Въ этихъ примѣрахъ несовпаденія отличительныхъ признаковъ по языку и по физическимъ свойствамъ мы видимъ лишь доказательство того, что народы, вслѣдствіе смѣшенія, быстрѣе и легче разстаются со своими физическими особенностями, чѣмъ со своимъ языкомъ. Такіе именно случаи, какъ вышеупомянутый, — что два народа, Гиляки и Ольчи, въ корнѣ совершенно различные другъ отъ друга, нынѣ въ физическомъ отношеніи почти вовсе не различимы, тогда какъ языкъ и нынѣ рѣзко разграничиваетъ ихъ другъ отъ друга, — такіе случаи бросаютъ яркій свѣтъ на измѣнчивость физическихъ свойствъ народа и, напротивъ, доказываютъ устойчивость его языка, служащаго выраженіемъ его духовнаго бытія и всего сильнѣе объединяющаго всѣхъ его отдѣльныхъ представителей.

Прибавимъ теперь къ физической характеристикѣ тунгусскихъ народовъ Амурскаго края еще описаніе имѣющихся у насъ череповъ ихъ. Къ сожалѣнію, число этихъ череповъ весьма невелико: два черепа Ольчей, да по одному гольдскому, бирарскому, манегирскому и орочонскому, всего, шесть череповъ Амурскихъ Тунгусовъ. При такихъ обстоятельствахъ, нечего, слѣдовательно, и думать объ общихъ выводахъ относительно строенія черепа у этихъ инородцевъ. Все, предлагаемое здѣсь, составляетъ пока не болѣе, какъ краніологическій матеріалъ, но матеріалъ, появляющійся, относительно упомянутыхъ народовъ, отчасти въ первый разъ. Впрочемъ, такъ какъ всѣ эти народы — тунгусскаго происхожденія, то этотъ матеріалъ уже и теперь, по крайней мѣрѣ отчасти, можетъ быть пригоденъ для болѣе точнаго и правильнаго опредѣленія тунгусскаго типа, что̀ мы ниже и постараемся сдѣлать. Измѣренія этихъ череповъ уже были сообщены въ помѣщенныхъ выше таблицахъ. Перейдемъ теперь къ разбору отдѣльныхъ экземпляровъ.

Череповъ Ольчей до сихъ поръ вовсе не знали, если не считать ольчскимъ упомянутый выше[1]) «гиляцкій черепъ», найденный польскимъ ссыльнымъ Веберомъ въ окрест-

1) См. стр. 236.

постяхъ озера Кидзи и затѣмъ описанный и изображенный Пруперъ-Беемъ и Дэвисомъ[1]). Однако я полагаю, что мною представлено уже достаточно доказательствъ тому, что это былъ скорѣе орочскій черепъ. Оба черепа Ольчей привезены мною изъ Амурскаго края. Относительно одного изъ нихъ, можно было бы, пожалуй, въ виду его мѣстонахожденія, на первый взглядъ усомниться, дѣйствительно ли это ольчскій черепъ, а не орочскій, такъ какъ онъ найденъ мною въ заливѣ де-Кастри, гдѣ живутъ оба названные народа. Но обстоятельства, при которыхъ онъ найденъ, говорятъ въ пользу перваго предположенія. Я нашелъ его 11/23 іюня 1855 г. на островѣ Обсерваторіи, въ полуразрушенной могилѣ, которая, судя по ея постройкѣ, принадлежала Ольчѣ. На материкѣ, по сѣверному берегу залива, мнѣ еще ранѣе того случалось видѣть нѣсколько хорошо сохранившихся могилъ Ольчей; всѣ онѣ были совершенно сходны съ могилами того же племени по Амуру, т. е. имѣли видъ низенькихъ, построенныхъ на поверхности земли домиковъ, въ которыхъ трупы покоятся въ гробахъ. Отъ гробницы, находившейся на островѣ, оставались еще балки, но крыши уже не было; внутри стоялъ гробъ, 5-и футовъ въ длину и около 14-ти до 15-ти дюйм. въ ширину, но безъ верхней доски. Въ одномъ концѣ гроба лежалъ описываемый здѣсь черепъ. Недалеко отъ гробницы видѣлись слѣды нѣкогда стоявшихъ тутъ шалашей или лѣтнихъ жилищъ, что указывало на временное лѣтнее пребываніе тамошнихъ Ольчей на островѣ, какъ надо полагать, для рыбной ловли. И такъ, что этотъ черепъ дѣйствительно принадлежалъ Ольчѣ, — все-таки не болѣе, какъ весьма вѣроятно. Что касается до нашего второго экземпляра, то принадлежность его этому народу не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я самъ вынулъ его изъ очень еще нестарой и вполнѣ сохранившейся гробницы въ ольчской деревнѣ Хото, лежавшей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи былъ построенъ Маріинскій постъ. Вотъ описанія этихъ череповъ.

Черепъ Ольчи изъ залива де-Кастри (№ V табл. измѣреній, фиг. 5 табл. V—IX изображеній) возбуждаетъ сомнѣнія и относительно пола субъекта, которому онъ принадлежалъ: небольшіе размѣры всѣхъ его частей и округлая форма заставляютъ предполагать, что это—черепъ женщины. Судя по состоянію швовъ и зубовъ, ей было отъ 18-ти до 24-хъ лѣтъ. Основной шовъ еще не закрылся; всѣ остальные швы также широко открыты. Имѣющіеся на-лицо зубы сохранились очень хорошо, задніе коренные въ верхней и нижней челюстяхъ только-что прорѣзываются. По отношеніямъ длины, ширины и высоты, этотъ черепъ — формы платибрахицефальной, и притомъ съ бо̀льшимъ головнымъ показателемъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ череповъ, не исключая даже самаго широкаго изъ гиляцкихъ (№ III). Напротивъ того, его высота, сравнительно съ шириною, не такъ мала, какъ у послѣдняго. Ширина лба въ нижней части невелика, въ верхней же части, близъ вѣнечнаго шва, очень значительна. Отсюда, къ затылку, черепъ быстро расширяется и достигаетъ своей наибольшей ширины непосредственно за средшою длины, между теменными костями, близъ четуйчатаго

---

1) Memoirs read bef. the Anthropol. Soc. of London, Vol. III, 1870, p. 366 sq.

шва, въ плоскости, проходящей вертикально чрезъ слуховыя отверстія. Поэтому, если смотрѣть сверху, въ norma verticalis, то черепъ имѣетъ форму широко-овальную, спереди немного сдавленную, съ едва замѣтными скуловыми дугами. Своей наибольшей высоты онъ достигаетъ немного позади мѣста наибольшей ширины. Лобъ умѣренно покатистъ назадъ. Лобные и теменные бугры незначительны, точно такъ же, какъ и полукружныя линіи, которыя, къ тому же, дальше кзаду скоро теряются. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ почти округлъ, одинаковой ширины и высоты, около темени слегка угловатъ, внизу съ выемкою. Затылокъ плоскъ, отъ затылочнаго бугра къ большому отверстію значительно покатистъ. Большое затылочное отверстіе мало, овально, сзади заострено и расположено горизонтально. Вмѣсто вертикальной линіи (crista occipitalis externa), вдоль затылочной кости пролегаетъ незначительный желобокъ. Сосцевидные отростки малы; вообще всѣ мускульные гребешки незначительны. На чешуѣ височной кости не имѣется лобнаго отростка. Большія крылья клиновидной кости широки; шовъ sphenofrontalis имѣетъ съ обѣихъ сторонъ 18 мм. длины, шовъ sphenoparietalis съ правой — 17 мм., а съ лѣвой — 21 мм. длины. Носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ. Носовыя кости, у корня, равно какъ и на дальнѣйшемъ своемъ протяженіи, почти совершенно плоски, немного шире, чѣмъ въ гиляцкихъ черепахъ (исключая № III), и далеко не такъ вдавлены около корня. По своему показателю, носъ — мезорринческій. Глазницы не особенно велики, имѣютъ почти такую же вышину, какъ и ширину, и по своему показателю очень мегаземическія, даже больше, чѣмъ это, по Брока, обыкновенно бываетъ у монгольскихъ племенъ[1]); вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ немного растянуты книзу и кнаружи. Щеки и верхняя челюсть, хотя сравнительно съ покрышкою черепа и кажутся неширокими, однако, при его малой длинѣ, имѣютъ значительные показатели ширины. Челюстная ямка мало углублена.

Второй изъ нашихъ ольчскихъ череповъ, изъ бывшей деревни Хото на озерѣ Кидзи (№ VI табл. измѣр., фиг. 6 табл. V—IX изображ.), во многомъ разнится отъ перваго, даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, прямо противоположенъ ему по строенію. Это — несомнѣнно мужской черепъ, вѣроятно, человѣка лѣтъ за 50; швы его по большей части срослись: именно верхняя часть вѣнечнаго и ламвдовиднаго швовъ и стрѣлообразный шовъ на столько закрылись, что снаружи вовсе уже невидны; нижняя часть вѣнечнаго шва, хотя также заросла, однако ее все-таки еще можно прослѣдить; то же надо сказать и о нижней части ламвдовиднаго шва около сосцевиднаго отростка, гдѣ въ ней находятся небольшія прибавочныя кости. Зубы были въ полномъ числѣ; изъ нихъ, всѣ сохранившіеся сильно обтерты, глазные даже совершенно тупы. Весь черепъ очень массивенъ и тяжелъ. По своимъ показателямъ ширины и высоты, онъ — формы гипсимезоцефальной; его высота, какъ абсолютная, такъ и относительная (сравн. съ шириною), болѣе значительна, чѣмъ у другого какого-либо изъ нашихъ череповъ. Наибольшая ширина находится въ нижней части черепа (см. выше, стр. 241, прим. 2 на табл. I), немного за срединою длины; тамъ же и его наибольшая высота. Если смотрѣть сверху, въ norma verticalis, то черепъ имѣетъ форму эллипсиса, немного сдавленнаго спе-

1) Broca, l. c. p. 600.

ředи, съ сильно выдающимися скуловыми дугами. Лобъ плоскъ и покатистъ назадъ. Надбровныя дуги сильно выдаются и, сливаясь надъ носомъ, образуютъ значительный бугоръ. Лобные бугры слабы; теменные, напротивъ, значительно развиты. Полукружныя линіи рѣзко обозначаются и, на лобной кости, вслѣдствіе присутствія маленькихъ острыхъ неровностей, шероховаты; онѣ поднимаются по теменнымъ костямъ далеко вверхъ, распознаются ясно почти до самыхъ, весьма большихъ, сосцевидныхъ отростковъ и ограничиваютъ очень обширныя полукружныя поля, простирающіяся до ламвдовиднаго шва. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ имѣетъ форму высокаго пятиугольника, съ закругленными, но ясно обозначенными углами. Двѣ верхнія стороны этого пятиугольника короче и немного вдавлены, вслѣдствіе чего форма черепной покрышки нѣсколько крышеобразна; двѣ нижнія стороны его длиннѣе, спускаются перпендикулярно внизъ, и въ нижней своей части (гдѣ наибольшая ширина черепа) немного припухлы; основаніе пятиугольника почти прямолинейно и лишь по бокамъ нѣсколько изогнуто. Затылокъ великъ, выпуклъ, надъ затылочнымъ бугромъ сдавленъ вертикально къ длинѣ; самый бугоръ необыкновенно большой величины; часть затылочной кости, лежащая книзу отъ него, спускается весьма отлого къ горизонтально расположенному затылочному отверстію и образуетъ съ верхнею частью почти прямой уголъ. Чешуя височной кости плоска, безъ лобнаго отростка. Большія крылья клиновидной кости широки; шовъ sphenofrontalis имѣетъ съ обѣихъ сторонъ 20 мм. длины, шовъ sphenoparietalis правой стороны — 9, а лѣвой — 8 мм. длины. Носовой отростокъ лобной кости спускается очень далеко внизъ. Носовыя кости узки, но, сходясь, образуютъ ясно замѣтный уголъ (хребетъ носа); при этомъ, однако, онѣ сильно вогнуты, такъ что нижніе концы ихъ направлены почти горизонтально впередъ и видны даже въ томъ случаѣ, когда смотришь на черепъ сверху. Глазницы велики, немного вытянуты кнаружи и книзу, квадратны, т. е. одинаковой высоты и ширины, и, слѣдовательно, по своему показателю, крайне мегаземическія, какъ это, по Брока, бываетъ лишь въ черепахъ, искуственно сдавленныхъ сверху внизъ [1]). Промежутокъ между глазницами очень широкъ. Хотя ширина между скуловыми дугами весьма значительна и лишь немногимъ уступаетъ наибольшей ширинѣ черепа, однако ширина щекъ нисколько не бросается въ глаза; напротивъ того, отношеніе ея, равно какъ и ширины верхней челюсти, къ ширинѣ всего черепа меньше, чѣмъ въ предъидущемъ черепѣ. Челюстная ямка немного глубже, чѣмъ на послѣднемъ. Нижняя челюсть, какъ и у Гиляковъ, очень толста и массивна. Направляющіяся по задней поверхности ея внутреннія косыя линіи оканчиваются съ каждой стороны острою остью, ясно видимою и на фотографіяхъ.

Хотя разсмотрѣнные нами черепа Ольчей не могутъ быть непосредственно сравниваемы между собою, такъ какъ принадлежатъ особямъ различнаго пола, однако уже по

---

1) Въ сдавленныхъ черепахъ перуанскихъ Аймаровъ Брока нашелъ средній орбитальный показатель 98,08, въ однихъ женскихъ черепахъ — 100,55; у одного кавказскаго макрокефала орбитальный показатель былъ равенъ 105. См. Rev. d'Anthrop., T. IV, p. 599, 600, 616.

нимъ можно судить, какъ разнообразны формы черепа у этого народа. Разумѣется, они еще не представляютъ крайнихъ формъ; при всемъ томъ, одинъ изъ нихъ гипсимезоцефаленъ, даже почти гипсидолихоцефаленъ, а другой положительно платибрахицефаленъ; разность между ихъ головными показателями 12,3, а между показателями высоты (относительно ширины) — 11,4. Эти цифры немногимъ уступаютъ величинамъ, опредѣленнымъ нами на гиляцкихъ и аинскихъ черепахъ. Къ тому же, брахицефалія широкаго ольчскаго черепа (85,4) почти точно такая же, какъ и самыхъ широкихъ изъ извѣстныхъ намъ гиляцкихъ и аинскихъ череповъ (85,2 и 85,3); равно и степень гипсицефаліи высокаго ольчскаго черепа (103,5) лишь немногимъ больше, чѣмъ у самаго высокаго изъ нашихъ гиляцкихъ череповъ (101,5). Подобное же сходство въ строеніи черепа и лица оказывается между Ольчами и Гиляками — за исключеніемъ, конечно, индивидуальныхъ особенностей — и въ другихъ отношеніяхъ, и врядъ-ли можно ожидать много результата отъ бо́льшаго числа измѣреній. Вѣдь видѣли же мы выше, что въ настоящее время эти народы по наружности до того сходны, что невозможно съ достовѣрностью опредѣлить національность отдѣльныхъ особей, такъ какъ, съ одной стороны, встрѣчаются Гиляки съ чисто-тунгусскимъ типомъ, а съ другой — Ольчи съ чисто-гиляцкими чертами лица.

Здѣсь же слѣдуетъ разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе черепъ, найденный, какъ выше сказано, недалеко отъ озера Кидзи Веберомъ и ошибочно приписанный Пруперъ-Бесмъ и Бари. Дэвисомъ Гиляку, такъ какъ, по мѣсту его нахожденія, нельзя положительно утверждать, что онъ не принадлежалъ Ольчѣ. Правда, обстоятельства, при которыхъ онъ былъ найденъ, скорѣе говорятъ въ пользу того, что это — черепъ Орочи; но и въ такомъ случаѣ онъ все-таки принадлежитъ мѣстности, пограничной Ольчамъ и Орочамъ, и гдѣ эти, и безъ того родственныя другъ другу, племена живутъ въ постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, всего естественнѣе будетъ сравнивать его съ вышеразсмотрѣнными черепами Ольчей изъ той же пограничной полосы. И дѣйствительно, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, онъ имѣетъ съ ними много сходства, особенно со вторымъ изъ нихъ, привезеннымъ изъ Хото. И онъ, подобно этому послѣднему, по показателямъ своихъ главныхъ измѣреній, гипсимезоцефаленъ, такъ какъ его головной показатель равенъ 78,0, а показатель высоты (относительно ширины) — 100,0 [1]); слѣдовательно, по отношенію къ длинѣ онъ шире, а по отношенію къ ширинѣ — ниже нашего ольчскаго черепа. Что касается имени высоты, то у него нѣтъ той крышеобразной формы, которою, до нѣкоторой степени, отличается послѣдній. И въ другихъ отношеніяхъ между этими черепами замѣчается много общаго; такъ, напримѣръ, и у него надбровныя дуги сильно припухли, вслѣдствіе чего, надпереносье кажется какъ-бы вдавленнымъ; далѣе, у него лобъ къ верху

---

1) При совершенно одинаковой ширинѣ и высотѣ черепа, показатель высоты относительно длины былъ бы также равенъ 100,0. Вышеупомянутые показатели вычислены по измѣреніямъ, сдѣланнымъ Бари. Дэвисомъ. Вирховъ, по гипсовому слѣпку съ этого черепа, опредѣлилъ его головной показатель въ 77,3, а показатель высоты въ 78,3. См. Verhandl. der Berl. Gesellschaft für Anthrop., Ethnol. und Urgesch. p. (137), въ Zeitschrift für Ethnol. Bd. V, 1873.

также покатистъ, затылокъ великъ и выпуклъ, ширина между скуловыми дугами необыкновенно велика, полукружныя линіи[1]), равно какъ и вообще всѣ отростки, ости и гребни, служащіе для прикрѣпленія мышицъ, сильно развиты; и у него носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ, носовыя кости также узки, около корня вдавлены, глазницы велики, впрочемъ бо́льшей ширины, чѣмъ высоты, и т. д. Что во всѣхъ этихъ чертахъ выказывается также много общаго съ нѣкоторыми изъ нашихъ гиляцкихъ череповъ, — это видно, какъ по вышеприведеннымъ описаніямъ этихъ послѣднихъ, такъ и по сравненію соотвѣтствующихъ измѣреній и изображеній. Поэтому, если найденный Веберомъ черепъ принадлежалъ Орочѣ, что̀ весьма вѣроятно, то имъ доказывается, что у этого народа, по крайней мѣрѣ на его сѣверной границѣ, встрѣчаются совершенно такіе же черепа, какъ у Ольчей и Гиляковъ. И это будетъ нисколько неудивительно, если принять во вниманіе частыя и близкія сношенія этихъ пограничныхъ народовъ между собою. Слѣдовательно, какъ между Гиляками, такъ, безъ сомнѣнія, и между Орочами, рядомъ съ гипсимезоцефальными и, можетъ быть, даже гипсидолихоцефальными формами, встрѣчаются и платибрахицефальныя формы черепа. Такое заключеніе можно вывести уже на основаніи вышеизложенныхъ описаній типа лица у жителей залива де-Кастри, Императорской гавани и другихъ мѣстностей.

Изъ всѣхъ инородцевъ Амурскаго края, до сихъ поръ наиболѣе извѣстны, относительно строенія черепа, Гольды. Вирховъ[2]) получилъ чрезъ д-ра Цвингмана четыре черепа Гольдовъ съ озера Болангъ, лежащаго въ нижне-амурскомъ краѣ и изливающагося въ Амуръ съ лѣвой стороны. Три черепа принадлежали взрослымъ особямъ, четвертый былъ юношескій, или даже почти дѣтскій. Д-ръ Цвингманъ утверждаетъ, что эти черепа были чистаго происхожденія; я не имѣю положительнаго основанія сомнѣваться въ этомъ, но не могу не замѣтить, что, при неимѣніи, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какихъ-либо свѣдѣній о генеалогіи означенныхъ особей, нельзя доказать, а, слѣдовательно, нельзя и утверждать этого съ такою увѣренностію[3]). Къ самымъ сообщеніямъ Вирхова объ этихъ черепахъ мы возвратимся ниже.

У насъ имѣется только одинъ гольдскій черепъ, полученный Мордвиновымъ съ лѣваго берега Уссури, верстъ за 200 выше устья этой рѣки. Этотъ черепъ (№ VII табл. измѣр., фиг. 7 табл. V—IX изобр.) принадлежалъ мужчинѣ, имѣвшему, судя по состоянію швовъ, отъ 30-ти до 55-ти лѣтъ: нижняя часть вѣнечнаго шва на черепѣ почти безслѣдно закрылась;

---

1) Хотя Барн. Дэвисъ и говоритъ, что полукружныя линіи на этомъ черепѣ не поднимаются высоко по теменнымъ костямъ, однако приложенный имъ къ описанію рисунокъ вовсе не согласуется съ этимъ; на немъ, напротивъ, замѣчаются обширныя полукружныя поля. См. Mem. read bef. the Anthrop. Soc. of London, Vol. III, p. 369, и приложенную къ статьѣ Дэвиса таблицу.

2) Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthrop., Ethnol. u. Urgesch. p. (136), въ Zeitschr. für Ethnol. Bd. V, 1873.

3) Что касается до пріѣзжающихъ къ Гольдамъ на озеро Болангъ или временно проживающихъ между ними купцовъ, то они, во всякомъ случаѣ, не Маньчжуры, какъ полагаетъ д-ръ Цвингманъ, а Китайцы. См. выше, стр. 73.

верхняя часть, равно какъ и стрѣловидный шовъ, хотя также заросли, однако мѣстами еще ясно видны; остальные швы или еще вовсе не заросли, или заросли только мѣстами; въ нижней части ламвдовиднаго шва, между затылочною и височною костями, имѣются небольшія прибавочныя кости. Зубовъ или зубныхъ луночекъ въ верхней челюсти съ каждой стороны по восми; зубы сильно обтерты; нижней челюсти нѣтъ. По отношеніямъ главныхъ измѣреній, черепъ платимезоцефаленъ: его головной показатель равенъ 75,8, а показатель высоты (относительно ширины) — 98,5; слѣдовательно, онъ чуть-чуть не гипсимезоцефаленъ. Его наибольшая ширина и высота находятся въ одной и той же вертикальной плоскости, которая пересѣкаетъ черепъ немного (на 12 мм.) позади слуховыхъ отверстій. Если смотрѣть сверху, черепъ имѣетъ овальную форму, спереди слегка сдавленную, съ порядочно выдающимися скуловыми дугами. Лобъ покатистъ кверху. Надбровныя дуги плоски, переносье же нѣсколько припухло и отсылаетъ вверхъ слабо-выпуклую линію. Лобные бугры слабы и неявственны; теменные, напротивъ, ясно выдаются. Полукружныя линіи весьма явственны, въ своей начальной части выпуклы и шероховаты. Затылокъ выпуклъ и на пространствѣ отъ затылочнаго бугра — весьма большого — до затылочнаго отверстія наискось сдавленъ. Упомянутое отверстіе расположено горизонтально; оно имѣетъ форму приблизительно эллиптическую, по срединѣ расширяется, въ передней части слегка съуживается суставными отростками, а на переднемъ и на заднемъ концахъ немного заострено. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ имѣетъ форму пятиугольника, лишь немного бо̀льшей высоты, чѣмъ ширины, съ закругленными углами; верхнія, меньшія стороны его почти прямолинейны, нижнія, бо̀льшія, расположены почти перпендикулярно или чуть-чуть сходятся книзу; основаніе его почти прямолинейно, съ легкою выемкою по срединѣ. Сосцевидные отростки длинны и толсты; гребешки, простирающіеся отъ скуловыхъ дугъ назадъ, весьма значительны. Чешуя височной кости плоска. Большія крылья клиновидной кости широки и вытянуты назадъ, къ чешуѣ височной кости, а крыло лѣвой стороны даже вдается въ нее; шовъ sphenofrontalis правой стороны длиною въ 26, лѣвой — въ 24 мм.; шовъ sphenoparietalis правой стороны длиною въ 18, лѣвой — въ 16 мм. Лицо вообще широко и плоско. Носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ. Носовыя кости около корня совершенно плоски и довольно широки; книзу онѣ съуживаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько возвышаются и, образуя слабо-выпуклый хребетъ носа, спускаются прямо книзу, почти не уклоняясь отъ плоскости лба. Если судить по показателю, носъ — мезорринческій. Глазницы велики, почти квадратны, чуть-чуть бо̀льшей ширины, чѣмъ длины, по показателю мегаземическія, книзу и кнаружи немного вытянуты. Промежутокъ между ними широкъ. Ширина щекъ значительна. Челюстная ямка плоска.

Если сравнить нашъ гольдскій черепъ съ черепами того же племени съ озера Болонъ, насколько это возможно по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ о нихъ Вирховымъ, то оказывается, что онъ весьма близко подходитъ къ послѣднимъ. По своимъ показателямъ ширины и высоты (75,8 и 74,7), онъ долженъ быть поставленъ на ряду съ ними, такъ какъ въ черепахъ трехъ взрослыхъ Гольдовъ съ озера Болонъ, показатели этихъ измѣреній, по Вирхову, слѣдующіе:

показатели ширины — 73,0, 80,2 и 85,0, высоты — 71,1, 79,6 и 82,3 [1]). Изъ этихъ чиселъ въ то же время видно, что, судя по отношеніямъ главныхъ измѣреній, форма черепа у Гольдовъ также весьма разнообразна: тогда какъ у однихъ она едва переходитъ за предѣлы долихоцефаліи [2]), другіе, напротивъ, въ значительной степени брахицефальны. Разность въ величинѣ головного показателя немногихъ до сихъ поръ извѣстныхъ гольдскихъ череповъ, не принадлежащихъ, конечно, еще къ самымъ крайнимъ формамъ, составляетъ 12,0, что вполнѣ согласно съ колебаніями, замѣчаемыми относительно череповъ Ольчей, Гиляковъ и Аиновъ; къ тому же, на самомъ широкомъ изъ гольдскихъ череповъ, степень брахицефаліи почти совершенно та же, что и у прочихъ названныхъ инородцевъ. Что касается до высоты, то, хотя всѣ четыре черепа взрослыхъ Гольдовъ, судя по ихъ показателямъ, платицефальны, однако высота ихъ очень немногимъ уступаетъ ширинѣ, а дѣтскій черепъ даже гипсицефаленъ. Такъ какъ, кромѣ того, этотъ послѣдній черепъ, по Вирхову, въ остальныхъ отношеніяхъ совершенно сходствуетъ съ двумя черепами взрослыхъ Гольдовъ, то я не сомнѣваюсь, что у этого племени и въ зрѣломъ возрастѣ встрѣчаются, рядомъ съ платицефальными, и гипсицефальныя формы черепа. И въ остальныхъ чертахъ, которыя Вирховъ считаетъ характерическими для черепа Гольдовъ, нашъ Уссурійскій черепъ представляетъ большое сходство съ Болангскими черепами; такъ, напримѣръ, относительно «необыкновенно» сильнаго развитія спускающагося внизъ носового отростка лобной кости, относительно чрезвычайно плоскихъ носовыхъ костей и, вслѣдствіе того, столь сильной приплюснутости носа, что Вирхову невольно пришла мысль объ искусственномъ сдавливаніи носа у Гольдовъ, наконецъ, и относительно формы глазницъ, которыя или одинаковы по ширинѣ и высотѣ, или даже бо̀льшей высоты, чѣмъ ширины. Но какъ ни подтверждались бы на нашемъ гольдскомъ черепѣ характеристическія черты, указанныя Вирховымъ, я все-таки не могу признать за ними значенія исключительной особенности Гольдовъ, которою это племя отличалось бы отъ Аиновъ, Гиляковъ и Тунгусовъ. Напротивъ, у первыхъ двухъ народовъ, какъ мы видѣли выше, нерѣдко встрѣчаются тѣ же самыя черты въ строеніи черепа и вообще совершенно подобный же типъ лица. Сверхъ того, о Гилякахъ Вирховъ судилъ лишь по гипсовому слѣпку съ одного черепа, принадлежавшаго, какъ доказано выше, вовсе не Гиляку, а Орочѣ или Ольчѣ. Наконецъ, между Гольдами и Тунгусами самъ Вирховъ нашелъ много сходства въ строеніи черепа [3]), хотя онъ и не зналъ, что эти народы принадлежатъ и по языку къ одному и тому же племени. Будь у него бо̀льшее число несомнѣнно тунгусскихъ череповъ, онъ непремѣнно нашелъ бы такое же сходство и по отношенію къ тѣмъ вышеупомянутымъ чертамъ, которыя онъ считаетъ особенностью Гольдовъ. Ниже мы увидимъ эти черты на нѣсколькихъ тунгусскихъ черепахъ, точно такъ же, какъ замѣтили ихъ на черепахъ Ольчей, народа

---

1) Въ дѣтскомъ черепѣ эти показатели, по Вирхову, равны 77,3 и 78,5.

2) Вирховъ называетъ первый изъ вышеупомянутыхъ гольдскихъ череповъ, съ головнымъ показателемъ 73,0, даже «отмѣнно (exquisit) долихоцефальнымъ». См. Verhand. etc. l. c. p. (137).

3) Тамъ же, стр. (138).

также тунгусскаго происхожденія. Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что, хотя Гольды въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе смѣшенія съ Китайцами и другими народами, и получили кое-какія первоначально чуждыя имъ черты, однако строеніе ихъ черепа нисколько не свидѣтельствуетъ противъ ихъ тунгусскаго происхожденія.

Переходимъ теперь къ краніологическимъ замѣткамъ о другомъ тунгусскомъ народѣ Амурскаго края, о Бирарахъ. У насъ имѣется одинъ черепъ этого народа, первый въ своемъ родѣ, дѣлающійся достояніемъ науки (№ VIII табл. измѣр., фиг. 8 табл. V—IX изобр.) Мы обязаны имъ Мааку. 19 сентября (1-го октября) 1855 г. онъ посѣтилъ кладбище, лежавшее въ лѣсу около бирарской деревни на правомъ берегу Амура, непосредственно кверху отъ Буреинскихъ горъ. Нѣкоторые гробы на немъ были сколочены изъ досокъ, другіе сплетены изъ ивовыхъ прутьевъ и обложены снаружи берестою; каждый гробъ былъ укрѣпленъ съ обоихъ концевъ между деревянными столбиками, на нѣкоторомъ возвышеніи отъ земли, отчего казался стоящимъ на четырехъ ножкахъ [1]). Подобные гробы Маакъ часто встрѣчалъ въ лѣсной тайгѣ по Вилюю и Олекму. Въ нихъ не трудно узнать тунгусскіе гробы. Изъ одного гроба онъ вынулъ разсматриваемый нами черепъ. Это — черепъ мужчины, судя по состоянію швовъ и зубовъ еще молодого, отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ отъ роду. Его основной шовъ еще не закрылся; нижняя часть вѣнечнаго и задняя стрѣловиднаго швовъ начинаютъ заростать; въ ламвдовидномъ швѣ и въ задней части чешуйчатаго шва находятся небольшія прибавочныя кости. Зубовъ или зубныхъ луночекъ въ каждой челюсти по 14-ти; заднихъ коренныхъ зубовъ еще нѣтъ; зубные вѣнчики еще вовсе не обтерлись. Весь черепъ легокъ, съ тонкими и гладкими костями. По своей формѣ, онъ платибрахицефаленъ, съ головнымъ показателемъ 83,2 и показателемъ высоты (относительно ширины) 88,2. Его наибольшая ширина приходится между теменными костями, близъ чешуйчатаго шва, 15 мм. позади плоскости, проходящей вертикально чрезъ слуховыя отверстія; наибольшую высоту онъ достигаетъ немного не доходя наибольшей ширины. Лобъ кверху покатистъ и быстро расширяется. Сверху, въ norma verticalis, черепъ широко-овоменъ, спереди сплюснутъ, скуловыя дуги едва замѣтны. Надбровныя дуги весьма слабы. Лобные бугры ясно выдаются; между ними тянется кверху слегка возвышенная линія. Полукружныя линіи очень слабы и неявственны. Теменные бугры, хотя и слабы, тѣмъ не менѣе замѣтны. Затылокъ выпуклъ, отъ затылочнаго бугра къ затылочному отверстію наискось приплюснутъ. Возвышенныя линіи, служащія для прикрѣпленія мышцъ, сильно развиты; вмѣсто вертикальной линіи (crista occipitalis), идетъ книзу желобокъ. Если смотрѣть сзади, въ norma occipitalis, то черепъ имѣетъ видъ пятиугольника, немногимъ бо̀льшаго въ вышину, чѣмъ въ ширину, съ закругленными углами; верхнія стороны его малы и почти прямолинейны, нижнія — велики и слегка дугообразны, основаніе прямолинейно, съ выемкою по срединѣ. Горизонтально лежащее затылочное отверстіе овально, сзади слегка заострено; длинные, но узкіе суставные отростки не нарушаютъ его формы. Чешуя височной кости плоска, безъ лобнаго отростка.

---

1) Маакъ, Путеш. на Амуръ, С. Петерб. 1859, стр. 252.

Большія крылья клиновидной кости широки и высоки. Шовъ sphenofrontalis правой стороны длиною въ 24 мм., лѣвой — въ 19; шовъ sphenoparietalis правой стороны длиною въ 23 мм., лѣвой — въ 18. Носовой отростокъ лобной кости спускается не такъ далеко внизъ, какъ въ гольдскомъ и въ другихъ разсмотрѣнныхъ нами черепахъ. Носовыя кости около корня шире и съуживаются книзу немного меньше; онѣ образуютъ явственный носовой хребетъ и лишь мало вогнуты. По своему показателю, носъ — лепторинническій. Глазницы лишь немногимъ больше въ ширину, чѣмъ въ вышину, мегаземическія. Промежутокъ между ними значительно широкъ. Челюстная ямка плоска. Нижняя челюсть толста.

Какъ бирарскій, такъ и нашъ манегирскій черепъ — первый въ своемъ родѣ, съ которымъ знакомится наука (№ IX табл. измѣр., фиг. 9 табл. V—IX изобр.). 19-го сентября (1 октября) 1856 года, на лѣвомъ берегу верхняго Амура, немного выше Котомапги, я наткнулся на старыя манегирскія могилы, изъ которыхъ и взялъ одинъ черепъ. Это былъ черепъ мужчины, которому, если судить по состоянію швовъ и зубовъ, было отъ 55-ти до 80-ти лѣтъ. Швы вѣнечный, стрѣловидный, sphenofrontalis и sphenoparietalis срослись и снаружи едва замѣтны; ламвдовидный шовъ, особенно въ своей средней части, также заросъ; въ чешуйчатомъ швѣ, у задняго нижняго угла теменныхъ костей, съ каждой стороны находятся маленькія прибавочныя косточки. Немногіе сохранившіеся зубы сильно потерты; зубныхъ луночекъ въ верхней челюсти 14 (нижней челюсти нѣтъ); остальныя, очевидно, резорбированы. По своей формѣ, черепъ платибрахицефаленъ: въ немъ отношеніе ширины къ длинѣ 80,5, а высоты къ шириѣ — 86,3. Его наибольшая ширина приходится между гребешками, идущими отъ скуловыхъ дугъ по височнымъ костямъ, на разстояніи 18-ти мм. позади вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія; наибольшая высота — немного впереди мѣста наибольшей ширины. Высота, сравнительно съ длиною, очень мала, такъ какъ отношеніе ея къ послѣдней лишь 69,5. Сверху, въ norma verticalis, черепъ широко-оволенъ, спереди сдавленъ, причемъ скуловыя дуги сильно выдаются; разумѣется, что и ширина скуловыхъ дугъ очень значительна: она лишь немногимъ уступаетъ наибольшей ширинѣ черепа. Лобъ плосокъ и сильно покатистъ назадъ; надбровныя дуги сильно развиты и, сходясь въ переносьѣ, образуютъ значительно припухлый валикъ, вслѣдствіе чего надпереносье кажется какъ-бы вдавленнымъ. Полукружныя линіи очень явственны и возвышены на всемъ своемъ протяженіи; онѣ ограничиваютъ весьма обширныя полукружныя поля, которыя простираются до ламвдовиднаго шва и снабжены многочисленными мелкими, наискось лежащими, шероховатостями. Затылокъ великъ, выпуклъ и наискось сдавленъ по направленію отъ большого затылочнаго бугра къ затылочному отверстію. Поименованный бугоръ и всѣ гребешки, служащіе для прикрѣпленія мышцъ, а равно и сосцевидные отростки, сильно развиты. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ отчасти имѣетъ видъ пятиугольника, но съ настолько сильно закругленными углами, что принимаетъ почти форму кругового сегмента; впрочемъ, ширина этого пятиугольника все-таки значительно больше его высоты; основаніе же его прямолинейно, съ маленькою выемкою въ срединѣ. Большое затылочное отверстіе расположено горизонтально; оно велико, овально, спереди съуживается весьма широкими и

большими суставными отростками, а къ заднему концу заостряется. Носовыя кости около корня образуютъ другъ съ другомъ очень тупой уголъ, который книзу нѣсколько возвышается, составляя слабый носовой хребетъ. По своему показателю, носъ — мезорринческій. Глазницы велики, продолговато-четырехугольны, микроземическія; промежутокъ между ними широкъ. Лицо очень широко и плоско. Челюстная ямка мало углублена.

Ближайшіе родственники Манегрцевъ, какъ уже сказано выше, Орочоны. У насъ имѣется только одинъ черепъ этого народа. Онъ не первый въ своемъ родѣ, такъ какъ Маліевъ говоритъ о такомъ же черепѣ [1]). О происхожденіи послѣдняго ничего не сказано. Орочонскій черепъ, имѣющійся въ нашемъ музеѣ (№ X табл. измѣр., фиг. 10 табл. V—IX изобр.), доставленъ изъ Нерчинска г-мъ Савенко и, слѣдовательно, по всей вѣроятности, принадлежалъ какому-нибудь Шилкинскому Орочону изъ окрестностей этого города. Это — черепъ мужчины, которому, вѣроятно, было отъ 30-ти до 55-ти лѣтъ: вѣнечный шовъ въ своей нижней части заросъ настолько, что едва замѣтенъ, въ верхней же, равно какъ и стрѣловидный шовъ, хотя также заросъ, но все-таки еще различается съ ясностью; швы sphenofrontalis и sphenoparietalis не тронуты. Зубныхъ луночекъ въ верхней челюсти (нижней нѣтъ) 14; остальныя, очевидно, резорбированы; немногіе, сохранившіеся зубы сильно потерты. Черепъ этотъ платибрахицефаленъ, даже въ большей степени, чѣмъ предъидущій: отношеніе ширины къ длинѣ въ немъ 84,1, высоты къ ширинѣ — 79,7, а высоты къ длинѣ даже только 67,0. Это — наименьшіе показатели высоты изо всѣхъ здѣсь измѣренныхъ череповъ. Наибольшая ширина орочонскаго черепа приходится между чешуйчатыми швами обѣихъ сторонъ, въ вертикальной плоскости, проходящей чрезъ сосцевидные отростки, на разстояніи 8-и мм. позади слуховыхъ отверстій; наибольшая высота — въ мѣстѣ, немного недоходя до первой. При взглядѣ на черепъ сверху, онъ представляется имѣющимъ форму овала, спереди сильно, сзади же немного сдавленнаго, а по срединѣ вогнутаго, причемъ скуловыя дуги сильно выдаются. Лобъ немного выпуклъ и очень покатистъ назадъ; надбровныя дуги значительно развиты и опускаются къ переносью; надпереносье какъ-бы вдавлено. Полукружныя линіи видны на всемъ своемъ протяженіи, но лишь въ началѣ немного возвышены и шероховаты; онѣ простираются далеко назадъ и замыкаютъ обширныя полукружныя поля, по большей части усѣянныя маленькими неровностями. Чешуя височной кости не имѣетъ лобнаго отростка. Большія крылья клиновидной кости широки; шовъ sphenofrontalis правой стороны длиною въ 22 мм., лѣвой — въ 19; шовъ sphenoparietalis правой стороны длиною въ 14 мм., лѣвой — въ 12 мм. Затылокъ великъ и, между затылочнымъ бугромъ, значительно большимъ, и затылочнымъ отверстіемъ, наискось сдавленъ; всѣ гребешки, служащіе для прикрѣпленія мышцъ, сильно развиты. Сосцевидные отростки также длинны и толсты. Сзади, въ pars occipitalis, черепъ имѣетъ видъ кругового сегмента, ширина котораго значительно больше его высоты; хорда его, между сосцевидными отростками, почти прямолинейна, съ легкою выемкою по срединѣ. Большое затылочное отверстіе овально, назади широко; къ переднему концу оно

1) И. Маліевъ, Матеріалы для Антроп. восточнаго края Россіи, Казань 1874 (Труды Общ. Естествоиспыт. при Имп. Казанск. Университ. Т. IV, № 2), въ разныхъ мѣстахъ.

съуживается, равно какъ и по бокамъ, вслѣдствіе большаго размѣра суставныхъ отростковъ. Носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ; носовыя кости около корня почти совершенно плоски; дальше книзу, онѣ образуютъ другъ съ другомъ небольшой уголъ; на самомъ узкомъ мѣстѣ онѣ сильно вогнуты, а оттуда, расширяясь, направляются почти больше впередъ, чѣмъ внизъ. Носъ, по своему показателю, платиринническій. Глазницы велики, лишь немногимъ больше въ ширину, чѣмъ въ высоту, мегаземическія. Промежутокъ между ними широкъ. Все лицо широко и плоско. Челюстная ямка мало углублена.

При сравненіи однихъ съ другими показателей этого черепа и черепа орочонскаго, измѣреннаго Маліевымъ, нельзя не замѣтить громадной разницы между ними: первый черепъ брахицефаленъ, второй — мезоцефаленъ, потому что головной показатель одного 84,1, а другого — 76,4[1]), что составляетъ разность въ 7,7; первый сильно платицефаленъ, второй почти гипсицефаленъ, такъ какъ отношеніе высоты къ ширинѣ у одного 79,7, а у другого 99,2, что составляетъ разность въ 19,5. Точно также и въ отношеніи высоты къ длинѣ (67,0 и 75,8) оказывается разность въ 8,8. И такъ, если разсматривать отношенія ширины и высоты другъ къ другу и къ длинѣ, то разность между этими черепами оказывается главнымъ образомъ по высотѣ и, въ меньшей степени, также по ширинѣ: нашъ орочонскій черепъ явственно широкъ (коротокъ) и весьма низокъ, черепъ же, измѣренный Маліевымъ, средней ширины и можетъ быть названъ почти высокимъ. Такимъ образомъ, уже по двумъ черепамъ этого народа мы знакомимся съ значительнымъ колебаніемъ у него формы черепа, хотя пока еще и нельзя вполнѣ опредѣлить величину этого колебанія, а равно и рѣшить, которая изъ этихъ формъ встрѣчается у него чаще или болѣе типична для него.

Если, напротивъ, сопоставить наши орочонскій и манегирскій черепа, то тотчасъ же бросается въ глаза ихъ чрезвычайное сходство. Хотя они также нѣсколько различаются другъ отъ друга отношеніями своихъ главныхъ измѣреній, однако оба остаются въ предѣлахъ рѣшительной платибрахицефаліи. Къ тому же, не смотря на нѣкоторыя разности въ цифрахъ измѣреній, они все-таки въ высшей степени сходны между собою, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Въ этомъ лучше всего можно убѣдиться посредствомъ сравненія соотвѣтствующихъ фотографій на нашихъ таблицахъ V—IX, причемъ сходство это обнаруживается во всѣхъ пяти рисункахъ череповъ, т. е. съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на нихъ. Разумѣется, на основаніи этихъ двухъ экземпляровъ еще нельзя признать такое сходство общимъ для этихъ племенъ: случайно, оба разсматриваемые черепа, по своему строенію, принадлежатъ къ одному и тому же типу. Что у Орочоновъ, кромѣ того, встрѣчаются также существенно иныя формы черепа, — это уже доказывается черепомъ, который былъ

---

1) Маліевъ, тамъ же, стр. 32. Въ своемъ отзывѣ (въ Archiv für Anthrop. Bd. XII, p. 384) о трудѣ Чугунова («Значеніе отношенія вышины черепа къ ширинѣ, совмѣстно съ отношеніемъ длины къ основанію, какъ отличит. признака расъ». Труды Общ. Естествоиспыт. при Имп. Казанск. Унив. Т. VII, 1878), проф. Л. Штида означаетъ головной показатель измѣреннаго Маліевымъ орочонскаго черепа нѣсколько меньшимъ, чѣмъ онъ былъ найденъ на самомъ дѣлѣ. Не произошло ли это вслѣдствіе недосмотра Чугунова,— я не въ состояніи рѣшить. По Маліеву (тамъ же, стр. 34), величины трехъ главныхъ измѣреній въ этомъ черепѣ слѣдующія: длина — 178, ширина — 136, высота — 135 мм.

изслѣдованъ Малѣевымъ. Однако, на основаніи вышесказаннаго, я долженъ предполагать, что и у Манегирцевъ найдутся совершенно аналогичныя и параллельныя и, въ такомъ случаѣ, не менѣе сходныя формы черепа. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно, конечно, ожидать и случаевъ немалой разности между черепами Манегирцевъ и Орочоновъ, — разности, происшедшей вслѣдствіе болѣе близкихъ сношеній первыхъ съ Китайцами, Маньчжурами и Даурами, а вторыхъ — съ Русскими. Тѣмъ не менѣе, упомянутое выше, столь значительное сходство между имѣющимися у насъ черепами Манегирцевъ и Орочоновъ свидѣтельствуетъ въ пользу весьма близкаго племеннаго родства между этими народами, выведеннаго нами уже на основаніи другихъ данныхъ.

Этимъ заканчивается рядъ нашихъ череповъ тунгусскихъ народовъ Амурскаго края. Какъ видно, нѣкоторые изъ послѣднихъ у насъ вовсе не имѣютъ представителей. Такъ, вкратцѣ описанный и изображенный еще Блюменбахомъ черепъ Даура[1]) остается до сихъ поръ все еще единственнымъ въ своемъ родѣ, и, къ сожалѣнію, все еще нѣтъ второго экземпляра подобнаго черепа. Этотъ черепъ принадлежалъ одному изъ тѣхъ Дауровъ, которые, въ XVII столѣтіи, чтобы избѣгнуть маньчжурскаго владычества, вмѣстѣ съ своимъ княземъ Гантимуромъ, покинули свою родину на рѣкѣ Нонни и переселились въ завоеванный уже въ то время Русскими Шилкинскій край[2]). Рёслейнъ вынулъ его изъ одной старой могилы на Ононѣ и доставилъ въ Петербургъ, барону Ашу, который переслалъ его Блюменбаху. Это — черепъ старика 88-ми лѣтъ, съ беззубою верхнею челюстью. По показанію Блюменбаха, онъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, представляетъ черты монгольскаго типа: плоское лицо, приплюснутый носъ, сильно развитыя, выдающіяся по бокамъ скуловыя дуги, нѣсколько выступающій впередъ подбородокъ и т. д. По измѣреніямъ Бэра[3]), въ немъ отношеніе ширины къ длинѣ 86,9, высоты къ ширинѣ — 85,3, а высоты къ длинѣ — 74,2[4]). И такъ, этотъ черепъ весьма явственно платибрахицефаленъ; ширина его, сравнительно съ длиною, даже больше, чѣмъ у котораго-либо изъ нашихъ амурскихъ череповъ, а высота, сравнительно съ длиною, очень мала. Судя по всему этому, онъ, дѣйствительно, больше всѣхъ вышеизмѣренныхъ амурскихъ череповъ, подходитъ къ чисто-монгольскому типу. Этотъ результатъ согласенъ съ тѣмъ, что было сказано выше о многочисленныхъ сношеніяхъ и о сильномъ смѣшеніи Дауровъ съ Монголами. Однако, по одному экземпляру, разумѣется, еще нельзя судить о формѣ черепа у всего народа. Кромѣ того, нынѣшніе Дауры имѣютъ частыя сношенія и съ Китайцами, и съ своими сосѣдями тунгусскаго же происхожденія, Солонами и Маньчжурами. Уже на основаніи этого можно ожидать у нихъ значительнаго разнообразія въ формѣ череповъ.

---

1) Blumenbach, Decas tertia coll. suae cran. divers. gent. illustr. Gottingae 1795, p. 7, Tab. XXIII (Cr. «Sinensis Daurici»).

2) Fischer, Sibir. Gesch. 2. Thl., p. 774, 775.

3) Заимствовано мною изъ рукописныхъ замѣтокъ Бэра, хранящихся въ академическомъ музеѣ по антропологіи и этнографіи и содержащихъ въ себѣ наблюденія и измѣренія надъ черепами разныхъ европейскихъ музеевъ.

4) Соотвѣтственныя абсолютныя числа, найденныя Бэромъ и показанныя имъ въ англійскихъ линіяхъ (какъ въ его «Crania selecta»), суть слѣдующія: длина — 69, ширина — 60, высота — 51,2.

Спрашивается теперь: въ какомъ отношеніи находятся разсмотрѣнные нами черепа тунгусскихъ народовъ Амурскаго края къ черепамъ сибирскихъ Тунгусовъ? Сохранили ли они, и въ какой степени, вообще тунгусскій типъ, или же пріобрѣли существенно иной типъ, вслѣдствіе смѣшенія своего съ сосѣдними племенами? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, слѣдовало бы, конечно, прежде всего опредѣлить, въ чемъ состоитъ тунгусскій типъ? Однако этого до сихъ поръ еще не сдѣлано. Мало того, въ этомъ отношеніи встрѣчаются даже самыя крайнія разногласія. Такъ, напримѣръ, Реціусъ, Р. Вагнеръ и Бэръ называютъ Тунгусовъ долихоцефалами[1]). Правда, первые двое основываются только на одномъ черепѣ (или гипсовомъ слѣпкѣ) изъ Гёттингенскаго музея, — черепѣ, который, къ тому-же, по Велькеру[2]), страдалъ синостозою[3]); но у Бэра было подъ руками бо̀льшее количество череповъ. Онъ беретъ среднія числа (изъ какого числа отдѣльныхъ данныхъ — неизвѣстно) и находитъ для тунгусскаго черепа отношеніе ширины къ длинѣ 74,3, а высоты къ длинѣ — 72,3[4]). Если судить по этому среднему головному показателю, тунгусскій черепъ оказывается еще болѣе долихоцефальнымъ, чѣмъ его показывали Реціусъ и Вагнеръ (76,0)[5]). Бэръ сопоставляетъ эти среднія числа съ соотвѣтствующими относительными величинами шведскихъ череповъ(73,1 и 71,0) и находитъ, что тунгусскіе черепа лишь немногимъ шире и выше, чѣмъ шведскіе, или другими словами, что Шведы немногимъ долихоцефальнѣе Тунгусовъ; а такъ какъ черепа многихъ германскихъ народовъ короче шведскихъ, то онъ приходитъ къ тому заключенію, что тунгусскіе черепа, по отношеніямъ длины, ширины и высоты (но отнюдь не по строенію лица), довольно сходны съ черепами германскихъ народовъ. Совсѣмъ иного мнѣнія Велькеръ. Онъ нашелъ въ тунгусскихъ черепахъ Берлинскаго музея, равно какъ и въ другомъ также тунгусскомъ черепѣ, имѣющемся въ Гёттингенѣ, кромѣ вышеупомянутаго, показатели ширины 79, 81, 82 и 87 (а на трехъ женскихъ — 75, 82 и 84) и, на этомъ основаніи, считаетъ доказаннымъ, что Тунгусы принадлежатъ къ настоящимъ брахицефаламъ, наравнѣ съ Бурятами и Калмыками, для которыхъ найдены имъ средніе головные показатели 83 и 81, и съ которыми онъ считаетъ Тунгусовъ близко родственными также почти во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Согласно съ этимъ, въ составленныхъ Велькеромъ таблицахъ[6]), Тунгусы отнесены къ разряду брахицефаловъ, съ среднимъ головнымъ показателемъ 81. Какъ относительно ширины черепа Тунгусовъ, такъ и относительно его высоты, Бэръ и Велькеръ расходятся въ своихъ мнѣніяхъ: тогда какъ первый призналъ тунгусскіе черепа болѣе высокими, чѣмъ

---

1) Гёксли (Proceed. of the Royal Geogr. Soc. Vol. X, Sess. 1865 — 66, № I — VI, p. 171) также полагаетъ, что, подобно Чукчамъ, Эскимосамъ и другимъ народамъ, Тунгусы, можетъ-быть, принадлежатъ также къ числу народовъ съ особенно длинными черепами.

2) Welcker, Kraniol. Mittheil. (Archiv für Anthrop. Bd. I, Braunschweig 1866, p. 133, 134).

3) Блюменбахъ (Dec. alt. coll. suae cran. 1793, p. 11, Tab. XVI) говоритъ, что этотъ черепъ принадлежалъ оленному Тунгусу, по имени Чевинъ Амурѣевъ, изъ мѣстности, лежащей въ 350 верстахъ отъ Баргузина.

4) Baer, Nachr. über die ethnogr.-craniolog. Samml. der Kaiserl. Akademie der Wissensch. zu St. Petersb. (Bull. de la cl. phys.-math. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. XVII, 1859, p. 294; Mél. biol. T. III, p. 76).

5) По измѣреніямъ Бэра (въ его вышеупомянутыхъ рукописныхъ замѣткахъ), головной показатель этого черепа нѣсколько больше, а именно 79,5.

6) Тамъ же, стр. 154 и 157.

шведскіе, Велькеръ, напротивъ, называетъ Тунгусовъ «чрезвычайно плоскоголовыми»[1]); онъ нашелъ имѣнно, что разность показателей высоты и ширины у нихъ достигаетъ — 10, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ, изслѣдованныхъ имъ въ краніологическомъ отношеніи, за единственнымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ Сѣверо-Американцевъ съ искусственно сдавленными черепами («Flatheads»)[2]. По Велькеру, слѣдовательно, Тунгусы несомнѣнно платибрахицефалы.

Которое же изъ этихъ мнѣній справедливо? Я думаю, что уже существованіе двухъ мнѣній, столь противоположныхъ другъ другу, и изъ которыхъ какъ то, такъ и другое, основано на точныхъ и достовѣрныхъ измѣреніяхъ, служитъ доказательствомъ тому, что между Тунгусами встрѣчаются черепа весьма различной формы, видоизмѣняющейся въ широкихъ предѣлахъ колебанія. Быть можетъ, это обстоятельство находится въ связи съ чрезвычайною обширностью распространенія Тунгусовъ, которые разошлись во всѣ стороны, не представляя нигдѣ сплоченнаго населенія, и вслѣдствіе того соприкасаются почти со всѣми сибирскими народами — урало-алтайскими, тюрко-татарскими, монгольскими, палеазіятскими — далѣе, съ Китайцами, на юго-востокѣ, и, наконецъ, уже два-три столѣтія, съ Русскими и разными другими Европейцами. При всемъ томъ, мнѣ кажется, что посредствомъ бо́льшаго числа измѣреній, особенно въ странахъ съ болѣе плотнымъ и чистымъ тунгусскимъ населеніемъ, все-таки можно опредѣлить преобладающую и особенно типичную для нихъ форму черепа, колеблющуюся въ менѣе широкихъ предѣлахъ. У насъ нѣтъ необходимаго для этого матеріала. Но, чтобы сколько-нибудь подготовить рѣшеніе этого вопроса, я считаю нелишнимъ разсмотрѣть здѣсь подробнѣе нѣкоторые изъ несомнѣнно тунгусскихъ череповъ нашей коллекціи. Три изъ нихъ, привезенные Маакомъ изъ Восточной Сибири, измѣрены мною по принятому здѣсь способу, для болѣе точнаго и наглиднаго сравненія ихъ съ черепами инородцевъ Амурскаго края, а съ двухъ изъ нихъ даже сняты фотографіи. Вотъ подробное описаніе ихъ.

Черепъ Тунгуса, по имени Бёкчёрисъ, съ Аякита, притока Вилюя (№ XI табл. измѣр., фиг. 11 табл. V—IX изобр.). Судя по состоянію швовъ и зубовъ, онъ принадлежалъ человѣку отъ 30-ти до 55-ти лѣтъ. Стрѣловидный шовъ заросъ безслѣдно, вѣнечный мѣстами еще ясно виденъ, ламбдовидный началъ зарастать, остальные еще не тронуты. Зубы всѣ на-лицо, но сильно потерты, тупы, съ плоскими вѣнчиками. По своей формѣ, этотъ черепъ платимезоцефаленъ: въ немъ отношеніе ширины къ длинѣ 77,5 а высоты къ ширинѣ — 89,4. Его наибольшая ширина и наибольшая высота находятся въ одной и той же вертикальной плоскости, проходящей на разстояніи 13-ти мм. позади слуховыхъ отверстій, причемъ первая приходится между теменными костями, близъ чешуйчатаго шва. Сверху, въ norma verticalis, черепъ продолговато-овалень, спереди сильно, а сзади слегка сдавленъ; скуловыя дуги его

---

1) «Enorme Flachschädler» (Kraniol. Mittheil. etc. p. 156).

2) Въ вышеупомянутомъ даурскомъ черепѣ разность эта достигала бы даже — 12,7; у плоскоголовыхъ Сѣверо-Американцевъ, по Велькеру (тамъ же, стр. 154 и 157), она равна — 13. Въ нашемъ орочонскомъ черепѣ эта разность еще больше, а именно — 17,1.

сильно выдаются, такъ какъ показатель ширины черепа, измѣренный между ними, лишь немногимъ меньше головного показателя. Лобъ умѣренно покатистъ; надпереносье нѣсколько углублено. Надбровныя дуги, равно какъ и переносье, нѣсколько припухлы. Полукружныя линіи, въ своей начальной части, возвышены, заострены и надѣлены небольшими шероховатостями; дальше кверху, онѣ по большей части сглаживаются, но все-таки остаются ясно видными на всемъ своемъ протяженіи; по теменнымъ костямъ онѣ простираются далеко вверхъ, замыкая весьма обширныя полукружныя поля. Лобные и теменные бугры довольно явственны. Виски значительно вдавлены; отъ нихъ тянется вверхъ широкій желобокъ, вслѣдствіе чего весь черепъ между лобными и теменными костями кажется вдавленнымъ. Большія крылья клиновидной кости длинны, широки и отсылаютъ назадъ длинный и узкій отростокъ, позади котораго, на лѣвой сторонѣ, между теменною костью и чешуею височной, находится маленькая трехугольная прибавочная косточка, вдающаяся въ чешую височной кости. Шовъ sphenofrontalis правой стороны имѣетъ 21 мм. длины, лѣвой — 28; шовъ sphenoparietalis правой стороны имѣетъ 17 мм. длины, лѣвой — 14. Затылокъ великъ, выпуклъ и спускается надъ затылочнымъ бугромъ почти вертикально внизъ, а подъ бугромъ, по направленію къ затылочному отверстію, наискось сплюснутъ; вертикальная линія пониже бугра заострена въ видѣ гребня. Затылочное отверстіе продолговато-овально; спереди оно значительно съуживается, вслѣдствіе вдавшихся въ него широкихъ и толстыхъ суставныхъ отростковъ, а на заднемъ концѣ заостряется. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ имѣетъ видъ пятиугольника, немного большей ширины, чѣмъ высоты; углы его, особенно верхніе, сильно закруглены, основаніе же довольно прямолинейно, съ небольшою выемкою по срединѣ. Носовой отростокъ лобной кости спускается далеко внизъ. Носовыя кости около корня совершенно плоски, а дальше книзу образуютъ незначительный носовой хребетъ; онѣ на всемъ протяженіи сѣдлообразно вогнуты, безъ замѣтнаго перелома. По своему показателю, носъ — мезоринническій. Глазницы велики, почти квадратны, мегаземическія. Челюстныя ямки значительно глубоки. Нижняя челюсть массивна и толста.

Черепъ Тунгуса, по имени Дёсипсъ, взятый изъ могилы, находившейся въ лѣсу, близъ деревни Анкулы, на правомъ берегу Нижней Тунгуски, верстахъ въ 700 отъ ея верховья (№ XII табл. измѣр., фиг. 12 табл. V—IX изобр.) Онъ принадлежалъ человѣку отъ 24-хъ до 30-ти лѣтъ: основной шовъ у него закрылся; нижняя часть вѣнечнаго шва заросла, но снаружи еще видна; верхняя часть его и стрѣловидный шовъ начали зарастать; остальные швы не заросли; въ чешуйчатомъ швѣ, съ лѣвой стороны, находится маленькая прибавочная косточка. Задніе коренные зубы развиты, вѣнчики всѣхъ сохранившихся зубовъ, немногочисленныхъ и все коренныхъ, потерты очень немного. По своей формѣ, этотъ черепъ значительно платибрахицефаленъ: отношеніе ширины къ длинѣ въ немъ 84,7, а высоты къ ширинѣ — 91,3. Его наибольшая ширина приходится между теменными костями, какъ-разъ надъ чешуйчатымъ швомъ, въ вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія; наибольшая высота — немного позади первой. Если смотрѣть сверху (въ norma verticalis), то черепъ широко-овоменъ, спереди сдавленъ, назади также слегка приплюснутъ, съ выдающимися ску-

ловыми дугами. Лобъ покатистъ назадъ, по срединѣ съ слабо выдающеюся линіею, сглаживающеюся повыше лобныхъ бугровъ; въ профиль, надпереносье кажется вдавленнымъ. Надбровныя дуги сильно развиты, но къ переносью слегка опадаютъ. Полукружныя линіи спачала возвышены и шероховаты, а далѣе нѣсколько сглаживаются; онѣ простираются далеко вверхъ и замыкаютъ обширныя полукружныя поля. Лобные бугры явственны, теменные же едва замѣтны. Теменныя кости по сагитальной линіи возвышены, а отсюда покатисты въ обѣ стороны; сзади онѣ, равно какъ и верхняя часть чешуи затылочной кости, сдавлены наискось сверху. Чешуя височной кости плоска, безъ лобнаго отростка; виски слегка впалы. Большія крылья клиновидной кости широки; шовъ sphenofrontalis имѣетъ справа 23 мм. длины, шовъ sphenoparietalis — 21 мм.; слѣва черепъ на этомъ мѣстѣ попорченъ. Затылокъ плоскъ, съ большимъ затылочнымъ бугромъ и очень явственными, исходящими отъ него, поперечными линіями; подъ бугромъ, затылокъ покатистъ къ затылочному отверстію и въ профиль кажется вогнутымъ. Сзади, въ norma occipitalis, черепъ имѣетъ форму пятиугольника съ закругленными углами, немного большей ширины, чѣмъ высоты; основаніе его также дугообразно, съ легкою выемкою по срединѣ. Затылочное отверстіе овально, спереди слегка съужено длинными и узкими суставными отростками. Носовыя кости мало вогнуты, около корня довольно широки, а книзу съуживаются; онѣ образуютъ въ верхней части, а еще больше книзу, явственный носовой хребетъ. По своему показателю, носъ занимаетъ среднее мѣсто между лепторинническими и мезоринническими формами. Глазницы, сравнительно съ глазницами предъидущаго черепа и череповъ инородцевъ Амурскаго края, малы, гораздо большей ширины, чѣмъ высоты, мезоземическія. Челюстныя ямки довольно глубоки.

Черепъ Тунгуса Вилюйскаго округа, съ рѣки Джегдандали, притока Вилюя (№ XIII табл. измѣр.) Онъ также принадлежалъ мужчинѣ лѣтъ 24-хъ до 30-ти: нижняя часть вѣнечнаго шва заросла и едва видна, верхняя и стрѣловидный шовъ начали зарастать; остальные швы еще не тронуты. На каждой сторонѣ верхней челюсти было по семи зубовъ (нижней челюсти нѣтъ); сохранились же изъ нихъ немногіе, да и тѣ сильно потерты или поломаны. По своей формѣ, этотъ черепъ платибрахицефаленъ; въ немъ отношеніе ширины къ длинѣ равно 82,2, а высоты къ ширинѣ — 91,2; слѣдовательно, въ отношеніи своихъ размѣровъ, онъ очень сходенъ съ предъидущимъ черепомъ, только немного длиннѣе, или уже, и выше его. Наибольшая ширина въ немъ находится тамъ же, гдѣ и въ предъидущемъ черепѣ, а наибольшая высота — немного позади первой. Лобъ прямой. Надбровныя дуги и переносье мало выпуклы. Полукружныя линіи слабо развиты; лобные бугры — также, теменные же бугры, напротивъ, выдаются довольно сильно. Темя немного крышеобразно: по сагитальной линіи возвышено, а по сторонамъ покатисто и даже немного вдавлено. Виски у лобной кости, надъ швомъ sphenofrontalis, слегка припухлы, а позади этого мѣста, у шва sphenoparietalis, напротивъ, вдавлены, и тутъ же съ каждой стороны имѣется небольшая трехугольная прибавочная косточка различной формы и различнаго положенія. Косточка эта вдается довольно далеко въ чешую височной кости и, повидимому, есть отдѣлившійся задній кончикъ

большого крыла клиновидной кости. На правой сторонѣ, шовъ sphenofrontalis имѣетъ 16 мм. длины, шовъ sphenoparietalis — 14; на лѣвой сторонѣ, длина тѣхъ же швовъ 25 и 6 мм., причемъ 2 мм. приходятся на шовъ съ прибавочными костями. Затылокъ великъ, надъ затылочнымъ бугромъ покатистъ сзаду, а подъ нимъ — впереду, къ затылочному отверстію. Послѣднее имѣетъ форму эллипсиса, съуживающагося къ обоимъ концамъ. Носовыя кости сѣдлообразно вогнуты, около корня плоски; книзу онѣ образуютъ мало-возвышенный носовой хребетъ; шовъ между ними не прямолинеенъ, а, напротивъ, отчасти сильно извилистъ. Носъ платиринническій. Глазницы велики, большей ширины, чѣмъ высоты, мегаземическія. Челюстныя ямки довольно глубоки.

Чтобы имѣть больше данныхъ для хотя бы лишь предварительнаго и приблизительнаго опредѣленія типической формы черепа Тунгусовъ, я измѣрилъ длину, ширину и высоту еще нѣсколькихъ другихъ, также несомнѣнно тунгусскихъ череповъ нашего музея. Ихъ было четыре: одинъ изъ нихъ (обозначенный ниже подъ № XIV) присланъ въ 1856 г. изъ Туруханска доктору Неликану, который передалъ его въ музей Академіи; остальные же три (подъ №№ XV—XVII) добыты Чекановскимъ, во время его путешествія, въ 1873 г., въ разныя мѣстности по Нижней Тунгускѣ. Означенныя главныя измѣренія этихъ череповъ (въ миллиметрахъ) и опредѣленныя по нимъ взаимныя ихъ отношенія или показатели суть слѣдующіе:

	XIV.	XV.	XVI.	XVII.
Наибольшая длина.....	168	175	169	184
» ширина.....	141	145	151	145
» высота.....	124	125	125	—[1])
Отношеніе ширины къ длинѣ.	83,9	82,9	89,3	78,8
» высоты къ ширинѣ	87,9	86,2	82,8	—
» » къ длинѣ .	73,8	71,4	74,0	—

Изъ этой таблицы видно, что три первые тунгусскіе черепа, по своей формѣ, платибрахицефальны; третій даже такъ широкъ (или коротокъ), что превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ остальные, изслѣдованные здѣсь черепа. Только четвертый черепъ, на нашъ взглядъ, мезоцефаленъ; хотя его высоту и нельзя опредѣлить съ точностью, однако она во всякомъ случаѣ также невелика, такъ что его можно считать платимезоцефальнымъ. Во всѣхъ черепахъ наибольшая ширина находится близъ чешуйчатаго шва, или между теменными костями, или немного ниже, между височными; наибольшая высота во всѣхъ — въ вертикальной плоскости, пролегающей немного позади первой.

Если сопоставить всѣ семь измѣренныхъ здѣсь череповъ сибирскихъ Тунгусовъ, то окажется, что пять несомнѣнно и притомъ значительно брахицефальны, а два мезоцефальны, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ низки, платицефальны. Таковы же и четыре тунгусскіе черепа, изслѣ-

---

1) Основаніе черепа у этого экземпляра поломано, а потому было невозможно опредѣлить его высоту, равно какъ и отношеніе ея къ ширинѣ и къ длинѣ.

дованные Велькеромъ. Долихоцефальныхъ и гипсицефальныхъ формъ между ними вовсе не имѣется. Однако изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, что такихъ формъ черепа у Тунгусовъ вовсе не бываетъ. Напротивъ того, выше приведены подмѣченные другими изслѣдователями факты, положительно свидѣтельствующіе о существованіи подобныхъ формъ. Тѣмъ не менѣе, можно, кажется, и теперь уже заключить, что длинные и высокіе черепа у Тунгусовъ встрѣчаются лишь рѣдко и въ видѣ исключенія, и что, напротивъ, обыкновенная, преобладающая, типическая форма ихъ черепа — платибрахицефальная. Подъ эту форму подходятъ также не рѣдко замѣчаемыя у Тунгусовъ, болѣе или менѣе башенныя головы. Хотя я и не имѣлъ случая измѣрить черепа съ особенно рѣзко выдающимися чертами подобнаго строенія, однако, на основаніи экземпляровъ, несомнѣнно подходящихъ къ этой формѣ, я полагаю, что она образуется вслѣдствіе чрезмѣрной ширины, а слѣдовательно и короткости черепа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильной покатости лба, причемъ наибольшая ширина черепа находится въ нижней его части, между височными костями, близъ сосцевидныхъ отростковъ, или же между скуловыми дугами, и уменьшается оттуда кверху, равно какъ уменьшается она и по направленію отъ сильно покатаго лба вверхъ и назадъ. По отношенію къ длинѣ, высота черепа, въ такомъ случаѣ, можетъ быть очень значительна, но, по отношенію къ ширинѣ, она все-таки мала, и общая форма черепа остается такимъ образомъ платибрахицефальною. Кромѣ того, къ характеристическимъ чертамъ типической для Тунгусовъ формы черепа принадлежатъ, мнѣ кажется, еще слѣдующія: покатый лобъ (о чемъ уже было сказано), большой затылочный бугоръ, ясно и рѣзко обозначенныя и притомъ простирающіяся далеко вверхъ полукружныя линіи, значительно продолженный внизъ носовой отростокъ лобной кости, плоскія, вогнутыя носовыя кости, значительно припухлыя надбровныя дуги, большія, почти квадратныя глазницы, сильно развитыя скулы, вообще плоское и широкое лицо, хотя и не столь широкое, какъ у чисто-монгольскихъ племенъ, Калмыковъ, Бурятовъ и т. п.

Если сравнить съ этою типическою формою черепа сибирскихъ Тунгусовъ черепа тунгусскихъ же племенъ Амурскаго края, описанные нами выше, то въ большей ихъ части нельзя не признать значительнаго сходства съ нею. Особенно поразительно это сходство въ орочонскомъ и манегирскомъ черепахъ, которые могутъ даже сами служить представителями этой типической формы. Дѣйствительно, эти племена, какъ уже было упомянуто выше, и въ другихъ отношеніяхъ непосредственно примыкаютъ къ сибирскимъ Тунгусамъ. Правда, Манегирцы въ теченіи времени немало смѣшались съ Даурами, Маньчжурами и Китайцами; но имѣющійся у насъ черепъ этого народа, очевидно, принадлежалъ лицу чистаго происхожденія. Черепъ бирарскій, по своему общему складу,—того же типа, хотя по молодости субъекта, которому онъ принадлежалъ, многія черты въ немъ менѣе рѣзко развиты. Нашъ гольдскій черепъ уже нѣсколько удаляется отъ типической тунгусской формы. Благодаря показаніямъ Вирхова относительно другихъ череповъ этого народа, мы впервые получаемъ нѣкоторое понятіе о колебаніяхъ, которымъ подвергается у него форма черепа. Изъ этихъ показаній, повидимому, можно уже теперь заключить, что преобладающая форма

черепа у Гольдовъ — платибрахицефальная, какъ у сибирскихъ Тунгусовъ. Что между ними и относительно остальныхъ краніологическихъ данныхъ замѣчается много сходства, а иногда даже полное совпаденіе, — на это уже было указано выше[1]). Предоставляемъ будущимъ изслѣдователямъ опредѣлить болѣе точнымъ образомъ, какими краніологическими особенностями отличаются Гольды (вѣроятно, совмѣстно съ Маньчжурами и Орочами) отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, сибирскихъ Тунгусовъ, какъ особая, южная вѣтвь этого обширнаго племени. Наконецъ, что касается до Ольчей, тунгусскаго племени, которое — особенно посредствомъ своей сахалинской вѣтви, Ороковъ, — проникло дальше всѣхъ прочихъ въ область палэазіятскихъ народовъ, то уже имѣющіеся у насъ два черепа ихъ, равно какъ и формы головы и типы лица, встрѣченные мною въ многочисленныхъ живыхъ представителяхъ его, служатъ доказательствомъ тому, что они, въ краніологическомъ отношеніи, частью совершенно подходятъ къ остальнымъ Тунгусамъ, а частью имѣютъ черты, болѣе или менѣе измѣнившіяся, палэазіятскія, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, но, быть можетъ, лишь въ обратномъ отношеніи, и между Палэазіятами и въ особенности между Гиляками, вслѣдствіе давнишнихъ сношеній и смѣшеній, рядомъ съ своеобразными формами черепа и лица, встрѣчаются также болѣе или менѣе тунгусскія, а иногда даже совершенно тунгусскія формы черепа и лица[2]).

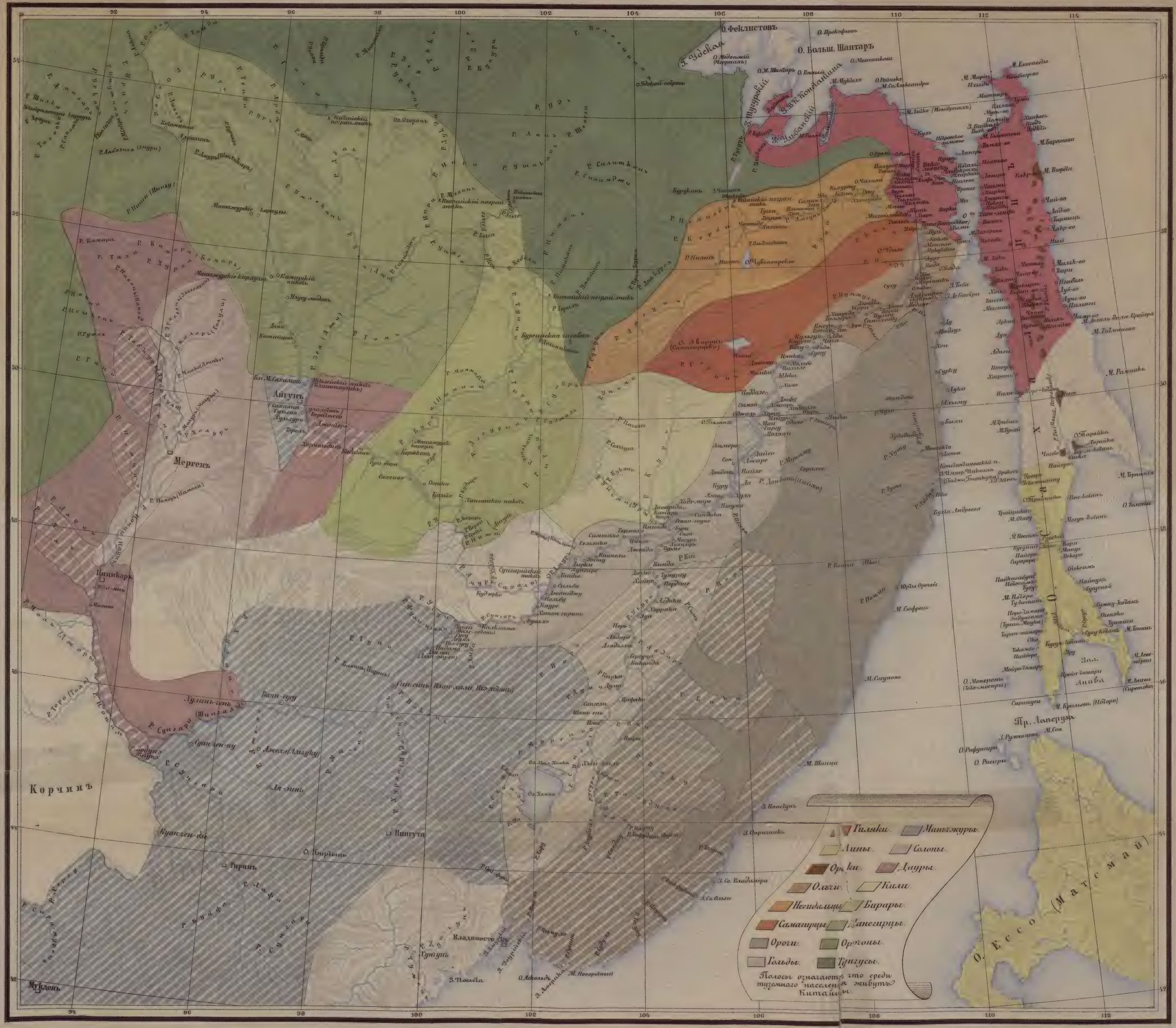
И такъ, изъ вышесказаннаго видно, что съ краніологической точки зрѣнія, по ограниченности и недостаточности матеріала, мы пока еще не въ состояніи различить между тунгусскими народами Амурскаго края нѣсколькихъ группъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано нами выше на основаніи ихъ физіономій и нарѣчій. Тѣмъ не менѣе, можно положительно сказать, что имѣющимися до сихъ поръ краніологическими данными не опровергается принадлежность всѣхъ этихъ народовъ къ тунгусскому племени, на которую указываютъ ихъ нарѣчія, а, напротивъ, подтверждается, и что эти данныя отчасти даже сами способствуютъ къ точнѣйшему опредѣленію типической тунгусской формы черепа. Эта форма отличается, конечно, отъ типическихъ формъ черепа Гиляковъ, Айновъ и другихъ пограничныхъ съ тунгусскими племенами палэазіятскихъ народовъ — формъ, подлежащихъ, впрочемъ, еще болѣе точному опредѣленію. Но, какъ велико ни было бы это различіе, все-таки, вслѣдствіе разнообразнаго смѣшенія этихъ племенъ, разности между ними въ теченіи времени до нѣкоторой степени сгладились образованіемъ среднихъ и переходныхъ формъ, а иногда та или другая типическая форма встрѣчается, въ болѣе или менѣе рѣзкомъ развитіи, одинаково у тѣхъ и у другихъ народовъ. Слѣдовательно, какъ по складу лица и остальнымъ физическимъ свойствамъ, такъ и по строенію черепа, нѣтъ возможности разграничить точнымъ образомъ разсмотрѣнные нами народы, и единственнымъ и окончательнымъ средствомъ для такого разграниченія представляется опять-таки языкъ, свойственный каждому изъ нихъ.

---

1) См. стр. 311.

2) Примѣрами тому могутъ служить какъ вышеразсмотрѣнный гиляцкій черепъ № III, такъ и голова Гиляка, изображенная въ фиг. 2, табл. II, и имѣющая чисто-тунгусскую форму.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА АМУРСКАГО КРАЯ



1.

4.

3.

Ндм. Орен.

2.

Гиляки, мужчины.

1,2 – Гиляцкія женщины; 3,4 – Гиляцкія дѣвушки; 5,6,7 – Гольды, мужчины.

2.

3.

1.

6.

5.

4.

Айны съ остр. Сахалина: 1,2,3. Мущины; 4,5. Женщины; 6. Мальчикъ.

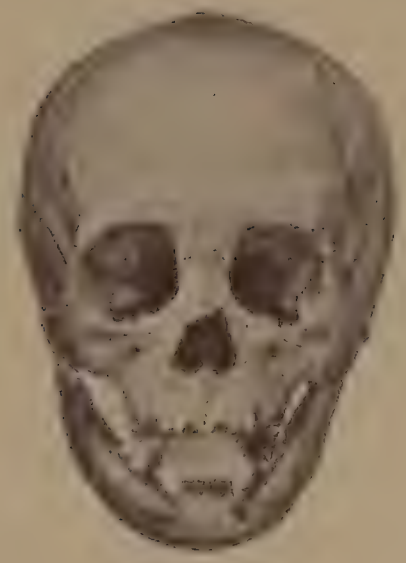
V.

1

2

3

4



5

6

7

8

9

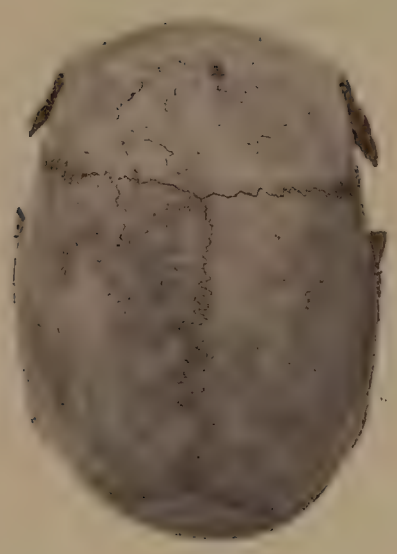
10

11

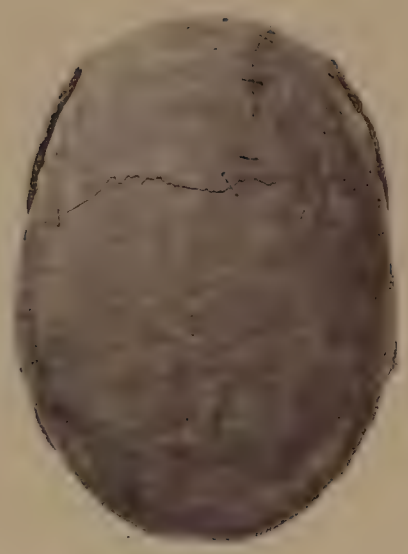
12

10 11 12

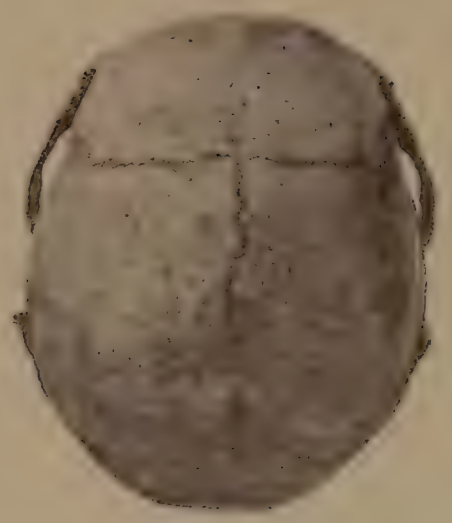
VII.



1

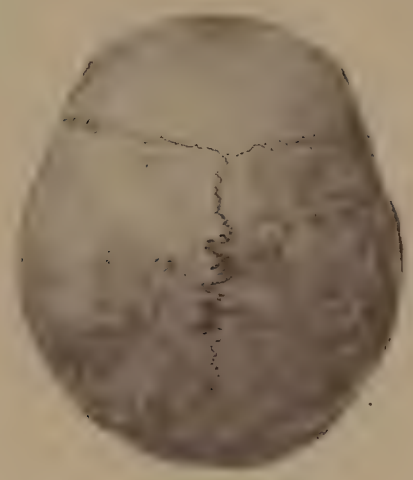


2



3

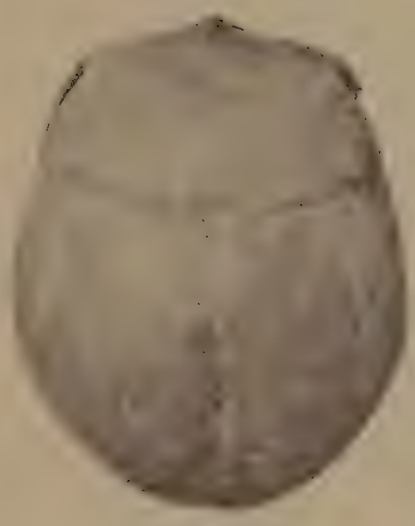
4



5

6

7



8

9

10

11

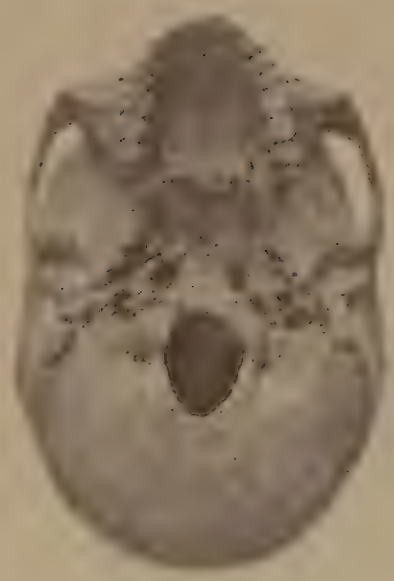
12

10

11

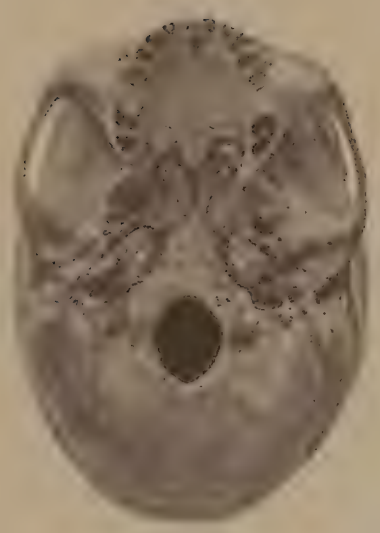
12

4

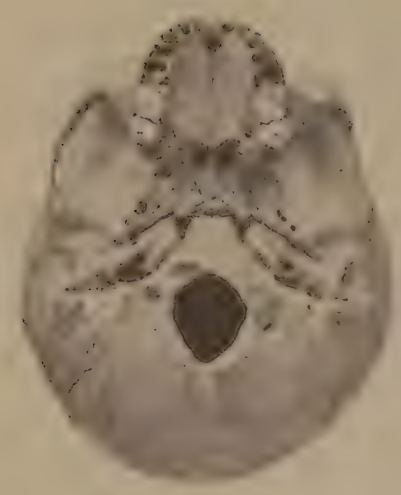


5

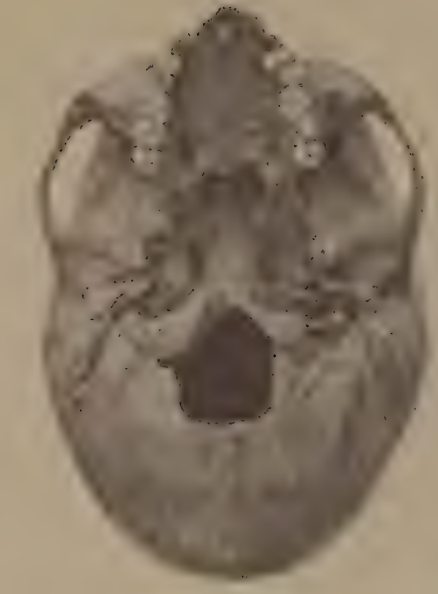
6



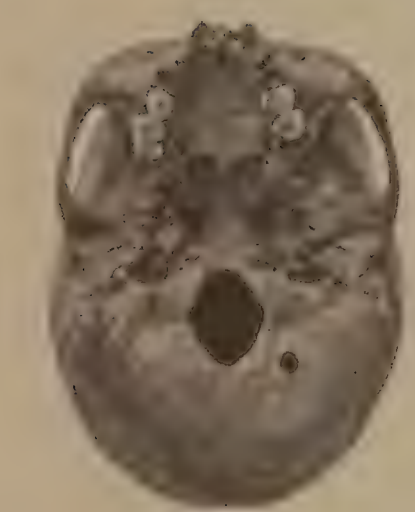
7



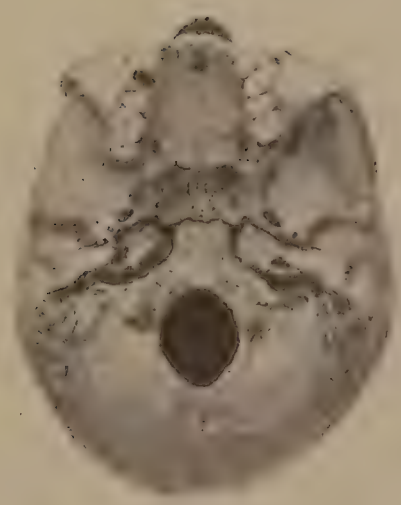
8



9



10



11

12

2007051188

хового или большого затылочнаго отверстій отъ корня носа, отъ передней носовой ости, отъ подбородка и пр., равно какъ и длинѣ разстоянія корня носа отъ только-что названныхъ точекъ и т. д. Извѣстно, напримѣръ, что и Вирховъ, и Велькеръ находили соотношеніе, хотя и въ совершенно различномъ, противоположномъ смыслѣ, между длиною основанія черепа, т. е. разстоянія корня носа отъ передняго края большого затылочнаго отверстія, и прогнатизмомъ или ортогнатизмомъ черепа[1]). Впрочемъ, въ настоящемъ сочиненіи, масштабомъ для бо̀льшаго или меньшаго прогнатизма черепа принятъ не носовой уголъ, предложенный Вирховымъ или Велькеромъ, а указанный Ерингомъ

1) Welcker, Unters. über Wachsthum und Bau des menschl. Schädels, p. 47; его же: Kraniol. Mittheil., l. c. p. 105.

Таблица I. **Абсолютныя цифры изм**

ИЗМѢРЕНІЯ.	Гиляки.				Ольчи.		Гольдъ.
	Мужчины.			Женщ.			
	I. Охотск. море.	II. Амуръ (Маго).	III. Амуръ (Алофъ).	IV. Амуръ (окрестн. Михайл.).	V. Заливъ де-Кастри.	VI. Амуръ (Хото).	VII. Уссури.
Наибольшая длина[1])	186	187	176	183	164	197	178
» ширина[2])	131	140	150	135	140	144	135
» высота	133	141	132	135	129	149	133
Часть діаметра длины, лежащая передъ точкою пересѣченія его съ діаметромъ ширины	102	114	112	103	94	115	102
Часть діаметра длины, лежащая передъ точкою пересѣченія его съ діаметромъ высоты	113	114	105	103	96	115	102
Нижняя ширина лба (между скуловыми отростками лобной кости)	109	99	112	103	95	106	96
Наименьшая ширина лба (между полукружными линіями)	99	89	100	94	90	93	89
Наибольшая ширина лба (на вѣнечномъ швѣ)	116	—	120	115	113	111	110
Ширина между теменными буграми	125	126	125	129	129	134	124
» » слуховыми отверстіями	110	109	117	105	104	114	108
Наибольшая ширина между скуловыми дугами	—[3])	134	152	131	—[4])	143	129
Наименьшее разстояніе между полукружными линіями теменныхъ костей	97	87	92	102	—[5])	91	98
Наименьшее разстояніе между полукружными линіями на затылкѣ	74	77	80	—[6])	—[6])	78	70

уголъ профиля, образуемый линіею, проведенною отъ корня носа къ срединѣ зубного отростка верхней челюсти, съ горизонтальною плоскостью[1]). Величина его на черепахъ Амурскихъ инородцевъ показана въ нижеслѣдующихъ таблицахъ. Въ заключеніе этихъ замѣчаній надо еще сказать, что, чѣмъ меньше я самъ могъ сдѣлать положительныхъ этнологическихъ выводовъ по небольшому числу имѣвшихся у меня череповъ Амурскихъ инородцевъ, тѣмъ менѣе считалъ себя въ правѣ сократить число измѣреній надъ ними, въ виду того, что, быть можетъ, тѣ или другія изъ этихъ измѣреній могутъ послужить другимъ краніологамъ точками опоры для какихъ-либо заключеній.

1) Ihering, Ueber das Wesen der Prognathie und ihr Verhältn. zur Schädelbasis, l. c. p. 369 ff.

реній (въ миллиметрахъ). Таблица I.

Бираръ.	Манегиръ.	Орочонъ.	Тунгусы.			ПРИМѢЧАНІЯ.
VIII. Амуръ (выше Бур. горъ).	IX. Амуръ (Котоманга).	X. Нерчинскъ.	XI. Вилюй (Аякитъ).	XII. Нижняя Тунгуска.	XIII. Вилюй (Джегдандали).	
173	190	182	182	177	180	1) При вышеозначенномъ горизонтальномъ положеніи черепа, наибольшая длина его на всѣхъ нашихъ экземплярахъ приходится между переносьемъ и затылочною костью, немного выше затылочнаго бугра.
144	153	153	141	150	148	
127	132	122	126	137	135	
103	117	111	107	97	89	2) Наибольшая ширина на черепѣ I приходится между теменными костями, немного выше височныхъ костей, въ вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія; на чер. II и III — между гребнями, простирающимися назадъ отъ скуловыхъ отростковъ, 20 и 15 мм. позади вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія; на чер. IV — между теменными костями, 5 мм. позади той же вертикальной плоскости; на чер. V — близъ чешуйчатаго шва, въ вертикальной плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія; на чер. VI — тамъ же, гдѣ и на чер. II и III, но на разстояніи 17 мм. позади той же вертикальной плоскости; на чер. VII — между теменными костями, 12 мм. позади той же вертикальной плоскости; на чер. VIII — близъ чешуйчатаго шва, 15 мм. позади той же вертикальной плоскости; на чер. IX — между гребнями, составляющими продолженіе скуловой дуги назадъ, на разстояніи 18 мм. позади вертикальной плоскости слуховыхъ отверстій; на чер. X — по краямъ чешуйчатаго шва, въ вертикальной плоскости, проходящей чрезъ сосцевидные отростки и въ 8 мм. позади вертикальной плоскости слуховыхъ отверстій; на чер. XI — близъ чешуйчатаго шва, 13 мм. позади вертикальной плоскости слуховыхъ отверстій; на чер. XII и XIII — непосредственно кверху отъ того же шва, въ означенной вертикальной плоскости.
99	112	108	107	102	97	
98	111	104	105	97	100	
93	96	93	96	84	90	
122	123	118	114	118	123	
124	145	135	128	131	132	
115	118	122	112	119	109	
—[4])	149	143	137	139[5])	133	
97	72	101	59	92	100	
93	83	101	68	70	—[7])	3) Неопредѣлена, вслѣдствіе того, что скуловыя дуги обѣихъ сторонъ не сохранились.
						4), 5), 6), 7). Примѣчанія 4—7 см. на оборотѣ табл.

ИЗМѢРЕНІЯ.	Гиляки.				Ольчи.		Гольдъ.
	Мужчины.			Женщ.			
	I. Охотск. море.	II. Амуръ (Маго).	III. Амуръ (Алофъ).	IV. Амуръ (окрестн. Михайл.).	V. Заливъ де-Кастри.	VI. Амуръ (Хото).	VII. Уссури.
Горизонтальная окружность въ плоскости наибольшей длины[8])	522	525	517	512	484	548	504
Часть ея, приходящаяся на лобную кость. .	168	161	167	162	142	164	145
» » » » височную и теменную кости правой стороны	126	125	122	126	121	140[9])	127
Часть, приходящаяся на височную и теменную кости лѣвой стороны.	128	127	119	127	122	140	130
Часть, приходящаяся на затылочную кость.	100	112	109	97	100	106	103
Продольно-вертикальная окружность, до большого затылочнаго отверстія	362	372	355	373	340	400[10])	363
a) Часть ея, приходящаяся на лобную кость .	131	127	125	128	118	130	120
b) » » » » теменныя кости	116	120	125	120	109	135	126
c) » » » » затылочную к..	115	125	107	125	113	135	116
Хорда дуги *a*	116	113	111	110	104	120	109
» » *b*	104	106	109	110	97	120	112
» » *c*	93	104	87	100	95	117	96
Разстояніе затылочнаго бугра отъ большого затылочнаго отверстія	48	45	48	50	58	61	51
Длина большого затылочнаго отверстія. . .	37	39	32	32	34	—[11])	36
Ширина » » » . . .	29	30	32	26	28	—	28
Разстояніе большого затылочнаго отверстія отъ корня носа (основаніе черепа)[12]) . .	111	106	102	100	95	109	95
Поперечная окружность между концами сосцевидныхъ отростковъ.	371[13])	375	370	372	360	385	375
Разстояніе другъ отъ друга концевъ сосцевидныхъ отростковъ.	104	104	114	101	95	108	103
Разстояніе слухового отверстія отъ корня носа[14]).	114	107	109	103	100	111	106
Разстояніе корня носа отъ передней носовой ости (основаніе лица)[15]).	53	56	53	47	46	56	58
Разстояніе большого затылочнаго отверстія отъ передней носовой ости	102	97	94	94	87	100	87
Ширина носовыхъ костей около корня носа.	6	6	10	6	10	8	10
Наименьшая ширина носовыхъ костей . . .	5	5	9	6	8	7	6
Ширина носовыхъ костей на ихъ нижн. концѣ	—[16])	15	17	14	16	20	—[16])
Наибольшая ширина носового (грушевиднаго) отверстія	26	28	30	30	23	29	28

Бираръ.	Манегиръ.	Орочонъ.	Тунгусы.			ПРИМѢЧАНІЯ.
VIII. Амуръ (выше Бур. горъ).	IX. Амуръ (Котоманга).	X. Нерчинскъ.	XI. Вилюй (Аякитъ).	XII. Нижняя Тунгуска.	XIII. Вилюй (Джегдандали).	
511	545	540	527	515	520	4) Неопредѣлена, вслѣдствіе того, что скуловая дуга одной стороны не сохранилась.
143	159	158	158	155	162	5) Такъ какъ на одной сторонѣ скуловая дуга повреждена, то эта цифра опредѣлена лишь приблизительно.
128	130	130	133	122	122	6) Полукружныя линіи обозначаются очень неявственно.
130	134	135	133	122	136	7) На затылкѣ полукружныя линіи становятся слишкомъ незамѣтными.
109	122	125	103	117	100	8) Горизонтальная окружность всегда опредѣлялась посредствомъ измѣреній, а не посредствомъ сложенія ея отдѣльныхъ частей; вслѣдствіе этого, она иногда на нѣсколько миллиметровъ расходится съ числомъ, получаемымъ послѣднимъ путемъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить и относительно продольно-вертикальной окружности.
342	365	360	361	352	362	
120	130	130	125	122	125	
119	128	107	113	109	114	9) Вслѣдствіе того, что на этомъ черепѣ ламвдовидный шовъ совершенно сгладился, эта цифра и обѣ слѣдующія за нею опредѣлены лишь приблизительно.
102	107	125	123	121	123	
108	116	113	109	109	111	
106	115	102	103	99	105	10) Вслѣдствіе того, что на этомъ черепѣ задній край большого затылочнаго отверстія поломанъ, а швы вѣнечный, въ верхней своей части, и ламвдовидный сгладились, эта цифра и семь слѣдующихъ за нею опредѣлены лишь приблизительно.
85	90	93	93	101	101	
40	49	54	61	67	65	11) По причинѣ обломанныхъ сзади и по сторонамъ краевъ большого затылочнаго отверстія, нельзя опредѣлить его размѣровъ.
37	40	35	38	38	37	
30	34	29	29	31	31	
100	106	94	97	101	97	12) Измѣреніе сдѣлано отъ передняго края большого затылочнаго отверстія, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, гдѣ исходная точка та же.
365[13])	384	374	360	368	366	13) На одной сторонѣ нѣтъ сосцевиднаго отростка, а потому какъ это измѣреніе, такъ и слѣдующее за нимъ, сдѣланы лишь приблизительно, въ томъ предположеніи, что недостающій отростокъ былъ равенъ имѣющемуся на лицо.
109	114	116	111	106	110	
104	113	107	106	110	103	14) Измѣреніе сдѣлано отъ передняго края слухового отверстія.
57	59	54	55	55	49	15) Какъ это, такъ и слѣдующее за нимъ измѣренія, сдѣланы до основанія носовой ости.
91	99	92	96	89	90	16) Нижній конецъ носовыхъ костей поврежденъ.
11	10	8	10	13	8	
7	9	5	7	8	6	
19	19	21	19	—[16])	—[16])	
25	29	29	28	26	26	

ИЗМѢРЕНІЯ.	Гиляки. Мужчины. I. Охотск. море.	II. Амуръ (Маго).	III. Амуръ (Алофъ).	Женщ. IV. Амуръ (окрестн. Михайл.).	Ольчи. V. Заливъ де-Кастри.	VI. Амуръ (Хото).	Гольдъ. VII. Уссури.
Высота носового отверстія	—[17])	31	—[17])	27	23	35	—[17])
Наибольшая ширина глазницъ	44	40	43	38	36	40	38
» высота глазницъ	36	34	34	33	34	40	37
Ширина глазничнаго промежутка[18])	20	19	25	21	20	25	22
Наибольшая ширина щекъ между скуловыми костями[19])	—[20])	123	135	115	104	121	117
Наибольшая ширина верхн. челюсти между краями зубныхъ отростковъ	68	68	70	61	60	69	62
Наибольшая ширина твердаго нёба	35	38	39	37	30	37	36
Длина твердаго нёба въ продольно-вертикальной плоскости[21])	51	59	49	55	46	53	51
Уголъ профиля	90°	87°	90°	84°	84°	86°	91°
Разстояніе корня носа отъ конца подбородка (длина лица)	—[22])	123	119	—[22])	104	124	—[23])
Разстояніе большого затылочнаго отверстія отъ конца подбородка	—	119	108	—	92	118	—
Окружность нижней челюсти отъ одного угла до другого[23])	—	197	215	—	—[24])	218	—
Разстояніе между углами нижней челюсти	—	109	116	—	—	105	—
Высота нижней челюсти по срединѣ	—	34	33	—	26	36	—
Наибольшая толщина нижней челюсти, тамъ же[25])	—	15	16	—	13	16	—
Высота нижней челюсти у вѣнечнаго отростка	—	56	58	—	—	62	—
Высота нижней челюсти у суставнаго отростка[26])	—	52	52	—	—	60	—
Длина ея восходящей вѣтви, начин. съ угла	—	59,5[27])	57	—	—	65	—
Уголъ нижней челюсти	—	121°	118°	—	—	120°	—

Таблица II.

Относительныя величины

Отношеніе ширины черепа къ длинѣ, или головной показатель (Cephalindex)	70,4	74,9	85,2	73,8	85,4	73,1	75,8
Отношеніе высоты черепа къ ширинѣ	101,5	100,7	88,0	100,0	92,1	103,5	98,5
» » » » длинѣ	71,5	75,4	75,0	73,8	78,7	75,6	74,7

Бираръ.	Манегиръ.	Орочонъ.	Тунгусы.			ПРИМѢЧАНІЯ.
VIII. Амуръ (выше Бур. горъ).	IX. Амуръ (Котоманга).	X. Нерчинскъ.	XI. Вилюй (Аякитъ).	XII. Нижняя Тунгуска.	XIII. Вилюй (Джегдандали).	
29	30	30	30	—[17])	—[17])	17) Неопредѣлена, вслѣдствіе поврежденій на нижнемъ концѣ носовыхъ костей.
38	40	40	39	37	40	
35	33	37	37	32	37	18) Измѣреніе сдѣлано около верхнихъ концовъ слезныхъ костей.
23	26	21	24	20	20	
—[20])	131	122	122	129	115	19) Приходится между ланитными поверхностями скуловыхъ костей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ нихъ исходятъ височные отростки, и, слѣдовательно, передъ началомъ скуловыхъ дугъ.
65	—	66	62	70	61	20) Неопредѣлена, вслѣдствіе того, что съ одной стороны скуловая кость поломана.
36	38	40	39	39	33	21) Отъ задняго края до луночекъ рѣзцовъ
49	51	52	53	52	49	22) Нижняя челюсть не сохранилась.
94°	94°	93°	85°	91°	—	23) Измѣреніе сдѣлано вдоль нижняго края.
119	—[22])	—[22])	120	—[22])	—[22])	24) Такъ какъ нижняя челюсть сильно повреждена и отчасти вывѣтрилась, то она могла послужить только для немногихъ измѣреній.
100	—	—	113	—	—	25) Между остью задней поверхности (spina mentalis interna) и бугромъ передней поверхности (protuberantia mentalis externa).
190	—	—	203	—	—	26) Проектированная на горизонтальную плоскость.
100	—	—	97	—	—	27) Средняя изъ двухъ величинъ обѣихъ сторонъ, такъ какъ длина восходящей вѣтви нижней челюсти на лѣвой сторонѣ = 58, а на правой, вслѣдствіе положенія угла болѣе кпереди, — 61 мм.
30	—	—	31	—	—	
15	—	—	13	—	—	
55	—	—	62	—	—	
50	—	—	52	—	—	
52	—	—	57	—	—	
124°	—	—	119°	—	—	

лли показатели (indices). Таблица II.

83,2	80,5	84,1	77,5	84,7	82,2
88,2	86,3	79,7	89,4	91,3	91,2
73,4	69,5	67,0	69,2	77,4	75,0

ИЗМѢРЕНІЯ.	Гиляки. Мужчины. I. Охотск. море.	II. Амуръ (Маго).	III. Амуръ (Алофъ).	Женщ. IV. Амуръ (окрестн. Михайл.).	Ольчи. V. Заливъ де-Кастри.	VI. Амуръ (Хото).	Гольдъ. VII. Уссури.
Показатель положенія діаметра ширины [1])	54,8	61,0	63,6	56,3	57,3	58,4	57,3
Показатель положенія діаметра высоты.	60,8	61,0	59,7	56,3	58,5	58,4	57,3
» ширины нижней части лба	58,6	52,9	63,6	56,3	57,9	53,8	53,9
» наименьшей ширины лба	53,2	47,6	56,8	51,4	54,9	47,2	50,0
» наибольшей ширины лба	62,4	—	68,2	62,8	68,9	56,3	61,8
» ширины между теменными костями [2])	67,2	67,4	71,0	70,5	78,7	68,0	69,7
Показатель ширины между слуховыми отверстіями	59,1	58,3	66,5	57,4	63,4	57,9	60,7
Показатель ширины между скуловыми дугами	—	71,7	86,4	71,6	—	72,6	72,5
Показатель ширины лица между щеками	—	65,8	76,7	62,8	63,4	61,4	65,7
» » верхней челюсти [3])	36,6	36,4	39,8	33,3	36,6	35,0	34,8
Отношеніе ширины большого затылочнаго отверстія къ его длинѣ	78,4	76,9	100,0	81,3	82,4	—	77,8
Носовой показатель (по Брока) [4])	49,1	50,0	56,6	63,8	50,0	51,8	48,3
Глазничный показатель [5])	81,8	85,0	79,1	86,8	94,4	100,0	97,4

Чтобы дать возможно полное и наглядное понятіе объ измѣренныхъ нами черепахъ Амурскихъ инородцевъ относительно ихъ общей формы и различныхъ особенностей, не поддающихся измѣренію, съ нихъ сняты были, разумѣется, съ соблюденіемъ вышеуказаннаго горизонтальнаго положенія, фотографіи [1]), и притомъ съ пяти сторонъ (табл. V—IX): спереди (norma facialis), въ профиль (n. lateralis), сверху (n. verticalis), сзади (n. occipitalis) и снизу (n. basilaris). При помощи этихъ изображеній и вышесообщенныхъ измѣреній, разсмотримъ теперь черепа Гиляковъ порознь и подробнѣе.

Черепъ гиляцкаго утопленника, прибрежнаго жителя Охотскаго моря (№ I, на таблицахъ измѣреній; фиг. 1, на V—IX-ой табл. изображеній), судя по состоянію швовъ, принадлежалъ молодому человѣку, отъ 24—30 лѣтъ [2]). Клиновидная и основная кости вполнѣ срослись, всѣ же остальные швы еще ясно видны и отчасти не сходятся плотно; въ числѣ зубовъ имѣются и самые задніе коренные (tardivi); всѣ зубы сильно пообтерлись, что

---

1) Какъ уже было замѣчено, я обязанъ ими фотографу Класену, извѣстному своими превосходными работами для Имп. Академіи Наукъ.

2) См. таблицу для опредѣленія возраста череповъ взрослыхъ у Велькера (Kraniol. Mittheil. — Archiv für Anthropol. Bd. I, p. 119).

Бираръ.	Манегиръ.	Орочонъ.	Тунгусы.			ПРИМѢЧАНІЯ.
VIII. Амуръ (выше Бур. горъ).	IX. Амуръ (Котоманга).	X. Нерчинскъ.	XI. Вилюй (Аякитъ).	XII. Нижняя Тунгуска.	XIII. Вилюй (Джегдандали).	
59,5	61,6	61,0	58,8	54,8	49,4	1) Продольный діаметръ черепа полагается = 100, какъ при первомъ и при всѣхъ послѣдующихъ измѣреніяхъ, кромѣ трехъ послѣднихъ.
57,2	58,9	59,3	58,8	57,6	53,9	
56,6	58,4	57,1	57,7	54,8	55,6	2) Въ виду имѣется ширина между теменными буграми; см. табл. I.
53,8	50,5	51,1	52,7	47,5	50,0	
70,5	64,7	64,8	62,6	66,7	68,3	3) Въ виду имѣется ширина верхней челюсти между зубными отростками.
71,7	76,3	74,2	70,3	74,0	73,3	4) Т. е. отношеніе ширины носового отверстія (apertura pyriformis) къ длинѣ носа, именно къ разстоянію корня носа отъ основанія передней носовой ости, если положить это разстояніе = 100. См. Broca, Rech. sur l'indice nasal (Revue d'Anthropol. publ. sous la direct. de M. P. Broca, T. I, Paris 1872, p. 1 et suiv.).
66,5	62,1	67,0	61,5	67,2	60,6	
—	78,4	78,6	75,3	78,5	73,9	5) Т. е. отношеніе наибольшей высоты глазницы къ ея наибольшей ширинѣ.
—	68,9	67,0	67,0	72,9	63,9	
37,6	—	36,3	34,1	39,5	33,9	
81,1	85,0	82,9	76,3	81,6	83,8	
43,9	49,2	53,7	50,9	47,3	53,1	
92,1	82,5	92,5	94,9	86,5	92,5	

у Гиляковъ обыкновенно бываетъ очень рано, вслѣдствіе постояннаго употребленія ими твердой и сухой вяленой рыбы. По своей формѣ, этотъ черепъ сравнительно большой длины и высоты: если придерживаться классификаціи череповъ, предложенной Ерингомъ и принимающей одновременно въ соображеніе отношенія ширины къ длинѣ и высоты къ ширинѣ, то надо отнести этотъ черепъ къ гипсидолихоцефальнымъ[1]). Понятно, что тѣ же, или подобныя имъ названія, встрѣчающіяся у другихъ краніологовъ, нельзя безъ оговорки примѣнять къ нашимъ черепамъ, такъ какъ въ основаніе этихъ названій положены показатели, вы-

1) Предложенная Ерингомъ (Zur Reform der Craniometrie. — Zeitschrift für Ethnol. Bd. V, p. 162) классификація — слѣдующая:

	Отнош. ширины къ длинѣ меньше 72.	Отнош. ширины къ длинѣ отъ 72 до 79,9.	Отнош. ширины къ длинѣ 80,0 и больше.
Отношеніе высоты къ ширинѣ меньше 100	Платидолихоцефалы.	Платимезоцефалы.	Платибрахицефалы.
Отношеніе высоты къ ширинѣ 100 и свыше ста	Гипсидолихоцефалы.	Гипсимезоцефалы.	Гипсибрахицефалы.